

Леонид Михайлович Млечин
В поисках утраченного величия. Иран, ядерное оружие и
Ближний Восток

*«Млечин. Л. М. В поисках утраченного величия. Иран, ядерное оружие и Ближний Восток»:
БХВ-Петербург; Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-9775-0935-0*

Аннотация

Книга, посвященная древней, но до сих пор загадочной для мира стране – Исламской Республике Иран, помогает разобраться в хитросплетениях восточной политики, ее религиозных основах и тактике принятия непонятных для европейца решений. Грозит ли миру иранская ядерная бомба, как события последних лет на Ближнем и Среднем Востоке могут повлиять на мировую историю – ответы на эти острые вопросы пытается донести до читателей автор.

Леонид Млечин В поисках утраченного величия. Иран, ядерное оружие и Ближний Восток

© Млечин Л. М., 2014

© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2014

* * *

Шииты и сунниты

«Nis sunt dracones» (в переводе с латинского – «Здесь драконы») – так средневековые картографы обозначали неисследованные и неизвестные районы. Поразительным образом Исламская Республика Иран – государство с долгой историей – остается непонятой миром. И подчеркнуто одинокой. Ни надежных союзников, ни постоянных партнеров. Во внешней политике – никаких уступок и компромиссов. Ни к кому не прислушивается. Ни с кем не считается. Ведет свою игру. С легкостью идет на громкие скандалы. Демонстративно ссорится с теми, кто имеет вес в мировых делах.

За пределами исламского сообщества эта страна кажется мрачной и опасной. В христианском мире непривычно не улыбкающие лица священнослужителей, в чьих руках власть, их громкие обещания покарать и наказать неверных вызывают тревогу и опасения.

Сразу после Исламской революции в Иране аятолла Рухолла Хомейни и его сторонники напугали всех своим тотальным неприятием окружающего мира, где все делятся на своих и чужих. Причем у чужих выбор небольшой: либо они становятся своими, либо подлежат уничтожению.

Министр иностранных дел Ирана первым приехал в Пакистан после испытания там ядерного оружия, которое восхищенно назвал «исламской бомбой». Он торжественно сказал: отныне мусульманский мир будет чувствовать себя спокойнее и увереннее. Ныне пакистанской бомбы, видимо, недостаточно. Иранцы считают, что их историческое и культурное величие не позволяет им отставать от других стран, которые уже имеют ядерное оружие.

В принципе, никто и не сомневается в том, что Иран желает обзавестись ядерным оружием. Рано или поздно, вне зависимости от того, кто будет управлять Ираном, страна получит бомбу. Что тогда? И вообще, чего добиваются в Тегеране?

Показная гордость и нарочитая неуступчивость – оборотная сторона жизни людей, привыкших ощущать себя изгоями, гонимой и униженной сектой. Персы, то есть иранцы,

рождались на свет с сознанием того, что они – жертвы несправедливости, потому что они шииты, а вокруг – презирующие их сунниты.

Сунниты – ортодоксальные мусульмане. Помимо Корана они почитают Сунну – сборники преданий о словах и делах пророка Мохаммада. Шиитов называют сектой, раскольниками. Скажем, саудовские ваххабиты в принципе не считают шиитов мусульманами и разрушили святыне для шиитов места в Мекке и Медине. Взаимная ненависть привела к тому, что в 1987 году саудовская полиция расстреляла двести семьдесят пять иранских паломников во время ежегодного хаджа в Мекке. «Мухи и персы – вот единственные существа, которых Аллах не создавал», – брезгливо говорили суннитские вожди Ирака во время долгой войны с Ираном.

Сами шииты, напротив, убеждены, что лишь они – истинные мусульмане. Суннитской концепции шииты противопоставили религию пророческую, тайную, скрытую. Имам становится вождем религиозной общины и передает ей тайну божественного откровения. Община объединяется вокруг охраняемой ими тайны. Шиизм – это не только религиозное понятие. Это целая культура, особенно когда речь идет о Персии с ее древней историей, ее проповедниками, поэтами, философами, которые говорят о сокровенном.

Расхождение между мусульманами началось из-за вопроса о власти: кто может стать халифом, то есть преемником пророка. По мнению суннитов, главой верующих и одновременно главой государства вправе быть любой достойный, благочестивый и ученый мусульманин, поддержанный религиозной общиной. Шииты же настаивают на том, что халиф должен быть прямым потомком пророка.

По преданиям, у пророка Мохаммада не было сына, который бы ему наследовал. Его единственная дочь Фатима вышла замуж за двоюродного брата отца – Али ибн Аби Талиба, который таким образом стал еще и зятем пророка. Шииты исходят из того, что после смерти пророка именно Али по праву должен был стать халифом, главой всех мусульман. Сторонников такой точки зрения стали именовать «шиат Али» – сторонниками Али.

Пророк скончался в понедельник 8 июня 632 года в возрасте шестидесяти двух лет, ничего не сказав относительно преемника. Халифом выбрали купца Абу Бакра. Его последовательно сменили Омар ибн аль-Хаттаб и Осман ибн аль-Аффан. В июне 656 года недовольные правлением Османа мусульмане ворвались в дом халифа и убили его.

И только тогда настала очередь Али. Однако далеко не все признали его халифом. Заговорщики набросились на него в мечети. Он был смертельно ранен ударом меча по голове и на следующий день скончался. Халифом стал его старший сын – аль-Хасан, но он столкнулся с такой мощной оппозицией, что отрекся от халифата. Шииты обратились к другому сыну Али – аль-Хусейну ибн Али. Противники заманили его в ловушку и жестоко убили.

Шииты убеждены, что с тех пор во главе мусульман становятся люди, которые не имеют на это права. Шииты верят во второе пришествие последнего, двенадцатого имама Мохаммада ибн аль-Хасана, который шестилетним мальчиком в 874 году бесследно исчез в пещере возле столицы халифата города Самарры. Вероятнее всего он был убит теми, кто хотел избавиться от потенциального соперника. Но шииты верят, что он обязательно вернется и избавит мир от зла.

В исламском мире шииты – меньшинство, они составляют примерно десять процентов общего числа мусульман. Шииты веками подвергались преследованиям, их зверски уничтожали, поэтому для них характерен культ мучеников. Только в одной стране шииты у власти – это Иран.

В Древнем мире Персия была великой державой. Она разгромила армии Вавилона, Ассирии, Египта, Афин, Рима. Персы создали первую в мире империю, протянувшуюся от нынешней Ливии на западе до Эфиопии на юге, от Болгарии на севере до Индии на востоке. А потом все потеряли!

Иранцы не упускают случая напомнить: они не арабы, их цивилизация зародилась задолго до появления ислама. «Иран – одна из древнейших земель арийской расы, – с гордостью отмечал шах Пехлеви. – В расовом отношении мы очень далеки от арабов, которые принадлежат к семитской расе».

Арабы вторглись в Персию и принесли с собой ислам. Персы гордятся тем, что они противостояли арабизации страны. Приняли ислам, но сохранили свою культуру. Иран – исламское государство, но не арабское. Поразительным образом шиизм в Иране возник как форма протеста против трехвековой арабской оккупации, против суннизма арабов-захватчиков.

Сегодня конфликт между суннитами и шиитами – это уже не религиозное внутримусульманское противостояние. Это еще и геополитическое противостояние Ирана и арабского мира, это война за власть и влияние на Ближнем и Среднем Востоке.

Шиитский Иран претендует на ведущую роль в исламском мире. Арабские государства, особенно соседние – с небольшим населением и маленькой армией, – смертельно боятся Ирана. Арабские националисты и арабы-сунниты давно пытаются сплотиться в противостоянии персам.

При шахе, с 1960-х годов, Иран испытывал беспрецедентный экономический подъем. После войны на Ближнем Востоке в октябре 1973 года резко выросли доходы от продажи нефти. Иран обогнал соседей по экономическому развитию и военной мощи. В середине 1970-х это было самоуверенное, может быть, даже излишне самоуверенное государство. Шах жаждал политической роли, соответствующей его мощи. Но чтобы стать региональным лидером, Иран нуждался в признании и поддержке арабского мира. Арабы же не могли преодолеть своей подозрительности и презрения к персам-шиитам.

На лидерство в регионе претендовал и соседний Ирак, где у власти стояли сунниты. Спор о лидерстве решался на поле боя. Самый большой подарок современному Ирану преподнесли Соединенные Штаты, избавив иранцев от Саддама Хусейна. Для арабского мира разгром и бегство иракской армии стали еще одним тяжким ударом по национальной гордости. Зато поражению Ирака и свержению Саддама откровенно радовались в Тегеране. Напрасно Саддам апеллировал к антиамериканской солидарности. Министерство иностранных дел Ирана заявило: «Если бывшие иракские руководители попытаются бежать к нам, в Иран, мы их арестуем и будем судить – за все преступления против иранского народа».

Вообще говоря, стремительная военная операция «Шок и трепет» вызвала в Иране смешанные чувства. С одной стороны, американцы молниеносно уничтожили ненавистного врага – Саддама Хусейна. С другой стороны, американские войска оказались на флангах Ирана – и в Афганистане, и в Ираке. Это породило паранойю среди иранских руководителей: а ну как американцы решат избавиться от страха перед иранской атомной бомбой и нанесут удар первыми?

Но гражданская война, которая потом развернулась между иракскими суннитами и шиитами, успокоила иранцев: американцы надолго завязли в Ираке. Высший руководитель Ирана Али Хаменеи торжествующе сказал, что Соединенные Штаты в Ираке похожи на волка, попавшего в капкан: он может или истечь кровью, или отгрызть себе лапу и убежать.

Свержение режима Саддама Хусейна освободило иракских шиитов. Шииты составляют две трети населения страны, сунниты – треть. По новой конституции Ирака шииты, составляющие большинство страны, становятся более влиятельными. Это неприемлемо для бывших соратников Саддама Хусейна, для правящего класса Ирака, состоящего из суннитов. Вот почему они ведут подпольную войну в Ираке против христиан-американцев и мусульман-шиитов.

Суннитские вожди террористической организации Аль-Каида считают шиитов «главным

демоном» и методично уничтожают видных шиитских священнослужителей. Сменивший Осаму бен Ладена на посту террориста номер один иорданец Абу Мусаб аз-Заркауи назвал шиитов «затаившейся змеей со смертоносным ядом, зловредным скорпионом, который выставляет себя другом, чтобы занять более удобную позицию и нанести удар в спину».

Веками шииты в исламском мире воспринимали себя как гонимое и второсортное меньшинство. Теперь во всем исламском мире происходит подъем шиитского самосознания. Арабские страны этому не рады. Когда-то Саддам Хусейн оправдывал свою войну против Ирана тем, что противостоит персидско-шиитскому влиянию. И получил полную политическую и финансовую поддержку арабского мира. «Все арабские страны помогали Ираку избежать оккупации Ираном, – обреченно говорят руководители Саудовской Аравии. – А теперь мы отдали весь Ирак Ирану...»

Десятилетиями Ирак и Иран уравнивали друг друга. Другие государства в регионе чувствовали себя в безопасности. Теперь некому противостоять Ирану. Вот почему суннитские лидеры втайне рады тому, что Ирану противостоит Вашингтон.

В 2004 году иорданский король Абдалла предупредил о появлении «шиитского полумесяца» от Бейрута до Персидского залива. Обеспокоен был и тогдашний президент Египта Хосни Мубарак, который сказал: «Шииты больше лояльны Ирану, чем собственным странам». Иначе говоря, арабы считают шиитов пятой колонной Ирана.

Высший руководитель Ирана аятолла Али Хаменеи назвал Хосни Мубарака бесчестным и невежественным президентом. Мубарак ответил, что не опустится до площадной брани и не станет отвечать Хаменеи в выражениях, присущих языку лавочников, а не духовному лидеру крупной мусульманской страны. Зато египетские журналисты дали себе волю, называя тегеранских правителей «шайкой воров» и «бандой гангстеров».

В Иране Хосни Мубарака всегда ненавидели.

26 июня 1995 года неподалеку от Аддис-Абебы, столицы Эфиопии, голубой микроавтобус неожиданно перегородил дорогу кавалькаде лимузинов, едущей из аэропорта. Из микроавтобуса выскочили пять человек с автоматами АК-47 и гранатометами. Они открыли огонь по одному из бронированных «мерседесов». Стреляли также с крыш двух зданий неподалеку от дороги.

Убить пытались президента Египта Хосни Мубарака, прибывшего на конференцию Организации африканского единства. Он поразился тому, что микроавтобусу с террористами позволили приблизиться к его конвою и никто их не остановил. Только через несколько секунд охрана Мубарака открыла ответный огонь, двое из нападавших были убиты. Машины президента смогли обогнуть стрелявших и доставили его назад в аэропорт, откуда он улетел в Каир. Он остался жив, потому что террористы не знали, в каком из лимузинов он находится, и не успели воспользоваться ручными гранатометами. Тем не менее двенадцать пуль попали в машину Мубарака и одна из них пробила считавшийся пуленепробиваемым борт.

Мубарак обвинил в организации теракта Иран и попросил ЦРУ провести расследование. Пришли к выводу, что ликвидировать президента взялись бежавшие из Египта террористы – на иранские деньги и с помощью Судана.

В 1980-е годы Судан стал вторым после Ирана исламским государством. Это одна из беднейших африканских стран. В 1983 году разразилась гражданская война между исламским севером и христианским югом. После переворота 1989 года власть взяли военные. Главой режима стал генерал-лейтенант Омар аль-Башир – премьер-министр, а с 1993 года – президент. Но он возглавлял страну номинально.

Духовным отцом нации и реальным владыкой был исламский богослов и политик Хасан аль-Тураби. Он закончил юридический факультет Хартумского университета, учился в Лондоне

и в Париже, в Сорбонне. Руководил Исламским национальным фронтом (местный вариант «Братьев-мусульман»). Когда в Иране умер аятолла Хомейни, Тураби поднял знамя радикального политического ислама. Он вознамерился создать первое исламское государство суннитов, а не еретиков-шиитов, как в Иране.

Под его руководством Судан взял на себя миссию распространения Исламской революции. В Судане сформировалась Международная арабская исламская конференция, в которую вошли террористические группировки разных стран. Они получили в Судане убежище и возможность готовиться к боевым действиям.

Судан выдавал визы всем, кто хотел приехать. Тем, кто в этом нуждался, выдавали дипломатические паспорта на чужие фамилии. Если надо, в аэропорту не ставились штампы о въезде и выезде. То есть поездки в Хартум оставались без следов. Нечего и удивляться, что Судан стал центром терроризма. Сюда приезжали боевики из «Исламского джихада», Хезболлы, ХАМАС.

Тураби приглашал радикалов со всего мира. Еще мало известный тогда Осам бен Ладен приехал с деньгами, хотя и не очень большими. Но в обанкротившейся стране приветствовали человека с любой суммой. Тураби был умен и ловок. Он умудрялся получать деньги одновременно от Ирана и Ирака.

Тегеран предложил Судану нефть и деньги. В Хартуме нашли пристанище сотни стражей Исламской революции. Там обосновались различные террористические группы. Потянулись добровольцы из Эфиопии, Эритреи, Кении, Уганды, Сомали. Иранцы всех обучали и снабжали оружием.

Израильтяне первыми обратили внимание на то, что иранские шииты могут сотрудничать с суннитами против общего врага. Египтяне в это не верили. Но в Судане нашел приют участник убийства Анвара Садата – аль-Завахири, руководитель египетского «Исламского джихада». В апреле 1991 года он ездил в Иран, просил помощи у иранцев для свержения египетского правительства. В августе 1993 года организовал атаку камикадзе на министра внутренних дел Египта Хасана аль-Алафи. Два человека на мотоцикле взорвали себя рядом с машиной министра, оба погибли. Министр отделался легкими повреждениями. С территории Судана исламисты охотились на египетских чиновников.

Египет пригрозил руководителям Судана Омару аль-Баширу и Хасану аль-Тураби, что если они не избавятся от аль-Завахири и других врагов Египта, ответ будет жестоким. Суданцы понимали, чем рискуют, и выслали аль-Завахири.

Тураби вообще был готов сотрудничать – в 1994 году он отдал французам печально известного террориста Карлоса Шакала (настоящее имя Ильич Рамирес Санчес). Предлагал выдать и Осаму бен Ладена в обмен на улучшение отношений с Соединенными Штатами. Но в тот момент США еще не имели достаточных доказательств для того, чтобы посадить Осаму на скамью подсудимых. Тогда Тураби выставил Осаму в Афганистан, забрав его деньги. Осаму обвели вокруг пальца. Тураби воспринимал его как узкомыслящего салафита (в данном случае, традиционалиста), а себя считал подлинным богословом, способным к самостоятельным суждениям...

Может ли Иран возглавить всемирное движение шиитов? Многие задаются этим вопросом. Но само по себе такое движение едва ли возможно.

Общая история, общий язык и единая территория важнее религии. Иракские, ливанские, сирийские шииты – прежде всего арабы, а затем уже шииты. А вот иранские шииты – прежде всего персы. Иракские шииты охотно воевали против Ирана. Национальные чувства важнее религии. Так что всемирная шиитская коалиция едва ли появится.

Иран, конечно же, много выиграл от падения режима Саддама Хусейна. Но в Тегеране не

хотят, чтобы Иран рассматривали только как шиитское государство. Иран добивается лидерства на Ближнем Востоке. Но на это не может рассчитывать шиитская страна, со всех сторон окруженная суннитами.

Вот почему в Тегеране неустанно призывают к борьбе с Израилем!

Ведь и сам арабский мир остается разобщенным. Только общая ненависть к Израилю заставляет арабские страны изображать нечто вроде единства, но и то весьма зыбкое. Для Ирана обещать уничтожить еврейское государство – это единственный способ заставить арабов забыть о вражде к персам, а весь исламский мир – перестать думать о том, что иранцы – шииты. Это единственный путь к мировому величию, о котором мечтают в Иране. Впрочем, для величия необходимо еще кое-что – ядерное оружие.

Иранские руководители и священнослужители словно помешались на Израиле.

В конце июня 2012 года в Тегеране прошла международная конференция по борьбе с наркотиками. Первый вице-президент Ирана Мохаммад Реза Рахими сказал, что именно сионисты продают наркотики: «Исламская Республика Иран заплатит любому, кто найдет хотя бы одного сиониста-наркомана. Нет таких. И это доказывает, что они стоят за торговлей наркотиками».

В Тегеране так много говорят о необходимости уничтожить Израиль, словно ничто иное их не интересует. Одна из статей конституции Ирана требует «освобождения оккупированных арабских земель» военной силой. В Тегеране доказывают, что Иран – лучший друг палестинцев, чем арабские страны. Для Ирана недопустимо признание арабскими странами Израиля, потому что Ирану нечего делать на мирном Ближнем Востоке. Заключение мира между еврейским государством и его арабскими соседями лишит Тегеран привлекательного лозунга, под которым иранцы пытаются сплотить вокруг себя регион.

Летом 1993 года Организация освобождения Палестины (ООП) находилась на грани распада.

Поддержка Ясиром Арафатом Саддама Хусейна ударила по многим палестинцам. Государства Персидского залива изгнали палестинцев, которые работали в этих странах, в знак мести ООП. Только из Кувейта выслали триста тысяч палестинских рабочих, большинство из них вернулись безработными в Газу и на Западный берег.

В час отчаяния ООП пошла на соглашение с Израилем. Для Израиля было лучше спасти слабую ООП, чем ее добивать. Тем более что уже проявились куда более опасные террористические организации – ХАМАС и «Исламский джихад».

Секретные переговоры в Осло между израильтянами и палестинцами шли с января 1993 года. 19 августа 1993 года историческое соглашение о взаимном признании было достигнуто: израильтяне согласились на создание независимого государства палестинских арабов. Первые сообщения просочились в печать 27 августа. Меньше чем через три недели совместную декларацию подписали министр иностранных дел Израиля Шимон Перес и представитель ООП по внешним связям Махмуд Аббас (Абу Мазен).

Шимон Перес был мотором этих переговоров. Он не хотел, чтобы Израиль управлял палестинцами: «Мы находились в конфликте с самими собой. На протяжении всей своей истории еврейский народ испытывал отвращение при мысли о том, что ему придется управлять другими».

Прежде всего Перес хотел решить вопрос с сектором Газа, где палестинцы живут в ужасающих условиях, и как можно скорее передать этот район под палестинское управление: «Какой смысл контролировать порядок в Газе, когда каждый израильский солдат, защищающий себя против ножа или камня, запущенного в него палестинцем, обвинялся мировой прессой в нарушении прав человека? Палестинцам нужно жить своей жизнью».

Израильтяне считали, что соглашение, заключенное в Осло, дает им гарантии безопасности от палестинского терроризма. ООП обязалась исключить из Палестинской национальной хартии статьи, призывающие к уничтожению Израиля, и решать все разногласия политическими методами. Шимон Перес обратился к скандинавским странам и руководителям Европейского экономического сообщества с просьбой финансировать палестинскую автономию. Европейцы это сделали. Ни щедрые европейцы, ни израильтяне не предполагали, на что пойдут деньги, поступающие Арафату.

А главная церемония прошла в Вашингтоне.

«Накануне вечером, – рассказывал тогдашний американский президент Билл Клинтон, – я лег спать непривычно рано – в десять часов, поэтому проснулся в три часа ночи. Заснуть мне больше не удалось, тогда я взял библию и прочел всю книгу Иисуса Навина. Я решил надеть синий галстук с золотыми трубами вроде тех, в которые трубил Иисус Навин под стенами Иерихона. Теперь эти трубы должны были возвестить о наступлении мира, благодаря которому Иерихон будет возвращен палестинцам».

13 сентября 1993 года в Белом доме царил праздничное настроение. Дочери президента Челси и детям вице-президента Ала Гора разрешили не ходить в школу, чтобы они не пропустили такое важное событие. Перед лицом всего мира председатель Организации освобождения Палестины Ясир Арафат должен был признать право Израиля на существование, а премьер-министр Израиля Ицхак Рабин – взять на себя обязательство способствовать созданию независимого палестинского государства. «Мне сказали, – вспоминал Клинтон, – что Арафат намерен появиться в своей традиционной одежде – в куфии и военной форме оливково-зеленого цвета и, возможно, захочет взять с собой револьвер, с которым не расстанется. Я дал ему знать, что раз он приезжает заключать мир, ему не нужно оружие. В Белом доме он будет в полной безопасности».

Арафат не расставался с оружием. В 1974 году, выступая впервые перед Генеральной Ассамблеей ООН, говорил: «Я пришел к вам с оливковой ветвью в одной руке и с оружием борца за свободу в другой. Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки!» На поясе у него висела кобура. Но мало кто знал, что кобура была пустой.

«Когда премьер-министр Израиля Рабин прибыл в Вашингтон, – вспоминал Клинтон, – я сказал ему, что если он действительно привержен миру, ему придется пожать руку Арафату. Рабин резко ответил: „Хорошо. Но никаких поцелуев“. Я знал, что Арафат – великий шоумен и что он постарается поцеловать Рабина после рукопожатия. Но я был уверен, что если Арафат не поцелует меня, он не попытается поцеловать и Рабина. Мой советник по национальной безопасности Тони Лэйк сказал, что знает способ, как пожать руку Арафату и избежать поцелуя. Мы немного потренировались. Когда я пожал Лэйку руку и приблизился, чтобы поцеловать, он положил кисть своей левой руки на сгиб локтя моей правой руки и сжал его; это меня остановило».

«Я сидела в первом ряду на лужайке Белого дома, – писала государственный секретарь Мадлен Олбрайт, – и видела, как президент Клинтон широко развел руки и мягко подтолкнул друг к другу премьер-министра Израиля Ицхака Рабина и председателя Организации освобождения Палестины Ясира Арафата. После минутного колебания Рабина эти два человека пожали друг другу руки, и фотографии, запечатлевшие эту сцену, появились на первых полосах практически всех газет в мире». В этот день холодная война между Израилем и Ираном сменилась холодным миром.

Когда Организация освобождения Палестины и Израиль договорились о создании независимого палестинского государства, президент Ирана Али Акбар Хахеми Рафсанджани обвинил Ясира Арафата в том, что он «предал свой народ». Иранские парламентарии подписали

заявление с требованием «стереть Израиль с карты мира».

Арафат все понял. Всего через несколько дней после торжественной церемонии в Вашингтоне он выступал в мечети в Йоханнесбурге. Объяснил, что подписал с Израилем такой же мир, какой пророк Мохаммад заключил с племенем курейшитов, обитавших в Мекке. Историческая параллель была понятной любому мусульманину. Мир-то был подписан на десять лет, но уже через год пророк во главе большой армии вступил в город, и курейшиты сдались ему без сопротивления.

Арабские страны боялись, что мир позволит Израилю превратиться в мощную экономическую державу, которая станет доминировать в регионе. Для Ирана признание арабскими странами Израиля неприемлемо по иной причине: исчезает лозунг, под которым он может сплотить вокруг себя регион. Если мирный процесс приведет к успеху и появится государство палестинских арабов, боялись в Тегеране, Иран окажется в изоляции.

В Тегеране пришли к выводу, что только террор может подорвать мирный процесс. Поэтому полную поддержку получили такие радикальные организации, как ливанская Хезболла и палестинский ХАМАС. Суннитские ХАМАС и «Исламский джихад» закрыли глаза на ненависть к шиитам и попросили Иран о помощи. Вместе они делают все, чтобы мирный процесс стал невозможным.

Кровавые теракты против гражданского населения провоцируют Израиль на ответные операции, и это срывает любые попытки договориться... Иначе говоря, чем хуже ситуация на Ближнем Востоке, тем лучше для Ирана. В марте 1996 года в интервью французскому телевидению Шимон Перес констатировал: «Иран – центр терроризма, фундаментализма и подрывной деятельности и, с моей точки зрения, опаснее нацизма, потому что у Гитлера не было ядерного оружия...»

Шах мечтал о ведущей роли в регионе, Хомейни – во всем мире. Его окружение призывало арабские массы по иранскому примеру свергнуть своих шейхов и установить исламское правление. Но идеи Хомейни не привлекли соседние страны. Увидев, что не удалось экспортировать революцию и свергнуть режимы в соседних арабских странах, Иран изменил стратегию. Теперь Иран апеллирует к гордости арабов, демагогически возмущается слабостью арабских режимов в противостоянии Израилю и великим державам. Эта пропаганда находит отклик.

«Освобождение Иерусалима», о котором когда-то говорил аятолла Хомейни, всегда было для Ирана пропагандистской фразой, а не политической целью. Хомейни мало интересовался палестинскими арабами. Ему не нравилось еврейское государство по религиозным мотивам. Хомейни был вообще против национализма и существования отдельных государств: международная система порождена слабым человеческим умом, считал он, она должна быть заменена мировым исламским порядком.

Когда к нему приехал глава палестинцев Ясир Арафат, Хомейни сделал ему выговор: он должен расстаться со своими левыми и националистическими идеями и больше думать об исламе. За словами Хомейни скрывался простой расчет. Иран не может возглавить борьбу за Палестину, пока это общеарабское дело. Тут Ирану нет места. Другое дело, если борьба за Палестину – это религиозная война...

Хомейни и Арафат больше не встречались. Окружению аятоллы не нравилось, что палестинцы мало внимания уделяют религии, пьют, смотрят кино. Палестинцы поняли, что никакой реальной поддержки от Ирана не получат. В январе 1997 года оскорбленный в лучших чувствах Ясир Арафат сокрушался: «Я помогал иранцам. Я отправил девяносто офицеров охранять Хомейни. А теперь иранцы возглавили тех, кто сражается против меня».

6 июня 1982 года израильские войска вошли в Ливан. В этот день лидеры шиитской

общины Ливана находились в Тегеране и попросили Хомейни о военной помощи. Но Хомейни не стал посылать свои войска в Ливан. Хомейни отказался отправить иранские истребители F-4 на помощь Сирии, чья авиация вела бои с израильской в небе Ливана. Иран всегда воздерживался от прямой конфронтации с Израилем. Предпочитал действовать чужими руками.

Судьба палестинских арабов не интересует и нынешних иранских руководителей. Громкие призывы уничтожить Израиль адресованы арабской улице, которая ловит эти слова с замиранием сердца. Призыв уничтожить Израиль создает замечательное эмоциональное прикрытие для любого исламиста, который утверждает, что сражается за освобождение Палестины.

Когда президент Ирана Махмуд Ахмадинежад отрицает холокост – уничтожение евреев нацистами в годы Второй мировой войны, – это хорошо рассчитанная провокация. Президент и его окружение исходят из того, что возмущение Израиля, американской и европейской общественности только поможет сплочению арабов и мусульман вокруг Ирана. В результате критиковать Иран становится невозможным – все равно что поставить себя в один ряд с Соединенными Штатами и Израилем.

Иногда кажется, что тегеранские руководители сознательно провоцируют военную операцию Соединенных Штатов или Израиля против ядерных объектов в Иране. Президент Ирана Ахмадинежад свою страну называет супердержавой мирового уровня и примером для всего мира, а ядерную программу считает «величайшим чудом в истории». Ахмадинежад выставил Запад врагом, который мешает Ирану получить законный доступ к современным технологиям. Он сделал на этом карьеру. Многие иранцы повторяли: «Мы стали думать о нем лучше, когда он отказался закрыть нашу ядерную программу. Он настоящий мужчина и держит слово».

Каждый иранец несет в себе гордость за свою древнюю цивилизацию. Он помнит успехи древних персов в искусстве и науках. Нынешнее западное превосходство только усиливает ощущение утраченного величия. Поднимая градус антизападной истерии, запугивая иранцев военной операцией Соединенных Штатов или Израиля, президент Ирана укрепляет свои позиции в правящей элите страны. Силовая акция против Ирана была бы для него лучшим подарком.

Наследники великого аятоллы

Исторический эксперимент, поставленный Исламской революцией в Иране, продолжается три с лишним десятилетия.

Иран – это безалкогольное общество. Выпивка приравнена к уголовному преступлению. Страждущим иностранцам предлагают утешиться чаем или безалкогольным пивом местного производства. Вечером за столиками сидят чисто мужские компании – без женского общества. Пьют чай из маленьких стеклянных стаканчиков вприкуску – с белым мелко наколотым сахаром, желтыми кружочками жженого сахара, финиками, лимонами. Курят кальян, который, впрочем, не заменит обычной сигареты. Даже в жару ходят в темных, теплых шерстяных костюмах. Руки бесконечно перебирают четки. Люди часами ведут неспешные беседы – кажется, иранцам всегда есть о чем поговорить.

Семейные пикники тоже проходят под чай, лепешки и помидоры. Поскольку закусывать в Иране незачем, то и огурцы перекечевали в разряд фруктов: их подают на десерт вместе с яблоками и апельсинами.

Вырабатывать спиртные напитки, причем только для собственного употребления, разрешено лишь армянской общине. Продавать спиртное мусульманам запрещено. Правда,

поговаривают, что запреты слабнут, что запросто можно встретить на улице человека, от которого несет перегаром.

Уж не знаю, что тому причиной – безалкогольный образ жизни, климат, полноценная еда или хорошие гены, но мужчины высокие, крепкие, выглядят завидно здоровыми. Есть очень красивые лица – в конце концов иранцы имеют больше прав считать себя арийцами, чем немцы.

Этнически Иран разнороден: здесь обитают курды, арабы, туркмены, армяне, белуджи, кашкайцы. Собственно персы составляют половину населения. «Нет-нет, национальных меньшинств у нас нет. Все мы иранцы – и азербайджанцы, и курды, и белуджи, – рассказывал мне в Тегеране глава парламента. – У нас в стране все иранцы, но не все мусульмане. Национальных меньшинств нет, но есть религиозные меньшинства». В знак уважения к другим религиям конституция позволяет живущим в Иране зороастрийцам, христианам (армянам) и иудеям иметь по одному депутату в парламенте. Ассирийцы и халдеи вместе выбирают одного депутата.

Для теократического государства естественно признавать не этническое, а конфессиональное деление. Но дело не только в этом. Тегеран всегда боялся распада страны, поэтому и не признает этнические меньшинства. Скажем, курды мечтают воссоединиться со своими братьями, разделенными между четырьмя государствами. Москва после войны пыталась присоединить к советскому Азербайджану иранский. В Тегеране опасаются, что арабы, живущие в провинции Хузестан на юге страны, могут поддаться арабскому национализму, который проповедует соседний Ирак. А белуджи (в Иране их примерно миллион) захотят объединиться со своими сородичами в Пакистане (там их больше трех миллионов). А есть еще туркмены...

У молодых иранских бородачей решительный, иногда суровый и даже пугающий вид. В Иране не заработаешь на жизнь продажей бритвенных принадлежностей. Скорее уж стоит торговать средствами для ухода за бородой.

Рассмотреть иранских женщин труднее. Подчиняясь исламским обычаям, они избегают чужих глаз. Правда, в богатых районах Тегерана, где нравы либеральнее, все же можно убедиться в том, что поэты не напрасно воспевали красоту персидских женщин. Здесь даже позволяют себе малую толику косметики. Но обычно группы женщин, укутанных в черное, производят на приезжего тягостное впечатление.

Почему в автобусах в Иране женщины и мужчины занимают места в разных концах салона – мужчины впереди, женщины сзади? «Иранские женщины сами попросили, чтобы им выделили отдельные места, – как ни в чем не бывало, объясняют в Тегеране. – В общественном транспорте много людей, пассажиры стоят вплоты друг к другу. Женщинам неприятно тесниться вместе с мужчинами».

Когда-то женщины, которые при шахе одевались по-европейски, надевали чадру или платок в знак протеста против шахского режима, а теперь отказаться от ношения традиционной одежды – значит подчиниться западным ценностям, предать семью и веру. Тогда зачем в магазинах продается много красивой современной одежды, украшений, если женщины обязаны ходить в черном? «Наши женщины все это носят, – отвечают иранские мужчины. – Где? Дома, в гостях, на приемах».

Почему представительницы иных религий, иностранки, приезжающие в Иран, обязаны одеваться, как исламские женщины? «Обязанность любой женщины, даже приехавшей из-за границы, носить такую одежду, какая закреплена в конституции, принятой всенародно. Закону должны подчиняться все, кто находится на территории Ирана».

Как быть иранским спортсменкам, которые хотят заниматься, например, плаванием, если им нельзя раздеваться в присутствии мужчин? «Для спортсменок выделены специальные,

закрытые для посторонних места». Это означает, что иранские девушки лишены возможности участвовать в международных состязаниях, добиваться успехов, побеждать? «Профессиональный спорт среди женщин мы вообще не приветствуем. Разрешаем те виды, в которых можно выступать в традиционной одежде. Прекрасный вид спорта – стрельба из лука. Медали и рекорды не стоят того, чтобы ради них сбросить одежды, растоптать свои традиции. Иранские женщины это понимают».

Существует ли в Иране многоженство, разрешенное исламом? Этот вопрос я задал дочери бывшего президента страны Фатиме Хашеми. Она долгое время возглавляла комитет иранских женщин: «Все, что говорится о женщинах в Иране, – злобная пропаганда. Напрасно утверждают, что женщина в чадре неспособна участвовать в общественной жизни. Чтобы отразить злобные выпады, и была создана наша организация. Мы хотим доказать, что в исламском мире женщина может и быть хранительницей очага, и участвовать в общественной жизни».

Фатима Хашеми кутается в черный платок. На руке тоненькое золотое кольцо с бриллиантом. Когда улыбается, ее несколько суровое лицо становится приятным. Выпускница биологического факультета Тегеранского университета. Предпочитает французские духи. Муж – зубной врач.

Она объяснила свою позицию относительно многоженства. «Многоженство позволено только в том случае, если мужчина способен одинаково любить всех своих жен и содержать их, – ответила Фатима Хашеми. – В Иране многоженство практически не существует. Иранская женщина при внешнем смирении не намерена терпеть дома соперницу. Вторую жену можно взять только с согласия первой. Если бы мой муж привел в дом вторую жену, я бы немедленно дала мужу развод». Суетившиеся вокруг нее женщины с переговорными устройствами принесли ей коран в кожаном переплете на молнии. Фатима стала сверяться с первоисточником. По-человечески понятно, что дочь бывшего президента решительно против многоженства. Но тут очевиден отход от заветов Хомейни.

Мне бросилось в глаза, как мало в стране туристов. Я не встретил их ни в Тегеране, ни в Исфахане, где много памятников старины. Не видел туристических автобусов, не заметил обычно бросающихся в глаза шумных туристических групп в гостиницах. Один из заместителей министра иностранных дел дал понять, что при таких запасах нефти и других полезных ископаемых Иран вполне может позволить себе пренебречь доходами от туризма: «Конечно, туристам у нас в стране приходится следовать нашим правилам. У нас нельзя пить, танцевать, заниматься развратом. Все женщины должны быть соответствующим образом одеты. Мы приветствуем туризм, но не станем ради него жертвовать своими законами».

Исламская революция была протестом древней культуры, силу которой никто толком не представлял, против западного влияния, против попыток шаха модернизировать страну. Шах, наследственный владыка страны, упустил свой исторический шанс. Задуманные им реформы, прежде всего аграрная, которая предусматривала передачу крестьянам земли, были скомпрометированы коррупцией, интригами и жестокостью секретной службы.

Одна из самых древних империй – Персидская – возникла на земле, богатой нефтью. Проснувшись от многовековой спячки, Иран пустил в ход нефтяное богатство, чтобы вернуть былое влияние в международных делах. Когда в 1970-е годы потекли нефтяные деньги, у руководителей страны закружилась голова. Шах Мохаммад Реза Пехлеви выдвинул лозунг: «Превратить Иран в одну из пяти главных промышленных держав». Он рассчитывал, что национальный доход будет расти более высокими темпами, чем в Японии.

Шах был типичным восточным самодержцем. Не терпел никакой иной власти, кроме собственной. Содержал пышный двор и развращенное семейство. Гордился тем, что

ликвидировал всех, кто оказывал ему сопротивление. Откровенно признавался, что питает отвращение к демократии. Тем не менее шах многих очаровал на Западе. Им восхищались. Он был властителем с идеями, производил впечатление крупного государственного деятеля. И у него были деньги, может быть слишком много денег для реализации своих идей.

Политическая элита страны считала модернизированный абсолютизм лучшим или даже единственным средством достижения подлинной независимости. В Тегеране полагали, что демократия – опасная роскошь, которую едва ли можно себе позволить. И у кого спрашивать мнение, брезгливо вопрошали персидские аристократы. У рыночных торговцев, безграмотных сезонных рабочих, нищих, чревоугодников, предсказателей судьбы, разорившихся ремесленников, бродяг и дервишей?.. Для них политика означала одно – в день выборов их загрузят в кузов грузовика и доставят на избирательный участок, где в обмен на «правильное» голосование порадуют пачкой сигарет, бесплатной едой или мелкими деньгами.

Казалось, Иран способен совершить прыжок и присоединиться к головному отряду крупных индустриальных держав, как это произошло с Японией, а затем с Южной Кореей. И как-то забывалось, что Иран – кровавая диктатура.

По закону от 20 марта 1957 года для «обеспечения безопасности государства и противодействия любому заговору, направленному против общественных интересов», создали Службу информации и безопасности страны (САВАК). Первым руководителем был генерал Теймур Бахтияр, дальний родственник второй жены шаха – Сорейи. САВАК прославилась жестокими и разнообразными пытками.

Может быть, в мире надеялись, что охватившее шаха безумие репрессий постепенно пройдет. Или мирились, как с неизбежным злом в стране, лишенной демократической традиции, грубой и склонной к насилию. Рассчитывали, что шах когда-нибудь перейдет от просвещенного деспотизма к либеральной демократии. Но он был слишком уверен в превосходстве своей системы правления над всеми другими. Его мечта об экономическом чуде выродилась в необъятную коррупцию – страна погрязла в бакшишах, взятках и расточительстве, которые обеспечили процветание лишь элиты. Мечта о превращении в великую индустриальную державу оказалась лишь манией величия шаха. Кончилось это тем, что разочарованная страна повернулась к нему спиной и нашла спасение в религии.

Его отец, шах Реза Пехлеви, был националистом. Ему не нравилось, что Запад смотрел на его страну с презрением, считал отсталой. Англичане называли персов гхолами, то есть рабами. Персы не могли без особого пропуска приезжать в город, где добывалась нефть и где хозяевами оставались англичане.

Шах хотел уничтожить реакционные аспекты ислама, которые мешали продвижению вперед. Узость мировоззрения и ограниченность образования мулл заставляли их быть в оппозиции реформам. Они не позволяли женщинам отказываться от чадры, противились анатомированию тел на медицинском факультете университета. Вскрытие или посмертный осмотр трупа были запрещены.

Шах хотел создать Ирану облик прогрессивного государства. Принятая им конституция пыталась сочетать принципы западной либеральной демократии с подчинением политической жизни шариату.

27 января 1963 года его сын провозгласил так называемую «белую революцию». Она предусматривала аграрную реформу, национализацию вод и лесов, участие рабочих в прибылях предприятий, реформу избирательного права, включая предоставление женщинам права голосовать.

При дворе шаха понимали: необходимо перенимать лучшее, что есть во внешнем мире, в Европе, но советовали говорить, что это взято не у Европы, а непосредственно из ислама, тогда

это будет с радостью воспринято как доказательство неисчерпаемости религии... Но все реформы шаха наносили удар прежде всего по исламскому духовенству. Шах недооценил их силу, а также бойцовские качества своего главного противника – аятоллы Хомейни, который превратил шиизм в инструмент борьбы за власть.

Аятолла Рухолла Мусави Хомейни родился 9 апреля 1900 года в небольшом местечке возле Исфахана. Он происходил из семейства Мусави, ведущего род от седьмого имама Мусы. Став главой Ирана, он назначит на ключевые должности людей из своего клана... Его дед поселился в городке Хомейн примерно в 1840 году и основал собственную религиозную школу.

Рухолла Хомейни всегда выступал против шахских реформ. В этих либеральных реформах он увидел «подготовку почвы для иностранного господства». Он стал фигурой номер один в шиитском духовенстве после смерти в 1961 году аятоллы Боруджерди.

В 1963 году Хомейни открыто выступил против шахских реформ – «белой революции». По его призыву вспыхнуло антишахское восстание. Волнения продолжались три дня. Подавили их вооруженные силы. Погибло больше пяти тысяч человек. Сотни оппозиционеров оказались в тюрьме. Хомейни арестовали, что вызвало бурю протестов, потом выпустили. А в ноябре 1964 года отправили в изгнание в Турцию. Оттуда он перебрался в Ирак – в город Эн-Неджеф. Это одно из святых для шиитов мест, здесь находится гробница первого имама Али.

Священнослужители-идеалисты ринулись в Исламскую революцию, рисуя себе картину лучшего из мусульманских миров. Они мечтали об идеальном, чистом обществе, в котором станет единым целым религиозная и политическая жизнь. В мечтаниях им виделась республика, живущая по законам шариата, – республика простая, суровая, бедная материально, но богатая духовно.

Получилось иначе. Исламскому духовенству, соблазнившемуся властью, удалось полностью взять контроль над страной в свои руки. Но не отвлекает ли муллу политика от служения Аллаху? «Для иранских священнослужителей политика – часть религиозной деятельности, – объяснял мне глава иранского парламента. – Если допустим отделение религии от политики, Аллах нас накажет. Ведь мы столько мечтали о создании исламского государства, и, наконец, сбылось».

Шииты исходят из того, что любое светское правительство с религиозной точки зрения незаконно. В Тегеранском университете каждый студент, вне зависимости от того, собирается ли он стать ветеринаром, инженером или астрономом, обязан изучать основы ислама, этику ислама и историю ислама.

Но вот что удивляет: постоянно живущие в Иране иностранцы утверждают, что мечети пустеют. Раньше духовенство находилось в оппозиции к несправедливой власти, и симпатии людей были на стороне мулл. Потом духовенство само стало властью, и люди переносят на священнослужителей свое недовольство жизнью, считая, что после революции только те и разбогатели. Люди становятся аполитичными, циничнее относятся к религии и к духовенству, иранцы лишились прежнего душевного подъема. Пока исламское духовенство проповедует против влияния западной культуры, дети священнослужителей благополучно отправляются за рубеж – учиться или отдыхать. Участие в антиамериканском митинге не мешает после насладиться у себя дома новой видеокассетой с записью американского фильма, доставленного в Иран контрабандой.

Постоянно идет борьба между сторонниками послаблений и противниками любых отступлений от заветов Хомейни. Скажем, умеренные политики разрешили студентам летом носить рубашки с короткими рукавами. Фундаменталисты тут же бросились в бой, требуя запретить женщинам кататься на велосипедах. Ортодоксальные теологи исходят из того, что у велосипеда тоже есть седло, а раз женщинам запрещено ездить на лошадях, то и катание на

двухколесной технике тоже не должно быть разрешено.

В Иране наказывают за то, что в других странах правонарушением не считается: за алкоголизм, за внебрачные половые связи. В Иране казнят публично. Зачем? «По просьбе местного населения, люди хотят убедиться, что злодей наказан», – объяснил мне глава судебной власти страны аятолла Мохаммад Язди.

Аятолла Язди, ученик Хомейни, возглавлял всю судебную власть Ирана, то есть следил за тем, чтобы судьи руководствовались исламским правом. Он подписывал наиболее строгие приговоры. Мне запомнилось его мрачное, суровое лицо.

Незадолго до своей смерти в 1989 году Рухолла Хомейни приговорил к смерти англоязычного писателя Салмана Рушди, который родился в Индии в мусульманской семье, за книгу «Сатанинские стихи». Фетва¹ аятоллы Хомейни гласила: «Я сообщаю гордым мусульманам всего мира, что автор „Сатанинских стихов“ – книги, направленной против Ислама, Пророка и Корана, и все те, кто был посвящен в замысел, приговариваются к смерти. Я прошу всех мусульман уничтожить их, где бы они ни были обнаружены». Это был смертный приговор, вынесенный без суда и следствия. Хомейни внушал мусульманам, что, убив нечестивого писателя, они совершат угодное Аллаху дело.

Хомейни был предельно нетерпим к неверным и нечестивым: «Если кто-то позволяет неверным продолжать играть роль развратников на земле, их окончательное моральное наказание будет еще более сильным. Таким образом, если мы убиваем неверных, чтобы положить конец их развратным действиям, мы, в конце концов, оказываем им услугу. Окончательное наказание для них будет меньшим. А разрешить неверным остаться жить – значит позволить им сделать больше нечестивых дел. Убивать их – значит совершать хирургическую операцию, исполнять волю Аллаха... Те, кто следует правилам Корана, знают, что мы должны подчиняться законам возмездия и должны убивать...»

Салман Рушди, который обратился за помощью к британской полиции, не оценил гуманности и благородства Хомейни, намеревавшегося оказать писателю услугу – избавить его от греховной жизни. Британское правительство взяло писателя под защиту, выделило бронированный автомобиль, двух водителей и двух охранников.

Рушди сделал заявление: «Я признаю, что мусульмане в разных частях света искренне переживают из-за моего романа. Я глубоко сожалею, что его публикация вызвала такие чувства у искренних последователей ислама...» Это не помогло. Хомейни подтвердил свой приговор: «Даже если Салман Рушди покается и станет самым благочестивым человеком всех времен, долг каждого мусульманина использовать все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы отправить его в ад».

После смерти Хомейни ожидали, что Тегеран отменит смертный приговор писателю. «Приговор остается в силе, – сказал мне аятолла Язди. – Приговор Салману Рушди был вынесен не судом. Это фетва имама Хомейни, обязательная для исполнения мусульманами всего мира. Иранский суд не вправе отменить фетву имама».

Когда Тегеран захотел восстановить дипломатические отношения с Великобританией, в конце 1998 года на встрече с британским министром иностранных дел Робинотом Куком иранский министр Камаль Харази сказал: «Правительство Исламской Республики Иран не намерено ни предпринимать какие-либо акции, угрожающие жизни автора „Сатанинских стихов“ или кого-либо другого, имеющего отношение к этой работе, ни помогать кому-то это сделать». Это означало, что фетва Хомейни отменена. Но осенью 2012 года, после появления

¹ Фетва – заключение, приобретающее силу закона.

печально знаменитого фильма «Невинность мусульман», иранские муллы вспомнили и о Рушди, потребовали все-таки наказать его и назначили награду в три миллиона долларов. Объяснили: «Если бы воля Хомейни была исполнена, никто бы не посмел так богохульствовать».

«В вере не должно быть насилия... Будь снисходителен и неси добро. О люди, ваше насилие обернется только против вас самих...» Что общего между этими словами из Корана и призывом Хомейни убивать? Аллах говорит двумя голосами? Или люди говорят за Аллаха?.. Как получилось, что люди с Кораном в руках стали выписывать лицензии на отстрел мирных жителей?

Нелепо рассуждать на тему «хорош или плох ислам». Ислам, как и другие мировые религии, многолик и противоречив. И умеренные разумные люди, и радикалы-фанатики, склонные к насилию, – все находят в Коране подтверждение своим взглядам. Широк простор для различных толкований целей и задач ислама. И постоянно находится умелый религиозный деятель, который требует от мусульман фанатического служения исламу и объявляет неверным джихад – священную войну.

Некоторые специалисты говорят о том, что ислам – сравнительно молодая религия – просто не вышел еще из своего Средневековья – эпохи, которой свойственна крайняя нетерпимость. Не надо считать ислам идеологией экстремистов. Мусульманский мир находится в развитии, и еще неизвестно, как будет выглядеть его политическая карта через десятилетия, кто возьмет верх – умеренные или радикалы.

После победы Исламской революции в Иране в 1978 году исламисты нигде в мире не могли взять власть. Потом они добились нового успеха – хозяевами Афганистана стали фундаменталисты (правда, талибы – сунниты, с шиитским Ираном они на ножах).

Большая тройка

В Иране в любом кабинете, общественном заведении, магазине, даже на стенах чайной – неизменный фототриптих: цветные снимки покойного имама Хомейни, его преемника на посту лидера страны (это официальный титул) аятоллы Али Хаменеи и действующего президента. В каком порядке расположены портреты? Это зависит от политического чутья хозяина кабинета или владельца магазина. Иногда три портрета выстроены в единую линию. Иногда духовные лидеры повыше, президент пониже. Иногда большая тройка располагается как на пьедестале почета: сверху аятолла Хомейни, пониже аятолла Хаменеи, совсем внизу – президент.

Политическая система Ирана непохожа на привычные модели Ближнего Востока. После смерти аятоллы Хомейни во главе страны стоит высший руководитель Али Хаменеи. Фактически он никому не подотчетен. Но все остальные высшие должности, включая пост президента, занимают те, кто выиграл выборы, и эти чиновники остаются на своем посту ограниченное время. В Иране – теократия, то есть власть правоведов-богословов, но с элементами демократии.

Али Хаменеи избрали высшим руководителем сразу же после кончины Хомейни, 4 июня 1989 года. Его власть основана на пятой статье конституции: «Во время отсутствия двенадцатого имама шиитов (да приблизит Аллах его явление!) в Исламской Республике Иран управление делами правоверных и имамат в исламистской умме (нации) возлагается на справедливого и набожного, обладающего широким кругозором и имеющего организаторские способности факиха». Факих – это правовед, знаток закона Аллаха.

Али Хаменеи не оказывает на толпу такого магнетического действия, какое оказывал Хомейни. Но духовенство верно Хаменеи, потому что государство соблазнило самих

священнослужителей – соблазнило властью, должностями, деньгами. Теперь уже им трудно вернуться к чисто религиозной деятельности. Духовенство создало очень сильное государство, более сильное, чем оно было при шахе.

Высший руководитель должен быть компетентным для вынесения фетв, то есть заключений, обретающих силу закона, по различным вопросам мусульманского права, быть справедливым и набожным, обладать правильным мировоззрением... Он объявляет войну и является главнокомандующим. Высший руководитель избирается примерно так же, как папа римский, – Советом экспертов, состоящим исключительно из священнослужителей (они избираются всенародным голосованием на восемь лет). Они периодически собираются, чтобы оценить деятельность высшего руководителя Исламской Республики Иран, но больше Совет никому не подотчетен. Конституция дает ему большую власть, но не имеет власти над ним.

Али Хаменеи родился в 1938 году в Мешхеде. Учился в священном для шиитов городе Эн-Неджефе, в Куме стал учеником Хомейни. При шахе был не раз арестован. После свержения шаха стал членом Революционного совета, занимал пост заместителя министра обороны, курировал Корпус стражей Исламской революции, был пятничным имамом Тегерана. В июне 1981 года аятолла Хаменеи был ранен в результате взрыва бомбы, которую, по официальной версии, подложили левацкие группировки. В том же году Хаменеи избрали президентом Ирана.

Его антиимпериалистические лозунги, ненависть к Западу – обычные идеи властителей третьего мира. С тех пор как он возглавил Иран, он не покидает страну. Встречается только с теми лидерами, которые сами приезжают в Тегеран. Он не видит, что происходит в других государствах. Его представления о внешнем мире исчерпаны представлениями 1960–1970-х годов.

Высший руководитель следит за моралью общества. Он стоит над всеми ветвями власти – исполнительной, законодательной и судебной, которые по конституции функционируют под абсолютным контролем имама (факиха). Все в стране делается с одобрения высшего руководителя. У Хаменеи есть представители во всех важнейших институтах общества. Например, в армии – кто-то вроде начальника главного политуправления.

Президент страны не сможет работать, если у него возникнут разногласия с высшим руководителем. Президент – лишь глава правительства. У него нет власти над парламентом или судами. Он не назначает военных, это прерогатива высшего руководителя. А тот не вмешивается в конкретную политику или в принятие экономических решений. Если в казне нет денег, если поезда ходят не по расписанию, отвечает президент.

Али Хаменеи единолично распоряжается всеми пожертвованиями мусульман, которые не облагаются налогом. Шиизм, в отличие от католической церкви, не опирается ни на какую иерархическую структуру. Аятоллы, будучи высшими религиозными деятелями и обладая титулом, означающим «знак божий», обязаны завоевывать свой авторитет мудростью и способностью соответствовать устремлениям народа. Верующие вправе самостоятельно решать, кому отдавать пожертвования. Таким образом, религиозная община располагает средствами эффективного контроля над своими духовными лидерами: духовенство знает, что если оно не оправдает ожидания верующих, то потеряет и прихожан, и деньги.

Иначе говоря, в Иране нет одного человека, который решает все. Различные центры власти сотрудничают между собой во имя выживания режима. Но имеют различные политические интересы. Конечно, деление иранской элиты на «радикалов» и «умеренных», «фундаменталистов» и «прагматиков» – весьма условно. Одни поддерживают частную экономику, другие нет. Одни видят необходимость приватизации государственных предприятий, другие намерены все держать в руках. Одни – жесткие фундаменталисты, другие – более прагматичны. Одни понимают, что по ядерным делам нужно договариваться с мировым

сообществом, другие категорически возражают против компромиссов.

Даже власть высшего руководителя ограничена интересами различных влиятельных групп, которые ему приходится принимать во внимание. Он вынужден учитывать интересы и Корпуса стражей Исламской революции, и, конечно же, армии священнослужителей, занявшихся политикой. Все эти группы тянут страну в различных направлениях. Иранская политическая система напоминает флотилию, корабли которой в целом следуют за флагманом, но с разной скоростью и рвением.

У системы немалый запас прочности. Если президент провалился в экономической сфере, на следующих выборах голосуют за другого. Ротация политических лидеров снижает давление на систему. В других странах Ближнего Востока, где правители, захватив власть, никогда ее не отдают, общественное недовольство страшно опасно для системы. Иран – единственное государство на арабском Ближнем Востоке, где президент по истечении своего срока уходит с должности и живет спокойно. В Иране прекрасно себя чувствуют два бывших президента – Хашеми Рафсанджани и Мохаммад Джавад Хатами.

Вампир демократии

Иран – второй по значению экспортер нефти и живет только за счет продажи черного золота. Летом 2008 года, через сто лет после начала добычи иранской нефти, страна получила рекордно высокие доходы от ее продажи. Иран также владеет вторыми по значению (после России) запасами природного газа. Ирану завидуют многие развивающиеся страны, которым не хватает денег для экономического развития и покупки энергоносителей. И в этой богатой ресурсами стране пятая часть населения – бедствует.

Последние годы были временем фантастического роста цен на черное золото. Но чем больше зарабатывал Иран на нефти, тем беднее становился! По данным Всемирного банка, в 2005 году Иран по уровню экономического развития занимал сто тринадцатое место, в 2006 – сто девятнадцатое, в 2007 – сто тридцать первое, в 2008 – сто тридцать пятое. Иначе говоря, задолго до нынешнего кризиса и ввода санкций против иранского режима экономическое положение фантастически богатой энергоносителями страны ухудшалось с каждым годом. Иран, зарабатывая огромные деньги на экспорте нефти, страдает от безработицы, инфляции, стагнации и не развивается.

Тегеранский базар (огромные прилавки с наклейками и торговыми марками любых образцов) – это центр экономики страны. Базар – не просто место, отведенное для торговли. Хозяева базара – это влиятельная социальная группа, объединяющая торговцев и квалифицированных ремесленников, мелких производителей. Крытый базар огромен. По извилистым улочкам пробиваются тяжело груженные автомобили, мотоциклы, фуры. Снуют люди с тележками, наготове носильщики с матерчатыми прокладками на спине. Торгуют только мужчины. Не спешат, не гоняются за покупателями, сидят на коврах, поджав ноги, ждут, пьют чай, разговаривают. В принципе, базар всегда был тесно связан с духовенством. На средства торговцев на каждом базаре построена мечеть. Но от власти базар всегда держал дистанцию. Иранцы – индивидуалисты, они не сторонники дисциплины.

Церковный аппарат ведет дела в экономике так, что страна не может выйти из депрессии. Южная часть Тегерана, которую нам старались не показывать, – это скопище бедняков. Причина экономических проблем Ирана – огромная бюрократия, прекрасно сохранившаяся и в исламском государстве, несмотря на обещания аятоллы Хомейни избавить правоверных от ненужного аппарата и множества учреждений, которые охраняют власть и привилегии мулл, занявшихся политикой. Смешно было, оказавшись в Тегеране, услышать, что очередная неделя

объявлена «неделей высокой производительности».

Аятолла Хомейни желал видеть многодетные семьи, потому что ему нужны были солдаты для войны с Ираком. В результате каждый год появляется миллион лишних рабочих рук, для которых нет работы. Нынче молодых иранских женщин просят не рожать. Усилия по снижению рождаемости – при поддержке исламского духовенства! – привели к тому, что если прежде женщина в среднем имела шестерых детей, то теперь – двоих.

Сегодня детям иранской революции за тридцать, но им придется подождать, пока они смогут полноценно участвовать в социальной и экономической жизни страны. Они не в состоянии получить работу, и у них нет денег, чтобы завести семью. Вот ситуация с мужчинами в возрасте до тридцати лет: только трое из пяти нашли работу, только двое из пяти женаты, только двое имеют собственное жилье...

Жизнь после Исламской революции не стала лучше. Аятоллу Хомейни это не беспокоило. Он высокомерно говорил: «Мы не для того совершали революцию, чтобы снизить цены на дыни». Наследники Хомейни не чувствуют себя столь же уверенно. Власть больше всего боится массового возмущения и городских мятежей. Пытаясь снять напряжение, делится с народом нефтедолларами. Распорядиться огромными деньгами так, чтобы экономика развивалась, в Тегеране не умеют. Но нефтедоллары позволяют держать низкие цены на многие товары – от сахара, хлеба и чая до лекарств, электричества и бензина. На это уходит примерно сто миллиардов долларов в год.

Нефтяные деньги создали особую атмосферу в обществе, которое живет сладкими мечтами. Восемьдесят процентов экономики контролируется государством. Большинство иранцев состоят на государственной службе. Иранцы полагаются на правительство и жаждут только одного: получить свою долю нефтяных денег. Связи, знакомства среди власть имущих важнее желания и умения работать.

В такой коррупционно-инертной среде людям энергичным и даровитым трудно реализоваться. Иран возглавляет список стран, из которых люди бегут. Каждый год страну покидают от ста пятидесяти до ста восьмидесяти тысяч человек. Утечка мозгов губительна, потому что уезжают образованные и энергичные люди.

В Иране двадцать пять официальных выходных (в два раза больше, чем в среднем в мире). Разумеется, в исламском государстве отдыхают вторую половину четверга и пятницу. Так что в году остается всего двести двадцать рабочих дней, а если еще учитывать низкую производительность труда...

Общество верит в то, что государство, владея мешками нефтяных денег, в состоянии решить все проблемы. Ахмадинежада избрали президентом, потому что он обещал «подать нефтяные деньги к столу каждого иранца». Выяснилось, что на нефтяные деньги можно только закупать продовольствие за границей, а это ведет к упадку собственного сельского хозяйства. В результате сидящие за нефтяным столом тоже теряют работу. Иран покупает примерно четверть необходимого продовольствия – не только экзотические фрукты, но и пшеницу, кукурузу, рис, сахар, картофель.

В конце 1990-х тогдашний иранский президент Мохаммад Джавад Хатами и его сторонники подумывали о реформах, необходимых для страны. Но ничего не получилось. Вместо реформ – распределение нефтяных денег и более жесткий контроль священнослужителей над выборами.

Парламент в Иране появился под влиянием соседней России, где царь в результате первой русской революции разрешил Государственную Думу. Ныне иранский меджлис, возможно, влиятельнее Думы.

Парламент наделен правом утверждать министров, проверять работу исполнительной

власти, в том числе расходование денежных средств. У депутатов большие права, и горе тому министру, которого они критикуют. Парламент в любой момент может вынести вотум недоверия любому министру. Но никто не вправе распустить парламент.

На выборах труднее всего не завоевать симпатии избирателей, а добиться регистрации кандидатом в депутаты. Сомнительных с точки зрения власти кандидатов отсекает Совет стражей конституции, половину которого составляют богословы (факихи). В результате три четверти депутатов – бывшие сотрудники спецслужб или офицеры Корпуса стражей Исламской революции.

Иногда кажется, что фундаменталисты твердо держат страну в руках. Это не совсем так. На выборах в 2008 году сторонники реформ на четверть увеличили свое представительство – получили сорок восемь мест из двухсот девяноста. Примерно столько же объявили себя независимыми кандидатами и тоже завоевали места в парламенте. Слабое место сторонников реформ – отсутствие привлекательной экономической программы. Они предпочитают говорить о политических свободах.

Нефтеносные поля Ирана истощены, добыча падает почти на десять процентов в год из-за плохого управления. А экономика сама потребляет много бензина и других нефтепродуктов. Цены субсидируются, так что зачем беречь дешевое топливо? Энергоемкость иранской промышленности в пятнадцать раз выше японской, в десять раз выше европейской и в восемь раз выше американской. Устаревшие техника и технология означают огромные потери энергии, тепло просто уходит в воздух.

Каждый год в нефтяную промышленность следует вкладывать примерно два миллиарда долларов только для поддержания добычи. Девять-десять миллиардов нужны для увеличения добычи. Но нет денег для инвестиций. Нефтедоллары растрачиваются впустую. А мировые компании не спешат делать инвестиции – страна проводит слишком рискованную политику. Иранская деловая элита недовольна Ахмадинежадом – считает, что он пустил по ветру национальное богатство страны. Денег не хватает и на ядерную программу.

В последние годы, годы изоляции режима, Тегеран больше полагается на машину подавления, которая живет за счет доходов от нефти. На нефтяные деньги существуют Корпус стражей Исламской революции, многочисленные спецслужбы, от двух до пяти миллионов членов организации «Басидж» (нечто среднее между милицией, бандитами и коричневорубашечниками), а также семьи сотен тысяч жертв восьмилетней войны с Ираком. Привилегированные группы составляют примерно пятую часть населения. Это самая надежная опора режима.

Целое столетие нефть была и главным врагом иранской демократии, и главным союзником. Нефть – это вампир демократии. Она подрывает разумное политическое устройство, потому что делает слишком сильным государственный аппарат и высшее чиновничество. Эпидемия коррупции на всех уровнях создала такую атмосферу, в которой взятки в обмен на политические или экономические привилегии – нормальное дело.

Но одновременно экспорт нефти помог сформироваться среднему классу, который нуждается в демократии. На нефтяные деньги получили образование – в том числе в лучших университетах мира – тысячи иранских технократов, а это троянский конь демократии. Коррупция позволяет богатым противникам режима покупать себе что-то вроде свободы.

Большие деньги меняют даже радикалов. Командиры Корпуса стражей Исламской революции демонстрируют завидный достаток, хотя это противоречит пуританским нравам исламского государства. По мере того как стражи революции богатеют, они все больше заинтересованы в том, чтобы права собственности стали священными.

В Иране сформировался целый класс невероятно преуспевших бывших революционеров.

Они занимают видные должности и озабочены собственным благосостоянием. Лидер этой группы – бывший президент Али Акбар Хашеми Рафсанджани. Это коротко стриженный человек с выбивающимся из-под чалмы седоватым чубом. Лицо легко перекраивается в улыбку, обнажающую ряд белоснежных зубов. При шахе он побывал и в ссылке, и в тюрьме. Сразу после революции в него стреляли. Я спросил Рафсанджани, как это произошло. «Лицемер пришел ко мне с письмом и вдруг выстрелил. Пуля задела почку и легкое. Эти лицемеры укрылись в Ираке...», – ответил он. Иранцы не привыкли говорить прямо, они избегают выдавать свои подлинные намерения. Они ведут витиеватый разговор, используя намеки.

Али Акбар Хашеми Рафсанджани возглавлял ту фракцию руководства, которая считала, что национальные интересы важнее мировой исламской революции. Он был избран президентом в 1989 году, выиграв выборы у аятоллы Хусейна-Али Монтазери, которому Хомейни доверил руководство распространением идей Исламской революции.

На публике чиновники среднего уровня демонстрируют свою набожность и лояльность. А в частных разговорах критикуют режим. Когда Ахмадинежад произносит речи против «экономической мафии», это он целится в Рафсанджани и его людей. Верным сторонником Рафсанджани был мэр Тегерана Голям Хосейн Карбасчи, молодой, подтянутый, очень серьезный человек с тихим голосом. Десяток сотрудников мэрии были приговорены к нескольким месяцам тюремного заключения за злоупотребление общественными деньгами. Арестовали и самого мэра.

Борьба с коррупцией используется исключительно для сведения счетов между собой. Так, два генерала Корпуса стражей Исламской революции были арестованы по обвинению в оргиях с проститутками. Сражения разных групп внутри иранского общества ведутся путем обнародования компромата друг на друга, что приоткрывает реальную картину масштабов коррупции и некомпетентности высших эшелонов власти.

Пока росли доходы от нефти, росли и возможности удовлетворять аппетиты различных олигархических групп. С падением цен на нефть уменьшилась и казна. Полная некомпетентность Ахмадинежада в экономике усугубила трудности в стране. Он постоянно повторяет, что страной вправе руководить только двенадцатый имам, тот самый, который исчез шестилетним мальчиком больше тысячи лет назад и возвращения которого ждут все шииты...

А пока президент пытается сам управлять финансами и экономикой. Его распоряжение сократить процентные ставки едва не разрушило банковскую систему. Его заявление о том, что биржа – это азартная игра, запрещенная исламом, привело к тому, что рынок ценных бумаг упал на треть. Его разговоры о преимуществе государственного сектора закончились полным нежеланием частных инвесторов вкладывать деньги в собственную экономику.

Президент Ахмадинежад ловко уходит от ответственности за внутренние социальные и экономические проблемы, сваливая все на Запад, Соединенные Штаты и Израиль. Это находит отклик в стране, где говорят: «Да, в нашей жизни мало что изменилось. Но это не имеет значения! Мы, иранцы, должны держаться вместе и бойкотировать западные товары. Мы не позволим западному миру диктовать Ирану, что нам делать».

Цена персидских кладовых

26 мая 1908 года англичане обнаружили в Персии нефть. Британские геологи искали нефть несколько лет и вложили в поиски немалые деньги. Первый нефтяной фонтан ударил в четыре часа утра 26 мая 1908 года. Осенью 1908 года образовалась Англо-Персидская нефтяная компания (ныне «Бритиш Петролеум»).

В 1914 году британское правительство усилиями первого лорда адмиралтейства Уинстона

Черчилля за два миллиона фунтов стерлингов приобрело больше половины акций компании, чтобы обеспечить военный флот недорогим и надежным источником нефти. В Абадане построили крупнейший в мире нефтеперерабатывающий завод. Главным покупателем был британский военный флот, который получал горючее с большой скидкой.

Нефть изменила страну, которая влачила жалкое существование из-за бездарной династии, правившей в Тегеране.

Четыре десятилетия Ираном правил шах Назир эль-Дин. Гарем, где он проводил большую часть времени, состоял из тысячи шестисот жен, любовниц и прислуживавших им евнухов. У него были сотни детей, которые уверенно залезали в государственную казну. Дабы ее пополнить, шах торговал государственными должностями, вводил непомерные налоги, конфисковывал имущество богатых торговцев. Он продавал концессии иностранным государствам и компаниям. Русские купцы получили исключительное право торговать икрой. Право выращивать табак и торговать табачными изделиями он продал англичанам. Это вызвало волну протеста, потому что множество крестьян жили тем, что выращивали табак.

В 1896 году шах был убит, когда приехал в мечеть. Его сын продолжил отцовскую политику, что только усилило возмущение. В стране формировались тайные общества, которые клялись избавить страну от тирании. На Иран произвел впечатление пример соседней России, где 1905 году вспыхнула революция. В конце года в Иране начались волнения, и шах тоже согласился на парламент. Возникла конституционная монархия.

Проект конституции составили по бельгийскому образцу, считавшемуся самым прогрессивным в Европе. Одни члены двухсотместного меджлиса избирались прямым голосованием, другие представляли цеховые корпорации – по одному депутату от мясников, печатников, бакалейщиков, часовщиков, врачей, портных... Первая сессия меджлиса открылась 7 октября 1906 года. 30 декабря приняли конституцию.

Многие требовали свободы вероисповедания, введения светских школ. Муллы сопротивлялись: «Не приведет ли это к отказу от ислама? Не ослабят ли уроки иностранных языков, химии и физики веру учеников?» Эти споры светских реформаторов и исламистов продолжаются всю новейшую историю Ирана.

Слабость государства позволила поживиться за его счет более сильным державам. Русско-английское соглашение 1907 года поделило Персию на три зоны. На севере все политические и торговые привилегии получили русские. На юге – англичане. В нейтральной зоне концессии могли получать представители любой страны.

Большевики после революции отказались от своих особых прав и простили Ирану долг перед Россией. Англичане поспешили заполнить вакуум. В 1919 году Англия навязала слабому правительству кабальное соглашение, наделявшее Англо-Персидскую компанию исключительным правом разрабатывать и продавать иранскую нефть.

Сепаратисты брали верх в разных уголках страны. Люди ожидали харизматического лидера, и в 1921 году он появился – сильный человек по имени Реза. Он родился в горном районе неподалеку от границы с Россией. Младенцем потерял отца. Юношей оставил дом, чтобы по семейной традиции посвятить себя военной службе. Совершенно неграмотный, служил в казачьей бригаде, сформированной белыми офицерами, бежавшими от русской революции. Эта бригада была лучшей частью в персидской армии.

Воинственный и склонный к авантюрам, Реза стал заметным человеком в стране. На него делали ставку те, кто мечтал о сильной центральной власти, в том числе англичане. Вечером 20 февраля 1921 года Реза во главе двух тысяч бойцов приблизился к Тегерану. На следующий день он арестовал правительство. Через три месяца страна была у него в руках. Реза называл себя националистом, но он взял власть с помощью англичан и помнил, чем им обязан.

Он следовал примеру популярного тогда турецкого властителя Кемалю Ататюрка. Реза тоже объявил Иран республикой, а себя – президентом. Но этого поста ему было мало. Необразованный, малограмотный, он тем не менее понимал, как делается политика в Иране. Как по нотам разыграл небольшую театрализованную драму. Удалился в деревню, чтобы думать и молиться, и объявил, что отказывается от всех постов. Меджлис пришел в ужас. Депутаты объявили династию Каджаров низложенной и предложили трон Резе. 12 декабря 1925 года он провозгласил себя шахом.

Реза принял имя Пехлеви – в память о династии, существовавшей до ислама. Связав себя с доисламской эпохой, Реза продемонстрировал свое пренебрежительное отношение к шиизму. «Он был против какого бы то ни было вмешательства духовенства в политику, – вспоминал его сын. – Он строго запретил духовенству вмешиваться в политические дела. Отец был убежден в том, что в противном случае не сможет осуществить намеченные им реформы... Мой отец прилагал огромные усилия для воскрешения славы и величия моей родины, идущих из глубины веков».

Шах был невероятно жесток, но это многим нравилось. Однажды он приехал в город в западной части Ирана, и ему пожаловались, что булочки задрали цены и люди голодают. Первого же попавшегося ему на глаза булочника он приказал бросить живым в раскаленную печь. На следующий день во всем городе торговали дешевым хлебом...

В 1935 году он заявил, что не потерпит, чтобы страну называли Персией – это название придумали иностранцы. Новое название – Шахиншахское государство Иран. Как и его предшественники, он брал взятки в особо крупных размерах, в основном от иностранных компаний, конфисковывал земли и стал самым богатым землевладельцем. «Шах Реза ликвидировал всех воров и бандитов в стране, – оценил ситуацию в стране один британский депутат. – Иранцы поняли, что в стране может быть только один вор».

От экспорта нефти страна получала копейки. Когда в мире началась Великая депрессия, доходы еще уменьшились. Шах Реза требовал от своих министров пересмотреть договор с англичанами, но это оказалось невозможно. Тогда шах бросил все документы в огонь и 27 ноября 1932 года заявил, что разрывает договор о концессии. Это означало, что нефтяной компании придется остановить добычу.

Британские власти обратились в Лигу Наций (довоенный аналог ООН, только с меньшими полномочиями). Иран сделал то же самое, заявив, что компания систематически нарушала условия договора и обманывала иранцев. Пришлось англичанам идти на компромисс. Договорились, что компания будет платить Ирану не менее девятисот семидесяти пяти тысяч фунтов стерлингов в год и улучшит условия труда в Абадане. А шах согласился продлить срок действия концессии на тридцать два года. Заодно компанию переименовали – в Англо-Иранскую.

Шаху нравились фашистские режимы в Европе. Симпатия к нацистам ему дорого обошлась. Летом 1941 года британские и советские войска вошли в Иран с двух сторон. 16 сентября 1941 года шах оставил престол и покинул страну. Он обосновался в Южной Африке и через три года умер в Йоханнесбурге в возрасте семидесяти лет.

Новым шахом стал его старший сын Мохаммад Реза Пехлеви, которому был двадцать один год. Он учился в Швейцарии, окончил военное училище в Тегеране и весной 1939 года поступил на военную службу. Молодой шах больше всего интересовался спортивными автомобилями, скачками и женщинами.

После того как старший Реза отрекся от трона, из тюрем выпустили посаженных им политических заключенных. На свободу вышли левые интеллектуалы. Молодые идеалисты создали первую настоящую политическую организацию – Народную партию Ирана (Туде). Эта

партия, состоявшая в основном из коммунистов, приняла прогрессивную программу, требуя защитить народ от эксплуатации. 1 мая 1946 года она вывела на улицы Тегерана и Абадана десятки тысяч демонстрантов. Несколько лидеров партии прошли в меджлис на выборах в 1946 году. Они помогли провести ряд социально значимых законов.

Но партия Туде, которая была против любых концессий иностранным компаниям, заявила, что нефтяные месторождения Северного Ирана должны быть сданы в концессию Советскому Союзу. Это подорвало союз коммунистов с иранскими националистами. Партия Туде была запрещена. Ее лидеры нашли убежище в Москве и Восточном Берлине.

И тогда в иранской политике появилась новая фигура – Мохаммад Мосаддык. Его мать принадлежала к шахской семье. Его род давал стране губернаторов, министров и послов, отец был министром финансов. Мальчик пошел по стопам отца.

Он учился в парижской Школе политических наук. Во Франции у него впервые проявилась болезнь, от которой он страдал всю жизнь (поставить точный диагноз так и не удалось): периодически открывалась язва желудка, случались тяжелые кровотечения. Несомненно, болезнь носила психосоматический характер. Когда он произносил речи, слезы бежали по его щекам, и это не было игрой на публику. Иногда он падал в обморок от нервного истощения. В остальном мире его поведение считали, мягко говоря, странным. Но в шиитском Иране открытое проявление чувств, даже наигранное, казалось, соответствовало умонастроениям его граждан, которые считали, что страдают от несправедливости.

Проболел год, Мосаддык вернулся к занятиям наукой – на сей раз в Швейцарии, куда он приехал с матерью, женой и тремя детьми. В 1914 году защитил диссертацию по юриспруденции и стал первым иранцем, получившим докторскую степень в иностранном университете. Он решил просить швейцарское гражданство. А пока поехал на родину – собрать материал для книги об исламском праве.

Это были годы, когда в Иране группы интеллектуалов задумывались над будущим страны. Мосаддык вовлекся в эти дискуссии и остался. Через год его дядя премьер-министр предложил ему занять пост министра финансов. Он отказался – не хотел получить должность благодаря родственным связям. В 1917 году ему предложили пост заместителя министра. Дядя уже не руководил правительством, и он принял пост. Он поразил коллег тем, что требовал наказывать за коррупцию. Через два года его освободили от должности.

Он вернулся в Швейцарию, считая, что Иран не нуждается в нем. Однако иммиграционные законы Швейцарии ужесточились, и ему отказали в паспорте. А тут Реза пришел к власти, начались новые времена, возникли большие надежды... Мосаддык принял пост министра финансов. Но антикоррупционные меры, которые он предпринимал, угрожали Резе и его друзьям, и ему вновь пришлось уйти. Он стал губернатором Иранского Азербайджана, однако ему не подчинились войска, расквартированные в этой провинции, и он отказался от этой должности. Несколько месяцев был министром иностранных дел, пока окончательно не разочаровался в Резе. Тогда он легко добился избрания в меджлис.

Мосаддык был высоким, но сутулым. Казалось, на его плечи давит невыносимая тяжесть. Он производил впечатление осужденного, которого ведут на казнь. Он говорил с трибуны парламента, что иранцы сами должны определять свою судьбу, и осуждал роль, которую в стране играли иностранцы. Не щадил он и коллег-депутатов, обвиняя их в трусости, отсутствии инициативы и патриотизма.

Когда Резу выбирали шахом, Мосаддык высказался против возвращения к институту монархии и призвал Резу, если он желает служить стране, самому возглавить правительство. Шах предлагал ему разные посты. Мосаддык отказывался. Его болезнь обострилась. У него бывали сильные кровотечения. В 1936 году он поехал в Германию лечиться, но и немецкие

врачи не смогли определить причину его недомогания. И несмотря на все это, шах его боялся. В 1940 году Мосаддыка арестовали.

По пути в тюрьму он наглотался транквилизаторов – в очевидной попытке совершить самоубийство. В камере пытался перерезать себе вены бритвой, объявлял голодовку. Через несколько месяцев его выпустили под домашний арест.

Мосаддык считал шаха Резу главным врагом Ирана. Его уход в сентябре 1941-го многое изменил. В 1943 году в стране впервые прошли свободные выборы. Мосаддык вновь был избран в меджлис. В Иране сформировалась легальная оппозиция в форме Национального фронта, которую возглавил Мосаддык и которая пользовалась широкой поддержкой.

После Второй мировой доходы Англо-Иранской нефтяной компании имели огромное значение для британской экономики. Компания платила налоги в Англии и только после этого отчисляла от десяти до двенадцати процентов прибыли правительству Ирана. В 1950 году компания перечислила в Лондон сто миллионов фунтов стерлингов. Вместе с малайским каучуком иранская нефть поддерживала курс этой слабеющей валюты. Министр иностранных дел Эрнст Бевин признавался: «Без иранской нефти мы никогда не сможем достичь того уровня жизни, к которому стремимся».

Иранцы считали, что англичане их грабят. Но британские управляющие нефтяной компанией отказывались что-либо менять. Это сплотило против англичан все слои общества. Меджлис сформировал комитет по нефтяным делам во главе с Мосаддыком. Его поддержала даже немалая часть исламского духовенства – кроме таких радикалов, как молодой священнослужитель Рухолла Хомейни, который считал, что Мосаддык и другие забыли об исламе.

Когда арабо-американская нефтяная компания «Арамко» в декабре 1950 года договорилась с Саудовской Аравией делить прибыли пополам, британский посол в Тегеране телеграфировал в Лондон: иранцам надо предложить такие же условия. Министерство иностранных дел и нефтяная компания отвергли эту идею. Они упустили еще один шанс решить проблему.

В 1951 году в Иране начались демонстрации с требованием национализировать нефтяную отрасль. Идею поддержало духовенство. Они читали в мечетях фетву, в которой говорилось, что пророк Мохаммад из рая клеймил шахское правительство за то, что оно продает природные ископаемые Ирана неверным иностранцам. 19 февраля 1951 года председатель комиссии меджлиса Мохаммад Мосаддык внес предложение о национализации нефтяной промышленности. 7 марта в столице прошла демонстрация под лозунгом «Смерть британцам!».

Тегеран расположен на выжженном солнцем плоскогорье у подножия потухшего вулкана Демавенд (хребет Эльбурс). Город чисто географически разделен на богатый Север и нищий Юг. Шах Реза приказал построить в столице пышные проспекты, которые разбили город на квадраты и придали столице негостеприимный облик. Назначенного шахом премьер-министра застрелили по пороге мечети. Полиция схватила убийцу. Он признался, что состоит в религиозной группе «Федаины ислама» и убил главу правительства, потому что тот – пешка в руках англичан.

Заседание меджлиса 15 марта стало историческим. Присутствовали девяносто шесть депутатов, даже те, кто накануне обещал шаху не приходить. Все проголосовали за национализацию. Через несколько дней столь же единодушно проголосовал и сенат, половину членов которого назначил сам шах. Мосаддык стал национальным героем эпических масштабов. Им восхищались все – от духовенства до партии Туде. Мосаддык был избран премьер-министром. Свершилось немыслимое: власть в стране оказалась в руках человека, который символизировал иранский национализм.

Шах неохотно согласился с его назначением. 1 мая 1951 года он подписал закон о создании национальной иранской нефтяной компании. Англичане возмутились. Считали, что иранцы должны быть им благодарны: для них нашли нефть, организовали добычу черного золота, они получают от нефтяной компании работу, деньги, да еще и «навыки благородного и культурного общения».

В Британии министром иностранных дел вместо ушедшего по состоянию здоровья Бевина стал Герберт Моррисон. Он тридцать лет пробивался наверх внутри лейбористской партии и в международной политике не разбирался. На заседании кабинета Моррисон высказался за военную интервенцию в Иране. Его оборвал премьер-министр Клемент Эттли, потребовав снять вопрос о применении силы с повестки дня. Он придерживался другой линии: «Подождем, пока нищим не понадобятся деньги, – это поставит их на колени». В своих мемуарах Клемент Эттли признался, что назначение Моррисона на пост министра иностранных дел было его «худшей кадровой ошибкой».

В какой-то момент Эттли был расположен к компромиссу. Он все же был социалистом и сторонником национализации некоторых важных отраслей в самой Британии. 31 мая 1951 года президент Гарри Трумэн телеграфировал Эттли, настоятельно советуя вступить в переговоры с Ираном, чтобы избежать ухудшения ситуации. 15 июля в Тегеран прилетел известный американский дипломат Аверелл Гарриман, надеясь сыграть роль посредника. Ему устроили своеобразную встречу. Десять тысяч человек кричали: «Смерть Гарриману!» Митингующих по всему городу разгоняла конная полиция и бронеавтомобили.

Гарриман поехал к Мосаддыку. Премьера-министра он застал в постели. Мосаддык сказал, что хотел бы понять: Соединенные Штаты – друг или марионетка англичан? Гарриман заметил, что работал в Лондоне и знает много хороших англичан. «Вы их не знаете, – пробормотал Мосаддык. – Вы их не знаете». Гарриман поинтересовался его внуком, спросил, где тот учится. «В Англии, конечно, – ответил Мосаддык. – Где же еще?»

В трудные минуты премьер-министр демонстрировал беспомощность. Когда на него давили, он укладывался в постель в розовой пижаме и складывал руки на груди. Впрочем, он мог быть вполне живым и галантным. Когда его познакомили с Мэри Гарриман, он принялся с большим удовольствием целовать ей руку и смог остановиться, только когда почти достиг локтя.

Переговоры не задались. Мосаддык жил шиитскими представлениями. Он готов был добиваться справедливости даже ценой собственной жизни. Разговор о деталях нового соглашения о добыче и продаже нефти его мало интересовал. Он постоянно говорил об англичанах: «Вы не знаете, какие они изобретательные. Вы не знаете, сколько в них зла».

Гарриман пытался объяснить с аятоллой Кашани – спикером парламента, ставшим одной из самых влиятельных фигур в стране. Гарриман объяснял, что преодолеть нефтяной кризис можно только путем какого-то соглашения между Ираном и Англией. Аятолла отвечал, что ни один уважающий себя иранец не станет разговаривать с «британскими собаками» и напрасно Соединенные Штаты это предлагают. Что касается иранской нефти, то пусть она остается в земле: «Если Мосаддык уступит, прольется его кровь».

Неудовлетворенный этой угрозой, аятолла попробовал прощупать самого Гарримана. Он спросил американца, известна ли ему судьба некоего майора Эмбри. Гарриман ответил отрицательно. Аятолла пояснил: «Он тоже был американцем, интересовался нашей нефтью и возбудил к себе ненависть народа. Когда он шел по улице, в него стреляли. Но не убили. Его отправили в больницу, и тогда толпа ворвалась туда и растерзала его прямо на операционном столе. Понимаете?» Не без усилий Гарриман сдержался: «Вы должны понимать, что я побывал во множестве опасных ситуаций. И меня так просто не запугаешь». Аятолла как ни в чем ни

бывало заметил: «Ну что ж, во всяком случае я должен был попытаться».

Англичане отправили к берегам Ирана боевые корабли. В середине апреля 1951 года три фрегата и два крейсера встали на рейд напротив нефтеперерабатывающего завода в Абадане. Государственный секретарь США Дин Ачесон пригласил британского посла, чтобы сообщить: американское правительство категорически возражает против применения силы. Ачесон симпатизировал национализму в третьем мире, видя в нем освобождение от несправедливостей прошлого.

Высокий, стройный, он носил отлично сшитые костюмы, бабочку и выглядел патрицием, хотя вырос в маленьком городке в Коннектикуте. Его мать была наследницей денег, заработанных на канадском виски. Его отец, англичанин, был священником. Ни один из девяти членов кабинета не имел такого влияния на президента Трумэна, как Дин Ачесон. У Трумэна не было ни личных советников по национальной безопасности, ни специальных представителей, каким был при Рузвельте Гарри Гопкинс. Все международные дела он передал Ачесону.

Госсекретарь знал, что Трумэн сентиментален и чувствителен к красивым жестам. Однажды президент написал Ачесону короткую записку: «Хорошо, что вы пришли нас проводить. Вы всегда поступаете правильно. Я все еще ощущаю себя деревенским парнем, и когда государственный секретарь крупнейшего государства приезжает в аэропорт, чтобы проводить меня в отпуск, я не могу не почувствовать себя большой шишкой».

Разницу в политике Лондона и Вашингтона символизировали послы. Американский посол в Тегеране Генри Грейди видел в Иране нищую страну, из которой англичане высасывают все соки, да еще и обращаются с шахом как со слугой. Британский посол сэр Фрэнсис Шепард считал, что иранцы должны быть благодарны англичанам.

Встретиться с Мосаддыком британское правительство поручило лорду-хранителю печати сэру Ричарду Стоуксу. Премьер-министр первым делом поинтересовался, не католик ли его гость. Стоукс кивнул. «Тогда вы не годитесь для переговоров, – констатировал Мосаддык, – католики не признают развода, а Иран разводится с британской нефтяной компанией». Лорд Стоукс заметил, что происходящее больше похоже на убийство, чем на развод.

Британское правительство ввело санкции против Ирана. Запретило экспорт в Иран важных товаров, например сахара и стали. Потребовало вернуть весь британский персонал из нефтяной отрасли. Блокировало счета Ирана в британских банках.

Мосаддык назначил управляющим иранской нефтяной компанией молодого инженера Мехди Базаргана, получившего образование во Франции. Базарган полетел в Абадан и сообщил британским инженерам, что теперь он их начальник. Англичане отказались с ним сотрудничать. Иранская нефтяная компания пыталась нанять специалистов в других странах. Но британское правительство убедило европейские правительства не давать им выездные визы.

Семь крупнейших нефтяных компаний (из них пять – американские) контролировали практически всю мировую добычу, большую часть нефтеперерабатывающих заводов и торговлю нефтепродуктами. Они отказались покупать национализированную иранскую нефть. Им не составило труда увеличить добычу в других странах Ближнего Востока, чтобы заместить иранскую нефть на мировом рынке.

В конце июня 1951 года англичане прекратили загрузку танкеров. Капитаны уже запрошенных судов получили приказ перекачать нефть обратно и покинуть порт налегке. Иран входил в четверку самых крупных экспортеров нефти, но не владел ни одним танкером и сам не мог продать ни капли. Ограниченные емкости хранилищ быстро заполнились. Иранская нефтяная промышленность остановилась.

Частная итальянская компания отправила в Иран танкер, чтобы заработать на дешевой иранской нефти. Британские корабли перехватили танкер. Британские юристы доказали, что

танкер везет ворованную нефть. Это был удар по правительству Мосаддыка. Больше ни одна компания не решалась вести бизнес с Ираном.

8 октября 1951 года Мохаммад Мосаддык прилетел в Нью-Йорк. Прямо из аэропорта он отправился в больницу, где его осмотрели врачи и заключили, что он в порядке. Он готовился выступить в ООН. 15 октября Совет Безопасности собрался, чтобы послушать Мосаддыка. Он был профессиональным юристом, он был европейски воспитанным человеком и свободно говорил по-французски. Может быть, дипломаты впервые услышали голос третьего мира.

Англия внесла в Совет Безопасности жесткий проект резолюции с осуждением Ирана. Но Мосаддык настаивал на том, что вообще никакой резолюции в данном случае Совет Безопасности принимать не должен. И к нему прислушались. Это было серьезное дипломатическое поражение Великобритании. Мосаддык стал фигурой мирового масштаба.

В Англии шла предвыборная кампания. Уинстон Черчилль боролся за свое прежнее место и обвинял своего соперника премьер-министра Клементу Эттли в том, что тот недостаточно твердо противостоит Мосаддыку. Гарри Трумэн решил вмешаться. Он пригласил Мосаддыка в Вашингтон. Премьер приехал на поезде. Говорил американскому президенту: «Я представляю очень бедную страну, страну пустынь – у нас только песок, немного верблюдов и овец...» «Да, и очень много нефти», – добавил госсекретарь Ачесон.

Но и переговоры в Вашингтоне ничего не дали. «Доктор Мосаддык, – сказал ему американский дипломат Вернон Уолтерс, – с вашим визитом было связано столько ожиданий. Но вы возвращаетесь домой с пустыми руками». Мосаддык удивленно посмотрел на него: «Неужели вы не понимаете, что, вернувшись с пустыми руками, я создаю себе более сильную позицию дома? А вот если бы я вернулся с соглашением, мне бы пришлось доказывать его полезность своим фанатикам».

В Лондоне к власти вернулись консерваторы во главе с Уинстоном Черчиллем. Всю жизнь он держал оборону против национализма в третьем мире, и на закате своей карьеры ему предстояла последняя схватка. Министр иностранных дел в правительстве консерваторов Энтони Иден, в отличие от других дипломатов, был хорошо знаком с Ираном. В Оксфорде он изучал персидский язык, считал его таким же красивым, как итальянский, и читал поэму «Шахнаме» на языке оригинала. Иден, как и Черчилль, был защитником колониальной системы. Он свысока относился к интеллектуальным способностям народов развивающихся стран и не скрывал это. Иден с Черчиллем были убеждены, что Мосаддыка надо убрать, но не знали, как это сделать. Мешала позиция Соединенных Штатов.

Администрация Трумэна исходила из того, что Мосаддык прав и англичане должны платить. Государственный секретарь Дин Ачесон ожидал серьезного хаоса в Иране. Экономика Ирана разваливалась из-за невозможности продавать нефть. Американцы опасались, что Мосаддык обратится за помощью к Советскому Союзу и Иран, важный союзник Запада в холодной войне, будет утерян. Дин Ачесон внушал Энтони Идену: «Мы ведь имеем дело со страной, которая находится рядом с Советским Союзом. Это критически важный район».

А в Лондоне больше думали о сохранении империи и поддержании курса фунта стерлингов.

«Нации, угнетаемые вероломными и алчными колониалистскими державами, – призывал иранцев к терпению Мосаддык, – должны проявить большую самоотверженность для того, чтобы обеспечить себе полную свободу и независимость, вырвать свои природные богатства из рук чужеземцев и использовать для своих нужд те доходы, которые ныне идут в карман иностранцев».

В 1952 году левая партия Туде была на подъеме. Англичане докладывали из Тегерана: левые добились того, что портреты шаха исчезли из витрин магазинов. Туде давила на

Мосаддыка слева. 12 июня 1952 года начальник штаба иранской армии предупредил своих офицеров, что Туде может решиться на военный переворот. Но превентивные меры против коммунистов крайне опасны.

В июле 1952 года Мосаддыка пригласил к себе шах. Разговор получился тяжелым. Двух вождей в стране быть не могло. Беседа прервалась, когда Мосаддык потерял сознание и упал к ногам шаха. Мосаддык требовал контроля над военным министерством. Шах понимал, что без армии он превратится в номинальную фигуру. «Да я лучше соберу вещи и уеду», – сказал шах премьер-министру.

По конституции шах являлся главнокомандующим, но был обязан в политических вопросах сотрудничать с правительством. Считалось, что шах имеет право сам назначить военного министра. Мосаддык нарушил это правило. Когда шах отказался пойти ему навстречу, Мосаддык 17 июля подал в отставку. Страна находилась в кризисе. Остановка нефтяной промышленности привела к тому, что десятки тысяч людей потеряли работу.

Шах попытался назначить главой правительства другого человека, предложенного англичанами. Но иранцы восстали. Они ценили Мосаддыка не только как патриота, выступившего против британцев, но и как премьер-министра, который провел важные социальные законы. Он освободил крестьян от рабского труда на крупных землевладельцев, заставил работодателей платить больным рабочим и рабочим-инвалидам, разработал систему пособий безработным.

21 июля Национальный фронт призвал к всеобщей забастовке в знак поддержки Мосаддыка. Шаху пришлось пойти на попятный. Вечером он пригласил Мосаддыка. Согласился с тем, что премьер-министр будет контролировать военное министерство. Он только поинтересовался, намерен ли глава правительства сохранить монархию. Мосаддык ответил утвердительно, пообещал: «Вы войдете в историю как невероятно популярный монарх, если будете сотрудничать с демократическими и националистическими силами».

На следующий день меджлис проголосовал за Мосаддыка. Он мог тогда легко избавить страну от династии Пехлеви и провозгласить республику. Но этому человеку часто не хватало решимости.

Англичане понесли тяжелое поражение. Их планы были сорваны новой силой – толпой. В Лондоне подумывали о военной операции, но Трумэн был категорически против. Оставался только заговор. Но Мосаддык в октябре 1952 года закрыл британское посольство. Всем англичанам – дипломатам и разведчикам – пришлось покинуть Иран. Англичане попросили помощи у американцев. Центральное разведывательное управление еще никогда не свергало премьер-министров, и Трумэн не хотел начинать.

Когда в Белом доме в январе 1953 года обосновался Дуайт Эйзенхауэр, отношение американской политической элиты к Ирану изменилось. Только один человек в новой американской администрации все еще надеялся на компромисс с Мосаддыком: сам президент. Он говорил Уинстону Черчиллю, что не хочет влезать в иранские дела. Черчилль не стал спорить. Он знал, что на его стороне братья Даллесы, один из которых стал государственным секретарем, а другой – директором ЦРУ. Братья мыслили категориями холодной войны и видели во всем происки коммунистов.

Президента Эйзенхауэра переубедили сообщениями о насилии в Тегеране и о том, что власть там может попасть в руки коммунистов: Иран не должен был перейти на сторону Советского Союза. Эйзенхауэр пришел к выводу, что Иран распадается и спасти его не удастся, пока Мосаддык у власти.

18 марта заместитель директора ЦРУ Фрэнк Визнер, отвечавший за тайные операции, сообщил англичанам о готовности сотрудничать в свержении Мосаддыка. Предупредил их, что

американская военная миссия продала Ирану оборудование для радиопеленгации, позволяющее находить нелегальные передатчики. 25 июня 1953 года государственный секретарь Соединенных Штатов Джон Фостер Даллес дал зеленый свет операции по свержению «безумца Мосаддыка». 11 июля его решение одобрил президент Эйзенхауэр.

Резидент ЦРУ в Тегеране Роджер Гойрэн проработал в Иране пять лет. У него была широкая агентурная сеть – больше ста человек. Она обходилась в миллион долларов в год – немалая сумма, учитывая, что весь бюджет тайных операций ЦРУ составлял восемьдесят два миллиона долларов. Резидент скептически отнесся к новому поручению: переворот приведет к тому, что иранцы будут считать американцев такими же колониалистами, как англичан. Директор ЦРУ Аллен Даллес приказал отозвать его из Тегерана и поручил операцию специалисту по Ближнему Востоку Кермиту Рузвельту.

Кермит Рузвельт родился в Буэнос-Айресе, где его отец занимался бизнесом. Он учился в Гарварде, там же преподавал и представлял собой тип разведчика-любителя. Он наслаждался атмосферой интриг и заговоров. Внук президента Теодора Рузвельта, он, как и многие представители этого семейства, был склонен к решительным действиям.

Врачи требовали, чтобы Рузвельт срочно сделал операцию на почке, а он в июле 1953 года улетел в Тегеран, прихватив с собой на сто тысяч долларов мелких иранских денег – раздавать протестующим на улицах. В то время в американских паспортах указывались особые приметы владельца, паспортистка записала: «Шрам на лбу». Малограмотный инспектор иранской пограничной стражи с трудом ознакомился с паспортом и решил, что это имя американца звучит так: «Мистер Шрам на лбу». Кермит Рузвельт решил, что это неплохое начало для его миссии.

Когда Мосаддык закрыл британское посольство в Тегеране, Кермит Рузвельт подумал, что это благоприятный момент для ЦРУ. Англичане столько лет выстраивали здесь подпольную сеть, которая теперь осталась без руководства, и кто-то должен ее возглавить. Сотрудники ЦРУ отправились на Кипр, где обосновались изгнанные из Тегерана британские разведчики. Те не хотели раскрывать имена своих агентов и доверенных лиц, но все же сообщили, что их главные агенты – братья Рашидян, с которыми они связываются трижды в неделю по радио и которые получают десять тысяч фунтов в месяц – большие по тем временам деньги. Они делали все, чтобы дестабилизировать ситуацию в Иране. Муллы, политики, журналисты резко критиковали премьер-министра.

Кермит Рузвельт разработал такой план: сначала массированная кампания критики Мосаддыка, потом верные шаху офицеры требуют его отставки, толпа захватывает улицы, и тогда новый премьер-министр устанавливает порядок.

Проблема у Рузвельта возникла с тридцатидвухлетним шахом, нерешительным от природы. Он ненавидел принимать решения. Ему не хватало морального мужества, и его легко можно было запугать. Большие усилия были потрачены на то, чтобы пробудить мужество в самом шахе. На него натравили сестру – решительную принцессу Ашраф, которая вовсе не была похожа на брата.

Поначалу Кермит Рузвельт терпел неудачи. Мосаддык обещал, что Иран станет «сражаться до конца». Его поддержала вся страна. И левые, и священнослужители повторяли, что иранцы готовы умереть, защищая свою честь. Но контраст между амбициозными мечтами и жестокой реальностью нищей жизни становился все более очевидным. «Мосаддык был честным, но сумасбродным и непредсказуемым человеком, – вспоминают современники. – По большей части из-за болезни он руководил делами либо лежа в постели, либо с балкона, обращаясь к толпе, собравшейся у его дома. Обличая западный империализм, Мосаддык имел склонность плакать и переходить на крик».

Шах согласился сделать новым главой правительства отставного генерала Фазлолла Захеда, который получил большие деньги от ЦРУ. При этом честно предупредил Кермита Рузвельта: «Если по несчастливому стечению обстоятельств дела пойдут не так, мы с шахиней улетим в Багдад».

15 августа 1953 года после полуночи на двух джипах и с грузовиками, полными солдат, командир императорской гвардии полковник Нематулла Насири отправился к Мосаддыку с фирманом – письменным повелением шаха отправить его в отставку. Полковник, который командовал семьястами солдатами, был лоялен шаху. Для начала полковник должен был блокировать начальника генерального штаба генерала Рияхи, чтобы армия не выступила на защиту премьер-министра. Но начальник штаба отсутствовал, его дом был пуст – ни слуги, ни швейцара у входа. Полковника это почему-то не насторожило. А оказалось, что начальник штаба предупрежден и уже поднял по тревоге своих солдат. Когда полковник прибыл к дому Мосаддыка, его разоружили. Начальник генерального штаба назвал его предателем и отправил в тюрьму.

Мосаддык сообщил по радио о срыве попытки государственного переворота, организованной шахом и иностранными элементами. Услышав это, испуганный шах и шахиня Сорейя, собрав вещи, сели в двухмоторный «бичкрафт». Шах занял кресло пилота и взял курс на Багдад. Оттуда через два дня они улетели в Рим, где нашли убежище. Министр иностранных дел Ирана Хусейн Фатеми на митинге назвал шаха предателем.

Начальник иранского отдела в ЦРУ Джон Уоллер отправил Кермиту Рузвельту шифровку: «Возвращайтесь». Рузвельт мог улететь вместе с генералом Захеда и другими на самолете американского военно-воздушного атташе. Но он не захотел покинуть поле боя, не считая кампанию проигранной. Генерал Захеда был довольно популярен среди военных. Рузвельт решил распространить по всему городу шахский фирман о назначении генерала Захеда. В Вашингтоне никто не разделял его оптимизма. Фактически он продолжал действовать в одиночку.

Мосаддык был уверен, что победил. А люди вновь и вновь выходили на улицы, протестуя против правительства, которое ничего не делает, чтобы жизнь стала лучше. Премьер-министру и в голову не приходило, что может последовать вторая попытка его свергнуть. Он наивно велел полиции не мешать демонстрантам.

Искренний по натуре Мосаддык по-детски верил другим людям. Его несложно было растрогать. Американский посол пришел к нему и стал жаловаться, что демонстранты угрожают даже семьям американцев. (К тому времени вместо Грейди, который поддерживал иранских националистов, послом в Тегеране был уже назначен Лой Хендерсон, считавший Мосаддыка «сумасшедшим, вступившим в союз с русскими».) Мосаддык возмутился и прямо в присутствии посла приказал полиции разогнать демонстрацию, которая на сей раз состояла из его верных сторонников. Позже он вообще запретил все демонстрации, поручив исполнение военным.

В результате, 19 августа на улицы вышли только противники Мосаддыка. А сторонники, исполняя его приказ, остались дома. Туде – единственная партия, готовая защищать правительство, весь день совещалась: что делать? Один из лидеров партии позвонил Мосаддыку и предложил выдать им оружие. «Если я когда-нибудь соглашусь вооружить политическую партию, – ответил Мосаддык, – пусть Аллах лишит меня правой руки!» Но Туде осталась дома не по этой причине. Она, как считается, ждала указаний из Москвы и не получила их. Тем временем военные освободили полковника Насири, который немедленно мобилизовал императорскую гвардию против правительства. Большинство военных хранили верность шаху. Военные придали путчу ореол законности. В атаке на правительственные

здания участвовали танки и артиллерия. Настоящая битва шла за резиденцию Мосаддыка. Восставшие захватили телеграф и сообщили стране, что правительство Мосаддыка низложено.

А шах ни о чем не подозревал. Он обедал в своем отеле в Риме вместе с женой и двумя адъютантами. Внезапно ворвалась группа репортеров. Они хотели знать мнение шаха о том, что происходит в Тегеране. Шах не сразу поверил этим сообщениям. Потом, воодушевившись, вскочил: «Мой народ любит меня!»

В ту среду погибли примерно три сотни человек, половина – в бою за дом Мосаддыка. Резиденцию Мосаддыка захватили, но самого премьер-министра не нашли. Его увезли помощники.

В американском посольстве пили шампанское. Во временном штабе генерала Захеда в офицерском клубе Кермита Рузвельта приветствовали как героя. На самом деле оперативники ЦРУ сыграли не такую уж большую роль. Придуманный ими план пошел прахом. Работая в Тегеране, они не знали фарси. Когда начались волнения, резидентура лишилась возможности общаться со своими информаторами, которые говорили по-английски и по-французски. ЦРУ утратило контроль и не очень хорошо представляло, что происходит.

Новый глава правительства Захеда приказал запретить все демонстрации, закрыть границы и вычистить всех сторонников Мосаддыка из армии и полиции. Мосаддык не смог бы долго скрываться, даже если бы захотел. Вечером он позвонил в офицерский клуб, чтобы договориться об условиях сдачи. Его доставили прямо в пижаме. Генерал Захеда больше всего боялся, что бывшего премьера попытаются убить.

А шах нанял голландский авиалайнер, чтобы прилететь в Тегеран. Его сопровождали восемь истребителей. На аэродроме играл военный оркестр. Шесть дней изменили его жизнь – он вернулся триумфатором! Пригласил к себе Кермита Рузвельта. Разлили ледяную водку, и шах сказал: «Я обязан своим тронem Аллаху, моему народу, моей армии и вам».

Мосаддыка перевели в военную тюрьму. Он предстал перед военным трибуналом. «Мое единственное преступление, – сказал Мосаддык своим судьям, – это то, что я национализировал иранскую нефтяную промышленность и избавил страну от колониализма, политического и экономического влияния великих империй». Приговор: три года тюрьмы и домашний арест до конца жизни.

Мосаддык отсидел срок от звонка до звонка. Летом 1956 года его отвезли домой. Его стерегли агенты шахской спецслужбы САВАК. К нему не допускали никого, кроме родственников и ближайших друзей. Арестовали шестьсот офицеров, близких к нему, около шестидесяти из них расстреляли. В 1965 году умерла его жена. Через несколько месяцев у него самого был обнаружен рак горла. Шах предложил ему лечиться за границей. Он отказался. Пригласили бригаду итальянских врачей. Мосаддыка привезли в Тегеран, где он лечился. Опухоль ему удалили, но подвергли слишком сильному облучению кобальтом. Это принесло больше вреда, чем пользы. 5 марта 1967 года в возрасте восьмидесяти пяти лет он умер. В публичных похоронах было отказано...

Однако в августе 1953-го Великобритании едва ли стоило торжествовать. 5 декабря 1954 года шах восстановил дипломатические отношения с Лондоном. Но англичане утратили свои позиции в Иране. Им пришлось поделиться с американскими нефтяниками. Англо-Иранская компания была переименована в «Бритиш Петролеум», за ней оставили только сорок процентов прежней доли в иранской добыче нефти. Остальное получили американские нефтяные компании. Этим занимался заместитель Джона Фостера Даллеса Герберт Гувер-младший, который прибыл в Тегеран улаживать нефтяные дела. 30 октября 1954 года экспорт иранской нефти был поручен Международному нефтяному консорциуму, в который вошли девять нефтяных компаний.

Эта история стала поворотным пунктом в истории стран – экспортеров нефти, членов ОПЕК². Впервые иностранную компанию лишили собственности. Все имущество отныне принадлежало иранскому государству, которое начало путь к нефтяной независимости.

Джордж Янг, руководивший ближневосточным направлением британской разведки, в 1955 году откровенно беседовал с шахом. Тот сказал, что после Второй мировой войны, подталкиваемый британскими и американским послами, он пытался стать конституционным монархом и в результате был вынужден бежать в Рим, а Иран едва не превратился в республику. Так что он сыт по горло демократией и теперь намерен «править сам». Он понимает, что погибнуть от руки террориста – его судьба, но верит в превентивные меры и не станет для убийц легкой целью.

Американцы уверились, что Великобритания дряхлеет на глазах. Физическое нездоровье Черчилля и Идена словно символизировало слабость распадающейся империи. После удаchi в Иране Кермит Рузвельт в августе 1953 года пришел повидать британского премьер-министра. В два часа дня он застал Черчилля еще в постели. Тот перенес несколько ударов. Ему сделали в Бостоне операцию. Он жил на лекарствах, страдал лихорадкой и внезапными переменами настроения. Сэр Уинстон плохо слышал и с трудом говорил. Черчилль сказал, что, будь он помоложе, охотно принял бы участие в иранском деле вместе с Рузвельтом.

Кермит Рузвельт в 1958 году покинул ЦРУ. Шесть лет он работал одним из директоров нефтяной компании «Галф Ойл». Потом перешел в «Нортроп Корпорейшн», помогал ей получить ценнейшие контракты в Иране. Он умер в 2000 году. Государственный переворот 1953 года был звездным часом его карьеры.

Мохаммад Мосаддык пробыл премьер-министром всего двадцать шесть месяцев. Но в каком-то смысле он изменил мир. В 1951 году Журнал «Тайм» назвал его Человеком года, предпочтя Трумэну, Черчиллю и Эйзенхауэру.

Партия Туде действовала в подполье и пользовалась полной поддержкой ЦК КПСС. Но в середине 1950-х практически перестала получать деньги от советских руководителей, потому что те наладили отношения с правительством Ирана.

Свержение Мосаддыка не пошло на пользу стране. Шах установил единоличную диктатуру, которая закончилась в 1978 году Исламской революцией. Американцы тогда не могли понять причину ненависти к ним со стороны иранцев. А это было в немалой степени следствием переворота 1953 года.

Черное золото дороже золота

Судьбу Ирана в 1970-е годы определяли цены на нефть. Взлетев, они сделали страну богатой и влиятельной, рухнув – привели к революции.

Считается, что все началось с войны на Ближнем Востоке в октябре 1973 года.

Когда-то один из руководителей Моссада (израильской политической разведки) внушал подчиненным: «Израиль – бедная страна, мы не можем позволить себе держать под ружьем большую армию. Моссад в какой-то степени должен освободить страну от содержания большой армии и призыва резервистов перед лицом военной угрозы». Это удастся далеко не всегда. Осенью 1973 года Моссад проморгал подготовку Египтом и Сирией новой войны. Армия обороны Израиля оказалась неготовой к одновременной атаке египетских и сирийских войск. Октябрьская война едва не стала для еврейского государства катастрофой.

² Организация стран – экспортеров нефти (The Organization of the Petroleum Exporting Countries, ОПЕК), картель.

Боевые действия начались 6 октября 1973 года, когда Египет и Сирия неожиданно атаковали Израиль с двух сторон. Поначалу арабским армиям сопутствовала удача. В Каире и Дамаске торжествовали, готовясь праздновать победу. Казалось, еврейское государство побеждено. Потом военное счастье перешло на сторону Израиля. Египет и Сирия оказались на грани поражения.

Еврейское государство поддерживали Соединенные Штаты, арабов – Советский Союз. Ни одна из великих держав не могла допустить поражения своего союзника. США и СССР были готовы схватиться между собой в битве за Ближний Восток.

В октябре 1973-го, впервые после Карибского кризиса 1962 года, когда из-за отправки советского ракетно-ядерного оружия на Кубу едва не вспыхнула мировая война, президент Соединенных Штатов объявил в вооруженных силах тревогу самого высокого уровня. Это означало подготовку ракет с ядерными боеголовками к пуску. Дальние бомбардировщики В-52 с ядерным грузом на борту несли боевое дежурство не на земле, а в небе, дозаправляясь в воздухе, чтобы в любую минуту взять курс к советским границам.

По воспоминаниям участников тех событий, осенью 1973 года в Москве опасались, что израильская авиация нанесет удар по построенной с советской помощью знаменитой Асуанской плотине на реке Нил. Если бы плотину разрушили, водная стихия смыла бы целые города. И, вроде бы, в Москве обсуждался вопрос об ответном ударе по Израилю с помощью ракет с ядерной боеголовкой. Во всяком случае так рассказывал один из создателей советского оружия массового поражения трижды Герой Социалистического Труда академик Яков Борисович Зельдович.

Для начала решили продемонстрировать способность авиации советского производства, предоставленной в распоряжение Египта, преодолеть израильскую систему противовоздушной обороны и сбросить бомбовый груз на Тель-Авив. В воздушное пространство Израиля отправили новый советский истребитель МиГ-25, отличавшийся мгновенным набором скорости и высоты. Скорость МиГ-25 в три раза превышала скорость звука. Высота полета делала его неуязвимым как для авиации Израиля, так и для зенитных ракет. Самолет без опознавательных знаков пролетел над Тель-Авивом. Перехватчики не смогли его сбить. Пилот был удостоен звания Героя Советского Союза.

Успешно начав кампанию против Израиля, уже через несколько дней Египет стал терпеть поражение. 3-я египетская армия, форсировавшая Суэцкий канал и высадившаяся на Синайском полуострове, попала в окружение. Положение Сирии было еще хуже. Израильские танки стояли всего в двадцати пяти километрах от Дамаска.

Президент Египта Анвар Садат умолял Советский Союз о помощи. Но Москва не имела реальных рычагов для влияния на события. По мнению советского посла в Вашингтоне Анатолия Федоровича Добрынина, ощущение беспомощности «подстегивало эмоции».

24 октября 1973 года главный советский военный советник в Египте доложил в Москву: окруженной 3-й египетской армии грозит полное уничтожение. Вечером в Кремле собралось политбюро. Советское руководство в те дни заседало почти каждый день. «Руководящие сотрудники внешнеполитических ведомств практически не покидали своих рабочих мест, – вспоминал один из руководителей ближневосточного отдела министерства иностранных дел. – Прикорнуть не раздеваясь можно было только на два-три часа в служебном кабинете. Но уж крепчайшего черного кофе, завариваемого по известному рецепту Че Гевары („максимум кофе и минимум воды“), я напился на всю оставшуюся жизнь....»

Советские руководители были едины в стремлении спасти арабских союзников от неминуемого разгрома, который был бы воспринят как слабость не только арабских армий, но и советского оружия. Однако чем же помочь Каиру и Дамаску? Министр обороны маршал

Андрей Антонович Гречко требовал отправить советские войска в Египет: только это остановит наступление израильских войск. За полгода до войны, на апрельском пленуме ЦК КПСС, министр обороны стал членом политбюро. Маршал почувствовал себя увереннее, ощутил свою силу и позволял себе пререкаться даже с генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичем Брежневым. Самоуверенно повторял: «Я как человек, который отвечает за безопасность страны...» Генеральному секретарю эти слова не понравились. Брежнев сказал, что это он – председатель Совета обороны и главнокомандующий – отвечает за безопасность страны.

Леонид Ильич хотел избежать прямого участия в ближневосточной войне. После бурного заседания политбюро решило нажать на американцев психологически, чтобы они заставили Израиль остановить наступление. Отдали приказ о проведении в Закавказье, по соседству с Ближним Востоком, крупных военных учений с участием авиации. И за подписью Брежнева отправили письмо-предупреждение американскому президенту Ричарду Никсону: «Мы вносим конкретное предложение – давайте вместе, СССР и США, срочно направим в Египет советские и американские воинские контингенты для обеспечения решений Совета Безопасности... Скажу прямо, если бы Вы не сочли возможным действовать совместно с нами в этом вопросе, то мы были бы поставлены перед необходимостью срочно рассмотреть вопрос о принятии нами соответствующих шагов в одностороннем порядке...»

Получив письмо Брежнева, в Вашингтоне пришли к выводу, что Советский Союз намерен вмешаться в войну на Ближнем Востоке и нанести удар по Израилю. «Когда руководитель моей администрации генерал Хейг проинформировал меня о послании Брежнева, – вспоминал президент Ричард Никсон, – я сказал ему, что он и Киссинджер должны провести совещание в Белом доме и разработать план нашей очень жесткой реакции на едва прикрытую угрозу одностороннего советского вмешательства».

Известный дипломат Валентин Михайлович Фалин вспоминал:

«Израильтяне позволили египетским генералам завести свои войска вглубь пустыни, окружили их, а сами предприняли рейд на Каир. Президент Анвар Садат, категорически отказывавшийся внимать советам из Москвы, просил о помощи: у Египта нет сил прикрывать свою столицу, выбрасывайте советские заградительные десанты.

Командование Советской армии – а вдруг политическое руководство решится! – приводит в мобильную готовность часть воздушно-десантных соединений. Соединенные Штаты, прознавшие об обращении египетского президента к СССР и связавшие с ним данные аэрокосмической и радиоэлектронной разведок о передвижениях в южных военных округах СССР, подняли по тревоге свои стратегические ядерные средства».

22 октября американские самолеты-разведчики, облетая советские транспортные суда, которые с грузом оружия и боеприпасов шли в Египет, зафиксировали исходящее от них радиоактивное излучение. Соединенные Штаты предположили, что в Египет отправлены ядерные боеголовки – к ракетам, уже развернутым на египетской территории. Государственного секретаря США Генри Киссинджера журналисты забросали вопросами: «Есть советское ядерное оружие в Египте?» «Мы точно не знаем, – ответил Киссинджер. – Советский Союз это отрицает. Но я повторяю, что мы этого не знаем».

24 октября американская военная разведка доложила: семь советских военно-воздушных дивизий приведены в состояние повышенной боевой готовности. Активизировалась 5-я оперативная эскадра советского флота, находившаяся в Средиземном море. Американцев тревожило наличие в составе советской эскадры десантных кораблей с морскими пехотинцами. В советском генеральном штабе действительно готовили план высадки морской пехоты в Порт-Саиде. На каждом корабле 5-й эскадры сформировали роту или взвод добровольцев для

высадки.

События развивались стремительно. Напряжение росло. Соединенные Штаты и Советский Союз следили уже не за ходом боев на Ближнем Востоке, а за действиями друг друга.

В ночь на 25 октября в Вашингтоне не спали. В полночь министра обороны Джеймса Шлезингера и председателя комитета начальников штабов адмирала Томаса Мурера вызвали в Белый дом. На совещании также присутствовали: государственный секретарь Генри Киссинджер, глава президентской администрации Александр Хейг, директор ЦРУ Уильям Колби. Теперь уже американское руководство демонстрировало готовность противостоять советским войскам, если они вмешаются в войну на Ближнем Востоке. В ноль часов двадцать пять минут приняли решение поднять уровень боевой готовности вооруженных сил Соединенных Штатов по всему миру.

Это было немедленно зафиксировано советской радиоэлектронной разведкой и доложено руководству страны. (Подобная мера всегда рассматривается как первый шаг к началу боевых действий.) Утром 25 октября в Москву поступил ответ американского президента на грозное послание Брежнева. «Мы должны рассматривать Ваше заявление об односторонних действиях, – говорилось в послании Ричарда Никсона, – как вызывающее серьезнейшую озабоченность и чреватое непредсказуемыми последствиями...»

В половине первого ночи авианосец «Джон Кеннеди», находившийся в Атлантическом океане, получил приказ войти в Средиземное море. Авианосцы «Франклин Рузвельт» и «Индепенденс» (флагман 6-го американского флота) приблизились к району боевых действий и встали на якорную стоянку в зоне ожидания южнее острова Крит. 82-ю воздушно-десантную дивизию, расквартированную в штате Северная Каролина, привели в боевую готовность. Американские войска в Западной Европе подняли по тревоге. В девять минут второго ночи разбудили командующего Атлантическим флотом и командующего вооруженными силами Соединенных Штатов в Европе. Командующий американской стратегической авиацией прибыл на командный пункт. Еще через шесть минут командование вооруженных сил оповестили, что Советский Союз может вмешаться в ближневосточную войну, и надо быть готовыми.

Авианосец – мощное оружие. Он способен без труда потопить любой корабль, подняв в воздух свои самолеты, которые атакуют врага. Поэтому корабли советской 5-й эскадры держались на максимально близком расстоянии, чтобы иметь возможность управляемыми ракетами вывести авианосец из строя раньше, чем с него взлетят самолеты. 5-я оперативная эскадра, которая постоянно дислоцировалась в Средиземном море, была тогда самым мощным и боеготовым оперативным корабельным соединением советского флота. Надводные корабли несли здесь боевую службу по специальному графику – обычно полгода. А подводные лодки, бывало, и по году. Корабли базировались в открытом море в нейтральных водах, где глубина позволяла встать на якорную стоянку. Задача 5-й эскадры: следить за американскими многоцелевыми авианосцами и атомными подлодками стратегического назначения, чтобы при получении приказа их уничтожить.

«26 октября, – докладывал в Вашингтон командующий 6-м флотом адмирал Дэн Мэрфи, – советские моряки начали широкие боевые учения, имитируя атаку на наши авианосцы. К 31 октября численность советских кораблей, действовавших в Средиземном море, возросла до 96 единиц. Американский 6-й флот и советская средиземноморская эскадра находились очень близко друг к другу, и мизансцена для казавшейся до этого невероятной „войны на море“ была подготовлена. Оба флота явно были готовы встретиться во всеоружии все, что бы ни произошло, хотя ни тот ни другой, казалось, не знали, чего следует ожидать». Это было первое в истории взаимоотношений двух стран военное противостояние на море, которое могло перерасти в глобальное столкновение. Надо сказать, что американские военные держались осторожно не

только потому, что таков был приказ Вашингтона. Они вовсе не были уверены в возможности одержать победу в такой войне. В Вашингтоне и Москве говорили о ядерном паритете между двумя державами. Но в Пентагоне считали, что советские арсеналы уже больше американских.

В первые дни Октябрьской войны советские генералы радовались успехам своих подопечных. Министр обороны Андрей Антонович Гречко и начальник генерального штаба Виктор Георгиевич Куликов через советское посольство в Каире советовали египтянам не снижать темп наступления. Верили, что преподали своим подопечным науку побеждать. Во время поездки в Египет летом 1972 года, будучи в подпитии, обнимая начальника египетского генштаба генерала Садека и стуча по столу, министр обороны маршал Гречко громко повторял: «Что бы ни было, мы будем с вами».

Когда арабские армии стали терпеть поражение, искали способа им помочь. Евгений Дмитриевич Пырлин, один из руководителей отдела Ближнего Востока министерства иностранных дел, обратил внимание на срочную шифртелеграмму, которую военные хотели отправить в Каир: «Начальник генерального штаба Куликов приказал главному военному советнику информировать египетское военное командование, что советская сторона разрешает использовать ракеты Р-17 класса „земля-земля“ для массированного удара по Эль-Аришу. Через этот порт на севере Синайского полуострова, надежно прикрытый израильянами с моря и воздуха, поступал основной поток американской военной техники. В соответствии с имевшейся официально оформленной договоренностью использование египтянами ракет этого класса должно быть предварительно санкционировано советским военным руководством».

Ракета Р-17, разработанная в конструкторском бюро Сергея Павловича Королева, получила за границей название «Скад». Дальность полета – триста километров. Точность попадания невысока: круговое вероятное отклонение от цели – три километра. Способна нести как обычную, так и ядерную боеголовку. У дипломатов возник вопрос: не ожесточит ли такой удар Израиль, войска которого уже изготовились к броску через Суэцкий канал в направлении Каира? Не приведет ли он к потерям среди моряков американских судов, доставлявших снаряжение и боевую технику?

Дипломаты задержали отправку шифртелеграммы и обратились к своему начальству. Министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко находился в Кремле, на заседании политбюро. Он перезвонил дежурному по министерству. Спросил: «Ну, что у вас там?» Выслушав объяснение, помолчал минуту и распорядился: «Телеграмму не отправлять!»

«Надо было спасать наших друзей – Египет и Сирию, – объяснял советскую политику помощник Брежнева по международным делам Андрей Михайлович Александров-Агентов. – После напряженных обсуждений, длившихся в политбюро не только дни, но и ночи напролет, было решено действовать не провокационно, но со всей категоричностью... Я хорошо помню, как обсуждение этой острейшей в тот момент проблемы происходило глубокой ночью в правительственном фойе за сценой Кремлевского дворца съездов, куда члены политбюро удалились с какого-то торжественного концерта...»

Все эти действия замышлялись как демонстрация силы. Но кризис имеет свою логику, один шаг влечет за собой другой. Демонстрация силы едва не переросла в настоящее противостояние двух ядерных держав. Даже разрядка и неплохие личные отношения Брежнева и Никсона не могли избавить обе страны от подозрительности и недоверия.

Расследуя впоследствии события осени 1973 года, конгресс США пришел к выводу, что Соединенные Штаты и Советский Союз находились на грани войны. Не разразилась она в значительной степени благодаря Брежневу. В те дни он проявил осторожность и выдержку, не позволил превратить политический кризис в нечто большее.

26 октября решение о повышении боеготовности американских войск было отменено.

Совет Безопасности ООН благодаря сотрудничеству Москвы и Вашингтона принял новую резолюцию, и теперь уже на Ближнем Востоке боевые действия действительно прекратились. Окруженная египетская армия была спасена.

Кризис миновал. Брежнев отправил новое послание Никсону, на сей раз составленное в примирительных тонах. Советский Союз больше не угрожал отправить на Ближний Восток свои войска. 30 октября президент Никсон пригласил советского посла Добрынина: «Передайте генеральному секретарю, что пока я жив и нахожусь на посту президента, я никогда не допущу реальной конфронтации с Советским Союзом...»

И по сей день во всей этой истории предположений и версий больше, чем доказанных фактов. Но Ричард Никсон называл этот момент – прямое противостояние Соединенных Штатов и Советского Союза в октябре 1973 года – самым серьезным кризисом за все годы его долгой политической карьеры.

А дальше началась история нефтяного эмбарго. Черное золото стало орудием политики.

Впервые нефтяное эмбарго было введено после поражения арабских армий в Шестидневной войне 1967 года. Нефтяные министры арабских стран пожелали наказать Запад за победу Израиля. Они решили прекратить поставки нефти Соединенным Штатам и Великобритании. Но эмбарго не подействовало. Между прочим, тогда СССР предложил нарастить экспорт нефти... Арабские страны несли такие финансовые потери, что сами же отказались от эмбарго буквально через несколько дней.

16 октября 1973 года шесть стран Персидского залива повысили цену на нефть на семьдесят процентов – с трех долларов одного цента до пяти долларов двенадцати центов за баррель. Впервые цену на нефть установили страны – экспортеры нефти, а не нефтяные компании.

На следующий день в Кувейте министры нефтяной промышленности арабских стран решили использовать «нефтяное оружие» для поддержки общего дела арабов. Договорились сократить добычу нефти на пять процентов и каждый месяц сокращать еще на пять процентов, пока Израиль не выведет свои войска с оккупированных территорий.

18 октября Саудовская Аравия, желая отличиться, заявила, что сокращает добычу не на пять, а сразу на десять процентов! 19 октября президент Ричард Никсон попросил у конгресса два с лишним миллиарда долларов на оплату оружия, поставленного Израилю в ходе войны. В ответ 20 октября саудиты объявили, что вводят эмбарго на поставки нефти в Соединенные Штаты. К Саудовской Аравии присоединились другие арабские государства. Эмбарго распространили и на Голландию, которая имела смелость открыто поддержать Израиль. Доходы стран ОПЕК резко возросли.

Эмбарго само по себе никого не испугало, потому что нефтяные компании сумели организовать поставки из неарабских стран. Но вот сокращение добычи имело далеко идущие последствия. Арабские страны с октября по декабрь 1973 года уменьшили добычу на пять миллионов баррелей. Иран ее увеличил, частично компенсируя недостачу.

Добыча сырой нефти в мире сократилась всего на семь процентов. Но люди больше руководствуются чувствами, чем разумом. Среди нефтяных компаний вспыхнула паника. Они пребывали в отчаянии, говорили, что идет борьба за выживание. Страны ОПЕК на радостях продавали ее все больше, минуя транснациональные компании, напрямую странам-потребителям, вздувая цены до небес.

Реакция Запада граничила с истерией. За бензином выстроились очереди. Правительство ФРГ запретило пользоваться машинами по воскресеньям. Канцлер Вилли Брандт назвал эмбарго поворотным моментом послевоенной истории. Но с экономической точки зрения страхи оказались преувеличенными, потому что нефти на рынке было предостаточно. ФРГ

нуждалась в трехстах семидесяти миллионах тонн нефти в год. Не хватало всего двенадцати миллионов. Дефицит легко покрывался из других источников. Реальным был только страх. «Арабское эмбарго было символическим жестом ограниченной практической значимости, – вспоминал Генри Киссинджер. – Эмбарго носило психологический характер... Но европейские страны отмежевались от нашей политики на Ближнем Востоке и даже отказались поделить свою нефть с Голландией из страха, что страны – производители нефти в отместку распространят эмбарго и на них».

Киссинджер уговаривал европейцев выработать совместную политику и противостоять ОПЕК: «Тридцать миллионов производителей нефти объединились и выработали собственную позицию. У них есть картель. Зачем же давать им возможность приказывать примерно восьмистам миллионам потребителей? Почему бы потребителям не говорить одним голосом?» Но Западная Европа и Япония, опасаясь, что эмбарго может расшириться и арабские страны еще сократят добычу, запаниковали. Лихорадочно закупали нефть впрок, что еще больше взвинтило цены. Некоторые покупатели были готовы заплатить сколько угодно.

Этот страх нефтяные державы уловили. Уже после окончания боевых действий, 22 декабря 1973 года, в Тегеране встретились страны Персидского залива – члены ОПЕК. Эта встреча стала поворотным пунктом в истории нефтяного бизнеса. Без всякой на то причины Иран предложил резко повысить цены.

Единой мировой цены на нефть нет. Есть система цен. Цена на сырую нефть каждого из сотен различных нефтяных промыслов колеблется в зависимости от качества, количества нефти, месторасположения промысла и продолжительности контракта. В 1955 году иранская нефть не стоила и двух долларов за баррель, венесуэльская была самой дорогой – два с половиной доллара за баррель.

После Второй мировой войны и до начала 1970-х нефтяным компаниям из-за конкуренции приходилось делать скидку с объявленной цены нефти, чтобы ее продать. Цены ненадолго подскочили в 1957 году – после Суэцкого кризиса, когда там шли военные действия. Потом опять поползли вниз. В феврале 1959 года крупнейшие нефтяные компании вынужденно скинули восемнадцать центов с барреля, в результате четыре крупнейшие нефтедобывающие страны Ближнего Востока теряли ежегодно сто миллионов долларов.

Италия заключила с Советским Союзом сделку на закупку нефти по цене на шестьдесят центов ниже цены ближневосточной нефти. Японские компании покупали нефть с огромной скидкой. 8 августа 1960 года американская компания «Эксон» заявила, что вынуждена снизить цены в среднем на десять центов за баррель.

Второе снижение цен побудило страны – экспортеры нефти к действиям. 9 сентября 1960 года представители пяти государств (Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия, Венесуэла) встретились в Багдаде, чтобы создать ОПЕК (Организацию стран – экспортеров нефти). Представители ОПЕК заявили, что им необходим устойчивый источник дохода: нефть является невосполнимым богатством, а колебания цен – явление нежелательное не только для производителей, но и для потребителей.

Заседания ОПЕК позволяли обмениваться информацией. Принимались решения, но страны ОПЕК были свободны выполнять их или игнорировать. Страны-производители сумели заставить нефтяные компании платить им больше. Затем число компаний увеличилось – более трехсот компаний занялись международным нефтяным бизнесом. Возникла конкуренция, которая была на руку членам ОПЕК (их число к 1970 году достигло десяти).

В сентябре 1969 года в Ливии свергли прозападного короля Идриса. Страну возглавил полковник Муаммар Каддафи. Прежде заинтересованность в увеличении доходов уравновешивалась зависимостью от промышленно развитых государств. Каддафи нужны были

только деньги. 29 января 1970 года Ливия потребовала поднять цену на нефть на двадцать процентов. Нефтяные компании, которые вели добычу в Ливии, отказались. Тогда ливийское правительство ограничило добычу этим компаниям. Компании уступили, и цена поднялась. А дальше страны ОПЕК повели дело к скрытой национализации. Не потому, что хотели сами заниматься нефтедобычей и сбытом. Главное было в другом: цена на нефть не устанавливалась путем переговоров, а назначалась правительствами нефтедобывающих стран.

К лету 1973 года создались условия для крутого перелома в мировой экономике – внезапного рывка цен. К тому времени практически вся мировая нефтяная промышленность работала на полную мощность. Нефть расхватывали на мировом рынке, как горячие пирожки.

Шах Ирана и руководители Венесуэлы давно хотели поднять цены на нефть. Из всех крупных производителей нефти только Иран и Венесуэла обладали навыком ведения дел на международной политической и экономической арене. Нефтяные ресурсы обеих стран были намного меньше, чем у Саудовской Аравии, поэтому им требовалось как можно больше денег для создания мощной промышленной базы до того, как истощатся нефтяные ресурсы.

Арабо-израильская война 1973 года и последовавшее за этим сокращение добычи арабской нефти создали для Ирана и Венесуэлы благоприятную обстановку, так как устранили все препятствия для повышения цен. Шах ловко воспользовался ситуацией. Вся ненависть американцев по поводу нефтяного бойкота обрушилась на арабские страны. А реально цены подняли иранцы и венесуэльцы. Но Соединенные Штаты слишком дорожили шахом как главным союзником в регионе...

Саудовский король Фейсал не разрешал своему нефтяному министру шейху Ахмеду Заки Ямани превышать уровень в семь долларов за баррель. Король говорил, что семнадцать долларов – слишком высокая цена, она разрушит экономическую структуру промышленных и развивающихся стран. Но иранский шах хотел больше! И настаивал на повышении цены.

В разгар переговоров министр Ямани позвонил в Эр-Рияд. Заместитель главы правительства принц Фахд согласился на компромисс – увеличить цену с пяти долларов двенадцати центов до одиннадцати долларов пятидесяти двух центов за баррель. Нефтедобывающие страны получали семь долларов чистой прибыли за каждый баррель. Доходы стран ОПЕК выросли с двадцати до ста миллиардов долларов в год. Причем большая часть этой суммы шла государствам Персидского залива.

Решение было одним из поворотных событий в истории XX столетия. Всего за сорок восемь часов счет за импортную нефть для Соединенных Штатов, Канады, Западной Европы и Японии возрос на сорок миллиардов долларов в годовом исчислении! Это был колоссальный удар по их платежному балансу, занятости и стабильности цен. Новый уровень цен нанес сокрушительный удар по старой системе, которая позволяла Западу получать дешевую нефть. Один эксперт хорошо выразил господствовавшее на Западе ощущение: «Я потрясен и напуган».

Движущей силой декабрьского увеличения цен был именно Иран, считавшийся союзником Вашингтона. Шах вовсе не искал столкновения с Соединенными Штатами. Он не участвовал ни в арабском эмбарго, ни в сокращении добычи нефти. Напротив, подчеркивал, что Иран ведет добычу нефти максимальными темпами, чтобы уменьшить ее нехватку. Он делал это не с целью оказать американцам любезность, а для увеличения собственных доходов.

В середине декабря во время торгов на рынке иранцам предложили беспрецедентную цену: шестнадцать – семнадцать долларов за баррель. Шах сделал для себя вывод, что официальная цена в пять с небольшим долларов слишком низка... Заодно он воспользовался возможностью задним числом продемонстрировать солидарность со своими арабскими соседями – после того, как отмежевался от них во время ближневосточной войны, снабжая нефтью Израиль и американский военно-морской флот.

24–25 декабря 1973 года на совещании в Кувейте решили сохранить эмбарго на поставки в США, но ослабить эмбарго против Европы и Японии. Министр нефти Саудовской Аравии шейх Ахмед Заки Ямани прокомментировал это так: «Антиамериканские меры объясняются весьма очевидным различием между теми, кто стоит рядом с арабами, и теми, кто стоит рядом с врагом».

Единый фронт ОПЕК против Запада вскоре рассыпался. Алжир вышел из эмбарго, за ним Ирак и Саудовская Аравия. Нефтяное оружие вновь не сработало. В марте 1973 года эмбарго было отменено. «Добившись отмены эмбарго, – вспоминал Киссинджер, – мы продемонстрировали, что можем противостоять „нефтяному оружию“. После потрясения 1973 года цены на нефть уже резко не повышались. В 1974–1978 годах они росли медленнее мировой инфляции; реальная цена на нефть за этот период фактически снизилась на двадцать пять процентов...»

Эмбарго не привело к мировому финансовому краху. Большинство западноевропейских стран и Япония подняли внутренние акцизы на бензин. Не было ни очередей за бензином, ни признаков паники. Хотя экономический рост этих стран несколько замедлился, в общем и целом они сумели справиться с неблагоприятным развитием событий. Нефтяной кризис заставил западные страны более серьезно подойти к проблеме энергетической независимости. Европа и Япония учились жить при более низком уровне потребления энергии, производство росло на основе альтернативных источников энергии, таких как атомная энергетика.

Почему же Соединенные Штаты, считавшиеся бастионом свободного предпринимательства, оказались неподготовленными к тому, чтобы отдаться на волю рыночной стихии? «Когда Ричард Никсон стал президентом, – вспоминал Киссинджер, – в мировой экономике дешевизну нефти рассматривали как что-то вполне естественное... Мы исходили из предположения, что обладаем большими неиспользованными внутренними резервами нефти. Открытие нефтеносных месторождений на северном побережье Аляски обещало неограниченные возможности...»

Спрос на нефть продолжал расти, потому что мировая экономика переживала третье десятилетие непрерывного спроса. Сознательное ограничение импорта привело к тому, что недра Америки истощились первыми в мире. Генри Киссинджер: «Предположение об избыточных нефтедобывающих мощностях в Соединенных Штатах, страх перед затовариванием рынка нефтью, кажущаяся готовность различных нефтедобывающих стран увеличить свою добычу – все это было полной противоположностью тому, что выявилось на самом деле... В конце 1972 года добыча нефти в США шла полным ходом, и никаких резервных мощностей не оставалось. Это был роковой поворот событий».

Президентская администрация и конгресс сопротивлялись высоким ценам на нефть внутри страны, опасаясь инфляции. Повышение внутренних цен до мирового уровня принесло бы огромные прибыли местным производителям нефти. Общество рассматривало такие прибыли как незаслуженные.

Розничная цена на бензин в Соединенных Штатах была намного ниже, чем в Западной Европе, да и в других странах. Цену на природный газ тоже сознательно держали низкой. Уголь был относительно дешев и в сочетании с недорогой электроэнергией обеспечивал страну дешевым электричеством. Экономика Соединенных Штатов отличалась низкими ценами на энергию. Неизбежным результатом стал быстрый рост импорта нефти. За четыре года – к 1973 году – он удвоился. В год эмбарго импортная нефть обеспечивала треть потребностей страны. Основными поставщиками были Венесуэла и Канада. По мере роста спроса на нефть возник интерес к другим поставщикам – на Ближнем Востоке и в Африке. Баланс сил на мировом рынке нефти изменился в пользу стран-экспортеров, которые создали структуру для

сотрудничества в виде ОПЕК.

В 1973 году Соединенные Штаты с опозданием осознали, что увеличение импорта нефти делает их уязвимыми. Если бы были собственные резервные мощности в нефтяной промышленности, они могли бы противостоять ОПЕК. Но импортные пошлины подорвали американскую нефтянку.

Трудности с бензином тяжело повлияли на занимающую главное место в мировой торговле экономику США, ориентированную на потребителя и вращающуюся вокруг автомобиля. Несмотря на огромные фактические и потенциальные запасы энергии в США, американская экономика с ее уникальным упором на автомобиль зависела от импорта энергетических ресурсов. В начале 1950-х чистый импорт нефти составлял менее одной десятой потребления США. В конце 1970-х покупали почти половину потребного количества нефти. В 1973 году США платили за нефть восемь миллиардов долларов, в 1978-м – сорок два миллиарда.

После нефтяного кризиса Вашингтон сделал ставку на укрепление военно-политических связей с двумя крупнейшими производителями нефти в Персидском заливе – Саудовской Аравией и Ираном (до падения шаха). Соединенные Штаты продавали им оружие и доказывали, что их безопасность зависит в первую очередь от американской помощи. Страны ОПЕК осознали свои возможности осенью 1973 года.

В отличие от более жестко организованных картелей, Организация стран – экспортеров нефти не имеет формального механизма для распределения объемов добычи нефти среди своих членов. Каждая страна вправе продавать столько нефти, сколько считает нужным, необходимо только соблюдать картельную цену с учетом поправок на определенные различия в качестве нефти. Страны – члены ОПЕК, которые не были удовлетворены своей долей в общем производстве нефти, от случая к случаю изменяли объем добычи в одностороннем порядке.

Интересы разных стран – членов ОПЕК сильно расходятся. Впрочем, отсутствие единства сохраняется внутри ОПЕК и по сей день. За большим столом в комнате без окон в здании ОПЕК в Вене представители Ирана, Ирака, Кувейта – стран, которые воевали друг с другом, – сидят в алфавитном порядке. Единства нет с момента основания ОПЕК в 1960 году. Раскол – между умеренными странами, вроде Саудовской Аравии, располагающей огромными резервами и строящей далеко идущие планы, и ястребами – Алжиром, Ливией, Ираном, которые действуют, не задумываясь о последствиях. Они игнорируют простой механизм: рост цен ударяет по производящим отраслям, экономический рост снижается, падает спрос на энергию и на нефть...

Легендарный нефтяной министр Саудовской Аравии часто предостерегал коллег от радикализма. В ноябре 1973 года Ямани сказал, что ОПЕК не должна ставить перед собой цель разрушить и подорвать экономику западных стран. Ямани понимал, что повышение цен запускает опасный механизм. Дорогая нефть заставляет развитые страны искать альтернативы. Автомобилестроители выпускают более экономичные модели. Строители добавляют утеплители в новые конструкции.

Страны на западной стороне Персидского залива (Саудовская Аравия, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты) имеют большие запасы нефти при небольшой численности населения. Они не нуждаются в значительном количестве нефти для удовлетворения внутренних потребностей. И озабочены, скорее, притоком иностранных рабочих, которые часто придерживаются радикальных политических взглядов и тем самым создают угрозу стабильности этих консервативных монархий.

Монархии Персидского залива сделали ставку на процветание промышленно развитых государств. Вложив большую часть своих доходов от нефти в западные экономики, они весьма

заинтересованы в их процветании. Страны ОПЕК владеют большим запасом долларов и других активов, исчисляемых в долларах, потому и сопротивляются обесцениванию доллара. Что не мешает странам ОПЕК относиться к промышленно развитым государствам – своим главным покупателям – с почти нескрываемым презрением.

Промышленное развитие, на которое шах Ирана сделал ставку, требовало высоких темпов добычи нефти. Режим Хомейни значительно снизил темп добычи, усилив тем самым рыночную силу картеля.

Ирак (при Саддаме Хусейне) и Алжир всегда были за высокие цены на нефть. Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты придерживаются умеренной линии. Это отражает различные взгляды на будущее мирового рынка нефти. Саудовская Аравия и другие страны Персидского залива ориентируются на более длительную перспективу. Они озабочены тем, что неоправданно высокая картельная цена подтолкнет покупателей к более строгим мерам сбережения энергии и к разработке альтернативных энергоисточников. Если эти меры окажутся успешными, то уменьшится мировой спрос на нефть.

Решения стран – членов ОПЕК, касающиеся цен на нефть и ее поставок, оказывают решающее влияние на мировую экономику. Но и страны – производители нефти заинтересованы в том, чтобы избежать развала мировой торговли, стремясь сохранить свое процветание. Спрос на нефть со стороны Соединенных Штатов, Западной Европы, Японии определяет уровень доходов, которые получают страны ОПЕК.

Подъем цен на нефть в 1974 году воспринимался как триумф третьего мира над империалистами. В действительности тяжелый урон понесли развивающиеся страны, не имеющие собственной нефти: чтобы поддержать экономику, им пришлось делать крупные займы у развитых стран.

Резкий рост цен на энергоносители обогатил Советский Союз, но одновременно и сделал нашу страну зависимой от экспорта газа и черного золота. После ближневосточной Октябрьской войны в страну потекли нефтедоллары. Добыча нефти в Западной Сибири за десять лет, с 1970 по 1980 год, увеличилась в десять раз, добыча газа – в пятнадцать. Страна сконцентрировала силы на развитии добычи и транспортировки энергоресурсов. Появление нефтедолларов совпало с потерей Кремлем интереса к решению серьезных экономических проблем. Словно исчезла сама потребность в реформировании экономики...

Война, разразившаяся на Ближнем Востоке в октябре 1973 года, ознаменовала появление нового мощного «вида оружия» – нефти. Нефтяное эмбарго 1973 года изменило экономику и политику многих стран. Мощные державы впервые ощутили свою уязвимость. Ни развитая экономика, ни современные вооруженные силы не могли наполнить внезапно опустевшие бензоколонки. Бои на Ближнем Востоке продолжались девятнадцать дней. Когда пушки, наконец, замолчали, мир стал иным. Нефтедобывающие государства обрели вес в мировых делах и смогли диктовать свою волю промышленно развитому миру. Ради танкеров с вожделенным горючим многие правительства меняли свой курс.

Спрос на нефть серьезно упал в начале 1970-х. Доля стран ОПЕК в мировых поставках нефти снизилась с пятидесяти процентов в 1973 году до тридцати процентов в 1985-м. Западные страны разрабатывали собственные месторождения в Северном море, на Аляске и в Мексиканском заливе. Переизбыток нефти привел к тому, что цена иногда опускалась ниже десяти долларов за баррель. Иначе говоря, серьезное повышение цен ведет к упадку самой нефтяной отрасли. Нефтяное оружие поворачивается против тех, кто прибегает к его помощи.

Эмбарго показало свою неэффективность и для производителей, и для потребителей. Они слишком зависят друг от друга. Одним нужны деньги, другим – топливо. Эта взаимозависимость гарантирует, что экономические реалии требуют компромисса. Но пока это

осознают все, оппонентам придется пойти на жертвы. Жители развитых стран увидят, что на заправке им придется платить больше. Жители нефтедобывающих стран ощутят это еще более остро: им нечего будет есть.

Смерть, оплаченная нефтью

Между этим преступлением и наказанием за него – больше двух десятилетий. Снимок человека, о котором пойдет речь, обошел весь мир. Во время одного из самых знаменитых терактов в провинциально-тихой австрийской столице в заложники были взяты сразу одиннадцать нефтяных министров стран ОПЕК. Погибли три человека. Сам террорист получил пулю в живот и тоже мог умереть, но выжил.

Это произошло в 1975 году, а арестовали его только в 1998 году. Не было стенда с объявлениями о розыске самых опасных немецких преступников (под шапкой «Осторожно – вооружен!» и с обещанием пятидесяти тысяч западногерманских марок награды), на котором не красовалась бы его фотография. И все же он был неуловим.

Другие террористы, спасаясь от наказания, бежали на Арабский Восток или в социалистическую ГДР. Один из самых известных боевиков, входивший в немецкую ультралевую боевую организацию «Революционные ячейки» Ханс-Йоахим Кляйн, не стал далеко уезжать. Немецкая полиция легко могла до него добраться. Но вот ведь странная история: его не очень-то искали. А он ждал, что рано или поздно его схватят. Наказания не боялся: считал, что если его посадят, это будет справедливо. Когда в австрийской столице он держал людей на мушке, то не сомневался, что рискует жизнью во имя высшей справедливости. И лишь много позже понял, что всех их заставили убивать ради того, чтобы цены на нефть пошли вверх.

21 декабря 1975 года в Вене хорошо вооруженная группа из трех палестинцев, одного венесуэльца и двух немцев из террористической организации «Революционные ячейки» захватила министров, участвовавших в заседании Организации стран – экспортеров нефти. Такого еще не было: заложниками стали министры самых богатых стран.

Венесуэлец по имени Ильич Рамирес Санчес, предпочитавший именовать себя Карлосом Шакалом, замыслил грандиозный спектакль глобального масштаба: облететь столицы всех нефтедобывающих государств, освобождая по одному министру в обмен на декларацию о поддержке палестинского дела. Ханс-Йоахим Кляйн рассказывал, что они решились на рискованную операцию, потому что имели точную информацию о системе охраны здания и о личных телохранителях нефтяных министров. Информация пришла от ливийцев. Из ливийского посольства террористам передали и оружие.

«Утром я отказался от завтрака, – вспоминал Кляйн. – Остальные стали надо мной смеяться, потому что и накануне вечером я тоже не проглотил ни куска. Но это было мудрым решением, которое, как оказалось позднее, спасло мне жизнь. Это я узнал во время службы в бундесвере: при ранении в живот выживает тот, чей желудок пуст». У входа в здание ОПЕК стоял австрийский полицейский, который лишь вежливо поздоровался с террористами. Он не поинтересовался ни их документами, ни тем, что они несут в сумках (где было оружие, в том числе гранаты). Аппаратура сканирования еще не появилась, времена были патриархальные.

При захвате заложников в Вене убили троих – охранника иракской делегации, австрийского полицейского, который пытался улизнуть, и безоружного ливийца, сотрудника ОПЕК. Несчастный ливиец стал жертвой арабской пропаганды – он решил, что на них напали израильтяне. Не понял, что перед ним товарищи по антиимпериалистической борьбе...

Предполагалось, что террористы вместе с заложниками уедут на автобусе, за руль сядет

Кляйн. Но в здании появились четверо бравых полицейских в стальных касках с автоматами в руках и открыли огонь. В Кляйна пуля попала рикошетом, но ранение, как он и ожидал, оказалось очень опасным – в живот. В ответ в полицейских полетели две гранаты. Свет погас, и стрельба прекратилась. Начались переговоры.

«Я выпустил пистолет из рук, – вспоминал Кляйн, – вытащил рубашку из брюк и осмотрел рану. Это была не дырка, а, скорее, щель, окруженная рваными кусками мяса. Кровь пока не шла. Я подумал: вот дерьмо. Я отступил на кухню и для начала выкурил сигарету. Боли не было, как будто бы ничего не произошло». Один из нефтяных министров, врач по профессии, наскоро осмотрел террориста и посоветовал: «Ему нужна операция и как можно скорее. Пока что не давайте ему ни есть, ни пить». Рана заболела. Кляйн начал слабеть. Его мучила ужасная жажда. Когда он почти потерял сознание, у него забрали бумажник и оружие, сказали: «Иди».

«Я вышел в фойе, – рассказывал Кляйн. – Полицейский офицер спросил, не заложник ли я. Я сел прямо на пол, натянул пиджак на голову и перестал отвечать на вопросы. В больнице во время рентгеновского обследования я на короткое время пришел в себя. Какие-то типы снимали с меня отпечатки пальцев, а я не давался. Сначала врачи со мной что-то делали, потом опять стали фотографировать, а чтобы я при этом открыл глаза, они дергали трубки, которые отовсюду торчали из меня. Это вызывало дикую боль».

Австрийские врачи утверждали, что Кляйн не переживет перелета. Но террористы потребовали вернуть им боевого товарища – доставить его в самолет к моменту вылета живым или мертвым. Когда на следующий день, 22 декабря, в девять утра Кляйна привезли на аэродром и погрузили в самолет, он был скорее мертв, чем жив. Газеты писали, что раненый террорист не выживет. На самом деле через пять дней он поднялся на ноги, а еще через пять дней с него сняли швы.

Самолет направлялся в Ливию. Из-за ранения Кляйна боевикам пришлось сделать посадку в Алжире. Алжирцы встретили их как товарищей. Руководитель алжирской госбезопасности, желая сделать что-то приятное товарищу по совместной борьбе против Запада, сказал немцу Кляйну: «Гитлер был хорошим человеком».

Карлос намеревался застрелить министров нефти Ирана и Саудовской Аравии. Но алжирцы вынудили Карлоса отказаться от этой мысли. За своих министров иранцы и саудиты обещали заплатить Карлосу по пять миллионов долларов. Он не решился ссориться с алжирцами. Ему пришлось удовлетвориться большим выкупом.

Только через много лет Ханс-Йоахим Кляйн понял, почему Карлос так хотел убить обоих министров и от кого он получил это задание. Акция в Вене носила чисто экономический характер. Убийство министров двух крупных нефтедобывающих стран должно было вздуть цены. Операция в Австрии была заказом лидера ливийской революции полковника Муаммара Каддафи.

Нефтяное эмбарго, введенное после Октябрьской войны 1973 года, закончилось. В январе 1974 года арабские страны грозили еще на пять процентов сократить добычу нефти. Вместо этого производство нефти увеличилось на десять процентов. В марте 1974 года эмбарго вообще отменили. Это был подарок для Соединенных Штатов и других крупных индустриальных стран. Добились этого государства, расположенные на западной стороне Персидского залива (Саудовская Аравия, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты). Вложив большую часть своих доходов от нефти в экономику западных стран, они были весьма заинтересованы в их процветании. Как и Иран, вполне довольный уже получаемыми барышами. А Ливии вместе с Ираком и Алжиром, которые выбрасывали деньги на ветер, все равно не хватало. Они хотели еще повысить цены.

Муаммар Каддафи понимал, что остался бы никому неизвестным маленьким царьком, если бы не нефтедоллары, которые полились в страну рекой в 1970-е годы. Он тратил денежки, покупая в Советском Союзе всевозможное оружие. Растущие арсеналы придавали ему значимости в собственных глазах. Но Москва на самом деле никогда не была в восторге от своего непредсказуемого клиента и не продавала Каддафи баллистические ракеты и самолеты дальнего радиуса действия. Суперсовременное оружие могло толкнуть эмоционально неустойчивого полковника на большую авантюру, которая кончилась бы новой войной на Ближнем Востоке.

Террор был выходом из этого обидного для Каддафи положения. В 1970-х годах полковник увидел, что терроризм – это прекрасная игрушка, которая рождает ощущение власти над миром. Ввязавшись в настоящую войну, он мог лишиться всего. Начиная кампанию террора чужими руками, Каддафи не рисковал ничем.

Каддафи превратил ливийские посольства, переименованные в народные бюро, в базы для террористов. Дипломатов заменили оперативники. Дипломатический багаж, освобождаемый от таможенного досмотра, оказался удобнейшим каналом переправки оружия и взрывчатки в нужное место. Террористам не надо было рисковать и возить оружие через границу. Они получали все, что им было нужно, в посольстве, которое снабжало их любыми документами, в том числе дипломатическими паспортами, позволявшими избежать ареста и суда.

Подобно многим восточным царькам, Муаммар Каддафи испытывал непреодолимую тягу к опереточным мундирам и помпезным церемониям. Когда он появлялся на публике в экзотической форме и в сопровождении женщин-телохранительниц, это вызывало смех у иностранцев. Однако сумасбродство Каддафи имело совершенно определенные рамки. Он никогда не рисковал своим положением. На митингах он мог кричать все, что угодно, но не позволял себе ничего, что могло привести к утрате власти. Такая линия свидетельствовала о предельной прагматичности и цинизме.

После захвата нефтяных министров Кляйн стал в арабском мире героем. Большое значение имело его мужественное поведение после ранения. За ним закрепилась репутация смельчака. Когда он немного поправился и смог ходить, началась его триумфальная поездка по некоторым арабским странам. Министр иностранных дел одной страны пригласил его на ужин, президент другой страны предоставил ему личный самолет для полета со всеми удобствами. Кляйн обедал с начальниками секретных служб, которые бывали с ним откровенны. И вскоре понял, что он всего лишь храбрый наемник, оказавший своим хозяевам важную услугу. И вот тогда он выяснил, что теракт в Вене был затеян вовсе не ради того, чтобы поддержать палестинцев в Ливане: Каддафи рассчитывал, что захват нефтяных министров спровоцирует кризис внутри ОПЕК и цены подскочат. Поэтому в Вене и прозвучали выстрелы. Поэтому был отдан приказ убить саудовского и иранского министров.

Некоторые западные исследователи полагали, что лидер ливийской революции существовал в каком-то шизофреническом мире. Но его иррационализм был, скорее, следствием безнаказанности, типичной для тоталитарного государства. Хорошо знавшие Каддафи люди считали его «толковым, ушлым парнем, воспитанным улицей». Муаммар Каддафи всегда делал то, что считал нужным. Как заметил один из ливийских диссидентов: «Каддафи – бедуин. Если он едет на верблюде и хочет повернуть, он просто поворачивает. Он не ждет, пока зажжется зеленый свет».

Выздоровливать после ранения Ханса-Йоахима Кляйна переправили в Йемен. Ему там не понравилось: скучно и жарко. Кляйн обосновался во Франции с поддельными документами. Он описал свою жизнь и отправил записки журналистам. Знаменитый французский писатель Жан-Поль Сартр создал фонд и призвал жертвовать для Кляйна деньги. На эти пожертвования

тот жил несколько лет. Жилье ему оплачивал советник президента Франсуа Миттерана Режи Дебре, идеолог левого движения. Популярная актриса Симона Синьоре давала ему деньги, хотя ее муж, знаменитый певец Ив Монтан, был против.

Многих восхищало, что Кляйн сумел вернуться из подполья к нормальной жизни. Женился, завел детей. Единственное, что мешало Кляйну, – он никуда не мог поехать. Его фальшивые документы не выдержали бы даже самой поверхностной проверки. Он казался человеком с железной волей, способным всегда держать себя в руках. Но это не так. В 1993 году он пытался покончить с собой, но неожиданно навестивший его приятель отвез Кляйна к доктору.

Кляйн по-прежнему значился в списке самых разыскиваемых террористов. Но, похоже, его и не пытались искать, потому что он больше не представлял опасности. Только 9 сентября 1998 года Ханс-Йоахим Кляйн был арестован в нормандской деревушке Сент-Онорин-ля-Гийом. В этой деревне он прожил с фальшивыми документами пять лет. Его судили за участие в захвате одиннадцати министров стран ОПЕК в Вене 21 декабря 1975 года, когда погибли три человека. Йошка Фишер (о нем чуть далее), который стал видным политиком, давал показания на процессе. Окружной суд Франкфурта-на-Майне приговорил Кляйна к девяти годам тюремного заключения. Он отсидел шесть лет. Его помиловали, и он вернулся во Францию, где поселился в глухой деревушке.

Только кажется, что наказание было мягким. За те десять минут в Вене, когда он с револьвером в руке распоряжался судьбами других людей, Кляйн расплачивается всю свою жизнь. «Прошлое меня не отпускает, – рассказал он журналистам. – Я не убивал людей там, в Вене, но я тоже ответственен за их смерть. И я по-прежнему жду, что бывшие товарищи отомстят за то, что я рассказал все... Когда я сажусь за руль и поворачиваю ключ в замке зажигания, я всякий раз жду взрыва». Он пытается понять, как это вышло, что он взял в руки оружие и едва не стал убийцей.

Кляйн родился в Западной Германии через два с половиной года после окончания войны. В первые послевоенные годы поверженная страна представляла собой груды развалин. Державы-победительницы вывозили из оккупированной страны все ценное. Немцы голодали. Выживали те, кто спекулировал на черном рынке, шел в услужение к оккупационным властям либо продавал свою жену или дочь. В поверженной Германии невиданно расцвела проституция.

Мать Кляйна покончила с собой в 1948 году. Ему было всего пять месяцев. Мальчика временно поместили в детский дом. Когда дети играли во дворе, воспитательница поймала в сарае курицу и попыталась топором отрубить ей голову, но не смогла удержать, и птица носилась по двору без головы. Кляйн с криком убежал в деревню. Его искали два дня и нашли в заброшенном сарае, голодного и замерзшего.

Отец вновь женился и забрал сына домой. Отец-полицейский не выносил беспорядка и недисциплинированности. Мальчику не давали есть, если он опаздывал на пять минут. Отец бил его – за то, что испачкался, когда играл с ребятами, или за то, что вернулся слишком поздно. И почти ежедневно – за то, что «ленив». Избивал кулаками, обрезком кабеля. Если орудие воспитания ломалось, находилось новое. Однажды зимой Кляйн провалился под лед. Прохожий, рискуя жизнью, вытащил его и привел домой. Вместо того чтобы обрадоваться чудесному спасению сына, отец опять избил мальчика.

Подростком Кляйн сбежал из дома и присоединился к одной из молодежных групп, которые хотели порвать с прошлым в знак протеста против надоевшей им жизни. Это было время молодежной революции. Группа заменила ему семью, дала тепло человеческого общения и чувство безопасности, которого он был лишен в семье. «Это был фантастический опыт для

меня, – вспоминал Кляйн. – Ко мне относились как к товарищу, и я гордился этим. Было так прекрасно быть признанным равным и быть равным со всеми».

Полиция разгоняла демонстрации левых. Кляйн входил в «Putzgruppen» («Отделочные бригады»): они учились драться, чтобы противостоять полиции. Среди тех, кто отчаянно сражался с полицейскими, был и будущий министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер.

Его настоящее имя – Йозеф, но ему не нравилось это «бюргерское» звучание, симпатичнее был венгерский вариант – Йошка (его родители – венгерские немцы, которым пришлось уехать в Германию после войны). Юный Йошка Фишер активно участвовал в молодежной революции 1968 года. Работал на заводе «Опель», откуда его уволили за революционную агитацию. И он пошел в таксисты. «Я принадлежал к движению стихийных бунтарей, – вспоминал Йошка Фишер. – Мы находились под сильным влиянием синдикализма и воинствующего анархизма, французских левых». Тухлые яйца и булыжники входили в арсенал многих студентов. Но что после баррикад – винтовки и бомбы? История развела взбунтовавшуюся молодежь в разные стороны. Йошка Фишер избрал партийную деятельность, стал депутатом бундестага, а потом и министром. Ханс-Йоахим Кляйн присоединился к радикалам и ушел в подполье.

Он вступил в малочисленную, но жестокую организацию «Революционные ячейки», которая разделилась на две группы: одна занималась террором в Западной Германии, другая помогала палестинцам. «Революционные ячейки» получали от палестинцев три тысячи долларов ежемесячно. Это были фальшивые бумажки. Взамен от немецких боевиков требовали услуг. Когда западногерманские криминалисты обнаружили несколько военных складов, принадлежавших «Революционным ячейкам», там оказался порядочный запас ручных гранат, взрывчатки и тысячи патронов для пистолетов и автоматов. Палестинцы посылали немцев на смерть без предупреждения. Бернд Хаусман погиб в израильском аэропорту Бен-Гурион, когда на трапе открыл свой портфель: ему не сообщили о встроенном взрывном устройстве, рассчитывая, что он откроет портфель уже в салоне самолета. Ханса-Йоахима Кляйна включили в группу, которая должна была захватить министров нефти в Австрии.

Для Кляйна и многих других немцев все началось с визита шаха Ирана в Западный Берлин. Именно тогда немецкая молодежь восстала против существующего порядка.

Визит шаха взорвал Германию

Можно сказать, что именно из-за иранского шаха родилось радикальное ультралевое движение. В Западный Берлин годами съезжались рассерженные молодые люди. Социал-демократические власти заботились о том, чтобы студенты, творческая молодежь чувствовали себя в городе комфортно. И что еще очень важно: в Западном Берлине молодые мужчины освобождались от призыва в бундесвер.

2 июня 1967 года в городе проходила студенческая демонстрация против визита иранского шаха Резы Пехлеви. Он вызывал ненависть и отвращение у европейских либералов. Шаха обвиняли в угнетении собственного народа, в подавлении инакомыслия и в пытках заключенных. В кампании протеста против его приезда участвовали иранские эмигранты, немецкие левые интеллектуалы. К ним присоединился Социалистический союз студентов в Западном Берлине.

Именно тогда прозвучал роковой выстрел, который изменил судьбу многих молодых немцев. Сотрудник криминальной полиции Западного Берлина Карл-Хайнц Куррас застрелил студента Бенно Онезорга. На суде Куррас утверждал, что на него напали и это была законная самооборона. Полицейского оправдали. Студент, который даже не участвовал в антишахской

демонстрации, умер в больнице. Его трагическая смерть стала исходной точкой для появления немецкого левого радикализма. Убийство Бенно Онезорга вызвало массовое возмущение в стране. Шах далекого Ирана был олицетворением того, что должно исчезнуть. Приезд шаха, разгром демонстрации и убийство западноберлинского студента полицейским изменили ход германской истории, стали катализатором молодежного восстания 1968 года и левого терроризма, который потрясал страну в 1970–1980-е годы.

Недавнее расследование, проведенное прокуратурой уже единой Германии, показало: выстрел вовсе не был самообороной, как уверяли тогда полицейские, пытаясь скрыть истину. Полицейский Карл-Хайнц Куррас утверждал, что демонстранты угрожали ему ножами. Внимательное изучение съемок и фотографий с помощью современных компьютерных технологий позволяет точнее представить себе события того дня. Нашлись фотоснимки, на которых человек с пистолетом в руке спокойно направляется к Онезоргу – это Куррас. И еще на одном, прежде неизвестном фото Куррас опирается левой рукой на плечо другого полицейского, а правой стреляет. Имя этого полицейского вообще не фигурирует в расследовании 1968 года – его даже не допросили относительно обстоятельств этой истории. Не допросили и троих стражей порядка, которые продолжали избивать Онезорга уже после того, как в него попала пуля и он умирал на земле. Но самое отвратительное – поведение врачей в клинике Моабит, где они освидетельствовали труп Бенно Онезорга. Они сделали все, чтобы помешать экспертизе. Удалили тот фрагмент черепа, куда попала пуля. Чем это было как не попыткой скрыть убийство? В свидетельстве указали причину смерти: «Повреждение черепа грубой силой...» Врач, подписавший свидетельство, уверял, что выполнял приказ начальника.

В 2009 году было сделано новое открытие: стрелявший в Онезорга западноберлинский полицейский Карл-Хайнц Куррас тайно работал на министерство государственной безопасности Восточной Германии. И возникает вопрос: не застрелил ли он студента намеренно, выполняя поступившую из Восточного Берлина команду устроить провокацию? МГБ ГДР наверняка жаждало устроить мятеж в Западном Берлине, вот агент внутри западноберлинской полиции и мог сыграть такую роль...

Карл-Хайнц Куррас для молодежи 1960-х олицетворял реакционность западногерманской системы. А в реальности был секретным агентом министерства государственной безопасности и членом восточногерманской компартии – СЕПГ. Полицейский, который без всякого повода и оснований застрелил безвредного и беззащитного студента, был вдохновлен коммунистическими идеями.

Досье Курраса всплыло случайно. Когда рушилась ГДР, сотрудники министерства госбезопасности попытались скрыть следы его сотрудничества: уничтожили его учетную карточку в картотеке секретных сотрудников, чтобы даже офицеры МГБ не могли узнать о его принадлежности к аппарату. Но одна из сотрудниц архива, изучавшая дела восточногерманских чекистов, натолкнулась на упоминание некоего агента под номером 2/70 из секретной картотеки. Она запросила материалы в архиве МГБ и получила семнадцать томов – отчет о деятельности тайного сотрудника, некогда действовавшего в Западном Берлине.

Вторая, тайная жизнь Карла-Хайнца Курраса началась во вторник 19 апреля 1955 года. В этот день двадцатисемилетний западноберлинский полицейский перешел в Восточный Берлин, который стал столицей ГДР (Берлинскую стену еще не воздвигли), и обратился в ЦК партии на Вильгельм-Пик-штрассе. Попросил дежурного охранника связать его с сотрудником министерства госбезопасности. С ним встретился офицер четвертого управления МГБ. Куррас сказал, что ему не нравится то, что происходит в Западном Берлине, и он хотел бы работать на лучшую Германию. Он намеревался перебраться в ГДР. Но офицер МГБ сразу сообразил, какую ценность представляет полицейский из округа Шарлоттенбург. Он убедил Курраса, что

тот принесет больше пользы социалистической ГДР, если останется служить в западноберлинской полиции и станет секретным сотрудником.

Через несколько дней, 26 апреля, Куррас встретился с офицером МГБ во второй раз. Он дал собственноручную подписку: «Не будучи политически грамотен, я верю, что путь, избранный на Востоке, является правильной политикой. Чтобы участвовать в этом движении, я готов сообщать о деятельности полиции Западного Берлина представителям министерства государственной безопасности ГДР. Я согласен сохранять мою работу в полном секрете. Свои отчеты буду подписывать псевдонимом Отто Боль».

В МГБ считали, что у молодого полицейского большое будущее. Ему обещали помочь в учебе и карьере. В полиции Западного Берлина его тоже ценили. На беседе в отделе кадров он попросил «поручать более важные задания, что дало бы мне ощущение большего удовлетворения, потому что хочу продемонстрировать свои способности».

В 1965 году Курраса перевели в первый отдел городского управления – мечта для агента из ГДР! Первый отдел ведал шпионами и перебежчиками с Востока. Отдел тесно сотрудничал с контрразведкой ФРГ и спецслужбами США, Великобритании и Франции. Причем Курраса включили в спецгруппу, которая занималась поиском агентов-двойников внутри полиции. Все как в шпионском романе: ему доверили выявлять его же тайных товарищей – агентов МГБ.

Первого отдела в полицейском управлении боялись как огня. Не без гордости Куррас докладывал кураторам из МГБ: «На нас смотрят с подозрением, но начальство оказывает нам всю необходимую поддержку». В первом отделе у полицейских были псевдонимы. Куррас получил еще один: Жандарм. Кураторы поручили ему соблазнить секретаршу начальника отдела. Он попросил больше таких заданий не давать, объяснив просьбу тем, что с секретаршей у него ничего не получилось.

Достоинство Курраса состояло в том, что он сообщал только реальную информацию, ничего не придумывал, был внимателен к деталям и полностью отдался своему делу. Двенадцать лет он снабжал Восточный Берлин первосортной информацией. Благодаря Куррасу в министерстве госбезопасности знали практически обо всем, что полиция и спецслужбы ФРГ затевали против ГДР. Он детально описывал своих сослуживцев, кадровые перемены и взаимодействие различных ведомств. Рассказывал, как отмечаются дни рождения, какие разговоры ведут полицейские в своем кругу. Даже рисовал, как выглядят служебные помещения полиции. Сообщал о перебежчиках или о слежке за теми, кого подозревают в шпионаже.

С его помощью МГБ получило доступ практически ко всем досье западноберлинской полиции. Особенно интересовала информация о тех, кто помогал восточным немцам бежать. Ему передали записывающую аппаратуру, чтобы он мог подслушивать своих начальников. Один набор такой аппаратуры он должен был установить в кабинете начальника криминальной полиции. Фотокамерой «Минокс» он ночами снимал служебные документы. В полиции он считался надежным и старательным работником, ему разрешали брать документы с собой. Отснятые пленки он передавал кураторам во время встреч (как правило, в общественных туалетах).

Для прикрытия Куррас вступил в Социал-демократическую партию Германии. И практически одновременно, 16 января 1964 года, пройдя кандидатский срок, был принят в Социалистическую единую партию Германии в ГДР. В заявлении о приеме обещал отдать все свои силы партии. Его рекомендателем была женщина под псевдонимом Лотти.

Лотти (Шарлотта Мюллер) ездила в Западный Берлин к сестре и использовала эти поездки, чтобы встречаться с Куррасом. Они сидели в обычном кафе в парке Тиргартен и разговаривали. Во время этих бесед она старалась пробудить его классовое сознание, особенно

когда ей казалось, что ему не хватает энтузиазма. (Ему трудно было допрашивать своих товарищей – пойманных агентов из ГДР, и Лотти приходилось поднимать его дух.) 26 января 1965 года она докладывала о беседе с Куррасом: «Он высказал определенные сомнения относительно участия в арестах людей, которые работают на Германскую Демократическую Республику. Я ответила, что он обязан исполнять свою работу. Я напомнила ему о докторе Зорге, которому приходилось делать то, что шло вразрез с его убеждениями, ради получения важной информации». Ее дар убеждения возымел действие. После следующей беседы доложила: «Он уже не испытывает сомнений относительно участия в работе против тех, кто подозревается в сотрудничестве с МГБ».

Отправляясь в отпуск в Австрию, Куррас заезжал в социалистическую Чехословакию, чтобы там, в безопасной и комфортной обстановке, побеседовать со своими кураторами из МГБ. Ему платили, в общей сложности он получил двадцать тысяч западногерманских марок (немалая сумма в те годы). Куррас снимал стресс выпивкой и стрельбой в тире. В его досье, которое хранилось в МГБ ГДР за семью печатями, отмечены и его служебные успехи, и привычка к алкоголю. А также его страсть к оружию: «Он не скрывает, что ему нравится стрелять. Просил раздобыть оружие, которое нельзя купить на Западе».

Он прекрасно стрелял. Получил несколько наград как снайпер на соревнованиях полицейских. Почти все свободное время проводил в тире. Тайная служба в МГБ помогала оплачивать его хобби. До четырехсот марок в месяц уходило только на патроны. Характерен пароль, с которым к нему направили связного из МГБ: «Господин Куррас, меня послали к вам из стрелкового отдела».

Вечером 2 июня 1967 года шаха Резу Пехлеви ожидали в западноберлинской опере. Давали «Волшебную флейту» Моцарта. Перед зданием собрались и студенты, противники шаха, и его сторонники – в штатском. Безопасность высокого гостя из Ирана обеспечивал сотрудник полиции Ханс-Ульрих Вернер, который в годы Второй мировой войны участвовал в операциях против советских партизан на Украине.

Когда около восьми вечера появился «мерседес-600» с шахом и шахиней, в толпе раздались крики: «Убийца!» В гостей полетели помидоры и яйца. Полицейские схватили одного из молодых людей, бросили в служебный автобус и избili. Гости вошли в оперу, и улица успокоилась. Тем не менее полиция вела себя агрессивно и атаковала собравшихся, не потребовав от демонстрантов предварительно – как полагалось по инструкции – очистить улицу. Полицейские орудовали палками и ногами. На следующий день их начальник так объяснил стратегию подчиненных: «Представьте, что толпа протестующих представляет собой сосиску. Что мы должны были сделать? Сжать посередине, чтобы она лопнула с обоих концов».

Когда люди побежали, их стали сбивать с ног ледяными струями из водяной пушки. Специальные подразделения старались выявить и поймать руководителей демонстрации. На перекрестке стояла молодая пара – Бенно и Криста Онезорг. (Они поженились полтора месяца назад и ждали ребенка.) Случайные прохожие, они были потрясены жестокостью полиции. Бенно Онезорг, который занимался германо-романскими штудиями, захотел выяснить, что происходит. Его жена, ощутив явную опасность ситуации, ушла домой.

Полиция оттеснила демонстрантов на Круммештрассе. Куррас руководил одной из атакующих групп. На стоянке люди металась между машинами. Трое полицейских сбили с ног и избивали одного из студентов. Онезоргу тоже досталось. И тут Куррас неожиданно выстрелил Онезоргу в затылок из служебного «вальтера ППК» калибра 7,65 мм. Свидетели вспоминали, как другой полицейский кричал на Курраса: «Ты что, с ума сошел, стрелять здесь?» Куррас ответил: «Это случайность». Его начальник крикнул: «Куррас, назад! Немедленно! Уходи отсюда!» Тяжелораненый Онезорг лежал на земле. Полицейские помешали подбежавшему

норвежскому врачу оказать ему первую помощь. Пятнадцать минут ушли на то, чтобы вызвать «скорую помощь», и еще сорок пять минут – на то, чтобы доставить раненого в больницу.

Иранский шах, узнав о происшедшем, поделился опытом с правящим обер-бургомистром города пастором Генрихом Альбертцом: «Вам нужно больше стрелять. Тогда все успокоится».

Профсоюз выделил лучшему снайперу берлинской полиции Куррасу шестьдесят тысяч марок на адвоката для защиты от обвинений в непреднамеренном убийстве. На суде Куррас утверждал, что его сбили с ног и избивали человек десять или одиннадцать. Двое бросились на него с ножами... Он сделал предупредительный выстрел. И только в схватке случайно попал в Онезорга. Ни один из свидетелей не смог хотя бы частично подтвердить его показания. Но суд оправдал Курраса. Через четыре года его вновь приняли на службу в полиции.

Мало кому понятно, почему его так защищали. Ведь если бы тогда Курраса не выгораживали из корпоративной солидарности, не произошло бы такой радикализации молодежи. Приезд иранского шаха и выстрел полицейского 2 июня взорвали немецкое общество. Появились массовое студенческое движение и внепарламентская оппозиция. Символом стало фото студентки Фридерики Доллингер, стоящей на коленях возле смертельно раненного Онезорга.

В тот же день поздно вечером разгневанная молодежь собралась в штаб-квартире союза студентов на Курфюрстендамм. Именно тогда молодая женщина по имени Гудрун Энслин произнесла слова, ставшие историческими: «С поколением, которое устроило Освенцим, нельзя вести дискуссию. Эти свиньи нас всех прикончат. У них есть оружие, у нас нет. Мы тоже должны вооружиться». Она предложила штурмовать полицию и захватить оружие. Претворить эту мысль в действие означало стать террористами. Дочь протестантского пастора, Гудрун Энслин вскоре примет участие в создании террористической группы «Фракция Красной армии», которую чаще называют группой Баадера – Майнхоф, по именам ее первых руководителей. Террор этой группы стоил жизни пятидесяти людям. Другая террористическая группа так и назвала себя: «Движение 2 июня». Один из ее боевиков, Тилл Майер, сказал тогда: «Западноберлинский полицейский выстрелил во всех нас».

Позже Тилл Майер и сам стал секретным сотрудником министерства госбезопасности ГДР. Безумная ситуация: и террорист, и полицейский, который его породил, – оба агенты МГБ. Что может быть нелепее?..

Ситуация в Западной Германии в конце 1960-х была такой, что многие словно ожидали чего-то подобного убийству Онезорга. Многие студенты, интеллигенция воспринимали страну как авторитарное государство, в котором выражение недовольства действиями полиции считалось нарушением закона. Для них это была страна, где игра на гитаре у фонтана заканчивалась появлением полиции.

В начале 1960-х чтение трудов Карла Маркса вызывало подозрение: «нормальному» студенту этого делать не следует. Если студенты жаловались на замшелых профессоров, могли услышать в ответ: «Вас всех следует отправить в концлагерь». Критические дискуссии относительно политики США в Азии были запрещены. Правящий бургомистр предостерегал студентов от участия в демонстрациях против войны во Вьетнаме: нам, немцам, не следует учить других, как им следует себя вести.

Молодые немцы переселялись в большие незаселенные квартиры Западного Берлина и пытались жить по-новому вместе, коммунарами. Они часами просиживали в клубах, читали Жана-Поля Сартра и Альбера Камю, искали ответов у Герберта Маркузе, Карла Маркса и Зигмунда Фрейда, слушали культового певца американского антивоенного движения Боба Дилана, пили красное вино и ром с кока-колой, пробовали наркотики вместе со снотворным. Они в равной степени негодовали из-за плохой пищи в студенческих столовых и по поводу

американских бомбардировок Ханоя. Они ощущали себя борцами за новый мировой порядок, который создается миром, любовью и равенством.

Иначе говоря, восстание против правил, которые они презирали, было неминуемым. Но протестное движение было бы иным, если бы убийца-полицейский был наказан. Если бы его осудили, многие не стали бы выходить на демонстрации протеста. Для студентов оправдание Курраса судом стало подтверждением того, что в ФРГ все устроено неправильно – преступника-шаха встречают с почетом, полицейского-убийцу оправдывают. Иное решение суда изменило бы взгляд на страну.

Интересно, что выстрел на Круммештрассе огорчил министерство госбезопасности ГДР. 8 июня Куррас получил зашифрованную радиogramму: «Уничтожьте немедленно все материалы. На время прекратите работу. Восстановим контакт после окончания расследования. Мы крайне сожалеем об инциденте». Куррас ответил: «Понял. Все уничтожил. Встретимся в кафе. Нужны деньги на адвоката».

И только через девять лет, 24 марта 1976 года, Куррас встретился со своим курирующим офицером – Вернером Айзенбеком. Теперь Куррас служил в транспортном отделе западноберлинской полиции. Он хотел возобновить работу на МГБ ГДР. Похвастался перед Айзенбеком, что «неприятный инцидент» забыт, его уже повысили и скоро сделают старшим инспектором. Но для МГБ он утратил всякую ценность, и работу с ним прекратили. Партия, которой он восхищался, тоже дистанцировалась от своего трудолюбивого информатора. Центральный орган Социалистической единой партии Германии газета «Нойес Дойчланд» возмущалась его оправданием: «Убийца довольно ухмыляется».

Пошли разговоры о его пьянстве. Летом 1971 года его обнаружили в парке на скамейке пьяного, а в портфеле лежали нож и табельный пистолет, хотя ему запретили ношение оружия. Его опять отстранили от службы. И вновь восстановили. Когда он вышел в отставку в 1987 году в ранге старшего инспектора, полицейское управление вздохнуло с облегчением.

Сожаления он никогда не испытывал. В декабре 2007 года сказал журналисту: «Ошибка? Да мне надо было не один раз выстрелить, а несколько... Со всеми, кто на меня набросился, покончено».

Карл-Хайнц Куррас часами слушал радио и пил. Гуляя, громогласно извергал проклятия, в основном в адрес иностранцев. До недавних времен двое мужчин, бывшие коллеги, в сером «мерседесе» забирали его по воскресеньям и куда-то увозили. Но какие коллеги? Бывшие сотрудники западноберлинской полиции? Или товарищи по МГБ ГДР? Когда к нему пришел журналист из «Тагесшпигеля», то увидел старика с редкими волосами. Он сказал, что убил Онезорга ради удовольствия...

Возвращение имама

9 января 1978 года в Куме, священном городе, где мечеть с золотым куполом величественно возвышается над пустыней, началось восстание шиитов против шахской власти. Верующие выступили против нападок официальной прессы на Хомейни.

В одной из тегеранских газет появилась статья, критиковавшая аятоллу. Она была воспринята с гневом всеми, кто не любил шаха. Закрылся базар, возникло стихийное возмущение. Демонстрацию разогнала армия. Шахские генералы неизменно демонстрировали безжалостность. За несколько лет до этого восстание кашкайцев на юге страны подавили с помощью боевой авиации.

Священнослужители организовывали демонстрации, подставляя под огонь полиции молодежь. Несколько человек были убиты в священном городе Куме. Им устроили пышные

похороны. На базаре собирали деньги семьям погибших. Почти все духовенство оказалось на стороне Хомейни. Мечети, учебные исламские заведения превратились в центры подпольного антишахского движения.

В начале сентября в Тегеран прилетел иракский самолет. Прибыл единоутробный брат президента Ирака Саддама Хусейна – начальник секретной полиции Барзан аль-Тикрити. Он привез послание от Саддама: вам следует подавить бунтовщиков железной рукой, если нужна помощь, то Ирак готов помочь. Аль-Тикрити предложил просто уничтожить Хомейни, который жил в Эн-Неджефе с 1966 года. Шах отказался от любезного предложения. В Ираке побывала жена иранского шаха. Она посетила святые для шиитов места и выразила неудовольствие тем, что иракские власти позволяют Хомейни произносить антишахские проповеди. Так что шах всего лишь попросил выслать Хомейни из Ирака. В октябре аятолле доставили на границу с Кувейтом и попросили не возвращаться в Ирак. Принять аятолле согласилась Франция. Шах совершил ошибку, которая стоила ему трона. Пока аятолла находился в Ираке под полным контролем саддамовских спецслужб, он был безопасен. Отправив его во Францию, шах открыл аятолле доступ к мировым средствам массовой информации.

Впервые за шестнадцать лет Хомейни получил возможность поддерживать постоянный контакт со своими сторонниками в Иране. А корреспонденты, окружавшие его во Франции, превратили аятоллу в фигуру мирового масштаба. В те несколько месяцев, что он прожил во Франции, вокруг него сплотились молодые иранские интеллектуалы, вроде будущего президента страны Абольшасана Банисадра, которые увидели в Хомейни своего лидера. До поры до времени он их не разочаровывал.

Его поддержала и партия Туде. Иранские левые, коммунисты, думали, что когда они свергнут шаха, Хомейни вернется к себе в город Кум. Они ошиблись. Аятолла сконцентрировал в своих руках всю власть, а их убил или изгнал. Хомейни вел себя очень осторожно. Он не говорил в те месяцы о теократическом государстве. Объяснял, что его цель – «Исламская республика, которая принесет Ирану независимость и демократию». Придя к власти, он назовет демократию «чуждой исламу».

Из Франции записи его проповедей повезли в Иран, и вскоре они наводнили страну. К концу 1978 года по Ирану разошлись больше шестисот тысяч аудиокассет с проповедями Хомейни. Слушали их, собираясь группами, так что миллионы людей оказались под его влиянием.

Многочисленное иранское студенчество (сто семьдесят семь тысяч в 1977 году, шестьдесят семь тысяч учились за границей, в основном в Соединенных Штатах) было захвачено марксистскими идеями, восхищалось Мао Цзэдуном и Че Геварой. Но эти идеи не находили отклика в массах. Поэтому некоторые молодые леваки попытались сформулировать принципы социалистического шиизма. Самым ярким его сторонником был Али Шариати, но он умер в изгнании в июне 1977 года.

Иранские народные массы оставались под влиянием исламского духовенства, которое с подозрением относилось к попыткам шаха модернизировать страну. Особенно не нравились попытки заменить религиозные медресе обычными школами. Шиитское духовенство всегда было независимо от государственного аппарата. В отличие от суннитского, которое получало деньги от государства и с ним ладило. При шахе шиизм был орудием борьбы против власти, за социальную справедливость. Персы никогда не считались фанатично религиозными.

Шиитская форма ислама несет в себе враждебное отношение к светской власти, потому что право властвовать может принадлежать только двенадцатому имаму. Остальные, следовательно, самозванцы. Вот почему толпа поддержала Хомейни, а не шаха.

Падение цен на нефть во второй половине 1970-х отрицательно сказалось на экономике

Ирана. Рост цен правительство шаха пыталось подавить административным путем: торговцев сажали в тюрьму за спекуляцию. Это настроило общество против шаха.

Избрание президентом Соединенных Штатов Джимми Картера с его вниманием к правам человека стало для шаха ударом. Картер требовал от шаха демократизации, просил унять тайную полицию САВАК. Когда в Вашингтоне перестали безоговорочно поддерживать шаха, его враги почувствовали себя увереннее. «Шах был возвращен на трон в 1953 году благодаря американской поддержке, – писал Генри Киссинджер. – Он никогда этого не забывал. В этом, может быть, и заключалась причина его исключительной веры в американские намерения и в добрую волю американцев, а также его психологического краха, когда он почувствовал, что эта дружба улетучивается...»

Во время визита в Тегеран президент Джимми Картер произнес ритуальный тост «За великого лидера Ирана и иранский народ!» и те слова, которых ему не забудут и не простят: «Иран – островок стабильности в этом беспокойном регионе». Шах был доволен речью дорогого гостя, но в Тегеране уже начались антишахские выступления. На сей раз ни САВАК, ни вооруженным силам не удалось покончить с протестами. Напротив, они ширились, захватывая все новые города, пока не достигли столицы. В Иране вспыхнула Исламская революция, которая будет иметь огромные последствия для всего мира.

Шах Реза Пехлеви был важнейшим союзником и опорой Соединенных Штатов на Среднем Востоке, но американцы проморгали перемены, происходившие в стране. Они слепо верили во всемогущество шаха. Американские дипломаты и разведчики в Тегеране не интересовались настроениями оппозиции. Они не спасли шаха и не спасут себя...

4 сентября 1978 года в Тегеране протестующие начали с молитвы. Десятки тысяч вышедших на улицы иранцев повторяли слова из Корана. Через три месяца, 10 и 11 декабря, число протестующих уже измерялось сотнями тысяч. Они скандировали: «Да здравствует Хомейни! Нам не нужны партии, мы хотим правительства Аллаха! Смерть шаху!» Как отмечают исследователи, это был поединок не на жизнь, а на смерть. Изгнанник аятолла Хомейни против шаха, восседающего на троне, как павлин. Добродетель против порока, аскетизм против расточительства, бедность против надменного богатства – вот как тогда воспринималось это противостояние. И аятолла стал быстро брать верх.

В Тегеране объявили военное положение. В городе росли баррикады. Молодежь схватывалась с военными. Солдаты стреляли в упор. Убитые и раненые падали, другие продолжали идти. По городу поползли слухи: «Стреляли израильтяне!» Ведь мусульмане не могут убивать мусульман. Кто же тогда убивал? Видимо, израильские солдаты, которых вызвал шах для своей охраны...

Демонстрации в Иране проходили с цветами, которые предлагали солдатам, отправленным их разгонять. Солдаты, стоя у пулеметов, не знали, что делать. Толпа бросала им цветы со словами: «Брат мой, солдат, зачем стрелять в братьев? И войска отказывались разгонять толпу, выходили из повиновения, переходили на сторону протестующих.

В ноябре десятки тысяч демонстрантов жгли и громили все, что в Тегеране ассоциировалось с Западом. В столице, вспоминали очевидцы, не осталось ни одной самой мелкой лавчонки, торговавшей спиртным. Демонстранты обшаривали город, выискивали бутылки с вином, коньяком, виски и разбивали их об асфальт. Столь же методично крушили банки. Выносили все, что там было: мебель, настольные лампы, счетные машинки. Опустевшее здание поджигали...

С 1 октября 1978 года по 31 января 1979 года Иран покинули сто тысяч состоятельных людей. Они вывезли из страны свои деньги – пятнадцать миллиардов долларов. В ноябре 1978 года страна была парализована, остановилась даже нефтяная промышленность.

Когда народ восстал, шах обнаружил, что он сокрушил все политические партии и легальную оппозицию. В результате ему не с кем договариваться о компромиссе. В отчаянии он назначил премьер-министром считавшегося либералом Шапура Бахтияра, который в правительстве свергнутого шахом Мосаддыка был заместителем министра труда. Наверное, шах ощутил дыхание истории, когда сразу после назначения новый премьер отправился на могилу Мосаддыка и поклялся в верности его идеям.

8 января 1979 года в Тегеран прилетел заместитель командующего американскими войсками в Европе генерал Роберт Хайзер. Иранские военные хотели взять власть. Они просили американцев только гарантировать их от советского вторжения. Остальное они берут на себя: восемьсот тысяч солдат, восемьсот генералов, шестая по мощи армия в мире... Но Соединенные Штаты не желали второй раз участвовать в государственном перевороте в Иране. Американцы отговорили военных от пугча.

Видя, что народ не успокаивается, шах Реза Пехлеви и его семья покинули Иран 16 января 1979 года. В Египте его приветствовал президент Анвар Садат. Многие верили, что шах вскоре вернется, как это произошло в 1953 году. Никто еще не мог предположить, что в стране начинается настоящая революция. «Надеюсь, мы успокоим волнения и восстановим отношения между шахом и народом», – говорил премьер-министр Бахтияр.

Командующий иранскими военно-воздушными силами получил приказ сбить самолет, на котором в страну прилетит Хомейни. Генерал пожелал услышать приказ от самого шаха. Аудиенции он не получил, поэтому приказ не исполнил.

1 февраля поклонники аятоллы захватили аэропорт. Один из иностранных военных атташе поинтересовался у иранских генералов, каковы их личные планы. «Ты думаешь, мы станем сидеть и наблюдать за происходящим? – ответил командующий ВВС. – Когда Хомейни прилетит, мы его встретим, отвезем в подходящее место и убьем вместе с его помощниками». 2 февраля на чартерном рейсе «Эйр Франс» в страну триумфально вернулся аятолла Рухолла Хомейни, главный враг шахского режима, ненавидевший шаха за его реформы. Его встречали так, как в Иране никогда и никого не встречали. Пять миллионов восторженных иранцев выстроились на улицах, чтобы своими глазами увидеть имама. На экранах телевизоров мир увидел беснующуюся толпу, женщин с безумными глазами. Тот самый военный атташе находился в аэропорту, когда прилетел Хомейни. Командующий ВВС действительно там появился – чтобы приветствовать аятоллу. Он надеялся вымолить себе прощение.

Хомейни предлагали посетить Тегеранский университет – колыбель революции. Он поехал на кладбище, где хоронили жертв шахского режима, и сказал: «Ислам пытались погубить четырнадцать столетий. Мы вернем его к жизни кровью нашей молодежи. Очень скоро мы освободим Иерусалим и вознесем оттуда молитвы Аллаху». Он отказался иметь дело с правительством Шапура Бахтияра, назначенным шахом, сказав: «Я вырву им зубы». 11 февраля правительство перестало существовать. Бахтияра вывезли из страны под видом стюарда самолета «Эйр Франс». Новое правительство возглавил сторонник Хомейни Мехди Базарган. Хомейни потребовал от Америки выдать бежавшего из страны шаха Мохаммада Реза Пехлеви, который находился в Нью-Йорке, вернуть Ирану все деньги шаха, принести народу Ирана извинения за вмешательство в его внутренние дела и обещать больше этого не делать.

Победа Исламской революции в Иране стала возможной благодаря умению Хомейни объединить различные силы и движения, общей у которых была только ненависть к шаху и его правительству. Хомейни позволил каждой группе и каждому движению участвовать в революции со своими лозунгами и идеями. После того как власть оказалась в его руках, начались чистки.

Хомейни составил временное правительство из священнослужителей и профессионалов,

которые могли справиться с управлением государством. Но реальная власть оказалась в руках Исламского революционного совета. А на местах всем управляли исламские комитеты, которыми руководили местные священнослужители.

Движущей силой революции был народ. Простые иранцы осваивали прежде закрытые для них районы Тегерана, где обитала привилегированная публика. Люди рассчитывали, что свержение шаха принесет им более высокие зарплаты, что они получат новое жилье. Провели референдум. Иранцы поддержали превращение страны в исламскую республику. Вслед за этим высшие исламские священнослужители приняли новую конституцию, которая наделила Хомейни высшей властью.

Революция казалась концом страданий народа. Люди жаждали свободы и счастья. После проведенного 1 апреля референдума Рухолла Хомейни провозгласил Иран исламским государством. Советский писатель Владимир Николаевич Крупин записал в дневнике 11 марта 1979 года: «Следил за Ираном, боялся, сегодня радость – президент отрекся в пользу аятоллы. Вот – религия, вера победила танки».

Имам – это носитель духовной и светской власти. Первым имамом был сам пророк Мохаммад. Для шиитов роль имама значительно выше, чем для суннитов. Они воспринимают имама как непогрешимого толкователя воли Аллаха. В принципе шииты называют имамом только Али и его наследников. Но Хомейни позволил своим поклонникам именовать его имамом. Создавалось впечатление, что он и есть тот пропавший имам, возвращения которого ждут шииты.

В 1962 году Хомейни утверждал, что ему было видение, и он понял: Аллах избрал его для великих свершений. С этого момента ученый-богослов изменился: стал говорить простым языком, понятным всем. Хомейни повторял, что не нужен светский глава государства, управление страной должно перейти к религиозным авторитетам. Он всячески поносил шаха: «Шах утверждает, что он дал людям свободу. Вот, что я тебе скажу, отвратительная жаба! Кто ты такой, чтобы давать свободу? Это Аллах дает свободу. Ислам дает свободу. Что ты имел в виду, когда говорил, что даешь свободу? Да кто дал тебе способность давать хоть что-нибудь? Кем ты себя мнишь?»

Рухолла Хомейни оказался очень умелым и прагматичным политиком. Он прекрасно разбирался в тонкостях современного пиара. Он разрешил своим поклонникам использовать только ту фотографию, которую выбрал сам. И запретил распространять два снимка: на одном он был в очках (что могло быть расценено как признак слабости), на другом улыбался. Чем смущала улыбка? В исламской традиции отмечено, что пророк Мохаммад не улыбался...

Когда после свержения шаха Хомейни вернулся в Тегеран, у революционеров не было никакой программы переустройства. Хомейни не представлял, как управлять страной. Прежде всего он приказал уничтожить высшее командование армии, чтобы обезопасить себя от военного переворота. Расстреляли примерно двести семьдесят человек. К концу 1979 года из армии изгнали тысячу триста офицеров, в том числе всех генералов. В назидание всей стране суды и расстрелы показывали по телевидению, фотографии трупов расстрелянных печатали в газетах... Лишившись офицерского корпуса, Иран едва не проиграл войну с Ираком, но Хомейни больше опасался заговора военных, которым не доверял.

Если премьер Шапур Бахтияр с почтением вспоминал покойного Мосаддыка, Хомейни реагировал очень жестко: «Почему он говорит о шахе, Мосаддыке, деньгах? Этого ничего больше нет. Есть только ислам». Тем не менее в первом правительстве при Хомейни преобладали люди Мосаддыка. Премьер-министром стал Мехди Базарган, инженер по профессии, учившийся во Франции. Когда-то Мосаддык поставил его руководить нефтяной промышленностью. Заместителем премьер-министра и министром иностранных дел стал

Ибрахим Язди, лидер небольшой партии, которая клялась в верности идеям Мосаддыка. Но Язди уже понял, что надо меньше говорить о Мосаддыке. У Ирана есть только один герой – Хомейни. Он восхищенно рассказывал об аятолле: «Он летом читал лекции в Куме. Было очень жарко, ученики хотели поставить в его комнате вентилятор. Но он наотрез отказался: „Я смогу пользоваться вентилятором только тогда, когда вентиляторы будут у каждой семьи“».

Хвалебные слова о Хомейни не спасли самого Язди. Он недолго оставался в кресле министра иностранных дел. Он выступил в поддержку аятоллы Хусейна-Али Монтазери, который в ноябре 1997 года поднял вопрос, имеет ли право аятолла Али Хаменеи быть духовным лидером страны. Монтазери поместили под домашний арест. Партию Ибрахима Язди запретили. А в декабре 1997 года его арестовали. Через две недели освободили, но это был ясный сигнал.

Отнюдь не все иранское духовенство одобряло желание Хомейни создать теократическое государство, которым бы управляли сами священнослужители. Многим муллам достаточно было получить автономию и гарантии государственного невмешательства в религиозные дела. Они объединились вокруг аятоллы Шариатмадари. Они полагали, что священнослужителям не стоит брать власть, а нужно в соответствии с шиитскими представлениями ждать возвращения последнего, двенадцатого имама Мохаммада ибн аль-Хасана, который шестилетним мальчиком в 874 году бесследно исчез в пещере возле столицы халифата города Самарры. Шииты верят, что он должен вернуться и избавить мир от зла.

Средний класс, образованная публика, либералы, студенчество оказались отстранены от процесса принятия решений. Популистские обещания революции, как водится, не выполнены. Например, в конституции отдельно оговорено, что «запрещается использование средств и возможностей армии в личных целях, например использование личного состава в качестве денщиков и персональных шоферов». Но красивые слова остались лишь на бумаге. Люди становились аполитичными, циничнее относились к религии и к духовенству, лишились прежнего душевного подъема. Некоторые священнослужители это предчувствовали и были против вмешательства в политику. Аятолла Шариатмадари говорил: «Зачем нам, выполняющим столь высокие функции, стремиться к постам, лишь кажущимся лестными, стремиться к полномочиям, которые являются лишь видимостью?»

Но Хомейни легко подавил правоверную оппозицию. Аятолла Шариатмадари, который объединял священнослужителей – противников Хомейни, был помещен под домашний арест. Он так и оставался под арестом до своей смерти в 1986 году.

Некоторые иранские марксисты попытались сформулировать принципы социалистического шиизма. Но эти идеи не находили отклика в массах, которые все равно оставались под влиянием исламского духовенства. Священнослужители с подозрением относились к любым попыткам модернизировать страну.

Хомейни не желал усиления активной молодежи, которая находилась под влиянием социалистических идей (тем более что многие студенты учились за границей, в основном в Соединенных Штатах). Устранил их так же, как и правительство Базаргана. Сначала дал им немного власти, позволил развернуться, а потом убрал с помощью Корпуса стражей Исламской революции. На первых президентских выборах в январе 1980 года Хомейни позволил победить Абольшасану Банисадру, еще одному поклоннику Мосаддыка и лидеру левых исламистов. А уже в апреле левые, обосновавшиеся в студенческих городках, были выброшены оттуда стражами Исламской революции. Тегеранский университет вообще закрыли. В июне 1981 года Банисадр покинул страну. В 1982 году левых исламистов просто уничтожили. В 1983 году руководителей партии Туде заставили публично, перед телевизионными камерами, «сознаться» в том, что они советские шпионы. Оппозиция была сокрушена.

По всей стране шли чистки – уничтожались сначала те, кто занимал видные посты при шахе, затем либералы. Молодые исламисты не только убивали «американских шпионов», но и грабили их имущество. Публикация документов, найденных в американском посольстве, оказалась роковой для многих видных иранцев. Любые контакты с американскими дипломатами приравнивались к предательству.

Когда 22 сентября 1980 года президент Ирака Саддам Хусейн вторгся в соседний Иран, у Хомейни появилась возможность отправить на фронт левую молодежь, представлявшую опасность для теократического режима. Плохо обученную молодежь отправили умирать под иракскими танками советского производства. Восьмилетняя война с Ираком была прекрасным оправданием – ответом на вопрос, почему Исламская революция ничего не принесла народу, ее совершившему...

Мир следил за происходящим в Иране и за действиями Рухоллы Хомейни со смесью страха и отвращения. Никто не понимал, чего он желает. Встретиться с ним удалось только знаменитой итальянской журналистке Ориане Фаллачи, женщине бесстрашной, прямой и откровенной. Интервью ей разрешили взять в Куме, где жил Хомейни. Улицы были заполнены паломниками, приехавшими из всех уголков страны, чтобы увидеть его и получить благословение. Безразличные к усталости, голоду и жажде, к тем, кто падает в обморок, они пополняют толпу желающих видеть Хомейни. Воздух разрывали мощные крики: «Да здравствует имам! Да живи ты вечно!»

Прежде чем попасть в дом, Фаллачи пришлось пройти три контрольных пункта. Охрана находилась и на крыше. Настороженные взгляды, в руках автоматы. Дверь была закрыта на висячий замок. Его приоткрыли с опаской, очень медленно. В прихожей царила гробовая тишина – люди пили чай и смотрели на итальянскую журналистку.

Из воспоминаний Орианы Фаллачи:

«Моя одежда соответствует предписаниям ислама. Я больше похожу на кучу тряпок, чем на человеческое существо. Поверх черных панталон и черной рубашки я надела черное пальто. Шея и волосы тщательно закрыты черным платком, завязанным узлом под подбородком. Все это покрыто чадрой.

Мой персидский друг Багир Насир Салами, выполняющий роль переводчика совместно с Абольхасаном Банисадром, членом Исламского революционного совета, попросил меня надеть чадру для большей уверенности – сквозь пальто все же немного проступают формы моего тела... По его совету я сняла также лак с ногтей на руках и ногах. Он согласился, чтобы я слегка подкрасила веки в каштановый цвет. Но он колебался: не покажусь ли я слишком смелой, не сочтет ли имам меня чересчур накрашенной?

Багир очень взволнован. Он потеет от волнения. Невероятно, но даже Банисадр взволнован. Он тоже потеет. Оба в течение нескольких лет жили и учились в Европе – первый во Флоренции, второй в Париже; они знакомы с имамом, и, однако, оба взволнованы».

Разутых гостей ввели в комнату, где должна была проходить беседа – голые стены, плюшевый ковер, чтобы сидеть на нем, поджав ноги, и больше ничего. Когда вошел Хомейни в чалме и длинной рубашке, персидские друзья Фаллачи склонились, чтобы поцеловать ему руку.

Из воспоминаний Орианы Фаллачи:

«Преодо мной предстал глубокий старик. Вблизи он не вызывает страха. Может, потому что у него столь усталый вид и мистическая печаль меняет черты его лица? Или мистический гнев?

Я почти с симпатией рассматриваю его белую льняную бороду, влажные и чувственные губы, губы человека, с трудом подавляющего искушения тела, его большой волевой нос, смотрю в его ужасные глаза, в которых светится вся его вера – та вера, при которой нет места

сомнению».

– Имам Хомейни, многие говорят о вас, что вы – диктатор. Что вы на это ответите? Вас это печалит? Или вам это безразлично?

– С одной стороны, мне прискорбно это слышать. Мне больно это слышать, так как несправедливо и негуманно называть меня диктатором. Но, с другой стороны, мне это безразлично, так как знаю, что мои враги распространяют обо мне всякие злобные инсинуации. Те, кто служит сверхдержавам, источают против меня яд, клеветают...

– Однако вы страшите людей. И страшит эта приветствующая вас толпа. Что испытываете вы, слыша днем и ночью их выкрики, зная, что они выстаивают часами, чтобы увидеть вас хотя бы на одно мгновение?

– Я радуюсь этому. Их приветствия – лишь продолжение крика, изгнавшего узурпатора. Хорошо, что они продолжают бурлить. Враги не исчезли. Надо, чтобы они оставались пылкими, готовыми идти и снова атаковать. И потом, их любовь – подлинная.

– Любовь или фанатизм, имам? У меня сложилось впечатление, что речь идет о фанатизме, притом самого опасного толка: фашистском фанатизме. Многие усматривают появление фашистской опасности сейчас в Иране; говорят, что здесь набирает силу фашизм.

– Фашизм не имеет ничего общего с этим, равно как и фанатизм. Повторяю, люди выкрикивают приветствия, потому что любят меня. А любят они меня, ибо чувствуют, что я хочу им добра, действую ради их блага, то есть с целью претворения в жизнь заветов ислама. Ислам – это справедливость... Фашизм был бы возможен в Иране лишь в случае возвращения шаха, что исключается, или в случае установления коммунизма. Но приветствия в мой адрес означают, по-моему, их любовь к свободе и демократии.

– Поговорим тогда о свободе и демократии. В одной из ваших первых речей в Куме вы сказали, что новое исламское правительство гарантирует всем свободу мысли и выражения мнений, включая коммунистов и этнические меньшинства. Но это обещание не было сдержано. Сегодня вы говорите о коммунистах, что они – «дети сатаны», а вождей восставших этнических меньшинств называете «злом на Земле»...

– Может быть, вы хотите, чтобы я позволил устраивать заговоры, которые привели бы страну в состояние анархии и хаоса? Отвечаю: я терпел, мы терпели в течение пяти месяцев тех, кто мыслит не так, как мы... И мы поняли, что они используют нашу терпимость для того, чтобы саботировать наши мероприятия, что они желали не столько свободы, сколько возможности заниматься подрывной деятельностью. Когда мы обнаружили, что, вдохновляемые старым режимом и чужеземными силами, они стремятся с помощью заговоров и всеми иными средствами уничтожить нас, тогда мы заставили их замолчать, чтобы предотвратить новые беды.

– Закрыли оппозиционные газеты, например. В той же речи в Куме вы сказали, что быть современным – означает предоставить людям право на выбор и критику. Однако либеральная газета «Аяндеган» была закрыта. Как и все левые газеты.

– Эта газета участвовала в заговоре, о котором я говорил. Она была связана с сионистами, получала от них указания о том, как лучше всего нанести удар родине... Мы заставили их замолчать... Эти действия не направлены против свободы. Так поступают всюду.

– Нет, имам. Но как вы можете называть врагами левых, которые столько боролись, столько страдали... – Ориана Фаллачи имела в виду, что аятолла сурово расправлялся с недавними союзниками. Например, организация «Моджахедин хальк» выступала против шаха сначала мирными средствами, затем террором. Они поддержали Хомейни, но увидели, что священнослужители ведут страну совсем не туда. Год продолжалась охота Корпуса стражей Исламской революции за членами этой организации. Убили шесть тысяч человек.

– Никто из них не страдал и не боролся... Вы недостаточно информированы. Значительная часть левых, о которых вы говорите, была при шахском режиме за границей... – возразил итальянской журналистке Хомейни.

– Извините, имам, но я хочу быть уверенной, что правильно вас поняла. Вы утверждаете, что левые не имели никакого отношения к изгнанию шаха? Даже те левые, из числа которых было столько заключенных, столько убитых?

– Они не сыграли никакой роли. Они никак не содействовали революции. Некоторые из них боролись, но боролись единственно лишь за свои собственные интересы... При шахе левые были против нас, как они против нас и сейчас, их враждебность к нам была даже большей, чем их враждебность к шаху... И не случайно левые находятся у истоков всех нынешних заговоров. По-моему, речь идет даже не о подлинных левых, а об искусственных левых, поддерживаемых американцами.

– Левые, «сделанные в США», имам? – поразила Фаллачи.

– Да, – подтвердил Хомейни. – Левые, созданные и поддерживаемые американцами с целью клеветать на нас, саботировать наши мероприятия и уничтожить нас.

– Как вы считаете, те, кто погибал тысячами, десятками тысяч, за что они отдавали свои жизни? За свободу или за ислам?

– За ислам. Народ боролся за ислам. А ислам означает все, в том числе то, что у вас называется свободой и демократией.

– Куда исламская республика ведет Иран? Мир этого не понимает, – спросила Ориана Фаллачи.

– Если вы, иностранцы, не понимаете нас, то тем хуже для вас, – ответил Хомейни. – Во всяком случае, это вас не касается. Наш выбор вас не касается. Если же некоторые иранцы не понимают, то тем хуже для них. Значит, они не поняли ислама.

– Зато они хорошо поняли нынешний деспотизм духовенства. В конституцию вставили статью, согласно которой главой государства должно быть лицо, наделенное высшей духовной властью, то есть вы, и окончательные решения должны принадлежать тем, кто хорошо знает Коран, то есть духовенству. И точка.

– Поскольку народ любит духовенство, доверяет ему, хочет быть руководимым им, то лицо, наделенное высшей духовной властью, осуществляет функции главы государства или правительства, чтобы страна не отходила от Корана. Согласно принципам ислама пять знатоков ислама способны осуществлять принципы правосудия...

– Хорошо, перейдем к правосудию, осуществляемому духовенством. Поговорим о сотнях расстрелянных после вашей победы в Иране. Одобряете ли вы то, как проходили процессы – без адвокатов и без права на апелляцию?

– Вы там, на Западе, не знаете, кто были эти расстрелянные, или делаете вид, что не знаете. Речь идет о людях, которые принимали участие в убийствах и пытках... Мы дали им право защищаться. Они могли говорить в свою защиту все что хотели. Но когда виновность была доказана, то какая нужда в апелляции? Мой народ не задает вопросов, какие задаете вы...

– Но я имела в виду не палачей из САВАК. Я говорила о людях, которых судят за прелюбодеяние, за проституцию, за гомосексуализм. Расстреливать женщину, которая изменяет своему мужу, мужчину, который любит другого мужчину... Это, по-вашему, правосудие?

– Когда гангрена поразила палец, то что следует делать? Дать гангрене охватить всю руку, а затем и все тело, или отрезать палец? То, что разлагает весь народ, надо вырывать с корнем... В исламе мы хотим проводить политику, очищающую общество, и будем наказывать тех, кто несет зло...

– Но возьмите эту беременную восемнадцатилетнюю девушку, которая несколько недель

назад была расстреляна в Бехаре за прелюбодеяние...

– Беременная? Ложь! Таких вещей не делают в исламе. Беременных женщин не расстреливают.

– Нет, это не ложь, имам. Об этом случае писали все иранские газеты, так как ее любовник получил лишь сто ударов кнутом.

– Если это так, значит, она заслужила наказание. Откуда я знаю? И потом, довольно говорить обо всем этом! Я устал. Это не является важным.

– Я должна задать вам еще несколько вопросов. По поводу этой чадры, например, которую я надела, чтобы иметь возможность увидеть вас, и ношение которой вы вменяете женщине в обязанность. Скажите, почему вы заставляете их прикрывать себя этой неудобной, идиотской одеждой, в которой нельзя ни работать, ни передвигаться? Ведь женщины доказали, что они равны мужчинам. Они боролись наравне с мужчинами, их сажали в тюрьмы, пытали. Они совершили революцию наравне с мужчинами...

– Женщины, совершившие революцию, носили и носят исламскую одежду, а не элегантные и накрашенные, подобно вам, женщины, гуляющие в полураздетом виде и увлекающие за собой вереницу мужчин. Распущенные женщины, которые красятся и выходят на улицу с открытой шеей, без головного убора, в одежде, которая подчеркивает формы их тела, не боролись с шахом. Они никогда не сделали ничего полезного...

– Это неправда, имам. Впрочем, я веду речь не только о предписываемой исламом одежде, но и о том, что она собой знаменует, – то есть о сегрегации, которой подверглись женщины, ухудшении их положения после революции. Теперь они не могут ни учиться в университете вместе с мужчинами, ни работать вместе с ними, ни купаться. Они должны развлекаться обособленно, одетые в чадру. Кстати, как можно плавать в чадре?

«Я смотрю в глаза, в которых светится безжалостная сила того, кто посылает людей на смерть, не проронив ни слезинки, – вспоминала Фаллачи. – Глаза, которые не устаивают меня взглядом. Он поднял глаза лишь один раз, когда я сказала, что в чадре нельзя плавать».

– Это вас не касается, – сказал Хомейни. – Наши обычаи вас не касаются. Если исламская одежда вам не нравится, вы не обязаны ее носить. Исламская одежда предназначена для достойных молодых женщин.

– Вы весьма любезны. Ну что ж, раз вы так говорите, я сию же минуту сброшу эти дурацкие средневековые тряпки. Вот и готово...

Возмущенная Ориана Фаллачи сбросила чадру и пальто, больше открыла лоб, подняв выше платок. Спросила его, является ли, по его мнению, женщина, которая никогда не надевала эти средневековые тряпки, лишь недостойной старухой. И он бросил на журналистку продолжительный, пронизывающий взгляд, который оставил у нее впечатление, будто ее раздевают.

– Закон, позволяющий мужчине иметь четырех жен, разумен?

– Это весьма прогрессивный закон. Он написан на благо женщин, потому что женщин больше, чем мужчин. Женщина нуждается в мужчине. Не думаю, что было бы справедливо, чтобы одинокие женщины стали потаскухами, а не женами мужчин, у которых уже есть жены.

– Вы восстанавливаете законы и обычаи более чем тысячелетней давности. Не кажется ли вам, что мир с тех пор изменился? Вы откопали установление о запрете музыки. Но почему грех слушать музыку, имам Хомейни?

– Музыка мешает разумно мыслить, потому что она вызывает радость и экстаз, близкие к тем, которые вызывают наркотики, – ответил Хомейни. – Ваша, западная, музыка, разумеется. И она отвлекает, отравляет нашу молодежь, которая больше не интересуется судьбой своей страны.

– Даже музыка Баха, Бетховена, Верди? – с изумлением уточнила Ориана Фаллачи.

– Мне неизвестны эти имена, – сказал Хомейни. – Если они не приводят разум в замешательство, то они не будут запрещены. Есть и у вас такая музыка, которая не будет запрещена, например марши и гимны. Нам нужна музыка, которая воодушевляет, марши, которые побуждают молодых людей, даже парализованных, идти вперед.

– Имам Хомейни, вы все время сурово отзывались о Западе... Но даже самолет, на котором вы вернулись на родину, сделан на Западе. Даже телефон, позволяющий вам связываться из Кума с другими городами, даже телевидение, с помощью которого вы обращаетесь к стране, даже кондиционер, который позволяет сохранять прохладу в помещении, когда на улице жара... Если мы столь испорчены и такие искусители, зачем же вы тогда пользуетесь нашими орудиями зла?

– Вещи – это хорошая сторона Запада. Мы их не боимся и пользуемся ими. Мы не боимся ни вашей науки, ни вашей техники. Мы страшимся ваших идей и ваших обычаев...

Ориана Фаллачи не выдержала:

– Имам Хомейни, простили ли вы когда-нибудь кому-нибудь? Испытывали ли вы жалость к кому-нибудь, сочувствие? И наконец, раз уж мы об этом ведем речь, плакали ли вы когда-либо?

– Я плачу, смеюсь, страдаю – или вы думаете, я не человек? Что касается прощения, то чаще всего я прощаю тем, кто нам сделал зло...

– Правда ли, что вы, имам, приказали убить шаха и сказали, что исполнивший приказ будет считаться героем, а если погибнет, исполняя приказ, то пойдет в рай?

– Нет, – ответил Хомейни. – Я? Нет. Я хочу, чтобы шах был возвращен в Иран и публично судим за совершившиеся им в течение пятидесяти лет преступления против персидского народа. Если он будет убит за границей, то все украденные им деньги будут потеряны. Если мы будем судить его здесь, то сможем вернуть эти капиталы. Я хочу, чтобы он был здесь. И для этого я молюсь за его здоровье...

Это, пожалуй, единственное интервью Хомейни дает ясное представление о его взглядах и представлениях о мире.

Ориана Фаллачи умерла осенью 2006 года в возрасте семидесяти шести лет. Ее отец был антифашистом. При режиме Бенито Муссолини его поймали и пытали. Юная Ориана с ее свободолобивыми взглядами сама находилась в подполье. Незадолго до своей смерти опубликовала заявление, которое подводило черту под многими годами, отданными изучению Ближнего Востока:

«Я считаю позорным, что в Италии устраивается процессия ряженых под камикадзе, которые выкрикивают гнусные оскорбления в адрес Израиля, носят фотографии израильских руководителей с намалеванными на лбу свастиками, подстрекают народ ненавидеть евреев. Процессии людей, которые готовы продать в гарем собственную мать, только бы вновь увидеть евреев в лагерях уничтожения, газовых камерах, печах крематориев в Дахау, Маутхаузене, Бухенвальде, Берген-Бельзене... Я считаю позорным, что во Франции сжигают синагоги, терроризируют евреев, оскверняют кладбища.

Я считаю позорным, что в телевизионных дебатах оказывается такое уважение негодьям в тюрбанах или куфиях, которые еще вчера восхваляли массовое убийство в Нью-Йорке, а сегодня восхваляют убийства в Иерусалиме, Хайфе, Нетании, Тель-Авиве.

Я никогда не была снисходительна к по-шекспировски трагическому премьер-министру Израиля генералу Ариэлю Шарону („Я знаю, что вы пришли добавить мой скальп к своему ожерелью“, – пробурчал он, почти с грустью, когда я брала у него интервью в 1982 году). С израильтянами я часто спорила, до грубости, и я в прошлом немало защищала палестинцев.

Может быть, больше, чем они того заслуживали. Но я – с Израилем, я – с евреями. Мне внушает отвращение антисемитизм, мне стыдно от того позора, который бесчестит мою страну и Европу...»

Захват посольства

Вечером 24 апреля 1980 года шесть американских транспортных самолетов (три со спецназом и три с горючим) и восемь вертолетов без предупреждения вошли в воздушное пространство Ирана. Система противовоздушной обороны страны после Исламской революции находилась в плачевном состоянии, так что иранские военные просто не заметили появление американской авиации.

Операция на территории Ирана называлась «Орлиный коготь». По плану, составленному в Пентагоне, американская агентура внутри иранской столицы получила задание устроить нечто вроде маленького восстания – и действительно, в Тегеране началась стрельба, вспыхнули пожары, нарушилась телефонная связь... Спецназ должен были ночью тайно проникнуть в Тегеран и освободить около полусотни американских дипломатов, взятых в заложники, – весь наличный состав посольства Соединенных Штатов в Иране.

4 ноября 1979 года было воскресенье. В исламских странах отдыхают по пятницам, так что в американском посольстве в Тегеране начался обычный рабочий день. С раннего утра у посольства собралась толпа, выкрикивавшая антиамериканские лозунги. В этом не было ничего необычного. Такие митинги после Исламской революции устраивались чуть не каждый день. 14 февраля тегеранская толпа даже на несколько часов захватила американское посольство, но ее быстро разогнали. После этой истории посольские архивы эвакуировали в Западную Германию. Потом решили, что опасность миновала, и документы вернули в Тегеран, чтобы посольство могло полноценно работать. Более того, сотрудникам посольства разрешили вернуть в Тегеран жен и детей. Именно в тот день, 4 ноября, семьи дипломатов в аэропорту Франкфурта-на-Майне ждали вылета в Тегеран.

Но толпа численностью примерно в три тысячи человек неожиданно вломилась в ворота американского посольства. Исламская милиция толпе не препятствовала. Нападавшие разоружили малочисленную охрану и ворвались в главное здание.

Резидент ЦРУ первым делом приказал уничтожить документы. До прихода Хомейни резидентура состояла из ста двадцати пяти человек. После Исламской революции практически всех эвакуировали. Несколько молодых оперативников были переведены на нелегальное положение – руководить агентурой. В их распоряжении осталось большое хозяйство: восемьдесят автомобилей, двести пятьдесят конспиративных квартир и радиопередатчики. Резидентура же теперь состояла из нескольких аналитиков и техников управления шифрсвязи, которые работали вахтовым методом, то есть приезжали на несколько месяцев и уезжали. Большая часть телеграмм уничтожалась сразу после прочтения, только самые важные документы хранились три месяца. По инструкции запрещалось хранить больше документов, чем можно уничтожить в течение получаса.

Главный дезинтегратор бумаг сломался через несколько минут. Пустили в ход ручной измельчитель. Шифровки не уничтожались, а только разрезались на мелкие полоски. Разведчики покинули помещение резидентуры, оставив кучу нарезанной бумаги на полу. (Хотели было ее поджечь, но все же решили, что надежная сейфовая дверь продержится до появления сил порядка.) Вот почему многие секретные документы, найденные в посольстве, иранцы сумели восстановить и опубликовать.

Американцы недооценили целеустремленность иранцев. За эту работу засадили двести

пятьдесят студенток: они раскладывали на столе превращенные в лапшу секретные документы и собирали их полоска к полоске. Эта работа заняла несколько лет. К июню 1985 года был опубликован шестьдесят один том захваченных документов.

Выяснилось, что резидентура ЦРУ в Иране имела пять тысяч платных информаторов. Но это не помогло американской разведке предугадать развитие событий. Среди найденных документов – донесение ЦРУ президенту Картеру от августа 1978 года, в котором уверенно говорилось, что шах останется на троне, несмотря на массовые протесты. Адмирал Стэнфилд Тернер, директор ЦРУ в 1977–1981 годах, признался: «Мы не понимали, что представляет собой Хомейни и какой поддержкой пользуется его движение. Мы просто всё проспали».

Обнародованные документы прочитали и в Москве. С особым интересом – присланные из центрального аппарата ЦРУ биографические справки о наиболее видных советских чиновниках.

В 1978 году ЦРУ не было готово иметь дело с исламскими фундаменталистами, потому что сфокусировалось на коммунистической угрозе, исходящей от партии Туде, и советском шпионаже. Оно не поддерживало никаких контактов с оппозицией, которые позволили бы понимать события и даже влиять на них. Только в ноябре 1978 года директор ЦРУ образовал рабочую группу по Ирану.

Главной загадкой был сам аятолла Хомейни. С такими людьми американские разведчики и дипломаты не привыкли иметь дело. Аскетизм и набожность казались странными светским политикам. Аналитикам поручили выяснить, нет ли у него отношений с Москвой: за Исламской революцией в Иране искали скрытую руку КГБ.

4 ноября 1979 года американский посол был уже отозван в Вашингтон. Работой посольства руководил временный поверенный в делах. С утра он вместе с помощником и охранником отправился в иранское министерство иностранных дел. Туда ему и позвонили из посольства сообщить, что происходит. Он заявил протест министру иностранных дел Ирана Ибрахиму Язди. Министр обещал урезонить толпу. Но не правительство руководило страной.

Сотрудники посольства укрывались на втором этаже, где за мощной стальной дверью должны были ждать помощи. Попытки толпы взломать дверь оказались безуспешными. У иранцев ушли бы многие дни на то, чтобы ее вскрыть. Но они пригрозили убить уже захваченных американцев, если дверь не откроют. Поверенный в делах по телефону приказал своим сотрудникам сдаться. В руки толпы попали шестьдесят шесть американцев – весь оставшийся в Тегеране дипломатический персонал, морские пехотинцы из охраны, а также люди, случайно оказавшиеся в посольстве.

Поначалу непонятно было, кого представляют захватившие посольство студенты и чего они, собственно, хотят. Думали, что это произошло спонтанно, как уже было в феврале. Тогда через несколько часов поступил приказ отпустить дипломатов, и иранцы очистили посольство. На сей раз толпа явно действовала по приказу свыше, и аятолла Хомейни превратил захват посольства в символ борьбы за независимость страны. По всему Ирану жгли американские флаги, чучела дяди Сэма, кричали: «Смерть Америке!» Захваченные сотрудники посольства спрашивали, когда их освободят. Студенты отвечали: «Когда ваш президент Картер отдаст нам шаха».

Бежавший из Тегерана шах сначала прилетел в Каир, оттуда направился в Марокко, затем перебрался на Багамские острова. Он нигде не мог найти убежища. Уже никто не желал ссориться с аятоллой Хомейни. Обращаться за помощью к Соединенным Штатам шах считал ниже своего достоинства, надеялся, что старые друзья сами о нем вспомнят.

28 сентября 1979 года заместителю государственного секретаря США Дэвиду Ньюсому сообщили, что шах серьезно болен. Вероятно, у него малярия, и ему понадобится медицинская

помощь, которую можно получить только в Соединенных Штатах. Государственный секретарь Сайрус Вэнс предупредил Джимми Картера, что если состояние шаха действительно ухудшится, к президенту обратятся с просьбой разрешить шаху въезд в страну.

Когда срок выданной ему визы истек, шах покинул Багамские острова и перебрался в Мексику. Туда и командировали доктора Бенджамина Кина, руководителя отделения тропических болезней нью-йоркской больницы. Не найдя у шаха малярии, он предположил, что тот болен раком. Доктор Кин сказал, что поставить правильный диагноз и помочь пациенту можно только в Соединенных Штатах. Опытный врач не ошибся. За пять лет до этого, еще в 1974 году, врачи обнаружили у шаха лимфому – рак лимфатических узлов, но никто об этом не знал. Даже специальные службы! Его личные медики обратились за помощью к французским коллегам, которые несколько лет лечили его тайно.

Влиятельный американский банкир Дэвид Рокфеллер и бывший государственный секретарь Генри Киссинджер считали, что давний и надежный союзник имеет право на политическое убежище в Америке. Президент Картер не хотел пускать шаха в Соединенные Штаты, опасаясь за судьбу американцев, все еще остававшихся в Иране. Американское посольство в Иране предупредило Вашингтон, что приезд шаха в Соединенные Штаты крайне опасен: «В атмосфере ненависти к шаху и в условиях роста влияния исламского духовенства реакция Ирана будет даже острее, чем она могла быть еще несколько месяцев назад».

19 октября 1979 года президент Картер, как обычно по пятницам, устроил деловой завтрак со своей внешнеполитической командой. За приезд шаха высказались вице-президент Уолтер Мондейл, государственный секретарь Сайрус Вэнс и министр обороны Гарольд Браун. Сопrotивлялся только сам Картер.

Руководитель президентской администрации Гамильтон Джордан сказал президенту:

– Если шах умрет в Мексике, представляете себе, что скажет Генри Киссинджер журналистам? Что сначала вы позволили свергнуть нашего верного союзника, а затем просто его убили.

– К черту Киссинджера! – вспыхнул Картер. – Я президент этой страны!

«Картер ходил по комнате, – вспоминал Уолтер Мондейл, – а мы все уговаривали его впустить в страну шаха. И вдруг он произнес: „А если иранцы возьмут наших людей в посольстве в заложники, что вы мне тогда скажете?“ В комнате повисла мертвая тишина».

Когда-то молодой политик Джимми Картер выступил в законодательном собрании штата Джорджия против положения о том, что человек обязан верить в бога. Очень набожный, сам читающий проповеди, Картер считал, что свобода выбора важнее всего. Вот почему, став президентом, он все-таки разрешил бывшему иранскому шаху приехать в страну, хотя сознавал, что принимает крайне опасное решение. Он не мог отказать больному человеку в медицинской помощи.

«Ни в конституции Соединенных Штатов, – говорил Джимми Картер, – ни в декларации независимости, ни в Билле о правах, ни в Новом и Ветхом завете вы не найдете таких слов, как „экономность“ или „эффективность“. Но вы обнаружите другие слова, такие как честность, чистота, справедливость, свобода, законность, мужество, сострадание, любовь и многие другие, которые говорят о том, каким должен быть человек. Эти же слова относятся к тому, каким должно быть правительство».

20 октября 1979 года посольство Соединенных Штатов в Тегеране получило шифровку из Вашингтона: информируйте иранские власти, что шаху разрешено въехать в Соединенные Штаты. Но разрешение временное – для проведения диагностики и курса лечения. Дипломаты и разведчики были поражены. Они считали, что надо дистанцироваться от шаха, раз уж Вашингтон пытается наладить отношения с революционным режимом. Поверенный в делах

посетил премьер-министра Мехди Базаргана и министра иностранных дел Ибрахима Язди, которые считались умеренными политиками. Но и они ответили, что иранцы не верят в мнимую болезнь шаха и воспринимают решение Вашингтона как враждебный иранскому народу шаг.

22 октября на личном самолете Дэвида Рокфеллера шах был доставлен в Нью-Йорк. Через неделю, 1 ноября, в Алжире премьер-министр Мехди Базарган и министр иностранных дел Ибрахим Язди тайно встретились с советником американского президента по национальной безопасности Збигневом Бжезинским, чтобы обсудить, как поддерживать отношения в этой кризисной ситуации. Но сохранить встречу в секрете не удалось.

Хомейни и окружавшие его исламисты желали полного разрыва с Соединенными Штатами, чтобы в стране не осталось ни одного американца. Они боялись, что американцы, как это произошло в 1953 году, сговорятся с прозападными (как они считали!) политиками. О встрече руководителей правительства с Бжезинским сообщило радио Тегерана. В истерической атмосфере, сложившейся в Иране, это было воспринято как сговор правительства с Соединенными Штатами с целью свергнуть революционное правительство и вернуть шаха к власти. В манифестации протеста по улицам столицы прошли больше миллиона человек.

Для Хомейни Соединенные Штаты были главным врагом, и он готов был вести против американцев священную войну во имя ислама. Его враждебность впервые проявилась в октябре 1964 года, когда он произнес перед своим домом в Куме речь против особого статуса, который получали сотрудники американской военной миссии и их семьи. Такие же особые права и иммунитет получили американские военные во время Второй мировой войны в Великобритании. Но Хомейни ловко использовал эту тему для возбуждения ненависти к американцам. После этой речи, 4 ноября 1964 года, Хомейни выслали из страны. Вернувшись в Иран 1 февраля 1979 года, он стал называть Америку «великим сатаной». Президента Египта Анвара Садата и президента Ирака Саддама Хусейна он именовал слугами американцев.

Почему же американцы сразу не эвакуировали дипломатов из Тегерана? В Вашингтоне и думать об этом не хотели: Иран – такое большое и важное государство, как же можно остаться там без дипломатического представительства?

Через две недели после захвата посольства Хомейни объявил, что негры (афроамериканцы, как их называют в Соединенных Штатах), женщины и не граждане США будут освобождены. В общей сложности иранцы отпустили тринадцать человек. Осталось пятьдесят три заложника. Через полгода отпустили еще одного человека с трагическим диагнозом – рассеянный склероз. Остальные пятьдесят два человека (в том числе две женщины и один афроамериканец) провели в неволе четыреста сорок четыре дня.

В руки толпы не попали поверенный в делах Брюс Лэйнген, его помощник и офицер безопасности, которые в момент захвата посольства находились в здании министерства иностранных дел. Там они и оставались. Поверенный в делах мог покинуть Иран в любую минуту, но отказался бросить своих коллег. И еще шестеро американцев в Тегеране избежали участи своих соотечественников. Сельскохозяйственный атташе Ли Шатц в тот день находился в другом здании. Боб Андерс, который руководил консульским отделом, и две супружеские пары, работавшие под его началом, выскользнули через заднюю дверь, когда студенты ворвались в посольство. Все шестеро нашли убежище в канадском посольстве в Тегеране. Но было ясно, что долго они не могут там скрываться. Их надо было как можно быстрее вывезти из страны. Поручили это ЦРУ.

«Я пришел к выводу, – вспоминал сотрудник ЦРУ Антонио Мендес, – что в данном случае надо разработать настолько экзотическое прикрытие, чтобы никто из иранцев ничего не заподозрил... Я решил отправить в Тегеран канадскую киносъёмочную группу. Появление

киношников ни у кого не вызовет подозрений». Сотрудники ЦРУ зарегистрировали в Канаде мнимую кинокомпанию, поместили в газетах рекламные объявления. Написали сценарий, съемки которого требуют поездки в Иран, – смесь средневековой мистики и научной фантастики. Обратились в иранское консульство в Сан-Франциско и попросили визы для шестерых канадцев, одного европейца и одного латиноамериканца, который представлял инвесторов. Визы были получены.

Но вместо восьми человек в Тегеран прилетели только двое оперативных сотрудников ЦРУ. Шесть канадских паспортов с иранскими визами предназначались для американцев, которых предстояло спасти. Паспорта были подлинные. Парламент Канады разрешил использовать паспорта в гуманитарных целях. Сотрудникам ЦРУ оставалось только на месте проставить в паспортах фальшивые отметки о въезде в Иран.

Американских дипломатов переодели и несколько изменили им внешний облик. Сотрудники разведки вновь и вновь обговаривали с ними детали их легенды. Иностранные дипломаты, которые помогали американцам скрываться, устроили прощальную вечеринку – на столе появились уже запрещенные в Иране вино, шампанское и более крепкие напитки.

Вся группа должна была вылететь ранним утром 28 января 1980 года. В пять утра они уже были в аэропорту. Сонные иранские чиновники отштамповали паспорта не глядя. Когда самолет швейцарской авиакомпании поднялся в воздух, все наперебой заказывали у стюардесс коктейль «кровавая Мэри».

12 марта 1980 года директор ЦРУ адмирал Стэнфилд Тернер, направляясь к президенту, прихватил с собой руководившего операцией Антонио Мендеса. Занятый другими делами президент Картер забыл, зачем этого человека привели в овальный кабинет, и Мендесу пришлось рассказать, как именно он вывозил дипломатов из Тегерана. Ему было отведено две с половиной минуты, но разговор продолжался девять минут. На Картера эта история произвела сильное впечатление. В тот же день Антонио Мендес был назначен начальником управления технической разведки ЦРУ.

Но остальные дипломаты оставались в руках иранцев!

Над американцами глумились, им связывали руки и завязывали глаза. Держали в подвале. Кормили захваченными в посольстве запасами консервов, срок годности которых кончился и еда стала опасной. Соединенные Штаты ощущали полнейшее бессилие перед обезумевшими фанатиками. Выступления Хомейни наводили страх на американцев, иранцы непрерывно требовали казнить «шпионов» из захваченного посольства.

Президент Картер старался найти общий язык с Тегераном. Несколько месяцев государственный секретарь Сайрус Вэнс тщетно пытался договориться с иранскими властями об освобождении заложников. Руководитель президентской администрации Гамильтон Джордан провел тысячи часов в секретных переговорах. Но поскольку администрация ничего не предприняла после нападения на посольство, иранцы решили, что Картер слаб и бояться нечего. Переговоры ни к чему не привели. Глава иранского правительства умеренный политик Мехди Базарган, который не в силах был выпустить заложников, подал в отставку.

В Тегеран с посреднической миссией отправился генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм. «Моя цель, – объяснил он журналистам, – прежде всего урегулировать кризис». С ним беседовал новый министр иностранных дел Ирана Садек Готбзаде, но и он ничего не решал в стране. Миссия Вальдхайма провалилась. Сказав: «Мы провели обмен мнениями», генсек ООН покинул Тегеран.

Тогда президент Картер приказал министру обороны Гарольду Брауну силой освободить заложников. Картер был упрям и привык добиваться цели, которую считал справедливой. Когда он впервые баллотировался в сенат штата Джорджия, в одном из избирательных участков

местный политический босс, поддерживавший его соперника, велел каждому избирателю голосовать за нужного человека и сам вытаскивал бюллетени из урны, чтобы проверить, все ли в порядке. Бюллетеней в урне оказалось больше, чем избирателей. Картер опротестовал результаты выборов. Дело разбиралось в суде, борьба продолжалась долго, но в конце концов он занял свое место в сенате.

В двенадцать лет будущий президент Картер, прочитав «Войну и мир» Льва Толстого, увидел в романе подтверждение собственной убежденности в том, что историю делают не вожди, а простые люди. Джимми Картер также пришел к выводу, что принимающие решения политики и чиновники изолированы от тех граждан, которых эти решения больше всего затрагивают. Он свято верил в правоту того, что делает, и серьезно относился к своим обязанностям.

К спасению заложников в Вашингтоне готовились всю зиму 1980 года (этап планирования получил условное название «Горшок риса»). Отправить в Тегеран решили отряд войск специального назначения «Дельта» под командованием полковника Чарльза Беквита, воевавшего во Вьетнаме. Многие офицеры изначально считали операцию невыполнимой, говорили, что успеха можно добиться только чудом. Тегеран находится в глубине страны, на значительном расстоянии от дружественных американцам стран. К тому же иранцы ожидали нападения, захваченное посольство охраняло множество вооруженных стражей революции.

Разработали такой план. Военно-транспортные самолеты С-130 «Геркулес» со спецназом и горючим на борту и вертолеты RH-53D «Морской жеребец» входят в воздушное пространство Ирана и садятся в трехстах семидесяти километрах от Тегерана (точка «Пустыня-1»). После дозаправки вертолеты перебрасывают спецназ на площадку у заброшенных соляных шахт (точка «Пустыня-2») в восьмидесяти километрах от Тегерана. Здесь спецназ пересаживается на подготовленные ЦРУ грузовики и едет в сторону Тегерана, атакует там посольство и освобождает заложников. На всю операцию отводилось тридцать шесть часов, на штурм посольства и освобождение заложников – сорок пять минут. С территории посольства вертолеты должны были доставить спецназ и сотрудников посольства на старый аэродром, откуда их переправят самолетами. Аэродром должна была заранее захватить и удерживать вторая группа спецназа.

Подготовку решили не проводить на обычной базе спецназа, в Форт-Брэгге, потому что за ней постоянно следили советские разведывательные спутники. Тренировались в штате Юта – в пустыне, напоминающей иранские. Слабым звеном оказались вертолетчики, которые плохо ориентировались в ночных условиях. Но времени на их дополнительную подготовку не оставалось.

7 апреля 1980 года президент Картер приказал разорвать дипломатические отношения с Ираном. 11 апреля на заседании Совета национальной безопасности разрешил проведение военной операции «Орлиный коготь». Картер принял двух полковников и благословил их на подвиг.

Изучая любую проблему, Картер требовал все больше и больше справок о проблемах, которые предстояло решить. Он был уверен, что справится, если разберется во всех деталях. Однажды Картер заметил рядом с Белым домом кран, из которого текла вода. Он остановил сантехника и стал его расспрашивать: с какой стати льется вода? сколько это стоит? почему деталь оказалась дефектной?.. Помощники считали, что Картер напрасно тратит энергию на пустяки. Ему бы сосредоточиться на главном...

Госсекретарь Сайрус Вэнс не одобрил намерение освободить заложников в Иране и сказал, что подаст в отставку независимо от успеха спасательной операции. Джимми Картер связал с освобождением заложников свою политическую судьбу. «Мой недостаток: я не иду на

компромисс в отношении принципа, который считаю верным, – говорил о себе Картер. – Один политик как-то сказал обо мне: упряма, как черепаха из Южной Джорджии. Бездумный отказ от компромиссов, разумеется, глупость; но, может быть, пришло время отказаться от компромиссов по принципиальным вопросам».

За три недели до начала операции сотрудник американской военно-воздушной разведки был доставлен на небольшом самолете в район приземления десанта, где он установил наземные огни для облегчения посадки. В операции участвовали восемьдесят бойцов «Дельты» и тринадцать «зеленых беретов» из 10-й группы спецназа, расквартированной на базе в Бад-Тельце (Западная Германия). Все они были одеты в джинсы и куртки защитного цвета, на рукавах которых имелись нашивки с изображением государственного флага США, заклеенные пластырем (его предстояло сорвать уже во время штурма, чтобы не задеть своих). Бойцы «Дельты» должны были освободить заложников, которых держали в самом посольстве, а «зеленым беретам» – троих американцев, оставшихся в здании министерства иностранных дел Ирана.

Эскадрилью транспортных самолетов C-130 перебросили в Египет, будто бы для совместных маневров. Из Египта они перелетели в Оман, на старый аэродром британских военно-воздушных сил, чтобы дозаправиться здесь перед дальнейшим полетом. Восемь «Морских жеребцов» поднялись вечером в воздух с палубы авианосца «Нимиц», находившегося в Оманском заливе. Эти вертолеты были выбраны по той причине, что каждый из них мог взять на борт тридцать человек.

Но все пошло из рук вон плохо.

Специалисты считают выбор вертолетов главной ошибкой: пилоты из корпуса морской пехоты не имели опыта полетов в условиях пустыни. Пилотам приказали лететь на минимальной высоте – около шестидесяти метров. В результате вертолеты попали в пыльную бурю. У одного сразу начались технические проблемы. Пилоты еще двух машин потеряли ориентировку, то есть заблудились в условиях плохой видимости, и совершили вынужденную посадку. До места посадки – с часовым опозданием – добрались только шесть машин, причем одна из них при посадке повредила гидравлическую систему.

На иранской территории вертолеты должны были дозаправиться. Неожиданно американцы заметили машину на шоссе. Это был междугородный автобус. Автобус остановили, пассажиров вывели и уложили на песок. Тут на шоссе появилась автоцистерна с горючим. Водитель не подчинился приказу остановиться. Машину подорвали, она вспыхнула. Ночью пожар был виден издали...

Пилот одного из вертолетов, пытаясь перелететь подальше от транспортного «Геркулеса», потерял ориентировку в пыльном облаке, поднявшемся из-за вращения лопастей, и обрушился на «Геркулес». Обе машины вспыхнули. Сгорело все топливо, предназначенное для операции. Погибли восемь человек (пятеро – экипаж самолета и трое вертолетчиков). Обломки взорвавшихся машин повредили еще четыре вертолета. В огне рвались боеприпасы. Бойцы спецназа, решив, что на них напали иранцы, открыли беспорядочную стрельбу.

С командного пункта, развернутого в Египте, требовали продолжать операцию. Но у полковника Чарльза Беквита, который находился в пустыне вместе со своими бойцами, оставалось всего пять вертолетов. Во время штурма и они могли быть повреждены, что делало операцию невозможной. На двух-трех вертолетах было немыслимо эвакуировать всех заложников и спецназ.

Видя, что продолжать операцию бессмысленно, полковник Беквит решил бросить технику, оружие, погрузил всех бойцов в транспортные самолеты и дал приказ взлетать. На следующий день иранские солдаты обнаружили четыре брошенных вертолета и остатки

сгоревших машин. Американцы так торопились, что даже не уничтожили оставшиеся на земле вертолеты и находившиеся в них секретные документы, что позволило иранским спецслужбам выявить и арестовать американских агентов внутри страны.

Операция по спасению американских дипломатов в Тегеране, которых стерегли стражи Исламской революции, провалилась. Президент Картер обреченно сказал: «Все пошло к черту!» Но нашел в себе мужество выступить по телевидению и рассказать о неудаче: «Считая необходимым вызволить заложников, я принял решение о спасательной операции. Когда во время дозаправки мы потеряли вертолеты, я принял решение прекратить операцию. Я один в ответе за все, что произошло».

Иранцы торжествовали. Аятолла Али Хаменеи сказал: «Мы не какие-нибудь либералы, вроде Альенде или Мосаддыка, которых ЦРУ смогло прикончить».

6 мая 1980 года Картер объявил днем траура по погибшим военнослужащим. Полковника Беквита отправили в отставку. В историю эта операция вошла как самый скандальный провал американских спецслужб.

Иранское руководство приняло решение рассредоточить заложников, чтобы исключить возможность повторения спасательной операции. Заложников развезли по разным тюрьмам, часто меняли их местонахождение. Шанс для их спасения появился, когда изменилась политическая ситуация.

Курс лечения шаха в США завершился в декабре 1979 года. Вернуться в Мексику ему не позволили. Американцы переправили его в Панаму, но и там долго находиться он не мог. 23 марта 1980 года он прилетел в Каир, где ему сделали операцию – удалили селезенку. Бежавшего из Ирана шаха в Каире приютил Анвар Садат. Для радикальных исламистов это было уже второе преступление египетского президента, заключившего мир с Израилем. Это стоило ему жизни. Во время военного парада в Каире 6 октября 1981 года исламисты расстреляли Садата... А неизлечимо больной шах скончался в Каире 27 июня 1980 года.

Сын шаха попытался отомстить – решил организовать убийство Хомейни. Реза-младший вынашивал план собрать среди богатых эмигрантов миллиард долларов, найти добровольцев и на территории Судана устроить тренировочный лагерь. Потом повстанцы на самолетах прилетят в Тегеран и захватят город. Чтобы упростить жизнь Анвара Садата, Реза-младший из Каира перебрался в Рабат, столицу Марокко. Вокруг шахского сына сгруппировалось несколько бежавших из Ирана военных, в том числе Гулям Али Овейси, бывший командующий сухопутными войсками. Прежде чем замысел шахского сына обрел практические очертания, генерала Овейси убили в Париже иранские агенты...

В Тегеране аятолла Хомейни счел, что заложники ему больше не нужны. Накал антиамериканских эмоций и настроений в стране и так был высок. А введенные Соединенными Штатами санкции все-таки вредили иранской экономике. Говорят, тогда Хомейни произнес: «Мы выжали их как лимон. Они нам больше не нужны. Отправьте их назад».

Иранцам пришлось вступить в переговоры. С американской стороны их вел заместитель госсекретаря Уоррен Кристофер. Переговоры шли через посредство Алжира. Иранские исламисты жаждали только денег. К удивлению алжирцев представители революционного Ирана торговались, как на базаре. Потребовали по четыре миллиарда долларов за каждого заложника – согласились на восемь миллиардов за всех. Деньги были взяты с иранских же счетов, замороженных в американских и европейских банках. Американцы вычли из этой суммы иранские долги и три миллиарда перевели в Иран.

Кризис с заложниками в Тегеране погубил карьеру Джимми Картера. Его считали плохим руководителем, неспособным справиться с проблемой. Захват заложников президент воспринял как личную трагедию. Он превратил Овальный кабинет в штаб по спасению американских

дипломатов. Но у него ничего не получалось. Все видели, что Картер измотан. Он не мог выиграть избирательную кампанию. Ее исход был написан на его лице. Президентские выборы в Соединенных Штатах в ноябре 1980 года приходились на первую годовщину захвата американских дипломатов в Тегеране. Картер мечтал освободить их до дня выборов. Это прибавило бы ему симпатий в глазах избирателей. Но иранцы не торопились. Картер проиграл выборы.

Американцы хотели видеть во главе страны более твердого человека, чем Джимми Картер. Так что аятолла Хомейни тоже внес свой вклад в избрание президентом Рональда Рейгана. Иранцы считали, что поладят с Рейганом лучше, чем с Картером. Наверное, они сильно удивились, когда через несколько дней после избрания новый президент назвал иранцев «варварами», с которыми он вообще не желает иметь дело.

Картер хотел освободить заложников, пока он оставался в Белом доме, то есть до 20 января 1981 года – даты вступления в должность нового президента. Последние два дня своего президентства Картер провел в переговорах о процедуре вывоза заложников из Ирана. Четыре года он запрещал фотографировать себя в Овальном кабинете и теперь снял запрет. Картеру сообщили, что самолет с заложниками готов к взлету в тегеранском аэропорту. Всю ночь уходящий президент и его команда ждали, что заложников освободят. Под утро стали одеваться – пора было освобождать Белый дом. Одного человека оставили у телефона на случай, если что-то произойдет. Но в Тегеране отпустили дипломатов только через сорок минут после того, как Рональд Рейган принес присягу. Это была последняя месть аятоллы Джимми Картеру.

Из Тегерана заложников вывозили алжирцы, причем подняли в воздух одновременно два самолета. Иранцы не знали, в каком из них находятся американские дипломаты. Алжирцы не хотели, чтобы у иранцев в последний момент возник соблазн сбить самолет с американцами.

Рейган любезно предложил Картеру отправиться в ФРГ, куда доставили освобожденных дипломатов, в качестве личного представителя президента. 21 января 1981 года уже бывший президент вместе со своей командой посетил бывших заложников в американском военном госпитале. Руководитель его аппарата Гамильтон Джордан вспоминал: «Картер выглядел таким старым и усталым, каким я его никогда не видел».

Глубоко верующий человек, Джимми Картер оказался не слишком удачливым президентом и продержался в Белом доме только один срок. Но жизнь в Вашингтоне его не испортила. Внутренне Картер остался тем, кем он был – фермером и учителем воскресной баптистской школы.

Новый президент Рональд Рейган устроил в Белом доме прием в честь освобожденных американцев и предупредил, что международный терроризм становится главной опасностью современного мира. Хотя тогда, в январе 1981 года, все еще только начиналось. В Соединенных Штатах мало кто мог предвидеть последствия иранской революции. Тревожились в основном из-за нефти. «Шах обеспечивал безопасность Персидского залива, где находится треть разведанных нефтяных ресурсов, – писал генерал Александр Хейг, который при Рейгане стал госсекретарем. – Теперь Иран – самое важное в стратегическом отношении государство Малой Азии, где на смену шаху пришел теократический режим, – провозгласил свое намерение создать исламское государство по образцу Арабского халифата VII века».

Поставки нефти оказались под угрозой. Широко распространились опасения, что нефтяные ресурсы Персидского залива будут потеряны. Правительства западных стран, тревожась, что в мире вновь возникнет нехватка нефти, сознательно или подсознательно перестраивали свою политику таким образом, чтобы умиротворить тех, кто контролирует поставки нефти...

Центральное разведывательное управление предсказывало, что из-за трудностей с

добычей Советский Союз может стать импортером нефти. Боялись, что нехватка нефти приведет Москву к более агрессивной политике на Среднем Востоке и советская армия попытается захватить Иран. На географических картах Персидский залив казался совсем рядом – несколько танковых бросков. Этого не произошло. Но советское руководство совершило не менее тяжкие ошибки на Среднем Востоке.

Советские руководители плохо понимали, во что ввязались в Афганистане. Последствия ввода войск были для Советского Союза очень тяжелыми. Это одна из крупнейших неудач советской внешней политики. «Просто осуждения недостаточно, – говорил возмущенный президент Картер. – Советский Союз должен заплатить за то, что сделал. Мы обязаны показать Советам, что они не имеют права вторгаться в соседние страны».

Роковые решения года привели к тому, что агрессивный фундаментализм пришел к власти в Иране и Афганистане. Фанатики, исповедующие эти взгляды, намеревались создать халифат, который будет объединять все новые и новые страны и расширяться до момента образования всемирного исламского государства.

Но великие державы все еще были заняты холодной войной друг с другом и не сразу осознали, какая опасность им грозит.

Восьмилетняя бойня

Революция в Иране вызвала подъем в исламском мире. Иранская революционная пропаганда апеллировала к широким народным массам, призывала их восставать против лидеров, правящих не по законам шариата.

20 ноября 1979 года главную мечеть в Мекке захватили несколько сотен суннитских диссидентов. Их выбили из мечети только через две недели. Это были ваххабиты, вдохновленные иранским примером. Восстание в Мекке было ударом для Саудовской Аравии, которая с конца 1960-х установила свое лидерство в исламском мире как самая религиозная страна.

Пример аятоллы Хомейни показал исламскому миру, что религия может стать мощным политическим оружием. Арабские властители стали демонстрировать свою религиозность – учли опыт шахского семейства, почти открыто пренебрегавшего священнослужителями. Королевский дом Саудовской Аравии вкладывал большие деньги в распространение ислама во всем мире, но не хотел стать жертвой революции у себя дома.

Арабские властители заостряли внимание на шиитском характере иранской революции, рассчитывая, что она станет менее привлекательной для суннитов, составляющих восемьдесят процентов исламского мира. Напомнили о персидском гегемонизме. Во всяком случае, этот аргумент использовал иракский президент Саддам Хусейн, когда напал на Иран.

17 сентября 1980 года в Багдаде на заседании Национального собрания Хусейн, одетый в военную форму, картинно разорвал текст договора с Ираном. Фактически это было объявление войны.

Саддам Хусейн, невероятно амбициозный, видел себя лидером арабского мира. Он заявлял, что все арабы могут рассчитывать на его помощь и покровительство, обещал, что иракская армия всех защитит. Он жаждал подтверждения своего влияния на мировые дела. Требовал расширить состав постоянных членов Совета Безопасности ООН, рассчитывая, что выбор падет на Ирак. Пытался возглавить Движение неприсоединения. В 1979 году в Гаване на конференции неприсоединившихся стран Саддам широким жестом обещал развивающимся странам предоставлять беспроцентные займы за счет нефтяных денег – и сорвал аплодисменты. Он пригласил глав неприсоединившихся стран к себе. Очередная конференция должна была

пройти в конце 1982 года. В Багдаде строили здание специально для этого события. Но конференция не состоялась из-за войны, которую он затеял.

У Ирака много соседей: на севере – Турция, на востоке – Иран, на западе – Сирия и Иордания, на юге – Саудовская Аравия и Кувейт. Саддам перессорился со всеми.

Иракский президент считал, что Иордания – искусственное образование и что часть ее территории должна принадлежать Ираку. Он пытался взорвать Иорданию изнутри: готовил переворот в Аммане, даже создал марионеточный Совет революционного командования во главе с бывшим командующим иорданской армией Али Абу Нуваром, которому собирался передать власть. Но король Иордании Хусейн распустил парламент, ввел чрезвычайное положение и попросил помощи у Саудовской Аравии, которая придвинула свои войска к южной границе Иордании. Потерпев неудачу, Саддам переключился на других соседей: с Сирией затеял холодную войну, с Ираном – настоящую.

Когда в Тегеране началась Исламская революция, Саддам решил, что охваченный хаосом сосед ослаблен и грех не воспользоваться таким удобным моментом, а то другой представится нескоро. 22 сентября иракские войска вторглись в Иран.

Из-за чего воевали Саддам Хусейн и аятолла Хомейни?

Граница между Ираном и Ираком в южной части проходит по реке Шатт-эль-Араб, которую образуют, сливаясь, реки Тигр и Евфрат.

В 1937 году англичане заставили иранского шаха признать суверенитет Ирака над Шатт-эль-Араб. Река объявлялась свободной для судоходства, но граница прошла по иранскому берегу и оказалась рядом с иранскими нефтеперегонными установками в Абадане. Иранцев всегда беспокоило, что с иракского берега можно обстрелять любой танкер. Но требования иранцев установить более справедливую границу между двумя странами – по тальвегу, то есть по линии, соединяющей самые низкие участки речного дна, – успехом не увенчались.

Персидский залив, и особенно узкий выход из него через Ормузский пролив, имеет особое значение для Ирана, так как это основной путь транспортировки нефти. Поэтому Иран всегда пытался ослабить военное влияние Ирака в Персидском заливе.

Когда шах почувствовал себя уверенно, в апреле 1969 года он просто денонсировал пограничный договор 1937 года и объявил, что новая граница проходит по тальвегу реки Шатт-эль-Араб. Конфликтную ситуацию рассматривал Совет Безопасности ООН, но найти решение не удалось. 30 ноября 1971 года иранские войска еще и захватили три небольших, но стратегически важных острова в Ормузском проливе – Абу-Мусу, Большой Томб и Малый Томб. Кто владеет этими островами, тот и контролирует пролив. Арабские страны восприняли эту операцию болезненно. Ирак и Ливия разорвали дипломатические отношения с Ираном.

В 1970-х годах Иран охотно оказывал помощь (в том числе артиллерией) иракским курдам, чтобы доставить неприятность Багдаду. В ответ иракцы приютили у себя многих личных врагов шаха, бежавших из Ирана. Скажем, в Багдаде укрылся первый руководитель иранской спецслужбы САВАК генерал Теймур Бахтияр. Его заподозрили в подготовке государственного переворота и изгнали из страны. Он сначала обосновался в Швейцарии, потом в Ливане. Когда узнал, что шах заочно приговорил его к смертной казни, перебрался в Багдад. Но это его не спасло. В августе 1970 года генерала убили его бывшие подчиненные – два агента САВАК...

Но пойти на открытую войну с Ираком шах не рискнул. И даже напротив: решил улучшить отношения с соседом.

5 марта 1975 года, во время встречи руководителей стран ОПЕК на высшем уровне в Алжире, шах Мохаммад Реза Пехлеви и Саддам Хусейн, тогда еще заместитель главы Совета революционного командования, договорились: Иран отказывается от поддержки иракских

курдов, Ирак соглашается с тем, что граница между двумя странами проходит по тальвегу реки Шатт-эль-Араб...

В 1979 году власть сменилась не только в Иране, где произошла революция, но и в Ираке. Президент страны генерал Ахмед Хасан аль-Бакр, незаметно для себя растерявший всех сторонников, формально ушел в отставку по состоянию здоровья (на самом деле, был помещен под домашний арест). 11 июля 1979 года на заседании Совета революционного командования Ирака новым главой государства стал Саддам Хусейн.

Дворцовый переворот в Багдаде прошел бескровно. Но 18 июля Саддам собрал высшее партийно-государственное руководство и сообщил, что внутри партии созрел заговор. Одного за другим руководителей партии арестовывали и выводили из зала. Сидя в президиуме, Саддам курил гаванскую сигару и кричал: «Вон отсюда!» Когда всех, кто был принесен в жертву, арестовали, остальные – те, кого Саддам помиловал, – присягнули ему на верность. Два десятка руководителей партии и правительства были казнены публично на площади, куда согнали горожан и журналистов. Так Саддам Хусейн начал свое царствование. Иракцы быстро научились кричать «Да здравствует Саддам!».

Теперь, когда шаха свергли, Саддам решил, что может не только вернуть утраченное, но и многое приобрести. Напав на Иран, Саддам говорил о желании освободить братьев-арабов, томящихся под властью персов, и призвал всех арабов объединиться против Ирана как враждебной силы. В реальности он хотел реализовать давнюю мечту – разгромить исторического противника и сделать Ирак бесспорной региональной супердержавой.

Он надеялся еще больше укрепить свое положение на Ближнем Востоке. Сирию парализовала борьба с внутренними врагами. Египет, заключив мир с Израилем, оказался изгоем арабского мира. Турция находилась в руках военной хунты.

Саддам рассчитывал и расширить свою империю за счет иранской нефти и иранской плодородной земли. Саддам потребовал от Ирана предоставить автономию провинции Хузестан и отказаться от трех островов в Ормузском проливе, которые шах захватил в 1971 году. Он намеревался полностью контролировать стратегически важную реку Шатт-эль-Араб и присоединить Хузестан, где находится девяносто процентов иранских месторождений нефти. Тем более что эта провинция склонна к сепаратизму – в начале XX века местный шейх уже пытался отделиться. Теперь Саддам призывал арабских братьев из провинции Хузестан восстать против поработителей-персов.

Это был классический пример захватнической войны за территории и ресурсы. Но старые споры придали войне характер национально-религиозный. Вражда между Тегераном и Багдадом имеет давнюю историю: арабы против персов, сунниты против шиитов. В представлении иранцев Ирак всегда находился под влиянием их злейших врагов: халифатов Омейядов и Аббасидов, затем Османской империи, Великобритании. Саддам апеллировал к национальным чувствам арабов, напомнив им, что когда-то они страдали под властью персов. Хомейни воззвал к религиозным чувствам иранцев. Окружение Саддама (правлящий класс Ирака) состояло в основном из мусульман-суннитов. Иранцы же почти все исповедуют шиитский вариант ислама. Аятолла представил войну с Ираком как возможность сквитаться за былое унижение и наказать еретиков-суннитов. Он приказал переименовать Персидский залив в Исламский залив (в свое время иракцы стали именовать залив Арабским) и предложил перенести шиитские святыни из Кербелы и Эн-Неджефа в иранский город Кум. К тому же у Хомейни с Саддамом были личные счеты.

Рухолла Хомейни тринадцать лет провел в иракском городе Эн-Неджефе. Вокруг него собралась группа религиозных философов. Возрождение шиизма началось в 1960-х годах именно в Ираке, когда молодой философ Мохаммад Бакир ас-Садр основал движение

«Исламский призыв». Хомейни сам подпал под влияние идей Садра.

Прежний президент Ирака генерал Ахмед Хасан аль-Бакр был сторонником умиротворения шиитов, а Саддам намеревался железной рукой заставить их повиноваться. Иракская полиция разгоняла религиозные процессии шиитов. Когда шииты восстали, Саддам перебросил на юг страны значительный воинский контингент и подавил восстание. Изгнание Хомейни из Ирака возмутило шиитов. 1 апреля 1980 года студент-иранец бросил бомбу в ближайшего сотрудника Саддама – заместителя премьер-министра и члена Совета революционного командования Тарика Азиза, когда тот приехал в багдадский университет. Несколько человек погибло, Азиз был контужен. Саддам пришел к выводу, что шиитское духовенство слишком опасно. Он боялся, что шииты, составляющие большинство населения Ирака, восстанут против центральной власти, а те шииты, которые живут на юге, в районе важнейшего порта Басра и города Эн-Неджефа, вообще попытаются отделиться от остальной страны.

В марте 1980 года Саддам выслал в Иран тридцать с лишним тысяч шиитов и запретил шиитскую религиозную организацию «Аль-Дауа аль-Исламия» («Исламский призыв»). Идеологов шиизма он приказал казнить. Аятолла Мохаммад Бакир ас-Садр, невероятно популярный среди шиитов, был арестован в июне 1979 года. Когда тегеранское радио назвало Садра «иракским Хомейни», он был обречен. 8 апреля 1980 года его повесили вместе с сестрой. Братом повешенного Бакира ас-Садра был лидер ливанских шиитов имам Муса аль-Садр, близкий друг сирийского президента Хафеза Асада. Казнь аятоллы еще больше обострила и без того враждебные отношения между Ираком и Сирией.

Сменивший Бакира ас-Садра новый духовный вождь шиитов Бакир аль-Хаким вскоре был вынужден бежать в Иран. Он создал там Высший совет Исламской революции и ждал, когда сможет вернуться на родину. Ждать пришлось долго – пока американцы не свергли Саддама...

Шииты каждый год отмечают день, когда был убит сын халифа Али имам аль-Хусейн, который в 680 году пал в бою с превосходящими по численности войсками халифа Язида I. При Саддаме эти траурные церемонии были запрещены. Полиция и войска перекрывали дороги, ведущие в Кербелу, где находится гробница аль-Хусейна, и никого не пропускали. Траурные шествия возобновились только в апреле 2003 года, после свержения режима Саддама. Сотни тысяч шиитов, декламируя посвященные имаму Хусейну стихи, прошли по городу. Многие истязали себя цепями и кинжалами. Женщины и дети, читая священные тексты, били себя кулаками в грудь.

Ирано-иракской войне предшествовали восемь месяцев пограничных стычек и взаимных обвинений. Информация о происходящем в Иране, казалось, сулила Саддаму быструю победу. Разведка сообщала ему о послереволюционном хаосе, о распаде армии. Сотни высших чиновников были расстреляны, сотни посажены, тысячи уволены. Пострадал офицерский корпус. Лучшие части, такие как императорская гвардия, распущены. Вся армия состояла из шести небоеспособных дивизий. Военно-воздушные силы лишились половины пилотов и остались без запасных частей. Иракская армия имела превосходство в танках в два раза, в артиллерии и минометах – в два с половиной раза. Поначалу войска Саддама Хусейна брали верх. Иранская армия отступала. Саддам полагал, что ему хватит недели, чтобы разгромить соседа. Но Иран отчаянно сопротивлялся.

Хомейни призывал молодых иранцев погибать в бою, обещая им прямую дорогу в райские кущи. Аятолла разрешил иранским мальчикам старше двенадцати лет вступать в армию без разрешения родителей. Десятки тысяч молодых людей хлынули на фронт. Многие получили так называемые пластиковые «ключи от рая», изготовленные на Тайване. Цифры потерь никого не беспокоили: чем больше мучеников, тем выше моральный дух армии. Еще

одна традиция шиизма – традиция насилия и мученической смерти. Это готовность к войне и к смерти в защиту угнетаемой веры.

В завещании имама Хомейни можно прочесть: «О, борющийся народ, ты идешь под знамя, которое реет над всем материальным и нравственным миром. Путь, по которому ты идешь, – единственный путь к абсолютному счастью. И это тот стимул, который побуждал всех имамов с радостью встречать мученическую гибель и считать ее слаще меда. Наша молодежь вкусила его на фронтах и пришла в восторг...»

Иранские юноши, вдохновленные проповедями Хомейни, бросались на врага с голыми руками. Перед боем они писали письмо, адресованное матери или имаму: «Какими жалкими были первые годы моей жизни, пока я не познал Аллаха. Имам открыл мне глаза. Какой сладкой кажется мне смерть. Это благословение, которым Аллах удостоивает лишь избранных».

Иракцы не знали, как противостоять новым камикадзе. Чтобы помешать иранцам перейти в наступление, ставили обширные минные поля. Но иранские командиры, революционные выдвиженцы и религиозные фанатики, сменившие шахских офицеров, гнали людей прямо на минные поля, считая это лучшим способом разминирования. Поэтому среди иранских ветеранов войны так много безногих инвалидов.

Саддам быстро понял, что блицкриг не получился и что он, возможно, вообще не выиграет войну с Ираном. Иракская армия тоже была ослаблена – бесконечными чистками, которые устраивали саддамовские спецслужбы, и партийным контролем над вооруженными силами. Она избежала поражения только благодаря огромным запасам советского оружия.

Саддам стал предлагать перемирие, но Хомейни не желал мириться. Он требовал, чтобы Хусейн как «слуга сатаны» был лишен власти. Хомейни придумал новый лозунг: «Путь на Иерусалим лежит через Багдад». Аятолла называл Саддама не иначе как «заговорщиком, карьеристом и авантюристом». В своем «Последнем послании» Хомейни писал: «Мы гордимся тем, что наш враг – Саддам, которого друзья и враги знают как преступника и нарушителя международных законов и прав человека, и все знают, что он предал угнетенный иракский народ...»

Сражаясь с Хомейни, Саддам внезапно стал набожным. По телевидению и радио стали широко транслировать религиозные передачи. 8 августа 1979 года генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения Саддам Хусейн оповестил своих подданных, что иракцы – потомки первого имама Али, почитаемого шиитами. Одновременно выяснилось, что и сам Саддам Хусейн ведет свой род именно от имама Али, хотя еще недавно всем было известно, что Саддам – суннит. Впрочем, до Исламской революции в Иране Саддам вообще религией не интересовался. С 1979 года Саддам стал именовать себя потомком «отца всех мучеников имама аль-Хусейна», а следовательно, и самого пророка Мохаммада. В музеях Ирака появилось генеалогическое древо Хусейна, идущее непосредственно от пророка...

Арабский мир, за исключением Сирии, единодушно поддержал Ирак. Саудовская Аравия финансировала войну – давала Ираку миллиард долларов в месяц. Организация освобождения Палестины под руководством Ясира Арафата тоже приняла сторону Саддама. И это погубило красивый лозунг Хомейни о дороге на Иерусалим, лежащей через Багдад. Иран лишился возможности заявлять, что это он возглавляет борьбу исламского мира против Израиля.

Когда началась война, Саддаму понадобились боеприпасы и запчасти для техники. В Москву прилетел министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз. Его принимал кандидат в члены политбюро и секретарь ЦК КПСС Борис Николаевич Пономарев, который на Старой площади³

³ То есть в Центральном комитете КПСС, который располагался по адресу Старая площадь, дом 4.

руководил международным отделом. Как старый коминтерновец, Пономарев внушал Тарику Азизу, что у Ирака и Ирана один враг – Соединенные Штаты, американский империализм, поэтому нужно прекратить братоубийственную войну. Азиз внимательно слушал и улыбался.

Борис Пономарев в советском руководстве был единственным, кто не любил Саддама Хусейна – за то, что тот уничтожал коммунистов. Остальных руководителей КПСС это просто не интересовало. Число жертв среди иракских коммунистов достигло пятнадцати тысяч! Но казни коммунистов Саддаму легко простили. Главное, что он – противник Соединенных Штатов и Израиля. Тем не менее в Москве не могли решить, кого поддерживать в этой войне. Мнения разошлись.

Международный отдел ЦК восторженно приветствовал Исламскую революцию в Иране, считая Тегеран союзником. Министерство обороны во главе с маршалом Дмитрием Федоровичем Устиновым, напротив, было уверено, что надо по-прежнему помогать Ираку: там находились тысяча двести советских военных специалистов, иракцы воевали советским оружием. Остальные советские руководители равно опасались победы и Ирака, и Ирана. Если Саддам одержит победу, рассуждали в Москве, иранцы могут вновь обратиться за помощью к Соединенным Штатам, что крайне нежелательно. А допустить победу Ирана и вовсе невозможно. Во-первых, Советский Союз не вправе бросить Ирак, с которым связан договором о дружбе. Во-вторых, нежелательно превращение соседнего Ирана в региональную супердержаву. На заседании политбюро приняли соломоново решение: не поддерживать ни одну из сторон. Поставки оружия Ираку прекратить.

Военные были крайне недовольны. Министр обороны Устинов на политбюро настаивал на возобновлении поставок. Во-первых, будут потеряны деньги, которые можно было бы получить от Ирака за оружие. Во-вторых, советский флот лишится возможности заходить в иракский порт Умм-Каср в Персидском заливе, где военные корабли могли заправиться и провести ремонт. Но председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов резонно напомнил, что Саддам Хусейн тоже себе на уме и не так уж дружелюбен. Например, осудил ввод советских войск в Афганистан.

В марте 1981 года политбюро все же приняло решение возобновить поставки Ираку запасных частей и иного вспомогательного специмущества. Но не боевого оружия. В Багдаде остались недовольны. Саддам дал понять, что продолжение сотрудничества двух стран возможно только в том случае, если Советский Союз выполнит свои обязательства и начнет поставлять оружие. В апреле политбюро сдалось. В первую очередь Ирак получил зенитно-ракетные комплексы.

В Москву за оружием прилетел заместитель главы правительства Ирака Таха Рамадан. Переговоры вел председатель Совета министров Николай Александрович Тихонов, старый друг Леонида Ильича Брежнева. Проинструктированный министром иностранным дел Андреем Андреевичем Громыко, он говорил, что Советский Союз вправе продавать только оборонительное оружие. Рамадан требовал и наступательного тоже. Министр обороны Устинов и начальник генерального штаба маршал Огарков настаивали: дать Ираку все, что он просит. Громыко в конце концов согласился, но сказал, что на оружии должна быть маркировка одной из соцстран. Договорились снабдить Ирак танками, бронемашинами, зенитно-ракетными комплексами «Луна», самолетами МиГ-23 и МиГ-25. Неожиданно Рамадан спросил Тихонова: «Готов ли Советский Союз к сотрудничеству с Ираком в ядерной области?» Осторожный Тихонов сказал: «Я не готов сейчас ответить. Сначала мы должны понять, о каком сотрудничестве идет речь». Но иракцы не стали продолжать этот разговор, понимая, что в

ядерных делах советские руководители едва ли захотят им помогать. Саддам стал искать другие пути.

Советские поставки оружия Саддаму привели к тому, что аятолла Хомейни стал именовать СССР «великим сатаной» – как и Соединенные Штаты. Хомейни выслал несколько советских дипломатов и казнил многих иранских коммунистов – «за шпионаж» в пользу Москвы. «Мы вступили в войну со всем миром, – говорил Хомейни в декабре 1983 года, – с Западом и Востоком, с США и СССР».

Исламская революция вовсе не избавила Иран от страха перед Советским Союзом, который в декабре 1979 года ввел войска в соседний Афганистан. Тегеран боялся, что СССР воспользуется ирано-иракской войной и попытается захватить иранскую нефть. В Москве решили заодно продавать оружие и Ирану (только в меньших масштабах), чтобы не злить аятоллу Хомейни.

Военные поставки Ирану начались осенью 1969 года, еще при шахе. В стране находился уполномоченный Главного инженерного управления Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям. Это управление ведало экспортом вооружений. Самолеты шах покупал у американцев, а оружие для сухопутных сил – в Советском Союзе. Оно шло по железной дороге через пограничный пункт Джульфа.

Под Тегераном построили комплекс «Бабак» для ремонта советской артиллерийской и броневой техники. В Тегеране, Исфахане и Ширазе создали учебные базы, где иранские военные осваивали советское оружие. Полтысячи иранских офицеров учились непосредственно в Советском Союзе. Это совсем не много – в сравнении с шестью тысячами иракцев, которые осваивали военную науку в советских училищах и академиях. Соответственно в Иране успели поработать чуть больше трехсот советских офицеров, а через Ирак прошли восемь тысяч наших инструкторов и советников.

Советские поставки были каплей в море. Ирану нужно было в первую очередь американское вооружение, боеприпасы и запасные части. Соединенные Штаты в поставках отказали – после того, как в Тегеране захватили американское посольство и взяли дипломатов в заложники. Иранские генералы и политики знали, что есть только одна страна, которая может помочь, – Израиль, с которым при шахе поддерживались вполне дружественные отношения. Но как к этому отнесется Хомейни?

Хомейни и Израиль

Иранские политики с удивлением обнаружили, что в мировом сообществе у них практически нет сторонников в войне с Саддамом Хусейном. Лишь Сирия поддержала Иран. Президент Хафез Асад сразу же осудил Саддама Хусейна. Ирония состояла в том, что в Ираке и в Сирии у власти находилась одна и та же Партия арабского социалистического возрождения и страны считались братскими, стоял вопрос об объединении. Но Саддама Хусейна и Хафеза Асада разделяли ненависть, соперничество и зависть. Вожди обеих стран обвиняли друг друга в различных преступлениях и подлых поступках. Асад публично сказал о Саддаме: «Палачу иракского народа мало того, что он убил десятки тысяч собственных граждан. Он намерен и в Сирии заниматься любимым делом – убивать и взрывать. С тех пор как он пришел к власти, он снабжает оружием сирийских преступников».

В 1983 году Андропов, который стал генеральным секретарем ЦК КПСС, и министр иностранных дел Громыко предприняли попытку помирить своих ближневосточных союзников – Ирак и Сирию. В Багдаде и Дамаске по личному поручению генерального секретаря побывал Евгений Максимович Примаков, директор Института востоковедения Академии наук СССР.

Саддам Хусейн и Хафез Асад откликнулись на предложение Андропова, прислали в Москву своих министров иностранных дел. Переговоры при советском посредничестве проходили в одном из гостевых особняков на Ленинских горах. Два министра вообще не хотели беседовать друг с другом, разговоры шли через посредника – в этой роли обычно выступал Примаков.

Мириться не желали именно сирийцы. Примаков потом рассказывал коллегам, как он не выдержал и прямо спросил сирийского министра:

– Вы согласны, что необходимо обеспечить взаимодействие Сирии и Ирака? Пожалуйста, ответьте «да» или «нет».

– Нет! – сказал сирийский министр.

– Почему? – удивился Примаков.

– Потому что в Ираке диктатура, фашистский режим.

Сирия и Ливия перепродавали Ирану советское вооружение. Весь оставшийся от шаха авиапарк «боингов» был использован для организации воздушного моста из Сирии и Ливии: оружие, снаряжение и боеприпасы шли потоком.

Саддам Хусейн был возмущен действиями Асада. В августе 1980 года иракские войска штурмом взяли сирийское посольство в Багдаде под тем предлогом, что сирийские дипломаты снабжают оружием и взрывчаткой врагов режима. 12 октября Саддам приказал разорвать дипломатические отношения с братской Сирией. Иракская пресса обрушилась на Асада, обвиняя его в том, что во время Шестидневной войны 1967 года он без боя сдал израильтянам сирийский городок Кунейтру, а во время Октябрьской войны 1973 года – перепугался и запросил перемирия с израильтянами, и в том, что он участвовал в уничтожении палестинцев.

Хафез Асад обвинил Багдад в том, что, подписав соглашение с Ираном в 1975 году, иракские руководители отдали ненавистным персам часть арабской земли и предали «революцию в Арабистане» (то есть в Хузестане – южной иранской провинции, где говорят по-арабски). Асад говорил, что Саддам зря расходует силы и сражается не с тем противником. Все силы нужно приберечь для «святого сражения за Палестину». В реальности Асад больше всего опасался, что Ирак одержит победу над Ираном, и тогда Сирия окажется в ловушке между победоносным Израилем и победоносным Ираком, а обе эти страны не любят Асада. Чем злее становился тон иракской прессы, тем больше президент Асад рассчитывал на победу Ирана. Он надеялся, что Ирак потерпит поражение и будет обессилен войной, и тогда побежденного Саддама кто-нибудь свергнет.

Накануне нового 1981 года иранский министр иностранных дел Али Акбар Велаяти, хитроватый человек с жесткой полуулыбкой, прилетел к новым союзникам в Дамаск. Вечером в своем номере в отеле он посмотрел местное телевидение и был возмущен показом веселых программ. На следующий день он начал переговоры, выразив свое возмущение увиденным. Но это не имело значения. Хомейни демонстрировал циничный практицизм. Аятолла, всегда призывавший к искоренению социалистических идей, снабжал дешевой нефтью Сирию, где у власти находилась Партия арабского социалистического возрождения. В благодарность за поддержку иранцы продавали Сирии нефть на три доллара дешевле официальной цены, а один миллион тонн ежегодно Хафез Асад получал бесплатно.

Во время восьмилетней ирано-иракской войны химическое оружие использовалось больше десяти раз. Например, в феврале 1984 года иранцы наступали на Басру, и Саддам, чтобы удержать город, приказал стрелять артиллерийскими снарядами, начиненными ипритом. У иранских солдат не было даже противогазов. Через два года войска Саддама применили иприт и табун против иранских войск, чтобы помешать им захватить нефтяные месторождения в районе Киркука. Ирак не подписал Женевскую конвенцию о запрете химического оружия, производил его в больших количествах и уже использовал на поле боя. Отравляющие вещества

легко производить. Практически любой фармацевтический завод может на том же оборудовании выпускать химическое оружие. Это очень дешевое оружие.

В 1988 году Саддам предупредил Хомейни, что обстреляет Тегеран боеголовками с отравляющим газом, а перед этим проведет бомбардировку города, чтобы в домах вылетели окна и газ отравил как можно больше людей. У Хомейни были основания воспринимать угрозы Саддама всерьез. Считается, что именно эта угроза заставила Хомейни 20 августа 1988 года признать резолюцию Совета Безопасности ООН № 598 и согласиться на перемирие с Ираком.

Метро в Тегеране строилось так, чтобы оно выдержало и землетрясение, и бомбардировку. Во время восьмилетней войны самолеты Саддама постоянно бомбили столицу Ирана. Метротоннели годятся и под бомбоубежище. Тегеранское метро собирались строить еще при шахе французы, а достроили сами иранцы. Первая линия столичной подземки ведет к гробнице имама Хомейни.

Я был на строительстве метрополитена и обратил внимание на то, что работающие там образованные специалисты резко выделяются среди иранской публики. В Иране сохранилось уважение к человеку с дипломом, к слову «инженер», вообще к немногочисленным обладателям высшего образования, которое прежде получали в основном за рубежом. Обращение «господин инженер» в Иране звучит не хуже, чем «господин доктор».

Война продолжалась восемь лет и кроме гибели людей не принесла ничего. Считается, что погибло около трехсот тысяч иранцев и примерно сто двадцать тысяч иракцев. Реальные потери, по-видимому, гораздо больше. Вдобавок обе стороны долго не могли обменяться пленными. Только после свержения Саддама, в апреле 2003 года, Ирану наконец передали тела восьмидесяти трех иранцев, погибших на иракской территории. А иранцы вернули Багдаду пятьдесят девять последних иракских военнопленных. Некоторые из них провели в плену двадцать лет.

Саддам поддерживал оппозиционную иранскую группу «Моджахеддин аль-Хальк» («Народные воины»), которая нашла приют в Ираке. Численность ее отрядов достигала пятнадцати тысяч человек. Время от времени они устраивали Тегерану какую-нибудь неприятность, что доставляло радость Саддаму. В 1992 году боевики «Моджахеддин аль-Хальк» захватили иранские посольства сразу в тринадцати странах.

Саддам неустанно давил своих шиитов, считая их внутренними врагами. Операцию против шиитов проводил генерал Мохаммад Хамза аль-Зубейди, который был заместителем премьер-министра, членом Совета революционного командования и командующим военным округом Центральный Евфрат. Он входил в ближайшее окружение Саддама Хусейна. Уничтожая шиитов, аль-Зубейди пускал в ход напалм, фосфорные и кассетные бомбы, химическое оружие.

Весной 2003 года, после второй войны в Персидском заливе, были найдены кадры, на которых видно, как аль-Зубейди сам расстреливает пленных. Тогда же в городах Эн-Неджеф и Кербела обнаружили несколько массовых захоронений. Среди жертв саддамовских спецслужб были опознаны родными сто восемьдесят два известных богослова. Людей ставили в ряд и расстреливали. Среди убитых были женщины и дети, в том числе восемнадцать родственников аятоллы Мохаммада Бакира аль-Хакима – религиозного лидера шиитов, нашедшего убежище в Иране.

Иранская авиация несколько раз пыталась разбомбить строящийся иракский ядерный реактор, но советские системы противовоздушной обороны надежно прикрывали «Озирак». Только один раз иранские «фантомы» прорвались к реактору, но причинили стройке лишь небольшой ущерб. Правда, французские и итальянские специалисты уехали домой, напуганные бомбардировками.

Саддам Хусейн создал самые мощные в регионе вооруженные силы. Его почти миллионная армия была четвертой по численности в мире. Но у него возникли проблемы с деньгами. Все нефтедоллары ушли на войну с Ираном. Внешний долг Ирака составил фантастическую сумму. Саддам решил поправить финансовое положение за счет соседнего Кувейта. Ирак должен был Кувейту, который помогал Саддаму, восемнадцать миллиардов долларов. Саддамом руководила логика уголовного преступника: зачем отдавать долг, если можно убить кредитора? С Ираном у Саддама вышла осечка. Воевать с Сирией он не решался, зная, что сирийцам на помощь придет Советский Союз. И он нацелился на Кувейт, маленькое и беззащитное государство, богатое нефтью. Так Саддам ступил на путь, который закончится его полным поражением, крушением режима и казнью.

Как и Ирак, Иран вышел из войны с разрушенной экономикой. Рухолла Хомейни сказал, что подписать мир с Саддамом Хусейном – все равно что выпить чашу с ядом. Но он смог выстоять в войне с Ираком, получив оружие у тех, кого считал своими злейшими врагами. Выяснилось, что оружие могут дать Соединенные Штаты и Израиль. На словах руководители Ирана проклинали Израиль. На практике – обратились к еврейскому государству за помощью, разумеется, умоляя хранить все в секрете. Хомейни произносил свои яростные антиамериканские проповеди, но нападение Саддама вернуло иранскую политику к циничному прагматизму.

В начале 1980 года Ахмед Кашани, младший сын аятоллы Аболь-Хасема Кашани, приехал в Израиль. Попросил продать запчасти для иранских истребителей. Премьер-министр Менахем Бегин дал согласие. Если Саддам Хусейн победит Иран, его не остановишь. Президент Ирака казался израильтянам куда более опасным безумцем, чем аятолла Хомейни, которого сильно недооценивали.

Администрация Джимми Картера выразила недовольство политикой Израиля: оружейная сделка подрывала попытки изолировать Иран. Но Картер в ноябре 1980 года проиграл выборы. После прихода Рональда Рейгана в Белый дом и освобождения американских дипломатов, взятых в заложники, возобновились и американские секретные поставки оружия Ирану. Американские игры с Ираном преследовали другую цель: установить отношения с умеренными политиками, которые придут к власти после смерти Хомейни. Почему-то считалось, что режим аятоллы – дело временное. В 1981 году Иран получил необходимые ему боеприпасы и запасные части к танкам, артиллерийские снаряды и модернизированные двигатели для истребительной авиации.

Аятолла Хомейни принял израильское и американское оружие, не побрезговал, хотя именовал эти страны «большим и малым сатаной».

По правде говоря, американских руководителей, как и советских, вполне устраивала ирано-иракская война. Два государства, опасных для окружающих, методично уничтожали друг друга. Но с 1981 года некоторые сотрудники администрации Рональда Рейгана в отличие от израильтян стали присматриваться к Саддаму Хусейну: может быть, этот человек менее опасен, чем аятолла Хомейни, и станет бастионом против распространения воинственного шиизма? Если Ирак проиграет войну, рассудили в Вашингтоне, аятолла Хомейни распространит свое влияние на весь Ближний Восток.

В 1982 году государственный департамент США, несмотря на возражения конгресса, вычеркнул Ирак из списка стран, поддерживающих терроризм. Еще через год американцы сняли эмбарго на поставку оружия в Ирак, введенное в 1970-х годах из-за того, что багдадские руководители давали приют палестинским террористам.

В декабре 1983 года в Багдад прибыл Дональд Рамсфелд, будущий министр обороны в правительстве Джорджа Буша-старшего. Он встретился с Саддамом, который очень хотел

поладить с Америкой. В 1984 году были восстановлены дипломатические отношения, прерванные после арабо-израильской войны 1967 года. Некоторое количество американских бизнесменов отправились в Багдад вслед за американским послом и обнаружили, что Саддам, щедро тратящий нефтяные деньги, – выгодный партнер. Ирак получил возможность покупать военные материалы через созданную для этой цели чилийскую посредническую компанию.

Саддам и Хомейни конкурировали за возможность получать американское оружие. 9 июля 1985 года на встрече в западногерманском городе Гамбурге Мехди Каруби, министр иранского правительства и близкий к Хомейни человек, внушал западным партнерам: «Мы заинтересованы в сотрудничестве с Западом. У нас есть общие интересы. Поражение в войне с Ираком превратит Иран в сателлит Советского Союза. А Советский Союз – это наш общий враг. Мы боимся и Советского Союза, и левых в нашей стране».

Но у Соединенных Штатов возникла еще одна проблема. С помощью иранского Корпуса стражей Исламской революции в Ливане создавалась шиитская боевая организация Хезболла. Она брала в заложники американцев, которые работали в Ливане. Это были преподаватели, священники и журналисты. Иран намекал, что уговорит Хезболлу отпустить заложников, если получит противотанковые ракеты. Министр обороны США Каспар Уайнбергер решительно воспротивился поставкам оружия Ирану. Но Роберт Макфарлейн, советник президента Соединенных Штатов по национальной безопасности, был авантюристом по натуре. Он явился в Пентагон уговаривать министра. Убеждал Уайнбергера, что это единственный шанс поладить с умеренными иранцами. «Единственные умеренные в Иране, – ответил Уайнбергер, – покоятся на кладбище».

Пользуясь неограниченным доступом в Овальный кабинет, Макфарлейн убедил в своей правоте президента Рональда Рейгана, который хотел освободить американских заложников, захваченных в Ливане. Первая партия противотанковых ракет – девяносто шесть штук – отправилась с тайного одобрения Соединенных Штатов из Израиля в Иран в конце августа 1985 года. 15 сентября второй транспорт с ракетами пришел в Иран. Через несколько часов американский заложник в Ливане был освобожден.

7 декабря 1985 года Рональд Рейган записал в дневнике: «Принял Дона Ригана (руководитель президентской администрации. – Л. М.), Каспара Уайнбергера, Бада Макфарлейна, Джорджа Шульца (государственный секретарь) и Мэхэна из ЦРУ. Обсуждали комплексный план, который может вернуть домой пятерых наших заложников и помочь тем чиновникам в Иране, которые хотят повернуть страну от нынешнего кризиса к лучшим отношениям с нами. Израиль продаст некоторое количество оружия Ирану. Когда они доставят оружие, наших заложников освободят. Оружие пойдет умеренным лидерам в армии. Мы затем поставим Израилю оружие взамен того, что они передадут Ирану. Никаких подарков: Иран платит наличными, Израиль тоже».

Рейган подписал секретную директиву «Вынужденный выбор», в которой говорилось, что продажа оружия Ирану соответствует интересам Соединенных Штатов. Пентагон получил указание тайно передать ЦРУ четыре с половиной тысячи противотанковых ракет, которые через Израиль пойдут Ирану, чтобы тот мог остановить наступающие иракские танки.

В Израиле Менахема Бегина на посту премьер-министра сменил куда более осторожный политик Шимон Перес. Но и он санкционировал тайные поставки Ирану. Мотором этих сделок был советник премьера по вопросам борьбы с терроризмом – бывший тележурналист Амирам Нир, опасно амбициозный человек. У него было жесткое красивое лицо. Его не портил даже искусственный глаз: он служил в танковых войсках и потерял глаз во время военных учений. Это обстоятельство вызывало симпатии всех зрительниц израильского телевидения, когда, уволившись из армии, Амирам Нир стал журналистом. Он был очень обаятелен и женился на

одной из самых богатых невест Израиля – Джуди Мозес, дочери владельца крупнейшей газетной компании «Едиот Ахронот».

Израильское правительство, конечно же, знало, что новое иранское руководство, в первую очередь сам Хомейни, ненавидит еврейское государство. «Как только зародился ислам, – натравливал Хомейни свою паству, – он сразу же столкнулся с иудаизмом, и евреи первыми стали вести антиисламскую пропаганду, которая не прекращается до сих пор. Впоследствии христианские миссионеры еще более сатанинского свойства, чем евреи, проникали в мусульманские страны в качестве колонизаторов. Они готовили почву для уничтожения ислама...»

Но в Израиле по-прежнему исходили из того, что главный и самый опасный враг – это Ирак, поэтому надо помогать Ирану. Ирак был единственной арабской страной, которая отказалась в 1948 году подписать соглашение о перемирии с Израилем и постоянно угрожала уничтожить еврейское государство. Поэтому Израиль помогал и иракским курдам – в стремлении ослабить Ирак.

Израиль оказался первым государством, признавшим курдское национально-освободительное движение. Отношения с курдами завязались в 1964 году. Тогда Шимон Перес, заместитель министра обороны, согласился тайно встретиться с Камураном Али Бедир-Ханом, лидером курдов, который давно искал помощи у израильтян. Арие Элиав, энергичный заместитель министра индустриализации и развития Израиля, побывал в иракском Курдистане, чтобы определить, в какой именно помощи нуждаются курды. Сотрудничество с курдами было обоюдовыгодным. Курды передавали израильтянам информацию о состоянии иракской армии. Одна из самых ярких операций Моссада – угон иракского истребителя МиГ в августе 1968 года – была осуществлена с помощью курдов...

Иран нуждался в запасных частях и боеприпасах. Все это было на израильских складах. Но как отправить? На судах – слишком долго. Только на самолетах. В Иране этим занимался Садек Табатабай, дальний родственник Хомейни. Это он в начале апреля 1981 года обратился к португальскому торговцу оружием Жорже Пиньолу. Он владел компанией, зарегистрированной в зоне свободной торговли на британском острове Джерси (в проливе Ла-Манш), и охотно взялся быть посредником. Израильские летчики пилотировали самолеты с оружием до Кипра. В аэропорту Ларнака места за штурвалами занимали завербованные португальцем пилоты из Южной Африки и других стран.

Успешная операция с получением оружия из Израиля помогла карьере Садека Табатабая. Хомейни его приблизил, назначил заместителем министра внутренних дел, представителем в Ливане. Он помогал создавать Хезболлу, снабжал ее оружием. Это он приказал похитить двух израильских солдат, что привело к ливанской войне 2006 года.

В октябре 1981 года с помощью израильского оружия иранские войска перешли в контрнаступление, чтобы снять кольцо окружения вокруг Абадана. По некоторым подсчетам, в общей сложности Иран получил оружия на сто миллионов долларов.

О продаже израильтянами оружия стало известно после того, как в 1984 году один иранский летчик перелетел на своем истребителе F-4 «Фантом» в Саудовскую Аравию. В самолете нашлись части и приборы, которые американцы поставляли только Израилю, а тот передавал иранцам.

В Израиле существовало, условно говоря, проиранское лобби – военные и разведчики, действующие и отставные, которые при шахе сотрудничали с Ираном. Они верили, что и новые иранские лидеры, успокоившись, захотят вернуться к тесному взаимодействию с Израилем.

Один из президентов Израиля Моше Кацав и министр обороны (до этого начальник генерального штаба) Шауль Мофаз родились в Иране. Еще один начальник генштаба Дан

Халуц – сын иммигрантов из Ирана. Когда Кацав работал в ООН, он развлекался тем, что на различных мероприятиях обращался к иранским дипломатам на фарси. Им запрещалось вступать в разговоры с израильянами, поэтому они поспешно убегали...

При Хомейни Иран превратился в злейшего врага еврейского государства. А раньше иранский шах был, по существу, негласным союзником Израиля. Иран признал Израиль де-факто еще в 1950 году, вскоре после Турции. Тогда в составе политической разведки Моссад образовали отдел международных связей. Это подразделение превратилось в теневое министерство иностранных дел. Его задача состояла в том, чтобы поддерживать связи со странами, которые не могут устанавливать формальные отношения с Израилем, скажем, с такими мусульманскими странами, как Марокко и Индонезия. Самым важным из таких государств был Иран.

Вначале резидентуру Моссада в Тегеране возглавлял Макс Биннет, который очень умело работал в Египте. А после Синайской войны 1957 года между разведывательными службами Израиля и Ирана установились прямые отношения. В 1958 году Яков Карош, который до этого был резидентом Моссада в Париже, возглавил отдел международных связей Моссада и занялся почти исключительно иранскими делами.

В первый раз он встретился с генералом Бахтияром, начальником иранской спецслужбы САВАК, еще работая во Франции под посольской крышей. Весной 1959 года начальник военной разведки Израиля Хаим Герцог побывал в Тегеране по приглашению своего коллеги генерала Плави Киа, и они договорились о военном и разведывательном сотрудничестве.

Шаху нужен был ответ на иракские ракеты «Скад», купленные в Советском Союзе. Он попросил американцев продать ему «першинги». Президент Картер отказал, потому что они теоретически способны нести ядерные боеголовки.

Генерал-лейтенант Хассан Туфанян, заместитель военного министра Ирана, в 1977 году встретился с генерал-майором Эзером Вейцманом, министром обороны Израиля. Генерал Туфанян, отвечавший за закупки оружия, был близок к шаху. Израиль согласился разработать для иранцев ракету класса «земля-земля». Иранцы щедро платили, что позволяло израильской промышленности быстро создавать новые образцы оружия. В апреле 1977 года шах и тогдашний министр обороны Израиля Шимон Перес подписали договор о продаже оружия на миллиард долларов. Израильяне стали строить ракетный завод на территории Ирана.

Хомейни, придя к власти, узнал об этом. Один из подчиненных Туфаняна генерал Мохаммад Антаземи решил выслужиться перед новыми хозяевами страны. Он привел стражей революции на конспиративную квартиру, где показал сотни страниц секретной переписки между Израилем и Ираном. Стражи отблагодарили его тем, что расстреляли...

Шахский Иран финансировал строительство израильского нефтепровода Эйлат – Ашкелон. Он соединил Акабский залив и Средиземноморье, что позволяло получить иранскую нефть, минуя уязвимый Суэцкий канал. Сделка была заключена во время визита представителя иранской нефтяной компании в Тель-Авив в 1957 году. Так начались поставки иранской нефти в Израиль. Трубу значительно расширили после переговоров тогдашнего премьер-министра Израиля Леви Эшколя с шахом в 1958 году.

Сотрудничество двух стран было «открытым секретом». Иран пользовался израильскими техническими и технологическими достижениями, особенно в сельском хозяйстве, в ирригации. Шах советовал своим министрам нанимать израильских специалистов. Израиль обучал иранских военных летчиков, парашютистов и артиллеристов.

Но Иран вел исключительно прагматическую политику. Не было места для такого понятия, как дружба с еврейским государством. Визиты официальных лиц держались в тайне. Когда глава израильского правительства Голда Меир прилетела в Тегеран на переговоры, то

самолет сел ночью, чтобы никто ничего не узнал. В октябре 1971 года шах не пригласил премьер-министра Израиля на празднование 2500-летия Персидской империи, потому что тогда не приехали бы арабские политики.

Иранцы, как и израильтяне, чувствовали себя неуверенно в арабском окружении. Чем сильнее становился Иран, тем в большей степени он нуждался в поддержке арабского мира. Существовала только одна возможность отвлечь арабское недовольство от Ирана – канализировать всю ненависть в сторону Израиля.

Иранцы ездили в Израиль через Турцию. В аэропорту им не ставили въездной штамп в паспорт, так что считалось, что все время они пробыли в Турции. В 1970-е годы шестеро иранских дипломатов работали в Израиле на постоянной основе, но числились в составе иранского посольства в Берне (Швейцарии). В документах МИД Ирана Израиль фигурировал как «Берн-2».

Над миссией Израиля в Тегеране не поднимался израильский флаг, израильских дипломатов не приглашали на протокольные мероприятия. Израильским послом в Иран назначили Ури Лубрани, знатока арабского мира. До Тегерана он служил послом в Эфиопии. В нарушение дипломатического протокола ни один иранский чиновник не приехал его встречать в аэропорту. Три с половиной года он не мог попасть к шаху.

Военный атташе Израиля в Тегеране Ицхак Сегев вспоминал, как ему зарисовывали машину свастикой, писали на ней «Хайль Гитлер!». На базаре, если он говорил, что он из Израиля, торговец не хотел брать деньги из его рук. Но шах разрешил Еврейскому агентству открыть представительство в Иране, чтобы оно занималось эмиграцией евреев.

Падение шаха стало тяжелым ударом для Израиля. Сразу эвакуировали из Ирана полторы тысячи человек. В первые дни после отъезда Резы Пехлеви в Тегеране еще оставались тридцать четыре израильтянина – сотрудники посольства (во главе с послом Йосефом Хармелиным), резидентуры Моссада, Еврейского агентства и представительства авиакомпании «Эль Аль». Наверное, верили, что все так-то образуется.

Они собрались в трех больших квартирах. Двое иранских евреев приносили им еду и рассказывали свежие новости. Международный телефон еще работал, и они могли разговаривать с Израилем. Связывались с еще оставшимися на месте шахскими чиновниками. Те объясняли, что армия держит нейтралитет и вернулась в казармы.

10 февраля израильтяне отправили единственный самолет «Эль Аль», еще оставшийся в Тегеране. Через несколько часов толпа захватила здание посольства Израиля. Охрана была снята. Оставшиеся там сотрудники сожгли последние бумаги и ушли. Толпа разграбила посольство. Утащили все, что могли.

С балкона выступил Ясир Арафат. Он просил стражей революции разрешить вывесить палестинский флаг: «Теперь это будет палестинское посольство!»

Организация освобождения Палестины принадлежала к числу немногочисленных арабских союзников Хомейни. Палестинцы обучали первых бойцов из иранского Корпуса стражей Исламской революции на своих базах в Ливане. Когда Хомейни летел в Тегеран, он попросил Ясира Арафата о помощи. Арафат примчался 5 февраля с большой группой своих телохранителей, чтобы защищать Хомейни.

В квартире военного атташе собрались несколько израильтян. Вдруг у дома появился джип со стражами революции. Израильтяне взяли пистолеты и были готовы отстреливаться. Но те поднялись выше, где жил крупный офицер. Через пару минут появился хозяин дома с кучей полотенец. Он был уверен, что израильтян уже убили, и пришел вымыть пол. Вместо трупов он увидел обедающих израильтян и остолбенел.

Министр обороны Эзер Вейцман договорился с резидентурой ЦРУ, и израильтян вывезли

из Тегерана на американских самолетах. Израильтяне почувствовали себя в безопасности, только когда самолеты сели во Франкфурте-на-Майне. 18 февраля 1979 года новый премьер-министр Мехди Базарган прервал все отношения с Израилем, прекратились продажа нефти и воздушное сообщение.

Не для всех приход Хомейни был сюрпризом. Моссад и французская Служба внешней документации и контрразведки – единственные, кто предупреждал, что трон шаха качается.

13 марта 1978 года самолет без опознавательных знаков приземлился на аэродроме на южном побережье Ирана. Пассажиров было двое. На посадочной полосе их ожидали взвод солдат и несколько мужчин в темных костюмах. Прилетели израильский посол Ури Лубрани и руководитель резидентуры в Тегеране Реувен Мерхав. Они отправились на встречу с шахом в его дворец. Привели к шаху только посла. После встречи Лубрани вышел разочарованный. Сказал резиденту: «Он оторвался от реальности. Живет в собственном мире. И окружен слугами, которые не говорят ему правды о положении в стране».

Израильтяне не знали, что шах еще и смертельно болен – рак распространялся по его телу. Шахский двор наслаждался прекрасной жизнью. В окружении шаха собралась сплошная гедонисты. Каждые две недели «конкорд» летал в Париж за деликатесами. В бутиках продавались новинки французских модельеров. К услугам людей с деньгами было полно французских проституток.

«Большая часть икры, которая продается на мировом рынке под видом русской, вывозится из Ирана, – с гордостью рассказывал шах. – Кто-то остроумно заметил, что осетры по идеологическим соображениям переселились с севера Каспийского моря к южным берегам. На самом деле задолго до русской революции эта рыба предпочитала жить и размножаться в теплых водах у иранских берегов Каспия».

Через два месяца израильский разведчик Элиезер Цафир прилетел в Тегеран. Он сменил Мерхава в роли руководителя тегеранской резидентуры. Мерхав передал ему ключи от автомобиля и уютной резиденции. Он находился в дурном расположении духа: «Я боюсь, что очень скоро наш друг превратится во врага, и у нас начнутся трудные времена. Я передаю вам Иран с тикающим взрывателем».

Военный атташе в Тегеране генерал Ицхак Сегев вспоминал: «Вокруг шаха остались одни глупцы. Они слепо верили в шаха и его власть. А шах уверенно повторял, что пережил уже восьмерых американских президентов». Шах перестал прислушиваться к советам, все решения принимал сам. Заседания кабинета превратились в фарс, там не обсуждались ключевые вопросы: национальная безопасность, нефтяная политика, военные расходы, ядерная программа. Несколько обеспокоенных иранских военных в августе 1978 года попросили генерала Сегева доставить в Иран легендарного израильского генерала Моше Даяна: «Шах им восхищается. Кто-то же должен сказать шаху, что происходит на улицах. А шах сидит на высоком стуле. И все ему говорят: да, да, да. Нельзя критиковать, нельзя ему ничего говорить...»

Моше Даян был в тот момент министром иностранных дел, но иранцы воспринимали его как военачальника, победителя в Шестидневной войне 1967 года. Он прилетел в Тегеран в парике, шляпе и черных очках. Сначала он встретился с начальником САВАК генералом Нематуллою Насири. «Мои люди говорят, у вас проблемы», – начал Даян. Насири улыбнулся: «Мой дорогой генерал, я не знаю, что вам докладывают ваши люди, но мы полностью все контролируем. Я бы хотел, чтобы вы говорили о том, что действительно волнует его величество – о войне между Эфиопией и Сомали». После встречи Даян удивленно заметил руководителю резидентуры: «Он и в самом деле ничего не понимает. Мы зря тратим время».

Генерал Насири не прожил и года. В следующем феврале, уже после революции, над ним

устроили показательный суд, обвинили в пытках и издевательствах и расстреляли.

Столь же пустой оказалась беседа с шахом.

Летом 1978 года посол Израиля доложил своему правительству, что шах долго не продержится. Американцы, которым показали шифртелеграмму, высокомерно отвергли пессимистический прогноз. А через несколько месяцев шах бежал из Тегерана.

Моссад тайно вывез из Ирана несколько десятков тысяч евреев. Для этого в Тегеране оставался Аврахам Геффен, представлявший Еврейское агентство. Он умело скрывался и формировал группы, которые улетали в Европу. В конце концов его арестовали. Спас знакомый по шахским временам – за большую взятку. В апреле 1980 года Геффен покинул Иран. Но вскоре его попросили вернуться: началась война с Ираком, выезд из страны ужесточился – иранские власти не отпускали молодежь призывного возраста. Он провел в Иране еще полгода, теперь вывозили евреев с помощью контрабандистов...

В середине 1980-х три человека взялись вновь сблизить Израиль и Иран. Это были Яков Нимроди, бывший военный атташе в шахском Иране, Аднан Хашогги, саудовский мультимиллионер, и Аль Швиммер, основатель израильской авиационной промышленности и близкий друг премьер-министра Шимона Переса. К этой тройке присоединился таинственный торговец оружием из Ирана и бывший агент шахской разведки САВАК Манучер Горбанифар. Он авторитетным тоном поведал своим собеседникам о «политически умеренных элементах» в Иране, которые придут к власти после падения Хомейни. В ЦРУ Горбанифара знали и не доверяли ему. А вот Нимроди и Швиммер ему верили или хотели верить.

Они отправились прямо к Шимону Пересу. Премьер-министр запросил мнение Моссада. Оно было отрицательным, разведчики сомневались в успехе операции. Тогда Моссад просто исключили из этой операции. Перес, посоветовавшись с министром обороны Ицхаком Рабином и министром иностранных дел Ицхаком Шамиром, одобрил контакты с Горбанифаром, который прилетел в Израиль с греческим паспортом. Он и заключил первую сделку о поставке оружия Ирану – на пятьдесят миллионов долларов. В августе 1985 года иранцы получили пятьсот четыре противотанковые ракеты с израильских складов. 14 сентября 1985 года Хезболла отпустила американца Бенджамина Уэйра, священника, которого полтора года держали заложником в Бейруте.

В Иран доставляли оружие и военное снаряжение. Среди прочего – приборы ночного видения для танков и навигационное оборудование для авиации. Американцы не очень доверяли израильским посредникам. Директор ЦРУ Уильям Кейси обратился к министру юстиции Эдвину Мизу с просьбой разрешить прослушивание «двух иранских агентов». Одним был Горбанифар, другим – Яков Нимроди. Шимон Перес, конечно же, никогда не признавался в решении снабжать Иран оружием. Он специально поручил это не Моссаду и не военной разведке, с тем чтобы в случае скандала иметь возможность отрицать всякую связь с этим делом.

Координатором израильской политики в отношении Ирана был назначен Шломо Газит, бывший начальник военной разведки. Но он отказался, увидев, что Моссад, который и должен был этим заниматься, исключен из дела. Вместо него ключевым человеком стал Давид Кимхи, генеральный директор министерства иностранных дел и бывший разведчик. Он был обижен тем, что ему не достался пост руководителя Моссада, и взялся показать, на что способен.

Доктор наук Давид Кимхи был признанным интеллектуалом, но после двадцати семи лет в Моссаде привычка к тайной дипломатии стала его второй натурой. У него установились тесные отношения с Робертом Макфарлейном, советником президента Соединенных Штатов по национальной безопасности.

Государственный секретарь Джордж Шульц и министр обороны Каспар Уайнбергер

сомневались в разумности сделки с Ираном. Тем не менее в Иран посылали крайне необходимые ему противотанковые ракеты. Через несколько дней иранцы отпустили одного из американцев, находившихся у них в плену. Амирам Нир исключил Нимроди и Швиммера из сделки и напрямую замкнул на себя Горбанифара. Еще несколько партий оружия были отправлены в Иран, но американцев больше не освобождали.

В ноябре 1985 года Роберт Макфарлейн подал Рейгану прошение об отставке и рекомендовал закончить эту операцию. Рейган вместо этого отправил 7 декабря 1985 года Макфарлейна в Лондон повидаться с Горбанифаром и договориться о продолжении. Встреча только укрепила Макфарлейна в его сомнениях.

Сменивший его на посту советника президента США по национальной безопасности адмирал Джон Пойндекстер, более осторожный, сказал израильтянам, что с этими тайными делами пора заканчивать. В декабре засомневался и Давид Кимхи. Он перестал заниматься иранской сделкой, сославшись на занятость в министерстве иностранных дел. Тогда на первое место выдвинулся советник премьер-министра Переса по проблемам борьбы с терроризмом Амирам Нир.

Нира сразу невзлюбили в разведывательном сообществе. Когда Перес назначил его своим советником, Моссад и Шин-бет были в шоке. Бывший журналист и политический выдвиженец, он не пользовался доверием спецслужб. Директор Моссада Наум Адмони демонстративно изменил состав консультативного комитета по разведке, исключил советника премьер-министра по терроризму – только для того, чтобы поменьше иметь дело с Амирамом Ниром.

Нир быстро обнаружил, что разведчики не хотят с ним сотрудничать. Он не смутился и стал показывать политические зубы. Убедив премьер-министра поручить ему сотрудничество с Советом национальной безопасности Соединенных Штатов, Нир отправился в Вашингтон и нашел родственную душу в подполковнике Оливере Норте.

В прошлом боевой офицер, Норт сравнительно недавно был переведен в Вашингтон и служил в аппарате Совета национальной безопасности. Бравый морской пехотинец и вьетнамский ветеран – вся грудь в орденах – наслаждался внезапно предоставленной ему ролью закулисного игрока и, отодвинув в сторону своих боссов, самостоятельно делал крупные ставки в геополитических играх.

Норт нравился Ниру. Они прекрасно поладили. Советник премьер-министра по должности имел доступ ко всей информации, добываемой израильской разведкой о международном терроризме, и делился этой информацией с Нортом, который не упускал случая козырнуть в Белом доме осведомленностью. Так, Нир сообщил Норту секретные сведения о захвате боевиками из Народного фронта освобождения Палестины (НФОП) итальянского круизного судна «Акилле Лауро» 7 октября 1985 года.

Это была особенно мерзкая история. Палестинцы застрелили шестидесятидевятилетнего инвалида Леона Клингхоффера, потому что он был американским евреем, и выбросили его тело в море, вместе с инвалидным креслом. Причем убили его на глазах жены. Пожилая супружеская пара отправилась на море, чтобы отметить тридцать шестую годовщину своей свадьбы...

Захваченное судно стояло в Порт-Саиде. Переговоры с палестинцами вели египтяне. Они договорились, что всех заложников отпустят, взамен четверым террористам позволят беспрепятственно улететь в Тунис. Израильская военная разведка узнала об этом, прослушивая переговоры руководителя НФОП Абу Аббаса. Нир поделился этой информацией с Нортом. Американские истребители перехватили египетский лайнер, на котором террористы летели в Тунис, и заставили его сесть на авиабазе НАТО на Сицилии. Террористов арестовали и отдали под суд....

Когда Роберт Макфарлейн ушел с поста советника президента и его сменил адмирал Пойндекстер, роль Оливера Норта в американской администрации возросла, и он стал еще более тесно, чем прежде, сотрудничать с Ниром.

7 января 1986 года Рейган записал в дневнике: «В полном секрете началась операция, в ходе которой Израиль освобождает два десятка боевиков Хезболлы, не причастных к убийствам. Одновременно израильтяне продают Ирану противотанковые ракеты. Мы поставляем Израилю оружие взамен, Хезболла освобождает пять заложников. Иран обещает, что больше похищений не будет. Мы сидим тихо и не объявляем, как нам удалось вызволить заложников».

Этой операцией занимался подполковник Оливер Норт.

У него и возникла совсем уж авантюрная идея: взять с Ирана побольше денег за оружие, поставляемое Соединенными Штатами и Израилем, и пустить неучтенные доллары на помощь «контрас» – повстанцам, которые сражались против левого сандинистского режима в Никарагуа. Это стало важным после того, как конгресс перестал финансировать «контрас». В администрации решили использовать эти сделки, чтобы решить сразу несколько проблем американской внешней политики.

Горбанифар положил десять миллионов долларов на израильский счет в Швейцарии. Тогда 16 февраля тысячу ракет загрузили в самолет израильской авиакомпании «Эль Аль» (маркировку закрасили), и американский экипаж улетел в Тегеран.

А 18 февраля два израильских солдата были похищены Хезболлой в Ливане (позднее их убили). Судя по всему, похитили их для того, чтобы заставить Израиль отправить в Иран еще больше оружия.

25 февраля в Париже Норт и Нир (он путешествовал по фальшивому американскому паспорту) встретились с советником иранского премьер-министра. Посланец Тегерана обещал решить проблему заложников и заявил, что готов совместно с США, рука об руку бороться с международным терроризмом.

Джон Пойндекстер и Оливер Норт решили, что надо ставить вопрос стратегически и найти способ улучшить отношения с Ираном. Адмирал обратился к своему предшественнику Макфарлейну: иранцы все-таки согласились на политический диалог и устраивают встречу на высоком уровне в Тегеране. Видимо, будут участвовать глава парламента Хашеми Рафсанджани, глава правительства Хосейн Мусави и даже президент Али Хаменеи. Президент Рейган попросил Макфарлейна поехать в Иран. Он не смог отказаться.

25 мая 1986 года Макфарлейн полетел в Тегеран на самолете «Боинг-707» с грузом пусковых установок для оперативно-тактических ракет. Макфарлейна сопровождали отставной аналитик ЦРУ Джордж Кейв, сотрудник аппарата Совета национальной безопасности Говард Тейчер и связист. В качестве личных подарков они привезли с собой библию, на которой расписался президент Соединенных Штатов Рональд Рейган, большой шоколадный торт и несколько новеньких револьверов марки «Кольт».

Подполковник Норт уговорил Макфарлейна прихватить с собой Амирама Нира, выдававшего себя за американца. Решение Нира поехать в Тегеран не понравилось руководству Моссада. Разведчики с ужасом убедились в том, что имеют дело с энтузиастом-любителем, а это самое опасное сочетание в человеке, который берется за оперативные дела. У Нира не было никакого опыта в проведении разведывательных операций, и уж тем более он не знал, как следует вести себя в Иране.

Он нарушил кардинальное правило всех секретных операций: не только в одиночку взялся за сложную и опасную операцию, но и повел себя очень неразумно, отправившись в логово врага. Он должен был, как считали в Моссаде, настоять на встрече в нейтральной Женеве. В

случае разоблачения это не повредило бы государству, которое он представляет. Профессионалы были правы в своем скептицизме. Ничего из этой хитроумной операции не вышло. Более того, вся эта история выплыла на свет и закончилась грандиозным международным скандалом.

В девять часов утра 26 мая самолет сел в Тегеране. Разместили их очень комфортабельно. Но высокопоставленные собеседники не спешили появиться. Два дня прошли в ожидании. На третий день беседовать с американцами пришел председатель комитета по иностранным делам иранского парламента Мохаммад Али Нади Наджафабади. Он свободно владел английским. Говорил очень прагматично, без ритуальных идеологических заклинаний. Ни разу не вспомнил о Палестине, которая его мало интересовала.

Американцы намеревались обменять ракеты на заложников и тем самым создать основу для восстановления отношений между двумя странами. Но иранские политики, следуя восточным традициям, торговались. Они боялись прогадать и заплатить слишком высокую цену за то, что можно взять по дешевке. Сначала ракеты – потом заложники. Американцы к рыночным методам в дипломатии оказались не готовы. «Позвонил Бад Макфарлейн из Ирана, – пометил в дневнике Рейган. – Они выдвигают трудные условия – требуют поставки оружия и запчастей до того, как освободят заложников. Бад ответил, что в таком случае сделка расторгается. Сейчас мы ждем. Самолет с материалами взлетает из Тель-Авива. Если через три часа мы не получим заложников, мы просигналим, чтобы самолет возвращался».

Макфарлейн торговался жестко: ракеты только в обмен на заложников. Требовал отпустить четверых. Иранцы предлагали отпустить только двоих. На следующий день Рейган дописал: «Именно это мы и сделали – через полтора часа попросили вернуть самолет. Торговцы ковриками сказали, что Хезболла согласна отпустить только двоих. Бад попрощался с ними, отправился в аэропорт и улетел. Ужасное разочарование для всех нас».

В последующие месяцы Амирам Нир присутствовал на встречах с различными иранцами. В Париже это был Хасан Рохани, заместитель спикера меджлиса, весьма влиятельная фигура. Он откровенно жаловался американцам на своих начальников: «Они отправляют три миллиона долларов в Ливан, а у нас в Иране не хватает денег на социальные расходы. Они хотят превратить Ливан в исламское государство. Я пытаюсь этому помешать, но безуспешно... Если приглядеться к Хомейни, то выяснится: если кто-то имеет смелость противостоять ему, он отступает. Вы слишком мягкие. Если будете вести себя более жестко, большего добьетесь...»

В июле продолжались встречи с иранцами в попытке освободить хотя бы одного заложника. Нир попросил Горбанифара передать иранцам, что если никого не освободят, операция прекратится. 26 июля отпустили одного заложника – священника Лоуренса Дженко.

Люди из аппарата Совета национальной безопасности США все-таки продали Ирану две тысячи противотанковых ракет в обмен на освобождение американцев, взятых в заложники террористами в Ливане. Полученные четыре миллиона долларов пошли в секретный фонд помощи никарагуанским «контрас».

Ливанские шииты по приказу Тегерана заложников освободили. И тут же захватили еще троих американцев, чтобы продолжить выгодную торговлю... Более того, вся эта история открылась и закончилась грандиозным международным скандалом, получившим название «Иран-контрас». Президенту Соединенных Штатов Рональду Рейгану пришлось публично оправдываться.

«Одна ливанская газета, – вспоминала жена президента Нэнси Рейган, – сообщила, что Соединенные Штаты снабжают Иран запасными частями, а Роберт Макфарлейн посетил Тегеран, чтобы договориться об освобождении заложников. Через десять дней моему мужу пришлось объясняться по телевидению. Опросы показали, что впервые за все годы его

президентства американцы ему не поверили.

Директор ЦРУ Билл Кейси знал больше всех об „Иран-контрас“. Но он потерял сознание в кабинете, и его увезли в больницу. Врачи нашли у него опухоль мозга. Возможно, болезнь влияла на здравость его суждений. Такие опухоли вызывают у пациента паранойю, подозрительность и недоверие. Кейси пролежал несколько месяцев в больнице и умер в мае 1987 года. Все, что было ему известно, он унес с собой в могилу».

В Соединенных Штатах было проведено расследование по делу «Иран-контрас». Рональду Рейгану конгресс строго-настрога наказал не скрывать тайные операции от народных избранников. Сотрудников президентской администрации, начиная с Оливера Норта, которые пытались утаить правду от конгресса, просто отдали под суд.

Амирам Нир погиб в авиационной катастрофе, поэтому его не смогли допросить на суде над Нортом. Его смерть во время полета над Мексикой породила множество слухов. В последующие годы дома и офисы людей, связанных с этой историей, в том числе дом вдовы Нира, были ограблены. Говорят, что взломы проводились очень профессионально. Ничего не брали, только документы.

Левые в Иране тоже требовали расследования. Хомейни запретил это делать. Один из руководителей Ирана Акбар Хашеми Рафсанджани, как ни в чем не бывало, все отрицал: «Мы никогда не договаривались с Израилем о покупке оружия. Да если бы мы узнали, что оружие сделано в Израиле, то ни за что не стали бы его использовать».

Арабские страны возмутились тем, что Иран просил Соединенные Штаты о помощи. Эта история ударила по престижу Ирана. Это был самый болезненный момент в истории страны. Отношения Ирана с арабским миром опустились до низшей точки.

Вот что важно отметить и что имеет значение для понимания современной политики Исламской Республики Иран: интересы государства важнее религии и идеологии. Аятолла Хомейни продемонстрировал полное отсутствие принципов и откровенный прагматизм в политике. Он охотно принял израильское и американское оружие, хотя именовал эти страны «большим и малым сатаной». В тот момент для Хомейни было важно только одно – выстоять в противостоянии с Ираком.

Поделить Иран с Гитлером?

Как относиться к тому, что Иран может стать ядерной державой? Американцы испуганы. В нашей стране, судя по всему, эту перспективу воспринимают иначе, считая Исламскую Республику Иран если не союзником, то как минимум дружественным государством. Хотя отношения между нашими странами складывались очень сложно. На протяжении многих десятилетий в Иране культивировалась нелюбовь к России – и за политику царского правительства, и за то, что делал Сталин в Иране, и за ввод советских войск в Афганистан, и за поддержку Саддама Хусейна, и за Чечню. Когда Путин начал военную операцию в Чечне, иранцы потребовали от российского правительства прекратить боевые действия против мусульманских братьев. Тем не менее поклонники Ирана почему-то уверены в том, что Иран – стратегический союзник России.

Обратимся к истории.

Дипломатические отношения с Персией установил нарком по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин, который придавал особое значение развитию контактов с восточными странами. Он практически никому не доверял, пытался читать все бумаги, приходившие в наркомат, даже те, на которые ему никак не стоило тратить время. Говорил, что во всем виноваты бесконечные чистки аппарата НКВД. «Чистка, – писал Чичерин, – означает

удаление хороших работников и замену их никуда не годными». Впрочем, его вмешательство никогда не оказывалось лишним. Однажды он обнаружил, что на конверте, адресованном персидскому послу Мошавер-оль-Мемалеку, написано: «Товарищу Мошаверолу...» Чичерин был вне себя от гнева. Он понимал, что, получив такое послание, старый вельможа просто уехал бы в Тегеран.

Но отношения двух стран развивались не самым добрососедским образом. Во время Первой мировой войны, в 1915 году, в Персию вошли русские и британские войска, чтобы гарантировать лояльность Тегерана к странам Антанты, сражавшимся против Германии. Для персов это была просто оккупация, ослабляющая государство.

В апреле 1920 года вспыхнули восстания по всему Северному Ирану. 18 мая в персидский порт Энзели вошли корабли Красной Каспийской флотилии, которой командовал Федор Федорович Раскольников, недавний заместитель наркома по морским делам. Он пришел забрать стоявшие в порту российские корабли, уведенные за границу белыми моряками. Заодно высадил красноармейский десант – для борьбы с английской интервенцией. Раскольников объявил: «Ввиду восторженного приема советских моряков населением и раздающихся со всех сторон просьб о том, чтобы мы остались и не отдавали на растерзание англичанам, красный флот останется в Энзели даже после того, как все военное имущество будет вывезено».

С помощью красноармейцев 4 июня 1920 года в одной из северных провинций Ирана была образована Советская республика Гилян. Почти одновременно появилась Персидская коммунистическая партия. Она делегировала почти две сотни человек на Первый съезд народов Востока, который проходил в сентябре 1920 года в Баку под председательством члена политбюро и главы исполкома Коминтерна Григория Евсеевича Зиновьева.

20 декабря 1920 года Феликс Эдмундович Дзержинский подписал приказ о создании иностранного отдела ВЧК, то есть внешней разведки. «За границей, – говорилось в положении об иностранном отделе, – в определенных пунктах по схеме, вырабатываемой Закордонной Частью ИНО ГПУ, имеют местопребывание уполномоченные, именующиеся резидентами». Одна из первых резидентур появилась в Персии. Здесь успел поработать известный чекист Яков Григорьевич Блюмкин, убийца германского посла графа Мирбаха. В особом отделе Персидской Красной армии начинал будущий исполнитель крупных заграничных операций чекист Яков Исаакович Серебрянский, человек авантюрного склада, бывший член партии эсеров-максималистов. В первый раз он был арестован в 1909 году по подозрению в соучастии в убийстве начальника Минской тюрьмы. Серебрянскому было всего семнадцать. После революции наступило его время. В 1919 году он оказался в Персии.

Мятежные гилянские войска, пользуясь слабостью центральной власти, пытались наступать на Тегеран, но были отбиты. Персидскую Красную армию остановила Персидская казачья дивизия.

Чичерин возражал против планов взять контроль над Северным Ираном: «Советизация, как и везде на Востоке, превратится в оккупацию. Политика подзадоривания революции превратится в наступательную коммунистическую войну, а этого нам не позволяет ни наше внутреннее, ни наше внешнее положение. Итак, от всей этой системы действий надо безусловно отказываться... Пусть коммунистические партии там действуют обычными легальными и нелегальными методами, не пытаясь посредством наших штыков захватывать власть и устраивать авантюры...»

Советское руководство увидело, что дело не очень перспективное, и пошло на переговоры с шахским правительством, которое обещало выгодное для России торговое соглашение. ЦК партии принял решение: «Ликвидировать Советское Правительство Гиляна и ориентироваться на договор о дружбе с Персидским правительством». 26 февраля 1921 года был подписан

двусторонний договор, который разрешал Москве ввести войска на территорию Персии, если его правительство не примет меры против какой-либо третьей страны, угрожающей интересам Советской России. К началу сентября Красная армия покинула Гилян. Через два месяца перестала существовать и Советская республика Гилян. Но в Тегеране это вторжение Красной армии не забыли. «Русские в течение многих лет обращали свой алчный взор на Иран, – с обидой писал шах, – ибо наша страна казалась Советской России удобной территорией для осуществления ее политических планов... Это было первое для нас испытание в отношениях с коммунистическим империализмом России».

Перед Второй мировой войной Иран не занимал особого места в советской внешней политике. В начале 1939 года на заседании политбюро было принято решение:

«1. Послать в Иран на бракосочетание наследного принца делегацию в составе полпреда СССР в Турции т. Терентьева (глава делегации), командующего войсками Закавказского военного округа т. Тюленева и поверенного в делах СССР в Иране т. Карташова.

2. Разрешить Наркомату иностранных дел выбрать и послать в качестве подарков соболя для новобрачной, а также имеющиеся в продаже в магазине «Самоцветы» ларец из уральских самоцветов (стоимость 2800 рублей) и самородок топаза (стоимость 3000 рублей)».

Наследный принц – это будущий шах Мохаммад Реза Пехлеви. Он родился 26 октября 1919 года. «Тогда Тегеран, – вспоминал он много позже, – еще был обнесен стеной и окружен рвом. В город можно было входить через несколько ворот, которые в целях охраны города от авантюристов и вооруженных бандитов на ночь запирались». Юноша изучал военное дело и французский язык, которым овладел как родным. Он переболел тифом, коклюшем, дифтеритом, малярией, несколько раз находился между жизнью и смертью, но выздоровел. Однажды он упал с лошади, сильно ударился головой и потерял сознание. И тоже обошлось. «Я обрел твердую веру, – рассказывал он, – и пришел к убеждению, что Аллах постоянно оказывал и будет оказывать мне свое покровительство. Вера в покровительство Аллаха преисполнила меня чувством уверенности». Тогда никто не мог предположить, что этот молодой человек очень скоро станет главой государства. В определенном смысле – в результате советской политики.

12 ноября 1940 года глава советского правительства и нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов на поезде прибыл в столицу рейха в надежде решить с Адольфом Гитлером и его министром иностранных дел Иоахимом фон Риббентропом спорные вопросы. Молотов провел в Берлине два дня, плотно заполненных переговорами.

Немецкие собеседники желали говорить о крупных мировых проблемах. Фюрер доверительно рассказал советскому наркому, что готовит последний удар по Англии и потому настало время совместно решать судьбу обширной Британской империи. Районы Среднего Востока он был готов передать Советскому Союзу. Гитлер расписывал выгоды движения Красной армии в сторону Индии и Персидского залива. Молотов идеи Гитлера не отверг. Напротив, в записи беседы помощники наркома несколько раз поместили: «Тов. Молотов приветствует это заявление рейхсканцлера... Тов. Молотов считает это заявление правильным... Тов. Молотов выражает с этим свое согласие и считает, что в своей основе мысль рейхсканцлера правильна».

После беседы с фюрером около часа ночи нарком отправил Сталину шифртелеграмму: «Большой интерес Гитлера к тому, чтобы договориться и укрепить дружбу с СССР в сферах влияния налицо». На следующий день новая докладная Сталину: «Принимают меня хорошо, и видно, что хотят укрепить отношения с СССР». Очень прозорливое замечание советского наркома. Подготовка плана «Барбаросса» шла полным ходом...

Сталин, одобряя действия Молотова на переговорах, в телеграммах из Москвы уточнял позиции: добиваться полного контроля над черноморскими проливами и согласия Германии на

ввод советских войск в Болгарию, отстаивать преимущественные права Советского Союза, «если немцы предложат раздел Турции».

Возник вопрос и об Иране. Сталин инструктировал Молотова: что касается раздела Ирана, то не обнаруживать большого интереса, но сказать, что «пожалуй, не будем возражать против предложения немцев». Иначе говоря, Сталин был готов поделить с Гитлером Иран. Для Германии, практически лишенной ресурсов, доступ к персидской нефти имел определяющее значение. Но и советские руководители не хотели упустить случая присоединить богатые нефтеносные районы или по крайней мере взять их под контроль.

27 марта 1940 года командующий Черноморским флотом флагман 1-го ранга Филипп Сергеевич Октябрьский утвердил «План действий ВВС Черноморского флота на 1940 год», в котором говорилось: «Вероятно одновременное выступление против Советского Союза Англии, Франции, Румынии и Турции».

Филипп Октябрьский появился на свет Ивановым, а в 1924 году, когда служил в политуправлении Красной армии, сменил фамилию на более революционную. В марте 1939 года Октябрьский принял под командование Черноморский флот. Он поставил перед авиацией флота задачу: готовиться нанести удар по боевым кораблям противника на базах Мраморного флота и в проливе Босфор, а также установить там минные заграждения.

7 мая 1940 года начальник штаба Каспийской флотилии капитан 2-го ранга Игорь Иванович Алексеев и начальник разведывательного отдела штаба капитан-лейтенант Головки докладывали своему начальству, что в ближайшее время Каспийское море может стать театром военных действий: «Вероятным противником на театре и его главной силой будет английская и французская авиация».

Именно разведка Каспийской флотилии следила за происходящим на Ближнем и Среднем Востоке. Летчики во всех южных округах получали подробные данные об аэродромах, системе противовоздушной обороны, расположении авиачастей и тактико-технические данные самолетов противника на Ближнем Востоке. В первую очередь изучались Турция, Иран и Ирак.

22 марта 1940 года штаб морской авиации отправил начальнику разведывательного отдела штаба ВВС Черноморского флота срочный пакет: «Направляю Вам справку по военно-воздушным силам Турции, Ирана, Ирака, Афганистана. Сопоставьте данные этого материала с данными справочных, высланных Вам 20 марта с. г. Нанесите обстановку на карту и ЛИЧНО, НЕ ОТКЛАДЫВАЯ, ДОЛОЖИТЕ СВОЕМУ КОМАНДОВАНИЮ. Одновременно потребуйте изучения и нанесения на карту этих данных и от начальников разведывательных отделов бригад, полков и отдельных авиаэскадрилий».

Даже создание советской авиации шло с учетом ожидавшейся войны с Англией. Например, с замечательного штурмовика Ил-2 убрали стрелка-радиста. Решили, что британские самолеты «Харрикейн» и «Спитфайр» советскому штурмовику не опасны. Британские самолеты имели на вооружении только малокалиберные пулеметы, которые не могли пробить броню кабины Ил-2 и даже бронестекло.

От знаменитого авиаконструктора Андрея Николаевича Туполева потребовали создать дальний пикирующий бомбардировщик для борьбы с британским флотом. Самолет должен был преодолевать пять-шесть тысяч километров, чтобы появилась возможность наносить удар по британским военно-воздушным базам с советской территории. Туполев объяснил своим помощникам: «Война неизбежна. Нашим главным врагом всегда была и остается Англия. Воевать она будет против нас в союзе с гитлеровской Германией и другими странами Европы, но главный враг – Англия. А главная сила Англии – военно-морской флот. Вследствие этого необходимо создать оружие для борьбы с английским флотом».

На самом крупном советском авиационном заводе № 1 запустили в серию истребитель

МиГ-3. Когда началась война с Германией, выпуск самолета пришлось прекратить. Истребитель был предназначен исключительно для борьбы с британскими самолетами на больших высотах. МиГ-3 мог подниматься до одиннадцати тысяч километров, а немецкие самолеты летали на малых и средних высотах.

В этот предвоенный год не Германия, а Великобритания считалась главным врагом. Вступившие между собой в союз нацистская Германия, фашистская Италия и милитаристская Япония рассматривались как союзники. С ними и собирались делить не только наследство Британской империи, но и весь Средний Восток, в том числе Иран.

Но этим идеям не суждено было реализоваться. Гитлер уже не собирался ничем делиться со Сталиным. Однако после нападения Германии на Советский Союз Красная армия вошла в Иран. Правда, теперь по договоренности с новым союзником – Великобританией, чье наследство Сталин еще недавно собирался делить с Гитлером.

Смертный приговор с отсрочкой исполнения

В феврале 1941 года генерал Эрвин Роммель, бывший командир батальона сопровождения фюрера, то есть близкий к Гитлеру человек, принял экспедиционный корпус, который должен был помочь итальянским войскам Муссолини завоевать Северную Африку. Бенито Муссолини надеялся справиться сам и присоединить Африку к своей империи, но потерпел поражение, столкнувшись с англичанами.

Роммель был любимым героем пропагандистской машины Третьего рейха. Ни о ком не рассказывали так много, как о Роммеле. Он стал, пожалуй, самым популярным немецким военачальником, своего рода народным генералом. Его высоко ценил фюрер. Его танки успешно продвигались по пустыне. Приказы из Берлина гнали его вперед. Командование вермахта требовало поддерживать высокий темп наступления. Он должен был прорваться через Египет и Палестину и добраться до Ирака. Роммеля отправили в Северную Африку за нефтью.

В 1927 году английская компания пробурила первую скважину на территории Ирака. Нефть ударила таким мощным фонтаном, что девять дней с ней не могли справиться. Геологическая разведка показала, что Ирак располагает колоссальными запасами нефти. А вермахт отчаянно нуждался в топливе. Его не хватало даже для подготовки военных летчиков. Водителей в вермахте сажали за руль после того, как они проедут всего пятнадцать километров, то есть совсем неопытными. В результате грузовики выходили из строя и ломались. В ноябре 1941-го остановился завод компании «Опель», который выпускал автотранспорт для вермахта, потому что не было ни капли бензина и машины не могли выехать из сборочного цеха.

Союзники даже не предполагали, что Гитлер вступил в большую войну, имея так мало топлива, и вообще переоценивали военные возможности вермахта и немецкой экономики. Нефть была на Кавказе. Только захватив ресурсы Советского Союза, Германия могла продолжать войну за мировое господство. После неудачной попытки взять Москву Гитлер приказал повернуть танки на юг.

3 января 1942 года Гитлер сказал послу Японии: «Цель состоит в том, чтобы возобновить наступление на Кавказ, как только позволят погодные условия. Это самое важное направление наступления: мы должны дойти до нефтяных промыслов там, а также в Иране и Ираке. Как только мы туда доберемся, мы надеемся, что сможем помочь началу освободительного движения в арабском мире». Арабское освободительное движение Гитлера не интересовало. Ему нужны были нефтепромыслы Ирака, где добыча черного золота не представляла никакой сложности. Но арабы могли стать ценным союзником в завоевании нефтеносного Ближнего Востока. Гитлер уверился, что арабский мир только и ждет подхода немецких танков. Его

убеждал в этом великий муфтий Хадж Амин аль-Хусейни, высшее духовное лицо в Иерусалиме, где зародились три мировые религии, в том числе ислам.

В январе 1941 года великий муфтий писал фюреру: «Я хочу уверить ваше превосходительство, что арабский народ испытывает к вам и храброму немецкому народу чувство дружбы, симпатии и восхищения». В ноябре его доставили в Берлин. Его принял Адольф Гитлер. Фюрер хотел знать, какую поддержку получит Роммель, который прорывался к иракской нефти. «Великий муфтий, – говорится в записи беседы, – начал с выражения благодарности фюреру за оказанную ему высокую честь. Он передал фюреру великогерманского рейха восхищение всего арабского мира, благодарность за симпатию к арабам и особенно к палестинцам. Арабские страны твердо уверены в победе Германии... Арабы, говорил муфтий, всем сердцем готовы сотрудничать с Германией и участвовать в войне – не только путем саботажа и подготовки революций, но и путем создания арабского легиона. „На мое обращение к арабским странам откликнется множество добровольцев. Арабский мир уверен в победе Германии не только потому, что рейх располагает большой армией, храбрыми солдатами и военными гениями, но и потому что Аллах никогда не позволит победить неправому делу...“».

Египетский король Фарук тоже отправил Гитлеру тайное послание. Король, который формально был союзником Англии, обещал поддержку Третьему рейху и выражал надежду на то, что немецкие войска очень быстро дойдут до Египта. Слова муфтия подтверждались. В Берлине гроссмуфтий воспринимался как бесспорный лидер всего арабского мира.

Амин аль-Хусейни был выходцем из семейства, принадлежавшего к палестинской элите. В Османской империи Хусейни служили членами парламента, губернаторами, мэрами и священнослужителями. Его дед Мустафа, его отец шейх Тахрал, его старший брат Камаль были муфтиями Иерусалима. Его двоюродный брат Муса Касим Паша аль-Хусейни стал мэром города.

Во время Первой мировой Амин аль-Хусейни вступил в турецкую армию, которая воевала на стороне Германии против России и других стран Антанты. Турки потерпели поражение. В 1918 году офицер разгромленной армии вернулся в Иерусалим. Военная карьера не удалась. Он попробовал себя на другом поприще. Совершив паломничество (хадж) в Мекку, получил право на почетную приставку к имени – Хадж Амин.

Державы, победившие в Первой мировой, считали, что итогом войны должно стать предоставление независимости народам, томившимся под чужим игом. На обломках Османской империи появились Ирак, Сирия, Ливан... 31 октября 1917 года на заседании британского кабинета министров обсуждалось будущее Палестины. Правительство его величества постановило, что после войны Палестина станет британским протекторатом и еврейский народ получит там право начать новую историческую жизнь. Министру иностранных дел лорду Бальфуру поручили уведомить об этом решении британских сионистов, то есть тех, кто считал, что все евреи должны вернуться на историческую родину – в Палестину.

Набожные британские политики считали несправедливым, что библейский народ лишен родины. Для премьер-министра Ллойд-Джорджа возвращение евреев в Палестину было исполнением воли Бога, поскольку он весьма почитал Библию. На встрече с британскими сионистами премьер, пошутив для начала, заговорил очень серьезно. Для лорда Бальфура Библия была живой реальностью. Он был захвачен идеей возвращения евреев на историческую родину, говорил, что христианский мир в неоплатном долгу перед народом, изгнанным из Палестины.

Британские войска под командованием генерала сэра Эдмунда Алленби вошли в

Иерусалим 11 декабря 1917 года, одолев турецкую армию. Для британских солдат это было равносильно возвращению христиан в Иерусалим.

Поначалу некоторые арабские представители вполне доброжелательно отнеслись к декларации Бальфура. Хранитель святых мест в Мекке и Медине, куда стекаются паломники со всего мусульманского мира, шериф Хусейн ибн-Али приветствовал возвращение в Палестину евреев – «древнейших сынов этой земли, чьи арабские братья обретут благодаря им как материальные, так и духовные блага».

Один из сыновей Хусейна, эмир Фейсал в мае 1918 года встретился с главой Всемирной сионистской организации профессором Хаимом Вейцманом и сказал, что совершенно не возражает против планов сионистов: прежние столкновения между арабами и евреями были результатом турецких интриг. Разговаривали они дружески. Фейсал уверенно сказал, что трений между арабами и евреями в Палестине не будет.

3 января 1919 года эмир Фейсал и Хаим Вейцман подписали соглашение, в котором Фейсал заявлял о своей согласии с декларацией лорда Бальфура. Он не возражал против того, что Палестина станет еврейской: «Мы сердечно говорим евреям – „добро пожаловать домой“». Профессор Вейцман обещал помощь в развитии арабского государства, которым собирался управлять Фейсал. Конгресс арабских националистов в марте 1920 года провозгласил его королем Сирии, в состав которой он надеялся включить и Палестину.

Но Англия и Франция поделили Ближний Восток по-своему. Лига Наций вручила мандат на управление Сирией и Ливаном Франции. Французы выставили Фейсала из Сирии, и он стал королем Ирака. Палестина же напрямую управлялась Англией.

Палестина мало напоминала цветущую землю, описанную в Библии. Это было пустынное и унылое место, бесконечно отставшее в своем развитии от Европы. Приезжавшим из Европы переселенцам доставались самые скудные земли, на которых ничего не росло. Они осушали болота и прокладывали дороги. Они гибли от малярии и голода, отчаявшись, уезжали, но самые упорные оставались. Работа была только крестьянская, но переселенцы радовались этому: они считали, что евреи должны вернуться к своему исконному делу – возделыванию земли.

Палестинские евреи стремительно меняли облик региона. Умеренные арабские политики были готовы сотрудничать с ними, видя, как преобразуется Палестина. Но не Хадж Амин аль-Хусейни. Он считал палестинских евреев неверными, которые не заслуживают жизни. В 1920 году он произнес перед толпой в Иерусалиме первую антиеврейскую речь. Вдохновленные им слушатели убили нескольких евреев. Так начался террор, который продолжается в Палестине вот уже много десятилетий.

Сделав свое дело, Хадж Амин скрылся. Суд заочно приговорил его к тюремному заключению. Но сидеть ему не пришлось. В Палестине была создана британская гражданская администрация, которую возглавил сэр Герберт Сэмюэль, депутат парламента и бывший министр внутренних дел. Он амнистировал всех арабов, осужденных британскими военными судами, в том числе Хадж Амина.

Когда умер его старший брат Камаль аль-Хусейни, Хадж Амин сам захотел стать великим муфтием Иерусалима. Хадж Амину было тридцать шесть лет. Он делал маникюр, стригся у лучших парикмахеров, питал пристрастие к дорогим ресторанам и модной мебели. У него было много врагов среди политических конкурентов, его несколько раз пытались убить. Он не выходил из дому без бронезилета. Он чувствовал в себе призвание не богослова, но политика. Он председательствовал на первой Всеобщей исламской конференции в Иерусалиме, основал Палестинскую арабскую партию и Высший арабский комитет.

Британцы назначили его в надежде умиротворить радикально настроенных исламистов. Но, как всякая политика умиротворения, она потерпела провал. С его избранием политический

исламизм в Палестине взял верх над более умеренными течениями. Хадж Амин превратил религию в инструмент борьбы с врагами.

Летом 1929 года в Иерусалиме начались столкновения между арабами и евреями – из-за права доступа к Стене плача. Здесь когда-то стоял Иерусалимский Храм царя Соломона. Его разрушил вавилонский царь Навуходоносор II, который уничтожил Иудейское царство и увел евреев в плен. Вернувшись из вавилонского плена, они восстановили Храм. И вновь он был разрушен – на сей раз римлянами... Западная стена, называемая Стеной плача, – все, что осталось от Второго Храма.

На месте Храма мусульмане воздвигли две мечети. И для арабов Стена плача – часть комплекса мусульманских святынь, включающих мечети Омара и Аль-Акса. Верующим евреям разрешалось находиться лишь в коридоре шириной три с половиной метра. После попытки сделать более удобным подход к стене великий муфтий обвинил евреев в намерении осквернить святыне места ислама. Толпы радикалов во главе с аль-Хусейни ворвались в еврейский квартал Иерусалима и убили больше ста евреев. Это был поворотный пункт. Политическая борьба против евреев соединилась с религиозным фанатизмом. Хадж Амин стал вождем радикального исламизма.

Палестинские евреи защищались, создавали отряды самообороны. В 1936 году между палестинскими арабами и евреями разразилась настоящая война. Поезда и железнодорожные мосты взлетали в воздух. В том же году начались первые поставки оружия на Ближний Восток, подогревавшие войну. Оружие, боеприпасы, взрывчатку и деньги муфтию прислал Гитлер. Великий муфтий установил контакты с нацистами еще в 1933 году – сразу после их прихода к власти в Германии. Арабские боевые отряды формировал единомышленник муфтия, еще один бывший офицер турецкой армии Фаузи аль-Каукджи.

В 1930-е годы по всему Ближнему Востоку широко распространились симпатии к нацистам. Один из лидеров правящей в Сирии партии Баас вспоминал: «Мы были расистами, мы восхищались нацистами, читали их книги. Мы первыми задумались о переводе „Майн капф“ на арабский язык. Все, кто жил тогда в Дамаске, помнят, что люди тяготели к нацистам, потому что они побеждали, а мы тянулись к победителям». Нацистская Германия воспринималась арабскими националистами как лучший союзник в борьбе против англичан и палестинских евреев. Тут была общность взглядов и общность целей.

20 января 1941 года великий муфтий писал Гитлеру: «Я посылаю в Берлин моего личного секретаря, чтобы от имени крупнейшей и влиятельнейшей арабской организации и от моего имени он начал переговоры с германским правительством о налаживании искреннего сотрудничества во всех сферах. Я желаю вам, ваше превосходительство, долгой и счастливой жизни, блистательной победы, а великому немецкому народу и вашим союзникам – процветания». 8 апреля 1941 года муфтию ответил статс-секретарь нацистского министерства иностранных дел барон Эрнст фон Вайцзеккер: «Фюрер получил Ваше письмо. Он был тронут вашими дружескими пожеланиями от имени арабского национализма и от вас лично. Он просит передать вам его благодарность и пожелания успеха арабскому делу... Пожалуйста, сохраните это письмо в тайне... Не сомневаюсь, что Ваш личный секретарь вынес из поездки в Германию понимание, что наша победа гарантирована и поражение Англии неминуемо...»

А в Палестине британские солдаты гибли, пытаясь навести порядок. Местные власти докладывали в Лондон: «Хадж Амин руководит операциями, и, пока ему будет позволено оставаться здесь, беспорядки в Палестине будут продолжаться». После того, как арабский террорист убил британского комиссара Галилеи Льюиса Эндрюса, Лондон принял жесткие меры. Чтобы совладать с бандами, сформированными на немецкие деньги, англичанам пришлось перебросить в Палестину армейские части и бронетехнику. Великий муфтий,

переодевшись в женские одежды, бежал в Бейрут, откуда перебрался в Ирак. Здесь он предпринял первую попытку прийти к власти. С помощью денег, выделенных Гитлером, великий муфтий и генерал Рашид Али аль-Гайлани совершили военный переворот.

9 мая 1941 года великий муфтий издал фетву, объявив восстание в Ираке началом джихада против англичан и евреев. Он рассчитывал получить помощь от немцев.

23 мая в Германии был создан штаб «Ф», который возглавил генерал авиации Гельмут Фельми. Задача – быть «центральным представительством по всем вопросам арабского мира, входящим в компетенцию вермахта». Генерал Фельми получил под командование спецбатальон в тропическом обмундировании и с иракскими знаками различия. Штаб должен был руководить борьбой против англичан в Ираке, Иране и Сирии, а также снабжать арабов оружием.

В главном управлении имперской безопасности, которым руководил обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих, образовали центр «Ближний Восток» – для проведения диверсий на британских нефтепромыслах с помощью арабских друзей, которых инструкторы должны были снабдить взрывчаткой, взрывателями и научить ими пользоваться, чтобы сами подрывники не гибли. В Багдад перебросили немецких военных летчиков, среди них сына недавнего министра рейхсвера генерала Вернера фон Бломберга – Акселя Бломберга, лейтенанта люфтваффе. Он погибнет в Багдаде.

Но Турция отказалась пропустить немецкое оружие через свою территорию, и британские войска быстро подавили иракских друзей Гитлера. Но прежде, чем англичане вступили в Багдад, великий муфтий устроил двухдневный погром: были убиты сто десять евреев. После таких подвигов его тепло приняли в нацистской Германии.

Берлин уже стал убежищем для немалого числа арабских политиков-радикалов. Через три недели муфтий получил аудиенцию у фюрера. 28 ноября 1941 года Хадж Амин аль-Хусейни был доставлен в имперскую канцелярию, где его ждал Адольф Гитлер. Для великого муфтия это была встреча с судьбой. Хадж Амин шел к ней всю жизнь. Он предложил заключить союз между нацистской Германией и радикальными исламистами. «Я хотел бы воспользоваться этой возможностью, – сказал муфтий Гитлеру, – чтобы передать фюреру великогерманского рейха, которым восхищается весь арабский мир, благодарность за вашу симпатию к арабам и особенно к палестинцам. Арабские страны твердо уверены, что Германия одержит победу в этой войне и благодаря этому арабов ждет процветание. Арабы – естественные союзники Германии, потому что у нас общие враги – англичане, евреи и коммунисты».

Гитлер обещал муфтию серьезную материальную поддержку. Он сказал, что успешное наступление немецких войск на Ростов откроет вермахту дорогу на Ирак и Иран. Кавказ станет для вермахта воротами на Ближний Восток. «Когда мы доберемся до Южного Кавказа, – обещал Гитлер, – наступит время освобождения арабов. Вы можете положиться на мое слово». В «Майн кампф» фюрер с презрением писал о расовой неполноценности арабов, но для Хадж Амина он сделал исключение. За обедом в ставке Гитлер заметил: «Наш союзник на Ближнем Востоке – великий муфтий – показал себя очень хитрой лисой. С его светлыми волосами и голубыми глазами он, несмотря на узкое лицо, производит впечатление человека, среди предков которого был, наверное, даже не один ариец и который, возможно, ведет свое происхождение от знатного римского рода».

Все военные годы великий муфтий преданно служил Третьему рейху. По просьбе министра пропаганды Йозефа Геббельса ведал вещанием на Арабский Восток. Он призывал арабов на всем Ближнем Востоке способствовать наступлению нацистских войск: «Во имя ислама проводите диверсии на нефтепроводах, взрывайте мосты и дороги, убивайте британских солдат». У него был свой интерес. «Я попросил Гитлера, – вспоминал Хадж Амин, – помочь нам решить еврейскую проблему – во имя наших расовых устремлений и используя научные

методы, изобретенные Германией для избавления от евреев. Я получил от фюрера согласие. «Евреи – ваши», – сказал он.

Летом 1942 года по просьбе великого муфтия из сотрудников главного управления имперской безопасности и войск СС была сформирована айнзацгруппа⁴ СС «Египет», которая должна была заняться уничтожением палестинских евреев – как только войска Роммеля разгромят англичан.

В январе 1942 года Гитлер наградил Роммеля рыцарским крестом с дубовыми ветвями и мечами и произвел в генерал-полковники. 21 июня 1942 года Роммель взял город Тобрук. 22 июня Гитлер присвоил ему звание генерал-фельдмаршала. Приказал взять Каир и выйти к Суэцкому каналу. 30 июня Роммель достиг Эль-Аламейна, до Александрии ему оставалось всего шестьдесят километров. Видя поражение ненавистных англичан, египтяне не скрывали своего злорадства. Они выходили на улицы и смело скандировали: «Роммель, вперед!»

Великому муфтию казалось, что вот-вот он вернется в Иерусалим полным хозяином Палестины. Но под Эль-Аламейном англичане остановили Роммеля. А в ноябре перешли в контрнаступление. Гитлер требовал от Роммеля стоять насмерть. Он потерял все свои танки и все равно вынужден был отступить в Тунис. Гитлер приказал усилить Роммеля еще одной танковой армией, но тот уже не мог противостоять союзникам. В марте 1943 года Эрвин Роммель улетел из Африки.

Надежды великого муфтия увидеть, как немецкие танки входят в Иерусалим и давят евреев, рухнули. От отчаяния Хадж Амин просил немецких друзей бомбить Иерусалим и Тель-Авив, но немецкой авиации это было не под силу. В конце 1944 года он с помощью немцев отправил в Палестину пять диверсантов, которые должны были отравить водопровод в Тель-Авиве. Но неудачливых агентов поймала полиция.

Некоторое утешение он получил, побывав в немецких лагерях уничтожения. Поездку муфтию организовал оберштурм-баннфюрер СС Адольф Эйхман, который в IV управлении РСХА⁵ (гестапо) отвечал за «окончательное решение еврейского вопроса». Увидев в Освенциме, как методично убивают евреев, великий муфтий сказал, что Эйхман – «настоящее сокровище, спаситель арабского дела». Одного из своих племянников, тоже бежавшего в Берлин, муфтий предложил Адольфу Эйхману в помощники.

Несколько тысяч детей-евреев из Польши немцы предполагали выслать в Палестину. Великий муфтий направил рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру официальный протест: «Эти еврейские дети вырастут и станут подкреплением еврейскому элементу в Палестине». Гиммлер отменил приказ, детей отправили в лагеря уничтожения.

Муфтий писал болгарскому министру иностранных дел (Болгария была союзницей нацистской Германии): «Было бы целесообразно отправить евреев из Вашей страны туда, где они будут находиться под строгим контролем, например в Польшу. Таким образом вы сделаете доброе дело для арабского народа». Четыре тысячи еврейских детей из Болгарии отправились в Освенцим, который так понравился Хадж Амину.

Иерусалимский гость получал в Берлине семьдесят пять тысяч рейхмарок ежемесячно. Бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, начальник политической разведки службы безопасности (VI управление РСХА) нацистской Германии, раздраженно вспоминал встречи с муфтием: «Он был мошенником, ему всегда надо было много денег. То, что он от нас получил,

⁴ Карательная группа специального назначения.

⁵ РСХА – главное управление имперской безопасности Третьего рейха.

он вывез к себе. Думаю, у него был прекрасный транзитный канал через Швейцарию. От меня он получил четверть центнера золота (из Имперского банка) и пятьдесят тысяч долларов». Деньги частично шли на внедрение немецкой агентуры на Ближнем Востоке, но в основном были платой за сотрудничество великого муфтия с Третьим рейхом.

В феврале 1943 года Гитлер санкционировал создание добровольческой горно-стрелковой дивизии войск СС «Ханджар» из мусульман Боснии и Герцеговины. В марте рейхсфюрер СС пригласил великого муфтия к себе. Они понравились друг другу.

В октябре муфтий поздравил рейхсфюрера с днем рождения, выразив надежду на то, что «в следующем году наше сотрудничество станет еще более тесным и достижение нашей общей цели приблизится». «Совместная борьба против общего врага, – ответил Гиммлер муфтию, – создает прочную базу для тесных связей между национально-социалистической Великой Германией и свободолюбивыми мусульманами во всем мире».

Гиммлер попросил муфтия заняться мобилизацией боснийских мусульман. Хадж Амин привел в СС около сотни тысяч мусульман, которые сражались на стороне нацистской Германии. Генрих Гиммлер сказал министру пропаганды Геббельсу: «Муллы обещают им рай, если они погибнут в бою. Очень практичная религия для солдат!»

Муфтий вдохновлял молодых босняков на священную борьбу с иноверцами – православными сербами и хорватами-католиками. В январе 1944 года Хадж Амин выступал перед личным составом дивизии «Ханджар»: «Дивизия, в которой с помощью Великой Германии служат боснийские мусульмане, стала примером для мусульман во всем мире. Исламский мир и Великую Германию связывает общность целей. Враги рейха это и наши враги».

Дивизия СС «Ханджар» занималась уничтожением югославских партизан и мирного населения. Она участвовала в кровопролитных боях против советской армии на территории Венгрии в районе озера Балатон. Великий муфтий вербовал в эсэсовцы и советских мусульман – бойцов Красной армии, выходцев с Кавказа и из Средней Азии, попавших в немецкий плен.

Вдвоем со своим старым единомышленником Фаузи аль-Каукджи, получившим в вермахте звание майора, они сформировали из пронацистски настроенных арабов несколько подразделений, которые были отправлены на восточный фронт и брошены в бой против Красной армии. Арабов-нацистов изрядно потрепали, и немцам пришлось вывести их из боя.

Великому муфтию самому хотелось командовать. 3 октября 1944 года он обратился к Гиммлеру: «Я предлагаю создать арабо-исламскую армию в Германии. В ее рядах будут сражаться арабы и исламские добровольцы, а также уже существующие исламские подразделения. Германское правительство должно взять на себя обучение и вооружение этой армии».

Но гитлеровцы уже терпели поражение. Рушились и надежды великого муфтия. Он не погиб под обломками Третьего рейха, как многие его немецкие друзья, а сумел вовремя исчезнуть. Хадж Амин покинул Берлин 8 мая 1945 года. Улетел в Швейцарию. Но в Берне его не хотели видеть. Он перебрался во Францию, где провел год в парижском пригороде Рамбуйе.

В июле 1945 года новое югославское правительство маршала Иосипа Броз Тито внесло великого муфтия в список военных преступников, подлежащих суду. Его обвинили в сотрудничестве с нацистами и соучастии в убийстве тысяч сербов и хорватов. Египетское правительство и генеральный секретарь Лиги арабских государств попросили маршала Тито не требовать выдачи великого муфтия во имя добрых отношений с арабским миром. Вчерашний партизан Тито уже стал государственным деятелем, и внешнеполитические соображения были важнее наказания военных преступников. Маршал Тито прислушался к просьбе египтян. Югославский суд удовлетворился тем, что вынес великому муфтию заочный приговор.

И французское правительство, чтобы не ссориться с арабским миром, не беспокоило Хадж Амина. Только весной 1946 года его попросили покинуть страну. 28 мая 1946 года с сирийским дипломатическим паспортом, выписанным на чужое имя, он улетел в Каир, где его принял король Фарук.

Хадж Амин посвятил все силы борьбе против обсуждавшегося в ООН раздела Палестины. Каждый, кто желал мира с евреями, становился личным врагом великого муфтия. Хадж Амин сыграл ключевую роль в том, что в 1948 году не было реализовано решение ООН о создании в Палестине двух государств – еврейского и арабского.

Любые попытки сионистов найти умеренных арабских лидеров, с которыми можно договариваться об условиях сосуществования, заканчивались трагически. Тот, кто садился за стол переговоров с евреями, подписывал себе смертный приговор. Фаузи Дервиш Хусейни, двоюродный брат великого муфтия и руководитель группы «Молодая Палестина», сказал, что готов заключить с евреями договор о создании единого государства, в котором оба народа получают равные права. Через две недели после того, как он поставил свою подпись, его убили. Борьба с сионизмом, то есть с возвращением евреев в Палестину, стала стержнем арабского национального движения.

Генеральная Ассамблея ООН проголосовала в 1947 году за создание в Палестине двух новых государств – арабского и еврейского. Соседние арабские властители твердо решили, что еврейское государство не появится на карте Ближнего Востока. При этом они не собирались и создавать государство палестинских арабов, судьба которых их совершенно не интересовала.

Когда закончился британский мандат на Палестину, палестинские евреи провозгласили создание своего государства. Палестинским арабам такой возможности не дали. Лига арабских государств (ЛАГ) сформировала Арабскую освободительную армию с задачей взять под контроль всю Палестину. Командующим армией был назначен все тот же Фаузи аль-Каукджи, который во время Второй мировой войны командовал арабскими частями в составе вермахта. После разгрома Германии он тоже избежал наказания и вернулся на Ближний Восток, чтобы заняться прежним делом – уничтожать евреев. Муфтий и его соратники пытались завершить то, что не успел Гитлер.

Генеральный секретарь ЛАГ Абдул Рахман Хассан Аззам обещал: «Это будет война на уничтожение, это будет бойня. О ней будут вспоминать, как о резне, которую устраивали монголы, как о крестовых походах». Представитель великого муфтия Ахмед Шукейри уточнил: «Наша цель – уничтожение еврейского государства».

Арабские армии, ожидавшие легкой победы, наткнулись на ожесточенное сопротивление и вынуждены были отступить. Израиль отстоял свое право на существование. Территории, которые ООН выделила для создания государства палестинских арабов, заняли египетские и иорданские войска.

Хадж Амин увидел в этом шанс. В конце сентября 1948 года он объявил о формировании палестинского правительства и сам его возглавил. Но у королей Египта и Иордании были другие планы. Король Фарук пожелал сам управлять сектором Газа. А иорданский король Абдалла присоединил Западный берег реки Иордан к своему королевству.

Хадж Амин был в бешенстве. Он называл себя главой правительства, но ничем и никем не управлял. Он перестал быть и великим муфтием. Хадж Амин возненавидел иорданского короля, считавшего себя властелином всех палестинцев. Люди великого муфтия нашли фанатиков, согласившихся уничтожить «прислужника сионистов». Убийцей стал двадцатилетний Мустафа Шукри Ашу, бедный иерусалимский портной.

Иорданская полиция арестовала людей, толкнувших портного на преступление. На скамью подсудимых посадили восьмерых заговорщиков. Всех приговорили к смертной казни

через повешение, и среди них – племянника великого муфтия Иерусалима Мусу аль-Хусейни, того самого, который сотрудничал со оберштурмбаннфюрером СС Адольфом Эйхманом. Муса после разгрома нацистской Германии вернулся из разрушенного Берлина с немецкой женой, открыл бюро путешествий, но на самом деле продолжал борьбу против евреев.

1 марта 1962 года в советское посольство в Ливане был передан адресованный министру иностранных дел СССР меморандум бывшего великого муфтия Амина аль-Хусейни: «Израильская делегация намерена вести переговоры с ответственными представителями в Советском Союзе по вопросу об экспорте цитрусовых и их продаже на рынках СССР. Если это сообщение соответствует действительности и Советский Союз намерен купить цитрусовые у сионистов, то этот акт будет означать экономическую поддержку Израиля, что нанесет большой вред интересам палестинских арабов и их правам. Высший Арабский Совет для Палестины просит Советский Союз отказаться от покупки палестинских цитрусовых и воспрепятствовать их ввозу в страну...»

Хадж Амин аль-Хусейни хотел приехать в Советский Союз, но поскольку египетские власти его не любили, в приглашении ему отказали. А иначе бы в Москве с почетом приняли нацистского военного преступника, ускользнувшего от правосудия.

Арабским миром уже правили другие люди. Хадж Амин новым лидерам был не нужен. Когда полковник Гамаль Абдель Насер пришел к власти в Египте, он закрыл представительство бывшего великого муфтия в Каире и позаботился о создании Организации освобождения Палестины (ООП). Оставшийся в одиночестве, злой на весь мир Хадж Амин заявил, что ООП не выражает интересы палестинского народа и вообще появилась на свет в результате еврейско-империалистического заговора.

Через несколько лет Хадж Амин изменил свою точку зрения. Не только потому, что ООП приняла Национальную хартию, требующую уничтожить Израиль. В феврале 1969 года новым председателем ООП стал еще один племянник великого муфтия – Мухаммад Абд ар-Рахман Абд ар-Рауф Арафат аль-Кудва аль-Хусейни. Он предпочитал называть себя короче – Ясир Арафат.

Бывший муфтий умер в 1974 году в Бейруте. Его хоронил племянник Ясир Арафат, посвятивший всю свою жизнь созданию палестинского государства, которое, если бы не его дядя Хадж Амин, могло бы появиться на свет еще в 1948 году...

Что же произошло в Тегеране в 1943-м?

Эта хрестоматийная история рассказана в популярном некогда художественном фильме «Тегеран-43». Немецкая разведка решила убить Сталина, Рузвельта и Черчилля, когда в конце 1943 года они встретились в Тегеране. Но легендарный советский разведчик Николай Иванович Кузнецов узнал от пьяного ээсовца в Ровно о замысле врага и сообщил в Москву. Советские разведчики в Тегеране обезвредили немецких диверсантов и спасли «Большую тройку».

В реальности на «Большую тройку» никто не покушался. И все киножертвы были напрасны. Игорь Костолевский мог бы поберечь себя в Тегеране, а Алену Делону не стоило умирать в Париже в схватке с немецкими диверсантами.

Профессор-иранист Даниил Семенович Комиссаров в годы войны был пресс-секретарем советского посольства в Иране. Встреча в Тегеране происходила на его глазах. Он рассказывал мне, что накануне войны в Иране действительно обосновалось много немцев. Но уже осенью 1941 года немецкую колонию изгнали из Ирана и арестовали практически всех, кто сотрудничал с немецкой разведкой.

Когда в Тегеране встретились Сталин, Рузвельт и Черчилль, никто из немецких агентов

даже не подал признаков жизни, пишет Юрий Львович Кузнец, автор интересной книги «„Длинный прыжок“ – в никуда: Как был сорван заговор против „Большой тройки“ в Тегеране». В радиообмене между разведслужбами Германии и иранской агентурой не выявлено ни одной шифротелеграммы, которая бы нацеливала агентов на работу в Тегеране в связи с приездом «Большой тройки». Юрий Кузнец: «Некому было принять и прикрыть группы десантников, – даже если бы им удалось благополучно и незаметно приземлиться. Некому было организовать их взаимодействие с прогерманским подпольем, поскольку оно было фактически разгромлено. И тем более некому было осуществить террористический акт против Рузвельта, Черчилля и Сталина».

Почему же после начала войны симпатии немалого числа иранцев оказались на стороне Германии? Дело в том, что в конце августа 1941 года советские и британские войска с двух сторон вошли в Иран, чтобы покончить здесь с немецким влиянием, контролировать нефтепромыслы и обезопасить военные поставки Советскому Союзу по Трансиранской железной дороге.

Для начала 19 июля 1941 года советское и британское правительства одновременно потребовали от Тегерана выслать из страны всех немцев. Меньше чем через месяц, 16 августа, это требование прозвучало еще раз. Правительство Ирана ответило, что живущие в стране немецкие граждане ни для кого не представляют опасности, а их высылка шла бы вразрез с провозглашенным Тегераном принципом нейтралитета. Шаху нужны были примерно шестьсот немецких специалистов, которые работали по всей стране. И все же, чтобы успокоить Москву и Лондон, 23 августа из Ирана выслали шестнадцать немцев. Но это ничего не изменило. Сталину и Черчиллю нужен был лишь предлог.

25 августа советский и британский послы передали главе иранского правительства ноты практически одинакового содержания. Новым советским послом в Тегеране только что был назначен Андрей Андреевич Смирнов, которого ждала большая дипломатическая карьера. В советской ноте говорилось: «Иранское правительство отказалось... принять меры, которые положили бы конец затеваемым германскими агентами на территории Ирана смуте и беспорядкам, тем самым поощряя этих агентов Германии в их преступной работе... Советское правительство вынуждено принять необходимые меры и немедленно же осуществить принадлежащее Советскому Союзу в силу статьи 6-й договора 1921 г. право – ввести временно в целях самообороны на территорию Ирана свои войска».

Британские войска вступили на территорию Ирана из Ирака. Две советские армии, 47-я и 44-я (в их составе были горнострелковые дивизии), легко прорвали слабую оборону иранской армии (см. газету «Красная звезда» от 25 августа 2001 года). Иранцы, как правило, сразу сдавались в плен, лишь немногие оказали не более чем символическое сопротивление.

Правительство Ирана немедленно ушло в отставку. Реза-шах отрекся от престола и передал трон старшему сыну – Мохаммаду Реза Пехлеви. Тот объяснял, что отец не пожелал быть номинальным правителем оккупированной страны...

Посольства Германии, Италии и Румынии были закрыты. Тем не менее Тегеран бомбили. Военного смысла налет авиации не имел – это была мера устрашения и давления, после чего войска союзников заняли столицу страны. Эта акция бесконечно унизила иранцев, особенно офицерство.

Советский Союз ввел в страну еще одну свою армию – 53-ю Отдельную Среднеазиатскую. Таким образом, в Иране находились крупные силы, которые подчинялись Закавказскому фронту (штаб фронта находился в Тбилиси). А ведь это были самые тяжелые месяцы Великой Отечественной! Немцы наступали на Кавказ, войск отчаянно не хватало. Главный Кавказский хребет был беззащитен, но Сталин держал в Иране три общевойсковые

армии с приданными им двумя танковыми дивизиями, общей численностью шестьдесят тысяч человек (см. «Военно-исторический журнал» № 11 за 2012 год). Британский премьер-министр Уинстон Черчилль предлагал заменить в Иране британскими войсками советские, чтобы Москва могла сосредоточить все силы на германском фронте. Предложение было отвергнуто: контроль над Ираном важнее...

Британская контрразведка выловила и посадила практически всех прогермански настроенных иранцев. Москва, кстати говоря, не торопилась давать согласие на эти аресты. Резидентура советской разведки в Тегеране пришла к выводу: англичане «хотят обеспечить наше участие в ликвидации антианглийски настроенной политической и военной верхушки».

Британцы упустили только Хадж Амина, который после провала совместной с гитлеровцами авантюры в Ираке сбежал в соседний Иран, где его дружески встретил шах Реза Пехлеви. Великий муфтий укрылся в японском посольстве в Тегеране. Но на его несчастье советские и британские войска вошли в Иран. Черчилль приказал арестовать муфтия. Но он вовремя бежал в Турцию, сбрив бороду и перекрасив волосы. 11 октября 1941 года, в дни тяжелейших боев под Москвой, самолет с великим муфтием приземлился в фашистской Италии. Его принял Муссолини и с почестями отправил дальше – в Берлин...

Советская резидентура в Тегеране, которая составляла больше ста оперативных работников, занималась не только германской агентурой, но и по приказу наркома госбезопасности Всеволода Николаевича Меркулова следила за англичанами. Резидентом в Иране был знаменитый (среди профессионалов) Иван Иванович Агаянц. Благодаря завидным природным способностям он выучил несколько иностранных языков – французский, фарси, турецкий, испанский. Работал во Франции (под прикрытием сотрудника торгового представительства, затем консула). После нападения Германии на Советский Союз поехал в Иран резидентом. Многие ветераны считают Агаянца лучшим советским разведчиком.

Я спросил профессора Комиссарова: «Предупреждали накануне приезда Сталина в Тегеран сотрудников посольства, немалую часть которых составляли разведчики, что возможно покушение на жизнь великого вождя, призывали к бдительности?» – «Конечно же, нет, – рассмеялся профессор. – Никаких немецких парашютистов в Иране тогда не было. А если бы кто-то и появился, ничего сделать бы не смог».

Лидеры трех стран чувствовали себя в Тегеране вполне комфортно. Главное свидетельство тому: Сталин покинул территорию посольства и преспокойно нанес протокольный визит шаху Ирана. Профессор Комиссаров: «Сталин проехал через весь центр Тегерана, и ничего. Если бы существовала хоть малейшая опасность, он бы не поехал».

Американский президент Франклин Делано Рузвельт жил в Тегеране не в своем посольстве, внушавшем тревогу с точки зрения безопасности, а в советском, надежно охраняемом офицерами Шестого управления НКГБ. По причине слабого здоровья Рузвельт никуда не выходил, и молодой шах сам прибыл в советское посольство, чтобы повидать американского президента.

А Сталин, как положено, нанес протокольный визит главе государства. «Сталин был очень вежлив и почтителен, – вспоминал шах, – он явно хотел оставить добрую память о себе. Он даже предложил мне в дар полк танков Т-34 и эскадрилью военных самолетов».

Для охраны участников встречи в Тегеран направили 131-й отдельный мотострелковый полк пограничных войск НКВД СССР, сформированный из наиболее отличившихся солдат и офицеров. Полк охранял советское посольство, консульство, торгпредство, комендатуру, дворец шаха, почту, телеграф, военные склады и аэропорт. Командир полка полковник Никита Фадеевич Кайманов, получивший в первые месяцы войны звание Героя Советского Союза, так подписывал официальные бумаги: «Командир гарнизона советских войск в Тегеране».

Известный российский историк-германист Лев Александрович Безыменский, изучавший немецкие документы того периода, свидетельствует: нет упоминаний о подготовке покушения на «Большую тройку» в Тегеране.

Считается, что руководить операцией в Тегеране Гитлер назначил своего любимца – командира диверсионной группы войск СС Отто Скорцени. Это почти легендарная личность. Скорцени приписывают различные подвиги, хотя у него было больше провалов, чем побед. Но все перекрыла история с Муссолини.

Летом 1943 года король Италии приказал арестовать вождя итальянских фашистов Бенито Муссолини, чтобы поскорее закончить войну. Тогда Гитлер поручил Скорцени организовать операцию по спасению Муссолини, и тот со своими парашютистами вызволил дуче из заключения и доставил его на встречу с Гитлером.

Лев Безыменский рассказывал мне: «Сохранились все документы, по которым можно точно установить, где был Скорцени и чем занимался. Весной сорок третьего года перед ним действительно ставили задачу готовить диверсии в Иране. Но он ничего не успел сделать. Несколько немецких парашютистов сбросили в Иране. Но далеко от Тегерана. Они должны были организовать диверсии на нефтепроводах».

Разведчик и писатель Виталий Геннадьевич Чернявский считал, что спецслужбы Третьего рейха такую операцию и не планировали и уж тем более ничего не мог узнать о ней, находясь в Ровно, Николай Кузнецов: «В архивах германских спецслужб, которые после победы попали к нам или к союзникам, нет и упоминания о подготовке операции „Длинный прыжок“». Во время войны и в первые послевоенные годы подполковник Виталий Чернявский служил в том отделе советской внешней разведки, который занимался операциями в Германии и Австрии. Он, в частности, разбирал архивные документы немецкой разведки.

Удостоенный посмертно звания Героя Советского Союза Николай Кузнецов довольно успешно действовал в немецком тылу. Но он был не столько разведчиком, сколько диверсантом. До войны начинал осведомителем контрразведки, работал с иностранцами. Заброшенный в тыл врага, проявил замечательное бесстрашие и невероятную находчивость. Он появлялся в разных местах, брал немецких офицеров или чиновников оккупационного режима, что называется, на арапа, уничтожал их и исчезал раньше, чем им успевали заинтересоваться...

Зачем же Москва решила напугать американского президента мифическим заговором? Задача состояла в том, чтобы уговорить Рузвельта поселиться в советском посольстве в Тегеране. Профессор Комиссаров рассказывал, что это его комнату за сутки переделали в квартиру и передали Рузвельту. В ней президент и жил.

Сын Лаврентия Павловича Берии Серго утверждал, что все разговоры Рузвельта в нашем посольстве прослушивались, а записи разговоров передавались Сталину. Подтверждений этому нет, да и не это главное. Лев Безыменский: «Главное было отделить Рузвельта от Черчилля. Когда Рузвельт остался в советском посольстве, Сталин мог на него влиять». Советские руководители к Рузвельту относились заметно лучше, чем к Черчиллю, чье имя было связано с интервенцией стран Антанты после Октябрьской революции. Выступления Рузвельта широко печатались в советской прессе и комментировались самым благоприятным образом. И Рузвельт, в отличие от Черчилля, в ту пору был склонен доверять Сталину.

Неужели создатели фильма «Тегеран-43» не знали, что на самом деле никакого покушения не было?

Профессор Комиссаров: «Авторы фильма хотели, чтобы я был консультантом. Меня пригласили в студию, показали сценарий. Я им сказал: все не так. Особенно глупо с колодцами, в которых будто бы расположился немецкий диверсант – его играл Армен Джигарханян. По тегеранским колодцам нельзя бродить: они очень узкие. Я обо всем этом рассказал и ушел...»

Как же родилась легенда? Скорее всего, эту историю придумал драматург Михаил Борисович Маклярский, бывший чекист. Он служил в Управлении по делам военнопленных НКВД, занимался поляками, которых расстреляли в Катыни. Во время Великой Отечественной его перевели в Четвертое управление НКВД (террор и диверсии в тылу врага), которое возглавлял генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов. Подполковник Маклярский занимался радиоиграми с немцами, что требовало большой изобретательности.

После войны Маклярского уволили из министерства госбезопасности. «Подтянутый, седоватый джентльмен, с иронической всезнающей усмешкой на губах» – таким его запомнили. Он стал директором Высших сценарных курсов. Переквалифицировался в драматурги, по его сценариям поставили известные в свое время приключенческие фильмы «Подвиг разведчика», «Секретная миссия», «Выстрел в тумане». Что же, заметим, что интрига «Тегерана-43» закручена не хуже, хотя столь же далека от реальности...

Северный Иран или Южный Азербайджан?

Из-за Ирана после Второй мировой войны возник первый серьезный конфликт между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

«Историки будущего, – считал шах Реза Пехлеви, – придут к выводу, что холодная война фактически началась в Иране. События в Иранском Азербайджане стали причиной доктрины Трумэна». Кризис начался из-за советских войск в северном Иране. В конце августа 1941 года советские и британские войска с двух сторон вошли в Иран. Задача состояла в том, чтобы покончить здесь с немецким влиянием, контролировать нефтепромыслы и обезопасить военные поставки Советскому Союзу через территорию этой страны.

Но в Москве ставили перед собой и иную цель. Северный Иран – это Южный Азербайджан. Здесь живут примерно пять миллионов азербайджанцев, это народ, разделенный государственной границей. Вслед за вступившими на иранскую землю красноармейцами в Иранский Азербайджан командировали три тысячи восьмьсот советских работников. Среди них было восемьдесят партаппаратчиков, двести чекистов...

Руководил миссией с лета 1941 до лета 1942 года секретарь ЦК компартии Азербайджана Азиз Мамед Керимович Алиев. Его же ввели в состав военного совета 47-й советской армии, разместившейся в городе Тебризе. В Южный Азербайджан командировали и драматурга Мирзу Аждаровича Ибрагимова, который здесь родился (в Баку его привезли в возрасте семи лет). После войны он станет заместителем председателя правительства Азербайджана, затем председателем президиума Верховного Совета республики...

В Баку строили далеко идущие планы. Руководитель республики Мир Джафар Багиров напутствовал советских специалистов: «Вы едете туда по очень важному делу: выполняя возложенную на вас задачу, вы сослужите огромную службу азербайджанскому народу... Вы осуществите желание веками разделенных братьев быть вместе».

Мир Джафар Багиров сделал карьеру в ЧК. Прославился подавлением крестьянского восстания в одном из районов. Пользуясь полномочиями председателя ГПУ, он стянул в район не только подчиненных ему чекистов, но и армейские части. Багиров приказал артиллерии обстрелять село, хотя знал, что отряда повстанцев, за которым он охотится, там уже нет. Погибли больше тридцати человек – крестьяне, их жены и дети.

К нему были расположены и Сталин, и Берия. В декабре 1933 года Багирова назначили первым секретарем ЦК и одновременно Бакинского горкома партии. Его слово в республике было законом. Он подражал Сталину – так же прохаживался по своему кабинету. Подчиненные его смертельно боялись. Некоторых чиновников арестовывали прямо в его кабинете.

Неограниченная власть превратила его в самодура. Даже заведующий отделом партийных кадров ЦК Георгий Максимилианович Маленков на одном из пленумов ЦК в Москве раскритиковал Багирова: «Ты расстреливаешь списками, даже фамилий не знаешь...» Тот быстро нашел оправдание: «Окопавшиеся в аппарате Азербайджанского НКВД враги сознательно путали документы».

Известный поэт Евгений Борисович Рейн вспоминал:

«Долгие годы своей жизни Павел Антокольский был связан с Азербайджаном, переводил поэтов, редактировал поэтические антологии. И вот однажды его пригласили на дачу к Багирову...

Павел Григорьевич был совсем маленького роста, почти как мальчик. Кажется, Багиров видел в тот раз Антокольского впервые. Во всяком случае, когда кто-то из ответственных москвичей представлял Антокольского, Багиров внезапно произнес:

– Поэт? Знаменитый поэт? А почему лилипут? А ну-ка залезь на стул.

И... Антокольский влез на стул.

– Теперь сам вижу, – удовлетворенно сказал Багиров, – можешь слезать.

Но это не стало концом муки и унижения Антокольского. Через некоторое время, когда началось застолье и стали произносить тосты, Багиров вдруг вспомнил о Павле Григорьевиче и приказ:

– Эй, ты, маленький, ты говорить будешь со стула.

И Антокольскому пришлось залезать на стул и произносить какие-то здравицы».

6 марта 1944 года, в разгар Великой Отечественной, советское правительство приняло постановление «О мероприятиях по усилению культурной и экономической помощи населению Южного Азербайджана». Началось экономическое освоение Южного Азербайджана. 21 июня 1945 года Сталин подписал постановление Государственного комитета обороны «О геологоразведочных работах на нефть в Северном Иране». Советские геологи приступили к поискам черного золота. В Москве давно интересовались нефтяными запасами северных провинций Ирана.

После окончания войны советские и британские войска – в соответствии с подписанным в 1942 году договором – должны были вернуться домой. Англичане покинули Иран. Эвакуацию советских частей предполагалось завершить к 2 марта 1946 года. Накануне в Москве внезапно объявили, что «советские войска останутся, пока не прояснится обстановка».

Еще в октябре 1941 года вместо коммунистической партии Ирана, запрещенной властями за десять лет до этого, образовалась Народная партия Ирана – Туде. При активной поддержке советских властей партия Туде захватила власть в северозападной области – Иранском Азербайджане. Шахским войскам пришлось отступить.

21 октября 1945 года командующий войсками только что образованного Бакинского военного округа генерал армии Иван Иванович Масленников и первый секретарь Азербайджанского ЦК Мир Джафар Багиров доложили в Москву:

«Во исполнение решения ЦК ВКП(б) от 8 октября 1945 года по вопросу Иранского Азербайджана и Северного Курдистана нами проведено следующее:

Выделено 21 опытных оперативных работников НКВД и НКГБ Азербайджанской ССР, способных организовать работу по ликвидации лиц и организаций, мешающих развитию автономистского движения в Иранском Азербайджане. Эти же товарищи должны организовать вооруженные партизанские отряды из местного населения...»

На роль лидера выдвинули Сеида Джафара Пишевари, который был редактором газеты в Тегеране. Его рекомендовал Багиров. Пишевари – бывший член коммунистической партии, работал в Советском Азербайджане. В 1927 году был переброшен в Иран Коминтерном. Десять

лет просидел в шахской тюрьме. Освобожден после вступления советских войск в Иран в 1941 году. Двое братьев жили в Советском Союзе, один служил в Красной армии.

Но Пишевари было трудно контролировать. Он считал, что автономии внутри шахского Ирана азербайджанцам недостаточно. Нужно отделиться и для начала создать самостоятельную Азербайджанскую Народно-демократическую республику под советским протекторатом, а затем вообще объединить весь азербайджанский народ. «Мы должны добиться справедливости собственной силой, – горячо убеждал своих советских собеседников Пишевари. – Народ не боится жертв в борьбе за свои права. Народ, не готовый приносить жертвы, не достоин свободной жизни».

12 декабря 1945 года в городе Тебризе в здании кинотеатра открылась первая сессия Народного собрания, представлявшего интересы азербайджанского населения Ирана. Присутствовали сотрудники советского генерального консульства. Депутаты провозгласили создание Народно-демократического государства Южный Азербайджан. Президентом стал Сеид Джафар Пишевари.

Вечером он представил Народному собранию состав первого азербайджанского национального правительства из десяти человек. Министры поклялись на Коране служить народу. Местные армейские начальники и органы власти подчинились новому правительству. Шахскую армию и жандармерию разоружили.

Указом правительства 21 декабря началось формирование Народной армии. Ввели собственную денежную систему. Советский Союз перечислил большие суммы в Тебризский банк для поддержки нового правительства. В советском Азербайджане с волнением следили за происходящим по ту сторону границы – ведь речь шла о судьбе одного народа.

В Баку подбирали советников для всех министерств и ведомств новой республики. Главнефтеснаб Азербайджанской ССР получил указание ежемесячно выделять Южному Азербайджану тысячу тонн керосина, сто пятьдесят тонн бензина, триста тонн мазута и двадцать тонн смазочных масел. Отправили в Тебриз хлопок, калоши, сахар и другие жизненно важные товары. Взамен Багиров предлагал доставить из Тебриза восемьдесят – восемьдесят пять тысяч рабочих и использовать их для подъема промышленности Советского Азербайджана. Москва не согласилась.

В январе 1946 года в Тебриз приехала группа деятелей культуры во главе с классиком азербайджанской поэзии Самедом Вургунум. 6 января правительство новой республики объявило азербайджанский государственным языком...

С октября 1945 года по январь 1946 года правительство в Тебризе получило двенадцать тысяч винтовок, триста пятьдесят ручных пулеметов, девять автоматов, тысячу пистолетов, гранаты и патроны. В марте 1946 года в Тебриз по железной дороге доставили танки Т-34, артиллерию и другую боевую технику.

Происходящее в Иране напугало Турцию. Особенно когда осенью 1945 года в Болгарию вступили дополнительные части Красной армии. Турки опасались не просто советского вторжения, но и того, что страна потеряет земли, приобретенные после Первой мировой войны.

Советская Армения претендовала на Карс и Ардаган, Советская Грузия – на Трабзон. Нарком иностранных дел Грузии Георгий Иванович Кикнадзе 26 октября 1945 года сообщил первому секретарю ЦК КП(б) Грузинской ССР Кандиду Нестеровичу Чарквиани, что подал в Москве наркомам Берии и Молотову докладные записки «К вопросу о грузинских территориях, включенных в состав Турции» и «Об отторгнутых Турцией грузинских провинциях». Кикнадзе информировал первого секретаря, что на те же турецкие земли претендуют и соседи из Армении: «Наркоминдел Армянской ССР по запросу тов. Кавтарадзе С. И. уже подал в НКВД СССР докладную записку по этому вопросу. На основании этой докладной тов.

Кавтарадзе С. И. послал тов. Молотову В. М. справку за своей подписью. Согласно этой справке тов. Кавтарадзе считает, что территория, подлежащая возврату Турцией Советскому Союзу, составляет примерно 26 000 квадратных километров, из коих 20 500 квадратных километров должны войти в состав Армянской ССР, а 5500 квадратных километров – в состав Грузинской ССР... Составленная нами справка предполагает, что в состав Грузинской ССР должна войти территория равная 12 760 квадратных километров, а в состав Армянской ССР – 13 190 квадратных километров».

Упомянутый грузинским наркомом Сергей Иванович Кавтарадзе в начале 1920-х годов возглавлял правительство республики в Тбилиси. Во внутривластных дискуссиях он голосовал за Льва Давидовича Троцкого, что стоило ему карьеры и членства в партии. Но в 1940 году Сталин внезапно вспомнил старого знакомого, приказал восстановить его в партии и взять на работу в наркомат иностранных дел.

19 марта 1945 года Москва денонсировала договор о дружбе и нейтралитете с Турцией. Сталин и Молотов требовали от Турции передать Советскому Союзу земли, от которых отказались по договору о дружбе и братстве 1921 года, и предоставить советским вооруженным силам контроль над проливами Босфор и Дарданеллы. Это открыло бы Черноморскому флоту свободный выход в Средиземное море.

Турки уступать не хотели. Обратились за помощью к западным державам. Реакция Соединенных Штатов была резко негативной.

Мир Джафар Багиров (в шифрпереписке он пользовался псевдонимом «Старший») требовал от своих людей в Тебризе: «Поступила информация, что наши сотрудники, помогая местным товарищам, действуют слишком открыто. Товарищ „Старший“ считает необходимым предупредить вас и ваших сотрудников, что они находятся на чужой территории и должны соблюдать строгую конспирацию. Следует учесть, что за действиями каждого советского работника следят не только иранцы, но и англичане, американцы, турки и другие... Товарищ „Старший“ поручил нашим сотрудникам в работе с местными товарищами соблюдать осторожность и скрытность...»

Соединенные Штаты обратились с запросом к союзнику: в северной части Ирана вспыхнуло восстание, направленное против законной власти, почему Москва препятствует правительственным войскам в наведении порядка? Американцы и англичане всерьез опасались, что СССР вторгнется в Турцию, захватит нефтяные месторождения Ирана и Ирака – на этом направлении Красной армии противостоять было некому.

Через неделю, 29 ноября 1945 года, нарком Молотов ответил: «События, имевшие место в последние дни в Северном Иране, не только не являются вооруженным восстанием, но и не направлены против шахиншахского Правительства Ирана. Теперь, когда опубликована декларация Народного Собрания Северного Ирана, видно, что здесь дело идет о пожеланиях относительно обеспечения демократических прав азербайджанского населения Северного Ирана, стремящегося к национальной автономии в пределах Иранского Государства и имеющего свой особый язык, отличный от персидского языка... К посылке новых иранских войск в северные районы Ирана Советское Правительство отнеслось отрицательно и сообщило Иранскому Правительству о том, что посылка дополнительных иранских войск в Северный Иран могла бы вызвать не прекращение, а усиление беспорядков, а также кровопролитие, что заставило бы Советское Правительство ввести в Иран свои дополнительные войска в целях охраны порядка и обеспечения безопасности советских гарнизонов...»

В феврале 1946 года в Москву приехал крайне встревоженный новый премьер-министр Ирана Кавам ас-Салтане. Он рассчитывал договориться о выводе советских войск. Но Молотов положил на стол проект документа о предоставлении Советскому Союзу концессии на

североиранскую нефть. Сталин объяснил американскому послу интерес к иранскому черному золоту: «Вы не понимаете нашу ситуацию. Главный источник нашей нефти – месторождения в Баку. Они близки к границе с Ираном, и они очень уязвимы. Берия и другие говорят мне, что вредители – один человек с коробком спичек – могут принести нам серьезный ущерб. Мы не можем рисковать поставками нефти...» Вождь говорил о потребности Советского Союза в получении большей доли в эксплуатации мировых энергетических ресурсов. Зачем Англия и Соединенные Штаты препятствуют России в поиске нефтяных концессий?..

«Я вполне понимаю желание Советского Союза получать нефть из Ирана, – отвечал американский посол в Москве. – Об этом вполне можно было договориться, не прибегая к аргументации силой, то есть заключить соглашение – после вывода советских войск из Ирана. Соединенные Штаты вовсе не возражают против стремления СССР обеспечить свою безопасность. Противоречия возникают только в связи с теми методами, которые употребляются советской стороной...»

Соединенные Штаты уговаривали Сталина исполнить свое обещание и уйти из Ирана. Вашингтон, конечно же, не собирался воевать из-за иранской нефти. Но и не понадобилось... Обещание Гарри Трумэна поддержать вместе с Англией жалобу Ирана в Совете Безопасности ООН подействовало на Сталина, чувствительного к настроениям мирового общественного мнения. 3 апреля 1946 года советский представитель в ООН Андрей Андреевич Громько сообщил о скором выводе войск. 4 апреля премьер-министр Кавам и советский посол Иван Васильевич Садчиков подписали соглашение о создании советско-иранского нефтяного акционерного общества. 9 мая войска были выведены.

Казалось, это лишь досадный эпизод. Американский посол в Москве Аверелл Гарриман пришел к Молотову в примирительном настроении. «Конечно, разногласия есть, – рассуждал посол, – но при добром желании всех сторон и при наличии подходящей атмосферы через всякие противоречия можно перекинуть мост. Советская сторона в последние месяцы была уж слишком подозрительной и недоверчивой. Я прекрасно понимаю исторические корни этих чувств, но все-таки советским людям следует проявить немножко больше доверия к союзникам по великой войне... Советская сторона часто просто отвечает „нет“ и ставит точку. Такое отношение обижает американцев, создает почву для всякого рода нездоровых подозрений, страхов и опасений о целях и стремлениях Советского Союза. К чему это? Нельзя ли почаще консультироваться? Нельзя ли давать более подробные ответы на дружеские дипломатические запросы?..»

Молотов ответил в своем стиле: «Я прекрасно понимаю важность психологического фактора в отношениях между странами, но и тут должен спросить, все ли в этом отношении безупречно со стороны наших партнеров?.. Если уж говорить с той откровенностью, которую допускает наше с ним старое знакомство, то – да простит меня Гарриман! – советским людям кажется, что как раз американцы в последнее время несколько зазнались и не дают себе труда даже скрывать это...»

Президент Гарри Трумэн поручил внешнюю политику своему старому знакомому и опытному человеку Джеймсу Фрэнсису Бирнсу, в прошлом конгрессмену, сенатору и члену верховного суда. 28 апреля 1946 года государственный секретарь Бирнс пригласил Молотова на обед в парижской гостинице «Мерис». Советский нарком выразил недовольство недружественной позицией американцев в отношении иранских дел. В записи беседы отмечено:

«Молотов говорит, что в последнее время действия Правительства США были направлены против СССР и способствовали созданию атмосферы недоверия вокруг СССР и развертыванию международной кампании, враждебной СССР...»

Взять хотя бы пример с Ираном. Правительство США не пожелало отложить обсуждение

иранского вопроса на две недели, как об этом просило Советское Правительство. Позже Правительство США настаивало на оставлении иранского вопроса в Совете Безопасности вопреки просьбам СССР и Ирана...

Бирнс говорит, что ссылки Советского Правительства на то, что Иран может представлять опасность для СССР, неосновательны. Что касается иранской нефти, то еще во время Крымской конференции Стеттиниус и Иден заявили об отсутствии у США и Англии возражений против получения Советским Союзом нефтяных концессий в Иране. Следовательно, оставление Советским Союзом войск в Иране было вызвано стремлением Советского Правительства добиться от Иранского Правительства принятия советских требований... Это создало у мирового общественного мнения впечатление, что СССР стремится в Иране к экспансии так же, как он это делает в Европе...»

Государственный секретарь Бирнс считал, что он сам сможет обо всем договориться с советскими партнерами. Госсекретарь сильно себя переоценивал. Он пробыл на посту госсекретаря всего пятьсот сорок шесть дней, из них половину времени провел за границей, мало интересуясь тем, что происходит в его ведомстве в Вашингтоне.

Опытные дипломаты его ни в грош не ставили. Его подчиненный Аверелл Гарриман позволил себе высмеять госсекретаря в разговоре с Молотовым. «Бирнс неопытен в международных делах, – с чувством превосходства заметил Гарриман. – Бирнс привык работать в домашней обстановке. К тому же он судья, то есть человек, привыкший мыслить юридически. Он законник и не всегда понимает, что во внешней политике юридическая норма часто вынуждена уступить политической целесообразности...»

А президент Трумэн был недоволен, что госсекретарь действует самостоятельно, не советуясь с Белым домом. Он разозлился на Бирнса, который, вернувшись из Москвы, собирался сначала выступить по радио. Трумэн потребовал, чтобы госсекретарь прежде всего отчитался перед президентом. Он вызвал Бирнса в Овальный кабинет и зачитал вслух адресованное государственному секретарю письмо: «У меня нет сомнений, что Россия намерена вторгнуться в Турцию и захватить черноморские проливы, ведущие в Средиземноморье. Если не противопоставить России железный кулак и твердые слова, возникнет новая война. Они понимают только один язык: „Сколько у вас дивизий?“ Я считаю, что мы больше не должны идти на компромиссы. Мы должны отказаться признавать правительства в Румынии и Болгарии, пока они не будут соответствовать нашим требованиям. Мы должны ясно изложить свою позицию по Ирану. Мы должны сохранять полный контроль над Японией и Тихим океаном. Мы должны восстановить Китай и создать там сильное центральное правительство. То же самое должно быть сделано в Корее. После этого мы должны настоять на возвращении наших судов из России и добиться урегулирования вопроса о российских долгах по ленд-лизу. Я устал нянчиться с Советами...»

Джеймс Бирнс подал в отставку «по состоянию здоровья».

24 марта 1946 года Сталин и начальник Генерального штаба Алексей Иннокентьевич Антонов отправили приказ командующему войсками Бакинского военного округа Масленникову и командующему войсками 4-й армии Лучинскому начать «без шума и особой торопливости» вывод частей 4-й армии и закончить к 10 мая.

Бакинский военный округ образовали в июле 1945 года из войск упраздненного Закавказского фронта. Округ просуществовал до мая 1946 года, когда перестал быть нужным, и его объединили с Тбилисским в единый Закавказский военный округ. Командовать округом поручили недавнему заместителю наркома внутренних дел по войскам генералу армии Масленникову. (После ареста Берии, видя, как одного за другим сажают его недавних сослуживцев, Масленников застрелился.) Командующий 4-й армией генерал-лейтенант

Александр Александрович Лучинский, как и Масленников, прибыл в Баку с Дальнего Востока. Они оба участвовали в разгроме японской армии.

Уход советских войск стал тяжелым ударом для Пишевари и его соратников. 28 марта 1946 года Багиров встретился с Пишевари. Пытался успокоить его, убедить в разумности советской линии. Не убедил. Пишевари обиделся. Он считал, что советское правительство его обмануло.

8 июня 1946 года Багиров пригласил Пишевари в Нахичевань. Речь шла о том, как теперь, когда за непризнанной республикой не стоят советские войска, улаживать отношения с центральной властью в Тегеране. Но ясно было, что шахское правительство не смирится с существованием самостоятельной республики. Подавить сепаратистов мешала только позиция Москвы.

В июле в Советский Союз приехала сестра шаха Ашраф Пехлеви. Ее принимали со всеми почестями. Показали ей Ленинград, Киев, Харьков, Сталинград и Баку.

20 июля Ашраф Пехлеви в Кремле принял Сталин (а он нечасто удостаивал иностранцев аудиенции). При разговоре присутствовал министр иностранных дел Молотов. Решительная по характеру (и не похожая в этом на брата) Ашраф уговаривала Сталина не поддерживать сепаратизм азербайджанцев. Она явно понравилась советскому вождю. 21 июля ее наградили орденом Трудового Красного Знамени за активную деятельность по сбору средств в Иране в пользу советских сирот, потерявших родителей в годы войны. Это был способ загладить прежние обиды.

Вернувшись на родину, сестра шаха заявила журналистам: «Генералиссимус Сталин относится к иранскому народу с большим уважением и доброжелательностью. И в целом все советское руководство относится с уважением к малым народам и заботится об их правах и независимости».

20 октября 1946 года Мир Джафар Багиров опять встретился в Нахичевани с Пишевари, который просил военной помощи. 14 ноября Совет министров СССР выделил средства на культурные нужды Южного Азербайджана. Но оружие больше не давали. Это означало, что непризнанная республика не сможет противостоять шахской армии. «Мы исчерпали все средства поддержки азербайджанцев, – сказал Сеиду Джафару Пишевари посол Иван Садчиков. – Остается только оно средство – война, а на это мы пойти не можем».

1 декабря 1946 года власти Иранского Азербайджана, предоставленные сами себе, приняли вынужденное решение не оказывать сопротивления правительственным войскам.

2 декабря, что называется, в последнюю минуту, Багиров шифртелеграммой предложил Сталину все-таки перебросить в Тебриз из Баку азербайджанских солдат и офицеров, вооружив их для конспирации трофейной немецкой техникой. Но Багиров был единственным, кого интересовала судьба непризнанной республики. Сталин ответил отказом.

4 декабря началось наступление иранских войск.

Спасаясь от шахской мести, вечером 11 декабря руководящий состав республики двинулся из Тебриза к советской границе. Пограничники беспрепятственно пропустили только президента непризнанной республики Сеида Джафара Пишевари и его ближайшее окружение – вместе с семьями примерно сто семьдесят человек. Но бежать пытались многие. Они в полном отчаянии ожидали на границе решения своей судьбы.

12 декабря Багиров вновь обратился к Сталину: «Создается очень затруднительное положение. Или нужно будет силой оружия отогнать их от границы, или же принять. Прошу Вашего указания». Разрешение пропустить беглецов из Тебриза на советскую территорию было дано. Оно действовало до пяти часов вечера 19 декабря. Границу перешло почти шесть тысяч человек. Чтобы их накормить, в Баку попросили выделить продовольствие из государственных

резервов. И позже иранские азербайджанцы, бежавшие от шахских войск и жандармерии, тоже переходили советскую границу, но их уже арестовывали сотрудники госбезопасности.

14 декабря шахские войска вошли в Тебриз. Оставшимся в родных местах соратникам Пишевари пришлось туго. Правительственные войска устроили резню. Солдаты рубили врагам шахской власти головы и вспарывали животы.

Лидер иранских азербайджанцев Сеид Джафар Пишевари тосковал в изгнании. Он жаждал активной деятельности. В мае 1947 года ему вроде бы позволили готовить отряды боевиков для тайной засылки в Южный Азербайджан. Пишевари собирался напутствовать своих бойцов перед переходом границы. Но вечером 3 июля на четырнадцатом километре трассы Евлах – Кировобад (Гянджа) его автомобиль попал в аварию. Через несколько часов он скончался в районной больнице Евлаха. Его похоронили там, где он жил на предоставленной ему даче – в Бузовнах. Из соображений конспирации даже надгробную плиту не поставили.

Смерть вождя иранских азербайджанцев произошла при сомнительных обстоятельствах. Дорога была пустой – как получилось, что водитель выехал на другую сторону дороги и врезался в дорожный столб? Вместе с Пишевари в машине находился полковник Нури Гасанович Кулиев из министерства госбезопасности Азербайджана. Пишевари сидел на переднем сиденье рядом с водителем и получил ранения, не совместимые с жизнью. Кулиев сломал ноги, водитель отделался легкими ушибами. Водитель объяснял, что накануне не спал ночь и от усталости задремал за рулем. Но его не стали слушать. Расследование проводил прилетевший из Москвы начальник Второго (контрразведывательного) главного управления МГБ СССР генерал-майор Евгений Петрович Питовранов, молодой для высокой должности чекист, делавший большую карьеру.

Расследование прошло быстро. Водителя обвинили в том, что он по заданию иностранной разведки сознательно организовал аварию и убил Пишевари. Водитель получил пятнадцать лет. Писал из лагеря, что подписал признательные показания, поскольку его избивали. Впоследствии возникли подозрения, что смерть Пишевари устроили сотрудники республиканской госбезопасности: от слишком активного политика хотели избавиться. А тогда в кабинете Пишевари сотрудники МГБ провели обыск, забрали все документы и бумаги. Все беженцы из Иранского Азербайджана находились под постоянным надзором сотрудников госбезопасности, в них подозревали шахских агентов...

Из-за всей этой истории отношения Советского Союза с Ираном резко ухудшились. Премьер-министр Ирана Кавам ас-Салтане тянул время, чтобы избежать предоставления Москве концессий. После вывода советских войск меджлис сначала отказался ратифицировать соглашение о нефтяной концессии Советскому Союзу, затем запретил коммунистическую партию Туде.

На Западе опасались, что рано или поздно Сталин попытается взять под контроль нефтяные месторождения Ирана. Для Британии, которая жила за счет импорта нефти, в том числе иранской, это был вопрос жизни и смерти. Британский министр иностранных дел Эрнест Бевин сказал своим подчиненным: «Наши отношения с Россией относительно широкого круга европейских проблем приходят к тому же противостоянию, в каком когда-то мы находились с Гитлером».

Возможно, происходившие тогда в Иране события и нефтяные страхи стали одной из причин того, что 5 марта 1946 года Уинстон Черчилль произнес знаменитую речь о железном занавесе, который отделил свободную Европу от той, что оккупирована или контролируется Сталиным.

А в Соединенных Штатах на ноябрьских выборах в конгресс 1946 года демократы потерпели поражение. Впервые после 1920-х годов республиканцы получили контроль над

обеими палатами конгресса. Республиканцы обещали сократить налоги и государственные расходы, резко уменьшить траты на вооруженные силы и максимально сократить свои международные обязательства. Они считали лучшей политикой изоляционизм, то есть полное невмешательство в мировые дела.

Государственный секретарь США Джордж Маршалл и его заместитель Дин Ачесон уговорили Трумэна собрать в Белом доме ведущих сенаторов. Очень многое зависело от ветерана-сенатора Артура Ванденберга, председателя комитета по иностранным делам. (В шестнадцать лет он работал в бисквитной компании, в обеденный перерыв пошел послушать выступление кандидата в вице-президенты Теодора Рузвельта – и с тех пор увлекся политикой.)

«На протяжении последних полутора лет, – говорил сенаторам Дин Ачесон, – советский нажим на проливы, на Иран и Северную Грецию довел Балканы до такого положения, что возможно советское проникновение сразу на три континента. Подобно тому, как в бочонке с яблоками одно гнилое яблоко может испортить все, гниение, начавшееся в Греции, распространилось бы на Иран и все остальные страны, лежащие дальше на восток. Через Малую Азию и Египет зараза проникла бы в Африку, а через Италию и Францию, которым и без того угрожают самые сильные в Западной Европе коммунистические партии, она проникла бы в Европу. Вот какие перспективы открылись перед нетерпеливым и беспощадным противником в результате ухода англичан из восточного Средиземноморья».

Наступило продолжительное молчание. Затем сенатор Артур Ванденберг повернулся к Трумэну: «Господин президент, если вы скажете это конгрессу и стране, я вас поддержу. И большинство сенаторов тоже».

12 марта 1947 года на совместном заседании обеих палат конгресса президент Соединенных Штатов выступил с речью, в которой изложил «доктрину Трумэна» – доктрину противостояния Советскому Союзу.

Хрущев мирится с шахом

Шахский Иран – в силу понятных исторических причин – не принадлежал к числу государств, которые считались дружескими или были в фокусе внимания советской внешней политики.

Никита Сергеевич Хрущев однажды на пленуме ЦК КПСС расчетливо поведал высшим партийным чиновникам забавную историю о том, как в декабре 1955 года председателю президиума Верховного Совета СССР маршалу Ворошилову вручал верительные грамоты новый иранский посол. Климент Ефремович Ворошилов (его должность приравнивалась к президентской), как положено по дипломатическому протоколу, имел с послом беседу, о чем посол немедленно доложил шифртелеграммой в Тегеран. «О том, что писал иранский посол своему правительству, – откровенно рассказывал Хрущев на пленуме, – нам стало вскоре известно. Мы путем расшифровки перехватили и прочли документ. Эта аппаратура находится у товарища Серова». Последние две фразы из стенограммы пленума потом вычеркнули. Не пристало руководителю страны признаваться в том, что председатель КГБ генерал армии Иван Александрович Серов занимается перехватом сообщений иностранных посольств.

«В беседе с послом, – продолжал Никита Сергеевич, – Ворошилов говорил и о шахе. У нас, мол, тоже были цари, был у нас Николай, которого народ прогнал, и теперь мы без них обходимся. По существу я с Климентом Ефремовичем согласен. Но говорить это иранскому послу – это никуда не годится. Мы обсуждали этот случай на президиуме ЦК и сказали товарищу Ворошилову, что так вести себя нельзя». Ворошилов стал оправдываться: «Товарищи, насчет шаха. Я такой глупости сказать не мог, потому что это не в моей натуре. Я,

не хвастаясь, могу сказать, что в отношении деликатности и умения вести себя среди этой братии (смех в зале) я вполне владею. И в далекие революционные годы мне приходилось прятать оружие, которое я вывозил из Финляндии в Петербург, а оттуда в Донбасс. Я имел дело с такими людьми, как архитекторы (я у них прятал оружие), профессора Технологического института. Я умел с людьми быть деликатным... И как мог я теперь что-то говорить недопустимое?»

Кто-то из членов ЦК сочувственно предположил: «Может, переводчик перевел неправильно?» Хрущев не дал Ворошилову спастись и проявил редкую осведомленность (из чего следует, что рассказанная им история с послом была не импровизацией, а домашней заготовкой первого секретаря ЦК): «Не думаю. Посол окончил в Петербурге университет и прекрасно разговаривает по-русски». Правоту первого секретаря ЦК подтвердил и Николай Михайлович Пегов. Старый партийный аппаратчик, он при Ворошилове состоял секретарем президиума Верховного Совета СССР, а потом уехал послом как раз в Иран. «Я присутствовал на этом приеме иранского посла, – доложил пленуму Пегов. – Климент Ефремович, очевидно, забыл. Он, правда, сказал об этом в шутку, но такой разговор с послом, Климент Ефремович, был. Он что-то пошутил насчет Николая II, что-де, мол, был у нас царь, а теперь его нет и живем мы не хуже, а лучше, а потом перешел к шаху. Конечно, тот понял, о чем идет речь...»

В зале засмеялись, и председательствовавший на пленуме секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов объявил перерыв. Члены ЦК вышли из зала, посмеиваясь над незадачливым и, видимо, уже впадающим в маразм Ворошиловым. Атака на Ворошилова имела прагматический характер: Хрущев задумал избавиться от престарелого и уже бесполезного маршала. Но сам факт беседы, непозволительной в дипломатических отношениях, характерен. Ворошилова толком и не проинструктировали, что он должен сказать послу, прибывшему из страны, где придают особое значение словам, деталям и оттенкам.

В 1956 году в Москву приехал с официальным визитом шах Ирана Мохаммад Реза Пехлеви с шахиней Сорейей. Цель была одна – подвести черту под неприятным прошлым. Но первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров Хрущев и его министр иностранных дел Дмитрий Трофимович Шепилов все-таки предъявили иранцам претензии: зачем они присоединились к Багдадскому пакту (ныне благополучно забытому)?

В апреле 1954 года Турция подписала соглашение о взаимопомощи с Пакистаном. 24 февраля следующего года такой же договор с Ираком стал основой регионального военного союза, известного под названием Багдадский пакт. К нему присоединились Великобритания, Пакистан и Иран. Так появилась Организация центрального договора (СЕНТО). Это был военно-политический союз. В Москве болезненно восприняли образование Багдадского пакта и обиделись на те страны, которые к нему присоединились.

Шах, как он пишет в своих воспоминаниях, ответил достаточно резко: «Я напомнил гостеприимным хозяевам о том, что русские на протяжении нескольких веков беспрестанно пытались продвинуться через Иран к югу. В 1907 году они вступили в Иран. Во время Первой мировой войны они вновь попытались захватить нашу страну. В 1946 году создали марионеточное правительство, чтобы отторгнуть от Ирана богатейшую провинцию – Азербайджан».

Хрущев и Шепилов отвечали, что они не несут ответственности за то, что делалось до них. Но Багдадский пакт выгоден только империалистам... Впрочем, Организация центрального договора просуществовала недолго, потому что на Ближнем Востоке наступила эпоха перемен. Хрущев многозначительно заметил, что какая-нибудь великая держава может заставить Иран предоставить свою территорию для враждебных акций против Советского Союза. «Мы никогда не позволим, чтобы наша страна была использована для агрессии против

Советского Союза, – возразил шах. – Я даю вам слово солдата, что пока я являюсь шахом Ирана, моя страна ни при каких обстоятельствах не согласится с агрессивными планами против России и не будет их поддерживать».

И это не было лишь словами. Постоянная угроза со стороны России была важным фактором иранской геополитики. Или, точнее, геополитической фатальностью Ирана. Страх Ирана перед Советским Союзом определил военный союз шаха с Соединенными Штатами, хотя он понимал, что ему надо защищать свою страну собственными руками. В конце 1940-х молодой шах беседовал с американским послом, который сказал ему: «Америка никогда не станет воевать с Советским Союзом ради Ирана». Шах запомнил эти слова и не собирался ссориться с русскими. Сейчас становится ясно: как и в истории с дореволюционным Афганистаном, Иран при шахе был лучшим соседом, чем при Хомейни...

Пограничные споры между двумя странами были урегулированы, договорились о совместном использовании для орошения пограничных рек Аракс и Атрек, о транзите через Советский Союз товаров, которые Иран покупал и продавал в Европе...

Посол Алексей Леонидович Воронин вспоминал, как на приеме в Кремле Хрущев произнес необычный тост. «Нам не нужна иранская нефть, – говорил Хрущев, – у нас своей нефти достаточно. Кому нужна нефть, пусть покупают ее у Ирана. Что касается вопроса о судьбе Иранского Азербайджана, то никакое вмешательство здесь недопустимо. Это иранская земля, она принадлежит этому государству, его составная часть». Шах в ответном слове сказал, что Хрущев вытащил последние занозы из иранского организма, и теперь открывается новая эра во взаимоотношениях двух государств...

В честь шаха и шахини устроили пышный прием. «Был момент, – записал в дневнике известный дипломат Владимир Семенович Семенов, – когда шах уселся за главный стол, наши заняли боковые столики, а шахиня осталась одна с Фирюбиным (заместитель министра иностранных дел. – Л. М.), пока наши протоколисты не сообразили пригласить императрицу за отдельный женский стол. Вышло вроде хорошо, получилось интимней. Потом Фурцева (секретарь ЦК КПСС), Зыкина (певица) и другие устроили пение песен, пляску. Все собрались вокруг...»

В 1962 году шах обещал советским руководителям, что не разместит на своей территории американские ракеты наземного базирования. Это привело к расширению торговли с Ираном и даже к поставкам ему советского оружия. Иран продавал СССР природный газ. Но аппаратура слежения за Советским Союзом на территории Ирана находилась. Иран был гигантским ухом США на южном фланге СССР.

Исламская революция поначалу обрадовала советских руководителей. Международный отдел ЦК восторженно ее приветствовал, считая, что Тегеран теперь станет надежным союзником в борьбе против Запада. Особенно приятно было, что Соединенные Штаты лишились в Иране своих наблюдательных пунктов, которые были расположены на границе с Советским Союзом. Эти станции с гигантскими антеннами находились близко к полигону, откуда запускались советские ракеты – Тюратам (около Аральского моря), и к полигону, где испытывались противоракеты – Сары-Шаган (около озера Балхаш).

Американские разведывательные посты в Иране фиксировали момент старта и записывали телеметрические данные, поступающие на наземный командный пункт. Это позволяло фиксировать длину и диаметр советской ракеты, а также вес забрасываемого груза, то есть определять тип ракеты... В распоряжении Соединенных Штатов осталось только разведывательное оборудование, размещенное на территории Турции. Этого было недостаточно. Вашингтон попросил у турецкого правительства разрешения на полеты самолетов-разведчиков У-2 вдоль советской границы. Турки ответили, что согласятся только в

том случае, если Москва не станет возражать.

Незадолго до революции, в мае 1978 года, резидентом внешней разведки в Иран поехал Леонид Владимирович Шебаршин. Он вспоминал, как перед отъездом в Тегеран его пригласил к себе секретарь парткома КГБ Гений Евгеньевич Агеев, бывший второй секретарь иркутского горкома партии, среди прочего поинтересовался: «А в театр вы ходите?» Секретарь парткома комитета хотел убедиться в том, что новый резидент обладает широким культурным кругозором.

На этот ритуальный вопрос обыкновенно отвечали утвердительно, даже те, кто поражал своих коллег необразованностью и полным отсутствием интереса к литературе и искусству. К Шебаршину, литературно одаренному человеку, это никак не относилось.

Леонид Владимирович честно ответил: «Нет, не хожу!» Секретарь парткома понимающе кивнул: «Времени не остается». Шебаршин игры не принял: «Время есть. Я не люблю театр». Агеев возмутился и отчитал Шебаршина за отсутствие интереса к культурной жизни. (Нелепость выговора состояла в том, что Леонид Владимирович как раз очень был расположен к изящным искусствам.) Более того, Агеев позвонил начальнику разведки Владимиру Александровичу Крючкову и просил сделать внушение тегеранскому резиденту. Тот велел новому резиденту быть осторожнее во взаимоотношениях с «большим парткомом» КГБ.

Председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов по-своему напутствовал Шебаршина: «Смотри, брат, персы такой народ, что мигом могут посадить тебя в лужу. И охнуть не успеешь!» Для лучшего понимания обстановки в Иране Андропов рекомендовал резиденту перечитать «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (Карл Маркс написал эту работу в 1852 году, подводя итог внутривосточной борьбы во Франции, закончившейся приходом к власти племянника Наполеона). Резидент прислушался к совету председателя. Шебаршин пишет, что его «поразила применимость многих мыслей Маркса к иранской ситуации, изящество его формулировок...»

Блистательный слог Карла Макса, конечно, и по сей день производит впечатление на тонких ценителей его творчества. Но неужели в его трудах можно найти объяснение тому сложнейшему явлению, каким была Исламская революция в Иране?

Шебаршин руководил резидентурой в Иране в самый сложный период Исламской революции. Накануне революционных событий главной задачей тегеранской резидентуры оставалась работа с американцами, которых через несколько месяцев как ветром сдует. И Шебаршин, и другие разведчики утверждают, что они заранее предсказывали падение шахского режима. Но почему в таком случае не были заранее усилены разведывательные возможности в Иране, который после прихода к власти духовенства во главе с аятоллой Рухоллой Хомейни стал важным фактором мировой политики?

В Тегеране резидентура была небольшой и неэффективной. Шебаршин сразу отметил и слабость аналитической работы, и отсутствие контактов среди тех, кто может дать важную информацию о происходящем в стране. Но тут уже почти все зависело от него самого.

Резидент – важнейший пост в разведке. Это самостоятельная должность. Конечно, он постоянно держит связь с центром, получает указания, отчитывается за каждый шаг. Тем не менее многие решения резидент принимает на собственный страх и риск. Есть проблемы, которые ни с кем не обсудишь. Как правильно строить отношения с послом? Как поступить с оперативным работником, совершившим ошибку? Или с офицером, который потихоньку прикарманывал деньги, выделявшиеся на агента?

В резидентуры попадало много «позвоночников»⁶ – сыновей высокопоставленных

⁶ Так называли принятых на работу по приказу от начальства, то есть «по (телефонному) звонку».

персон, с которыми было очень трудно, потому что никто не хотел ссориться с их родителями. Резидент вправе, конечно, убрать слабого сотрудника, склонного, например, выпить. Но сделав это, он испортит отношения со всеми, кто подписал решение послать этого сотрудника в загранкомандировку (а на этой бумаге с десятков подписей, заверяющих, что сотрудник – замечательный работник, который укрепит работу резидентуры).

Один из отставных сотрудников разведки, тоже бывший резидентом, вспоминал, как среди его подчиненных оказался сын крупного начальника из министерства иностранных дел. Однажды ночью он исчез, жена подняла шум. Наутро офицер нашелся, путано объяснил резиденту, что был в плохом настроении, всю ночь колесил по городу, а под утро заснул в машине. Можно было закрыть глаза, чтобы не ссориться с влиятельным человеком. Но резидент решил, что он не может доверять офицеру, способному выкинуть такой фортель, сообщил в Москву, и того отозвали.

Каждый оперативный работник резидентуры составляет план на неделю, обсуждает его с резидентом. Он сообщает, что будет делать в тот или иной день, заранее составляет план беседы с любым интересующим резидентуру человеком. Встречи с агентом, конечно же, занимают мало времени, потому что агентов мало. Главная работа сотрудника резидентуры – разработка интересующей разведку среды. Он должен постоянно искать людей, которые могут представить интерес, встречаться с ними, пытаться разговорить и прощупать на предмет возможного сотрудничества.

Когда речь идет о встрече с агентом, принимаются особые меры предосторожности. Иногда делаются несколько ложных выездов, чтобы раздробить силы наружного наблюдения, следящего за посольством. Потом кто-то вывозит оперативного сотрудника в город. Тот выскакивает из машины, перебегает на другую сторону, где его на своей машине подбирает другой сотрудник и везет на условленное место.

Встречу разведчика, работающего под журналистской «крышей», с другим журналистом, прикрывать не надо, она хорошо легендирована. А, скажем, контакт с важным для разведки государственным чиновником – особенно в стране, где есть сильная контрразведка, – продумывается очень тщательно. В Тегеране приходилось действовать с сугубой осторожностью.

После встречи вместе с резидентом обсуждают, как она прошла. Потому что логично ожидать «подставы» со стороны контрразведки или спецслужб противника. Поэтому резидент подробно выпрашивает, как шел разговор, что говорил собеседник, как отвечал, чем интересовался. В таких ситуациях решающее значение имеет профессиональный опыт резидента, который должен почувствовать, не играют ли с ним.

В принципе, в резидентуре обычно нормальная атмосфера, после работы, чтобы снять напряжение, могут пропустить рюмочку, это не возбраняется. Сотруднику резидентуры на оперативные расходы деньги выдает резидент – в пределах определенной суммы. Если нужны дополнительные деньги, резидент обращается в Москву. У разведки есть свой бюджет, за исполнением которого следят ведомственные финансисты.

Один из ветеранов разведки жаловался, что он предлагал ввести какие-то объективные критерии оценки работы резидентуры и резидента, но этому все сопротивлялись. Потому что при назначении резидентов не всегда принимаются в расчет деловые критерии. Три критерия определяют качество разведывательной информации: секретность, достоверность и актуальность.

Шифртелеграмма, отправленная в центр, идет в два адреса: в территориальный отдел и в

информационное управление, где ее анализируют в контексте информации, которая собирается со всего мира. Угодить информационно-аналитическому управлению трудно. Сидящие там бывшие оперативники критически оценивают работу своих коллег: мало секретной информации, сведения отрывочны, фрагментарны, плохо раскрыта проблема. Таковую информацию начальству не докладывают. Резидент получает замечание.

Изгнание американцев из Ирана советские вожди восприняли как подарок. Телеграммы, отправляемые Шебаршиным из Тегерана, приобрели особое значение. Центр требовал новостей каждые два часа. А из Москвы прислали разведчика, разбиравшегося в исламе и знающего Коран.

Советские руководители предприняли короткую попытку заигрывать с аятоллой Хомейни, но она быстро провалилась. Хомейни, придя к власти, уничтожил просоветскую партию Туде. Москва смолчала, чтобы не раздражать Хомейни. Но очень быстро Хомейни дал понять, что ненавидит Советский Союз так же, как и Америку. «Америка хуже Англии, – говорил Хомейни, – Англия хуже Америки, а Россия хуже их обеих».

Слова аятоллы являлись руководством к действию. Советский Союз именовали «восточным империалистом». На здании напротив нашего посольства красовалась надпись «Смерть советским шпионам». Советская колония в Тегеране быстро сокращалась. Новые власти старались выдвинуть советских представителей из страны.

Разведывательная работа становилась опасной. Революционные толпы врывались на территорию посольства и крушили здания. Дипломаты и разведчики укрывались за железными решетками и дверями. В последний раз толпа ворвалась в посольство в марте 1988 года после того, как Саддам Хусейн приказал обстрелять Тегеран ракетами советского производства.

Работу Шебаршина в Тегеране омрачил побег в июне 1982 года его подчиненного – сотрудника резидентуры майора Владимира Андреевича Кузичкина, завербованного британской разведкой. Кузичкин был направлен в Тегеран из управления нелегальной разведки и работал с немногочисленными нелегалами из находившейся в подполье партии Туде. Шебаршин с женой отдыхали на родине в ведомственной санатории, когда его подчиненный сбежал. Леониду Владимировичу пришлось прервать отдых и давать объяснения начальству. Много лет Шебаршин не мог забыть эту историю, едва не сломавшую ему карьеру. В одном из интервью зло заметил: «Мне говорили, что в Англии он стал сильно пить. Надеюсь, что он сдох».

Шебаршин прослужил в Тегеране четыре года, вернулся в феврале 1983 года. Обычно резидента за побег подчиненного сурово наказывают. Но обошлось. Симпатизировавший ему генерал-майор Яков Прокофьевич Медяник, заместитель начальника разведки по Ближнему Востоку и Африке, посоветовал Шебаршину сидеть тихо и ждать, пока забудется побег майора Кузичкина. Но пришлось занять скромную должность, мало подходящую для того, кто уже побывал резидентом в заметной стране. Ему подобрали место заместителя начальника отдела в управлении «Р», которое обобщало опыт оперативной работы и выявляло ошибки в проведенных другими операциях. В управлении собрались оперативники, которые либо сами на чем-то прокололись, либо, как и Шебаршин, пострадали от коллеги, сбежавшего на Запад.

Генерал-лейтенант Шебаршин в пятьдесят шесть лет стал пенсионером. Он прослужил в разведке тридцать лет, но выслуга составила тридцать восемь лет: в Пакистане, Индии и Иране, где он работал, служба шла из расчета полтора года за один календарный.

Иран, хотя и сохранял посольство в Кабуле, революционный режим не признал, ввод советских войск в Афганистан осудил и всячески помогал вооруженному шиитскому сопротивлению.

Насколько реально руководители нашей страны понимали тогда происходящее в Иране?

Директор Института востоковедения Академии наук СССР Примаков создал у себя группу, в которую вошли ученые из разных отделов, и они все вместе изучали и ислам, и ситуацию в Афганистане, и деятельность исламского руководства в Иране. Выпускали аналитические сборники (в основном «для служебного пользования»).

«Когда обсуждалась ситуация в мусульманском мире, все было предельно откровенно, – вспоминал доктор исторических наук Алексей Всеволодович Малашенко. – Я не помню, чтобы кто-то чего-то боялся – во всяком случае, когда речь касалась ислама. Другое дело, что через все выступления рефреном проходила сакраментальная фраза – написать мы этого не можем. Публиковать открыто наши труды действительно было нельзя, но кое-что все-таки выходило в свет».

В Тегеране и по сей день продается переведенное на русский язык завещание имама Хомейни, полное гневных и презрительных слов в адрес Советского Союза. «Эти слова Хомейни относятся к временам советского вторжения в Афганистан и правления коммунистов, – убеждали меня руководители министерства иностранных дел Ирана. – К тому же напавший на нас Ирак был до зубов вооружен советским оружием. Тегеран бомбили самолеты советского производства. Все тогда неодобрительно отзывались о Советском Союзе».

Что же удивляться недовольству Ирана, если Москва поддерживала коммунистическое подполье. В 1984 году отвечавшие за Иран партийные чиновники обратились к руководству страны:

«Первый секретарь Народной партии Ирана (НПИ) т. А. Хавари обратился с просьбой о приеме его в СССР на спецучебу по вопросам организации нелегальной партийной работы, включая методы создания нелегальных партийных ячеек, работы со связниками, защиты партии от подрывной деятельности иранских спецслужб и т. д.

Принимая во внимание переход НПИ на нелегальное положение в связи с репрессиями против нее со стороны иранских властей, полагали бы целесообразным удовлетворить просьбу руководства НПИ принять т. А. Хавари на спецучебу в 1984 году сроком на один месяц...»

Секретариат ЦК КПСС 22 мая 1984 года принял постановление:

«1. Удовлетворить просьбу руководства Народной партии Ирана (НПИ) и принять в 1984 году Первого секретаря ЦК НПИ т. А. Хавари на срок до одного месяца на спецучебу по вопросам организации нелегальной партийной работы.

2 Прием и обслуживание т. А. Хавари возложить на Международный отдел и Управление делами ЦК КПСС, а его обучение – на Комитет государственной безопасности СССР.

3 Расходы по проезду т. А. Хавари из г. Праги до г. Москвы и обратно, а также по его проживанию в СССР, включая расходы на личные нужды до 200 рублей, отнести за счет партбюджета».

КГБ продолжал закладывать тайники с оружием для членов запрещенной Народной партии Ирана (Туде). И в декабре 1985 года по решению секретариата ЦК КПСС советские разведчики переводили нелегально через границу группы активистов Туде. А в конце 1986 года секретариат ЦК принял решение принять и разместить на территории Узбекистана активистов ЦК Организации федаинов иранского народа, которым угрожал арест в Иране.

Таким же раздражителем для Тегерана было тайное, но не оставшееся секретом сотрудничество СССР с иранскими курдами.

В мире живет примерно тридцать миллионов курдов. Это беднейший и бесправнейший народ. Это единственный в мире большой народ, не имеющий своего государства. И если кто-то проявляет интерес к его судьбе, то, как правило, ради того, чтобы натравить курдов на своих врагов.

Курды считают себя потомками древних мидийцев, создавших знаменитое Мидийское

царство. Большинство курдов исповедуют ислам и езидизм – религию, основанную на древне-иранских верованиях. В XV веке большая часть Курдистана вошла в состав Османской империи. После Первой мировой войны Курдистан был поделен между Ираном, Турцией, Ираком и Сирией. И ни одна из этих стран не хочет, чтобы возникло самостоятельное курдское государство.

Хотя был момент, когда казалось, что курды близки к удаче.

В Первой мировой войне Турция воевала на стороне Германии, потерпевшей поражение. Победители, то есть Антанта, в августе 1920 года заставили Турцию подписать Севрский мирный договор, который среди прочего предусматривал образование независимого курдского государства на севере Ирака. Но договор не был ратифицирован и просуществовал недолго. Заменивший его Лозаннский мирный договор 1923 года закрепил раздел Курдистана между четырьмя странами и уже не предполагал ни автономии, ни тем более независимости для курдов.

С тех пор разделенные курды все больше разъединяются, и страны, в которых они живут, стараются во что бы то ни стало помешать им объединиться. В странах, где живут курды, отрицается их право на автономию, даже на культурную. Курды жестко сопротивляются ассимиляции и не теряют надежды на создание Курдистана или как минимум на обретение автономии.

Территория исторического Курдистана неимоверно богата природными ископаемыми, особенно нефтью, но курды живут очень бедно. Их считают кочевниками, горцами, скотоводами, лишенными самостоятельной культуры и национального самосознания, прозябающими на самой нижней ступени социальной лестницы. Сами же курды убеждены, что ни в чем не уступают туркам, арабам, персам, другим народам.

История борьбы курдов за самостоятельность – это непрерывная история поражений. Курды разобщены, раздроблены, разделены на кланы и различные политические организации. Курды-горожане и курды-интеллектуалы слишком отдалены от подавляющего большинства курдов-крестьян. Для курдов важнее мнение главы местного клана, чем некие общенациональные идеи.

В Иране примерно шесть миллионов курдов (одиннадцать процентов населения). Большинство курдов приветствовали приход к власти аятоллы Хомейни. После свержения шаха курдам удалось создать свободные районы, где они сами были властью. Курды этнически, культурно, лингвистически очень близки к иранцам. Но исламское руководство считает Иран однонациональным государством. Последователи аятоллы Хомейни уверяют, что приверженность единой религии – шиитскому исламу – важнее этнических различий. Исламисты объявили движение курдов за автономию «западничеством» и ликвидировали самостоятельность курдских районов.

Зато Иран снабжал оружием иракских курдов. Во время ирано-иракской войны курды поддерживали иранскую армию. В ответ Саддам Хусейн применил против них химическое оружие и уничтожил целые деревни. После окончания войны в 1988 году интерес Ирана к курдам угас.

Во время операции «Буря в пустыне» в 1991 году, когда войска мирового сообщества атаковали Саддама Хусейна, иракские курды подняли восстание.

На севере Ирака в соответствии с резолюцией Организации Объединенных Наций был создан «свободный район» для курдов под охраной американских вооруженных сил. Здесь были проведены выборы в парламент. Возник некий прообраз курдского государства. Там обосновалось примерно три миллиона курдов.

Лидеры двух курдских организаций – Демократической партии Курдистана и

Патриотического союза Курдистана – Масуд Барзани и Джаляль Талабани поделили власть, был сформирован кабинет министров. Но очень быстро между двумя курдскими организациями начались разногласия, которые приобрели очень жесткий характер.

В свободный курдский район бежали турецкие и иранские курды, которые с этой территории ведут партизанскую войну. В ответ турецкая авиация бомбит позиции курдских партизан и на севере Ирака. Турция, Иран и Сирия видят, что свободный курдский район на территории Ирака подталкивает и их курдов к усилению борьбы за обретение самостоятельности.

После Второй мировой войны на территории Ирана, куда во время войны были введены советские и британские войска, не без содействия Москвы возникла курдская республика со столицей в небольшом городке Мехабаде.

22 января 1946 года в населенной курдами западной части Иранского Азербайджана Демократическая партия Курдистана провозгласила независимую Курдистанскую республику – при активном содействии советской армии. Правительство в Мехабаде поддержали около двух тысяч бойцов, прибывших из соседнего Ирака под командованием муллы Мустафы Барзани. Шахским войскам пришлось отступить. Руководство республикой осуществлял Комитет возрождения Курдистана.

Мехабадская республика просуществовала одиннадцать месяцев, до конца 1946 года. Когда советские войска были выведены с территории Ирана, Республика Курдистан была обречена. Едва Красная армия ушла, иранские части по приказу шаха вошли не только в Иранский Азербайджан, но и в его курдские районы, и восстановили власть центрального правительства.

Президента Мехабадской республики иранцы повесили. Лидер иракских курдов Мустафа Барзани, занимавший в республике пост министра обороны, вместе со своими сторонниками бежал в Советский Союз.

5 октября 1951 года политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение:

«1. Считать необходимым группу иракских курдов, проживающих в шести областях Узбекской ССР в количестве 483 человек, возглавляемую Мулла Мустафа Барзани, расселить на жительство в одном или двух районах Ташкентской области.

2. Обязать секретаря ЦК КП(б) Узбекистана т. Ниязова обеспечить жилищем и работой иракских курдов на предприятиях Садсовхозтреста министерства пищевой промышленности; принять меры к улучшению материально-бытового положения и медицинского обслуживания иракских курдов, организовать среди них политико-воспитательную и культурно-просветительную работу, а также изучение ими сельскохозяйственной техники.

3. Возложить на министерство государственной безопасности СССР (т. Игнатьева) наблюдение и контроль за выполнением настоящего постановления и проведение среди иракских курдов группы Мулла Мустафа Барзани соответствующей работы».

Генерал-лейтенант госбезопасности Судоплатов писал, что это ему поручили устроить Барзани и его три тысячи курдов, которые бежали из Ирана. Для них в Узбекистане создали курдский колхоз.

Сын Барзани Масуд потом рассказывал: «Мой отец и его соотечественники в Советском Союзе оказались на положении военнопленных. После смерти Сталина стало легче. Отца принимал сам Хрущев».

В 1959 году Барзани вернулся из Советского Союза на родину – новые власти Ирака обещали предоставить иракским курдам равноправие. Барзани был даже назначен вице-президентом страны. Но уже в 1961 году иракские войска попытались подавить движение курдов, что привело их к решению начать партизанскую войну. Барзани обосновался на севере

страны, откуда руководил борьбой против правительственных войск. Сменявшие друг друга иракские режимы высказывались за мирное решение курдской проблемы, но неизменно приходили к тому, что начинали курдов убивать.

Москва пыталась помирить курдов и правительство Ирака. Примаков был в числе тех, кто этим занимался. Его отправили к курдам, чтобы создать прямой канал общения: узнать, что происходит у курдов, чего они хотят и можно ли их убедить сотрудничать с правительством. Этот канал связи шел через ТАСС. Только сообщения Примакова в Москву не печатались в газетах, а с грифом секретности поступали в ЦК, МИД и КГБ.

Именно советская разведка многие годы поддерживала отношения с курдскими боевыми организациями. В Турции, Иране, Ираке и Сирии курдские боевые организации ведут борьбу за независимость, они считаются террористическими организациями. Многие годы Москва считала их борцами за правое дело. Курдские восстания приравнивались к национально-освободительному движению. Советский Союз тайно оказывал им помощь даже в горбачевские времена.

«ЦК КПСС

Генеральный секретарь Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК) А. Касемлу обратился к М. С. Горбачеву с посланием, в котором предлагает направить в г. Москву делегацию ДПИК для встречи с представителями КПСС. Делегация имеет в виду обсудить вопрос об оказании Советским Союзом поддержки курдскому движению в Иране, Ираке и Турции...

В настоящее время ДПИК ведет вооруженную борьбу за свержение правящего в Иране режима. КПСС официальных связей с ДПИК не имеет. В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 19 июля 1985 года закрытые контакты с руководством ДПИК осуществляются КГБ СССР. С учетом того, что приезд в СССР делегации ДПИК, даже негласный, мог бы нанести ущерб советско-иранским межгосударственным отношениям, полагали бы целесообразным пока воздержаться от установления прямых связей между КПСС и ДПИК...

А. Касемлу можно бы ответить, что мы готовы поддерживать с ним контакты по ныне существующим каналам... С первым заместителем министра иностранных дел г. Воронцовым Ю. М. и заместителем председателя КГБ СССР г. Крючковым согласовано.

Г. Корниенко,

Заместитель заведующего
международным отделом ЦК КПСС
16 сентября 1987 г.»

Такое решение и было принято. Резиденту внешней разведки в Багдаде 23 сентября 1987 года ушла шифртелеграмма:

«При очередной встрече с представителем руководства Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК) передайте ему в устной форме следующее:

В Москве получено и внимательно рассмотрено послание генерального секретаря ДПИК А. Касемлу в адрес М. С. Горбачева, содержащее предложение о направлении в г. Москву делегации ДПИК для встречи с представителями КПСС.

Нам понятна высказанная руководством ДПИК озабоченность опасным обострением обстановки на Ближнем и Среднем Востоке, связанным с наращиванием Соединенными Штатами Америки своего военного присутствия в зоне Персидского залива и на подступах к нему. Мы разделяем мнение о том, что продолжающаяся семь лет война между Ираном и Ираком принесла лишь огромный ущерб экономике и невероятные страдания народам этих двух стран.

Советский Союз неизменно выступал и продолжает выступать за скорейшее прекращение этой бессмысленной и кровопролитной войны. Советские силы с большой симпатией относятся к борьбе всех прогрессивных патриотических сил Ирана против диктатуры мусульманского духовенства, к борьбе курдского народа за свои законные права.

Что касается предложения о направлении в г. Москву делегации ДПИК, то, по нашему мнению, условия для его реализации еще не созрели. В то же время практика показывает, что интересующие обе стороны вопросы могут быть всесторонне обсуждены по уже существующим каналам связи. Со временем, по мере вызревания условий, можно будет вернуться и к рассмотрению предложения руководства ДПИК о поездке ее делегации в СССР».

Ввод войск в Афганистан и Исламская революция в Иране пробудили религиозные чувства советских мусульман.

В 1982 году в Ташкенте комитет госбезопасности провел совещание, нацеливая чекистов на активную борьбу с «реакционным мусульманским духовенством». Когда Юрий Андропов станет генеральным секретарем, он прикажет шире развернуть атеистическую работу, потому что в результате вторжения в Афганистан выросла роль исламского духовенства. В апреле 1983 года ЦК КПСС примет постановление «О мерах по идеологической изоляции реакционной части мусульманского духовенства».

Но это уже не поможет. Те, кто ввел войска в Афганистан, поспорились с мусульманским миром, непосредственно содействовали возрождению религиозных чувств среди мусульманского населения Советского Союза и стремлению исповедующих ислам народов к государственной самостоятельности. Портреты Хомейни, вызывавшего восхищение его единоверцев, стали появляться и в нашей стране.

После распада Советского Союза Иран возлагал определенные надежды на новую Россию, рассчитывая, что московские руководители, не связанные никакими обязательствами, станут продавать оружие и ядерные технологии.

Продавать Тегерану оружие было выгодным делом. Но американцы включили Иран в список стран, поддерживающих международный терроризм. И в Соединенных Штатах в 1992 году был принят закон Гора – Маккейна, который предусматривает санкции против любого государства, поставляющего оружие странам из этого списка.

Российское правительство обещало не заключать новых контрактов, а президент Билл Клинтон посулил позаботиться о том, чтобы Россия не подверглась санкциям за продажу оружия Ирану. Москва отстаивала свое право продавать Ирану оружие. И для России было сделано изъятие из закона. В 1995 году были подписаны секретные соглашения между Россией и США, которые позволяли Москве завершить поставки оружия Ирану, обещанные еще в 1980-х годах.

Эта история выплыла на свет осенью 2000 года, накануне президентских выборов США, когда республиканцы обвинили кандидата от демократической партии Альберта Гора (соавтора этого закона!) в том, что он нарушил американское законодательство, заключив такую сделку с Россией.

Фанатизм и прагматизм

В марте 1982 года триста восемьдесят лидеров шиитских общин со всего мира собрались в Тегеране и решили, что Рухолла Хомейни обязан огнем и мечом распространять ислам среди неверных. Тогда же в Иране была создана сеть учебных лагерей для террористов, на что ассигновали примерно сто миллионов долларов. В иранском министерстве иностранных дел появился департамент по делам освободительных движений (или, как его чаще именуют, по

экспорту Исламской революции).

Первым пострадал маленький Бахрейн, где по команде Хомейни поднялись местные шииты. Затем в Саудовской Аравии шииты попытались захватить здание великой мечети в Мекке, что закончилось кровопролитием.

В мае 1984 года Хомейни одобрил декрет о создании групп террористов-камикадзе. Армия получила приказ выделить лучших инструкторов для обучения полутора тысяч террористов.

Иранские агенты охотятся за представителями оппозиции, бежавшими за границу. Теперь они более осторожны, но их манера угрожать врагам создает впечатление, что они стоят с поднятым мечом. Все акции исполнялись различными террористическими организациями – не иранскими. Ведало этим 15-е управление министерства разведки и безопасности. В Тегеране заботились о том, чтобы следы убийц не вели к Ирану.

Сестра шаха принцесса Ашраф несколько лет была председателем комиссии ООН по правам человека и отвергала все обвинения в адрес тайной полиции САВАК. Ее личная жизнь не сложилась, она трижды была замужем и все три раза неудачно. После Исламской революции ее сына расстреляли в Париже – киллеры прибыли из Тегерана.

В 1984 году шиитская террористическая группа убила в Париже трех иранских эмигрантов. В апреле 1985 года подложила бомбу в кинотеатр, где шел фестиваль еврейских фильмов. Взорвала бомбу в испанском ресторане, часто посещаемом американцами, которые служат на расположенной неподалеку военной базе. Погибли восемнадцать человек, из них четырнадцать женщин.

В Мадриде шиитские террористы подложили бомбу в здание аэропорта и попытались убить ливийского дипломата – в отместку за своего духовного вождя Мусу аль-Садра, уничтоженного по приказу Каддафи. Швейцарская полиция в 1984 году арестовала в цюрихском аэропорту ливанца, который пытался провезти в Рим детонаторы, чтобы взорвать американское посольство в Италии.

По сведениям государственного департамента США, Иран ежегодно передает различным исламским террористическим группам сто миллионов долларов – небольшая сумма для страны, которая зарабатывала пятьдесят миллиардов в год от продажи нефти. Но иранцы экономны. Даже с союзниками они предпочитали расплачиваться фальшивками.

Большинство стран печатают свои деньги с помощью машин глубокой печати, гарантирующих высокое качество. Пресс давит на бумагу с усилием в пятьдесят тонн, что обеспечивает долговечность красок. Фальшивки, изготовленные другим способом, быстро выцветают.

Такие прессы стоят многие миллионы долларов. Они используются исключительно для печати денег и важнейших документов – паспортов. Продаются только правительствам. За этим следят полиция и Интерпол. В середине 1970-х с одобрения США швейцарская компания продала два прессы шахскому правительству Ирана.

Всего лишь два десятка человек в мире знают, как воспроизвести десятки тысяч мельчайших деталей на клише, с которых печатаются доллары. Но иранцам удалось: там напечатали несколько миллиардов вполне приличных фальшивых долларов. Во-первых, это решало проблему с деньгами. В начале 1990-х из-за войны с Ираком и падения цен на нефть казна опустела. Во-вторых, так наносился ущерб США.

Фальшивые деньги через Сирию доставляли в Ливан. Здесь их сдавали за полцены. Ведал этой операцией начальник сирийской разведки в Ливане. (Потом он стал министром внутренних дел Сирии и совершил самоубийство, когда началось международное расследование обстоятельств убийства ливанского премьер-министра Рафика Харири.)

Фальшивки были изготовлены так умело, что в 1997 году президент Билл Клинтон распорядился заменить все столлларовые купюры, имевшиеся в обращении. Новые купюры, будто бы, подделать немислимо.

В фальшивых деньгах очень нуждалась Хезболла. 17 августа 2006 года, на третий день после окончания военной операции Израила, она заявила, что выдст двенадцать тысяч долларов каждой семье, чей дом был разрушен во время израильских налетов. В одном Бейруте пострадали пятнадцать тысяч домов. Откуда Хезболла взяла двести миллионнов долларов, чтобы выполнить свое обещание? Помогли фальшивки.

Американцы подсчитали, что с момента свержения шаха в 1979 году иранские боевики провели двести пятнадцать операций и уничтожили больше трехсот противников исламского режима, бежавших за границу. В этом списке – убийство четырех иранских курдов на территории Ирака, двух суннитских священнослужителей в Пакистане, бывшего министра шахского правительства в Париже, члена эмигрантского Иранского национального совета сопротивления в Турции...

«Ганнибал» – так иранцы называли руководителя резидентуры Моссада в Париже. Соответственно, иранского резидента израильяне окрестили «Гладиатором». 3 сентября 1983 года из Тегерана в парижскую резидентуру иранской разведки пришел приказ «нейтрализовать Ганнибала», то есть убить израильского резидента – за его контакты с иранскими эмигрантами во Франции. Приказ должен был исполнить «Гладиатор» – Фархад Абд аль-Хасем Месбахи.

Моссад узнал о намерении иранцев и информировал французов. Полиция следила за тем, как иранский резидент выходил утром из своей богатой квартиры и на БМВ ехал в посольство или на встречу. Следили и за его женой. Выяснилось, что его главная задача – убивать врагов режима. Иранская разведка составила список сотен эмигрантов, обосновавшихся в Европе.

Первым, судя по всему, ликвидировали в декабре 1979 года Шрихада Мустафу Шафика, родственника шаха. Председатель революционного трибунала в Тегеране даже не пытался опровергнуть причастность Ирана к этому убийству. Он сказал, что «борцы за ислам» пытались убить и сестру шаха, но безуспешно.

В июле 1980 года один ливанец пытался убить бывшего премьер-министра Шапура Бахтияра, укывшегося в Париже. Ливанец промахнулся, застрелил полицейского и женщину-соседку. Ливанца судили и приговорили к пожизненному заключению. В июле 1990 года президент Франции Франсуа Миттеран его помиловал.

В середине 1980-х пятнадцать иранских эмигрантов были убиты в разных европейских странах, двадцать три – ранены. Иранцы ликвидировали свои жертвы с невероятной легкостью. Полиция была бессильна. Спецслужбы не хотели конфликтовать с иранцами – пока они расправлялись со своими, эмигрантами.

Французам это надоело. По просьбе начальника контрразведки президент Франсуа Миттеран велел министру иностранных дел объявить иранского резидента и двух его помощников персоной нон грата. Центр иранской боевой работы переместился в Вену.

Абдурахман Касемлу, руководитель Демократической партии иранского Курдистана, жил в Чехословакии. Посланцы Тегерана предложили ему встретиться в Вене и наладить отношения. Он поехал с двумя помощниками, 13 июля 1989 года их расстреляли из автоматов прямо на улице. Убийцы исчезли.

6 августа 1991 года иранцы все-таки добрались до Шапура Бахтияра. Бригада состояла из троих киллеров. Один из них был советником Бахтияра, поэтому охранявшие его полицейские их пропустили. Когда они вошли, секретарь пошел готовить чай. Бахтияр остался один. С ним расправились самым жестоким образом: перерезали горло. Когда убийцы выходили, равнодушные ко всему полицейские даже не обратили внимания на то, что их рубашки в крови.

Убийцы сели в оранжевый БМВ и уехали.

Следственным судьей назначили Жана-Луи Бружьера, который уже занимался террористическими группами. Его кабинет находился в тщательно охраняемом крыле Дворца юстиции. Стены укрепили, окна закрыли пуленепробиваемым стеклом. Судья ездил по городу на бронированной машине в сопровождении мотоциклистов и не расставался с мощным «магнумом». «Я люблю свою работу и получаю от нее огромное удовольствие, – рассказывал судья. – У меня есть ощущение миссии. Знаю, что есть политики, которые были бы счастливы, если бы я не смог провести свое расследование. Для меня это не имеет значения».

За два года он распутал клубок иранских спецслужб в Европе. Агенты разведки были найдены, арестованы и заняли место на скамье подсудимых. Объем доказательств позволил обвинить в организации терактов руководителей Ирана. Следы привели к министерству разведки и к самому министру Али Фаллахиану.

В соседней Германии по тому же следу шла немецкая полиция.

Около полуночи 18 сентября 1992 года два вооруженных пистолетами человека ворвались в заднюю комнату греческого ресторана «Миконос» в Берлине и стали стрелять в восьмерых посетителей, которые там ужинали: троих убили, четвертого смертельно ранили. Все это были курды – противники иранского режима: новый председатель Демократической партии иранского Курдистана Садек Шарафканди, представители партии в Европе, их переводчик. Террористы кричали на фарси: «Сыновья шлюхи!» Они приехали на БМВ. Водитель, тоже вооруженный, дежурил у входа.

Немецкая полиция – в отличие от австрийской – задержала двоих: одного из стрелявших (отпечатки его пальцев нашли в ресторане) и водителя. Нашли и организатора убийства, который все подготовил и снабдил киллеров всем необходимым. Немецкие следователи проделали огромную работу. Установили, что убийство курдов было делом рук сразу трех иранских ведомств – министерства разведки и безопасности, спецназа Корпуса стражей Исламской революции и армейской контрразведки. Все три ведомства имеют свои резидентуры под крышей иранского посольства в Германии.

Убийц курдов судили. Свидетелем был бывший иранский резидент в Париже, который согласился работать на немцев. Двоих убийц 4 апреля 1997 года приговорили к пожизненному заключению. В декабре 2007 года их отпустили, хотя немцы обещали Израилю этого не делать.

Уголовные власти ФРГ обвинили министра разведки Али Фаллахиана в организации убийств курдских лидеров и выдали ордер на его арест. После Исламской революции он был судьей в Абадане, прославился частым вынесением смертных приговоров, затем служил генеральным прокурором. В шиитской религиозной иерархии он носит высокое духовное звание – хужжат аль-ислам («доказательство Аллаха»; в христианской церкви это равнялось бы епископу).

Али Фаллахиан и не скрывал, чем занимается. С гордостью сказал по иранскому телевидению: «Мы находим врагов и за границей. В прошлом году нам удалось нанести решающие удары главным фигурам».

Тегеран решил, что он слишком прославился. После судебного процесса в Германии в состав нового правительства его не включили. В мае 2000 года появились сообщения о бегстве бывшего помощника Али Фаллахиана. Перебежчик служил в разведке Корпуса стражей Исламской революции. Он сообщил, что министр сформировал спецгруппу, уничтожающую оппозиционеров.

Иранские агенты обучают мусульманских террористов во многих странах. Например, в Южной Африке, в Кейптауне. Иранская разведка подписала соглашение о сотрудничестве с группой «Народ против преступности и наркотиков». Эти люди ходят на манер палестинских

террористов в масках и платках на голове. Они хотят превратить Южную Африку в исламское государство. Отношения с Ираном были установлены после того, как президент Ирана Хашеми Рафсанджани побывал в ЮАР. Люди из разведывательного ведомства нашли там единомышленников и обещали им деньги и обучение. Иранцы приглашают их к себе на подготовку в учебные центры, где особое внимание уделяется умению работать с взрывными устройствами.

Агрессивный фундаментализм, как показывает опыт Ближнего Востока и Северной Африки, быстро приводит радикально настроенную молодежь к идее террора. Террор – метод, который нравится всем, кто хочет очень быстро добиться своих целей и заполучить то, чего желает – власть, деньги, оружие. Террор – это попытка малыми средствами добиться больших целей, создания всемирного исламского государства.

4 июня 2003 года, выступая по случаю четырнадцатой годовщины смерти Хомейни, духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи возмущался: «Американцы бесстыдно обвиняют великий иранский народ в помощи международному терроризму. Весь мир знает, что Иран – в отличие от Соединенных Штатов – никогда не помог ни одному террористу. Террористами являются те, кто оккупирует чужие страны, либо, подобно Саддаму Хусейну, узурпирует власть в своей стране и не дает населению выбрать настоящее народное правительство... Упреки со стороны США в недемократичности нашей системы смешны. Американцы просто не могут осознать роль религии в нашей стране и демократии, растворенной в воздухе исламского Ирана».

Приказ: отравить!

19 сентября 1997 года шестеро агентов израильской политической разведки Моссад с поддельными канадскими паспортами прибыли в столицу Иордании и разместились в амманской пятизвездочной гостинице «ИнтерКонтиненталь», что было странным выбором, потому что в этой гостинице полным-полно иностранных журналистов и сотрудников иорданских спецслужб.

Израильские оперативники исполняли особую миссию.

За полтора месяца до этого, 30 июля 1997 года, два молодых человека в костюмах и галстуках с тяжелыми сумками появились в торговом центре в Иерусалиме. В сумках была взрывчатка... Шестнадцать человек погибли, двести были ранены.

Террористы-камикадзе сделали все, чтобы скрыть свои личности. Даже срезали этикетки с одежды, чтобы нельзя было определить, где они ее купили. Перед взрывом они прижали сумки ближе к телу, чтобы ничего не осталось. Тем не менее было установлено, что оба принадлежали к военному крылу террористической организации ХАМАС.

Премьер-министр Биньямин Нетаньяху позвонил директору Моссада генералу Дани Ятому и потребовал список ответных целей. Составили список представителей ХАМАС в Европе, которые добывали для террористов деньги и оружие. Нетаньяху список отверг: «Мне нужны их вожди, а не торговцы». Моссад доложил, что можно убить председателя политбюро палестинской террористической организации ХАМАС Халеда Машаля. Участники совещания вспоминали: «Биньямин Нетаньяху не хотел ни бомбы, ни выстрелов, что-то очень тихое, чтобы нас не обвинили».

Предложили использовать яд, который трудно потом обнаружить. Решили распылить этот яд прямо на улице. Два оперативника подойдут к главе ХАМАС сзади. Один шумно откроет баночку с содовой так, чтобы вода выплеснулась фонтаном, а другой в этот момент опрыскивает Машаля ядом... Когда тот обернется, чтобы понять, кто его облил, то увидит всего лишь двух

неуклюжих туристов с баночкой содовой. Самим боевикам предстояло после этого принять противоядие, чтобы избежать отравления.

Они некоторое время практиковались на улицах Тель-Авива, обливая прохожих кока-колой. В середине сентября передовая группа отправилась в Иорданию. Обычные документы прикрытия только что использовались, поэтому им дали новые комплекты документов – канадские.

Это была та же группа, которая ликвидировала руководителя «Исламского джихада» Фатхи Шкаки, рассчиталась с начальником разведки ООП Атефом Бсейсо за его участие в теракте на мюнхенской Олимпиаде в 1972-м и устранила канадского инженера Джеральда Булла, создававшего суперпушку для Саддама Хусейна. В Амман отправили и врача с противоядием – на всякий случай.

Большая часть группы остановилась в отеле «ИнтерКонтиненталь». Она взяли напрокат машину «хёндэ» и мобильные телефоны. План был таков: утром ждать Машаля у его дома и следовать за ним. Один оперативник находится там, куда глава ХАМАС каждый день приезжает на службу. Он подаст сигнал: подъезжает. И вот тогда начинают двигаться ему навстречу два оперативника.

Нетаньяху требовал ускорить операцию.

Утром 25 сентября 1997 года решили действовать.

Боевики Моссада недостаточно долго следили за Машалем и не знали, что иногда он берет с собой детей.

В десять тридцать пять утра машина подъехала. Председатель политбюро террористической организации ХАМАС Халед Машаль вышел из машины. Руководитель операции дал сигнал действовать. Боевики с ядом двинулись ему навстречу. Средств оперативной связи у них не было. Остановить их было невозможно. Вдруг девочка выскочила из машины и побежала за отцом с криком: «Папа! Папа!» Водитель побежал за ней. Боевики, которые все еще не видели девочку, уже приблизились к Машалю. Один из них поднял миниатюрную серебристую канистру с ядом, которая была прикреплена к его руке. Другой начал открывать баночку с кока-колой. Его увидел водитель. Ему показалось, что этот человек собирается ударить Машаля ножом, и закричал: «Халед! Халед!» Машаль повернулся, и струя яда попала в него по касательной. В принципе это не имело значения. Но Машаль увидел, что его облили какой-то жидкостью, и почувствовал что-то вроде электрошока. Он закричал от страха и побежал. Водитель, подхватив девочку, бежал за ним.

Оперативники спешили покинуть место операции. Но неприятности только начинались. В этот момент появился боевик ХАМАС Мохаммад Абу Сайяф. Он не понял, что произошло, но увидел, что Машаль бежит в одну сторону, а два каких-то человека – в другую, и бросился за ними. Когда оперативники Моссада сели в машину, он записал номер. Водитель это заметил. Но не видел, что Абу Сайяф следует за ними.

Они попали в пробку и приняли неправильное решение: велели водителю их высадить. Они говорили потом, что хотели выбраться из машины, раз ее номер засечен. На самом деле им было разумнее уехать подальше и скрыться – у них было бы время избавиться от машины.

Когда они вылезли из машины, появился Абу, который прошел подготовку в афганских лагерях и владел искусством ближнего боя. Он бросился на одного из оперативников и порвал на нем рубашку. Второй дважды ударил Абу, тот залился кровью. И это привлекло внимание публики: два иностранца бьют местного. Оперативникам надо было сразу бежать, но они потратили несколько драгоценных минут, пока не уложили Абу.

Появившийся полицейский вырвал обоих из рук разгневанной толпы. Абу ничего не мог объяснить, но полицейский забрал всех в участок. Они не сопротивлялись, считая, что у них

надежные документы. Через два часа приехал канадский консул в Аммане. Он зашел в камеру, спросил арестованных, где они родились, задал несколько вопросов о Канаде. Выйдя из камеры, раздраженно бросил иорданским полицейским: «Я не знаю, кто они. Но не канадцы».

Иорданские следователи умеют вести допрос, задержанные быстро признались, что служат в израильской разведке Моссад. Правительство Канады в знак протеста против использования оперативниками Моссада поддельных канадских паспортов отозвало посла из Израиля. Он вернулся только после того, как министр иностранных дел Израиля принес Канаде официальные извинения и пообещал, что это не повторится.

Женщина-оперативник побежала к старшему группы. «Я плавал в бассейне отеля, – вспоминал Бен-Давид, – когда она появилась, хотя мы не должны были встречаться. По ее лицу я понял: случилось что-то плохое. Я связался с Израилем и получил приказ забрать всех членов группы отсюда, где они скрывались, и доставить их в израильское посольство».

Когда оповестили Нетаньяху, он позвонил королю Хусейну и попросил немедленно принять директора Моссада генерала Ятома. Нетаньяху не назвал тему. Король решил, что речь идет о предложении ХАМАС заключить перемирие. Выслушав Ятома, разгневанный Хусейн вышел из комнаты. Ситуацию испортил присутствовавший при разговоре начальник иорданской разведки генерал Самих аль-Батихи, который подлил масла в огонь. Без него могли бы все урегулировать.

Моссад попросил местного резидента ЦРУ Стэна Московича вмешаться и помочь вызволить израильских агентов из Иордании. Но директор ЦРУ Джордж Тенет велел ему не вмешиваться.

Четверо мнимых канадцев, обеспечивавших операцию и разместившихся в той же гостинице, исчезли, бросив свои вещи. Иорданские спецслужбы быстро установили, что они укрылись в израильском посольстве в Аммане.

Халеда Машаль тем временем доставили в больницу. Он все еще был жив. Но его состояние ухудшалось буквально на глазах. Он начал задыхаться. В больнице Машаль подключили к аппарату искусственного дыхания. Иорданские врачи, сделав необходимые анализы, установили, что он отравлен. Они делали все, чтобы облегчить состояние отравленного, но спасти его не могли.

Королю Иордании Хусейну доложили, что врачи не знают вещество, которым был отравлен Машаль, поэтому не в состоянии подобрать противоядие, а без него руководитель ХАМАС не проживет и двух дней. Разгневанный король позвонил премьер-министру Израиля Биньямину Нетаньяху и потребовал, во-первых, сообщить, какой яд был использован, и, во-вторых, прислать компетентных врачей или противоядие. Хусейн пригрозил, что, если Халед Машаль умрет, пойманных израильтян будут судить, приговорят к смертной казни и повесят.

Мирный договор между Иорданией и Израилем был подписан всего за три года до этого, 26 октября 1994 года. Конечно, настоящего мира не было. Всего за полгода до описываемых событий на границе иорданский солдат внезапно открыл огонь по автобусу с израильскими детьми. Это была школьная экскурсия. Детей привезли, чтобы они своими глазами увидели: израильско-иорданская граница стала границей мира. Иорданец застрелил семь школьников и ранил пять. Тогда король Хусейн прилетел в Израиль и преклонил колени перед родственниками жертв. Вот поэтому в Израиле дорожили отношениями с королем Хусейном.

Премьер-министр Нетаньяху приказал немедленно передать противоядие иорданцам. Но израильтянам не поверили. Король Иордании позвонил президенту Соединенных Штатов Биллу Клинтону и поделился своими сомнениями: он не знает, можно ли ввести больному присланный из Израиля шприц с лекарством, а вдруг это попытка добить лидера ХАМАС?

Американцы прислали надежного врача, который потребовал от израильтян дополнительной информации относительно яда и противоядия, прежде чем успокоить короля. Нетаньяху распорядился сообщить еще и химическую формулу препарата.

Бен-Давид, все еще находившийся в Аммане, решил уничтожить противоядие, которым его снабдили, потому что никому из агентов оно не понадобилось, а при аресте было бы опасной уликой. И тут он получил приказ, которому просто не поверил. Ему велели вместе с капитаном из иорданской разведки отправиться в больницу, где лежит Машаль, и отдать противоядие врачам, чтобы они спасли жизнь Машалю, которого уже подключили к аппарату искусственного дыхания.

Они отправились в больницу втроем: иорданский капитан, который смотрел на них с ненавистью, руководитель группы и женщина-врач. Она намеревалась сама дать противоядие. Но иорданцы не позволили ей приблизиться к умирающему лидеру ХАМАС. Иорданский врач взял препарат и сам ввел его Машалю. Тот очень быстро поправился.

Иначе говоря, Биньямин Нетаньяху спас человека, которого перед этим приказал убить. Руководитель ХАМАС воспринимался в Израиле как террорист номер один.

ХАМАС – аббревиатура арабского названия организации «Харакат аль-Мукавама аль-Исламия» («Исламское движение сопротивления»). Оно было создано 14 декабря 1987 года и обещает очистить Палестину от евреев. ХАМАС считает себя частью всемирного исламского движения «Братья-мусульмане». Оно ставит перед собой задачу захватить власть в каждой отдельной арабской стране, чтобы в конечном итоге образовать единое исламское государство.

Среди героев ХАМАС – убитый в Чечне иорданец Абдель Рахман аль-Хаттаб, который сражался вместе с Шамилем Басаевым против федеральных войск. Хаттаба, считавшегося одним из самых жестоких полевых командиров в Чечне, палестинцы считают и своим героем. Ему посвящены такие слова: «О великий воин-герой, чьи глаза полны слез мечты! Аллах забрал твою жизнь в эпоху, когда все в мире извратилось, а люди потеряли разум. Ты отказался от брэнного мира и его услад во имя веры».

ХАМАС значительно радикальнее ООП. Он отрицает право еврейского государства на существование и поэтому не признает мирного договора между ООП и Израилем. Вожди ХАМАС считали Ясира Арафата предателем, потому что он ради создания независимого палестинского государства согласился на переговоры с израильтянами, вместо того чтобы их убивать. В свое время руководители ООП назовут ХАМАС «бандой убийц».

Первую боевую акцию террористы ХАМАС провели 18 февраля 1989 года, убив израильского военного. Главным тактическим приемом стали акции добровольцев-смертников, когда юноша или девушка взрывали себя на людной улице, на рынке, в кафе или в рейсовом автобусе.

30 июля 1997 года израильский кабинет министров срочно собрался в Иерусалиме. Министры обсуждали только один вопрос: как ответить на серию взрывов, организованных ХАМАС, в результате которых погибли шестнадцать человек? Больше всего досталось контрразведке Шин-бет за неспособность совладать с подрывниками ХАМАС. Но работать Шин-бет стало значительно труднее, после того как в Осло, столице Норвегии, после долгих секретных переговоров осенью 1993 года израильтяне согласились на создание независимого палестинского государства. Контрразведка лишилась права свободно действовать на палестинских территориях. Имелось в виду, что теперь палестинская полиция будет бороться с террористами. Начальник Шин-бет говорил тогда, что соглашение, подписанное в Осло, – это большая ошибка: палестинская полиция не станет сажать за решетку тех, кто борется с Израилем.

После каждого кровопролития, устроенного ХАМАС, израильские министры задавали

себе вопрос, как остановить террор. Один из них горько сказал на заседании кабинета: «Невозможно видеть по телевизору восьмилетнюю девочку, которая в ужасе рассказывает о том, как она увидела свою подружку без головы, а потом поняла, что голова лежит рядом, отдельно от тела».

Премьер-министр Биньямин Нетаньяху всегда требовал самых жестких мер против террористов. Его старший брат подполковник Йонатан Нетаньяху командовал группой спецназа, которая освободила пассажиров самолета авиакомпании «Эйр Франс», захваченного террористами. Его дед эмигрировал в Палестину из Литвы в 1920 году и взял фамилию Нетаньяху, которая в переводе с иврита означает «Божий подарок». Похоже, внук принимает значение своей фамилии всерьез. Биньямин Нетаньяху крайне самоуверенный человек. Это заметно по его мимике, интонациям, выражению лица.

Он не собирался заниматься политикой. В родительском доме политику презирали. В четырнадцать лет Биби, как его называют с детства, оказался в Соединенных Штатах, где его отец преподавал в колледже. Биньямин Нетаньяху получил ученую степень по архитектуре и менеджменту в одном из лучших американских учебных заведений – Массачусетском технологическом институте и работал в Бостоне. Затем он вернулся в Израиль, чтобы прослужить пять лет в элитном подразделении спецназа.

Нетаньяху произвел впечатление на израильтян как человек, преуспевший в самой Америке, и одновременно как человек, который служил в спецназе и поэтому свой. Он служил в подразделении, которое в 1976 году штурмовало захваченный террористами самолет в аэропорту Тель-Авива. Через много лет, когда в октябре 2002 года чеченские боевики взяли в Москве заложников, Нетаньяху говорил российским журналистам: «Тогда арабские террористы захватили в аэропорту имени Бен-Гуриона самолет авиакомпании „Сабена“ и выдвинули требование освободить из тюрем их соратников. Наше командование приняло решение взять самолет штурмом. Когда участвуешь в такой операции, оказываешься перед непростой дилеммой. С одной стороны, надо обеспечить максимальную плотность огня, чтобы мгновенно уничтожить или вывести из строя всех террористов. А с другой, сократить применение огнестрельного оружия, чтобы не нанести ущерб заложникам. С этой мыслью и бросаешься в бой. О своей жизни в этот момент не думаешь...»

Не меньшее впечатление произвел Нетаньяху, когда в телевизионном интервью признал, что у него, женатого человека, был роман на стороне. Предмет его отнюдь не тайной симпатии Рут Бар – сотрудница партийного аппарата, которая умело сочетала женский шарм с интеллектуальным блеском. Нетаньяху признался, что не всегда был верен своей жене, но это не оттолкнуло от него людей.

В Израиле не привыкли к романам политиков на стороне. Почему же он признался в телеинтервью в своей неверности? Он говорил, что его шантажировали, что обещали показать некую кассету, на которой он запечатлен в неподобающем виде. Но полиция кассету не нашла. Он стал лидером партии, а его жена завоевала право командовать им. Она повсюду сопровождала мужа. Это настолько неожиданно для Израиля, что устроители церемонии по случаю вступления Нетаньяху в должность премьер-министра забыли зарезервировать для нее место. В результате она села в кресло, предназначенное для Нетаньяху, а ему принесли еще одно.

Нетаньяху – олицетворение мужского начала, при этом он, похоже, подкаблучник. Дважды жена вызывала его с заседания кабинета министров, чтобы он отвез ребенка к врачу. Ему даже сочувствовали. Поговаривали, что брак не очень удачный, что жена хотела развестись с ним, когда выяснилось, что у него был роман. Но они заключили нечто вроде соглашения: она не уходит, но получает право вести активную социальную жизнь. Жена Нетаньяху говорит, что

это вранье, что она достаточно молода и могла бы устроить свою жизнь иначе. Но они просто сумели восстановить свою любовь и сохранить брак: «Мы любим друг друга».

Незадолго до неудачной операции Моссада в Иордании скандал разразился из-за жены Нетаньяху, которой изменила выдержка во время телеинтервью, когда ей задали вопрос: правда ли, что она помешала назначению на пост министра женщины, которую подозревает в связи с Нетаньяху? Еще хуже она реагировала на вопрос, всегда ли ее муж хранит супружескую верность. Она закричала: «Пусть Соня Перес моет посуду и играет в карты! Это не значит, что я должна делать то же самое. Я женщина с образованием».

Первые леди в Израиле всегда держались в тени, уж как минимум не давали интервью. Жены премьеров могли спокойно ходить по улицам, их никто не знал в лицо. Жене старейшего политика Шимона Переса Соне пришлось показывать документы, потому что ее не пускали к мужу.

Нетаньяху считал себя человеком, которого провидение прислало в последнюю минуту спасти страну, как когда-то его старшего брата отправили выручать пассажиров самолета, угнанного в Энтеббе. Израильские лидеры старшего поколения думали о том, как побыстрее установить мир с соседями. Они жили с ощущением хрупкости Израиля. У Нетаньяху такого чувства не было. Он считал, что руководит государством, которое может дать отпор и никого не должно бояться.

Он приказал Моссаду нанести по террористам ответный удар. Руководство ХАМАС укрылось в Иордании, туда и отправили оперативную группу.

Биньямин Нетаньяху – умнее и тоньше, чем кажется. Он быстро вникает в детали и нетерпим к чужим недостаткам. Он не упустит случая поддеть сотрудника, который соображает не так быстро, как он сам. В результате мало кому из его помощников хватает смелости предложить премьер-министру не торопиться, еще подумать, поискать иное решение... У Нетаньяху всегда готов ответ на любой вопрос. Но не всегда – правильный. Если бы он тогда обратился к компетентным людям, ему бы отсоветовали проводить операцию на территории Иордании.

Премьер-министр Нетаньяху, как и его предшественник Шимон Перес, получил свою долю неприятностей из-за промахов спецслужб. Главе правительства часто приходилось оправдываться за их ошибки. Человек, достигший поста премьер-министра, не может быть настолько наивен, чтобы полагать, будто спецслужбы способны работать в белых перчатках. И все же много раз в своей жизни премьер-министр изумленно вскидывал брови: да как же все это могло получиться! А теперь он должен был сам заниматься ликвидацией ущерба.

По его указанию директор Моссада Дани Ятом вылетел в Иорданию. Ему дали возможность встретиться с королем Хусейном, но тот ничего не хотел слышать. Король чувствовал себя преданным теми, с кем подружился и кому доверял. Только что директор Моссада сам вместе с семьей провел прекрасный уикенд в Иордании – и после этого устроил на иорданской земле такую операцию! Король Хусейн этого не понимал.

Всю ночь Нетаньяху провел в штаб-квартире Моссада. Он сам руководил поисками решения этого тяжелого кризиса. Вместе с ним были руководители разведывательных ведомств и начальник генерального штаба. Все понимали, что для Иордании надо что-то сделать, чтобы восстановить отношения. Обсуждали различные предложения – передать иорданской армии инфракрасные ночные прицелы для танков, взяться за модернизацию иорданской военной авиации... Но все это было не то.

Нетаньяху распорядился вызвать в Иерусалим израильского посла при Европейском союзе Эфраима Халеви, который прежде работал в Моссаде и отвечал за поддержание тайных отношений с Иорданией. Он приложил немало усилий к подписанию мирного соглашения

между двумя странами в 1994 году. Когда Халеви был заместителем директора Моссада, то установил почти что дружеские отношения с королем Хусейном.

Нетаньяху исходил из того, что Эфраим Халеви, возможно, единственный человек, с которым король согласится говорить. Как только Халеви прилетел, его прямо из аэропорта повезли в Моссад. «Они хотели сразу же ввести меня в курс дела и рассказать детали провалившейся операции, – вспоминал он. – Но я просил мне ничего не рассказывать. Объяснил недавним коллегам: чем меньше я знаю, тем лучше. Я ведь уже не служу в разведке. Когда и если я встречу со своими иорданскими друзьями, важно, чтобы они мне верили – я не имел никакого отношения к этой операции и ничего о ней не знаю».

А ситуация все ухудшалась. Стало известно, что король намерен приостановить действие договора с Израилем и потребовал передать ему укрывшихся в посольстве четверых агентов Моссада, чтобы они предстали перед судом. Если они не сдадутся, он прикажет силам безопасности взять посольство штурмом...

Эфраим Халеви понимал, в каком невыносимо тяжелом положении оказался король Иордании, который помнил, как и за что убили его деда.

20 июля 1951 года, в пятницу, когда мусульмане возносят молитву Аллаху, король Иордании Абдалла ибн-Хусейн появился перед двумя великими святынями ислама на Храмовой площади.

Когда-то здесь стоял иудейский храм Соломона, от которого осталась только часть наружной ограды – Стена плача, превращенная иорданцами в мусорную свалку. По соглашению о перемирии 1949 года израильтяне должны были получить доступ к своим религиозным святыням. Но в арабскую часть города их не пускали.

Мечеть Аль-Акса была воздвигнута во славу пророка Мохаммада, который вознесся отсюда на небо. Король Абдалла считал себя прямым потомком пророка в тридцать седьмом колене. Короля сопровождали пятнадцатилетний внук и несколько телохранителей.

Шейх большой Иерусалимской мечети хотел поцеловать королю руку. Телохранители, пропуская его, отступили, и тогда какой-то молодой человек подскочил к королю и выстрелил ему в голову. Телохранители короля, вместо того чтобы схватить убийцу, застрелили его и открыли огонь по обезумевшей от страха толпе. Погибло еще двадцать ни в чем неповинных человек.

Иорданского короля убили, потому что он собирался помириться с Израилем. На следующий день, в субботу, король должен был тайно встретиться с двумя израильскими дипломатами – преступное, по мнению многих ближневосточных политиков, дело для араба. Современная история Ближнего Востока, в определенном смысле – реестр несбывшихся надежд и нереализованных возможностей. Эта история была бы менее кровавой, если бы 20 июля 1951 года не убили иорданского короля Абдаллу I. Его смерть была грозным предупреждением каждому арабскому политику, который задумывался о мире с Израилем.

Абдалла I сам создал себе королевство. В ноябре 1920 года с небольшой свитой он приехал в маленький город Амман, где было всего несколько тысяч жителей, в основном выходцы с Кавказа – черкесы (в Иордании черкесами именовали также и кабардинцев, лезгин, осетин), которые служили в качестве наемников в турецкой армии, и провозгласил себя королем.

Англичане собирались прогнать новоявленного короля. Но министр по колониальным делам Уинстон Черчилль решил, что небольшое буферное государство между евреями, сирийцами, иракцами и саудитами Британской империи не повредит, и оказался прав. Черчилль создал для Абдаллы эмират Трансиордания с населением двести тридцать тысяч жителей, немалую часть которых составляли кочующие бедуины.

23 апреля 1950 года парламент в Аммане провозгласил создание единого Иорданского Хашимитского Королевства. В правительство были включены палестинцы Западного берега реки Иордан. Абдалла обещал, что любой палестинец, который пожелает стать его подданным, получит иорданский паспорт.

В его королевстве оказалось четыреста пятьдесят тысяч иорданцев и девятьсот тысяч беженцев из Палестины. Многие из них ненавидели короля: он вовсе не собирался помогать палестинским арабам сбросить евреев в море и создать свое государство.

После смерти Абдаллы трон должен был наследовать его сын – принц эмир Талал, но он царствовал только девять месяцев. Его отстранили от власти по причине психического нездоровья. Королем стал несовершеннолетний внук убитого Абдаллы принц Хусейн.

Король Хусейн I, как и его дед, король Абдалла I, был наделен обаянием и отвагой. Он мог спокойно появиться посреди беснующейся толпы или посетить мятежную воинскую часть, не взяв с собой охраны и не боясь за свою жизнь.

Хусейн не меньше своего деда был расположен к Израилю, но понимал, как трудно убедить в необходимости мира собственных подданных, большую часть которых составляют палестинские арабы. В отличие от деда он был просвещенным монархом и понимал пределы своей власти. Он знал, что не может делать то, что не понравится его подданным и арабскому миру в целом.

В самой плодородной и богатой части Иорданского Хашимитского Королевства живут палестинцы, которые считают, что его дед – эмир Абдалла, основатель Хашимитского Королевства, предал палестинское дело и пошел на союз с Израилем. Многие населяющие Иорданию палестинцы вообще считают королевство искусственным образованием.

Короля Хусейна всегда тревожила перспектива создания независимого палестинского государства. Он понимал, что рано или поздно палестинцы захотят получить и часть территории Иордании, что никак не устраивало короля. Но одновременно он старался не ссориться с палестинскими боевыми организациями и позволял им использовать территорию Иордании для вылазок против Израиля.

Его уступчивость приняли за слабость. Летом 1970-го боевики Ясира Арафата фактически пытались взять власть в Иордании и убить короля. Чаша терпения Хусейна переполнилась. Король приказал верным ему армейским частям, состоявшим из бедуинов, очистить страну от палестинских боевиков.

Король Хусейн несколько раз тайно встречался с израильскими политиками. Накануне Октябрьской войны 1973 года король Иордании Хусейн, сев в вертолет, сам тайно прилетел в Иерусалим и сказал премьер-министру Израиля Голде Меир, что сирийская армия вот уже два дня как приведена в боевую готовность. Это может означать только подготовку к новой войне. Хусейн и Голда Меир разговаривали на секретном объекте, принадлежавшем Моссаду. Сохранилась запись беседы. Не поверив иорданскому королю, Голда Меир совершила непоправимую ошибку.

Но предложить Израилю мир он решился только в 1994 году. Он до конца своих дней не мог забыть, как 20 июля 1951 года на его глазах у большой Иерусалимской мечети был убит его дед – король Абдалла I – только за то, что он хотел заключить мир с Израилем.

Попытка израильтян убить Халеда Машала возмутила короля, потому что израильтяне поставили его в тяжелое положение. Агенты Моссада пытались убить подданного Иордании, лидера ХАМАС, тесно связанного с опасной организацией «Братья-мусульмане», в самом центре столицы, неподалеку от здания правительства...

И тогда Эфраим Халеви, который хорошо знал короля, сказал, что есть только один способ спасти положение и выручить из беды своих людей – выпустить из израильской тюрьмы

духовного вождя ХАМАС шейха Ахмеда Ясина. Это поможет королю Иордании предстать перед своими подданными королем, который заботится о палестинцах.

Ахмед Исмаил Ясин родился в 1936 году в деревне рядом с городом Ашкелоном. Занимаясь гимнастикой с приятелями, он повредил себе позвоночник, так что с шестнадцати лет частично парализован. Но это не помешало ему завести одиннадцать детей – восемь девочек и троих мальчиков.

Упорный Ясин научился ходить на костылях, но в основном передвигался в коляске. Он изучал арабскую литературу в Египте, в исламском университете Айн-Шамс, а вернувшись в Газу, учительствовал в школе и проповедовал в мечети. Еще в 1955 году он вступил в организацию «Братья-мусульмане». Египтяне при Насере посадили его в тюрьму. По иронии судьбы свободой он был обязан израильтянам. Они отпустили инвалида, когда после Шестидневной войны 1967 года взяли под контроль сектор Газы. Но Ясин не испытывал к ним благодарности. Наоборот. После иранской революции он создал в Газе отделение сходной с «Братьями-мусульманами» египетской радикальной организации «Аль-Джамаа аль-Исламия» («Исламская группа»). Это был своего рода клуб для своих, в котором Ясин объяснял палестинцам в Газе, что им следует делать. Он вновь и вновь повторял, что Израиль – «сионистская раковая опухоль», которую надо вырезать.

Похоже, поначалу израильтяне ему не мешали, потому что шейх Ясин ненавидел Ясира Арафата и его людей из ООП – говорил, что они едят свинину и пьют алкоголь. Ясин называл руководителя палестинской автономии «инструментом израильской разведки» и считал, что соглашение с Израилем узаконило раздел Палестины, которая может принадлежать только арабам.

В 1984 году Ясина арестовали за хранение оружия в мечети. Его приговорили к тринадцати годам, но через год выпустили вместе с еще тысячей палестинцев, которых обменяли на троих израильских солдат, взятых в плен в Ливане. Потом он опять попал в тюрьму. Находясь за решеткой, шейх Ясин повторял: «Ислам победит, потому что нас большинство. Израиль может оттягивать момент последней битвы, но мы все равно победим».

В 1992 году военное крыло ХАМАС приступило к боевым действиям. Главным тактическим приемом стали акции добровольцев-смертников, когда молодой парень или девушка взрывали себя на людной улице, на рынке или в рейсовом автобусе.

Самая большая группа подрывников была подготовлена, когда в декабре 1993 года Израиль под давлением Соединенных Штатов разрешил вернуться в страну четыреста пятнадцати активистам ХАМАС и «Исламского джихада». Выслали их годом ранее, когда боевики ХАМАС убили израильского пограничника. Высланные жили в лагере, где иранские стражи революции учили их искусству готовить мины и их закладывать. Урок пошел впрок.

Когда им разрешили вернуться, израильтяне их обыскали, но ничего не нашли. Взрывчатка – точнее, методы ее изготовления – была у них в голове. Один из активистов ХАМАС ловко мастерил взрывные устройства. Террориста звали Яхья Айяш, и он носил кличку Инженер. Он родился в 1966 году, в 1988-м окончил университет на Западном берегу по специальности инженер-электрик. Он соорудил бомбы, которыми были убиты семьдесят мирных жителей и двести пятьдесят ранены. Его искали четыре года.

Он скрывался на Западном берегу реки Иордан, населенном арабами. Неприметный человек ни у кого не вызывал подозрений. Но и у него обнаружилось слабое место: с другими террористами он связывался по мобильному телефону. Незаменимая новинка нашего времени погубила изобретательного террориста.

5 января 1996 года один из немногих, кто знал, в какой квартире в секторе Газы скрывается Инженер, зашел его навестить. Яхья Айяш опасался, что израильтяне могут

подслушивать его телефонные разговоры, и попросил купить ему новый аппарат. Тот принес другой телефон. Правда, не сказал, что не стал тратить деньги, а взял бесплатно у своего куратора из Шин-бет.

Яхья Айяш позвонил отцу. Убедившись по голосу, что говорит именно он, сотрудники контрразведки взорвали триста сорок граммов взрывчатки, вмонтированной в телефон. Инженер отправился в мир иной.

Многие сочли эту акцию справедливой. Око за око. Убив семьдесят человек, Инженер заслужил смертную казнь. Ораторы ХАМАС обещали на его похоронах волну атак против израильтян. «Врата ада открыты!» – сулили они.

Боевики ХАМАС взорвали пассажирский автобус в Иерусалиме. Погибли шестьдесят человек. Террористы объявили, что мстят за Инженера. И вскоре появился Инженер-2. Его звали Мухи ад-Дин Шариф. Он подготовил целое поколение диверсантов-подрывников.

Инженер-2 был неуловим. Однажды его почти настигли, но ему удалось убежать из дома за какие-то секунды до того, как за ним приехала полиция. В другой раз полицейские обстреляли подозрительную машину, которая не подчинилась приказу остановиться. Один из пассажиров был убит, другой скрылся. Считается, что это был Инженер-2.

Он готовил группу боевиков, которая намеревалась убить Ясира Арафата в надежде, что власть над палестинскими территориями перейдет к лидерам ХАМАС. Он вел себя крайне осторожно, встречался только с теми, кого давно знал, постоянно менял квартиры и иногда переодевался в женскую одежду. И все-таки сотрудники контрразведки Шин-бет его выследили. Его застрелили, когда он сидел в машине, автомобиль взорвали. Останки террориста были так изуродованы, что на опознание ушло несколько дней...

Вот почему израильские спецслужбы категорически отвергли предложение Халеви вновь отпустить Ясина. За три года до этого боевики ХАМАС похитили израильского солдата и потребовали в обмен на его освобождение отпустить шейха Ясина. Тогдашний премьер-министр Ицхак Рабин отверг сделку и приказал силой освободить заложника. Операция оказалась неудачной. Захваченный террористами солдат и командир группы спецназа погибли. Неужели после этой трагедии израильское общество согласится отпустить Ясина, олицетворяющего смерть?

Эфраим Халеви объяснял: если король Хусейн отпустит арестованных в Аммане агентов Моссада просто так, он не сможет смотреть в глаза своим спецслужбам – его сочтут продавшимися израильтянам. Это может привести к разрыву отношений между двумя странами. «Твоя идея, ты и звони премьер-министру», – предложили коллеги. Биньямин Нетаньяху тоже отверг это предложение: «Нет! Выпустить Ясина из тюрьмы – это невозможно, и я даже не желаю это обсуждать. Предложите что-то другое».

Но к утру Нетаньяху передумал. Он уже принял одно смелое решение, когда отправил в Амман врача с противоядием. Нетаньяху понял, что если председатель политбюро ХАМАС Машаль умрет, ситуация будет в десять раз хуже. Если для спасения людей и отношений между двумя государствами нужно отпустить шейха Ясина, значит, он обязан это сделать. Эфраим Халеви отправился в Амман.

Выслушав своего гостя, король сказал, что освобождение Ясина – это, пожалуй, действительно хорошая идея, но официально ее должен изложить сам премьер-министр Израиля. Халеви ответил, что Нетаньяху, разумеется, прилетит этим же вечером.

Когда атмосфера смягчилась, Халеви обратился к Хусейну:

– Ваше величество, могу ли я попросить вас проявить королевское милосердие? Разрешите тем четверым израильтянам, которые сидят в посольстве, уехать.

– Забирайте их, – великодушно сказал король.

– И, если можно, – продолжал Халеви, – дайте знать тем двоим, что сидят в вашей тюрьме: мы делаем все, чтобы вернуть их домой.

Король вновь согласно кивнул.

Эфраим Халеви немедленно позвонил домой, чтобы прислали военный вертолет. Через полчаса неудачливые сотрудники Моссада, которые укрылись в израильском посольстве в Аммане, были в воздухе. От Аммана до Иерусалима всего двадцать минут лета.

Около полуночи израильский военный вертолет вновь взмыл в воздух – в Амман извиняться перед королем полетели глава правительства Нетаньяху, министр обороны Ицхак Мордехай, министр иностранных дел Ариэль Шарон и их помощники. Когда они подлетели к Амману, выяснилось, что иорданцы их почему-то не ждут. Где-то произошел сбой. Полчаса вертолет кружил над землей. В темноте пилот не мог найти место, куда можно было бы сесть.

Нервное напряжение достигло предела. Халеви несколько раз предложил главе правительства вернуться – находиться в воздухе так долго слишком опасно. Их могут сбить. Нетаньяху не хотел и слышать о возвращении. Наконец, появился иорданский вертолет, который показал, куда садиться.

Король Хусейн Нетаньяху не принял. С израильтянами беседовал его сын – наследный принц Абдалла, единственный арабский лидер, который свободно говорит на иврите. (Молодой принц взойдет на престол после смерти Хусейна.)

На следующий день шейх Ясин был освобожден и через Амман прибыл в сектор Газа, где ему была устроена торжественная встреча. Король Хусейн предстал перед своими подданными и палестинцами на оккупированных территориях человеком, способным совершить невозможное. В этой ситуации никто не посмел попрекнуть его тем, что он отпустил израильтян. Помимо шейха Ясина Израилю пришлось освободить еще семьдесят палестинских заключенных.

Кроме того, король Хусейн потребовал убрать из израильского посольства в Аммане всех сотрудников разведки. Король заявил, что отказывается от сотрудничества с Израилем в сфере безопасности, пока люди, ответственные за покушение на Машаля, остаются на службе в Моссаде. А ведь именно резидентура Моссада в Аммане была главным центром по добыванию информации о ситуации в Сирии и Ираке! Кроме того, Моссад сотрудничал с иорданскими коллегами в борьбе против палестинских террористов. Нетаньяху пришлось принять все требования иорданцев. Только после этого король Хусейн сам позвонил премьер-министру Израиля. Это означало, что инцидент исчерпан.

Халед Машаль полностью оправился, но отказывался признавать, что его спасло израильское противоядие. «Меня спас Аллах, – восторженно говорил он. – Тот, кто верит в Аллаха, в его дело и в его правоту, способен справиться с чем угодно...»

Директор Моссада Дани Ятом, который провел такую неудачную операцию, в феврале 1998 года ушел в отставку. Его сменил Эфраим Халеви, столь успешно уладивший это дело.

Иорданскому королю совсем не нравилось, что руководители ХАМАС облюбовали столицу его государства. Ничего кроме неприятностей от этих людей ожидать не приходилось. Пару лет иорданцам пришлось выждать, а в сентябре 1999 года Иордания закрыла представительство ХАМАС в Аммане, считая, что присутствие палестинских террористов так же опасно, как в свое время присутствие боевых отрядов Ясира Арафата, которые были изгнаны из страны осенью 1970 года. Прилетевшие из Ирана лидеры ХАМАС были высланы из Иордании. Им пришлось перебраться в куда менее комфортную Сирию.

Для Нетаньяху история с неудачным покушением на Халеда Машаля тоже не прошла бесследно. Тяжело пришлось его старшему сыну. Другие дети, с которыми он играл, повторяли со слов своих родителей, что его папа – плохой глава правительства и его надо убить. После

убийства прежнего премьер-министра Ицхака Рабина такие слова, пусть даже сказанные в сердцах, звучали зловеще. У мальчика начались ночные кошмары.

Живые бомбы

Халед Машаль переехал в Сирию. Формально он остался политическим лидером ХАМАС, фактически исполнял обязанности руководителя зарубежного бюро. Вдохновителем нарастающего террора был шейх Ясин. Посланные им палестинские смертники убивали израильтян.

Моссад и другие спецслужбы сосредоточились на борьбе против руководителей ХАМАС, которые сознательно убивают израильских детей и подростков – в первую очередь, детей недавних иммигрантов, – чтобы напугать евреев по всему миру и заставить их отказаться от мысли переехать в Израиль. Палестинские дети тоже гибнут в ходе ответных акций, но это всякий раз трагическая случайность – израильтяне не целят в детей. А палестинские террористы намеренно убивают детей и подростков.

Председатель Совета Федерации Сергей Михайлович Миронов, будучи в Израиле, своими глазами видел, как вычерпывают подносами кровь из кафе, где только что палестинцы взорвали бомбу, убившую двадцать четыре человека. Он потерял дар речи. Встречаться после этого с Ясиром Арафатом он просто не мог, чем поразил наших дипломатов, которые не могли понять его эмоциональную реакцию...

Самым страшным был взрыв возле «русской» дискотеки «Дельфинариум» в Тель-Авиве 1 июня 2001 года, когда больше двадцати подростков погибли и сто двадцать были ранены.

Через четыре с половиной месяца израильский снайпер застрелил главу отделения ХАМАС в Наблусе Абдель Рахмана Хамада, на следующий день подрывался на mine его подручный Ахмед Маршуд. Они оба были причастны к взрыву у дискотеки «Дельфинариум». Еще через полгода израильский спецназ арестовал на Западном берегу реки Иордан одного из руководителей ХАМАС Хусейна Бедрана. Его выследили с помощью вертолетов. Двое его охранников в перестрелке были убиты, сам Бедран получил ранение. Он лично руководил терактом возле дискотеки «Дельфинариум».

И, наконец, через год в Наблусе уничтожили одного из руководителей ХАМАС на Западном берегу Мохаммеда Тахера – специалиста по изготовлению бомб. Это он подготовил взрывчатку, которой убили детей у дискотеки «Дельфинариум».

Последствием иранской революции стала исламизация Ливана и палестинского движения. ООП прежде считала необходимым предоставлять равные права и христианам, и мусульманам. В начале 1980-х палестинские лидеры понесли тяжелые поражения. Они искали новые средства пробуждения энтузиазма и нашли их в политическом исламизме. «Братья-мусульмане» заговорили о том, что Исламская революция в Иране показала путь, который ведет к победе. Не светская идеология, а ислам как знамя, джихад – вот, что поможет вернуть Палестину и создать всемирный халифат... Поэтому ХАМАС отеснил ООП и взял власть в одном из двух палестинских анклавов – секторе Газа.

У Хомейни хамасовцы, которые неустанно ищут лазейки в системе безопасности, научились отправлять на задание террористов-камикадзе. Тому, кто ступил на этот путь, не позволяют свернуть. Невозможно записаться в смертники, а потом передумать. С той минуты, когда юноша или девушка записывает на видеокамеру свое последнее обращение, смерть неминуема. Если он или она в последний момент откажется взорвать себя, запись станет доказательством позорной трусости. С таким клеймом жить невозможно. Решение снимать на видео последние слова шахида приняло палестинское руководство: не только для будущей

пропаганды, но и для того, чтобы смертник или смертница не передумали.

Молодая женщина Вафа Идрис работала в палестинском обществе Красного Полумесяца. 27 января 2002 года она стала сорок седьмым палестинским смертником и первой палестинской женщиной-камикадзе. Ее вместе с взрывчаткой переправили с территории Палестинской автономии в Израиль в карете Красного Полумесяца. Медиков, которые должны спасти людей, израильтяне не стали досматривать. В Иерусалиме она переделалась в европейскую одежду. Косметика, маникюр, улыбка должны были свести подозрения к минимуму. Кто мог предположить, что в своей сумке она несет десятикилограммовую бомбу, начиненную гвоздями, чтобы пострадало как можно больше людей?

Бог знает, сколько невинных душ она отправила бы на тот свет, но прямо в дверях магазина она случайно уронила сумку, и взрыватель сработал. Поэтому погибли только двое, в том числе сама смертница. Сто тридцать человек были ранены.

Вечером в ее доме царила атмосфера праздника. Ее мать с улыбкой на устах раздавала соседским детям конфеты. Отпраздновать смерть молодой женщины собрались счастливые соседи и друзья. Они наперебой поздравляли родителей – ведь их дочь первой откликнулась на призыв президента Палестинской автономии Ясира Арафата!

Именно в тот день утром он выступал в Рамалле перед женщинами: «Вы – моя армия, которая сокрушит израильские танки! Вы – надежда Палестины. Вы освободите своих мужей и детей. Вы пожертвуете собой ради великой цели, как женщины всегда приносят себя в жертву семье. Дорога в Иерусалим ведет через самопожертвование».

Ясир Арафат первым использовал слово «шахид» (смертник) в женском роде. Он хотел, чтобы женщины стали смертницами. И в тот же день Вафа Идрис, словно исполняя его волю, взорвала себя в иерусалимском магазине.

В окружении Арафата с волнением следили, какой будет реакция на теракт. В мусульманской традиции считалось, что не пристало мужчинам вместо себя посылать на смерть женщин. Но палестинцы так восторженно реагировали на теракт, так радовались смерти молодой женщины, что в окружении Арафата расслабились: они сделали сильный ход. Ответственность за теракт взяла на себя группа «Бригада мучеников аль-Аксы» – военное крыло арафатовской организации ФАТХ.

Когда праздник по случаю теракта закончился и гости разошлись, ситуация в доме изменилась. Отец взорвавшей себя женщины Мабрук Идрис горько заплакал: «Если бы я только знал, что она задумала, я бы ее остановил». Откуда ему было знать, что его дочь стала игрушкой в руках политиков, которые, отправляя ее на смерть, решали свои проблемы...

После провала переговоров в Кэмп-Дэвиде в июле 2000 года с президентом Биллом Клинтонем и премьер-министром Израиля Эхудом Бараком Ясир Арафат заявил, что мирный процесс мертв. Его слова означали, что он отказывается от дипломатии и возвращается к террору. Арафат чувствовал, что власть уходит у него из рук. Силу в Палестинской автономии набирали ХАМАС и другие радикальные исламистские группы, которые в принципе считают невозможным договариваться с Израилем. Для них Палестина – это святая земля, на которой может существовать только исламское государство. Арафату надо было вернуть на свою сторону палестинцев, которые все больше симпатизировали исламистам.

В этом соперничестве Арафат вырвался вперед, предложив новое оружие джихада – женщин-самоубийц. За две недели до теракта Вафу Идрис представили одному из руководителей арафатовской партии, который торжественно сказал, что именно ей доверено стать первой смертницей. На инициативу Арафата ревностно откликнулись конкуренты из ХАМАС. Духовный лидер ХАМАС шейх Ясин осудил Арафата: «Мужчина, который вербует женщину для такой операции, нарушает законы ислама. Это означает, что он присвоил себе

власть над женщиной, не получив на то разрешение ее отца, брата или мужа».

ХАМАС и другие исламские организации считали, что женщина должна ограничиваться традиционной ролью жены, матери и хозяйки дома. Но шейх Ясин быстро сообразил, что не стоит отказываться от плодотворной идеи, даже если первооткрывателем оказался Арафат. Ясин полностью изменил свои взгляды и издал фетву, в которой разрешил использовать женщин в качестве смертниц в борьбе с врагом.

Паралитика Ясина окружали молодые люди, которые ухаживали за ним. Они дежурили день и ночь, исполняя все его желания.

Использование смертников облегчило жизнь руководителям террористических организаций. Сложнее всего обеспечить боевику пути отхода после теракта, чтобы его не поймали и не допросили. Если использовать смертников, эта проблема исчезает. Впрочем, иногда смертники не подозревают, что им предстоит пожертвовать собой. Обыкновенно их сажают за руль грузовика с взрывчаткой, просят припарковать машину в нужном месте и уйти. На самом деле машину взрывали вместе с водителем с помощью дистанционного взрывателя.

Типичный портрет мужчины-смертника: ему еще нет тридцати лет, он холост, набожен и не имеет работы. У него проблемы, которые делают жизнь невыносимой. Ему объясняют: стань смертником – и найдешь выход из самого отчаянного положения. В раю тебя ждут счастье, богатство, уважение. Единственное, что нужно для этого – убить себя и как можно больше израильтян. Погибший в бою с врагом причисляется к мученикам, которых щедро вознаграждает Аллах.

«С того мгновения, как он прольет первую каплю крови, мученик перестает ощущать боль, – объясняют муллы. – Ему прощаются все его прежние грехи. Он спасен от мучений пребывания в могиле. Ему не надо ждать судного дня. Он сразу занимает свое место в раю, где его услаждают семьдесят две темноглазые красавицы-девственницы. Еще он имеет право замолвить слово за семьдесят своих родственников, которые тоже попадут в рай».

Шейх Ясин объяснил иностранным журналистам, что такая же благодать ожидает и женщин-смертниц: «Они становятся еще красивее. Если они не замужем, то в раю каждую ждет муж. Они тоже могут избавить семьдесят своих родственников от страданий в могиле – и они получают право занять место в раю».

Когда въедливые иностранные журналисты просили указать место в Коране, где об этом говорится, Ясин улыбнулся: «Моя работа, как и работа других шейхов и имамов, как раз и состоит в том, чтобы толковать Коран. Люди нам доверяют».

В шестнадцать лет Вафа Идрис, которую сделали первой палестинской шахидкой, вышла замуж за двоюродного брата Ахмеда. Они нравились друг другу, так что это был брак по любви. Огорчало то, что у них долго не было детей. Наконец, она забеременела. Но у нее случился выкидыш. Ее муж считал себя униженным. «Семья винила Вафу, но и меня тоже, – жаловался он. – Говорили, что я слишком слаб, чтобы сделать ей ребенка, который выживет в ее утробе». После выкидыша врач объявил семье, что Вафа больше не сможет выносить ребенка. Правда, это был врач общей практики, не гинеколог. Вафа с мужем так и не обратились к специалисту, не сделали анализов и не прошли обследования. Вполне возможно, что умелый врач и современная терапия помогли бы ей забеременеть вновь и выносить ребенка. И она осталась бы жива, и не было бы страшного теракта...

Потеря ребенка – страшная травма для женщины. Она отказалась встать. Целый день лежала в кровати, уткнувшись лицом в подушку. Молчала. Плакала. Она потеряла волю к жизни. Более опытные или более чуткие люди могли бы понять, что она испытывает. Но в семье мужа никто ей не сочувствовал. А муж злился – жена не исполняет супружеского долга, не готовит еду и не убирает в доме. Он посоветовался с муллой, тот подтвердил, что жена

обязана подчиняться мужу. Иначе она нарушает закон.

Муж сказал, что приведет в дом вторую жену – ему же нужна в постели женщина, а на кухне хозяйка. Вафа кричала, что не в силах видеть рядом с ним другую. Тогда он развелся с ней и отправил ее назад, в родительский дом. В двадцать шесть лет она стала бременем для родителей, которые опять должны были ее кормить. А для соседней она была объектом насмешек – «ее бросил муж»! «Вафа знала, что она не сможет вновь выйти замуж, потому что разведенная женщина считается запятнанной, – говорил ее отец. – Она была молода, умна, красива, а жить ей было не для чего».

Положение рисовалось ей безвыходным. Она обречена на одиночество. И на нее всегда будут показывать пальцем: «бесплодная» – потому что она не может рожать будущих солдат для войны с Израилем... В принципе, она могла бы уехать в Иорданию, там более либеральные нравы. Но в палестинском обществе женщина полностью зависит от мужчины – отца, мужа, брата, который принимает за нее важнейшие решения. Если бы она убежала из дома, это стало бы позором для семьи.

На Ближнем Востоке женщины не вербуют женщин. Террористок из женщин делают мужчины. Люди, которые ее нашли, вложили в ее голову простую мысль: единственная возможность покончить со всеми проблемами и обрести уважение – стать смертницей. «Не забывайте, что в исламе мученики не умирают, – напоминали ей. – Они сразу отправляются в рай, где ведут счастливую и достойную жизнь». И для ее семьи это тоже был выход, решение не только материальных, но и моральных проблем.

Возможно, для нее это был главный аргумент – избавить семью от позора. Вафа призналась подруге незадолго до того, как взорвала себя: «Я стала бременем для семьи. Они говорят, что любят меня, но я-то вижу – им бы хотелось, чтобы я перестала существовать».

Но ее депрессивное состояние, ощущение безысходности, желание спасти семью – кто об этом знал? Когда она совершила теракт, все заговорили о женщине-героине. Идеологи джихада ставили ее в пример остальным, укоризненно напоминали: «Она взирает на вас из рая. Теперь ваша очередь».

Когда солидные, уважаемые мужчины соблазняют обещанием рая, наивным и неуверенным в себе молодым женщинам трудно не купиться на эти обещания. Ведь они живут в обществе, где женщинам отведены лишь второстепенные роли.

Продолжение не заставило себя ждать. Следующей шахидкой стала студентка из Наблуса Дарина Абу Айша. Она взорвала себя на контрольно-пропускном пункте в Иерусалиме. Ей было двадцать лет. К ней сватались многие молодые люди, но она хотела получить образование и всех женихов отвергала. «Соседи над ней издевались, потому что она не желала выходить замуж и рожать детей, – рассказывала журналистам одна из родственниц. – Ее родители страдали из-за этого. Родители хотели, чтобы она, как все, вышла замуж, родила им внуков».

Друзья вспоминали, что Дарина была самостоятельной, стойкой девушкой и не поддавалась чужому влиянию. Но она понимала, что ее жизненный путь определен наперед: замужество, как можно больше детей, домашние заботы... Она отвечала, что лучше умрет, но не станет вести такую жизнь. В последние месяцы перед смертью она говорила друзьям, что ее жизнь потеряла смысл.

За несколько минут до теракта она позвонила матери, извинилась за то, что утром выскользнула из дома, не спросив у нее разрешения, и попрощалась. Навсегда. Мать все поняла и пыталась ее остановить. «Я все перепробовала, – рыдая, говорила она потом. – Повторяла, что люблю ее, что она самое мое любимое дитя, что ее смерть убьет меня. Но было поздно».

На контрольно-пропускном пункте Дарину попросили остановиться для проверки. Вместо этого она побежала. В такой ситуации у сотрудников службы безопасности есть только

несколько секунд на размышление. Израильский солдат колебался, и она пробежала еще шесть метров. Наконец, он решил стрелять, но она уже нажала кнопку взрывателя. Двое были ранены. Если бы она успела сделать еще несколько шагов, жертв было бы больше.

У израильтян есть норматив: подозреваемого нужно держать на расстоянии пятнадцати метров. Это безопасное расстояние, если у смертника стандартный пояс с десятью килограммами взрывчатки. Террористы предпочитают пластиковую взрывчатку. Она мягкая, как пластилин, ей можно придать любую форму. Взрывчатку помещают в обрезки водопроводных труб, которые вшивают в специальный пояс – под одежду. Главный поражающий фактор самодельной бомбы – заложенные в нее гвозди, винты, стальные шарики. При взрыве они разлетаются с огромной скоростью, словно во все стороны стреляет пулемет.

Девушка по имени Айят аль-Акрас пожертвовала собой, чтобы спасти родителей. Ее отец Мохаммад работал в израильской строительной компании и дорожил своей работой. Семья жила хорошо и помогала другим. Но однажды к Мохаммаду зашли несколько человек и потребовали, чтобы он перестал работать на израильтян. Иначе пусть пеняет на себя. «Политика одно, работа другое, – возразил ее отец. – Мы с израильтянами работаем вместе, едим вместе, живем рядом. Они относятся ко мне, как к старшему брату. Я всегда учил своих детей любить других, а не ненавидеть. У меня эта работа уже тридцать лет. Почему я должен ее бросить? Мне просто завидуют, что я в состоянии прокормить семью».

Он продолжал работать в израильской компании, а соседи стали говорить о нем как о предателе, которому плевать на собственный народ. Положение семьи стало невыносимым. Они перестали ходить на рынок, потому что торговцы отказывались им что-то продавать. Одного из детей избили в школе. Но отец стоял на своем. Он был упрямым человеком.

А его дочери подруги внушали – ты должна стыдиться того, что твой отец работает на израильтян. Ее мать вспоминала: «Она боготворила отца, но ей стало не по себе. Она просила меня с ним поговорить. Но что я могла сделать? Я всего лишь его жена». Девушка пришла к выводу, что должна пожертвовать собой, чтобы спасти семью от расправы. Сказала подруге: «Отца могут линчевать, а наш дом сжечь. Есть только одна возможность спасти семью от бесчестия – я должна стать шахидкой. Аллах желает, чтобы я доказала отцу, что любой контакт с израильтянами может закончиться только кровью».

В ее комнате на стенах были развешаны фотографии египетских и иракских киноактрис. На полке стояли две главные книги – Коран и «Протоколы сионских мудрецов», печально знаменитая фальшивка, повествующая о мнимом плане евреев захватить власть над всем миром. Книга переведена на арабский и хорошо продается. Девушка считала возможным и правильным спасти репутацию отца, убив других людей.

В один мартовский день, за несколько месяцев до собственной свадьбы, она вышла из дома необычно рано. На ней был пояс с десятью килограммами взрывчатки. Сопровождавшим ее боевикам она сказала: «Не беспокойтесь. Я не боюсь. Я хочу убить этих людей». Она собиралась войти в супермаркет. Охранник что-то заподозрил и попытался ее остановить, поэтому она взорвала себя на входе. Погибло меньше людей, чем она рассчитывала. Но ее мечта сбылась. Когда новость передали по телевидению, в ее дом хлынули соседи – поздравлять и радоваться. Правда, ее отец потерял и дочь, и работу. «Израильтяне уволили меня, – с горечью говорил он журналистам, – потому что я отец шахидки. Зато соседи называют нас теперь героями. Они только недовольны тем, что я не беру у них денег. А я никогда их не возьму. Это кровавые деньги. Это деньги из крови моей дочери».

Теракт невозможно совершить в одиночку. В любой операции участвуют около десяти человек. Каждую кандидатку проверяют дотошно: опрашивают учителей, родных, друзей, соседей, выясняют, нет ли у нее друзей-израильтян. Одну девушку вывезли за город, заставили

вырыть себе могилу и лечь в нее – хотели, чтобы она привыкла к мысли о смерти. А еще нужно найти конспиративную квартиру для будущего шахида, где он пройдет подготовку, изготовить надежное взрывное устройство, подобрать место взрыва и доставить туда смертника. Это под силу только мощной организации, каждая из которых ищет кандидатов в смертники. ХАМАС и «Исламский джихад» имеют в каждом палестинском городе своих вербовщиков.

Один из них обратил внимание на молодую женщину, рассорившуюся с отцом... Еще одна обычная история, закончившаяся необычно. Эта женщина осталась жива и смогла все рассказать. Началось с того, что она наотрез отказалась выйти замуж за жениха, которого ей подобрали родители. «Мне не нравится сам принцип, – говорила она, – я хочу выйти замуж за того, кого я люблю. У меня есть парень. Мы познакомились в университете. Мы тайно встречались несколько месяцев, пока мой брат не выследил меня и не увидел, как мы сидим в кафе».

На семейном совете решили, что девушка не вправе сама определять свою судьбу. Отец запретил ей даже ходить на занятия, велел матери держать дочь взаперти, пока он не посоветуется с местным муллой о ее судьбе. Она уже была беременна. Ей недолго удавалось скрывать, что она ждет ребенка. После скандала, когда возмущенный старший брат даже пустил в ход кулаки, она призналась, что беременна. На новом семейном совете ей разрешили родить: «Они согласились оставить моего ребенка. Отец сказал мне, что я еще легко отделалась. Других девушек в моем позорном положении убивают, поскольку нет возможности найти моего парня или его семью и заставить его жениться на мне...»

Она родила мальчика, его сразу передали на воспитание в семью старшего брата. «Моя жизнь кончилась, – повторяла она. – Мне даже не разрешили растить моего собственного ребенка. Что же мне оставалось делать?» Она впала в тяжелую депрессию. Отказалась молиться вместе с другими женщинами в семье. Ни с кем не разговаривала. Не помогала матери и сестрам. Один из родственников рассказал об этой истории палестинским боевику. Они встретились с молодой женщиной. Ей объяснили, что единственный способ вернуть уважение семьи и соседей – это осуществить важную военную миссию во имя Палестины. Если она выполнит порученное ей задание, то смое с себя позор. Ей даже позволят учиться в университете.

Она согласилась. Для начала ей поручили изучать ситуацию на контрольно-пропускных пунктах, искать места, где чаще собираются израильские солдаты. Она подобрала подходящее место для теракта. Бомбу заложили на переполненной людьми автобусной станции, но взрывчатку обнаружили раньше, чем ее успели привести в действие. «Тогда мне сказали, что настала моя очередь нанести удар по врагу. Я ответила, что считаю это честью. А что мне было терять? Я уже потеряла своего ребенка».

У нее возник роман с боевиком по имени Хасан: «Он на многое открыл мне глаза. Он говорил так убежденно, что я поверила во все, во что верил он. Он полюбил меня и обещал организовать операцию, в которой я приму участие. Он надеялся, что я окажусь достойной его любви».

Ей передали самодельную бомбу, объяснив, что устройство дополнительно начинено гвоздями, чтобы поразить как можно больше людей. Ей надо было оставить взрывчатку в людном месте и уйти. «Я должна была только лишь нажать кнопку часового механизма, который сработает примерно через час. Этого времени было достаточно для того, чтобы успеть уйти».

Она оставила взрывное устройство в переполненном магазине. Когда услышала сирены полицейских машин и карет «скорой помощи», с радостью подумала, что справилась с заданием. Каково же было ее огорчение, когда выяснилось, что ее бомба никого не убила: «Я

была в отчаянии. Практически я провалила задание. Умоляла Хасана дать мне еще один шанс».

Только потом она узнала, что у ее наставника и любовника есть жена и трое детей в Наблусе: «Я понимала, что ничего не могу требовать. Он не обязан на мне жениться. Ведь все знали, что я не девственница, что у меня есть внебрачный ребенок. Я только пыталась доказать ему, что я лучше его жены или любой другой женщины, которую он может встретить. Хасан обещал, что он тоже совершит теракт и последует за мной в рай. И в будущей жизни мы будем вместе – теперь уже навсегда».

В напарники ей подобрали юношу из семьи аль-Масри, одной из самых заметных на Западном берегу реки Иордан. Зафри аль-Масри был мэром города Наблуса в начале 1980-х. В феврале 1986 года его убили прямо на улице – «за сотрудничество с врагом». Он был сторонником нормальных отношений с Израилем, считая, что это позволит улучшить экономическое положение населения города.

Один из его юных родственников Изз ад-Дин аль-Масри был от греха подальше отправлен изучать английский язык в Детройт, где существует самая большая арабская община в Соединенных Штатах. Но его родители промахнулись. В Детройте он сдружился с палестинцем, который познакомил его с литературой, издаваемой ХАМАС. В Палестину юноша вернулся радикалом, сторонником джихада.

За две недели до того, как Изз ад-Дин аль-Масри был утвержден на роль шахида, он прошел курс подготовки подрывника на тайной базе террористов в секторе Газа. Его учили, как вести себя в толпе, чтобы не выделяться, умению не привлекать к себе внимание службы безопасности и главное – не забыть привести взрывное устройство в действие. Проверяли стойкость его нервной системы, способность сохранять хладнокровие. Он должен был доказать, что даже в критически опасной ситуации не выдаст своего волнения, что его лицо не изменит своего выражения. Он только не знал, где ему предстоит взорвать себя.

«Все делается для того, чтобы шахид не передумал, – откровенно рассказывал один из руководителей ХАМАС Абдель Азиз Рантиси. – А то он может заранее прийти посмотреть на тот объект, который он должен уничтожить. Он представит себе, как это будет выглядеть после взрыва. Вдруг это так на него подействует, что он откажется от своей миссии?»

Ему заранее написали текст последнего обращения, которое он произнес перед видеокамерой. Вечером накануне теракта он принял ванну, сбрил бороду, чтобы выглядеть по-европейски. Голову он не стал брить, а предложил для маскировки перекрасить его в блондина.

Его должна была сопровождать девушка, чтобы они выглядели как влюбленная парочка. Ее потом спрашивали: «Он понимал, что идет на смерть, что он сейчас погибнет?» – «А он совершенно не собирался умирать, – удивилась она вопросу. – Он был уверен, что напрямик направится в рай».

Он надел джинсы и майку, нацепил солнечные очки, взял гитару. Они вдвоем зашли в очень популярную пиццерию, которую посещает почти исключительно молодежь. Она проводила его и вышла из пиццерии за две минуты до теракта... Жертв был много. Погибли пятнадцать человек, из них семеро – дети, сто тридцать были ранены.

По дороге она позвонила своему любимому Хасану по мобильному телефону и сообщила об успехе. Они радостно посмеялись. Он поздравил ее, сказал, что ждет. Но когда она приехала на конспиративную квартиру, Хасан уже ушел. Она никогда больше его не видела.

Среди жертв взрыва в пиццерии был мужчина, которого врачи так и не смогли вывести из комы. Когда-то он сказал жене, что в подобной ситуации хотел бы пожертвовать все свои органы медицине. Она исполнила его волю. Ночью ей позвонили из больницы: «Первым в нашем списке на пересадку значится палестинец. Как вы отнесетесь к тому, что ему будут

пересажены органы вашего мужа?»

Она ответила, что нисколько не возражает. Она даже приехала в больницу взглянуть на этого человека – после того, как операция прошла успешно. Вдова убитого террористами израильтянина обняла жену палестинца, чья жизнь была спасена. Они обе плакали...

Если палестинская женщина не желает выходить замуж, ее считают смутьянкой, которую надо призвать к порядку. Если свободомыслящая, самостоятельная женщина встречается с мужчиной и заводит ребенка, это воспринимается семьей как позор. Если незамужняя девушка беременеет, есть три выхода: или она немедленно выходит замуж за отца будущего ребенка, или отец прячет ее дома, или мужчины ее убивают.

Когда палестинская женщина видит, что она не властна над собственной жизнью, она впадает в депрессию. Самоубийство – это следствие длинной цепочки неудач и разочарований. Если женщина живет в атмосфере запретов и наказаний, если ей отказывают в праве на равенство, если уважение она может обрести, только став шахидкой, что же удивляться, если она делает такой выбор? Женщины взрывают себя, чтобы доказать свою самостоятельность и самоценность.

Фатима эль-Сайд ударила ножом двух израильских солдат. Ее схватили. В тюрьме она объяснила: «Я боролась против врагов. Но еще я хотела доказать семье, что я так же хороша, как и мои братья, которым разрешили учиться в университете. А мне не разрешили».

Равенства нет ни в чем. Семьи, где мужчины стали смертниками, получают в месяц четыреста долларов. Семьям смертниц полагается только половина.

23 июля 2002 года примерно в половине первого ночи самолет F-16 израильских военно-воздушных сил выпустил ракету по трехэтажному дому в густонаселенном районе сектора Газа, где скрывался шейх Салех Шехад, создатель военного крыла ХАМАС.

Шейх, мрачный седой бородач, организовал множество жестоких терактов. Он же наладил производство ракет ближнего радиуса действия «Кассам». Их копировали с ракет, которые Сирия закупила в Северной Корее и передала отрядам Хезболлы в Ливане, чтобы те обстреливали территорию Израиля. Салех Шехад считался ближайшим к Ахмеду Ясину человеком. Израильтяне безуспешно требовали от палестинских властей его ареста.

Его местонахождение обнаружила израильская военная разведка. Ракета попала точно в окно комнаты, где в тот момент находился Шехад. Но последовал сильный взрыв – то ли такой мощной была ракета, то ли в его доме хранилась взрывчатка. Погибли не только его телохранители, но семья и соседи.

Операция в самом Израиле вызвала резкую критику, потому что пострадали мирные жители. Ариэль Шарон поздравил армию с успешной операцией, но выразил сожаление по поводу гибели невинных людей. Новому начальнику генштаба Моше Ялону, бывшему руководителю военной разведки, досталось за то, что выбрали в качестве оружия слишком мощную управляемую авиабомбу.

Но остановить поток камикадзе, которых вербуют опытные террористы, не удастся.

Двадцатидвухлетняя террористка Рим Салах эль-Риши взорвала себя на контрольно-пропускном пункте в секторе Газа. Пояс с взрывчаткой зазвенел, когда она пыталась пройти через металлоискатель. Пошли звать женщину-полицейскую, чтобы обыскать девушку, и тогда она взорвала себя. Погибли четверо израильтян.

У террористки остались двое детей. Это руководители ХАМАС ввели правило: женщина должна родить двоих детей, мальчика и девочку, только после этого она получает право стать шахидкой.

Ее благословил шейх Ясин: «Она постучит в двери рая, держа в руках головы сионистов». Он был счастлив, когда женщину разорвало на куски, и торжествующе сказал

тележурналистам: «Это новый шаг в нашей борьбе с сионистами».

Заместитель министра обороны Израиля Зеэв Бойм обещал отомстить преступникам и предупредил, что подразделения Армии обороны Израиля ликвидируют Ясина: «Ясин помечен смертью. Пусть зароется поглубже». Руководители ХАМАС были уверены, что израильтяне не тронут паралитика. Но Ясина давно называли исчадием ада. За первые три года интифады пятьдесят три палестинских смертника, посланных Ясином, убили четыреста семьдесят два израильтянина. Еще семьдесят смертников удалось перехватить.

6 сентября 2003 года израильский самолет F-16 поразил ракетой здание, где проходила тайная встреча руководителей ХАМАС. Пятнадцать человек были ранены. Ясин практически не пострадал. Он сразу же выступил возле мечети: «Израиль дорого заплатит за это преступление. Сионистское образование будет стерто с лица земли». Премьер-министр Ариэль Шарон объяснил, что военные намеревались использовать более мощную бомбу, тогда бы Ясин не ушел. Но могли пострадать дети по соседству, поэтому выбрали заряд меньшей мощности.

Следующая попытка оказалась удачнее. 22 марта 2004 года, в половине шестого утра, когда Ясина вынесли в коляске из мечети, два израильских вертолета нанесли ракетный удар по Ясину и его охране. Одна ракета попала прямо в инвалидную коляску, окружавших шейха телохранителей тоже разнесло на куски.

Ликвидацию Ясина многие государства осудили. Не потому, что хотя бы в малой степени симпатизировали покойному шейху, а из страха, что палестинцы будут мстить всем, кто попадется им на пути. Израильтяне на это отвечали, что увеличить накал террора подручные Ясина не в силах. Они и так убивают столько мирных жителей, сколько могут.

После смерти Ясина руководство боевой деятельностью ХАМАС взял на себя Абдель Азиз Рантиси, прежде ведавший военными операциями в секторе Газа. Рантиси окончил медицинский факультет Александрийского университета и вернулся в сектор Газа. Но он предпочитал не лечить людей, а убивать. Рантиси подписал декларацию ХАМАС, осуждавшую «российскую агрессию против мусульманского чеченского народа».

Он недолго руководил ХАМАС. Израильский вертолет выпустил несколько ракет по автоколонне, сопровождавшей джип Рантиси. Двое охранников погибли, сам он успел выскочить из машины, был ранен, но остался жив. Рантиси поклялся жестоко отомстить. Примерно месяц нового руководителя ХАМАС искали израильские беспилотные самолеты-разведчики. Апрельским вечером самолет засек Рантиси, когда он в сопровождении охраны садился в свою «субару». Через несколько минут на пути следования его машины появился вертолет. Он выпустил две ракеты, уничтожив всех, кто сидел в автомобиле.

Сложившаяся в палестинском обществе националистическая и религиозная атмосфера подталкивает женщин к тому, чтобы отправлять своих детей на смерть и самим становиться смертницами. Палестинки говорят, показывая на маленького ребенка: «Когда он вырастет, ни один израильтянин не будет в безопасности. Долг палестинской матери благословить детей на мученичество во имя веры. Я обожаю своих детей, но если я помогу им стать мучениками, значит, Аллах их выбрал, потому что он любит их больше меня». Это означает, что ребенка будут растить в атмосфере ненависти и готовить к смерти. Такова политика ХАМАС и других организаций: вместо того чтобы налаживать жизнь в Палестинской автономии, они говорят, что не надо ничего делать, надо просто ждать – Израиль рухнет под давлением террора.

Считается, что нищета рождает террор. Точнее было бы сказать, что террор рождает нищету. В Палестинской автономии культивируется атмосфера безнадежности, беспомощности, отчаяния. Зачем тратить силы для улучшения своей жизни, если все решится само собой после уничтожения врага? Подростки растут в убеждении, что нет смысла учиться и не надо работать. Врачи и инженеры не нужны. Нужны солдаты. Они должны убивать, в этом

их предназначение.

Молодой палестинец по имени Махмуд Фархат пробрался в израильскую школу и расстрелял занимавшихся там школьников. Его мать с восторгом в голосе говорила журналистам: «Я молилась за него, когда он ушел. Я просила Аллаха даровать ему удачу, чтобы он убил не меньше десяти израильтян. Позвонили мне его братья, которые входят в ХАМАС, и сказали, что ему удалось проникнуть в школу и убить больше десяти израильтян. Я плакала от счастья».

Журналисты говорят, что все палестинки, чьи дети погибли, совершив теракт, начинали с выражения своего счастья, а потом все-таки рыдали. Какое-то время мать верит, что ее сын или дочь не погибли, что они продолжают счастливую жизнь в раю. Но через несколько месяцев она с ужасом понимает, что ребенка не вернешь. Одна иностранная журналистка спросила мать Махмуда Фархата через полгода после теракта: «Вы вынашивали сына девять месяцев. И потом отправили на смерть. Как вы нашли в себе мужество и веру сделать это?» Та ничего не смогла ответить. Она зарыдала и закрыла лицо руками.

В школе в ответ на вопрос, кто хочет стать шахидом, все поднимают руки. Учителя с удовольствием смотрят на детей и подсказывают им правильные слова. ХАМАС и «Исламский джихад» организуют летние лагеря, где детей вооружают игрушечными автоматами и гранатами. Самым активным вручают макеты поясов подрывника и учат с ними обращаться.

Аналитики контрразведки Шин-бет долго пытались нарисовать портрет самоубийцы. Но не хватало материала. С тем, кто взорвал себя, не поговоришь... В январе 1997 года один самоубийца остался жив, потому что взорвался только детонатор. Он был легко ранен, но потерял сознание. Он очнулся в больнице, окруженный сотрудниками Шин-бет. Открыл глаза и сказал по-арабски: «Скажите им, чтобы входили». – «Кому сказать?» – удивился сотрудник Шин-бет. «Да ладно, – тот махнул рукой. – Пусть все входят». Видя, что собеседник ничего не понимает, уточнил: «Где же девственницы?» Трудно было убедить его в том, что он не в раю, а в израильской больнице. Наконец ему показали удостоверение Шин-бет: «Ты что думаешь, в раю тебя тоже будет допрашивать Шин-бет?»

ХАМАС дает возможность детям из бедных семей поиграть на компьютере, посидеть в Интернете. Но компьютерные игры, музыкальные программы и мультипликационные фильмы на палестинском телевидении построены на одних и тех же сюжетах – враг должен быть уничтожен. «Дети играют в интифаду, – встревоженно говорят психологи. – Когда они бросают камни в израильских полицейских, они тоже играют. Они говорят, что хотят быть шахидами, но они не понимают, что это такое. Дети считают, что они бессмертны. Они совершенно не думают о том, что могут умереть. Они просто не понимают, что такое смерть».

Одна юная девушка, которую включили в группу шахидок, постоянно задавала своим руководителям волновавший ее вопрос: действительно ли она станет знаменитой на весь арабский мир? Она воспринимала смертников, которых показывали по телевидению, как популярных киноактеров или музыкантов. Ей тоже хотелось прославиться. Она взорвала себя на автобусной остановке в Иерусалиме. Погибли семь человек, включая шахидку.

Вот любопытная деталь, которая говорит о многом: никто из детей высшего руководства палестинцев не стал смертником. Представители палестинского руководства обыкновенно говорят: «Мы не выбираем, кому стать мучеником. Значит, Аллах не счел никого из наших детей достойными». В реальности детей видных палестинских чиновников заботливо отправляют в Иорданию, Европу или Соединенные Штаты на учебу – подальше от опасностей.

Однажды была перехвачена запись разговора руководителя ХАМАС Абдель Азиза Рантиси с женой. Он красиво говорил, что хотел, чтобы один из его сыновей стал шахидом. Жена оборвала его и резко ответила, что не позволит никому из своих детей взорвать себя:

«Только через мой труп!»

Руководитель боевой организации Марван Баргути, который отправлял юношей и девушек на смерть, вел себя крайне осторожно, не пользовался мобильным телефоном, не ночевал в одном и том же месте. Но израильтяне его поймали. Своего адвоката Марван Баргут попросил: «Первым делом скажи жене, чтобы она внимательно присматривала за нашими детьми, чтобы никто из них не вздумал стать шахидом...»

Предполагалось, что если палестинцы получат власть, деньги, территорию, то они займутся созданием государства и мирным строительством. Палестинская автономия получала сотни миллионов долларов помощи с разных сторон, прежде всего от Европейского союза. Арафат обещал вложить их в развитие инфраструктуры, создание рабочих мест. Но деньги пошли отнюдь не на благосостояние палестинцев.

3 января 2002 года израильские спецслужбы, не пролив ни капли крови, перехватили палестинское судно «Карин-А» с грузом оружия. Судно и экипаж доставили в порт Эйлат. Операция готовилась долго. Сотрудники Шин-бет обнаружили некоторые странности в судовых документах и с помощью Моссада проследили путь «Карин-А» из Дубая к иранским берегам, где палестинские моряки взяли на борт груз оружия. На судне находились противотанковые ракеты, минометы с боезапасом, взрывчатка, «калашниковы», снайперские винтовки, патроны, ракеты типа снарядов для «катюш», которыми палестинцы могли обстрелять любую цель на территории Израиля – настолько мало еврейское государство. Вся маркировка – на фарси. Оружие было доставлено из Ирана.

В Тегеране Ясира Арафата называли предателем. Но едва прервав переговоры с Израилем, он сразу получил поддержку со стороны Ирана, который так сформулировал свою позицию: «Стратегическая линия Исламской Республики Иран состоит в решительной поддержке интифады вплоть до провозглашения палестинского государства. Естественно, это станет возможным только тогда, когда евреи будут изгнаны с территории Палестины».

Стоимость оружия и фрахт судна составили примерно пятнадцать миллионов долларов. Все было оплачено палестинской администрацией. Капитаном судна оказался Омар Акави, офицер палестинских военно-морских сил, и весь экипаж судна состоял из военных моряков палестинской администрации. На допросе капитан сообщил, что приказ о погрузке оружия он получил от представителя ООП в Греции, что операцией руководил один из советников главы Палестинской автономии, что груз хотели разгрузить в египетском порту Александрия, а оттуда мелкими партиями переправить в Газу.

Встревоженный скандалом Арафат попытался отвести от себя удар и рассказал египетским журналистам, что на самом деле судно было зафрахтовано лидерами Хезболлы, которые везли оружие к себе в Ливан. Тут уже возмутились руководители Хезболлы: «Если у Арафата и есть полное право на то, чтобы дистанцироваться от этого скандала, то права подставлять при этом Хезболлу у него не было и нет».

В Тегеране тогдашний президент Мохаммад Джавад Хатами потребовал выяснить, кто отправил этот груз. Он попросил передать в Вашингтон через посольство Швейцарии, что правительство Ирана не имеет к этому отношения. Но было ясно, что военные и спецслужбы не спрашивают у Хатами разрешения на свои спецоперации.

Абдалла Нури, министр внутренних дел в правительстве Хатами, осмелился даже критически рассуждать о позиции Тегерана в палестинских делах: «Если арабские страны отказались от военного решения, почему мы намерены сражаться с Израилем? Что дает иранцам такой подход, кроме того, что нас винят в поддержке терроризма? У палестинцев есть свое правительство, которое мы признаем. Оно и должно решать будущее своего народа. Нынешняя ситуация не идеальна, но нам надо признавать реальность. Кастрюля не должна

быть теплее супа».

Использование терроризма в качестве политического инструмента слишком дорого и аморально, говорили иранские политики-реформисты, надо снять со своих плеч палестинское бремя... Слыша такие речи, вожди ХАМАС и Хезболлы чувствовали себя брошенными. Но военные и спецслужбы Ирана делают все, чтобы на палестинских территориях не прекращалась война.

На похоронах иорданского короля Хусейна в Аммане в феврале 1999 года к президенту Израиля Эзеру Вейцману, бывшему военному летчику, подошел один из некогда самых известных террористов – генеральный секретарь Демократического фронта освобождения Палестины Найеф Хаватма, пожал руку и сказал: «Вы борец за мир на Ближнем Востоке, мы признаем это». Биньямин Нетаньяху, увидев Хаватму, чтобы избежать встречи с ним, отошел: «Мы должны разговаривать с теми, кто хочет видеть нас на земле, а не под землей». Эзер Вейцман, оправдываясь, говорил: «Кто больше Арафата убивал израильтян? А мы же с ним разговариваем пять лет...»

В 1974 году боевики Хаватмы ворвались в город Маалот и убили двадцать четыре человека, в основном школьников. Это варварское преступление против детей сформировало представления израильтян о палестинских лидерах. Тем не менее израильтяне были готовы подвести черту под прошлым и начать отношения с палестинцами с чистого листа.

Ясир Арафат никогда не говорил своему народу правды.

То, чего добиваются палестинцы столько лет и ради чего они погубили множество жизней, своих и чужих, – палестинское государство – должно было появиться в мае 1948 года. Но арабские страны просто не позволили палестинским арабам создать свое государство. Это даже не обсуждалось, ничего не было сделано для провозглашения арабского государства Палестины. Египет и Иордания просто поделили территорию Палестины между собой.

Скольких войн и каких жертв можно было бы избежать, если бы арабские властители проявили меньше себялюбия, спокойно встретили появление ничем им не угрожавшего Израиля и позволили палестинским арабам создать свое государство! Так началась трагедия палестинских беженцев.

Если бы палестинцы приняли автономию, о которой договорились президент Египта Анвар Садат и премьер-министр Израиля Менахем Бегин, палестинское государство уже существовало бы. Это государство не имело бы собственной армии и было бы тесно связано с соседней Иорданией (где живет множество палестинских арабов), но палестинцы получили бы самостоятельность и право самим устраивать свою жизнь. Вместо этого палестинцы танцевали на улицах, когда египетского президента застрелили, и кричали: «Садат – предатель!»

В мае 1999 года выборы в Израиле выиграл отставной генерал Эхуд Барак. Он поставил перед собой амбициозную цель – завершить переговоры с палестинцами, чтобы сосредоточиться на внутренних проблемах своей страны.

Его отец, выходец из Литвы, взял новую фамилию («барак» на иврите – молния). С 1961 года будущий генерал служил в Армии обороны Израиля, в спецподразделении по борьбе с терроризмом, и участвовал в смертельно опасных операциях. У него больше наград за мужество, чем у любого военнослужащего в Израиле. Уверенный, что его никто не посмеет обвинить в отсутствии патриотизма, Эхуд Барак был готов передать палестинцам почти все территории, на которые они претендовали.

В июле 2000 года президент Билл Клинтон пригласил к себе Эхуда Барака и Ясира Арафата. Клинтон надеялся, что втроем, за закрытыми дверями, они смогут обо всем договориться. Ведь поладили же когда-то между собой – при посредничестве Джимми Картера – Менахем Бегин и Анвар Садат!

«Мы чуть не потеряли Барака, – вспоминал Клинтон. – Он решил перекусить и подавился арахисом. Барак бы задохнулся, если бы самый молодой член израильской делегации не стукнул его по спине. Барак сам был твердым орешком: едва обретя дыхание вновь, он как ни в чем не бывало вернулся к работе...»

Американцы представили израильтянам и палестинцам план урегулирования.

Арафат получал возможность создать государство со столицей в Восточном Иерусалиме. Под управление палестинцев передавались полностью сектор Газа и девятью пять процентов территории Западного берега реки Иордан. Предметом спора оставались небольшие участки земли. Эхуд Барак был готов компенсировать их территориями в других местах.

«Барак продвинулся гораздо дальше своих предшественников, – рассказывала Мадлен Олбрайт. – И что самое поразительное, он согласился заключить соглашение, по которому Арафату разрешалось бы создать столицу Палестины в пределах Иерусалима. Это был прорыв, который мог изменить все будущее Ближнего Востока... Арафат не предлагал ничего конкретного. Он казался усталым замкнутым стариком...»

«Арафат, – вспоминал Клинтон, – хотел получить суверенитет над всем Восточным Иерусалимом, включая Храмовую гору. Между палестинцами и израильтянами существовало мало реальных разногласий по поводу Иерусалима; основной вопрос заключался в том, кто будет обладать суверенитетом. Возможно, Арафат хотел выяснить, нельзя ли вынудить Израиль пойти на дополнительные уступки, и только потом ударить по рукам. Арафат славился тем, что любил ждать до последнего момента, прежде чем принять решение».

Эхуд Барак заявил, что примет американский план, если Арафат тоже с ним согласится. Арафат отказался. Переговоры провалились.

«Главной причиной этого краха, – рассказала Мадлен Олбрайт, – было нежелание палестинцев делать даже относительно небольшие уступки, которые от них требовались. Они и гроша не хотели отдать взамен полноценной монеты.

Арафат опасался, что, если он скажет «да», его убьют. Ему не хотелось повторить судьбу египетского президента Анвара Садата. По-человечески я не могу винить Арафата. Но если бы Арафат поступил иначе, Палестина сегодня была бы членом Организации Объединенных Наций, а ее столица располагалась бы в Восточном Иерусалиме».

Арафат решил, что, если ему уже уступили так много, значит, можно получить больше. Надо только поднажать на Барака и Клинтона. Вместо того чтобы продолжать переговоры, Арафат сорвал их и лишил палестинцев возможности провозгласить свое государство. Если бы палестинские евреи проявили такое упрямство и максимализм в 1948 году, когда решалась их судьба, Израиль бы никогда не появился...

Арафат обнаружил, что в процессе переговоров не только израильтянам придется идти навстречу палестинцам, но и ему предстоит сделать серьезные уступки Израилю. Видимо, Арафат пришел к выводу, что взбудораженная палестинская улица не простит ему уступок. Обнаружил, что его популярность растет, когда он ведет войну против Израиля, и падает, когда он договаривается с израильтянами. Получается, что уничтожение Израиля было важнее создания палестинского государства. Если бы было иначе, палестинцы давно жили в своей стране.

ХАМАС и его друзья

После провала переговоров палестинские боевые организации устроили на территории Израиля кровопролитную войну, широко используя террористов-самоубийц.

У Арафата был свой расчет. В ответ на каждый теракт Израиль наносит удар, который

приводит к жертвам среди палестинцев. Это вызывает негодование мирового сообщества, которое требует от Израиля прекратить применение силы и договориться, наконец, с палестинцами. А когда Соединенные Штаты и Европа надавят на Израиль, ему придется пойти на уступки...

Но эта маленькая война с ограниченными целями приобрела совершенно иной характер. В войну вовлеклось все палестинское население, которое, как выяснилось, так и не смирилось с самим фактом существования еврейского государства. В палестинцах скопился такой запас ненависти, что заводить речь о мирных переговорах уже кажется нелепым. Ведь палестинских арабов по-прежнему убивают, если они продают свой участок земли евреям. И таких палестинцев муфтий Иерусалима запретил хоронить по мусульманскому обычаю, назвав их неверными. Смертный приговор тем, кто продает землю евреям, основан на фетве более чем пятидесятилетней давности.

Ситуация внутри Израиля изменилась. Израильцы решили, что бывший генерал Эхуд Барак слишком мягок и уступчив. 6 февраля 2001 года премьер-министром был избран Ариэль Шарон, который всю жизнь отвечал на удар ударом. Во время новых переговоров, устроенных американцами, он избегал общения с Арафатом. Шарон говорил, что Арафат нарушил все соглашения, которые когда-либо подписывал. «Это шайка разбойников», – повторял Шарон.

Мадлен Олбрайт ответила: «Палестинцы – ваши соседи. Если вы думаете, что палестинцы – это всегда бандиты, то надежды нет: они и будут действовать, как бандиты». – «Я прожил рядом с арабами всю свою жизнь, – заметил Ариэль Шарон, – и у меня нет с ними проблем. У меня проблемы с их лидерами или, по крайней мере, с некоторыми из них, которых я считаю убийцами. Иметь с ними дело – ошибка».

Раз все попытки договориться бесполезны, решил премьер-министр Шарон, значит, израильцам нужно устраивать свою жизнь самим. Шарон принял два решения: во-первых, уничтожить тех, кто организует террор, во-вторых, построить защитную стену и отгородиться от палестинских арабов. И Шарон вывел войска из сектора Газа, оставив его палестинцам. Шарон откровенно сказал соратникам по партии: «Мы не любим это слово, но это оккупация. Держать три с половиной миллиона палестинцев под оккупацией плохо как для нас, так и для них. Это не может продолжаться вечно».

В 2005 году Израиль вывел войска из сектора Газа, занятого во время Шестидневной войны 1967 года. Палестинцы получили возможность управлять своей жизнью. Но уход израильцев привел только к расцвету террористических организаций. Исламистские фанатики требуют создания всемирного халифата, ХАМАС, который правит в Газе, обещает изгнать из Палестины евреев, как изгнали когда-то крестоносцев. В Израиле технологический бум, а рядом, в секторе Газа, палестинцы нищенствуют. Население Газы не может существовать без чужой помощи.

Арафат обманул свой народ. Он испугался лидеров ХАМАС и других радикалов. Он не нашел в себе сил продолжить мирный процесс и лишил палестинцев возможности создать государство. По вине своих лидеров палестинцы упускают одну возможность за другой. Но Арафат все равно растерял свою популярность. А после смерти Арафата его организация утратила свои позиции.

9 января 2005 года на президентских выборах в Палестинской автономии победу одержал Махмуд Аббас (Абу Мазен). Он собрал почти семьдесят процентов голосов и стал преемником Арафата. Абу Мазен был министром иностранных дел ООП. Он один из основателей организации ФАТХ и сыграл важную роль в тайных переговорах с израильцами, которые привели к достижению договоренности в Осло в сентябре 1993 года. Он защитил докторскую диссертацию о «тайных связях сионистов с нацистской Германией» в московском Институте

востоковедения, когда его директором был Примаков.

Абу Мазена поддерживали два палестинских полковника – Джибрил Раджуб и Мохаммад Дахлан, которые командовали палестинской полицией на Западном берегу и в секторе Газа. Полковники жестко относились к ХАМАС. Но в конце января 2006 года ХАМАС, поддержанный Ираном, завоевал семьдесят шесть мест в парламенте автономии, ФАТХ получил только сорок три мандата. Палестинцы прежде всего голосовали против коррупции и неэффективного управления, против клановой системы, установленной Арафатом.

Палестинская автономия получала от Соединенных Штатов и Европейского союза миллиарды долларов и евро. Ясир Арафат раздавал их по своим запискам, остальное прятал на личных счетах. Он не доверял компьютерам. По старинке все записывал в блокноте. Арафат собрал на своих банковских счетах девятьсот миллионов долларов и ежемесячно посылал жене в Париж чек на сто тысяч долларов. Ему неохота было расставаться с романтическим образом революционера и заниматься хозяйственными делами – уборкой мусора в Рамалле, водопроводом в Газе и школьными завтраками для детей в Наблусе. Он раздавал должности и деньги своим подручным, даже если они не годились для высоких должностей. И его помощники изрядно набили себе карманы. Они имели доступ к фондам ООП, казне администрации автономии или получали выгодные подряды. Так Арафат покупал лояльность своих помощников. Выдав как-то шестьдесят тысяч долларов одному из своих людей, он объяснил помощнику: «А как еще я могу держать его за горло?»

Арафат искусно играл с ХАМАС. Когда отношения с Израилем ухудшались, он закрывал глаза на их теракты. В более спокойные времена сотрудничал со спецслужбами Израиля и даже с ЦРУ, чтобы подавить ХАМАС. И постоянно обещал лидерам ХАМАС участие в политике, если они станут послушнее. Мохаммад Дахлан, который руководил главной палестинской спецслужбой при Арафате и без стеснений называл ХАМАС бандой убийц, вспоминает: «Я предлагал ему призвать к порядку раскольнические группы, чтобы не было терактов. Но Арафат боялся лишиться своей популярности».

Хотя подтвердилась и другая закономерность: на Ближнем Востоке выборы приводят к власти радикальных исламистов. Члены ХАМАС выкинули людей Арафата из парламента автономии. Начались столкновения между военным крылом ХАМАС и военной организацией ФАТХ – «Бригады мучеников аль-Аксы», которые готовы были атаковать хамасовцев и сорвать их победу.

11 июня 2007 года ХАМАС поднял вооруженный мятеж против власти автономии. Дахлан, главный помощник президента Махмуда Аббаса по безопасности, находился в Египте на лечении. Боевики ХАМАС атаковали правительственные здания и офисы служб безопасности. Они заранее составили список врагов и конкурентов. В первую очередь охотились за руководителями Службы превентивной безопасности: «Это решающая битва между правоверными и неверными». На блокпостах останавливали машины и забирали людей, которые значились в этих списках. Людей забивали до смерти, сбрасывали с крыши, добивали раненых – палестинцы убивали палестинцев. За несколько дней власть в секторе Газа перешла в руки ХАМАС. Началось мародерство.

15 июня боевики захватили дворец президента и здание службы национальной безопасности. Разграбили дом Ясира Арафата, взорвав дверь, утащили его нобелевскую медаль, одежду. Местные радикалы обещали построить в секторе Газа исламское государство по законам шариата.

В результате власть президента Палестинской автономии ограничивается Западным берегом реки Иордан, где живут три с половиной миллиона палестинцев.

Израильяне ушли, и многие палестинцы лишились работы. Раньше они работали в

поселенческих хозяйствах. Судьбой сектора Газа озаботились американцы и европейцы. Подготовили масштабные инвестиционные проекты. «Большая восьмерка» выделила на развитие Газы девять миллиардов долларов, которые предполагалось освоить в три года. Победа ХАМАС перечеркнула все планы. Деньги были заморожены. Иностранные компании боялись работать в автономии, потому что власти не обеспечивают безопасность их работников.

25 июня 2006 года боевики ХАМАС прорыли тоннель под пограничной линией, убили четверых израильтян, а капрала Гилада Шалита взяли в заложники. Это была хорошо продуманная провокация. Израильтяне начали ответную операцию в секторе Газа. Сначала нанесли ракетный удар, потом вошли войска.

Рядом с Рамаллой нашли труп израильского поселенца Элияху Ашери, которого палестинцы тоже похитили. Ответственность взяли на себя «Комитеты народного сопротивления». Они обещали отпустить восемнадцатилетнего юношу, если израильтяне прекратят боевые операции. Но когда нашли тело, выяснилось, что на самом деле юношу сразу убили и закопали. Палестинцы собирались получить что-то не за живого человека, а за информацию о месте захоронения его тела. Но это место назвал один из арестованных боевиков. Он рассказал, что заказ на похищение и убийство поступил от ХАМАС.

Лидеры ХАМАС, прервав перемирие и обрушив ракеты на израильские города, сознательно спровоцировали Израиль. Точно знали, что иначе Израиль не отреагирует. Военная операция спасла вождей ХАМАС от необходимости объяснять жителям Газы, почему они так плохо живут.

27 декабря 2008 года, в субботу Израиль начал военную операцию «Литой свинец» в секторе Газа, атаковав с воздуха позиции ХАМАС. Это был ответ на обстрел ракетами израильских городов.

Операция разделилась на два этапа. Первый (он продолжался примерно неделю) – уничтожение тайных путей доставки ракет, их складов и огневых позиций. В первый же день было уничтожено больше двухсот боевиков. По телевидению показали, что несут тела в военной форме, значит, израильтяне попали в цель.

Во всех населенных пунктах Израиля в двадцати – двадцати пяти километрах от границы с Газой ввели чрезвычайное положение. В субботу в сторону Израиля было выпущено семьдесят ракет; один человек погиб, несколько ранены. Ракеты падают на город Ашдод в тридцати восьми километрах от сектора Газа. 31 декабря палестинские ракеты долетели до города Беэр-Шева в сорока километрах от Газы.

28 декабря израильтяне разбомбили четыре десятка тоннелей, которые соединяли сектор Газа с Египтом. 1 января израильтяне убили одного из лидеров ХАМАС Низара Райяна.

В субботу 3 января 2009 года началась вторая часть – наземная.

На юге ударами авиации и флота блокировали поставку оружия через пограничный с Египтом Рафах (тогда египетские силы безопасности перекрыли тамошний контрольно-пропускной пункт).

На севере израильские войска вошли двумя колоннами в сектор Газа и разрезали его на несколько частей, чтобы прервать координацию действий ХАМАС. Израильтяне уничтожили районы пуска неуправляемых ракет в основном в пригородах Газа-сити. В принципе ХАМАС располагал двадцатью тысячами боевиков. Они имели много противотанкового оружия, крупнокалиберных пулеметов и установок залпового огня. Боевики растворились среди мирного населения. Российские военные аналитики отмечают (см. газету «Красная звезда от 20 ноября 2012 года), что в густонаселенные районы войска старались не заходить – и самим не нести потери, и гражданское население поберечь.

6 января тогдашние президенты Египта и Франции Хосни Мубарак и Николя Саркози предложили мирный план. ХАМАС и Израиль отказались его принять. Израиль заявил, что и резолюция Совета Безопасности ООН невыполнима.

11 января 2009 года, в воскресенье, на заседании кабинета начальник военной разведки Амос Ядлин сказал, то сопротивление ХАМАС слабеет. Руководитель контрразведки Шин-бет Юваль Дискин отметил, что боевики ХАМАС под шумок заодно расправляются с конкурентами из ФАТХ и списывают эти убийства на израильтян.

Израиль заявил об окончании операции 18 января, в воскресенье вечером, когда с премьер-министром Эхудом Ольмертом встречались лидеры европейских государств. В реальности окончание операции было приурочено к инаугурации американского президента Барака Обамы. За три недели операции были уничтожены несколько сотен боевиков ХАМАС и погибли десять израильских солдат. Недовольные операцией говорят, что не удалось освободить капрала Гилада Шалита, которого палестинцы похитили летом 2006 года.

Население сектора Газа в 2009 году достигло почти полутора миллионов человек. Половина – дети в возрасте до пятнадцати лет. Шестидесят пять процентов населения зарегистрировано ООН как беженцы.

На стыке границ Израйля, Египта и сектора Газа уже пять лет действуют тысяча двести тоннелей, по которым из Египта тайно переправляются товары и оружие палестинцам и перебираются боевики. Примерно сто двадцать тоннелей египтяне летом 2012 года разрушили бульдозерами. Это произошло после нападения палестинских боевиков на египетские посты на границе Египта с Израилем 5 августа 2012 года, когда семнадцать египтян были убиты. Разрушили только те тоннели, которые не контролировались ХАМАС. Это немедленно увеличило спрос на легально закупаемые израильские товары. Так что израильтяне точно знают, когда тоннели работают на полную мощность.

Есть контрольно-пропускной пункт, через который товары поступают в сектор Газа. На израильской стороне грузовики подвергаются тщательному досмотру – стоит гигантский сканер. Затем появляются водители-посредники, которых израильтяне проверяют, и перегружают товар на свои машины. Они проезжают четыреста метров и уступают место за баранкой палестинцам. А те уже доставляют товар покупателям.

ХАМАС пытался требовать с этих водителей свою долю. Но те бастовали и отстаивали свое право не платить, потому что они уже платят правительству автономии на Западном берегу. Вот почему ХАМАС заинтересован в тоннелях и не заинтересован в легальной доставке товаров. А у властей автономии обратный интерес.

В ноябре 2012 года силы обороны Израйля начали операцию «Облачный столп» с целью сокрушить военный потенциал ХАМАС, который выпустил несколько ракет по Иерусалиму, чего не делал в свое время даже Саддам Хусейн. Началось с обстрела ракетных позиций и складов оружия силами ВВС и военно-морского флота. В ХАМАС были неприятно поражены точностью разведанных армии обороны Израйля.

Операция началась с ликвидации руководителя военного крыла ХАМАС Ахмеда аль-Джабари. Он ехал в машине со своим сыном-боевиком. Его уничтожили прямым ударом ракеты. Джабари превратил боевое крыло в сильное военное подразделение и наладил поставку иранских ракет через Судан и Египет, а в последнее время – из Ливии. Он же запланировал похищение израильского солдата Гилада Шалита, чтобы обменять его на тысячу палестинских боевиков, осужденных в Израиле за террор. Джабари сам двенадцать лет провел в израильской тюрьме, свободно говорил на иврите.

В январе 2010 года в дубайской гостинице убили Махмуда аль-Мабхуха, занимавшегося поставкой оружия из Ирана. В апреле 2011 года взорвали джип его преемника: Абд аль-Латиф

направлялся из Хартума в Порт-Саид, где ждали ценный груз из Ирана – ракеты.

Сейчас ХАМАС располагает ракетами «Фаджар-5» иранского производства с большим радиусом действия (семьдесят пять километров), чем прежние «Грады». Большинство палестинских ракет летят не далее сорока километров. Палестинцы отрицают наличие иранских ракет и утверждают, что запускают самодельные «Кассам-75».

Израильские конструкторы создали четыре уровня противоракетной обороны:

- система «Стрела-3» должна отразить баллистические ракеты средней дальности;
- система «Стрела-2» – против тактических и оперативно-тактических ракет;
- система «Праца Давида» – против тактических ракет (еще разрабатывается);

• система «Железный купол» – против ракет малой дальности: радиолокационная станция, центр управления и пусковые установки ракет-перехватчиков (каждая установка снабжена двадцатью ракетами «Тамир»); время от обнаружения цели до пуска ракеты меньше секунды. Если компьютер, просчитывая траекторию полета ракеты, устанавливает, что она упадет в море или безлюдную зону, ее не перехватывают. Первая батарея встала на боевое дежурство в марте 2011 года у города Беэр-Шева.

Сразу после уничтожения аль-Джабари две эскадрильи израильских истребителей нанесли удары по складам ракет. Прежде всего охотились на иранские «Фаджар-5» большого радиуса действия. Девяносто процентов запасов были уничтожены мгновенно.

В Газу на несколько часов приехал премьер-министр Египта Хишам Кандиль: «Каир не оставит Газу одну. Египет сегодня – это не вчерашний Египет. Сегодняшние арабы тоже другие».

Глава МИД Европейского Союза Кэтрин Эштон назвала обстрел ракетами израильской территории «абсолютно неприемлемым» и подчеркнула: «Израиль имеет право защищать свое население».

До наземной операции дело не дошло. Президент Египта Мохаммад Мурси обещал, что обстрелов Израиля больше не будет. Заключили перемирие.

«Железный купол» (противоракетная система), сбивая сотни запускаемых палестинцами ракет, превратился в символ спокойствия и безопасности Израиля.

Первый беспилотный самолет-разведчик израильтяне запустили в 1982 году во время Ливанской войны и превратились в производителей передовой военной техники.

Когда Саддам Хусейн обстреливал Израиль, израильское правительство потребовало, чтобы в каждой новой квартире была так называемая безопасная комната – на случай обстрела. Затем началось сооружение защитной стены, чтобы отгородиться от палестинских боевиков, которые проникали из сектора Газа, где власть взял ХАМАС. Тогда ХАМАС стал обстреливать Израиль ракетами, постоянно наращивая их мощность и дальность.

Две войны – в южной части Ливана и в Газе – велись только ради того, чтобы прекратить обстрелы. Но принесли лишь ограниченный успех. Тогда и появился «Железный купол», который резко снизил потери. Но стопроцентной гарантии и эта система не дает. На случай больших войн в школах построены бомбоубежища. Но нужно время, чтобы до них добраться. У жителей приграничного Ашкелона есть всего тридцать секунд – с момента объявления тревоги до того момента, как ракета может взорваться в городе.

Один американский журналист восхитился прочитанным в израильской газете «Джерузалем пост» рекламным обращением министерства туризма Израиля к тем, кто уже побывал в стране: «Возвращайтесь еще и привозите как можно больше друзей – прочувствуйте, что такое жизнь в Израиле». И это на фоне сообщений о результатах обмена ударами с ХАМАС в секторе Газа, столкновениях с исламистами в Египте, боевых действиях между различными боевыми отрядами в Ливане, междоусобных боях в Сирии и опасениях, что Дамаск применит

химическое оружие!

Жизнь в Израиле – необычный эксперимент. На всех границах еврейского государства соседи с невероятным озлоблением убивают друг друга. Тот, кто берется судить о политике еврейского государства, должен прежде всего осознавать, в каком окружении находится эта маленькая страна с крохотным населением. Ответ израильтян: наша ситуация много хуже, чем вы себе представляете. Мы живем в мире, где слабых презирают и съедают... Вот почему к мнению европейцев мало прислушиваются.

Радикальные исламские движения многое позаимствовали из леворадикальных европейских доктрин. Левые интеллектуалы считают иудео-христианскую цивилизацию источником зла. Для левых Израиль – последний оплот колониализма в третьем мире. Идеи левых радикалов соединились с исламским фундаментализмом. Заодно они стимулируют исламизацию Старого Света.

Вывод израильских войск из сектора Газа показал, что война не закончится, даже если еврейское государство оставит все территории и вернется к границам 1947 года. ХАМАС, «Исламский джихад», Хезболла претендуют на всю территорию Палестины и не видят на карте Ближнего Востока место для Израиля. Даже если палестинские евреи попросят оставить им узкую полосу побережья в районе Тель-Авива, исламские радикалы все равно потребуют сбросить в море сионистских оккупантов.

В первых числах декабря 2012 года в Газа-сити Халед Машаль сказал, что ХАМАС никогда не признает Израиль, и призвал к созданию арабского государства на территории Израиля, сектора Газа и Западного берега: «Палестина – от реки до моря, с севера до юга, – это наша земля. И мы не отдадим ни сантиметра. Освобождение всей Палестины – это наш долг, наше право и наша цель. Мы освободим Иерусалим сантиметр за сантиметром, камень за камнем. Джихад и военное сопротивление – реальный и справедливый путь к освобождению».

Левые израильтяне видят, что их протянутая рука отвергнута. Правые убедились, что их железный кулак бесполезен. Все разочарованы и говорят: черт с ними, надо укрыться в бункере, подождать и посмотреть, что будет. В Палестине все верят только в силу. Тех, кто следит за происходящим на Ближнем Востоке, часто охватывает ощущение безнадежности. Кажется, что здесь время ничего не меняет и, опровергая известную мудрость, ран не лечит.

Израильские ястребы – среди них Биньямин Нетаньяху – исходят из того, что нужно твердо противостоять любой угрозе, потому что невозможно изменить антисемитизм арабов и желание исламских государств уничтожить евреев.

Голуби – сторонники покойного премьер-министра Ицхака Рабина, который считал, что Израиль не должен превращаться в полицейское государство, вечно управляющее миллионами палестинских арабов на занятых во время Шестидневной войны 1967 года территориях. Нужно неустанно искать среди палестинцев партнеров для переговоров. Но этот лагерь опустел. Последний его видный представитель – отставной генерал Эхуд Барак – ушел с поста министра обороны.

Подъем политического ислама в регионе ведет израильское общество к фатализму и пессимизму, ощущению, что история не сулит ничего хорошего. Если принимаешь такую точку зрения, то отказываешься от обязанности искать и находить возможности что-то изменить. Пессимизм парализует, лишает воли и энергии.

Ариэль Шарон стал премьер-министром в марте 2001 года. Через несколько месяцев он встретился с генералом Меиром Даганом, который служил с ним в начале 1970-х, когда они вместе давили террористов в Газе. Шарон попросил Дагана возглавить внутри аппарата премьер-министра новое подразделение и заняться выявлением способов финансирования террора. Подразделение получило название «Гарпун».

Иран финансировал все большее число терактов. Деньги делают вполне комфортной жизнь организаторов операций. Да и будущие камикадзе соглашаются погибнуть в обмен на обещание содержать их семьи.

В конце 2005 года группа жертв террора подала в Италии иск против правительства Ирана, что привело к решению заморозить иранские счета в банках на полмиллиарда долларов. Спасая свои деньги, иранцы переводили их из Европы в другие страны, превращали в частные вклады или создавали липовые компании.

В феврале 2004 года Шин-бет провела неожиданную операцию. Контрразведчики пришли в два палестинских банка на Западном берегу и потребовали от служащих найти определенные счета и установить, сколько на них денег. Затем израильтяне забрали из банка столько денег, сколько было на этих счетах, посоветовав банкам самим урегулировать отношения со своими клиентами. Они забрали примерно девять миллионов долларов. Это были счета различных организаций, связанных с ХАМАС и «Исламским джихадом».

В декабре 2006 года премьер-министр Палестинской автономии Исмаил Хания поехал в Тегеран. Вернувшись в Газу, торжествуя сказал, что Иран даст автономии в следующем году двести сорок миллионов долларов. Но в начале октября 2012 года ХАМАС порвал с режимом Хафеза Асада, хотя многие годы получал от сирийцев щедрую финансовую поддержку. Руководители ХАМАС покинули Дамаск, перебрались в Стамбул и Хартум. Один из них, Камаль Хусейн Ганаджа, не уехал и был убит в Дамаске. Родственников политического руководителя ХАМАС Халеда Машаля арестовали по обвинению в коррупции. Сирийское телевидение называет его самого попрошайкой и винит в черной неблагодарности.

Восстание против Асада было восстанием суннитов против шиитов. ХАМАС не рискнул остаться на стороне Ирана. Иран прекратил помощь ХАМАС, поскольку те выступили против Башара Асада. Вот цена обещаниям Ирана поддерживать палестинцев.

Организация «Исламский джихад» была создана членами египетской организации «Братья-мусульмане» при поддержке иранских спецслужб. Ее основатель Фатхи аль-Азиз аль-Шкаки изучал медицину в одном из египетских университетов. Вместе с ним вступил в группу его будущий наследник доктор Рамадан Шалах. Они были вдохновлены идеями иранской революции.

Они сунниты, но им нравится решительность и радикализм шиита Хомейни. И они ценят только Иран, который давал им деньги. За каждый теракт полагается премия. Руководители «Исламского джихада» презирают руководителей автономии, которые вели переговоры с Израилем. «Исламский джихад» считает мирные соглашения в Осло преступлением: «уступить пядь палестинской земли – значит предать ислам». Сторонников у «Исламского джихада» несколько тысяч. Они в плохих отношениях с ХАМАС, эти организации соперничают между собой.

В 1981 году Шкаки, который работал врачом в секторе Газа, стал формировать подпольную боевую организацию. Он несколько раз попадал в тюрьму, где учил сокамерников борьбе против общего врага, пока его не выслали из Израиля в 1988 году. Он обосновался в Ливане. Его взяли под крыло иранцы. Люди Шкаки убили девять израильских туристов в Египте в феврале 1990 года, девятнадцать ранили. 24 мая 1992 года убили под Тель-Авивом четырнадцатилетнюю девочку. 11 ноября 1994 года убили троих израильских офицеров.

И, наконец, руководитель «Исламского джихада» доктор Фатхи Шкаки, написавший книгу «Хомейни – исламская альтернатива и решение», подготовил «большое дело», о котором давно мечтал. 22 января 1995 года боевик «Исламского джихада» взорвал себя на пункте между Тель-Авивом и Хайфой, где солдат армии обороны Израиля подхватывали машины, чтобы доставить к месту службы. Когда все бросились помогать жертвам, еще один террорист взорвал

себя в толпе. Погибли больше двадцати человек, шестьдесят восемь были ранены. Это был самый жестокий теракт за многие годы. На место трагедии приехал премьер-министр Ицхак Рабин. Он был потрясен и велел Моссаду уничтожить руководителя «Исламского джихада».

Шкаки скрывался в Дамаске. А в начале октября 1995 года он был приглашен на конференцию боевых организаций в Ливии. Израильтянам не удалось выяснить, под каким именем он будет путешествовать. Но не сомневались, что, как обычно, полетит через Мальту. Первый вариант: захватить паром, который ходит между Мальтой и Ливией. Ицхак Рабин этот план отверг, чтобы не создавать международных скандалов. Второй вариант – взять боевика уже на Мальте.

Агенты Моссада опознали его, хотя он надел парик. Выяснилось, что он путешествует с ливийским паспортом на имя Ибрахима Шавиша. 26 октября он прилетел на Мальту и поселился в отеле «Дипломат». Ему дали ключ от номера 616. Оставив багаж, он пошел в магазин за покупками. В магазине «Маркс и Спенсер» купил рубашку и еще три – в другом магазине. Слежки не заметил.

На улице его догнал мотоцикл с двумя пассажирами. Один из них всадил в него три пули из пистолета с глушителем. Оружие было снабжено устройством для сбора стреляных гильз, так что полиции для расследования осталось немного. Мотоцикл с номерными знаками QM-6904 был украден накануне. Его нашли брошенным на берегу. Агенты Моссада прибыли на остров морским путем и так же покинули Мальту. Долгое время операция считалась образцовой.

Через два дня взамен Шкаки руководителем «Исламского джихада» стал Рамадан Шалах, который до этого преподавал в университете Южной Флориды в Тампе. Но роль организации изменилась. Шкаки действовал самостоятельно, его преемник стал иранской марионеткой.

5 декабря 2001 года шахид взорвал себя в центре Иерусалима, возле гостиниц «Хилтон» и «Царь Давид». Возможно, он охотился на министра общественной безопасности Узи Ландау и министра здравоохранения Нисима Дахана, которые находились в гостинице и должны были в тот момент выйти на улицу.

Ответственность за теракт взял на себя «Исламский джихад». Группировка считает своей целью уничтожить Израиль путем священной войны. 9 августа 2001 года она устроила взрыв возле иерусалимской пиццерии – погибли пятнадцать и были ранены больше девяноста человек. 26 мая 2006 года Махмуд аль-Маджуб, руководитель «Исламского джихада» в Ливане, а также его брат и телохранитель Нидаль вышли из здания штаб-квартиры в Сидоне и подошли к серебристому «мерседесу». Когда Нидаль открыл дверцу, чтобы сесть за руль, машина взорвалась. Махмуд получил этот автомобиль в подарок за пару недель до этого – видимо, от не очень искреннего друга.

В ответ джихадисты обстреляли командный пункт израильских военно-воздушных сил на горе Мерон в пяти километрах от границы. Израильские самолеты атаковали выявленные цели. Через два часа со стороны Ливана посыпались ракеты. Тогда уже израильские ВВС ответили бомбежками по всему фронту.

Хезболла, партия Аллаха

Всякая армия нуждается в героях, отчаянных парнях, готовых на все, хотя не каждая армия принуждает солдата героически жертвовать своей жизнью.

В наше время вновь появились герои-самоубийцы.

Палестинский террор и выходки лидера ливийской революции Муаммара Каддафи показали детскими игрушками, когда в международный терроризм вступил иранский аятолла

Хомейни. Каддафи надеялся на деньги, Хомейни – на религиозный фанатизм.

Обычные террористы не планируют самоубийственных миссий. А вот исламские боевики изначально отказываются думать о путях отхода. Они взрывают себя вместе с врагами, понимая, что им не выжить. И, как выяснилось, тысячи людей готовы жертвовать собой во имя ислама.

То, что Хомейни заставлял молодых людей совершать самоубийства во имя его идей, казалось безумием в конце XX века. Но стало зловещей практикой на Ближнем Востоке, прежде всего в Ливане.

Шииты, составляющие большинство ливанцев, это сельское население, бедное и необразованное. Все важные должности в стране занимали христиане и мусульмане-сунниты. Шиитами пренебрегали. Они почувствовали себя силой после того, как их единоверцы в Иране свергли шаха.

Лидером ливанских шиитов, который сначала брал деньги от шахской тайной полиции САВАК, а затем перешел на сторону Хомейни, был имам Муса аль-Садр, сын основателя религиозного университета в Куме. В конце 1960-х годов он создал Движение обездоленных, привлекая к себе шиитскую бедноту обещаниями счастья в будущей жизни. Подобно Хомейни, любил, когда его именовали имамом. Муса аль-Садр произвел впечатление на Хомейни. Племянница Садра вышла замуж за сына Хомейни Ахмада.

Муса готовил своих боевиков в лагерях палестинцев. Помогал ему лидер Народного фронта освобождения Палестины Жорж Хаббаш. Впрочем, Муса никоим образом не был сторонником палестинцев и даже, наоборот, считал, что им нечего делать в Ливане. Он требовал от палестинцев прекратить атаки на Израиль с ливанской территории, потому что ответные удары израильтян приходятся и по шиитским деревням.

Хомейни давно налаживал отношения с ливанцами. В 1970-е годы его сыновья Мустафа и Ахмад часто приезжали в Бейрут, проходили боевую подготовку в палестинских лагерях. Ахмад даже участвовал в боевых операциях против христиан. А в конце 1970-х, когда началась иранская революция, больше семисот поклонников Хомейни прошли подготовку в Ливане. Из этих кадров формировались потом Корпус стражей Исламской революции и аппарат разведки.

Муса умудрялся получать поддержку у всех сил на Ближнем Востоке, даже у израильтян, и создал шиитскую организацию «Амаль» («Надежда») с мощным военным потенциалом. Эта всеядность для него плохо кончилась.

В августе 1978 года председатель Высшего исламского совета шиитов имам Муса аль-Садр отправился в Ливию, чтобы получить очередную порцию денег у Муаммара Каддафи, и исчез. Ливийцы утверждали, что Муса сел на самолет, который улетел в Рим... Но расследование установило, что территорию Ливии он не покидал. Считается, что его убили по приказу начальника службы безопасности Ливии генерала Мустафы Харруби. Никто не знает причину. Может, Каддафи не нравилось, что ливанец контактирует с ЦРУ? Ливанские шииты считают его мучеником.

Движение «Амаль» раскололось. Более умеренные шииты остались в той части «Амаль», которую возглавил Набих Берри. Он вошел в правительство христианина Амина Жмайеля.

Радикалы вступили в Хезболлу, партию Аллаха, которая ставит своей главной задачей превратить Ливан (где живет немало христиан-маронитов) в исламское государство. Отдельные бойцы соединялись в целые отряды. Портреты Хомейни стали появляться то там, то здесь. Об идеологии Хезболлы можно судить по словам одного из ее лидеров шейха Рагиба Харуба: «Ты начнешь жить только тогда, когда убьешь свое „я“. „Я“ – это замаскированный сатана. Убей его – и ты будешь спасен. Мусульмане счастливы, потому что они могут полностью уничтожить свое „я“. В исламе есть ответы на любые вопросы. Что должен делать человек, так это

повиноваться правилам и не задавать вопросов».

Хезболла – иранский проект. Ее основал самый антизападно настроенный иранский священнослужитель Али Акбар Мохташеми, бывший министр внутренних дел Ирана. Он сам сказал об этом журналистам в Тегеране в 1991 году: «Да, я создал их, Хезболла – мои дети». Его рука искалечена взрывом бомбы – он получил ее в письме, которое неосмотрительно вскрыл сам. Он потерял несколько пальцев, был тяжело ранен, но остался жив.

После Исламской революции в Иране в декабре 1979 года первые четыреста иранских добровольцев прибыли в Дамаск и заявили, что намерены развернуть шиитское движение в Ливане. Они провозглашали лозунги: «Сегодня Иран, завтра Палестина». К их удивлению президент Сирии Хафез Асад отправил их назад. Асад не хотел появления в стране религиозных фанатиков, которых он не сможет контролировать. И у него свои планы на Ливан. Для Асада – это искусственно созданное государство, территория Ливана должна принадлежать Сирии.

Сирия – первая из арабских стран, попавших под власть военных: с тех пор, как в 1949 году последовали один за другим несколько военных переворотов.

Президент Ливана Фуад Шехаб 8 сентября 1964 года в беседе с советским послом Дмитрием Семеновичем Никифоровым назвал сирийцев не только «горячими головами», но и «пруссакими Ближнего Востока». Шехаб был человеком военным и знал, о чем говорил. Он служил еще во французской армии и стал первым командующим вооруженными силами Ливана после обретения независимости.

Ливан в 1950-е годы превратился в важнейший финансово-экономический центр на Ближнем Востоке. В Ливане тратили миллионы богатые кувейтцы и саудиты. Они покупали здесь виллы и наслаждались жизнью.

В 1970 году иорданский король Хусейн изгнал вооруженные отряды палестинцев из своей страны. Они осели в южной части Ливана, неподалеку от границы с Израилем. А руководители Организации освобождения Палестины обосновались в мусульманском Западном Бейруте. Это привело к краху еще недавно процветавшей страны. Ливан с его слабой государственной машиной и расколотой религиозными разногласиями армией был слишком слаб, чтобы помешать палестинцам создать государство в государстве. Палестинцы легко выбили ливанскую армию из южной части Ливана. Центральная власть окончательно развалилась.

В апреле 1975 года против палестинцев выступили христиане-марониты – потомки членов католической секты, изгнанных из Сирии в V веке и нашедших убежище в Ливане. Они занимали важнейшие посты в армии и в финансовом мире. За маронитами в конституции было закреплено место президента, тогда как премьер-министром должен быть мусульманин.

Гражданская война в Ливане вспыхнула 13 апреля 1975 года, когда начались схватки между боевиками ООП и отрядами христиан. Президент Сирии Хафез Асад счел этот момент удобным для вступления в Ливан. В апреле прибыли первые четыреста сирийских солдат – под предлогом защиты христиан. К лету их было уже тридцать тысяч.

Хафез Асад позаботился о том, чтобы его солдаты находились в Ливане под флагом межарабских сил по поддержанию мира.

На совещании арабских стран в Эр-Рияде в октябре 1976 года было принято решение для разъединения противоборствующих сил в Ливане сформировать межарабские силы по поддержанию мира. В них включили воинские контингенты Сирии, Саудовской Аравии, Йеменской Арабской Республики, Народной Демократической Республики Йемен (страна была расколота на две части), Ливии и Судана. Эти силы должны были поступить в подчинение ливанского президента. В реальности там находились в основном сирийцы, и они подчинялись только Дамаску.

Мандат межарабских сил продлевался восемь раз. 27 июля 1982 года срок мандата истек. Миссия межарабских сил завершилась. Совет министров Ливана принял решение о выводе всех иностранных войск с территории страны. Все контингенты покинули территорию Ливана. Сирийцы остались.

«Многие думали, что сирийцы освободят ливанцев от палестинской оккупации, – возмущался молодой христианский политик Башир Жмайель. – А в результате мы попали под власть Сирии, которая всегда мечтала расширяться до берегов Средиземного моря. Сирия виновна в том, что страна теперь в запустении. Сирия уничтожает наше государство».

23 августа 1982 года христианин Башир Жмайель был избран президентом Ливана. Иран и Сирия сплотились, чтобы свергнуть правительство христиан-маронитов в Бейруте.

Утром 14 сентября только что избранный президент выступал в монастыре возле Бейрута, где его сестра была монахиней. Когда Башир Жмайель произносил свою речь в монастыре, ливанец Хабиб Тану Шартуни в последний раз проверил гигантскую бомбу, которую накануне ночью он подложил в комнату на втором этаже штаб-квартиры возглавляемой Жмайелем фалангистской партии. Детонатор был японского производства. Он позволял подорвать взрывное устройство с расстояния в несколько километров.

Из монастыря Башир поехал в резиденцию фалангистов: как президент страны он собирался отказаться от партийного поста и хотел всех поблагодарить за помощь. Примерно в четыре часа Башир начал свою речь. Ровно через десять минут Хабиб Шартуни, сидя в машине, нажал кнопку дистанционного управления взрывателем. Взрыв услышал весь Бейрут. Трехэтажное здание поднялось в воздух и рассыпалось.

Тело Башира Жмайеля откопали одним из первых, но лицо президента было изуродовано до неузнаваемости. Труп вместе с другими отвезли в морг. Его опознали на следующий день по кольцу и письму сестры, найденному в кармане.

Шартуни поймали. Следствие пришло к выводу, что Шартуни и человек, передавший ему взрывчатку (он сумел скрыться), действовали по заданию сирийцев. Через два дня после смерти Жмайеля ливанские христиане уничтожили всех обитателей палестинских лагерей Сабра и Шатила – это была месть. После этой резни гражданская война между мусульманами и христианами разгорелась с новой силой.

А в ливанские дела вмешались еще и израильтяне.

После того как 3 июня 1982 года в Лондоне был тяжело ранен израильский посол Шломо Аргов (ему выстрелили в затылок, когда он шел к машине), в Иерусалиме, в доме премьер-министра Менахема Бегина, срочно собрался кабинет министров.

Авраам Шалом, руководитель контрразведки Шин-бет, предположил, что покушение – дело рук небольшой палестинской группы, которую возглавлял известный террорист Абу Нидаль (настоящее имя – Сабри Халиль аль-Банна). В свое время он был известнее Осамы бен Ладена. В Организации освобождения Палестины его считали психопатом, свихнувшимся на терроре. Так, поссорившись со своим племянником, он подложил в его дом бомбу, которая убила жену и двоих детей.

Одним из первых палестинцев он отправился на учебу в Китай и Северную Корею, где изучал тактику диверсионных действий. Группа Нидаля никогда не была многочисленной, максимум двести – четыреста боевиков. Они были связаны между собой семейными, клановыми отношениями. Это гарантировало организацию от провала. Абу Нидаль отправил своих людей убить Ясира Арафата, их поймали. Не сумев добраться до Арафата, Нидаль взялся за его помощников, придерживающихся умеренных взглядов. Убил несколько видных палестинцев, налаживавших контакты с Израилем.

Ни премьер-министр Бегин, ни начальник генерального штаба генерал Рафаэль Эйтан не

прислушались к начальнику своей контрразведки. Они считали, что любой террористический акт – это дело рук ООП и Ясира Арафата. Следовательно, нужно нанести ответный удар по позициям Арафата.

Руководил операцией министр обороны Ариэль Шарон, которого молодые офицеры армии обороны Израиля считали образцом для подражания, восхищались его дерзкими операциями. У него был один принцип: на каждую террористическую акцию отвечать с еще большей жестокостью, возмездие неотвратимо.

Вся военная инфраструктура палестинцев в Ливане была уничтожена. Израильцы захватили много боевой техники и оружия. Остатки палестинских формирований эвакуировались в Тунис. Ясир Арафат и его окружение говорили, что им пришлось уйти, потому что их предала Сирия, не пожелавшая помочь палестинцам. На севере Ливана сирийские войска даже атаковали позиции палестинских боевых отрядов одновременно с наступлением израильской армии.

Президент Сирии Хафез Асад, почувствовав слабость Арафата, попытался подмять под себя палестинское движение. «Вы представляете Палестину не больше, чем мы, – наставительно сказал он Арафату. – Нет никакого палестинского народа, а есть только Сирия. Вы неотделимая часть сирийского народа, а Палестина – неотделимая часть Сирии».

Израильская авиация сбила тогда сотню сирийских самолетов и уничтожила передовые установки противовоздушной обороны, поставленные Советским Союзом. Американцы были очень довольны успехом новых американских вооружений и результатами совместных с израильцами разработок.

Москва разрывалась между обязательствами по отношению к Арафату и лояльностью к своему важнейшему союзнику – Сирии.

В 1970-х годах советские руководители утратили своего главного союзника на Арабском Востоке – Египет. Вся нерастраченная любовь к арабским друзьям перешла на Сирию. Хафез Асад лучше других арабских лидеров освоил науку получать от советских руководителей все, что ему было нужно, ничем при этом не поступаясь. Асад откровенно говорил: «Меньше чем на миллиард я оружия из Москвы не уволю».

Президент Асад получил дополнительное вооружение из СССР. Министр обороны маршал Устинов настойчиво предлагал «двинуть в Сирию еще два ракетных полка с войсковым прикрытием». Иначе говоря, военные были готовы открыто выступить на стороне Сирии против Израиля. Председатель КГБ Андропов осторожно говорил: «Надо подумать». Хафез Асад часто ставил Советский Союз в трудное положение. «Сирия послала в Ливан войска; совершила интервенцию, – недовольно говорил в своем кругу министр иностранных дел Громыко, – стала расстреливать прогрессивных ливанцев, компартию, прогрессивных палестинцев... Надо подумать, стоит ли подписывать соглашения с Сирией, которые ухудшат наши отношения с другими арабскими странами».

Когда становилось жарко, сирийцы сообщали в Москву, что готовы предоставить Советскому Союзу военно-морские и военно-воздушные базы на своей территории, а взамен просили разместить советские ракетно-зенитные комплексы с советскими же солдатами. Сирийцы понимали, что израильцы не станут бомбить районы, где размещены советские военнослужащие. Как только напряжение спадало, сирийцы забывали о своем обещании насчет баз...

Добраться до Абу Нидаля, который организовал покушение на израильского посла и спровоцировал ливанскую войну, Моссаду тогда не удалось. Нидаля скрывался в разных странах, пока не заболел. Лечился он в Ираке. В середине августа 2002 года появилось сообщение, что Нидаля покончил с собой в Багдаде. Одни считали, что он болел и не выдержал

страданий. Другие уверены, что Саддам хотел выдать его Интерполу. Нидаль потерял ценность для Саддама. Когда группа захвата ворвалась в квартиру Нидаля, он попросил дать ему возможность одеться. Ушел в спальню и застрелился...

Поначалу ливанцы радовались, что израильские танки избавляют их от надоевших палестинцев. А потом израильцы стали их так же раздражать. Изгнание ООП из Ливана привело к созданию там опорного пункта Ирана.

Высокопоставленная военная иранская делегация прибыла в Дамаск в начале июля 1982 года во главе с министром обороны. Для Хафеза Асада учиненный израильцами разгром его любимой авиации, которой он когда-то командовал, стал болезненным ударом. Он осознал, что не в состоянии противостоять Израилю. Тогда он разрешил иранцам создать в Ливане террористическую организацию – Хезболлу, чтобы она мстила за него Израилю.

Первые три тысячи иранцев из Корпуса стражей Исламской революции прибыли в Дамаск, оттуда их переправили в Бейрут. Иранцы привезли с собой оружие, деньги и стали учить шиитскую молодежь военному делу.

Корпус стражей Исламской революции появился в 1979 году как аппарат внутренней безопасности, чтобы помочь Хомейни взять власть в стране. Аятолла Монтазери объяснял, что задача стражей – не только защитить революцию от внутренних и внешних врагов, но и распространять Исламскую революцию на другие страны.

Аятолла Хомейни когда-то говорил, что исламское государство не только существует по исламским законам, но и власть в нем тоже должна принадлежать исламским священнослужителям. Хомейни взял на себя управление Ираном. Его слово стало законом в определении политики государства, в решении важнейших вопросов.

Хезболла для начала располагала только иранскими деньгами и иранскими инструкторами. Главную роль сыграли муллы – они проповедовали в мечетях, на похоронах, вообще перед любой толпой, призывая присоединиться к шиитскому сопротивлению.

У ливанских шиитов не было такой фигуры, как Хомейни, поэтому образовалось некое коллективное руководство из трех человек. Долго действовали в тайне: никаких пресс-конференций, выступлений лидеров, имена которых скрывались, никаких телефонных справочников.

Бейрут изменился. Появились бородатые люди с автоматами. На зеленых головных повязках было написано: «Наш вождь Хомейни». Магазины, где продавали алкоголь, взрывали. Женщины стали одеваться по-исламски. Рассказывали пугающие истории: тем, кто не соблюдает правила шариата, могут плеснуть в лицо кислотой.

Боевики установили новые порядки и на юге Ливана. Запретили продажу алкоголя. Молодежь оставили без вечеринок, танцев и музыки. Стариков лишили привычной игры в карты вечером в кафе. Женщинам запретили носить купальные костюмы и купаться рядом с мужчинами.

На первые роли в шиитском движении в Ливане выдвинулся Хусейн Мусави. Он окончил Тегеранский университет, обладал мощными связями в окружении Хомейни. Его двоюродный брат служил первым секретарем в иранском посольстве в Бейруте. Еще несколько родственников занимали видные посты в Тегеране, один из них – Мир Хусейн Мусави – был одно время министром иностранных дел и премьер-министром Ирана.

Они обосновались в городе Баальбеке, центре долины Бекаа. Разведки всего мира проморгали появление в Ливане иранских бойцов.

Израиль не обращал на шиитов внимания. Правительство Ливана было слишком слабо, чтобы заниматься еще и иранцами. Осенью 1982 года Хусейн Мусави установил контроль над северной частью долины Бекаа, изгнав оттуда войска ливанского правительства. Его боевые

группы разместились на территории Ливана как у себя дома.

В Баальбеке шли секретные встречи шиитов, вдохновленных успехами иранской революции. Они ездили то в Тегеран, то в Дамаск, где находится крупнейшее иранское посольство. Главная задача состояла в том, чтобы привлекать шиитскую молодежь и направлять ее в военные лагеря, где из них сделают настоящих бойцов.

Новый вид войны начался 11 ноября 1982 года, когда молодой человек в белом автомобиле, начиненном взрывчаткой, врезался в семиэтажное здание израильской военной администрации в Тире. Погибли семьдесят пять израильских солдат, пограничников и сотрудников Шин-бет. При расследовании нашлись три свидетеля, видевшие, как «пежо» мчался в сторону здания на бешеной скорости. По серийному номеру на его обломках определили, что машина не принадлежала израильтянам. И еще нашли оторванную ногу, не принадлежавшую никому из солдат. А в небольшой деревне неподалеку от Баальбека прошла церемония похорон – без тела: хоронили водителя «пежо» по имени Ахмад Кассир. Его родные получили послание от самого имама Хомейни.

Через год, 4 ноября 1983 года, израильский полицейский, охранявший военную базу в Тире, увидел подозрительный грузовик, который приближался с огромной скоростью. Он открыл огонь, выпустил сто тридцать пуль, но не остановил машину, от взрыва которой погибли двадцать восемь израильтян (в основном сотрудники контрразведки Шин-бет и пограничники) и тридцать два ливанца.

Рафи Малка, начальник оперативного управления Шин-бет, вспоминал: «В Ливане для того, чтобы спастись, надо было делать вещи, которые прежде считались неприемлемыми. Шин-бет не была исключением. Это была жестокая война без правил, а если кто-то пытался вести себя по правилам, он просто погибал».

С 1982 по 1985 год Хезболла организовала три десятка атак шахидов. Как и в Иране, ключевую роль в Хезболле играют шиитские священнослужители. Они не только призывают в мечетях сражаться с неверными, но и сами руководят боевыми операциями.

Духовным лидером Хезболлы стал Сайид Мухаммад Хусейн Фадлалла, утвержденный на этот пост Ираном. Он постоянно приезжал в Тегеран. Его принимал сам аятолла Хомейни, который лично присвоил ему высокое религиозное звание хужат аль-ислама. Потом Фадлалла был провозглашен аятоллой. Он строил большие планы. Он хотел бы сам стать Хомейни в Ливане, а не его подручным. Он заявил, что намерен установить в Ливане исламский режим по типу иранского. В те годы Фадлалла во время пятничных намазов провозглашал, в частности, лозунг «Смерть Советскому Союзу!».

8 марта 1985 года прогремел взрыв в мечети, где читал проповедь шейх Фадлалла. Погибли восемьдесят человек. Шейх выжил. Считается, что взрыв устроили на деньги (триста тысяч долларов), выделенные Саудовской Аравией. Получил их Элие Хобейка, командир фалангистской милиции. Трое фалангистов заложили взрывчатку возле мечети в машине и взорвали с помощью радиоуправляемого устройства.

Фадлаллу пытались убить несколько раз. После первого неудачного покушения проведать его приехал председатель иранского парламента Али Акбар Хашеми Рафсанджани. Это был знак уважения. Фадлалла и шагу не делал без личной охраны, вооруженной «калашниковыми». Объяснял иностранным журналистам, что оружие – самый убедительный аргумент для тех «людей, которые не понимают мою концепцию мира». Он сам напутствовал юных самоубийц (некоторым из них было не больше четырнадцати) перед тем, как отправить их на задание, с которого не возвращаются.

Ему помогали примерно двести кадровых сотрудников министерства исламской ориентации Ирана. Все они были выходцами из иранской провинции Хузестан, где говорят

по-арабски, что позволяло им легко общаться с ливанцами.

18 апреля 1983 года грузовик с взрывчаткой взорвался в здании американского посольства. Погибли шестьдесят три человека, в том числе почти весь состав резидентуры ЦРУ во главе с Робертом Эймсом, который руководил ближневосточным отделом ЦРУ и приехал в Бейрут в командировку. Взрыв произошел именно в тот момент, когда оперативники ЦРУ совещались в посольстве. Кто мог сообщить об этом Хезболле?

Операция замышлялась в иранском посольстве в Дамаске. Взрывчатку приготовили в долине Бекаа, затем через позиции сирийских войск доставили Хезболле в Бейрут.

Взрыв в американском посольстве лишил ЦРУ глаз.

Через полгода, ранним утром 23 октября, два грузовика взорвались почти одновременно, один – у казармы американских морских пехотинцев возле бейрутского аэропорта (двести сорок один погибший), другой – у казармы французских парашютистов, расквартированных в километре от американцев (пятьдесят восемь погибших). Французская армия понесла самые большие потери после войны в Алжире. Слежка за расположением американских морских пехотинцев шла несколько месяцев, пока не выяснили, как и когда машины с продовольствием, не привлекающие внимания боевого охранения, въезжают на территорию военного городка.

Взрыв заставил президента Рейгана вывести американские войска из Ливана. Уход международных сил из Ливана оставил Хезболлу единственной реальной силой в стране.

Хезболла получила из Ирана артиллерию, минометы, зенитные ракеты и бронетранспортеры. Помимо религиозных фанатиков и уголовных элементов в отряды Хезболлы охотно вступала безработная шиитская молодежь, потому что там хорошо платили – иранскими деньгами. Сонные ливанские деревни, как в Афганистане, а до этого во Вьетнаме, превратились в очаги сопротивления.

Как ни странно, именно Израиль дал им возможность развернуться, выгнав из Ливана палестинцев, которые были на ножах с шиитами. Постепенно Хезболла создала в Ливане свое мини-государство, изгоняя из контролируемых ею районов друзов, христиан и мусульман-суннитов.

Несколько тысяч человек лидеры Хезболлы держали у себя в тюрьмах. Хезболла превратила захват заложников в выгодный бизнес.

Внутри Хезболлы иранцы организовали самостоятельные группы для ударов по западным целям, для похищения западных граждан. Прежде всего охотились за американцами. 20 июня 1982 года группа боевиков Хезболлы похитила Дэвида Доджа, президента американского университета в Бейруте. Его держали год. С конца 1982 года по июнь 1986 года Хезболла похитила в Ливане девяносто шесть человек.

Во время гражданской войны похищение в Ливане считалось самым верным способом добыть деньги. Ливанцев крали тысячами. Иностранцев похитили в общей сложности восемьдесят семь человек. Захватить беззащитного иностранца, священника или преподавателя, легче и безопаснее, чем схватиться с врагом. Десять заложников погибли, других убили, третьи умерли от болезней, не получив медицинской помощи.

Иранцы давали боевикам Хезболлы дипломатические паспорта, снабжали разведывательной информацией. Очень много ценных документов иранцы получили, захватив американское посольство в Тегеране. Так они, к примеру, выяснили имя резидента ЦРУ в Бейруте Уильяма Бакли, одного из немногих специалистов по региону, оставшихся после взрыва посольства. Его похитили 16 марта 1984 года. Директор ЦРУ Уильям Колби так хотел вытащить его из беды, что поддержал сделку по продаже оружия Ирану. Но это не помогло. Полковника пытали и убили. Боевики потом утверждали, что Бакли был причастен к аресту шиитов, которые симпатизировали Ирану и которые исчезли, когда Амин Жмайель был

президентом Ливана. На самом деле этих шиитов убили в подвалах министерства обороны Ливана.

Останки Уильяма Бакли были найдены в пластиковом мешке в 1991 году у обочины дороги, ведущей к бейрутскому аэропорту. Тело полковника вернули в США 28 декабря 1991 года и похоронили на Арлингтонском национальном кладбище с военными почестями.

Один из боевых руководителей Хезболлы Имад Мугния в марте 1985 года похитил двух французских журналистов. Когда британский священник Терри Уайт приехал к нему в 1987 году, чтобы вести переговоры об условиях их освобождения, его тоже взяли в заложники.

Французы, чтобы выручить своих сограждан, послушно платили иранским и ливанским боевикам. Выставили из страны иранских эмигрантов, раздражавших Тегеран. И даже тайно продавали Ирану кое-какие запчасти к боевой технике, лишь бы освободить заложников.

Иногда похитители перепродавали похищенных более крупным организациям. Похищение превратилось в бизнес. Масла в огонь подлили люди из окружения президента Рональда Рейгана, которые тайно передавали Ирану оружие, а в обмен просили кого-то отпустить. В результате остальные заложники просидели в заключении несколько лишних лет: похитители ждали, когда и им заплатят побольше.

Хуже всех пришлось бейрутским евреям. С марта 1985 года по август 1986 года в заложники были взяты двенадцать евреев. Премьер-министр Ицхак Шамир заявил, что Израиль не ведет дел с террористами. Всех двенадцать убили.

Шииты сменили палестинцев в качестве главных угонщиков самолетов. Летом 1984 года один иранец и два ливанца захватили самолет авиакомпании «Эйр Франс», вылетевший из Франк-фурта-на-Майне, и посадили его в Тегеране. Французы отказались выполнить требование угонщиков – освободить пять иранцев, осужденных за попытку убить живущего в эмиграции бывшего иранского премьер-министра. В конце концов угонщики все же освободили заложников. Иранские власти, естественно, не стали наказывать правоверных.

12 декабря 1983 года грузовик, тяжело груженный взрывчаткой, взорвался на территории американского посольства в столице Кувейта. Погибли пять человек, ранены восемьдесят семь. В планировании и проведении акции участвовали восемнадцать боевиков-шиитов, прибывших из Ирана. Еще двое принадлежали к Хезболле.

На кувейтских и американских следователей произвел большое впечатление профессионализм террористов. Все участвовавшие были разбиты на семь ячеек, которые действовали самостоятельно. Провал одной ячейки не мог привести к провалу остальных. Арестовали семнадцать человек. Боевики Хезболлы потребовали их отпустить.

В декабре 1984 года четверо ливанских шиитов захватили кувейтский самолет, выполнявший рейс из Дубая (ОАЭ) в Карачи (Пакистан), и заставили пилота сесть в Тегеране. Они убили двух пассажиров-американцев, ранили двух кувейтцев и мучили остальных. Они требовали освободить семнадцать своих бойцов, отбывавших срок в кувейтских тюрьмах по обвинению в терроризме. Но Кувейт террористов не выдал. В конце концов угонщики отпустили пассажиров. Руководитель боевиков Абу Хайдер Мусави получил политическое убежище в Иране, где и живет по сей день.

25 мая 1985 года шахид врезался в конвой кувейтского эмира в столице. Двое охранников погибли. Но Кувейт упрямо отказывался исполнить требования Хезболлы.

5 апреля 1988 года несколько ливанских шиитов во главе с Хасаном Бадр аль-Дином захватили еще один кувейтский самолет, вылетевший из Бангкока (Таиланд), и посадили его в Иране. Потом перелетели в Ларнаку (Кипр), где убили двоих пассажиров и выбросили их тела на землю. Но от Кувейта так ничего и не добились.

14 июня 1985 года Имад Мугния организовал захват самолета американской

авиакомпании TWA-847, летевший из Афин в Рим.

Сотрудник Моссада в Афинах Хаим Натив, изучив список пассажиров, обнаружил, что один из боевиков – Али Атва – не успел на самолет и, возможно, еще находится в аэропорту. Натив предложил объявить его имя в аэропорту, и боевик попался. Так удалось выяснить, кто стоит за похищением.

Имад Мугния – человек типа Осамы бен Ладена. Его именовали «иранским Шакалом». Он значился в списке самых разыскиваемых преступников ФБР двадцать один год, пока его не взорвали в Дамаске в январе 2008 года. Окончив школу, примкнул к боевым отрядам Арафата, служил телохранителем одного из его заместителей. Когда палестинцы покинули Ливан в 1982 году, он остался и присоединился к Хезболле. Имад Мугния создал свой аппарат, который был отделен от остальной части Хезболлы, чтобы избежать проникновения израильских агентов.

Оперативники из американского спецподразделения по борьбе с терроризмом «Дельта» были срочно переброшены на Ближний Восток, но, опасаясь атаки, террористы все время перегоняли самолет из Алжира в Ливан.

Мужественная стюардесса Ули Дериксон сумела спасти немало жизней. Она не позволила им отобрать пассажиров с еврейскими именами. И сама заплатила за авиационный керосин, когда в Алжире отказались заправлять самолет бесплатно. Во время второй посадки в Бейруте они выявили среди пассажиров американского военного моряка, убили его и выбросили труп на землю.

Имад Мугния – в маске – даже устроил пресс-конференцию, наслаждаясь своей властью над беззащитными людьми. Он понемногу выпускал пассажиров – в обмен на авиационный керосин и продовольствие. Восемь греков, в том числе певца Демиса Руссоса, обменял на своего неудачливого боевика Али Атву.

Через семнадцать дней после захвата самолета освободили остальных заложников. Террористы добились своего. По просьбе Соединенных Штатов Израилю пришлось выпустить пятьсот осужденных террористов-шиитов из своих тюрем.

В 1987 году один из похитителей самолета Али Хамади был арестован во Франкфурте-на-Майне, когда пытался ввезти в ФРГ взрывчатку. Его судили за участие в убийстве американца в том рейсе. Но в 2005 году простили и освободили.

Самый известный заложник Хезболлы в 1980-е – Терри Андерсон, главный корреспондент информационного агентства «Ассошиэйтед Пресс» на Ближнем Востоке. 16 марта 1985 года в Бейруте его под угрозой оружия заставили выйти из машины. Его продержали почти семь лет, освободили в декабре 1991 года. Когда его похитили, его жена была на седьмом месяце. Он увидел дочь впервые, только когда его выпустили. Американское законодательство, принятое в 1996 году, позволяет подавать иск к правительствам стран, покровительствующих терроризму. Суд признал Иран виновным в похищении и присудил Андерсону и его семье триста сорок один миллион долларов возмещения. Иран не заплатил.

10 октября 2000 года федеральный суд США присудил вдове и дочери подполковника морской пехоты Уильяма Хиггинса, похищенного и убитого, триста пятьдесят три миллиона долларов. Он служил в Ливане военным наблюдателем миссии ООН. Через полтора года после похищения Хиггинса израильтяне выкрали Абд аль-Карима Обейда, видного деятеля Хезболлы. Хотели обменять его на попавшего к Хезболле израильского летчика Рона Арада. Хезболла пригрозила, что убьет Хиггинса, если Обейду немедленно не вернут. Боевикам не поверили. На следующий день появилась видеопленка, на которой Хиггинс болтается в петле. Американцы обиделись на израильтян. Но анализ видео, проведенный военной разведкой Израиля, показал, что это монтаж: полковник в зимней одежде, а в Бейруте летняя жара. Тело нашли 23 декабря 1991 года на одной из улиц Бейрута. Вскрытие показало, что убили его ударом ножа в шею

почти сразу после похищения.

У всех террористов-самоубийц обнаружилось нечто общее: они были шиитами.

Прежде террористы не планировали самоубийственные миссии. Все-таки они не могли побороть естественное стремление выжить. Но шиитские террористы нового поколения изначально отказались думать о выживании. Если террористы упрямо повторяют: «Никто из нас не боится умереть, наши принципы и цели важнее наших жизней», то как же с ними бороться?

Идея самоубийственных акций была привнесена Ираном. Хезболла воспитывает детей в убеждении, что, отдав жизнь в бою, они будут вознаграждены вечным пребыванием в райских кущах, которых им не видать, если они мирно доживут до старости.

Боевики Хезболлы совершали самоубийственные акции, оставив после себя видеозаписи с последним словом, подарки родным и письма матерям и отцам с просьбой не кручиниться. Многие из них родились в горных деревушках южного Ливана, где укрывались в шахские времена шиитские священнослужители, которые потом возглавили религиозную революцию в Иране.

Мехди Базарган, которого Хомейни сделает премьер-министром, учился возле Тира. Его будущий заместитель Садек Табатабай приезжал в Тир каждый год. Как и аятолла Мохаммад Бехешти, который станет в Иране министром юстиции, или Садек Готбзаде, министр иностранных дел. Первый революционный министр обороны Ирана Мустафа Хамран основал институт в Тире, среди его учеников был учившийся электротехнику Мохаммад Саад, будущий ведущий специалист по взрывному делу у партизан Хезболлы. И все это происходило в небольшом уголке южного Ливана, который стал сердцем движения Хезболла.

В шахиды арабские террористы подбирают совсем молодых людей, часто девушек – тех, кого полиция менее всего склонна подозревать в преступных намерениях.

В 1985 году Национал-социалистическая партия Сирии, которая действует в Ливане, впервые послала на самоубийственное задание женщину. Прощальное обращение молодой смертницы к родным было записано на видеомagneтофон и показано по ливанскому телевидению. Одетая в европейский костюм, в малиновом берете, юная террористка уверенно произнесла в объектив видеокамеры, что чувствует себя совершенно спокойно, потому что просто выполняет свой долг перед народом. Сказав родителям, что идет в магазин, она села в белый «пежо», начиненный взрывчаткой, и направила его в израильский джип. Израильцы ответили обычным способом. Они нашли учебный лагерь национал-социалистов, где готовили шахидов. Два израильских самолета обстреляли ракетами этот лагерь, почти полностью его уничтожив.

Но эту новую волну терроризма остановить очень трудно.

Израильская разведка располагала достаточно большой агентурой в среде палестинцев, но шиитами прежде никто не интересовался. Обычный израильский ответ на теракты – воздушные налеты на лагеря – в данном случае был неэффективен. Бомбы сыпались на деревни, где невозможно отличить террориста от обычного крестьянина. Хезболла сотрудничала не только с иранской, но и с сирийской разведкой, которая располагает хорошей агентурой в Ливане.

Многие годы Шин-бет получала информацию от завербованных арабов. Но ливанские шииты были сплочены. Им не хотелось шпионить на врага. Для подавляемого и униженного меньшинства расцвет и успехи Хезболлы были причиной величайшей гордости. Они впервые могли гордиться собой. Хезболла стала серьезной силой. Она зарабатывала на выращивании опиума и анаши. Долина Бекаа – это самые плодородные земли Ливана. В 1980-е годы доля земли, используемая для выращивания наркотиков, выросла с десяти до девяноста процентов. В середине 1990-х под давлением американцев Сирия заставила Хезболлу сократить

наркопосевы. Потом производство наркотиков опять стало расти.

Чем дальше израильтяне оставались в Ливане, тем больше шииты их ненавидели.

Неспособность израильской разведки проникнуть в Хезболлу стала одной из главных ее неудач. За эту неудачу своими жизнями заплатили вооруженные силы страны. Когда Моше Аренс сменил Шарона на посту министра обороны в феврале 1983 года, то сказал, что в разведывательной работе в Ливане «царит хаос».

16 февраля 1985 года Хезболла открыто заявила о себе. Ее манифест зачитал шейх Ибрагим эль-Амин. Хезболла представляла себя частью сражающегося исламского мира. Она поносила Советский Союз за войну в Афганистане, Соединенные Штаты – за поддержку Израиля. Мир с Израилем невозможен, декларировала Хезболла: «Сионистское образование является агрессором и создано на земле, которую отобрали у мусульманского народа. Поэтому наша борьба с сионистским образованием закончится только с полным его уничтожением. Мы никогда не подпишем мирного соглашения с сионистским образованием и не будем подчиняться никаким соглашениям о прекращении огня и перемирии».

В 1986 году начальник израильской военной разведки генерал-майор Амнон Липкин-Шахак на совещании признался: «Мы ничего не знаем о Хезболле. За ними стоит Иран, дает им деньги, обучает. А у нас нет внутри ни одного агента». В Израиле начинали сомневаться: надо ли держать войска в Ливане, если они не в состоянии защитить самих себя?

Без сирийцев Хезболла не смогла бы так успешно действовать. Первая встреча руководителей Хезболлы и сирийского президента Хафеза Асада состоялась в ноябре 1984 года. Тогда Асад разрешил доставку иранского оружия ливанским шиитам через свою территорию. Вскоре после этого в Дамаске состоялась уже трехсторонняя встреча между иранцами, сирийцами и ливанскими шиитами. Договаривались о сотрудничестве и взаимопомощи в организации террористических акций. Руководители Хезболлы обещали Асаду учитывать то, что Ливан входит в сферу интересов Сирии. Все это, впрочем, нисколько не означало, что интересы Сирии и Ирана в Ливане совпадают. Иран желал видеть Ливан вторым шиитским государством. Сирию же интересовали не конфессиональные проблемы, а полная подчиненность соседнего государства ее политике. В начале 1988 года это привело к жестокой войне между Хезболлой, поддерживаемой Ираном, и движением «Амаль», которому симпатизирует Сирия.

Хезболла – не только боевая организация и политическая партия, это еще и государство в государстве. Шейх Аббас аль-Мусави превратил Хезболлу – благодаря помощи иранцев – в одну из самых процветающих организаций. Она обзавелась своими школами, больницами, заводами, магазинами. Хезболла имеет радиостанцию, газеты, интернет-сайты на разных языках, издательства, которые выпускают журналы и книги, телекомпанию – первая передача была о похоронах Хомейни. Операторы скрытно снимают боевые акции, успешные показывают по телевидению. Демонстрация побед Хезболлы привлекает в ее ряды новых бойцов.

Никто не знает, как много денег Иран давал Хезболле – говорят, не менее десяти миллионов долларов в месяц. Кроме того, Хезболла получала деньги напрямую от священнослужителей Ирана. Все мусульмане должны платить религиозный налог. Этими деньгами распоряжаются муллы.

Хезболла открыла супермаркеты, книжные магазины. Строит дешевое жилье в Бейруте, на которое есть большой спрос. Хезболла занимается банковской деятельностью, покупает акции. Исламское банковское дело – самый растущий сектор экономики Ближнего Востока. Первыми потребовали создания исламских банков «Братья-мусульмане». Основатель Хасан аль-Банна говорил, что это способ уйти от западного влияния, альтернатива коммунизму и капитализму.

На иранские деньги Хезболла попыталась поднять уровень жизни шиитов, обеспечить их

лекарствами, помочь больным, старикам, инвалидам. Нищих снабжали одеждой, едой, жильем. Хезболла заботилась о вдовах погибших, взамен требовала самопожертвования в войне с Израилем.

Новички проходят подготовку в лагере неподалеку от священного города Кум. Там не только учат обращению с взрывчаткой и изготовлению бомб, но объясняют величие миссии воинов Аллаха, отдающих жизнь во имя ислама и идей Хомейни. Каждому боевику партия платит четыреста долларов за теракт. Накануне выезда на задание устраивает краткосрочное «приятное свидание» с кем-то из вдов погибших бойцов.

Хезболла через границу обстреливает Израиль. Сначала полученными от палестинцев советскими ракетными установками типа «Катюши». Затем более совершенными иранскими ракетами. Хезболла получила от Ирана ракеты, которые пробивали броню старых израильских танков «Центурион». Эти танки убрали из Ливана, заменив их другими. В марте 1993 года Хезболла пустила в ход противотанковые ракеты российского производства, полученные из Ирана. Одна пробила броню танка «Меркава», считавшуюся неуязвимой. К счастью для экипажа, ракета не взорвалась. Но это был неприятный сюрприз.

Израиль неизменно отвечает ударом на удар. Контрразведка Шин-бет полагала, что сможет подавить Хезболлу, если станет методично уничтожать лидеров партии. А если еще наказывать местное население за каждый теракт, совершенный Хезболлой, то рано или поздно деревни повернутся против шиитских боевиков... Получилось иначе. Всякий раз, когда израильская авиация наносила ответный удар по базам Хезболлы в густо населенных районах, гибли невинные люди, и сразу новые добровольцы вступали в партию.

Война разорвала некогда процветавший Ливан на клочки, каждый из которых превратился в самостоятельное царство под управлением какого-нибудь сильного человека, достаточно богатого для того, чтобы обзавестись собственной армией. В Бейруте обосновались политики и террористы самого разного толка.

В 1988 году Ливан раскололся. Уходящий президент Амин Жмайель (брат убитого президента Башира Жмайеля) последним указом сформировал христианское переходное правительство во главе с командующим ливанской армией генералом Мишелем Ауном. Ливанская мусульманская община отказалась признать новое правительство.

Генерал Аун приказал взять под контроль порты в Бейруте, в том числе в мусульманской части. Это нанесло удар по интересам шиитов. Они стали обстреливать христианские порты с помощью сирийских войск, которые наносили артиллерийские удары по важнейшим экономическим объектам в христианской части страны.

13 октября 1990 года сирийские войска вошли в Восточный Бейрут и покончили с маронитской армией генерала Мишеля Ауна. Сирия контролировала две трети территории Ливана. В мае 1991 года был подписан сирийско-ливанский договор. Президент Асад заявил: «Сирийцы и ливанцы – один народ в двух государствах». Ливанцев-христиан это сильно встревожило.

В августе – сентябре 1992 года сирийцы инсценировали парламентские выборы, которые показали, кто стоит за независимый Ливан, а кто желает превратить страну в сирийский протекторат. Сирийцы, по существу, произвели государственный переворот. Марониты и христиане других общин, вчерашние хозяева Ливана, были отодвинуты от политики. Просирийский лагерь торжествовал. Восемьдесят процентов депутатов ориентировались на Сирию. Среди них были миллионеры, которые нажили состояние на торговле оружием и наркотиками и на контрабанде. Депутаты от проиранской группировки Хезболлы прошли в парламент.

Еще в 1989 году в Таифе подписали соглашение, которое должно было знаменовать

окончание пятнадцатилетней гражданской войны. Сирия обещала вывести войска из Ливана к 1992 году. Они остались. В сентябре 2004 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1559, требующую полного вывода сирийских войск с территории Ливана и прекращения вмешательства Сирии во внутренние дела Ливана. Резолюция осталась на бумаге.

В нашей стране не очень хорошо представляли себе, что такое Хезболла, пока напрямую с ней не столкнулись. Эта драматическая история закончилась печально.

30 сентября 1985 года палестинские боевики похитили четырех сотрудников советского посольства и торгпредства. Почти двадцать лет спустя об этом подробно рассказал тогдашний резидент советской внешней разведки в Бейруте полковник Юрий Николаевич Перфильев. Захват советских людей был операцией Хезболлы, которую полковник Перфильев называет просто бандой. Руководили этой бандой из Тегерана.

Двое похищенных в ливанской столице советских людей были разведчиками: Олег Спиринов работал под видом атташе посольства, Валерий Мыриков числился инженером в торгпредстве. Кроме того, в заложники взяли «чистого дипломата» – сотрудника консульского отдела Аркадия Каткова и посольского врача Николая Свирского. При захвате Каткова ранили из автомата. Причем это произошло практически рядом с посольством.

Заложников доставили в район, где на стенах красовались портреты Хомейни. Они поняли, что оказались в руках проиранских фундаменталистов. Заложников раздели до трусов, поставили на колени. Так началось их заточение...

Почти сразу после этой акции брата одного из организаторов похищения случайно убили в перестрелке, поэтому пошли разговоры, будто советская разведка уже нашла похитителей и наши мстят. На самом деле ни в посольстве, ни в Москве не знали, кто похитители и как до них добраться.

С просьбой о помощи обратились к Ирану, Иордании и Ливии. Все обещали помочь. Никто ничего не сделал. Ясир Арафат сразу заявил, что он – друг Советского Союза и уже заплатил сто тысяч долларов, чтобы советских дипломатов отпустили. Позже стало известно, что в похищении участвовали бывшие телохранители Арафата. Это выяснилось, когда похитители через прессу изложили свои требования: Москва должна заставить Сирию прекратить кровопролитие в Ливане, то есть не убивать больше палестинцев. Террористы передали журналистам фотографии всех четырех похищенных с пистолетами у виска. К тому времени у раненого Аркадия Каткова началась гангрена. Бандиты вывезли его в пустынное место (на стадион) и застрелили. Считается, что это сделал Имад Мугния.

Посольство и резидентура внешней разведки попросили Москву воздействовать на Сирию, чтобы она прекратила бессмысленные и жестокие операции на севере Ливана, где сирийцы безжалостно уничтожали палестинцев и исламских радикалов. Президент Хафез Асад внял просьбам Москвы и его войска остановились.

В какой-то момент заложников решили освободить. Но Ясир Арафат распорядился: «Никого не освобождать, пока не будет гарантий». – «Чьих?» – «Моих». Разговор был перехвачен ливанской контрразведкой, которая с удовольствием показала текст радиоперехвата советским дипломатам: вот как ведет себя ваш лучший друг.

Советских людей захватили палестинцы и передали их Хезболле. Арафат решил воспользоваться удобной ситуацией. Во-первых, добиться, чтобы Москва заставила Сирию прекратить войну против палестинцев. Во-вторых, предстать перед Москвой освободителем. Поэтому он и приказал не спешить с освобождением заложников.

Похитившие советских людей бандиты обосновались в лагере палестинских беженцев Шатила. По словам полковника Перфильева, палестинцы жили в Бейруте, как пауки в банке. Они бесконечно конфликтовали между собой. А из Первого главного управления (внешняя

разведка) КГБ в бейрутскую резидентуру пришло указание: устроить так, чтобы освобождение заложников было организовано через палестинцев и лично Арафата. Разведчики, сделавшие карьеру на сотрудничестве с Арафатом, доказывали своему начальству полезность лидера ООП.

Полковник Перфильев встретился с духовным лидером Хезболлы шейхом Сайидом Мухаммадом Хусейном Фадлаллой, утвержденным на этот пост Ираном. Перфильев рассказывал, что фактически пригрозил шейху: «Великая держава не может бесконечно ждать освобождения заложников. Последствия могут быть непредсказуемыми не только для находящихся в Ливане группировок, но и для тех, кто стоит за ними. Ошибка при запуске ракеты всегда возможна, а от Тегерана до Кума не так уж далеко». Угроза подействовала, заложников освободили.

Через несколько лет Исламская Республика Иран фактически поддержала захват чеченскими боевиками заложников в Москве в октябре 2002 года. В передовой статье иранской газеты «Джомхурийе эслами», отражающей позицию аятоллы Али Хаменеи, говорилось: «Чечня является исламской страной, силой присоединенной к России... Против чеченского народа была устроена резня... События в московском театре показали, что чеченское движение сопротивления не подавлено, оно бурлит, как лава, которая дожидается подходящей возможности, чтобы излить свой огонь... У чеченского народа не осталось выбора, чеченцы попытались донести глас униженного народа до ушей мира и пробудить уснувшую совесть...» Это к вопросу о том, как в Иране относятся к России...

Хезболла с иранской помощью превратилась в крупнейшую террористическую организацию на Ближнем Востоке. Она научилась так искусно закладывать радиоуправляемые бомбы, что израильтяне не могли их обнаружить. Израильтяне разработали многочастотный передатчик, который на расстоянии взрывал все заложенные бомбы. Тогда шиитские боевики вернулись к проводным детонаторам.

6 апреля 1992 года в Ливане они атаковали колонну, в которой ехали бригадный генерал израильской армии Моше Тамир и несколько офицеров. Израильтян спасло только то, что рядом оказались два танка «Меркава» – они накрыли дом, откуда вели огонь боевики. Боевики, судя по всему, рассчитывали, что в колонне будет командующий северным округом генерал Ицхак Мордехай (он собирался ехать, но в последний момент изменил план).

В конце 1994 года Моссад сквитался. 21 декабря 1994 года был убит Фуад Мугния – брат Имада и тоже террорист Хезболлы. Взорвалась машина с взрывчаткой, оставленная рядом с его магазином в южной части Бейрута. Террорист зашел в магазин, убедился, что Фуад на месте, пожал ему руку, вышел и после этого взорвал машину. За девять лет до этого погиб другой брат Имада Мугнии, охранник шейха Фадлаллы.

Фуада похоронили на следующий день. Имад не пришел, опасаясь ловушки – а именно такова была идея генерала Меира Дагана, который тогда был начальником оперативного управления армии обороны Израиля. Имад оказался более осторожным, чем предполагалось.

В Моссаде возникла идея: похитить генерального секретаря Хезболлы шейха Аббаса аль-Мусави, чтобы обменять его на захваченных израильтян. Приказ был отдан 16 февраля 1992 года. Планировалось, что его захватит спецподразделение, когда он поедет в южный Ливан. За ним следили сотрудники отряда № 504 военной разведки. Беспилотные самолеты-разведчики в реальном масштабе времени передавали картину происходящего на командный пункт военно-воздушных сил. Но было видно, что шейха сопровождает слишком большая охрана. Израильские военные хотели сквитаться с Мусави за все его преступления. Начальник генштаба генерал-лейтенант Эхуд Барак отдал приказ, утвержденный премьер-министром Ицхаком Шамиром и министром обороны Моше Аренсом: «Если уж он на прицеле, уберите его». Два вертолета разнесли «мерседес» Мусави и машины охраны в клочья.

Его смерть оказалась на руку Хезболле. В тот момент Ливан готовился к выборам. Страна хотела мира. Ликвидация шейха дала желанный повод возобновить борьбу. Хезболла пять дней подряд обстреливала самодельными ракетами западную часть Галилеи, погибла шестилетняя девочка.

Арабское телевидение крутило кадры с развороченной прямым попаданием машины Мусави. Эти кадры увидел по телевизору в своей квартире в Анкаре представитель Шин-бет при израильском посольстве Эхуд Садан. Сказал жене: «Надеюсь, это не выльется в войну покушений». 7 марта 1992 года он был взорван в своей машине. Полиция Анкары нашла и отправила на скамью подсудимых членов турецкой Хезболлы, которые заложили взрывчатку по приказу из Тегерана. Это было лишь начало. Хезболла в кооперации с иранцами вышла на мировую арену.

17 марта 1992 года целью стало израильское посольство в Аргентине, возле здания которого взорвал свою машину водитель-самоубийца. Погибли двадцать девять человек: четыре сотрудника посольства, пять местных евреев, остальные – дети из находившейся рядом школы. Двести сорок два человека были ранены.

В Аргентину вылетела следственная группа: сотрудники Шин-бет, Моссада и армейские эксперты по взрывчатым веществам и баллистике. Они тесно сотрудничали с ЦРУ. Американцы и израильтяне увидели, что местные власти напуганы и хотят все поскорее закончить. Расследование пришлось проводить самим.

Выяснилось, что Агентство национальной безопасности США за три дня до взрыва перехватило сообщение из иранского посольства в Тегеран, но перевели его слишком поздно. В телеграмме явно говорилось о готовящейся атаке на израильское представительство в Южной Америке. Затем расшифровали телеграммы иранских посольств в Аргентине и Бразилии, в которых тоже говорилось о готовящейся операции. АНБ перехватило важный разговор: Талал Хамия, помощник Имада Мугнии, радовался реализации «нашего проекта в Аргентине» и издевался над Шин-бет, которая обязана обеспечивать безопасность израильских представительств за границей.

Аргентину выбрали для ответного удара, потому что в стране было много иммигрантов – шиитов из Ливана, которые поддерживают тесные отношения со своими родственниками. Из них создали местную ячейку Хезболлы. Директору Моссада предлагали тогда не оставлять теракт без ответа, иначе это не прекратится. Но руководитель политической разведки Шабтай Шавит был против, считая, что у Моссада есть задачи поважнее. Он ошибся.

Около десяти утра 18 июля 1994 года там же, в Аргентине, автомобиль с взрывчаткой врезался в семиэтажное здание Еврейской ассоциации взаимопомощи. Погибли восемьдесят шесть человек, двести пятьдесят два были ранены. Это самый кровавый теракт в истории Аргентины. Тщательное расследование второго теракта показало, что акция была осуществлена теми же руками.

Осенью 2006 года аргентинский прокурор Альберто Нисман подвел итог расследования: «Мы считаем доказанным, что решение взорвать здание приняли высшие органы власти Исламской Республики Иран, которые поручили Хезболле провести этот теракт». Прокуратура попросила федеральный суд Аргентины выдать международный ордер на арест бывшего президента Ирана Али Акбара Хахеми Рафсанджани, бывшего министра иностранных дел Али Велаяти и бывшего начальника разведки Али Фаллахиана, а также бывшего начальника бюро разведки Хезболлы ливанца Имада Мугнии. Аргентинский судья выдал ордера на арест всех четверых и обвинил иранского посла и атташе по культуре в причастности к этому теракту. Никто из них на скамью подсудимых не попал, потому что они вовремя покинули страну.

Государственный секретарь США Уоррен Кристофер в октябре 1994 отметил: «Иран –

самый значительный покровитель терроризма и самый яростный противник мирного процесса на Ближнем Востоке... Куда ни глянешь, видишь дьявольскую руку Ирана».

В годовщину аргентинской трагедии, 18 июля 2012 года, в болгарском городе Бургасе смертник с фальшивыми американскими водительскими правами взорвал себя в автобусе, где сидели туристы из Израиля. Погибли восемь человек – шестеро израильтян, водитель автобуса и сам смертник, тридцать четыре были ранены. Пострадали также двое россиян в машине рядом с автобусом. Взрывное устройство находилось в рюкзаке убийцы. Автобус стоял на парковке аэропорта. В половине шестого вечера он открыл двери для израильских туристов. Террорист сел вместе с ними.

Премьер-министр Биньямин Нетаньяху уверенно сказал: «Все следы ведут в Иран». И не ошибся. Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад назвал убийство мирных граждан в Бургасе «тяжелым потрясением для врага»: «Подлейшие враги иранского народа и исламской революции собрали огромные силы, чтобы нанести удар по Ирану. Они смогли нанести нам несколько болезненных ударов. Однако они не ожидали подобного ответа с нашей стороны. Враги уверены в том, что смогут достигнуть своих целей в длительной и упорной борьбе против иранского народа. Обещаю вам, что этого не произойдет, поскольку мы действуем из всех сил...»

Новым генеральным секретарем Хезболлы был избран шейх Хасан Насралла. Как и его предшественник аль-Мусави, он учился в священном для шиитов иракском городе Эн-Неджеф, где находится гробница имама Али. В Эн-Неджефе уже в наше время началось возрождение радикального шиизма. Саддам Хусейн уничтожил многих шиитских проповедников, но Насралла уцелел. Он говорил: «Нам нужны люди, способные к джихаду и самопожертвованию, люди, которые не будут беспокоиться из-за того, что разрушен их дом, что они голодают или ранены». Он обещал, что атаки на Израиль будут продолжаться. Когда его восемнадцатилетний сын Хади в сентябре 1997 года погиб во время перестрелки с израильской полицией, Насралла сказал: «Я горжусь тем, что мой сын погиб в сражении. Чем больше будет среди нас жертв, тем сильнее будет стремление уничтожить сионистского врага».

Хасан Насралла, более умелый человек, чем аль-Мусави, превратил движение в хорошо организованную и вооруженную организацию. Хезболла – мощная сила в Ливане и держит Израиль в напряжении. В 1985 году ЦРУ подготовило группу ливанских боевиков, которым заплатила Саудовская Аравия. Они подложили бомбу в машину рядом с мечетью, где читал проповедь шейх Фадлалла. Много людей погибло, но он не пострадал.

Хезболла оказалась куда более опасным противником, чем палестинцы. Разведывательная сеть израильской армии в Ливане практически перестала существовать. Хезболла уничтожала всех, кого подозревали в сотрудничестве с израильтянами. За один год Хезболла выявила больше ста вероятных агентов. Некоторые из них оказались двойниками. Один из них осенью 1997 года заманил взвод израильского морского спецназа в ловушку, одиннадцать бойцов погибли на минном поле.

Внутри Хезболлы существует несколько структур особого назначения.

- Специальная служба безопасности, которая действует в тесном контакте с иранскими коллегами и занимается террористическими акциями от имени мифической организации «Аль-Джихад аль-Исламия».

- Служба внешней безопасности. Когда ее боевики кого-нибудь убивают, то утверждается, что это совершила столь же призрачная «Организация революционной справедливости».

- Агентурная служба, занимающаяся проникновением в ливанские правительственные структуры и партии.

- Служба безопасности (фактически контрразведка), ведущая борьбу с проникновением в

Хезболлу чужой агентуры.

Ами Аялон, директор Шин-бет, говорил: «Ливан превратился в ловушку, стоимость оккупации южной части страны очень высока». Эта оккупация не гарантировала безопасность. Напротив, позволяла Ирану постоянно устраивать Израилю кровопускание.

Израильтяне фактически проиграли эту войну. Ариэль Шарон, который в роли министра обороны руководил операцией по вторжению в Ливан, став министром иностранных дел, предложил вывести войска. Правда, с одним условием: если Хезболла прекратит нападать на израильтян. Но лидеры Хезболлы вслед за Ираном заявили, что Израиль в принципе не имеет права на существование, и борьба с ним будет продолжаться до полного уничтожения еврейского государства.

Все решения в Ливане принимали сирийцы, которые контролировали большую часть территории страны, и иранцы – посредством Хезболлы. Израильская разведка в ноябре 1998 года сообщила, что два раза в неделю в Дамаске приземляется самолет с оружием из Ирана для шиитских боевиков.

В Хезболле осознали, как в Израиле чувствительны к потерям, как переживают гибель каждого человека, поэтому записывали на пленку кровавые сцены убийства своих жертв и показывали ее. Изобрели новую тактику: молодые шииты, начинив машины взрывчаткой, врзались в израильские конвои. Шииты говорили: нами руководит вера, нашим бойцам не нужны командиры, их ведет вера.

Машина командующего израильскими войсками в зоне безопасности в Южном Ливане бригадного генерала Эреца Герштейна подорвалась на mine. Погибли также его водитель, радист и поехавший с ним израильский журналист. После смерти генерала кандидат в премьер-министры Эхуд Барак обещал в случае победы на выборах вывести войска из Ливана. Хотя в реальности три года подряд количество жертв в войне с Хезболлой снижалось: двадцать человек в 1998 году, двенадцать в 1999-м, восемь в 2000-м. Немалое число контртеррористических операций увенчались успехом, и это создало у израильских офицеров ощущение, что они ушли, когда победа была почти одержана...

17 апреля 2000 года премьер-министр Эхуд Барак исполнил предвыборное обещание: начал вывод войск из оккупированной части Южного Ливана. Иранцы заявили, что это грандиозная победа. Но в душе печалились. Хезболла сражалась против израильской оккупации. Чем ей теперь заняться?

В захваченном американском посольстве в Тегеране иранцы обнаружили документы о работе генерала Ицхака Сегева, последнего военного атташе Израиля. Однажды ему позвонили из Ирана и предложили в обмен на оружие вернуть израильских солдат, захваченных Хезболлой в Ливане. Сегев получил санкцию на переговоры. Они проходили в Женеве, Мадриде и даже в его собственном доме под Тель-Авивом. Сегев свозил иранцев в Иерусалим посмотреть на святые места. Здесь у Стены плача поинтересовался у гостей, действительно ли Иран намерен захватить Иерусалим. Иранцы ответили с ухмылкой, что это произойдет не при их жизни. Они хотели, чтобы их свели с американцами, понял Сегев. А израильские солдаты, которых они обещали вернуть, были уже мертвы...

В ночь на 20 мая 2000 года израильские части покинули буферную зону в Южном Ливане. Хуже всего пришлось христианам – бойцам Армии Южного Ливана, связавшим свою судьбу с Израилем. Две тысячи бойцов этой армии помогали тысяче израильских солдат патрулировать пятнадцатикилометровую зону. Ливанские законы запрещают гражданам страны вступать в отношения с израильтянами. Руководство Армии Южного Ливана приговорили к смерти за предательство. Этим христианам пришлось все бросить и бежать. Хезболла и сирийская разведка убили командира Армии Южного Ливана генерала Антуана Лахада. Его заместителя

Акеля аль-Хашема взорвали во дворе собственного дома, причем люди Хезболлы снимали это на пленку. Незадолго до этого он неосмотрительно бросил вызов судьбе, назвав себя «пуленепробиваемым»...

Лидер партии Хасан Насралла говорил, что борьба против Израиля прекратится, едва израильские солдаты покинут Ливан. Но Хезболла продолжала обстреливать ракетами соседние еврейские деревни. Хезболла получает из Ирана и Сирии тысячи ракет. Стреляют ливанские шииты не очень метко, но в густонаселенных районах ракета все равно куда-нибудь попадает.

Покойный президент Сирии Хафез Асад воспринимал генерального секретаря Хезболлы Хасана Насраллу как подчиненного, его сын Башар – как наставника. Башар, продолжая линию отца, снабжал оружием ливанских шиитов. Особенно после того, как в октябре 2003 года израильские самолеты атаковали цели на территории Сирии и непосредственно над резиденцией Асада преодолели сверхзвуковой барьер, доставив президенту несколько неприятных минут.

Иран желает, чтобы Хезболла стала настолько сильной, чтобы ввести исламское правление в Ливане. Асадам, отцу и сыну, нравилось, что Хезболла пускает кровь израильтянам. Но Сирия не желала превращения Ливана в радикальное исламское государство. Хезболла осознала, что хозяева Ливана – Асады, а идея исламского государства откладывается до лучших времен.

2 сентября 2004 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1559 о прекращении вмешательства Сирии во внутренние дела Ливана и выводе сирийских войск. Премьер-министр Рафик аль-Харири, миллиардер, наживший состояние на строительных подрядах в Саудовской Аравии, поддержал резолюцию. Ему пришлось уйти из правительства. А 14 февраля 2005 года он был убит в Бейруте. Когда его кортеж проезжал по улице, взорвалась припаркованная машина. Взрыв был огромной силы. Несколько человек погибли вместе с ним, около сотни ранило. Расследование установило, что преступление организовано из Дамаска, поскольку бывший премьер требовал вывода сирийских войск.

В конце 2006 года в Бейруте убили министра промышленности Ливана Пьера Жмайеля, сына бывшего президента Амина Жмайеля и восходящую звезду в христианской фалангистской партии. Трое убийц расстреляли его машину практически в упор. Пьер Жмайель был пятым ливанским политическим деятелем, убитым за два года.

Зачем Иран вкладывает столько денег в Хезболлу? Вот простое объяснение.

В начале июня 2006 года Совет Безопасности ООН предъявил Ирану ультиматум: к 12 июля, когда лидеры «восьмерки» соберутся в Санкт-Петербурге, ответить на требование прекратить обогащение урана и открыть все ядерные объекты для инспекторов МАГАТЭ⁷. Иран дал свой ответ 12 июля в девять утра. Но не как ожидали, не по дипломатическим каналам. Хезболла начала Вторую ливанскую войну.

Ночью боевики Хезболлы проникли через границу с Израилем и устроили засаду. В восемь сорок пять утра они заметили израильский патруль на двух бронированных машинах. В девять ноль три боевики Хезболлы вывели из строя видеокамеры, что бы в штабе пограничных войск не видели, что происходит, и обстреляли обе бронемшины из гранатометов. Все, кто выскочил, попали под пулеметный огонь. Сержанты Эхуд Голдвассер и Эльдад Регев были ранены. Их вытащили из машины и уволокли.

Это организовал Имад Мугния. Израильтяне поймали одного из боевиков Хезболлы, который участвовал в этой операции. Он рассказал, что вместе с другими боевиками прошел

⁷ Международное агентство по атомной энергии.

обучение в Иране. При пересечении сирийской и иранской границ паспорта не штамповались, так что поездки оставались незамеченными.

Вечером на заседании кабинета министров Израиля решили наказать Хезболлу по полной программе. И заодно обеспечить исполнение резолюции Совета Безопасности ООН № 1559 2004 года, которая требовала разоружить все неправительственные формирования в Ливане.

Бомбежка баз и позиций Хезболлы началась ночью. Через тридцать четыре минуты были уничтожены запасы ракет. Военная разведка внимательно следила за маршрутами транспортов, идущих из Ирана через Сирию. К концу дня первые сообщения поступили в командный бункер ВВС, где находился начальник генерального штаба Дан Халуц: пятьдесят четыре пусковые установки ликвидированы. Генерал Халуц позвонил премьер-министру Эхуду Ольмерту: «Все ракеты дальнего радиуса действия уничтожены. Мы выиграли войну».

В Хезболле не ожидали такого масштабного ответа на похищение двух солдат. И стали запускать оставшиеся ракеты, их все равно накопилось невероятное количество. Самолеты ВВС Израиля вновь и вновь поднимались в воздух, в воздухе барражировали беспилотные самолеты-разведчики, но редко удавалось засечь подготовку к пуску. В основном прилетали бомбить место, где уже никого не было.

Через три недели военно-воздушные силы Израиля доложили, что израсходовали такой же тоннаж бомб, как и во время полномасштабной Октябрьской войны 1973 года с Египтом и Сирией. Запасы кончались, и потребовались поставки из США. Израильская авиация господствовала в воздухе, но не могла выиграть войну.

В пятницу ночью 15 июля 2006 года премьер-министр Эхуд Ольмерт приехал в командный пункт армии обороны Израиля, расположенный в глубоком бункере под зданием генштаба в Тель-Авиве, чтобы поговорить с начальником генштаба Даном Халуцем.

Израиль столкнулся с хорошо оснащенной и обученной иранцами силой. Партия Аллаха превратилась из обычной террористической группы в эффективную партизанскую армию. Военное крыло Хезболлы представляет собой небольшую регулярную армию – пехота, артиллерия, саперы, служба связи. Бойцам даже разрешалось не носить бороду, чтобы не выдавать свою причастность к Хезболле.

Боевики Хезболлы учат иврит, следят за переговорами израильских частей и извлекают немало для себя полезного. Они оседлали мощные мотоциклы «Ямаха», помогающие им мгновенно перемещаться из деревни в деревню, из дома в дом. Главное – застать израильтян врасплох. Небольшое число боевиков создавали впечатление немалой армии. Они быстро наносили удар и исчезали прежде, чем противник был готов к контратаке. Израильтяне несли потери из-за широкого использования Хезболлой поставленного Ираном и Сирией оружия. В первую очередь это были ракеты и противотанковое оружие российского производства.

Так что Хезболла – инструмент, который Иран пускает в ход, когда ему нужно отвлечь внимание от себя. Но пути снабжения Хезболлы лежат через Сирию. В Тегеране сразу испугались, что крушение режима Башара Асада разорвет связи Ирана со своими ливанскими подопечными.

Поиски пропавшего штурмана

Ночью 16 октября 1986 года экипаж израильского самолета F-4 «Фантом» – пилот Ишай Авирам и штурман Рон Арад – поднял самолет в воздух с авиабазы на юге Израиля, чтобы нанести бомбовый удар по базам Организации освобождения Палестины возле города Сидона на ливанском Средиземноморье. Через двадцать минут они были над целью. Арад выпустил бомбы, но одна из них взорвалась под крылом самолета. Летчик и штурман были ранены и

катапультировались.

Авирам по радио связался с вертолетом «Кобра», который отправили на поиски экипажа. Вертолет попал под огонь, не мог приземлиться. Авирам попросил опуститься как можно ниже и просто запрыгнул в вертолет, который сразу взмыл вверх.

Рону Араду не повезло. Из-за ошибок спасательной команды он попал в руки шиитской милиции «Амаль». Что произошло с ним потом, оставалось неясным. Поиск штурмана Арада принял масштаб общегосударственных усилий. Не считая истории шведского дипломата Рауля Валленберга, сгинувшего в сталинских застенках, никогда еще государство не предпринимало таких усилий для поиска одного человека.

В октябре 1986 года Израиль и «Амаль» вступили в переговоры через посредников. С израильской стороны этим занимался Шабтай Калманович, эмигрант из СССР, который предложил свои услуги Моссаду. Калманович связался с Ури Лубрани, который в министерстве обороны Израиля занимался пленными и пропавшими без вести, и сказал, что знает ливанского бизнесмена, родственника лидера ливанской организации «Амаль» Набиха Берри. Бизнесмен получил кодовое наименование «Турист». От него получили три письма и две фотографии штурмана Арада, которые были признаны подлинными.

Руководители «Амаль» выставили свои требования: деньги, согласие пропустить транспорт с оружием к ливанскому берегу и освобождение заключенных из израильских тюрем. Против высказался министр обороны Ицхак Рабин. Он уже однажды подвергся критике, когда за семерых израильтян отпустили 1150 палестинцев.

Тем временем выяснилось, что Шабтай Калманович работает на КГБ. Его отдали под суд как советского шпиона. Защищал его известный тель-авивский адвокат Амнон Цихрони. Через три года, после неудачных переговоров, в его офис пришел восточногерманский адвокат Вольфганг Фогель, исполнявший самые деликатные поручения министерства государственной безопасности ГДР. Он хотел обсудить судьбу еще одного советского агента – доктора Маркуса Клинберга, который в Израиле был заместителем директора института биологических исследований. Его арестовали в 1983 году в результате совместной операции ЦРУ и Моссада и приговорили к двадцати годам заключения. Адвокат Цихрони получил от правительства Израиля разрешение вести переговоры и на сей счет.

В мае 1989 года адвокаты Вольфганг Фогель и Амнон Цихрони подписали меморандум, в соответствии с которым Москва и Восточный Берлин обещали приложить все силы для освобождения Рона Арада и еще двоих израильтян в обмен на освобождение Клинберга и Калмановича. Сделка стала разрастаться: в нее включили американских шпионов, попавшихся в СССР, и одного южноафриканского военного моряка, работавшего на советскую разведку. Но в ноябре 1989 года сделка рассыпалась: берлинская стена рухнула, и ГДР перестала существовать.

Штурмана Рона Арада захватил шиитский боевик Мустафа Дирани, который рассорился с лидером «Амаль» Берри из-за того, что тот не прочь был, поторговавшись, договориться с израильтянами. Дирани ушел из «Амаль», уведя с собой Арада как свою собственность. Он продал израильского штурмана иранским стражам революции за круглую сумму в долларах. Это стало известно.

В мае 1993 года премьер-министр Ицхак Рабин устроил пресс-конференцию и заявил, что пропавший израильтянин – в Иране.

Израиль остался должен шахскому Ирану пять миллиардов долларов – за полученную нефть и непоставленное оружие. Израиль был готов расплатиться, если Иран отдаст Арада. Это был пряник. Был и кнут. В 1993 году Иран оказался в тяжелейшем экономическом положении. Доходы от нефти упали. Иран был в долгах. Власть боялась волнений из-за нехватки

продовольствия.

Иранская делегация поехала по Европе просить о реструктуризации долга. По давней традиции глава иранского банка доверительно говорил каждому собеседнику, что другие банкиры предлагают ему лучшие условия. Но иранцам не повезло. Начальник экономического отдела военной разведки подполковник Ицхак Лев составил доклад, в котором разоблачил иранские манипуляции. Иран предупредили, что если он не отдаст Арада, данные о манипуляциях иранского банка будут доведены до сведения в Европе. Заместитель министра иностранных дел Йоси Бейлин отправился в Европу с документами. Условия для Ирана стали значительно хуже. Тегеран воспринял это как объявление войны.

Больше Арада никто не видел. Если бы штурман был жив, его бы, наверное, обменяли. Но почему иранцы не отдают его тело? Даже за труп они бы могли многое получить от Израиля. Зачем мучить страну и особенно его родственников? Сотрудники Моссада объясняли журналистам: «Иранцы наслаждаются возможностью играть на слабых и чувствительных местах израильского менталитета. Они знают, что Израиль считает своим важнейшим долгом вернуть домой любого солдата с поля боя живым или мертвым. Они знают, какое это имеет значение для израильтян. И они не хотят доставлять израильтянам удовольствие иметь возможность предать земле останки солдата со всеми почестями».

Ицхак Рабин приказал похитить Мустафу Дирани и доставить его в Израиль, чтобы вытянуть из него правду о судьбе Рона Арада. Подготовка операции заняла полгода.

Неожиданно иранцы сделали предложение – через немцев. Его передал Израилю Бернд Шмидбауэр, который в ведомстве канцлера ФРГ ведал координацией работы немецких спецслужб. Бывшего директора школы иронически именовали агентом 008, потому что он занимался всякими скользкими делами и имел дело с мало симпатичными людьми, такими как иранский министр Али Фаллахиан, отдававший приказы о «мокрых делах» в том числе на территории Германии. Впрочем, некий авантюризм у Шмидбауэра был в крови. Однажды его разъяренная жена ворвалась в итальянский ресторан, где он обедал, и при всех устроила ему скандал из-за беременности его близкой подружки...

Бернд Шмидбауэр вызвался быть посредником между Израилем и Ираном с Хезболлой в вопросе о пленных и пропавших. В декабре 1992 года он сказал: «Иранцы утверждают, что вы держите в плену четырех их дипломатов. Пока их не освободят, никакого прогресса в вопросе о Роне Араде не будет. Что им передать?»

Эти четверо – поверенный в делах Ирана, деятельно участвовавший в создании Хезболлы, и трое его помощников – пропали десятью годами ранее, летом 1982 года, когда израильские войска осаждали Западный Бейрут. Моссад отрицал причастность израильтян к их исчезновению. Но иранцы не верили, и министр иностранных дел Камаль Харази публично заявлял, что дипломаты томятся в израильских тюрьмах. Похоже, Иран действительно получил такую информацию, но она была ошибочной. Израиль просил передать иранцам: на самом деле их убили в Бейруте фалангисты.

Израильтяне провели расследование. Они отыскали одного из командиров фалангистов – Роберта Хатема по кличке «Кобра», который жил в Париже под защитой французской разведки. Израильтяне отвезли его в роскошный отель в Брюсселе и допросили.

Он рассказал, что когда иранцы возвращались в город на своем «мерседесе», на контрольно-пропускном пункте их остановили фалангисты под командованием Раджиа Абдо. Он не знал, что делать с иранцами, и позвонил Элие Хобейке – руководителю «Ливанских сил», военного крыла правохристианской партии фалангистов Катаиб. Тот велел доставить пленников в штаб-квартиру. Их посадили в две машины и повезли. Всю дорогу они протестовали, говоря, что с ними нельзя так поступать, потому что у них есть дипломатический

иммунитет. Как будто это кого-то интересовало.

Хобейка велел вызвать своих разведчиков и хорошенько допросить иранцев. В те времена использовали электрошок, избивали, подвешивали к потолку. Иногда после допроса расстреливали, иногда люди умирали во время допроса... «Мы были неумелыми следователями, – признавался фалангист. – Не знали, как сильно можно нажать, чтобы и получить информацию, и человек остался живым. Если он говорил, хорошо. Если нет, черт с ним». Когда выяснилось, что один из четырех иранцев говорит по-арабски, его сразу убили. Остальных мучили неделю. Потом их тоже убили, а тела закопали в яме на краю фалангистского лагеря. Через месяц Хобейка распорядился все трупы из ям выкопать и отправить куда-то подальше, потому что иранцы ищут своих людей.

Иранцы говорили, что не верят израильтянам. Возможно, со временем поверили. Через много лет, 24 января 2002 года, в двухстах метрах от дома депутата ливанского парламента и бывшего министра Элие Хобейки взорвался начиненный взрывчаткой «мерседес». Его подорвали с помощью радиоуправляемого устройства, когда Хобейка подъезжал к дому. Он погиб вместе с четырьмя сопровождающими. Вероятно, это была запоздалая месть...

Подготовка к похищению Мустафы Дирани заняла много времени и сил. Вечером 21 мая 1994 года оперативная группа была готова пересечь границу с Ливаном. За полчаса до начала операции начальника военной разведки Ури Саги срочно вызвали к премьер-министру Рабину. Там уже сидели директор Моссада Шабтай Шавит, начальник генерального штаба Эхуд Барак и помощник Рабина генерал Дани Ятом.

К кофе никто не притронулся. Начальник военной разведки демонстративно нетерпеливо смотрел на часы. Рабин стал задавать все те же вопросы, как будто бы они все это не обсуждали полгода: «Ты уверен, что операция удастся?» Генерал Саги ответил, что уже сообщил всю информацию, которой обладал: «Но гарантировать я ничего не могу. Уверен только в том, что сейчас сижу напротив тебя».

Рабин продолжал спрашивать:

– Почему именно сегодня мы должны провести эту операцию? Ты же сам говоришь, что не можешь ничего гарантировать.

– Но завтра мы не будем располагать большей информацией, чем сегодня, – последовал резкий ответ, – если ты не уверен в качестве нашей информации, лучше вовсе отменить операцию.

Рабин закурил и повернулся к Эхуду Бараку:

– Так, может, лучше ее отложить?

– Если ты сомневаешься, – ответил глава генштаба, – давай перенесем операцию на завтра или на послезавтра.

Начальник военной разведки не понимал: зачем же откладывать операцию? Кто знает, что произойдет завтра? Если операция необходима, ее надо провести, как запланировано.

Ятом и Шавит поддержали Рабина:

– Давай отложим.

Никто не знает, что пронеслось в голове Рабина. Он прослужил в армии почти всю жизнь. Всегда хотел знать детали любой операции. Задавал кучу вопросов и все запоминал. И точно так же колебался. Такие же сомнения преследовали его в октябре 1994 года, когда он принял решение отправить группу, чтобы спасти солдата Нахшона Вахсмана, которого похитил ХАМАС. Операция не удалась, Вахсман и командир группы погибли.

В тот вечер Рабин спросил начальника разведки:

– А что будет, если Дирани не окажется дома?

– Мы сильно огорчимся, но уровень опасности для нас не так велик. Мы будем далеко от

ближайшей военной базы.

– Операция под твою ответственность, – сказал Рабин.

– Под мою ответственность, – повторил начальник военной разведки.

Ицхак Рабин дал добро. Боевая группа улетела. Спецназовцы бесшумно проникли в дом, охранники ничего не заметили. Мустафа Дирани проснулся и пытался сопротивляться, но был оглушен ударом приклада. Его положили на носилки и понесли. Он пришел в себя и попытался сбежать. Но упал с носилок и ударился головой о камень. Шум привлек внимание охраны, которая открыла огонь по израильтянам, но своего лидера не спасла.

Мустафу Дирани доставили в блок для проведения допросов отряда № 504 военной разведки. Его перевязали и остригли. Он получил номер – «заключенный № 810554».

Премьер-министр Рабин подписал ордер на административный арест. А продлевает содержание под стражей специальный судья – в соответствии с законом, позволяющим принимать такие недемократические меры ради безопасности государства.

Протоколы допросов посылали Рабину. Несмотря на все расчеты, Дирани ничего полезного не сообщил. Он разбирался в искусстве допросов и выдавал по капле только то, что и так было известно следователям. Рассказал, что до 4 мая 1988 года Рона Арада держала его организация. Когда пошли слухи о том, что израильтяне ищут летчика, пришли иранцы и забрали израильтянина.

7 августа 1994 года Дирани проверили на полиграфе. Проверку проводила лучшая бригада Шин-бет. Пришли к выводу, что Дирани умен, хладнокровен и обладает феноменальной памятью. Перехватили его записки другому узнику – шейху Абд аль-Кариму Обейду из Хезболлы. Того вывезли из Ливана – тоже в надежде как-либо обменять на штурмана Арада. Дирани оставлял записки под камнем во дворе, когда его выводили на прогулку. Но он понимал, что записки могут прочитать, поэтому ничего важного не писал.

В апреле 1996 года Израиль провел шестнадцатидневную военную операцию в Ливане против Хезболлы. Иранцы тогда заставили Хезболлу пойти на прекращение огня. Министр иностранных дел Ирана Али Акбар Велаяти провел девятидневные интенсивные переговоры и добился освобождения нескольких заложников.

В Тегеране обещали даже найти Рона Арада. Министр иностранных дел Израиля Ицхак Мордехай сказал журналистам: «В качестве жеста доброй воли я хочу поблагодарить всех, кто участвовал в этом гуманном деле, – в Ливане, Сирии и Иране... И я хотел бы попросить их продолжить их усилия».

В поисках штурмана Арада в Израиле готовы были очень на многое закрыть глаза.

Израильский бизнесмен по имени Нахум Манбар предал страну и продавал Ирану химическое оружие. Манбар родился в Израиле, в кибуце, служил в армии, участвовал в войнах 1967 и 1973 годов. После службы пытался заняться бизнесом. В Англии познакомился с Джей Кидди, самой загадочной фигурой в этой истории. Она занималась благотворительностью, помогала раненым детям по всему миру. Но у нее была и другая жизнь, в которой она вела сомнительный бизнес и поддерживала тесные отношения с британской разведкой МИ-6.

Она искала красную ртуть. Нахум Манбар предложил работать вместе. Красная ртуть – загадочный радиоактивный материал, который будто бы используется для создания ядерного оружия из отработанного плутония. Точнее говоря, не существующий в реальности материал, за которым многие охотились в начале 1990-х.

Нахум Манбар в 1987 году обосновался в Польше и стал торговать польским оружием. Рассказывал журналистам: «Я брал у поляков старые советские танки Т-55 – тридцать пять тысяч долларов за штуку, оборудовал их системами управления огнем, которые приобретал у Израиля по двадцать тысяч долларов за штуку, и перепродавал Ирану за двести тысяч. Прибыль

фантастическая».

Манбар помог Шин-бет важной информацией. Его подруга была женой немецкого авиационного инженера, который играл деятельную роль в попытке создать баллистическую ракету для Ирака. Манбар привез ее в Израиль, и она все рассказала. Тем временем он сам познакомился в Австрии с иранцем, которому обещал помочь наладить производство химического оружия, за что ему посулили шестнадцать миллионов долларов.

Еще в 1983 году в Иране стражи революции получили указание создать химическое оружие как ответ на иракские запасы. Через четыре года Тегеран заявил, что обладает химическим оружием. В парламенте премьер-министр Хусейн Мусави торжественно объявил: «Если ислам позволит, у нас не будет проблем с использованием и производством этого оружия». Но это была чистая пропаганда. Нахум Манбар продавал Ирану средства противохимической защиты и методы создания химического оружия. На полученные деньги купил две виллы – в Лугано (Швейцария) и на Французской Ривьере.

Шин-бет потребовала, чтобы он прекратил сотрудничество с Ираном. Он показал им часть документов, но сотрудничество продолжал. Почему Израиль его не остановил? Манбар обещал что-то узнать о Роне Араде. Моссад, неспособный вытащить штурмана из плена, находился в растерянности, подвергался жесткой критике и в отчаянии хватался за любое предложение помощи.

Группа наружного наблюдения Моссада следила за Манбаром, получившим кличку «Термит». В Вене он встречался со своим иранским партнером – доктором Маджидом Аббаспуром из министерства обороны Ирана. Манбар уверял, что иранец поможет ему в деле с попавшим в плен Роном Арадом.

Они увиделись в гостинице «Мэрриот» в Вене. Иранец бросился к Манбару: «Ты знаешь, что за мной следят двое? От самого аэродрома». Израильчанин спустился вниз и заметил двоих молодых людей с небольшими наушниками. Иранец был весь белый от страха: «Я должен ехать в наше посольство. Мне нужна охрана. Я всегда путешествую в тайне. Теперь меня раскрыли. Я в опасности». Два агента Моссада последовали за иранцем на мотоцикле. Шел дождь. Они не справились с управлением и перевернулись. Женщина на «мазде» переехала их, оба погибли. Это произошло 27 мая 1993 года.

Им заинтересовались другие спецслужбы, в том числе британская. В США подозревали, что Моссад ведет свою игру за спиной американцев. 27 марта 1997 года, когда Манбар прилетел в Израиль посмотреть, как играет купленная им баскетбольная команда, его арестовали. Суд установил, что он продал Ирану препараты и технологии, необходимые для производства химического оружия. Он получил шестнадцать лет.

Трагическая судьба штурмана Рона Арада так и остается загадкой. Осенью 2009 года в израильской прессе появились выдержки из доклада военной разведки, которая установила: штурмана действительно в какой-то момент вывезли в Тегеран, но потом вернули в Ливан и передали боевикам Хезболлы, а в 1995 году он умер в заключении.

Не выторговав ничего за штурмана Арада, руководители Хезболлы неустанно ищут новые объекты для похищения и уничтожения. Охотились даже на одного израильского генерала.

Ливанские торговцы наркотиками установили контакт с группой бедуинов, граждан Израйля. Как всех резервистов армии обороны Израйля, их постоянно призывали на переподготовку, и они располагали кое-какой ценной информацией. Самим наркоторговцам нужны были сведения о границе, чтобы беспрепятственно перевозить наркотики. Но за хорошие деньги они связали бедуинов и с представителями Хезболлы. Тех интересовало расположение воинских частей на севере Израйля, местонахождение засад, камер слежения.

Боевики Хезболлы планировали убить начальника разведки Северного округа

генерал-майора Габи Ашкенази и пытались выяснить маршруты его поездок по территории округа. Но неудачливых боевиков Хезболлы перехватили на северной границе Израиля. У них были мобильные телефоны. Когда выяснили, кому они звонят, Шин-бет установила слежку за бедуинами и через несколько месяцев арестовала всю группу – десять человек.

12 февраля 2008 года в Дамаске посреди улицы взорвался внедорожник «Мицубиси Паджеро» Имада Мугнии. Бомба была вмонтирована в подголовник водительского сиденья. Как выразился постоянный представитель Израиля при ООН, тот, кто спит в обнимку с ракетами, может и не проснуться. Израильские и американские спецслужбы охотились за ним почти три десятилетия.

А всего в нескольких сотнях метров от места взрыва лидер ХАМАС Халед Машаль вел переговоры с сирийской разведкой. Взрыв напугал лидеров и Хезболлы, и ХАМАС, и «Исламского джихада», и сирийских разведчиков, которые были потрясены тем, что террориста достали в хорошо охраняемом районе. Операция была очень точной – погиб только сам террорист, больше никто не пострадал.

Операция возмездия

Самая громкая за последнее время операция Моссада была осуществлена в Дубае – столице одноименного эмирата, входящего в состав Объединенных Арабских Эмиратов, небольшого государства в Персидском заливе.

Человек, на которого охотились, прилетел в Дубай с паспортом на чужое имя ранним утром 19 января 2010 года. Он часто бывал здесь и как очень важная персона был избавлен от всех хлопот. Получив багаж, он снял номер 230 на втором этаже гостиницы «Аль Бустан Ротана» и повесил на дверь табличку «Просьба не беспокоить».

Когда на следующий день в полдень служащие гостиницы все-таки вошли в номер, он был мертв. Патологоанатом, не колеблясь, записал в заключении причину смерти: «Кровоизлияние в мозг».

Настоящее имя этого человека – Махмуд аль-Мабхух. Он был широко известен в узких кругах ближневосточных террористов. Один из руководителей палестинской боевой организации ХАМАС, он занимался нелегальной закупкой оружия, поддерживал контакты с Ираном и отвечал за поставки в сектор Газа ракет, которыми обстреливаются израильские города. Люди его профессии умирают не от инсульта.

Годом ранее Махмуд аль-Мабхух с гордостью поведал телеканалу «Аль-Джазира» о своем участии в убийстве двух израильтян в 1989 году. Во время съемок его лицо скрыли, но в Моссаде легко установили, кому принадлежит голос. Мабхух в деталях описал, как боевики ХАМАС переоделись в одежду набожных евреев и заманили израильтян в ловушку.

Вместе с напарником Мухаммадом Насером по боевой кличке Абу Сахиб они остановились на перекрестке и предложили одному израильтянину подвезти его. Тот сел сзади. «Мы договорились с Абу Сахибом, что я подам знак, когда на дороге будет пусто, – рассказывал Мабхух. – Через три километра я подаю знак. Абу Сахиб всадил в него две пули из своей „беретты“ – в лицо и в грудь. Я слышал, как тот тяжело вздохнул и все – конец». Не в силах сдержать восторг, убийцы топтали тело жертвы и фотографировали друг друга. В ходе интервью Мабхуха спросили, не сожалеет ли он об убийстве? Махмуд ответил, что сожалеет только об одном: он вел машину и удовольствие убивать досталось Абу Сахибу.

Надо думать, Мабхух понимал, что двойное убийство не останется без ответа. Чтобы отомстить, Моссаду потребовалось двадцать лет.

Ближний Восток – это проклятое место, где все говорят о мире, но не дорожат им. Для

арабских государств уничтожение Израиля важнее создания палестинского государства. Если бы было иначе, палестинцы давно бы жили в своей стране.

После того как в декабре 2010 года у побережья египетского курорта Шарм-эш-Шейх акулы неожиданно атаковали туристов, беспечно наслаждавшихся теплым морем, губернатор Южного Синая убежденно заявил, что это результат подрывной акции израильской разведки Моссад: израильтяне направили к египетскому побережью злобных акул-людоедов, чтобы подорвать арабский туристический бизнес и запугать туристов, отдыхающих на Красном море. Тираду египетского чиновника можно было бы приравнять к первоапрельской шутке. Но он был серьезен. За его словами – не только привычная для этого региона паранойя, но и уверенность во всемогуществе израильской политической разведки Моссад.

История Моссада окружена множеством легенд и мифов. Израильской разведке приписывают победы, которые она никогда не одерживала, и упрекают за поражения, которых она не знала. Моссад часто ставят в один ряд с ЦРУ или КГБ, сравнивают со знаменитой британской разведкой. Но Израиль – небольшое государство, и возможности его разведки крайне ограничены. Считается, что штат Моссада составляет полторы – две тысячи человек. Моссад делится на семь отделов: планирования операций и координации; сбора информации; политических действий; кадров, финансов и безопасности; подготовки личного состава; исследовательско-аналитический; технических операций и создания технических средств для оперативной работы.

Заграничные резидентуры Моссада всегда были малочисленными. Их задача – раскрывать планы соседей, намеренных уничтожить еврейское государство, и собирать информацию о ближневосточной политике различных стран, о закупках арабами оружия.

Проблема Моссада состояла в том, что ему приходилось заниматься не только чисто разведывательными делами. Прежде всего требовалось обеспечивать безопасность евреев, которые жили в арабском мире. После первой арабо-израильской войны в 1948 году почти миллиону евреев пришлось покинуть свои дома в арабских странах, где к ним относились как к врагам. Запуганные люди, они ждали худшего. Уникальные операции по их спасению с вражеской территории стали со временем сюжетами художественных фильмов....

В январе в международный аэропорт Дубай ежедневно прибывают многие тысячи людей – отдохнуть от зимы. Здесь летняя погода, первоклассные отели и множество магазинов. Но двадцать семь человек, которые в тот день прилетели сюда из разных европейских городов, не собирались отдыхать. Это была оперативная группа Моссада, которая искала Махмуда аль-Мабхуха.

Оперативники уже не раз бывали в Дубае – хотели удостовериться, что охотятся именно на того, кто заслуживает смерти. В июле 1973 года другая оперативная группа Моссада в норвежском городе Лиллехаммере застрелила по ошибке официанта-марокканца, приняв его за одного из самых крупных террористов, у которого руки были по локоть в крови. Для израильских руководителей убийство невинного официанта и арест всей группы стали тяжелым ударом. Родственникам убитого выплатили значительную компенсацию. Несколько агентов угодили тогда в тюрьму, пострадала репутация Моссада.

Есть ли у правительства право отдавать такие приказы? Фактически с момента создания Израиля в стране установился режим чрезвычайного положения, потому что соседние арабские страны напали на еврейское государство в день его провозглашения. На протяжении десятилетий арабский мир (за малым исключением) находится в состоянии войны с Израилем.

Режим чрезвычайного положения продлевается каждый год решением кнессета. Он не отменяет основных политических прав и свобод, Израиль – единственное демократическое государство на Ближнем Востоке. Но правительство наделено всей полнотой прав в сфере

безопасности, поэтому премьер-министр страны может отдать приказ армии и спецслужбам уничтожить террористов.

Уроки норвежской истории в Моссаде учили. В Дубае ошибки не было. Это точно был Махмуд аль-Мабхух.

Убийство двух израильтян в пустыне Негев выдвинуло его на первые роли в ХАМАС. Махмуд аль-Мабхух обосновался в Ливане. Нелегально поставлял оружие палестинским боевикам. Деньги на покупку оружия собирал в богатых странах Персидского залива. Потом перебрался в столицу Сирии Дамаск, где установил связи с иранским Корпусом стражей Исламской революции. Через него приходили деньги и оружие. С его помощью боевики в секторе Газа получили ракеты большего радиуса действия, которыми они обстреливают израильские города.

Первая стадия операции в Дубае прошла успешно. Промахи оперативников станут очевидными позднее. Оперативники Моссада расплачивались наличными или депозитными карточками одной и той же небольшой американской компании. Карточки этой компании – не самое популярное в Дубае платежное средство, что поможет потом полиции сузить круг подозреваемых.

Они совершили и другую ошибку. Для связи друг с другом оперативники использовали австрийский телефонный терминал, то есть разговаривали через Австрию, для обеспечения безопасности. Потом следователям бросится в глаза, что в распечатках телефонных переговоров подозреваемых значится один и тот же австрийский номер.

Два агента Моссада ожидали появления своего клиента в гостинице с теннисными ракетками в руках. Позднее выяснится, что и это было ошибкой: настоящий теннисист держит ракетку в чехле.

Камеры наблюдения зафиксировали, как Махмуд аль-Мабхух регистрировался у стойки. Он постоянно проверялся. Видимо, предполагал, что за ним могут следить. Но не обратил внимания на двух теннисистов, которые вместе с ним вошли в лифт. Они проследовали за ним по коридору, взглянули на номер, в котором он остановился, и тут же сняли номер напротив.

Махмуд аль-Мабхух сразу уехал в город. Как он провел последние четыре часа своей жизни? По израильским данным, встречался с банкиром, помогавшим совершать нелегальные сделки по покупке оружия, и с представителями иранских стражей революции – они обещали отправить крупную партию ракет в сектор Газа.

С половины седьмого вечера оперативники ждали появления Махмуда аль-Мабхуха в отеле. Специалист по электронике убедился в том, что сможет в любой момент открыть дверь в его номер. В половине девятого Махмуд аль-Мабхух вернулся в гостиницу с покупками. Он не обратил внимания ни на человека с усами в форме служащего отеля, ни на женщину в темном парике, которые караулили его в холле. Группу наблюдения сменили. Все были в париках.

На лифте Махмуд аль-Мабхух поднялся на второй этаж и вошел в свой номер. Судя по всему, оперативники ворвались вслед за ним.

В выводах следствия говорится, что ему сразу сделали укол – ввели сукцинилхолин (нервно-мышечный релаксант, применяемый при анестезии). Затем задушили подушкой. На самом деле осталось неизвестным, как именно он был убит. Этот препарат легко обнаруживается при патологоанатомическом исследовании, да и след от укола невозможно скрыть. Удушение тоже оставляет следы, известные специалистам... Трудно представить, чтобы оперативники Моссада действовали столь топорно.

Они покинули отель группами по двое. На такси добрались до аэропорта и улетели в разные города. Миссия была завершена.

Только через неделю руководство ХАМАС в Дамаске забеспокоилось: куда же исчез

главный поставщик оружия? Один из подручных Махмуда аль-Мабхуха побывал в морге и обнаружил там тело своего шефа. После этого палестинцы обратились за помощью в полицию Дубая: один из наших прилетел к вам с фальшивым паспортом, извините, что мы вас не предупредили...

Говорят, начальник дубайской полиции генерал-лейтенант Халфан Тамим в гневе кричал палестинцам: «Забирайте свои деньги, свое оружие и свои фальшивые паспорта и катитесь прочь из моей страны!» Но ему не понравилось, что кто-то позволяет себе убивать в его городе.

Сначала в Иордании арестовали двух палестинцев из организации ФАТХ, считая, что они причастны к убийству конкурента. Генерал Тамим знал, что главным образом палестинцы убивают друг друга. Но камеры наблюдения доказали, что оперативная группа состояла вовсе не из палестинцев.

Почему Израиль вообще проводит такие рискованные операции?

За этим стоит страх перед уничтожением государства и всего народа. Первый премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион часто говорил о том, что его преследует страшная мысль: неужели он привел в Палестину уцелевших от нацистского холокоста европейских евреев, чтобы они здесь гибли от рук террористов?!

Территория еврейского государства меньше половины Московской области, население – всего шесть миллионов. Израиль окружен двадцатью двумя арабскими государствами с населением в триста миллионов человек.

«Если враги еврейского народа говорят о своем намерении нас уничтожить – не пренебрегайте их словами, отнеситесь серьезно, верьте им! – говорил один из премьер-министров Израиля Менахем Бегин. – Они действительно планируют наше уничтожение, и их нужно остановить. Не говорите, будто это несерьезно. Не спрашивайте, что скажут в мире. Мир не пожалеет побитых евреев, но примет евреев сражающихся».

Израильтяне недооценили дубайскую полицию. Ее начальник полиции генерал-лейтенант Халфан Тамим в девятнадцать лет окончил полицейскую академию в Аммане – лучшее полицейское учебное заведение в арабском мире. Через десять лет он возглавил полицию Дубая. Его задача – заботиться о том, чтобы преступность не мешала процветанию маленького государства. Он снабдил своих подчиненных лучшим оборудованием, новейшей техникой, установил повсюду камеры наблюдения.

В полиции составили колоссальный список всех, кто приезжал в Дубай одновременно с Махмудом. Сравнили с именами тех, кто останавливался в одной с ним гостинице; их лица стали искать на записях тысячи с лишним видеокамер наблюдения. И смогли идентифицировать каждого из постояльцев отеля! Потом выявили тех иностранцев, кто пользовался той самой редкой платежной системой и звонил по одному и тому же номеру в Австрию.

Всякий раз, когда израильская разведка уничтожает кого-то из террористов, поднимается волна возмущения: разве можно выносить – и исполнять – смертный приговор без суда? Не является ли в таком случае акция возмездия нарушением закона? Отвечают обычно так: эти преступники укрываются на территории арабских государств, которые не только не отправляют их на скамью подсудимых, но и укрывают от правосудия, помогают им, а то и возвеличивают как героев. Палестинский террорист Махмуд аль-Мабхух, которого израильские власти разыскивали за двойное убийство, когда-то бежал в Египет. Египетское правительство собиралось судить его или выдать Израилю. Но не стало злить исламских радикалов и просто выслало из страны.

В 1970–1980-е годы чуть ли не весь мир осуждал Израиль за применение силы в борьбе против террористов, за боевые операции спецслужб на территории других государств. Времена

изменились, теперь не только Израиль, но и многие другие государства оказались жертвами большого террора. И в нашей стране после очередного теракта тоже звучат призывы использовать опыт Израиля в борьбе с террором.

Официальные представители Израиля отрицают причастность Моссада к смерти Махмуда аль-Мабхуха. В частных разговорах израильтяне считают операцию в Дубае успешной. Цель достигнута: безжалостный убийца понес заслуженное наказание. Руководители ХАМАС лишний раз убедились в том, что их могут достать где угодно, что им отомстят за все преступления. Оперативники благополучно вернулись домой... Единственное пожелание, которое они услышали: следует быть осторожнее. В следующий раз.

Причины ненависти

В принципе, понятно, почему помимо Израиля именно Соединенные Штаты превратились в мишень номер один для иранцев. Америка – единственная страна, которая мешает Тегерану обзавестись ядерным оружием. Но есть у их ненависти к Америке и иные причины.

Как выразился когда-то английский историк Арнольд Тойнби, Америка похожа на очень большую собаку в очень маленькой комнате: «Когда она всего лишь виляет хвостом, вокруг валяются стулья».

Соединенные Штаты даже в кризис остаются самой процветающей державой западного мира. Америка держит в руках промышленность будущего – космос, компьютерную технику, информационные технологии. Мобильными телефонами и компактными компьютерами фирмы «Эппл» пользуются в самых отдаленных уголках земного шара. Рабочих все меньше, а промышленное производство растет.

Средняя продолжительность жизни американцев достигает восьмидесяти лет. Достижения медицины и фармакологии вкупе с заботой об экологии и правильным образом жизни привели к сокращению заболеваемости раком, сердечно-сосудистыми болезнями и даже СПИДом. Американцы отказываются от алкоголя, курение почти что вне закона, и школьницы не спешат потерять девственность.

Планомерные усилия в области охраны общественного порядка, современная организация работы полиции, многовекторная борьба с преступностью дают результаты даже в больших городах, где жизнь становится безопаснее. По статистике, и автомобильных катастроф стало меньше. Американцы практически перестали водить машины в нетрезвом состоянии, они пристегиваются ремнями безопасности, да и машины теперь надежнее. Меньше пожаров, потому что строители пользуются огнеупорными материалами.

Американские киногерои заполнили мир от Катманду до Киншасы, от Каира до Каракаса. На Арнольда Шварценеггера, Брюса Уиллиса и Памелу Андерсон можно любоваться в любой точке земного шара, кроме Северной Кореи. Мадонну и Майкла Джексона слушают везде. Динозавры Стивена Спилберга из видеоджунглей попали в джунгли настоящие. Владелец компьютерной империи «Майкрософт» Билл Гейтс властвует над грезами компьютерных детишек. Шарон Стоун сводит с ума мужчин во всем мире.

Американская музыка, кинематограф, компьютеры, еда из «Макдоналдс» формируют мир стремлений и мечтаний большей части молодежи на всех континентах – в том числе иранской. После продукции аэрокосмической промышленности американская индустрия развлечений – экспортный товар номер два.

В Иране фундаменталисты запретили продажу и установку спутниковых антенн. Смотреть иностранное телевидение позволено только государственным учреждениям идеологической сферы. Видеотеки формируются министерством исламской ориентации.

Министерство само отбирает фильмы, которые разрешено смотреть. Даже разрешенные фильмы подвергаются цензуре – из них вырезают все кажущееся сомнительным. Телевидение предпочитает классические старые фильмы – там меньше крамолы. Но на черном рынке видеозаписи американских фильмов расхватываются как горячие пирожки.

Людей и завораживает, и отталкивает американская массовая культура. Они хотят к ней принадлежать и одновременно ее отторгают. Молодые иранцы носят американские джинсы и кроссовки, а на митингах требуют покончить с засильем американцев.

Бесспорно лидерство Соединенных Штатов и в ядерных, и в обычных вооружениях. Вашингтон способен нанести высокотехнологичным оружием удар по любой точке Земли. Раньше, придавленные вьетнамской травмой, они были недовольны своей международной ролью. Но крах социалистической системы и невиданный экономический подъем 1990-х избавил американцев от всех сомнений.

С войнами на территории Югославии европейцы сначала надеялись управиться сами. Но Европе пришлось убедиться, что лишь американцы смогли установить хотя и не слишком хороший, но зато действенный мир. Северная Корея готова разговаривать только с американцами. На Ближнем Востоке израильтяне и палестинцы предпочитают беседовать не между собой, а через посредство американцев.

Конечно, затянувшиеся военные операции в Ираке и Афганистане показали, что и Соединенные Штаты не в состоянии решить все мировые проблемы, но едва ли хотя бы одну можно разрешить без их участия. Что же удивительного, что американские политики ведут себя с представителями других стран, как учитель с учениками? Вашингтон уверенно предлагает американскую модель в качестве примера для подражания. Американцы говорят: а кто может сравниться с нами? Япония не обладает сырьевыми ресурсами и зависит от зарубежных рынков. Китай при всех своих грандиозных успехах не способен справиться с собственными проблемами. Индия поглощена борьбой с Пакистаном. Европа занята внутренними переживаниями.

Американцы всегда были глубоко убеждены в том, что они стоят на стороне добра, правого дела. Первые переселенцы из Европы мечтали выстроить сверкающий город на холме, на который будет восхищенно взирать весь мир.

Отношение к остальному миру – непростой вопрос для американцев. На чем основывать внешнюю политику – на военной мощи или на морали? На реализме или идеализме? На прагматизме или на твердых принципах? Защищать только свои интересы или распространять свои идеалы по всему миру? Кем быть – националистами или интернационалистами? Либералами или консерваторами? Выбор не сделан. Иногда американцы поступают как идеалистически настроенные прагматики, иногда – как прагматичные идеалисты.

Джон Кеннеди, вступая в должность президента в 1961 году, посвятил внутренним проблемам страны всего несколько слов. Он сосредоточился на внешней политике, считая, что лишь она способна прославить его среди потомков. «Все народы, – говорил Кеннеди, – как бы мы к ним ни относились, должны знать, что мы заплатим любую цену, вынесем любые тяготы, стерпим любые невзгоды, но поможем всем друзьям и будем сражаться со всеми врагами, чтобы обеспечить существование и победу свободы!»

В январе 2002 года президент Джордж Буш-младший назвал Ирак вместе с Ираном и Северной Кореей «осью зла». Это была впечатляющая формула, напомнившая другую, времен Второй мировой, когда странами оси называли нацистскую Германию, фашистскую Италию и милитаристскую Японию. «Эти страны и их союзники-террористы составляют ось зла, угрожающую миру, – объяснил американский президент. – Эти режимы, пытающиеся обзавестись оружием массового уничтожения, представляют собой все более серьезную

угрозу».

В первом наброске президентской речи фигурировал только Ирак. Но помощники Буша решили расширить это понятие – иначе речь была бы воспринята как объявление войны садамовскому Ираку (это произойдет позже). Вписали Северную Корею и Иран. При обсуждении кто-то хотел выкинуть из текста Иран, потому что в стране все-таки существуют элементы демократии. Но президент настоял на своем: «Оставьте. Я хочу дать им понять, что мы поддерживаем тех иранцев, которые хотят свободы, против тех, кто им этой свободы не дает». Так в его речи появилась фраза: «Иранцы, как и все народы, имеют право выбирать свое правительство и решать свою судьбу – и Соединенные Штаты поддерживают их стремление к свободе». Буш повторил: «Я хочу сосредоточить внимание на этих трех странах. Я хочу назвать их осью зла. Я хочу обратить внимание всего мира на связь этих стран, которые хотят обзавестись оружием массового уничтожения, с террористами. Это новая опасность для нашей страны».

Движущие мотивы американских руководителей за пределами Соединенных Штатов мало кто понимает.

Джордж Буш-младший искренне считал, что стал президентом благодаря божественному провидению, поэтому он всегда прав и знает ответы на все вопросы. Никаких компромиссов. На посту президента он не испытывал сомнений. Он разделил мир на хороших и плохих, сузил сложность окружающего мира до самого простого выбора: или с моей страной, или против нас. Но Буш был искренен. И это подкупало сограждан. Он был готов сражаться до последнего. Это нравилось американцам, которые дважды за него голосовали: наконец-то у нас в президентах настоящий мужик, у которого хватает характера делать то, что надо! Буш изменил роль и место Америки в мировой политике. Его предшественник Билл Клинтон, да и многие американцы считали, что Соединенные Штаты в XXI веке должны заняться собой. Буш считал Америку великой державой, которая обязана во все вмешиваться и отстаивать свои ценности.

Характер Буша формировался в патриархальном техасском городке, состоящем из кирпичных домов, школ и церквей. Но это центр крупнейшего нефтяного месторождения, составляющего двадцать два процента нефтяных запасов Америки. Сюда приезжали рискованные ребята, склонные к авантюризму. Это место, где человек сам кузнец своего счастья. Все в твоих руках. Всякий мог приобрести право на разработку недр, пробурить скважину и стать миллионером. Но ему точно так же могло не повезти, и он терял все.

Джордж Буш, как и его вице-президент Дик Чейни, учился в Йельском университете. Буш, мягко говоря, не был лучшим учеником и сохранил не лучшие воспоминания о своей альма-матер, но был рад, когда его дочь Барбара отправилась туда учиться. Однажды президент Буш выступал перед студентами. «У тех, кто окончит университет с отличием, – не без ехидства сказал он, – все сложится в жизни прекрасно. Ну, а те, кто не очень успеваешь... Что ж, они могут, как и я, стать президентом Соединенных Штатов». В зале засмеялись и зааплодировали. «Диплом вашего университета высоко ценится, – продолжал Буш в том же стиле, – и я часто говорю об этом Дику Чейни, который тоже здесь учился, но не окончил университет. Так что запомните – если вы получили диплом Йельского университета, у вас есть шанс стать президентом нашей страны. Если нет – вице-президентом».

Судя по всему, Буш полагал, что избрание его президентом – часть божественного плана. Он всерьез считал, что олицетворяет силы добра и обязан сокрушить силы зла и избавить мир от преступников. «Президенту Клинтону, – говорил один из его бывших советников Дик Моррис, – было свойственно светское мышление. Буш – человек глубоко религиозный. Клинтон мог видеть многочисленные оттенки серого, а Буш представляет все черным или белым. В борьбе с терроризмом убежденность Буша в необходимости победы добра над злом –

именно то, что нужно. Она придавала религиозному Бушу ту твердость и решимость, которой не хватало светскому Клинтону».

Что касается Буша, то для него религия – это не исполнение ритуалов, а важнейшая часть его духовной жизни. Буш нечасто ходит в церковь, но каждое утро начинает с молитвы. Иногда он обращается к Богу несколько раз в день. Он принадлежит к методистской церкви. Раз в неделю он устраивал богослужение для аппарата Белого дома (закон это позволяет при условии добровольности посещения) – приходило от двадцати пяти до пятидесяти сотрудников президентской администрации.

Когда Буш был губернатором Техаса, он принял самые жесткие меры в борьбе с преступностью. Как губернатор он имел право помилования, но считал, что смертные приговоры должны исполняться. Его не смущало, что число заключенных в тюрьмах Техаса увеличилось. Он был против любых послаблений заключенным. Он обещал сделать жизнь преступников трудной и сдержал слово. Его система была нацелена не на исправление и возвращение осужденных к нормальной жизни, а на максимальную суровость наказания. «Наши законы, – говорил Буш, – таковы: вы отвечаете за свои поступки. Если вы выбираете преступную жизнь, мы заставим вас ответить за свое поведение».

На теракты 11 сентября 2001 года у Буша была одна реакция: «Мы избавим мир от этих негодяев». Свою доктрину Буш сформулировал самым простым образом. Америка не станет ждать следующей атаки. Соединенные Штаты будут первыми наносить удары по террористам, где бы они ни находились. Надо заботиться не о том, как потом наказать террористов за содеянное, надо предотвратить их удары. Он сказал директору ФБР Роберту Мюллеру: «Ваша задача – не наказывать за уже совершенные преступления, а предотвращать их».

Буш пришел к выводу, что руководители Ирана – неадекватны. И это пугало. Получалось, что оружие массового уничтожения может оказаться в руках людей, которые себя не контролируют и готовы пустить это оружие в ход, чтобы стать героями в глазах исламского мира.

Барак Обама – полная противоположность Буша. Обама осторожнее. Обама скорее похож на Грегори Пека, а не на Джона Уэйна.

Если бы Барак Обама не пошел в политику, он мог бы стать психотерапевтом. Он улавливает то, что ему говорят, и возвращает посыл назад. Он мастерски формулирует и артикулирует то, что волнует других людей. Он так умело говорит, что каждому кажется: Обама разговаривает именно с ним и выражает именно его мысли.

Он кажется абсолютно искренним, сопереживающим. Другой вопрос, в какой степени он действительно испытывает эти эмоции. Но это же вы открываете душу врачу, а не врач – вам. Его можно назвать окном в душу американца. Или зеркалом. То, что вы видите, зависит от того, кто вы и на каких позициях стоите. Барак Обама сам говорит о себе: «Я экран, на который люди разных политических убеждений проецируют свои взгляды».

Уравновешенность, благоразумие, рассудительность – вот, что характерно для Обамы и проявилось уже во время избирательной кампании. Он предпочитает хорошенько подумать, прежде чем принять решение. Он больше доверяет своему уму, чем инстинктам.

С самого начала Обама был против войны в Ираке. 2 октября 2002 года, когда конгресс разрешил Джорджу Бушу вести войну против Саддама, сенатор Обама выступал в Чикаго на первом антивоенном митинге: «Я понимаю, что даже успешная война в Ираке потребует оккупации этой страны на неопределенное время с неопределенными расходами и неопределенными последствиями. Саддам Хусейн – плохой парень. И миру, и иракскому народу будет лучше без него. Но я понимаю, что вторжение в Ирак без серьезной мировой поддержки только разожжет пламя на Ближнем Востоке, воодушевит худшие элементы в

арабском мире и усилит Аль-Каиду. Я не против войн как таковых. Я против глупых войн».

Внешняя политика президента Обамы соответствует взглядам значительной части американцев, которые считают, что после Второй мировой США ведут не те войны не в тех местах и не в то время. Операция в Ираке должна стать последней ошибкой. Обама намерен войти в историю как президент, который вывел страну из двух войн.

Две трети американцев считают десять лет после 11 сентября 2001 года временем упадка Соединенных Штатов. Люди обеспокоены, сомневаются в своем будущем и будущем детей. Народ, известный своим оптимизмом, не может обрести дух уверенности в себе. Прежде США довольно быстро приходили в себя после таких ударов, как вьетнамская война, Уотергейт или рецессии. После двух-трех лет беспокойств избиратели возвращались к оптимизму. Теперь силы, которые объединились против американского народа, кажутся слишком мощными. Настроения американцев похожи на настроения европейцев после Второй мировой.

Ощущение неуязвимости сменилось чувством неуверенности и незащитности. Многие уверены, что последуют новые террористические атаки. Американцы уверены, что жизнь хуже, чем была десять лет назад. Винят в этом политиков. Чувство изоляционизма усилилось. Большинство американцев не желают вмешиваться в чужие дела.

Сразу же после вступления в должность 20 января 2009 года Барак Обама провел заседание Совета национальной безопасности о ситуации в Афганистане и Пакистане. Прозвучало много пугающего. Обама сохранял хладнокровие, но его помощники, которые раньше не имели доступа к секретной информации, вышли после заседания потрясенные.

Ситуация там становится все хуже и хуже. Талибы действуют очень активно и в Пакистане, и в Афганистане. В Белом доме решили, что важнее всего избегать кровопролития, больших жертв – «центральноазиатской Вальхаллы», как выразился министр обороны Роберт Гейтс. А главная цель американской администрации – снять с себя эту обузу, найти способ и повод уйти.

Сейчас американцы полагают, что лучшая политика – сдерживание. Попытка найти лучшее решение часто ведет к поражению. Мир не таков, каким хотят его видеть. Надо примириться с его несовершенством.

Барак Обама формирует внешнюю политику по практическим, а не по идеологическим соображениям. Он просто хочет, чтобы на западном и восточном фронтах было спокойно, а он бы мог сосредоточиться на внутренних делах.

И сегодня США исходят из наивного представления о том, что американские ценности должны быть приняты и другими странами. Другие страны это раздражает. И европейцы, и азиаты недовольны высокомерием Соединенных Штатов. Американцы считают, что критика объясняется завистью и желанием скрыть собственную несостоятельность. Но они сами поражены тем, что против Соединенных Штатов накопилось столько злобы. Речь явно идет о чем-то большем, чем о регулярно поднимающихся волнах антиамериканизма.

Иранцы твердо уверены, что главная цель американцев – господство над миром. Раздражение у некоторых людей вызывает сама манера поведения американцев, их готовность, ни у кого не спрашивая, делать то, что они считают правильным: «Им все можно, а нам ничего?»

Нет недостатка в яростных антиамериканских публикациях и заявлениях. На этом делают неплохую карьеру – выискивают врагов и живут за их счет. Такое упоение ненавистью – это яд, который некоторые политические деятели подмешивают к духовной пище своих сограждан.

Многим кажется, что американцы сознательно причиняют неприятности остальному миру. Мало кто задумывается над тем, что ненавистниками Америки, теми, кто берется за оружие, чтобы убивать американцев, движет раздражение, обида и элементарная зависть к

преуспевающему сопернику. Они чувствуют себя униженными, потому что арабские, исламские страны далеко отстали от Запада. Но естественное желание преодолеть этот разрыв не возникает. Исламисты считают, что Запад (это очень широкое понятие, в него включается и Россия) должен быть уничтожен, как раковая опухоль.

Президенты Соединенных Штатов в отношениях с Ираном шли от одной неудачи к другой.

Самым подходящим партнером казался Мохаммад Джавад Хатами, избранный президентом Ирана 23 мая 1997 года. В иранской политике нет либералов. Но Хатами по крайней мере не был твердолобым. В свое время его уволили с поста министра культуры и исламской ориентации за то, что он недостаточно усердно занимался цензурой выходящих книг. Он нравился городским жителям и молодежи. Он обещал дать большую роль женщинам, и женщины, конечно же, голосовали за него. Это эмоциональное сочувствие сыграло важнейшую роль в его избрании.

Результаты выборов 23 мая воспринимались как новая революция. Проголосовав за бывшего библиотекаря Хатами, иранцы послали правящему режиму сигнал: мы хотим перемен! Хатами обещал торжество закона, демократии и улучшение отношений с внешним миром. Он хотел, чтобы к Ирану перестали относиться как к дьявольскому государству, а воспринимали его как нормальную страну со своими недостатками, которые она старается исправить. Казалось, политика Ирана меняется. В дипломатическом корпусе в Тегеране Хатами прозвали «аятоллой Горбачевым».

Министр Харази выразил сожаление по поводу захвата американского посольства и отмежевался от ритуального сожжения американского флага в Тегеране (частый аттракцион, устраиваемый в Иране). В свою очередь госсекретарь США Мадлен Олбрайт принесла извинения за организацию переворота в 1953 году.

В Вашингтоне закрыли глаза на то, что Иран покровительствует террористам, что аппарат госбезопасности – в руках исламских священнослужителей, которые ненавидят всех неверных, что Иран желает иметь ядерную бомбу. Тайный обмен посланиями между Вашингтоном и Тегераном шел через Швейцарию. Президент Билл Клинтон предложил восстановить дипломатические отношения и обменяться послами. Тегеран ответил: не время.

«Нам не нужны переговоры с США, – выступая перед верующими, объяснил высший руководитель Ирана Али Хаменеи. – Американский режим – враг исламской республики. Враг ислама. Враг нашей независимости и нашей чести. Американцы хотят разрушить наш ислам, опорочить нашу честь и украсть нашу независимость. Домыслы о нормализации американо-иранских отношений лишены оснований. Это сатанинская пропаганда недругов исламской республики».

После разгрома Саддама Хусейна Иран был готов идти на уступки и сговариваться с американцами. В Тегеране были смертельно напуганы тем, с какой легкостью американская армия сокрушила мощные вооруженные силы Ирака, с которым Иран безуспешно воевал восемь лет.

В мае 2003 года, через месяц после взятия Багдада, иранцы предложили американцам сделку: они передают Соединенным Штатам руководителей Аль-Каиды, включая сына Осамы – Саада бен Ладена. В обмен иранцы хотели бы получить членов «Моджахедин-э Халк» («Народные моджахеды»), иранской террористической организации, которую приютил Саддам. Это несколько тысяч хорошо вооруженных бойцов.

Предложение обсуждалось в Белом доме под председательством президента. Джордж Буш был согласен на сделку. Но остальные возразили, поскольку по вине «Моджахедин-э Халк» были убиты несколько американцев.

В 2004 году высший руководитель Ирана Али Хаменеи впервые за двадцать семь лет сказал, что Иран может вести переговоры с Соединенными Штатами. Никогда еще иранские муллы не чувствовали себя такими уязвимыми. От страха Иран приостановил исполнение ядерной программы.

Когда 1 мая 2004 года президент Джордж Буш на борту авианосца «Авраам Линкольн» провозгласил: «Миссия завершена!», в Тегеране спешно подготовили свои предложения американцам. Они были одобрены высшим руководителем Ирана. Американцы попросили швейцарского посла в Иране Тима Гульдмана передать предложения в Вашингтон.

Иранцы выложили на стол все, что могли предложить. Они обещали, что перестанут помогать палестинским боевикам из ХАМАС и «Исламского джихада» и надавят на них, чтобы те прекратили теракты против Израиля. Ливанскую Хезболлу предложили разоружить и превратить в чисто политическую партию. Иран посулил сражаться с Аль-Каидой и помочь в стабилизации положения в оккупированном Ираке. А также полностью открыть свою ядерную программу для международного, прежде всего, американского контроля. В обмен Иран желал полного восстановления отношений, снятия всех санкций, уважения его интересов в регионе.

Госсекретарь Колин Пауэлл и советник президента по национальной безопасности Кондолиза Райс были готовы начать с иранцами новую игру. Против были вице-президент Дик Чейни и министр обороны Дональд Рамсфелд: «Мы не разговариваем со злом».

В тот момент, после свержения Садда Хусейна, Соединенные Штаты пребывали на вершине своего могущества. Предложения Ирана, считали в Вашингтоне, – признак слабости. Вслед за Ираком и другие страны региона станут свободными и демократическими.

Ответа из Вашингтона не последовало. В Тегеране восприняли это как оскорбление. Администрация Джорджа Буша-младшего упустила благоприятный момент. В Тегеране увидели, что американцы завязли в Ираке, на вторую военную операцию – против Ирана – не решатся, и успокоились.

Ситуация стала опасной, когда летом 2005 года президентом Ирана стал сын кузнеца и бывший мэр Тегерана Махмуд Ахмадинежад. Он был одним из руководителей Корпуса стражей Исламской революции.

Бывшие американские заложники, которые провели в плену в Тегеране долгие четыреста сорок четыре дня, опознали в новом президенте одного из своих тюремщиков. Говорили, что он проводил допросы и был очень жесток. Руководители курдской оппозиции утверждают, что Ахмадинежад руководил террористическими операциями за рубежом.

Пока Ахмадинежад был столичным мэром и баллотировался в президенты, он не упоминал о внешней политике. Став президентом, он заговорил языком, который потряс мир. Он потребовал стереть Израиль с политической карты мира, пожелал израильскому премьер-министру Ариэлю Шарону скорейшей смерти и заявил, что Иран будет и дальше осуществлять свою ядерную программу, что бы ни говорили другие державы. Наверное, так думали и другие иранские политики, но его предшественники на посту президента никогда не высказывались столь откровенно.

Теперь уже можно констатировать, что эти громкие заявления были всего лишь ловким политическим ходом, попыткой завоевать популярность в стране и сплотить иранский народ.

Энтузиазм времен Исламской революции остался в далеком прошлом. Популистские обещания революции, как это водится, не выполнены и остались на бумаге. А сколько хороших мыслей было записано в конституцию! Например, запрет использовать средства и возможности армии в личных целях.

Летом 2003 года тегеранская молодежь вышла на улицу с лозунгом «Власть – народу!» Возмущение впервые было направлено против духовного лидера Ирана аятоллы Али Хаменеи,

которому принадлежит высшая власть в стране. Лозунг «Предателя Хаменеи – повесить!» – такого в Тегеране еще не видели. Еще недавно чуть ли не вся страна ловила слова своих религиозных вождей. Тогда исламское духовенство находилось в оппозиции к власти, обещало сделать жизнь справедливой, и симпатии людей были на стороне мулл. Теперь духовенство и есть власть, и люди переносят на них свое недовольство жизнью, считая, что после революции богаче стали только сами муллы.

Студенческие демонстрации разгоняли силой. Иранская госбезопасность с ее разветвленным агентурным аппаратом арестовала всех смутьянов.

Невозможность участвовать в политической жизни, выражать свое мнение делает людей аполитичными. Они циничнее относятся к религии и к духовенству.

Пятьдесят миллионов иранцев, семьдесят процентов населения, – моложе тридцати лет. Побывавшие в Иране журналисты уверяют, что молодежь больше интересуется деньгами, чем политика. Даже активная городская молодежь считает идеалом не кубинского революционера Че Гевару, отдавшего жизнь за свои идеалы, а американского бизнесмена Билла Гейтса, который в юные годы заработал миллиарды.

Городская молодежь смотрит западное телевидение, скачивает современную музыку из Интернета. Тайно выпивает. Говорят, тегеранские вечеринки с наркотиками такие же крутые, как и в Берлине и Нью-Йорке. Возле здания гаража военного госпиталя какой-то молодой человек предложил нам купить у него гашиш из Афганистана – два доллара порция. Иностранцы корреспонденты пишут, что наркотики, СПИД и проституция процветают в стране, которая считает себя моделью для всего исламского мира.

Почему сейчас Иран не идет на уступки?

1990-е годы, когда президент Хатами пытался делать шаги к демократии, были временем относительной стабильности на Ближнем Востоке, и молодые иранцы жаждали социальной и политической свободы. Теперь, когда соседний Ирак раздирает хаос, иранцы больше ценят стабильность дома, чем свободу. Иранцы хотят, чтобы страна была крепкой и сильной, чтобы ее не постигла судьба разгромленного Ирака.

Иранцы гордятся своими возможностями диктовать условия партнерам. Ведь иранцев всегда воспитывали в сознании собственного превосходства. Удачная игра иранской футбольной команды за рубежом воспринимается как общенациональный праздник и политическая победа ислама над его врагами на Западе. Им нравится противостоять Соединенным Штатам: «Наша цивилизация значительно выше. Нам незачем оглядываться на страну, которая существует всего двести лет».

Для иранцев создание ядерного оружия – вопрос национальной гордости. Первая супердержава Древнего мира не может отставать от других стран, которые уже обзавелись бомбой.

Иранцев возмущает само предположение, что они должны у кого-то просить разрешения создавать атомные электростанции, что кто-то может им что-то запретить. На этих чувствах и играет президент, создавая себе поддержку в стране. Поэтому он так часто и охотно говорит, что не поддастся диктату Запада. А иранцев даже особенно и не надо провоцировать. Они и так уверены в том, что со всех сторон окружены врагами.

Руководители Ирана воспринимают свою страну как региональную великую державу. Они подспудно желают, чтобы и американцы считали их великой державой и относились к ним как к равным. Иранцы по-своему наслаждаются вниманием американцев – это свидетельствует о значимости Ирана в мировой политике. Подсознательно они заворожены могуществом Соединенных Штатов, военным и экономическим.

В этом регионе все очень запутанно. Иранские политики ненавидят Америку, но крайне в

ней заинтересованы. Им, конечно, не нравится военное присутствие американцев сразу с двух сторон – в Афганистане и Ираке. Но иранцы вовсе не хотели бы поспешного вывода американских войск. Потому что только американцы обеспечат иракским шиитам власть в Ираке. Если американцы уйдут, иракские сунниты – бывшие соратники Саддама Хусейна, аппарат распущенной партии Баас – опять начнут убивать шиитов.

«Ядерный клуб»: почему входной билет?

В «ядерный клуб» никого не приглашают. Все сами занимают места – наперекор воле остальных членов клуба.

Кто в «клубе»?

Первая же страна, которая расщепила атом, – Соединенные Штаты, – делала все, чтобы остаться монополистом. Но 29 августа 1949 года было взорвано первое советское ядерное устройство.

США пытались помешать Великобритании и Франции обзавестись бомбой, Советский Союз – Китаю. Ни одна из этих попыток не увенчалась успехом. В 1968 году эти пять государств, которые сами себе выдали входные билеты в «ядерный клуб», попытались закрепить свою монополию в договоре о нераспространении ядерного оружия.

Грубо говоря, смысл договора таков: мы, пять государств, имеем право на ядерное оружие, остальной мир – нет. Но сохранить монополию не удалось. Еще три страны вошли в «ядерный клуб» де-факто – Индия, Пакистан, Израиль.

В распоряжении восьми членов «ядерного клуба» восемь тысяч четыреста ядерных взрывных устройств. Из них две тысячи готовы к боевому применению. Общее число ядерных зарядов в мире сокращается – за счет России и США, которые уменьшают свой боевой потенциал. Но ни одна ядерная держава не собирается отказываться от оружия массового уничтожения.

Великобритания и Франция полагают, что именно ядерное оружие сохраняет за ними статус великих держав. Индия и Пакистан наращивают свои арсеналы. О ядерных успехах Северной Кореи трудно говорить ввиду особой закрытости этой страны. Израильские планы зависят от Ирана, который рвется в «ядерный клуб».

Сегодня любое государство фактически может безнаказанно обзавестись собственной бомбой. Система нераспространения оружия массового уничтожения рассыпается. В определенном смысле мир вернулся назад, в 1960-е годы. А это было время, когда многие политики считали, что ядерная война вполне возможна.

Когда-то я беседовал с российским министром атомной энергетики. В его кабинете на огромном пульте с разнообразными телефонами выделялась красная кнопка. Надеюсь настроить министра на неформальный и живой разговор, я спросил: «Это кнопка пуска ядерных ракет?» Министр шуточки не принял и даже несколько испуганно стал объяснять, что это кнопка вызова секретаря. На эту тему профессионалы не шутят. Ситуация слишком серьезна.

Великобритания

Когда было взорвано первое советское ядерное устройство, Великобритания утратила свое положение в тройке великих держав и осознала собственную уязвимость перед советским

ядерным оружием. Комитет начальников штабов подготовил доклад о контурах грядущей войны с учетом опыта Хиросимы и Нагасаки. Выяснилось, что для полного уничтожения Великобритании достаточно тридцати ядерных бомб.

Соединенные Штаты отказались делиться с британцами секретами бомбы, поэтому Лондону пришлось самостоятельно создавать ядерное оружие. Первое испытание британцы провели 3 октября 1952 года на северо-западном побережье Австралии, в Монте-Белло – местечке, известном кораблекрушениями и ныряльщиками за жемчугом. Первые бомбы поступили на вооружение в 1955 году.

Сегодня Великобритания располагает только ядерными ракетами морского базирования – это стратегические системы на подводных лодках, базирующихся в Шотландии. У Великобритании есть четыре подводных ракетносца и примерно сто шестьдесят боеголовок. Одна британская лодка всегда находится на боевом патрулировании, чтобы в случае необходимости нанести сокрушительный ядерный удар по врагу. Лодка несет шестнадцать ракет и сорок восемь боезарядов. Вторая и третья могут выйти в море в случае необходимости. Для четвертой нет достаточного количества боеголовок.

Франция

Франции создать собственное оружие мешали не только США, но и Великобритания. ООН заклинала французов отказаться от испытаний. Нигерия даже разорвала дипломатические отношения с Францией. Президент Шарль де Голль выслушивал эти протесты с пренебрежительной иронией. Американский президент Джон Кеннеди, прилетев в Париж, умолял де Голля не создавать собственное ядерное оружие, обещая Франции защиту в случае нападения. Но де Голль считал, что каждое государство должно позаботиться о себе. «Для Франции, – сказал он американскому президенту, – это единственное средство обеспечить такое положение, чтобы никто не мог попытаться уничтожить ее, не опасаясь погибнуть сам». 13 февраля 1960 года на полигоне в Реггане (пустыня Сахара), неподалеку от города Алжир, была испытана первая французская ядерная бомба. Рассказывают, что де Голль закричал в восторге: «Да здравствует Франция!»

В настоящее время Франция имеет четыре подводных лодки и восемьдесят четыре бомбардировщика (в основном «Мираж-2000N»), которые могут нести три сотни ядерных боезарядов. В 2008 году Франция приступила к сокращению ядерного воздушного флота на треть.

Китай

Когда в Китае, в провинции Гуанси, нашли большие запасы урана, образцы пожелал увидеть сам Мао Цзэдун. Министр геологии Лю Цзе вспоминал: «Я разложил урановую руду на столе и провел над ней счетчиком Гейгера. Счетчик затрещал. Председатель Мао рассмеялся, как ребенок, и сам взял счетчик, провел над рудой, слушая его треск. Когда я уходил, Мао задержал мою руку в своей и сказал: „Ах, Лю Цзе! Я хочу, чтобы вы знали: вы сделали то, что решительно изменит нашу судьбу!“».

Первое ядерное испытание вызвало у китайцев невероятный восторг. Солдат без колебаний бросили прямо в эпицентр взрыва, чтобы доказать: китайская армия готова к войне с применением ядерного оружия. Это произошло 16 октября 1964 года, когда в Москве сообщили об отставке Хрущева. У китайского руководства получился двойной праздник: Никита Сергеевич отказался подарить Пекину секрет ядерного оружия.

17 июня 1967 года в Китае взорвали первую водородную бомбу. На военном параде в Пекине 2 октября 1999 года показали новую межконтинентальную баллистическую ракету «Дунфэн-31», способную достичь территории Соединенных Штатов. Ядерный потенциал Китая приобрел новое качество. Это изменило стратегию вооруженных сил США. Теперь шестьдесят процентов американских подводных лодок с ядерным оружием базируются в Тихом океане, это вчетверо больше, чем в 1980-е годы. Американские военные озабочены Китаем.

Мало создать ядерное взрывное устройство. Его надо сделать достаточно миниатюрным, чтобы оно вошло в боеголовку ракеты, запускаемой с подводной лодки или мобильной установки. Слишком большому заряду грош цена, если его нельзя пустить в дело. Американцы долго пытались понять, как это удалось китайцам: своим умом дошли или украли? Пришли к выводу, что украли. Впрочем, другие считают, что китайцы могли дойти до этого сами. У них есть замечательные научные достижения.

Сегодня Китай имеет сто восемьдесят шесть готовых к применению боезарядов на ракетах и самолетах. Возможно, на складах есть дополнительные боеголовки. В 2004 году министерство иностранных дел КНР заявило, что Китай располагает «наименьшим ядерным арсеналом», но, похоже, его арсенал больше, чем у Великобритании или Франции.

Индия

Индия взорвала первое ядерное устройство в 1974 году при Индире Ганди. Она купила ядерный реактор в Канаде, а тяжелую воду в Соединенных Штатах, гарантируя, что речь идет о мирной ядерной программе. Осторожная и прагматичная Индира Ганди отрицала, что создана ядерная бомба, доказывала, что взрыв произведен в мирных целях.

А через четырнадцать лет, 11 и 13 мая 1998 года, Индия неожиданно открыто провела испытания пяти ядерных взрывных устройств. Тогдашнее правительство жаждало доказать свое превосходство над Пакистаном, с которым враждовало шесть десятилетий. Индийцы надеялись, что либо пакистанцы не сумеют произвести ядерное оружие, либо американцы им это запретят.

Разведки всего мира проморгали появление ядерного оружия у Индии. В Вашингтоне возмущенный председатель сенатского комитета Ричард Шелби позвонил директору ЦРУ Джорджу Тенету. «У нас не было никакой информации», – честно ответил Тенет на вопрос об Индии. «Это стратегический провал разведки», – разочарованно констатировал сенатор.

Индия держит сведения о своих ядерных силах в секрете. Подсчеты показывают, что у нее есть от шестидесяти до семидесяти ядерных боеголовок. Эта цифра выведена на основе объема имеющегося в ее распоряжении оружейного плутония и количества оружейных систем – носителей. Индия купила французские самолеты «Мираж-2000N», способные нести ядерные авиабомбы, и построила ракеты «Притви» и «Агни».

Пакистан

Зачем индийцам понадобилась бомба? Дело в Кашмире, из-за которого Индия и Пакистан дважды воевали. Бывшее княжество Джамму и Кашмир де-факто поделено на две части. Южная, большая, часть входит в состав Индии. Северная часть превратилась в никем не признанное государство «Свободный Кашмир», которое на самом деле является частью Пакистана.

Кашмир разделен линией прекращения огня. Индия предлагает признать эту линию в качестве государственной границы. Пакистан требует решить судьбу Кашмира на основе давней резолюции Совета Безопасности ООН, предлагающей провести там референдум. Исход

референдума очевиден: живущие там мусульмане проголосуют за присоединение к Пакистану.

Пакистанцы испугались, что индийцы попытаются под прикрытием ядерного зонтика захватить весь Кашмир, и это подтолкнуло их к созданию своего ядерного оружия. «Отец пакистанской атомной бомбы» доктор Абдул Кадыр Хан работал в Нидерландах, занимаясь обогащением урана. После первого индийского ядерного испытания он предложил пакистанскому правительству свои услуги.

Доктор Хан получал из бюджета все деньги, которые просил, и никто не проверял, как они расходуются. Пакистанские агенты по всему миру покупали или крали все, что было необходимо. В начале 1980-х сильно помог Китай: передал Пакистану необходимые чертежи, обогащенный уран и помог построить новый ядерный реактор. 28 и 30 мая 1998 года Пакистан ответил Индии взрывом шести ядерных бомб. После ядерных испытаний первым в Пакистан приехал министр иностранных дел Ирана. Он выразил удовольствие по поводу того, что наконец-то у мусульманского мира есть своя бомба...

Пакистан беднее Индии, но ядерное оружие у него есть – примерно шестьдесят боеголовок. Детонаторы держатся отдельно. Средства доставки: самолеты – американские F-16, французские «Мираж-5», китайские А-5, а также ракета «Гхори» (названа в честь афганского полководца, который в XII веке создал первое мусульманское государство на территории нынешней Индии).

Склады ядерного оружия охраняют десять тысяч солдат из элитных частей. Считается, что американские солдаты готовы к худшему сценарию: если в Пакистане начнется хаос, американцы должны вывезти боеголовки (дабы они не попали в руки террористов), хотя официально Вашингтон утверждает, что не знает, где находится пакистанское ядерное оружие.

Израиль

Многие годы разведки всего мира безуспешно пытаются выяснить детали израильской ядерной программы. Позиция правительства остается прежней: «Израиль не станет первой страной на Ближнем Востоке, которая обзаведется ядерным оружием». Но все исходят из того, что Израиль давно раскрыл секрет атома.

Зачем Израилю оружие массового уничтожения? Израиль – маленькая страна. Если она проиграет хотя бы одну войну, то перестанет существовать. Ядерное оружие – последняя линия обороны. Эксперты полагают, что израильское ядерное оружие хранится в разобранном виде, и требуется время, чтобы подготовить его к боевому применению.

Считается, что Израиль имеет шестьсот килограммов оружейного плутония. Этого достаточно, чтобы изготовить сто двадцать боеголовок (на каждую требуется пять килограммов плутония). Но Израиль удовлетворился меньшим количеством. По мнению специалистов, его ядерный арсенал составляет восемьдесят взрывных устройств, из них пятьдесят – боеголовки для ракет, остальные – авиабомбы. В январе 2008 года израильтяне испытали ракету-носитель «Иерихон-3» дальностью полета четыре тысячи километров.

Северная Корея

Навязчивая идея сделать КНДР ядерной державой давно появилась у великого вождя Ким Ир Сена: если у него будет бомба, то ни Россия, ни Китай, ни Соединенные Штаты ничего не смогут ему навязать.

Будущие корейские ядерщики учились в нашей стране. В 1985 году Северная Корея получила от Советского Союза ядерный реактор мощностью пять мегаватт. Через несколько лет

корейцы достали из реактора отработанное топливо и выделили из него плутоний оружейного качества. С тех пор ядерный центр в Йонбёне, где расположены и реактор, и завод по обогащению плутония, находится под неусыпным наблюдением разведывательных спутников.

10 февраля 2005 года министерство иностранных дел Северной Кореи заявило, что в стране создано ядерное оружие. Но корейцам, ясное дело, никто не поверил. Многие специалисты уверяли, что корейское ядерное оружие – это миф. Нищей стране, отгородившейся от всего мира, бомба недоступна. Если бы корейцы создали взрывное устройство, они бы его обязательно испытали, как это сделали индийцы и пакистанцы.

Наконец, 9 октября 2006 года Северная Корея сообщила о первом успешном испытании ядерного оружия. За два часа до испытания Пхеньян информировал Россию. Северные корейцы запомнили публично выраженное недовольство президента Путина, которого они не предупредили о ракетных пусках. На сей раз в Пхеньяне были крайне любезны, поделившись своей радостью с Москвой раньше, чем с Пекином. Китайцев предупредили только за двадцать минут, чтобы не дать им возможность вмешаться.

Накануне первого ядерного испытания вождь Ким Чен Ир встретился с военным командованием, которое, как обычно, поклялось «отдать жизнь за уважаемого главнокомандующего, стать и пулями и бомбами из человеческих тел».

В 10 часов 35 минут по местному времени подземное испытание было проведено на полигоне на северо-востоке страны, неподалеку от границы с Россией. Центральное телеграфное агентство Кореи объявило: «Ядерное испытание стало историческим событием, которое принесло счастье нашим военным и народу. Ядерное испытание внесет вклад в поддержание мира и стабильности на Корейском полуострове. Испытание было на сто процентов произведено на основе нашей мудрости и наших технологий».

Зачем бомба клану Кимов, управляющему Северной Кореей все послевоенные годы? А чем они хуже Мао Цзэдуна, который в обладании ядерным оружием видел основу своего могущества? Первое корейское испытание, судя по всему, было неудачным: что-то не получилось. 25 мая 2009 года КНДР провела второе испытание ядерного взрывного устройства, на сей раз более удачное.

Не представляется возможным определить, каким количеством оружейного плутония обладает Северная Корея и сколько она изготовила боеголовок. Эксперты остановились на цифре в тридцать килограммов плутония, что означает примерно пять-шесть боеголовок. Страна имеет немалое количество мобильных ракет-носителей, все это модификации советского «Скада», то есть переделанные ракеты Р-17, которые производились Воткинским заводом на экспорт.

14 апреля 2012 года, к столетию со дня рождения Ким Ир Сена, его внук – нынешний властитель страны Ким Чен Ын – распорядился запустить баллистическую ракету-носитель «Ынх-3» («Млечный путь-3»). Предполагалось, что она выведет на орбиту спутник «Кванмёнсон-3» («Сияющая звезда-3»). Пуск завершился полным провалом. Но 12 декабря со второй попытки северные корейцы испытали межконтинентальную баллистическую ракету с вероятной дальностью полета десять тысяч километров, то есть теоретически она может долететь до территории США.

Мирными средствами

Внимание мирового сообщества сосредоточено на Исламской Республике Иран. Вопрос ставится так: позволят ли Ирану иметь ядерное оружие? А кто ему может помешать? США и

Израиль твердо заявляют, что нельзя позволить Ирану обзавестись бомбой. Означает ли это готовность пустить в ход силу? Но исчерпаны ли возможности дипломатии? Можно ли заставить Иран отказаться от завершения ядерной программы? Есть вполне успешный опыт.

Швеция

Сейчас в это трудно поверить, но даже нейтральная Швеция в 1950-е годы намеревалась создать около ста ядерных боезарядов. Через две недели после бомбардировки Хиросимы шведские военные попросили управление исследований в сфере национальной обороны заняться ядерной тематикой. Военные утверждали, что бомба нужна для защиты нейтралитета. В 1958 году парламент запретил производить ядерное оружие. В действительности крупнейшие военные концерны тайно продолжали работу над бомбой.

Страна обзавелась запасом плутония и технологией создания ядерного оружия. Но общеевропейская ситуация и настроения внутри страны заставили военных отказаться от своих планов. В 1968 году Швеция подписала договор о нераспространении ядерного оружия, в январе 1970-го парламент его ратифицировал, и на этом все кончилось.

Южно-Африканская Республика

ЮАР поначалу интересовало применение ядерных взрывов только для добычи полезных ископаемых. Но в 1973 году премьер-министр Джон Фостер подписал программу создания ядерного потенциала. Произвели шесть ядерных авиабомб.

Атомные изыскания ЮАР не были секретом для Советского Союза. На советскую разведку работал коммодор военно-морских сил ЮАР Дитер Феликс Герхардт. Он служил в министерстве обороны, а затем на главной военно-морской базе Саймонстаун. Советский Союз не имел дипломатических отношений с ЮАР – советское посольство в Претории закрылось в 1956 году. Советские граждане могли приезжать в ЮАР только нелегально, поэтому надежный агент, да еще из числа военных, оказался невероятно ценным приобретением.

«Правительство ЮАР, – рассказывал впоследствии Дитер Герхардт, – бессовестно лгало, утверждая, что полигон в пустыне Калахари, построенный в 1970-х годах, никогда не использовался для испытаний атомной бомбы. В действительности там было проведено подземное ядерное испытание». Герхардт утверждал, что информировал советскую военную разведку о ядерной программе ЮАР и о готовящемся испытании ядерного взрывного устройства. По его словам, Москва и Вашингтон договорились о совместном нанесении удара по испытательному полигону в Калахари. Но в конце концов Соединенные Штаты отказались действовать совместно с Советским Союзом.

В те времена режим апартеида пользовался всеобщим презрением. Против ЮАР были введены жесткие санкции, которые в конце концов подтолкнули общество к переменам. ЮАР отказалась не только от апартеида, но и от оружия массового уничтожения. В 1989 году правительство ЮАР, чтобы вернуться в мировое сообщество, прекратило эти работы, демонтировало оборудование и взрывные устройства. В 1991 году ЮАР присоединилась к договору о нераспространении ядерного оружия.

Ливия

Лидер ливийской революции полковник Муаммар Каддафи пытался в середине 1970-х обзавестись ядерным оружием с помощью Москвы. Но министр иностранных дел Громыко не

позволил Ливии купить в Советском Союзе полный ядерный топливный цикл, в том числе тяжеловодный реактор на природном уране, несомненно, предназначенный для производства оружейного плутония – начинки для бомбы.

Эту сделку пробивало министерство среднего машиностроения, в ведении которого была атомная империя. Но МИД торпедировал контракт. Москва никогда не была в восторге от своего непредсказуемого союзника, она и в лучшие времена дружбы с Триполи не продавала Каддафи баллистические ракеты и самолеты дальнего радиуса действия. Суперсовременное оружие могло толкнуть эмоционально неустойчивого полковника на большую авантюру, которая кончилась бы новой войной на Ближнем Востоке.

Муаммар Каддафи все равно затеял ядерную программу. Но ему помешало расследование обстоятельств гибели двухсот сорока трех пассажиров и шестнадцати членов экипажа американского «Боинга-747», взорвавшегося 21 декабря 1988 года в воздухе над шотландским городком Локерби (где под обломками погибло еще одиннадцать человек). Выяснилось, что взрывное устройство с часовым механизмом в самолет заложили два сотрудника ливийских спецслужб.

Американцы потребовали их выдачи. Каддафи наотрез отказался, и тогда вступила в силу резолюция № 748 Совета Безопасности ООН о санкциях против Ливии. Режим санкций заставил Каддафи не только выдать своих подручных международному суду, но в декабре 2003 года отказаться от планов создания оружия массового уничтожения. В Ливию приехали инспекторы МАГАТЭ и демонтировали оборудование, предназначенное для создания ядерного оружия. Выяснилось, что ливийские ученые успели получить небольшое количество плутония... Так что эта история свидетельствует о действенности санкций.

Ирак

Президент Ирака Саддам Хусейн, как и Каддафи, просил Москву поделиться ядерными технологиями. И тоже получил отказ. Саддам наведился в Париж. Переговоры с ним вел премьер-министр (и будущий президент) Франции Жак Ширак. Он не удивился желанию нефтедобывающего Ирака обеспечить страну ядерной энергией и увидел в предложении Саддама исключительно выгодный контракт. В ноябре 1975 года французы подписали секретные соглашения о поставке атомного реактора, ядерного топлива (обогащенный уран) и обещали прислать специалистов.

Разумеется, речь шла исключительно о мирном атоме. И так же совершенно естественно иракцы попытались превратить мирный атом в военный. Они закупили в Италии дополнительное оборудование, позволявшее выделять из отработанного топлива плутоний, начинку ядерных бомб. Специалисты прикидывали, что уже в 1983 году Ирак будет обладать ядерным взрывным устройством. Но 7 июня 1981 года израильская авиация уничтожила иракский реактор. Дальнейшие попытки Саддама Хусейна обзавестись ядерным оружием не привели к успеху. Он только пугал весь мир, в результате лишился своей должности, а потом и жизни...

Сирия

А вот еще одна операция, лишившая государство членского билета в «ядерный клуб». Перспективы ядерной программы Сирии вызывали скептицизм. Но удалось выяснить, что после смерти президента Хафеза Асада его сын Башар провел серию встреч с северокорейскими военными и ядерщиками. Первая произошла 12 июня 2000 года, когда

северокорейская делегация прибыла на похороны его отца. Окончательно договорились в июле 2002 года, после чего в Сирию стали прибывать суда с ядерными грузами.

Заодно трудились и над химическим оружием. В одиннадцать утра 25 июля 2007 года примерно пятьдесят сирийцев и иранцев проводили испытание ракеты «Скад» с боеголовкой, начиненной отравляющим газом VX. Но взорвалось горючее, и ракета сгорела. Погибли пятнадцать сирийцев и десять иранцев.

Иран обещал деньги, а Северная Корея – технологии для сирийского ядерного проекта. Принимались особые меры секретности: ни телефонных, ни иных разговоров по современным средствам связи не вели. Обходились письмами в запечатанных конвертах, которые передавали надежные курьеры.

Но это сирийцев не спасло.

Началось с того, что весной 2007 года одна из американских спецслужб – Национальное разведывательное управление, которое ведает использованием шпионских спутников, – обнаружила в пустыне на востоке Сирии, в Аль-Кибаре, подозрительный объект, прикрытый плотной системой противовоздушной обороны.

Аналитики ЦРУ, изучавшие полученную от смежников информацию, прежде всего постарались исключить все возможные варианты. Но стало ясно, что это не электростанция и не завод по опреснению воды. На фотографиях, сделанных спутником, подозрительный объект походил на хорошо знакомый американским разведчикам северокорейский реактор в Йонбёне, где вырабатывался оружейный плутоний, начинка ядерных боезарядов. Тогдашний директор ЦРУ Майкл Хэйден рассказывал: «До весны 2007 года у нас были сомнения и подозрения относительно восточной Сирии. Когда мы обнаружили ров, который вел от Евфрата к загадочному объекту, появились дополнительные основания заинтересоваться им».

Еще в середине 1980-х министр обороны Сирии Мустафа Тлас дважды говорил, что Советский Союз обещал передать Дамаску ядерное оружие. Правда, советский представитель дважды опровергал сирийское заявление. Но в Израиле к словам Мустафы Тласа отнеслись очень серьезно, и всякий сигнал о разработке Сирией оружия массового поражения тщательно проверялся.

Это самая секретная операция последнего времени, о которой долго никто не желал говорить: ни Соединенные Штаты, ни Израиль, ни Сирия. Рассказывают, что израильской разведке удалось внедрить своего агента на ядерный объект и он сумел снять внутренность реактора. Израильские спецназовцы, ночью доставленные на сирийскую территорию вертолетами, подтвердили, что речь идет о ядерном объекте. Они взяли пробы грунта и воздуха. Анализ показал необычно высокий уровень радиоактивности. Судя по всему, сирийский реактор был готов к пуску.

В четверг 6 сентября 2007 года в три часа утра взлетели семь израильских самолетов F-15. Точный приказ был объявлен экипажам только накануне взлета. А истребители сопровождения даже не знали, какая поставлена задача... F-15 пролетели на небольшой высоте вдоль Средиземноморского побережья, затем над Турцией и вошли в воздушное пространство Сирии. На расстоянии в пятьдесят километров они выпустили двадцать две ракеты по трем целям на территории ядерного объекта.

Сирийцы были застигнуты врасплох. Система ПВО только зафиксировала пуск ракет. Но времени на эвакуацию не осталось. Несколько зенитных ракет выпустили вдогонку, когда самолеты уже вышли из зоны поражения. Американские и израильские спутники подтвердили: цель уничтожена...

Военные эксперты задались вопросом: почему бездействовала сирийская система противовоздушной обороны, в которую семейство Асадов вложило столько средств? Первое

предположение: радиолокаторы были выведены из строя с помощью новых технологий глушения сигнала. Но в декабре 2008 года один американский технический журнал предположил, что радары были блокированы с помощью заранее тайно встроенных в них выключателей, о которых сирийцы не подозревали.

Обычно говорят о несанкционированном проникновении в программное обеспечение, с помощью чего похищают деньги или получают доступ к секретной информации. Но есть и другое направление – работа с компьютерными схемами. Покупатель не в силах выявить небольшие изменения в их конструкции. Электронные схемы, используемые в военной технике, могут содержать тайно внесенные в них изменения, которые позволят противнику во время войны управлять этой техникой. Скажем, отдать команду и вывести из строя системы управления войсками...

Вот что интересно. США и Израиль договорились не делать официальных комментариев. Но и сирийские власти против обыкновения не стали привлекать внимание к этой истории. Обычно Сирия возмущается, когда вражеские самолеты нарушают ее воздушное пространство, жалуется в Совет Безопасности ООН, требует наказать агрессора. На сей раз поразительным образом сирийские власти сделали вид, что ничего не произошло. Они предпочли не признаваться в попытке создать ядерное оружие и сделали хорошую мину при плохой игре. Сначала в Дамаске вообще отрицали факт воздушной атаки. Потом сирийцы пренебрежительно сообщили, что израильтяне разбомбили пустой участок, принадлежавший научному объединению по развитию сельского хозяйства. США попросили МАГАТЭ провести расследование.

Его тогдашний генеральный директор Мохаммад аль-Барадеи сообщил совету управляющих МАГАТЭ, что его эксперты нашли «дополнительные частицы урана неприродного происхождения» на объекте. Сирия ответила, что уран содержался в ракетах, которыми обстреляли здания. Аль-Барадеи объяснение не принял: «Оценка Агентства такова, что вероятность появления урана после применения ракет мала. Анализ проб окружающей среды показал наличие дополнительных частиц урана, которые образовались в результате химического процесса».

Секретный доклад МАГАТЭ, содержание которого стало известно в мае 2011 года, подтвердил: объект Аль-Кибар был ядерным реактором, работа над которым почти завершилась. Иначе говоря, Сирия строила в нарушение международных обязательств уран-графитовый реактор мощностью двадцать – двадцать пять мегаватт, по северокорейскому образцу.

Считается, что смерть помощника президента Башара Асада генерала Мохаммада Сулеймана, отвечавшего за ядерную программу и за сотрудничество с Ираном, – дело рук Моссада. Сулейман был убит в сирийском городе Тартусе в августе 2008 года – пуля снайпера настигла его, когда он вылезал из бассейна.

Кто еще в очереди?

Газета «Правда» 1 января 1941 года поместила стихотворение молодого поэта Семена Кирсанова:

Мы в Сорок Первом свежие пласты
Земных богатств лопатами затронем
И, может, станет топливом простым

Уран, растормошенный циклотроном.

Но кто в январе 1941-го мог поверить в пророческую силу стихов Семена Кирсанова? А сегодня – кто способен предположить, какие государства в ближайшее время захотят присоединиться к «ядерному клубу»? Причем для этих государств ядерное оружие – не что-то страшное, способное уничтожить весь мир, а просто большая бомба, которую вполне можно пустить в ход ради победы.

Кто еще пожелает вступить в «ядерный клуб»? Военные эксперты не успевают обновлять список. Ближний Восток – поставщик нефти для половины мира, и странно, когда государства – экспортеры нефти изъявляют желание строить атомные электростанции. Знания и технологии, приобретаемые в процессе освоения мирного атома, помогают превратить мирный атом в военный...

Бразилия

Бразилия подписала договор о нераспространении ядерного оружия, но эксперты полны подозрений: а не работают ли бразильцы тайно над ядерным оружием? Бразилия – влиятельное государство. Президент Луис Инасиу Лула да Силва взялся добиться для своей страны статуса великой державы. Национальная военная программа, принятая в конце 2008 года, предусматривает строительство ядерных подводных лодок. Звучит безобидно, но подводная лодка на ядерной силовой установке может стать первым шагом к созданию подводных лодок, оснащенных ядерным оружием.

В Бразилии в свое время уже осуществлялись три различных ядерных программы, каждую разрабатывал свой вид вооруженных сил. Самой успешной оказалась программа военно-морского флота: обогащение урана и создание небольших реакторов для подводных лодок.

По словам бывшего руководителя национальной атомной комиссии, в 1990 году бразильские военные были очень близки к созданию ядерного оружия. Пробурили трехсотметровую шахту для испытания. Но во время демократизации страны отказались от ядерных планов. Конституция страны, принятая в 1988 году, позволяет использовать ядерную энергию только в мирных целях. Бразилия взяла на себя все международные и региональные обязательства не создавать ядерное оружие.

При президенте да Силве настроения изменились. Через несколько месяцев после его инаугурации в 2003 году страна возобновила строительство ядерной подводной лодки. Президент критиковал договор о нераспространении, считая его дискриминационным. И при нынешнем президенте Дилме Русеф Бразилия старается не пускать к себе инспекторов МАГАТЭ и не желает, чтобы были известны секреты ее атомных дел.

Отчего такая страсть к секретам? Почему правительство скрывает, как идет работа над небольшими реакторами для подводных лодок? В сентябре 2009 года вице-президент Жозе Аленкар заявил, что Бразилии нужно бы иметь ядерное оружие. Для защиты, во-первых, границ, во-вторых, богатых запасов нефти на шельфе. Кроме того, сказал вице-президент, ядерное оружие придаст стране большой вес в мировых делах.

Бразилии разрешено обогащать уран для ядерных подлодок, но никто не знает, как именно используется топливо, спрятанное на военных базах. Теоретически инспекторы МАГАТЭ имеют право следить за строительством ядерных реакторов. Но на военные базы иностранцам хода нет. А для ядерного взрывного устройства нужен тот же обогащенный уран, что используется как топливо для силовых установок подводных лодок.

Венесуэла

Интерес к ядерным делам проявляют далеко не самые богатые и процветающие страны. Например, Венесуэла. Ей не хватает научных кадров, нет опыта в атомных исследованиях. Но стремление президента Уго Чавеса к расщеплению атома может реализоваться. Чавес – сторонник президента Ирана, поддерживает его ядерные амбиции. Взамен Иран помогает Венесуэле искать залежи урана. Эксперты не верят, что она намерена использовать уран только для атомных электростанций.

Мьянма (Бирма)

Есть сведения о том, что военный режим Мьянмы сотрудничает с Северной Кореей в создании ядерного оружия. Генералы тайно строят ядерный реактор и установки по выделению плутония. Они могут войти в строй в 2014 году. Подозрения появились после того, как показания дали два беженца из Мьянмы. Один занимался ядерными делами, другой служил в той части бирманской армии, которая несет охрану ядерных объектов. У Мьянмы пограничный спор с Бангладеш с 2008 года. По обе стороны границы наращивается военный потенциал. Обе страны могут потянуться и за ядерным оружием.

Бангладеш

Бангладеш создает атомную энергетику с помощью Пакистана. МАГАТЭ обеспокоено: удастся ли обеспечить необходимый уровень безопасности на ядерных объектах? Бангладеш – не самая стабильная страна в мире. С тех пор как в 1971 году она обрела независимость, двух ее лидеров убили. Страна пережила серию военных переворотов. Государство парализовано коррупцией, терактами исламистов, постоянными забастовками. Если страна обзаведется ядерной бомбой, то в чьи руки она попадет?

Террористы и бомба

Эта зловещая перспектива давно нависла над миром: ядерное оружие оказывается в руках террористов... И чем больше становится ядерных стран, тем серьезнее воспринимается такая вероятность.

В апреле 1961 года восстали французские военные в колониальном Алжире. А рядом, на полигоне в пустыне Сахаре, готовили очередное испытание ядерного взрывного устройства. Французское правительство охватил ужас: что если мятежники захватят бомбу? Тогда они будут неуязвимы. По приказу из Парижа, чтобы уничтожить заряд, испытание провели немедленно!

В 1975 году американские войска покинули Южный Вьетнам, защищать который больше не могли и не хотели. Но в Южном Вьетнаме сами же американцы построили исследовательский реактор. Эвакуация происходила в панике. Но все ядерные материалы вывезли из страны на самолете, чтобы они не достались северным вьетнамцам.

В Пакистане склады с ядерным оружием охраняют десять тысяч солдат из элитных частей. Считается, что американский спецназ готов к худшему сценарию – вывезти из страны

боеголовки, если в Пакистане возникнет хаос. Хотя официально Вашингтон утверждает, что не знает, где находится пакистанское ядерное оружие.

В 1950-е годы ядерные державы предложили остальному миру сделку: мы не позволим вам создать бомбу, но предоставим вам возможность использовать ядерную энергию в мирных целях под контролем международных инспекторов. В результате полсотни стран от Ямайки до Вьетнама получили двадцать тысяч килограммов обогащенного урана – достаточно для того, чтобы изготовить восемьсот ядерных боеголовок.

Разговоры о возможности похищения ядерного оружия или ядерных материалов террористами ведутся давно. Специалисты утверждают, что изготовление небольшого взрывного устройства из обогащенного урана под силу уже не только государству: «Ядерный взрыв небольшой мощности перед зданием крупного учреждения мог бы подвергнуть смертельному воздействию радиации не менее тысячи человек, находящихся внутри. Взрыв на крыше небоскреба полностью разрушил бы здание и убил бы несколько десятков тысяч человек. При взрыве на стадионе во время популярного футбольного матча смертельную дозу радиации получают сто тысяч зрителей».

Один из самых страшных сценариев: террористы захватывают атомную электростанцию. Если они выведут из строя систему охлаждения активной зоны реактора, радиация расплавит защитный экран и в атмосферу выплеснется радиоактивное излучение.

Насколько реальны такие опасения? Ведь ядерные хранилища охраняются.

В ноябре 2007 года в ЮАР две группы вооруженных людей ворвались на объект, где хранятся сотни килограммов обогащенного урана. Они захватили пункт управления, застрелили дежурного. И вдруг исчезли, не предприняв попытки похитить уран. Странная история. Но она свидетельствует, что террористы могут заполучить ядерные материалы...

Многие страны с укоризной говорят великим державам: «Почему вам можно иметь ядерное оружие, а нам нельзя? Арсеналы Америки и России составляют девяносто процентов запасов ядерного оружия в мире. Откажитесь от него сами, тогда и требуйте от нас соблюдения режима нераспространения».

А, к примеру, индийские лидеры успокаивают своих сограждан: ядерное оружие – это сдерживающее средство, оно позволит избежать войны. Советский Союз и Соединенные Штаты ведь не воевали потому, что боялись ядерного оружия. Наверное, забыли, что ядерная война между Советским Союзом и Соединенными Штатами была вполне возможна.

Но у Пакистана и Индии нет механизмов, которые разработали Соединенные Штаты и Советский Союз, чтобы избежать внезапной ядерной войны. Полное отсутствие доверия и систем связи между двумя странами, перестрелки на границе – все это создает опаснейший фон для практического применения ядерного оружия. У американских и советских генералов было хотя бы полчаса на то, чтобы предупредить обмен ядерными ударами. У индийцев с пакистанцами и того нет.

Что касается Ближнего и Среднего Востока, то Иран не окажется последним государством в регионе, которое станет ядерным. Десятилетиями Ирак и Иран уравнивали друг друга. После свержения Саддама Хусейна некому противостоять шиитскому Ирану. Соседние суннитские арабские государства его боятся. Египет не позволит себе отстать от Ирана, с которым соперничает в регионе. Примеру Египта последует фантастически богатая Саудовская Аравия. С учетом дикой враждебности, раздирающей регион, ядерная война может стать реальностью...

Если же атом начнут расщеплять по всему миру, то рано или поздно может начаться самопроизвольная цепная реакция. Обладатели ядерной бомбы, особенно если речь идет о небольших странах, враждующих с соседями, в критической ситуации захотят пустить это

оружие в ход.

Как расщепить иранский атом?

Провести эту операцию можно было только с личного разрешения президента Соединенных Штатов. И это разрешение было дано. В подлинный смысл операции посвятили всего несколько высших руководителей государства. На роль агента-исполнителя выбрали нашего соотечественника – российского физика-ядерщика, перебравшегося в Соединенные Штаты.

ЦРУ отправило его в столицу Австрии Вену. Задание казалось несложным, не говоря о том, что за него хорошо платили: передать запечатанный пакет иранским дипломатам. Он был хорошим физиком, но плохим агентом. Он долго бродил по зимней Вене и безуспешно искал дом, в котором находилось иранское представительство. Он то и дело проверял, на месте ли драгоценный пакет. Он спрятал его во внутренний карман зимнего пальто.

Ему было страшно. Он в равной степени боялся и потерять пакет, и передать его иранцам. Он знал, что находится в запечатанном пакете: чертежи взрывного устройства, необходимого для того, чтобы начать реакцию в ядерном заряде. Это один из самых тщательно охраняемых секретов в современном мире. Решение этой задачи оказалось под силу ученым лишь нескольких стран. Получить ядерные материалы, обогащенный уран или плутоний – это, в конце концов, лишь вопрос времени. А вот соорудить действующее взрывное устройство – проблема огромной трудности.

Ирония состояла в том, что эти суперсекретные чертежи он должен был передать в представительство Исламской Республики Иран при МАГАТЭ – организации, в частности, призванной препятствовать распространению ядерного оружия. В 2005 году глава МАГАТЭ египтянин Мохаммад аль-Барадеи получил Нобелевскую премию мира за эту работу.

Бродивший по Вене русский физик недоумевал: с какой целью американцы поручили ему передать эти бесценные чертежи иранцам, своим злейшим врагам? Зачем это понадобилось американцам? Он терялся в догадках. Неужели ЦРУ намерено помочь иранцам преодолеть одно из немногих препятствий, которые мешают им создать ядерное оружие?

Сотрудник ЦРУ попытался его успокоить: «Иранцы уже заполучили этот блок, так что мы никому не нанесем ущерба. Имей в виду, это не попытка помочь Ирану создать ядерное оружие. Это обычная разведывательная операция, смысл которой – посмотреть, как они отреагируют. И тогда мы поймем, на какой стадии они находятся».

Но исполнявший роль агента ЦРУ российский физик прекрасно понимал ценность чертежей, которые должен был передать иранцам. Он был профессионалом, прежде работал в одном из советских ядерных центров. После распада Советского Союза эмигрировал в Соединенные Штаты. Он был включен в программу, разработанную ЦРУ для особо ценных перебежчиков. Это означало, что он получил американское гражданство, деньги – пять тысяч долларов в месяц и ему были созданы все условия для жизни. В ЦРУ его недолюбливали – из-за того, что он постоянно требовал денег.

Он, разумеется, должен был ответить на все вопросы о состоянии российской ядерной программы. Но ценили его не за то, что он рассказал о процессе создания советского ядерного оружия. В ЦРУ рассчитывали использовать его в сложной разведывательной операции. Американские разведчики не промахнулись. Он согласился выполнить поручение. По легенде он должен был изображать безработного русского ядерщика, готового продать душу за хорошие деньги. Предложение от имени русского физика должно было вызвать у иранцев

доверие. Иранцы, как и северные корейцы, в начале 1990-х сами охотились за российскими ядерщиками, оставшимися без работы.

Но, увидев, что находится в пакете, он здорово испугался. Чтобы ни говорили ему кураторы из ЦРУ, полученное им задание очевидно противоречило интересам Соединенных Штатов. Передача секретов государственной важности стране, у которой даже нет дипломатических отношений с Соединенными Штатами, – серьезное преступление. Если это вскроется, думал он, в ЦРУ от меня отрекутся, и дело может закончиться тюрьмой.

Он, конечно же, не мог знать, что его поездка в Вену – часть крупнейшей операции ЦРУ в Иране. Операции, которую задумали от отчаяния.

ЦРУ в свое время проморгало ядерные успехи Индии и Пакистана. Испытания ядерного оружия в этих странах стали неприятным сюрпризом для американской разведки. ЦРУ страшно не хотелось промахнуться еще раз. Но именно в тот момент, когда внимание американской разведки было приковано к Ирану, ЦРУ потеряло там всю свою агентурную сеть!

Причиной стала ошибка дежурного оператора центра радиосвязи ЦРУ. Современная техника невероятно облегчила связь с нелегальной агентурой. Чтобы отправить послание агенту прямо из штаб-квартиры ЦРУ, достаточно нажать несколько клавиш на компьютере. Радиограмма зашифрована и сжата, поэтому радиопередача будет короткой. Перехватить ее практически невозможно.

Операторы радиоцентра аккуратны и надежны. Но в тот день 2004 года дежурного оператора подвела легкость, с какой все это делается. И она совершила непоправимую ошибку. Лишний раз нажав клавиши, она отправила одному из агентов – помимо предназначенной ему шифровки – служебную информацию высокой степени секретности: весь перечень адресатов радиограмм на территории Ирана. Эта информация позволяла иранской контрразведке вскрыть всю сеть американских агентов в стране.

Одна ошибка неминуемо влечет за собой другую. Как потом станет известно в ЦРУ, получивший не предназначавшуюся ему информацию агент был двойником. Он передал радиограмму иранским спецслужбам. Несколько человек были арестованы и осуждены как американские шпионы. Судьба остальных агентов неизвестна. ЦРУ лишилось всех источников информации в Иране. Легальной резидентуры в стране нет, поскольку нет посольства – дипломатические отношения между двумя странами были разорваны после падения шаха и прихода к власти Хомейни.

Весной 2005 года директор ЦРУ Портер Госс признался президенту Джорджу Бушу: его люди не знают, в какой стадии находится иранская ядерная программа. Вот тогда от отчаяния и безнадежности в ЦРУ и придумали операцию под кодовым названием «Мерлин». Подходящий агент был на примете – бывший российский физик. Задача номер один состояла в том, как связаться с иранцами – нельзя же просто поместить в газете объявление: «Продаю ядерные секреты, подлинность гарантирую».

Наш бывший соотечественник вступил в переписку с иранскими учеными, дипломатами и сотрудниками представительства при МАГАТЭ, намекая, что располагает информацией, жизненно важной для Ирана. Он участвовал в научных конференциях, на которые приезжали иранские ученые. Он хотел, чтобы его заметили.

Наконец один из иранских ученых-ядерщиков, который, по сведениям американской разведки, имел отношение к атомному проекту, проявил интерес к русскому физику. Это означало, что первая задача выполнена – на него обратили внимание. Когда ЦРУ получило информацию о том, что высокопоставленный иранский чиновник, один из руководителей военно-промышленного комплекса, приезжает в Вену, решили, что это подходящий момент, чтобы предложить иранцам секретные чертежи...

В Вене возникло неожиданное препятствие. Агент-любитель не знал немецкого языка и никак не мог отыскать улицу, на которой находится иранское представительство при МАГАТЭ. Но он и не спешил. Получив чертежи, он стал их просматривать и обнаружил серьезную ошибку. Американцы не думали, что он до этого докопается. Перед отъездом в Вену он получил запечатанный пакет с простой инструкцией: «Отдать иранцам в таком виде и покинуть Вену живым и здоровым». Но любопытство пересилило. А когда он понял, что в чертежи заведомо заложен дефект, он еще больше испугался. Вдруг иранцы тоже это обнаружат и решат, что он специально подсовывает им негодный товар, заподозрят его в работе на американскую разведку и убьют?..

Он вскрыл пакет и вложил в него написанное от руки письмо:

«Я много раз пытался связаться с вами, но безуспешно. Я действительно располагаю чертежами блока, который позволяет привести в действие все детонаторы одновременно и начать ядерную реакцию. В подтверждение серьезности моих намерений я отправляю вам эти чертежи бесплатно.

Если же вы захотите воплотить их в жизнь, у вас неминуемо возникнут вопросы, на которые я готов ответить. Но тогда вам придется заплатить. Детали готов обсудить».

Он рассчитывал, что это письмо объяснит иранцам, что в чертежах что-то не так. На следующее утро он обнаружил нужный ему дом. Он вошел вместе с почтальоном и подложил свой конверт в стопку свежей почты.

В те дни американцы использовали все возможности радиоэлектронной разведки. Их Агентство национальной безопасности (АНБ) особенно внимательно следило за телефонными переговорами иранских дипломатов в Вене. К тому же дешифровщики агентства взломали коды иранского министерства информации и безопасности и могли читать секретную переписку иранской разведки.

После того как конверт с секретными чертежами оказался в руках иранцев, важный гость из Тегерана внезапно изменил свои планы. И об этом узнало АНБ – оно имеет возможность следить за передвижениями людей, которые интересуют американскую разведку. АНБ просто проникает в базы данных авиакомпаний. Билет иранского чиновника был сдан, вместо него куплен новый: он срочно вылетел в Тегеран. В ЦРУ решили, что письму русского физика-ядерщика поверили, и поздравили себя с первым успехом.

После распада Советского Союза смысл в существовании ЦРУ исчез. ЦРУ было создано в 1947 году для противостояния Советскому Союзу и коммунизму по всему миру. Конечно, для Соединенных Штатов возникли иные угрозы. Сменявшие друг друга руководители ЦРУ обещали конгрессу сосредоточиться на борьбе с новыми врагами, прежде всего с терроризмом и оружием массового уничтожения. Но ЦРУ так и не смогло приспособиться к появлению множества новых врагов. И не преуспело на новых направлениях.

Проникнуть в детали иранской ядерной программы оказалось практически невозможным. До 2004 года, когда в результате ошибки оператора радицентра агентурная сеть в Иране была полностью уничтожена, Соединенные Штаты получали лишь обрывки информации. Причем исключительно с помощью техники: на ядерные объекты Ирана нацелены разведывательные спутники. АНБ прослушивает переговоры иранских ядерщиков. Несколько раз удавалось установить максимально близко к ядерным объектам аппаратуру, регистрирующую уровень радиоактивности.

Но этого недостаточно для сколько-нибудь точных оценок. Все, что могли сказать эксперты ЦРУ, – это то, что Ирану потребуется от пяти до десяти лет для создания ядерной бомбы. Отдел по борьбе с распространением оружия массового уничтожения входит в состав директората операций. Там и придумали план «Мерлин».

Бывшего российского физика-ядерщика, как говорят профессионалы, сыграли втемную. Задача операции состояла в том, чтобы направить иранских ученых по ложному пути. Для этого им и подсунули подлинные чертежи с трудно распознаваемым дефектом в надежде, что иранцы поверят. И потеряют годы, прежде чем поймут, что этот путь ведет в тупик. А цель и состоит в том, чтобы максимально затруднить иранцам создание ядерного оружия.

Чертежи действительно были подлинными. Это, собственно, были советские чертежи, над которыми поработали американские ядерщики из города Альбукерке. Там находится секретный институт, который занимается неядерными аспектами создания ядерного оружия – то есть взрывными устройствами и окончательной сборкой заряда. Американцы поработали над чертежами и внесли туда конструктивные дефекты, делающие схему неработающей.

Но в этой истории с физиком, который согласился исполнить поручение ЦРУ и передал иранцам чертежи ядерного взрывного устройства (с дефектами), остается неизвестным главное: как иранцы отнеслись к этим документам. Поверили и передали своим ученым для исполнения? Тогда иранские ядерщики движутся по ложному пути. Или все же распознали искусно внедренные дефекты и отбросили подарок ЦРУ как фальшивку? Американская разведка по-прежнему не знает ответа. Агентуры внутри иранского ядерного сообщества ЦРУ как не имело, так и не имеет.

Иран давно пытается создать ядерное оружие. Он располагает группой хорошо подготовленных ученых, лабораторной базой, расщепляющимися материалами. Но чтобы обнаружить эти дефекты – специалистов такого уровня у него нет. На это и рассчитывали в ЦРУ. Помешать иранцам создать собственное ядерное оружие – одна из главных задач, поставленных перед американской разведкой.

Строительство двух десятков атомных электростанций запланировал еще покойный иранский шах. У шаха были большие амбиции. Он отправил молодых иранцев учиться в американских и европейских университетах ядерной физике. Уже тогда в мире забеспокоились, что Иран намерен использовать ядерную энергию в военных целях.

«Зачем бы я приобретал так много обычных видов оружия, – отвечал шах, – если бы намеревался сделать Иран ядерной державой? Через несколько лет наши военно-воздушные силы будут прекрасно оснащены. Это нам необходимо, так как достаточно оглянуться вокруг и посмотреть, чем располагают другие государства. Для такой страны, как моя, нет ничего опаснее, чем оказаться не в состоянии защищать не только свои границы, но и свои интересы».

Шах был верным союзником Соединенных Штатов и говорил, что полагается на их ядерную мощь: «Современный мир стоит перед проблемой, которая заключается в том, что одни страны имеют ядерное оружие, другие – нет. Мы принадлежим к тем, у кого ядерного оружия нет, поэтому нам абсолютно необходимо дружить с Соединенными Штатами, в арсенале которых имеется ядерное оружие».

Но в его окружении говорили, что не понимают американскую политику. Соединенные Штаты хотят предотвратить дальнейшее распространение ядерного оружия и при этом уменьшают свои обязательства перед союзниками и ограничивают продажу им оружия: «А как же в таком случае дружественные страны должны обеспечить свою безопасность, если они не могут, во-первых, рассчитывать на помощь США, во-вторых, покупать современное оружие и, в-третьих, стать ядерными державами?»

Хотя Иран избежал прямой колонизации, он считает себя униженным Западом. Проникновение иностранцев еще в XIX веке, прежде всего англичан и русских, породило гипертрофированный иранский национализм и ненависть к чужакам. Иранцы невероятно гордятся своей страной и свысока посматривают на соседей. Как никак Персия была первой сверхдержавой древнего мира! Иранцы мечтают о возрождении былой славы. «Мы сохраним

свою индивидуальность, персидскую философию и персидскую душу, – говорил шах. – Что это означает на практике? Это означает, с одной стороны, верность нашим трех тысячелетним традициям, и с другой, решительное движение вперед к выполнению нашей задачи – создать современную, развитую в промышленном отношении страну с высокими моральными устоями».

Оба иранских шаха, и отец, и сын, сознавали, что Запад смотрит на их страну с некоторым презрением как на отсталое общество без будущего. Они поставили перед собой задачу создать мощное государство, на которое никто не посмеет давить. Они хотели создать новый образ Ирана. И старались сделать так, чтобы приезжающие иностранцы видели только то, что может сделать честь Ирану.

Реза-шах приказал убрать нищих с улиц и запретил фотографировать верблюдов как олицетворение прошлого. Он болезненно относился к критическим статьям в иностранной прессе. И был готов даже разорвать дипломатические отношения с обидчиками. Непонравившаяся ему статья в немецкой газете в 1931 году едва не привела к разрыву отношений с Германией. В 1936 году, тоже из-за одной-единственной статьи, отношения с Соединенными Штатами были прерваны почти на два года. Подпись под фотографией в парижском журнале в 1938 году привела к ссоре с Францией. Шах писал президенту Франции: «У нас сложилось впечатление, что в течение ряда лет во Франции не уделяли достаточного внимания переменам, происходящим в нашей стране, и не пытались правильно понять новый Иран. Именно такое отношение, нашедшее отражение во французской прессе, вынудило нас прервать связи между нашими странами до тех пор, пока Франция не проявит готовности увидеть нашу страну в истинном свете».

Превращение в исламское государство только усилило иранский национализм, презрение к внешнему миру и одновременно страх перед ним. Иранцы уверены, что они со всех сторон окружены врагами. «Взгляните на карту, – говорят иранские политики, – и вы, быть может, прочтете там нашу судьбу». Судьбу, в которую силой обстоятельств или, скорее, силой географии всегда вмешивались другие страны – и будут продолжать вмешиваться.

Политики в Тегеране уверены, что весь мир зарится на нефтяные богатства страны и мечтает ее оккупировать. Иранцы не чувствуют себя в безопасности даже в исламском мире, потому что иранцы – шииты, меньшинство в исламском мире.

Современное иранское духовенство в значительно большей степени, чем шахский двор, считает весь мир враждебным. Все, что происходит в мире, кажется муллам одним большим заговором против Ирана и их власти. Поэтому иранские агенты охотятся за представителями оппозиции, бежавшими за границу.

Манера иранских политиков угрожать своим врагам создает впечатление, что они стоят с поднятым мечом. А если не с мечом, а с ядерным оружием? Вот почему возможность появления у Ирана ракет с ядерными боеголовками – это кошмар, который преследует американцев, европейцев и соседей Ирана – Турцию, Саудовскую Аравию, Ирак, Израиль.

В середине 1960-х США продали Тегеранскому университету маленький исследовательский реактор и шесть с половиной килограммов урана.

Строить ядерный реактор в Бушере на побережье Персидского залива начинали еще при шахе немцы. После революции работы остановились. Сначала из-за того, что в революционном хаосе прекратили платежи. Затем премьер-министр Мехди Базарган разорвал все контракты, потому что Хомейни считал исламское оружие неискламским. После смерти Хомейни в 1989 году позиция Ирана изменилась. Правда только в феврале 2006 года обнародовали фетву богословов из Кума о том, что использование ядерного оружия не противоречит религии.

Во время ирано-иракской войны авиация Саддама Хусейна шесть раз бомбила Бушер,

несколько бомб попали в цель, но в целом постройка уцелела. Иранцы с несвойственной им тщательностью охраняли все оборудование, оставленное немцами.

После Исламской революции правительство Федеративной Республики Германия приказало фирме «Сименс» остановить работы. Двадцать государств отвергли предложение продолжить строительство атомного объекта в Бушере, в том числе Китай. После визита государственного секретаря США Мадлен Олбрайт в Киев отказалась и Украина, хотя ей был предложен контракт на сорок пять миллионов долларов.

Продолжить строительство ядерных объектов в Иране согласилась только Россия. Эту сделку лоббировали могущественные руководители военного атома. Огромная атомная промышленность осталась без дела. Для нее иранский контракт был одной из немногих возможностей сохраниться. Говорят, на переговорах с американцами российские дипломаты намекали: иранские контракты для нас – большие деньги. Если вы компенсируете потери, мы можем отказаться от поставок Ирану оружия и ядерных технологий.

В Тегеране очень рассчитывали на благоприятные для себя перемены в политике Москвы, когда рушился социалистический строй. Али Акбар Хашеми Рафсанджани, тогда еще глава иранского парламента, посетил Москву летом 1989 года и тепло был принят Михаилом Горбачевым. Ради этой поездки Рафсанджани даже прервал сорокадневный траур по имаму Хомейни. Рафсанджани довольно заявил: «Я чувствую себя почти как дома». Это был самый высокопоставленный представитель Ирана, посетивший Москву с шахских времен.

Распад Советского Союза в исламском мире был истолкован как «великая победа мусульман на развалинах деспотичной коммунистической системы, базировавшейся на потерпевших поражение принципах Маркса и заблуждениях Ленина» – это было сказано в обращении саудовского короля Фахда к руководителям Исламской лиги, которые собрались в январе 1992 года в Мекке.

Иранцы избавились от страха перед северным соседом. Новая Россия согласилась поставлять Ирану оружие и построить атомную электростанцию, хотя другие страны отказались от ядерного сотрудничества с Тегераном. Соединенные Штаты пытались помешать этой сделке, но не смогли.

США выступили против российской сделки, считая, что главная цель Тегерана – не вырабатывать электричество с помощью атомной энергии, а обзавестись ядерной технологией, которая позволит со временем создать собственную ядерную бомбу. Один из руководителей Пентагона жестко выразился по поводу продажи российского оружия и ядерной технологии Ирану: «Похоже, эти люди готовы за деньги продавать что угодно и кому угодно. На память приходит фраза Ленина о том, что если предложить хорошую цену, капиталисты продадут и саму веревку, на которой их же и повесят...»

Американцы многие годы пытаются убедить российских руководителей отказаться от ядерного сотрудничества с Тегераном, но безуспешно. Американцам, правда, удалось помешать российскому министру по атомной энергии Виктору Никитовичу Михайлову поставить Ирану газовую центрифугу, которая обогащает уран до оружейного. Президент Борис Ельцин в свое время запретил продажу центрифуги. Но от контракта на строительство атомной электростанции в Бушере Россия не отказалась.

В Тегеране с замиранием сердца следили за встречей президентов Клинтона и Ельцина в Москве. Волновались: сумеет или не сумеет Клинтон убедить Ельцина отказаться от строительства в Бушере? Когда Ельцин сказал, что контракт с Ираном остается в силе, в Тегеране был праздник. «Клинтон вернулся из России с пустыми руками», – торжествующе сказал президент Исламской Республики Иран.

Иранцы наслаждались тем, что Клинтон не сумел добиться отмены сделки. «Все, чего мы

захотим совместно достичь, мы легко достигнем, – говорил президент Ирана. – Я пригласил российского президента, чтобы обсудить с ним перспективы двустороннего сотрудничества. Русские и иранцы – азиатские народы, и мы интересны друг другу». При этом иранская печать неизменно подчеркивала, что это Россия, а не Иран, заинтересована в экономическом сотрудничестве. Иранцы гордятся своими возможностями диктовать условия. Ведь иранцев всегда воспитывали в сознании превосходства над другими народами.

«Я благодарю Россию за то, что она выступила против мировых угнетателей, в первую очередь США, – сказал спикер парламента. – Я это говорю не из-за сделки по реакторам. За реакторы отдельное спасибо. Я вообще очень беспокоился за Россию, боялся, не растопчет ли ваша страна свою гордую историю и честь, попав под пресс мировых угнетателей. Но, хвала Аллаху, вы поняли сущность США».

Заместитель министра иностранных дел Муртазо Сарманди, очень высокий, чернобородый и улыбчивый, в белой рубашке со стоячим воротничком, тоже нашел одобрительные слова: «Мы рады, что Россия отказалась от той империалистической политики, которую проводил Советский Союз. Мы смотрим на Россию как на великого соседа. Мы понимаем, что внутреннее положение России мешало ей иметь самостоятельную внешнюю политику, но теперь положение улучшается».

Давно возник вопрос: зачем Иран – крупнейший экспортер нефти и газа – тратит миллиарды на атомные электростанции? Иранские руководители отвечали, что нельзя полагаться только на нефть и газ, надо идти в ногу с прогрессом и развивать атомную энергетику.

Американцы же давно утверждали, что в Иране осуществляется секретная программа создания ядерного оружия. Выяснилось, что Тегеран много лет обманывал МАГАТЭ, скрывая работы, которые вели иранские ученые, и покупая материалы и оборудование на черном рынке. Тегеран скрыл строительство завода по производству плутония и завода по обогащению урана. Не пускал инспекторов на свои ядерные объекты.

Иран располагает группой хорошо подготовленных ученых, лабораторной базой, расщепляющимися материалами. Об этом позаботился еще шах. Хомейни, придя к власти, прекратил было ядерную программу, считая, что это оружие не будет исламским. Его соратники и наследники – не такие догматики. Богословы из Кума нашли, что «нет религиозного закона, запрещающего ядерное оружие».

В Тегеране я встречался с Резой Амроллахи, главой иранского государственного комитета по ядерной энергетике. Сосредоточенный, погруженный в себя человек, он больше походил на ученого, чем на администратора. Он окончил физический факультет в Иране, учился в Соединенных Штатах. Специалист по физике плазмы и атомной энергетике. Дописал докторскую как раз накануне революции и защищал ее уже не в США, а во Франции. Двадцать лет занимается ядерной энергетикой.

Комитету принадлежит новенький с иголки корпус, завидно оснащенный импортной техникой. Правда, когда мне рассказывали о комитетских успехах, в зале заседаний не работала аудиосистема, что рождало некоторые сомнения в технических достижениях иранских специалистов. Из окна виднелись ветряной двигатель и покрытые снегом горы, со всех сторон окружающие Тегеран. За спиной главного атомщика висела огромная карта Ирана, с флангов карту прикрывали портреты лидеров исламской революции – прежнего и нынешнего.

«Шах планировал построить двадцать три атомных электростанции, – рассказывал мне Реза Амроллахи. – Это был нереальный план. Две станции строились в местечке Бушер. На одной уже было завершено восемьдесят пять процентов всех необходимых работ, на другой – шестьдесят пять процентов, когда из-за революции иностранные компании прекратили

выполнять контракт. У нас нет военной программы. Это американцы, сбросив бомбы на Хиросиму и Нагасаки, сделали ядерную энергию опасной для человека. Но атомная энергия – это не только оружие. Ваша страна использует атомную энергию самым разным образом, даже в фармацевтике. И у нас такие же планы. Мы развивающаяся страна, нам нужно расширять энергетическую базу. Нельзя целиком полагаться только на нефть и газ. Мы строим гидроэлектростанции, теплоэлектростанции, а также атомные. Со временем мы надеемся получать пятую часть потребной нам энергии на АЭС. Китайцы поставили нам небольшой исследовательский реактор и поставят еще один. Но с Россией у нас шаги в сотрудничестве побольше». От вопроса о газовой центрифуге Реза Амроллахи ушел, сказав, что четвертая статья договора о нераспространении ядерного оружия позволяет государствам сотрудничать между собой в развитии технологий.

После Исламской революции все университеты были закрыты и открылись в 1981 году, когда были пересмотрены учебные планы. Каждый студент, собирается ли он стать ветеринаром, архитектором или геодезистом, должен изучать ислам. Число студентов значительно возросло. Зато почти перестали учиться за границей. Хомейни сформулировал этот принцип: «Я не хочу, чтобы наши молодые люди учились на Западе, откуда они возвращаются развращенные алкоголем, мешающей мыслить музыкой, наркотиками и обнаженными женщинами».

В Тегеранском университете я просмотрел список преподавателей факультета естественных наук, где учат физиков, химиков и математиков. За редким исключением, профессора и преподаватели этих дисциплин получили образование в США или в Западной Европе.

Несколько лет иранцы в растерянности искали ядерные материалы по всему миру. В начале 1990-х ходили слухи, что уран можно раздобыть в разрушенном войной Афганистане, тесно связанном с бывшими советскими среднеазиатскими республиками. Афганцы всегда торговали опиумом, а тогда, как утверждали западные дипломаты, еще и деталями советских ядерных устройств, будто бы украденных в бывших советских республиках: «Афганец сначала предлагает тебе голову старинного Будды, затем ракету „Стингер“ за восемьдесят тысяч долларов и, наконец, обогащенный уран».

Полевые командиры афганцев жили в старых полуразрушенных крепостях почти по-спартански. Деньги они тратили на оружие, боеприпасы, машины, новых жен и на плату своим бойцам. Афганцы устроили линию по нелегальной отправке в Россию и Европу наркотиков и оружия. Обрато они тянули ядерные материалы. И весь этот товар скапливался в Пешаваре, пограничном пакистанском городе, который веками был центром контрабанды. Уверяли, что уран везут в ящиках через Туркмению – на ослах и верблюдах. Здесь же, дескать, можно было приобрести сверхмощные запалы, которые используются для того, чтобы в ядерной боеголовке началась цепная реакция. И вроде бы иранские полковники разгуливали по Пешавару с новенькими чемоданчиками, полными сто долларовых банкнот, и все это скупали.

Но никто не видел самого товара – только фотографии. Скорее всего, моджахеды пытались продать никому не нужные радиоактивные отходы. Один афганский антиквар рассказал журналистам, как к нему пришел контрабандист и вытащил из нагрудного кармана рубашки спичечный коробок, полный урана. Антиквар потребовал, чтобы тот поскорее убрался: «Только безграмотный афганец способен сотворить такую глупость и умереть полгода спустя, даже не понимая, что с ним случилось...»

Один иранец пытался купить секретную ракетную технологию в Москве в ноябре 1997 года. Он оказался сотрудником посольства, но не имел дипломатической неприкосновенности, и его попросили из России. В апреле 1998 года президент Ельцин дал указание директору ФСБ

генералу армии Николаю Дмитриевичу Ковалеву пресечь незаконные сделки с Ираном – поставки технологий двойного назначения. Через территорию России в Иран пытались доставить партию легированной стали, применяемой при создании ракетной техники.

В том же апреле 1998 года министр иностранных дел Великобритании Робин Кук сообщил, что разведка МИ-6 и центр радиоперехвата сорвали попытку иранцев приобрести материалы и технологию, необходимые для производства ядерного оружия. Это был первый случай, когда министр иностранных дел открыто рассказал о деятельности разведки. Робин Кук воспользовался этим случаем, чтобы подтвердить, что Великобритания проводит внешнюю политику, основанную на моральных принципах.

2 июля 1998 года в Турции арестовали несколько человек, пытавшихся провезти ядерные материалы в Иран. Едва ли все эти дилетантские попытки помогли иранской программе, но они свидетельствовали об обостренном интересе к ядерному оружию.

Иранцы очень надеялись приобрести готовую ядерную начинку для бомб в распавшемся Советском Союзе.

В один из декабрьских дней 1991 года президент Казахстана Нурсултан Назарбаев оказался главой государства, входящего в «ядерный клуб». Как глава независимого государства Назарбаев стал обладателем тысячи двухсот шестнадцати ядерных боеголовок для межконтинентальных баллистических ракет и для тяжелых бомбардировщиков. Арсенал Казахстана превышал ядерные вооружения Великобритании, Франции или Китая. Сколько политиков хотели бы оказаться в тот момент на его месте! Владение ядерным оружием – мечта множества руководителей государств, больших и малых. Назарбаев оказался на равных с лидерами великих держав. От таких поворотов судьбы кружится голова и у самых хладнокровных, уравновешенных государственных деятелей. И лишь от решения Назарбаева зависело, останется ли Казахстан ядерным или избавится от смертоносного арсенала. Конечно, у великих держав немало инструментов давления, но едва ли Соединенные Штаты или Россия в начале 1990-х были в силах заставить президента Назарбаева переменить свое решение. Если бы он его принял...

Остаться главой ядерного государства – немалый соблазн. Любят или не любят ядерное государство, но с ним на мировой арене вынуждены считаться. Казахстан только начинал свой исторический путь как самостоятельная страна. Ядерный арсенал казался ценным капиталом. Американцев преследовали кошмарные видения: Казахстан продает ядерное оружие Ирану.

Независимый Казахстан получил в наследство от Советского Союза не только готовое оружие, но и всю производственную базу для испытаний, модернизации и производства оружия массового уничтожения. Семипалатинский ядерный полигон был важнейшим в Советском Союзе. Здесь провели четыреста пятьдесят шесть испытательных взрывов. На полигоне находился сверхсекретный объект, на котором осуществлялась окончательная сборка ядерных зарядов. В Алма-Ате располагался Институт ядерной физики, который мог бы продолжить работы по совершенствованию оружия.

Казахстан располагает четвертью разведанных мировых запасов урана. В советское время республика поставляла атомному комплексу страны восемьдесят пять процентов урана. Правда, Ульбинский металлургический комбинат давал низко-обогащенный уран для атомных электростанций, но за несколько лет его возможности можно было расширить. Кроме того, инвентаризация ядерных запасов выявила забытый склад высокообогащенного урана неподалеку от Усть-Каменогорска и невзорванный плутоний в шахте под Семипалатинском. Шестисот килограммов высокообогащенного урана достаточно для изготовления двадцати взрывных устройств. Россию уран не заинтересовал. Назарбаев обратился к Соединенным Штатам.

В Алма-Ату прилетел тогдашний министр обороны Уильям Перри. Его больше всего волновали сообщения разведки о том, что об уране уже узнали иранцы и готовятся прибрать его к рукам. Американцы приобрели уран – за девяносто миллионов долларов – и в ноябре 1994 года забрали товар. Они тайно вывезли эти запасы из Казахстана, чтобы лишить Иран возможности завладеть им. Целый месяц тридцать американцев перегружали обогащенный уран из семи тысяч контейнеров в канистры из нержавеющей стали.

Когда последний транспортный самолет с ценным грузом сел в штате Делавэр (а оттуда уран под охраной перевезли в ядерную лабораторию Оук-Ридж в штате Теннесси), министр обороны Перри объявил о благополучном завершении операции «Сапфир»: «Мы сделали эти ядерные материалы недоступными для потенциальных шантажистов, террористов и новых ядерных режимов. Теперь они в безопасности». Благодарственное слово произнес и президент Билл Клинтон: «Мир избавлен от еще одной угрозы ядерного терроризма и распространения ядерного оружия. Я ценю лидерство в этом президента Назарбаева». Позднее Джордж Буш-младший заявил: «Казахстан является мировым лидером в области нераспространения. В лице президента Назарбаева я нашел надежного партнера».

Вот почему иранские руководители решили строить ядерные электростанции. Это прикрытие для возможности перерабатывать отработавшие ядерные элементы и получать плутоний, а также самостоятельно производить ядерное топливо путем обогащения урана. Плутоний и обогащенный уран – это начинка ядерного оружия. А если еще учесть, что Иран создает ракеты, способные нести ядерные боеголовки, то станет понятно, почему атомная программа Тегерана вызывает озабоченность.

Иран пытался раздобыть оружейный плутоний или высоко-обогащенный уран. Помочь согласился только Пакистан, который сам создавал ядерное оружие. Пакистан переправил в Иран газовые центрифуги для обогащения урана.

После нескольких лет метаний иранцы, судя по всему, нашли постоянных партнеров – пакистанцев и северных корейцев.

«Отец пакистанской атомной бомбы» доктор Абдул Кадыр Хан, металлург по специальности, работал в Нидерландах, занимаясь обогащением урана в компании «Уренко», которой владеют Великобритания, Нидерланды и ФРГ. В 1975 году он предложил пакистанскому правительству свои услуги. Он привез с собой чертежи центрифуг, необходимые для обогащения урана.

Премьер-министр Пакистана Зульфикар Али Бхутто сказал, что пакистанцы траву будут есть, но не отстанут от Индии в создании ядерного оружия. Доктор Хан получал из бюджета все деньги, которые просил, и никто не проверял, как они расходуются. Все необходимое приобретали нелегально. В конце мая 1998 года Пакистан провел первое ядерное испытание.

Пакистан заключил соглашение о покупке ракет у Северной Кореи. В обмен Хан знакомил корейцев с ядерной технологией. Потом он помогал и иранцам. Доктор Хан – редкий пример того, как человек, не занимающийся политикой и не имеющий высокой должности, оказывает огромное влияние на ход истории.

В сентябре 2003 года в Нью-Йорке директор ЦРУ Джордж Тенет представил президенту Пакистана генералу Первезу Мушаррафу доказательства того, что доктор Хан продал планы центрифуг Ирану. Доктор Хан получил публичный выговор...

В феврале 2007 года советник прежнего иранского президента Мохаммада Джавада Хатами по разведке генерал Али Реза Аскари приехал в Анкару и пропал. А обнаружился уже в США. После избрания президентом Ахмадинежада генерал почувствовал себя как-то неважно и попросил ЦРУ о помощи. Его семью вывезли из Ирана. Он очень много рассказал о ядерной программе.

Тегеран мечтает участвовать в мировых делах. Он хочет, чтобы его замечали, чтобы его мнение принимали во внимание. На это и рассчитывала администрация Барака Обамы, пытаясь заново выстроить отношения с Ираном. Камень преткновения – ядерная программа.

Мир по-разному относится к перспективе появления ядерного оружия в Иране. Некоторые страны полагают, что им нечего бояться: Иран ни при каких обстоятельствах не решится ударить по натовской стране, прикрытой американским зонтиком. Россия – формально противник распространения ядерного оружия, но ничего не сделала, чтобы помешать иранской ядерной программе.

Соединенные Штаты – последовательный противник иранской ядерной программы.

Попытки остановить разработку ядерного оружия дипломатическим путем пока что не возымели успеха. Самые жесткие санкции, на которые согласился Совет Безопасности ООН, это запрет на выезд за границу высших чиновников Ирана, замораживание активов, связанных с ядерной программой, запрет на продажу техники двойного назначения, эмбарго на импорт военной техники, инспекция внушающих сомнения объектов, запрет на обучение иранцев в ядерной сфере. Все это вместе взятое не мешает продолжению ядерной программы.

Более жесткие меры Совет Безопасности, где существуют разные точки зрения, принять не в состоянии. Иран всегда может положиться на две страны, заседающие в Совете Безопасности, – Россию и Китай. Пекин заинтересован в экспорте своих товаров в Иран и в закупках его нефти. Россия сама продает Ирану ядерные технологии и оружие. Да и вообще, все члены Совета Безопасности – кроме США – хотят торговать с Ираном.

Обычная модель переговоров такова. Совет Безопасности угрожает санкциями. Иранские друзья и торговые партнеры, такие как Россия или Китай, требуют ограничиться переговорами. Иран соглашается на переговоры, но просит времени, чтобы подготовиться. Проходят месяцы. Потом делегации встречаются. Пустые речи, и все расходится. Иранцы отправляются домой, продолжают обогащать уран и не пускают инспекторов МАГАТЭ. Так продолжалось годами.

Билл Клинтон, будучи президентом США, ввел одностороннее эмбарго на торговлю с Ираном, чтобы подтвердить серьезность своих намерений: «Мы должны чем-то пожертвовать, чтобы заставить Иран изменить свою политику». Но многие западные державы днем принимают санкции против Ирана, а ночью заключают с ним новые торговые сделки. Президент Ахмадинежад извлекает из этого массу преимуществ. Согласованное давление могло бы иметь успех: экономика Ирана слаба. Иранские руководители отказались бы от ядерных разработок, если бы осознали, что для них это становится по-настоящему опасным.

Огромные запасы нефти позволяли исламской республике успешно противостоять геополитическому, экономическому и культурному воздействию внешнего мира. Но санкции постепенно набирали силу. Сначала была блокирована международная деятельность иранских банков. Затем Тегерану был нанесен самый чувствительный удар – Европейский Союз отказался от иранской нефти. И даже Китай стал искать иные источники энергоресурсов.

В ответ в конце 2011 года Иран пообещал перекрыть Ормузский пролив. Через бутылочное горлышко этого пролива проходит треть сырой нефти, транспортируемой морским путем. Через четыре десятилетия после 1973 года нефть снова стала оружием.

Пролив шириной в тридцать девять километров соединяет Персидский залив с Индийским океаном. Это единственный путь доставки нефти из Саудовской Аравии, Ирака, Кувейта и Объединенных Арабских Эмиратов на мировой рынок. Каждый день проходят танкеры с грузом в семнадцать миллионов баррелей. Кроме того, из Катара тем же маршрутом идут газозовы со сжиженным природным газом.

В июле 2012 года парламент в Тегеране принял закон о блокаде Ормузского пролива: иранский флот имеет право топить суда стран, которые присоединились к санкциям против

Ирана. Вице-президент страны Мохаммад Реза Рахими обещал: если Запад введет санкции против иранской нефтяной промышленности, ни одна капля нефти не пройдет через Ормузский пролив.

Иранцы давно обуреваемы желанием обзавестись мощным флотом и самым современным оружием для войны на море. Это началось после того, как в 1987 году американские и британские военные корабли прикрыли танкеры с нефтью от атак Корпуса стражей Исламской революции.

В эпоху Мосаддыка один журналист пошутил: у адмирала, командующего иранским флотом, на рукаве мундира больше нашивок, чем кораблей в шахском флоте. В последние годы правления шаха боеспособность флота резко возросла. Шах приобрел больше кораблей на воздушной подушке, что позволяло мгновенно перебрасывать войска в любой район Персидского залива. В июне 2012 года заместитель командующего военно-морскими силами Ирана адмирал Аббас Замини сообщил, что страна начинает строительство атомных подводных лодок. Но у Ирана нет опыта создания собственных ядерных реакторов, все куплены за границей. С помощью Северной Кореи строятся только дизельные малые подлодки (водоизмещение около пятисот тонн). Вероятно, рассказ о строительстве лодок – это еще одно объяснение, зачем Ирану обогащать уран. Атомные подлодки первого и второго поколения жгут в реакторах ядерное топливо со степенью обогащения двадцать один процент, третьего поколения – от сорока трех до сорока пяти процентов.

Десять дней в конце 2011 года иранский флот проводил маневры там, где проложены маршруты доставки нефти. Но, как это ни странно звучит, танкеры плохо горят. Конечно, нефть весьма огнеопасна, но в хранилищах недостаточно кислорода, чтобы образовалась взрывчатая смесь и танкер разнесло. Каждый день через Ормузский пролив проходят четырнадцать танкеров. Если иранский президент прикажет обстрелять хотя бы один из них, понадобится не одна ракета, чтобы устроить настоящий пожар, какой показывают в голливудских фильмах. А найдутся державы, которые справедливо назовут это актом неспровоцированной агрессии и в ответ просто уничтожат иранский военный флот – и не без очевидного удовольствия.

Тем не менее угрозы Тегерана были услышаны, и вырабатываются ответные меры.

Летом 2012 года пустили тридцатисемиклометровый нефтепровод, который соединил месторождения в Абу-Даби с портом Эль-Фуджайра на берегу Индийского океана. Теперь нефть идет мимо Ормузского пролива. Труба обошлась дорого, но позволяет экспортировать почти три четверти нефти, добываемой в Объединенных Арабских Эмиратах. Такой же нефтепровод пустили в Саудовской Аравии – по нему идет четверть экспорта страны. Есть еще резервные трубопроводы, которые срочно модернизируются.

Накануне 2012 года президент Барак Обама ввел новые санкции против Ирана. Задача номер один – помешать Ирану зарабатывать деньги на нефти. Впервые нефть как оружие повернулась против тех, кто ее добывает и продает.

За последние два десятилетия Запад шесть раз прибегал к нефтяному эмбарго. Опыт с Ираком, Нигерией, Суданом и Ливией показал, как трудно исполнять нефтяные санкции и как легко их обходить. Эмбарго сказывается на простом народе в большей степени, чем на правящем классе. Судьбу Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи решило вовсе не нефтяное эмбарго.

Потребители нефти тоже не представляют собой сплоченной группы, как показывает подготовка санкций против Ирана. Южной Корее и Японии, которые закупали примерно десять процентов нефти у Ирана, сложно было найти ей замену. Причем Южная Корея подписала с Ираном соглашение, которое Сеулу разрывать не хотелось. А Япония после трагедии на ядерной электростанции в Фукусиме нуждалась в дополнительной нефти. Турция получает из

Ирана тридцать процентов нефти. Анкара попросила США вывести Турцию из-под действия эмбарго. Индия с ее мощной экономикой получает из Ирана двенадцать процентов нефти. Пекин сократил свою зависимость от иранской нефти, но не желает участвовать в эмбарго.

В 2015 году европейские страны будут экспортировать больше нефти, чем Америка, которая начинает сама обеспечивать себя энергоресурсами. Пока еще Соединенные Штаты ощущают свою ответственность за безопасность и стабильность в регионе. Но со временем регион для США станет менее значимым, чем для Европы и Китая. Европе придется самой заботиться о безопасности нефтяных маршрутов. И сегодня она не очень хочет присоединиться к эмбарго.

И все же спрос на иранскую нефть неумолимо падал. К лету 2012 года экспорт иранской нефти снизился вдвое – с двух с половиной миллионов баррелей в день до полутора. Чтобы покупатели не страдали от дефицита, Саудовская Аравия увеличила ежедневную добычу до десяти миллионов баррелей. Стало ясно, что отказ от иранской нефти вполне возможен. Страны Персидского залива, располагающие стратегическими запасами, способны пока компенсировать ее исчезновение с рынка. Особенно Саудовская Аравия, которую можно назвать центральным банком нефтяного бизнеса. В таких ситуациях она реагирует очень разумно.

Вот теперь экономические санкции стали причинять серьезный ущерб иранской экономике. Валютные запасы падают. Иранцы сидят на нефти и ищут покупателей, а их нет. На сорок процентов подешевел реал. Иранцы бросились скупать доллары. Начались волнения в Тегеране, произошли столкновения с полицией. В октябре 2012 года парламент назвал экономическую политику правительства провальной, что подтвердило эффективность санкций.

Внутри страны ухудшились отношения между президентом Ахмадинежадом и верховным лидером Али Хаменеи. Союзники президента были лишены возможности участвовать в парламентских выборах. Корпус стражей Исламской революции, который контролирует треть экономики страны, тоже пострадал от санкций.

Предполагалось, что Иран может долго держаться. Оказалось, что это не так. Следующие шаги в давлении на Тегеран – перестать закупать иранский газ, заблокировать все расчеты с центральным банком Ирана и не позволять иранским компаниям страховать за границей. В 2013 году попробуют заблокировать все внешнеторговые операции, идущие через иранские банки. Департамент штата Нью-Йорк по финансовым услугам ведет расследование по делам о незаконной торговле нефтью и сделках с Ираном. Под расследование попали крупнейшие мировые банки. Они наперебой сообщали в суд, что уже отказались от новых сделок с Ираном, Северной Кореей и Сирией и сворачивают прежние.

Иран отверг все попытки бывшего руководителя МАГАТЭ египтянина аль-Барадеи наладить контакт. А ведь американцы когда-то опасались, что аль-Барадеи слишком проирански настроен. Президент Буш даже распорядился прослушивать его телефонные разговоры. Но подозрения были напрасны. МАГАТЭ, исполняя профессиональный долг, констатировало: «Иран не выполняет свои обязательства. Это поведение не позволяет установить доверие».

Президент Обама не требовал полностью прекратить обогащение урана, как это делала администрация Буша. Ирану было предложено отправлять уран на обогащение в Россию или Турцию и получать ядерное топливо для электростанций. Тегеран отверг все предложения. Очень дипломатичный аль-Барадеи прямо обратился к руководителям Ирана: «Вам нужно понять, что впервые президент США делает вам равноправное и уважительное предложение».

В Тегеране и хотели бы пойти на переговоры, чтобы ослабить тиски санкций. Но на Али Хаменеи подействовал пример Горбачева. Он запомнил: идешь на компромисс – теряешь

власть. Муллы демонстрируют свою уверенность и готовность добиться своего.

Если Иран создаст ядерное оружие, решит ли он пустить его в ход? Иранские ракеты способны преодолеть расстояние в две тысячи километров. Это означает, что Иран может нанести удар по всем своим соседям, по американским базам в Персидском заливе, по американским военным кораблям и даже по странам юга Европы.

Считается, что первой целью может стать Израиль, чье существование Иран не признает. Но военные специалисты обращают внимание на то, что Израиль располагает возможностью нанести ответный удар по Ирану. На шести аэродромах находятся так называемые самолеты «особого качества» (эвфемизм способности нести ядерные боеголовки). После такого контрудара Иран перестанет существовать. Но уже само по себе применение ядерного оружия стало бы катастрофой для всего Ближнего Востока. Погибли бы люди в соседних странах. Возможно, прекратилась бы добыча нефти, от которой зависит полмира.

Оперативный директорат ЦРУ давно разрабатывает разные варианты диверсионных операций по остановке иранской ядерной программы. Обсуждалась идея разместить на электрических сетях в районе ядерных объектов специальную аппаратуру, которая создаст мощный электромагнитный импульс, который разрушит всю электронику ядерных центров, выведет из строя компьютеры и надолго остановит работы. Нашли контрабандистов, взявшихся переправить аппаратуру через границу. Но стало ясно, что устройства слишком громоздки, для перевозки понадобится целый грузовик. Припарковать его возле хорошо охраняемого объекта невозможно.

Израильская разведка нашла свои пути.

В августе 2002 года тогдашний премьер-министр Израиля Ариэль Шарон назначил главой Моссада своего старого друга и сослуживца Меира Дагана. Он родился на территории Советского Союза в 1945 году. После войны семья уехала в Польшу, а через пять лет перебралась в Израиль. Даган, арабист по образованию, служил в военной разведке. Командовавший Южным военным округом Ариэль Шарон взял его в подразделение по борьбе с террористами в секторе Газа, которое в газетах именовали «похоронной командой».

Даган был очень жестким руководителем. Критики не выносил, выставлял из кабинета любого, кто с ним не соглашался. Напутствуя оперативную группу Моссада, Даган указывал на фотографию, висевшую на стене: старый еврей стоит на коленях со связанными руками, рядом с ним два эсэсовца с оружием. «Это мой дедушка», – говорил Даган. Снимок был сделан 5 октября 1942 года, когда его дед и другие евреи были убиты в маленьком польском городке Луков, оккупированном немцами. «Глядя на этот снимок, – объяснял Меир Даган, – я клянусь сделать все, что в моих силах, чтобы это никогда не повторилось».

Перед ним поставили главную задачу: помешать Ирану получить ядерное оружие. Моссад предложил свой способ обезопасить страну от иранской угрозы – не с помощью прямых военных действий, а путем тайных операций, поскольку бомбардировка ядерных объектов может взорвать весь Ближний Восток.

В 2007 году при странных обстоятельствах умер работавший на ядерном объекте в Исфахане физик Ардашир Хасанпур. В 2009 году во время паломничества в Саудовскую Аравию исчез молодой ученый Шахрам Амири.

Через год телевидение в Тегеране показало арестованного полицией молодого человека, который рассказал, что по заданию израильской разведки убил 12 января 2010 года крупного иранского физика-ядерщика: «Три года назад в Стамбуле друг предложил мне сходить в израильское консульство. Эти люди говорили со мной в комнате с затемненными стеклами. Они заказали информацию о Тегеране. Во время следующего приезда в Турцию я принес отчет на тридцати страницах. Им понравилась работа».

За организацию теракта он попросил пятьдесят тысяч долларов. В Израиле он прошел подготовку: там изготовили декорации, которые имитировали улицу и дом, где жил иранский ядерщик. В Тегеране молодому человеку передали мотоцикл «Хонда-125» – удобное средство передвижения по городу, шлем, одежду и два мобильных телефона для получения указаний. Утром он поставил начиненный взрывчаткой мотоцикл возле автомобиля ученого, а когда тот вышел на улицу, нажал кнопку. Машину разнесло на куски. Погиб физик Масуд Али Мохаммади, профессор Тегеранского университета. Считается, что он активно участвовал в ядерной программе.

МИД Ирана сделал заявление: «Согласно первоначальному расследованию, в этом террористическом акте видны признаки треугольника злобы – сионистского режима, Америки и нанятых ими агентов. Однако эти акты и уничтожение ученых-атомщиков страны не помешают ядерной программе Ирана, а наоборот, ускорят ее».

11 января 2012 года в Тегеране был убит профессор Мустафа Ахмадирошан, глава департамента ядерного центра в Натанзе, где идет обогащение урана. Он был взорван в своем автомобиле на улице в Тегеране. Два мотоциклиста прикрепили магнитную бомбу к крыше его «Пежо-405». Вице-президент Ирана Мохаммад Реза Рахими выступил по телевидению: «Теракт осуществлен агентами сионистского режима и теми, кто под предлогом борьбы с терроризмом пытается помешать нашим ученым служить Ирану». Депутаты иранского парламента открыли заседание криками: «Смерть Израилю! Смерть Америке!»

Пропагандистские заявления с телеэкрана не всегда принимаются всерьез. Но точно так же в Иране был убит еще один крупный ядерщик. В восемь утра он сел в свой «пежо» и отправился на службу. На улице мотоциклист подъехал к его автомобилю, прикрепил магнитную мину и исчез в потоке машин. Через несколько секунд произошел взрыв. А вот его коллега, играющий столь же важную роль в иранской ядерной программе, обладал лучшей реакцией. В такой же ситуации он заметил, что мотоциклист что-то прикрепил к его дверце, мгновенно затормозил и выскочил из машины – за секунды до того, как раздался взрыв.

Спецоперации позволили затормозить иранскую программу. Крупные ученые исчезают. В ключевой лаборатории вспыхивает пожар. Самолет, принадлежащий ядерному ведомству, терпит катастрофу. Компьютерный вирус разрушает работу центральной системы управления сложнейшим процессом обогащения урана. Несколько компьютерных программ были использованы впервые. Программа Stuxnet вывела из строя центрифуги на атомной электростанции в Бушере. Программу Duqu запустили для проникновения в компьютерные сети Ирана. Программа Flame копирует все, что есть в компьютере, и тайно пересылает на свой сервер. Она же включает встроенный микрофон и записывает ведущиеся в комнате разговоры, а также снимает информацию с находящихся рядом мобильных телефонов и ноутбуков. К лету 2012 года в Иране этот вирус обнаружили на ста восьмидесяти девяти компьютерах. Разработать и использовать такие вирусы могут только государственные структуры.

Перед уходом из Моссада Меир Даган сказал, что Иран вряд ли получит оружие до 2015 года. Бывший глава разведки – противник войны с Ираном, которая может взорвать весь Ближний Восток. Он верит в эффективность тайных операций. И нельзя не признать их успешными. Каждая такая акция невероятно обидна и унижительна для иранцев. Но тысячи центрифуг продолжают работать. Значит, спецслужбам не так уж много удалось сделать.

Находясь в Москве, министр иностранных дел Израиля Авигдор Либерман сказал на пресс-конференции: «Мы не будем бомбить Иран. Мы не хотим, чтобы нашими руками решали мировую проблему». Но в начале 2012 года министр обороны США Леон Панетта полагал, что Израиль может нанести превентивный удар в апреле, мае или июне. Президент Обама отправил в Иерусалим председателя комитета начальников штабов Мартина Демпси, своего советника по

национальной безопасности Томаса Донилона и других высших чиновников, чтобы отговорить премьер-министра Нетаньяху. Ответ израильтян был простым: тогда скажите, что если не останется иного выхода, вы сами нанесете удар...

Бывший руководитель контрразведки Шин-бет Юваль Дискин сказал, что в Нетаньяху, которого израильтяне называют просто Биби, есть нечто мессианское. Сам Нетаньяху говорит о мессианстве иранцев. Возможно, поэтому он хорошо их понимает...

Он человек амбициозный и увлекающийся. Но считает себя хранителем Израиля, обязанным сохранить страну. В глазах Нетаньяху евреи вовсе не такой уж избранный богом народ. Они ничего не принимают на веру – Авраам и Моисей вступали в спор с Всевышним. Несложно представить себе Биби спорящим с Богом. Вероятно, он это и делает. Ислам, полагает Биби, это подчинение, иудаизм – это спор. Мнение большинства – не обязательно верное.

Иранские политики – рациональны?

– Так говорят, – хладнокровно отвечает Биби Нетаньяху. – Но как мы убедимся в том, что это именно так?

Палестинские политики уверяют, что желают жить в мире.

– Где доказательства?

Говорят, что арабская весна ведет к демократии.

– А как можно в этом убедиться?

Его подход: предъявите доказательства. Он суперреалист.

Американский президент Рональд Рейган, которым Нетаньяху восхищается, любил поговорку: доверяй, но проверяй. Биби сказал бы иначе: не доверяй, проверяй. В этом мире, считает он, лучше быть победителем, чем жертвой. «Мессианство» Нетаньяху означает, что премьер-министром движет чувство внутренней убежденности в своей правоте. И он готов рискнуть своей карьерой ради того, что считает жизненно важным для страны.

Израиль пытается быть одновременно и Спартой, и Афинами. Это военное государство, которое тратит на оборону шесть и три десятых процента валового внутреннего продукта. И одновременно – это оплот демократии и свободного предпринимательства. Израиль был основан социалистами, здесь был минимальный разрыв между богатыми и бедными. Но это в прошлом. Теперь это дорогая страна. Но есть и хорошие новости. В декабре 2010 года на средиземноморском шельфе нашли значительные месторождения газа, а неподалеку от Иерусалима – запасы нефти. Это может избавить Израиль от импорта энергоресурсов.

Биньямин Нетаньяху прослужил пять лет в спецподразделении израильской армии. Он чуть не лишился жизни в войну 1973 года. Его брат – подполковник Йонатан Нетаньяху погиб во время операции по освобождению заложников.

У Биньямина Нетаньяху есть степени по архитектуре и по деловому администрированию. Он работал в израильском посольстве в Вашингтоне, был представителем в ООН. Он стал лицом Израиля на телеэкране – красивый, уверенный в себе, прекрасно говорящий по-английски. Он понимает, как работают американские средства массовой информации и как устроена американская политика. Он умеет обращаться к конгрессу и к американскому народу.

Санкции против Ирана представляются ему недостаточными. Нетаньяху несколько раз говорил, что не смирится с появлением у Тегерана ядерного оружия. Он не верит президенту Ирана, который говорит об исключительно мирном характере ядерной программы. Но верит, когда Ахмадинежад угрожает уничтожить Израиль.

Нетаньяху сравнивает иранского президента с Адольфом Гитлером, а нынешнюю ситуацию с 1938 годом. Но на сей раз евреи не позволят себя убивать. Третью населения Израиля поддерживает удар по иранским ядерным объектам. Третью – возражает. Третью – не знает, что

делать.

По мнению Нетаньяху, самое опасное – ничего не делать: «Когда я стал премьер-министром, то спросил отца, какие качества нужны, чтобы руководить страной. Знаете, что он ответил? Убежденность, мужество и способность действовать. И понимание истории, чтобы видеть перспективу». Его отец Бенцион Нетаньяху – историк. Работа всей его жизни – труд об испанской инквизиции почти в полторы тысячи страниц. Главный вывод: тысячи евреев, которые перешли в христианство и были казнены за тайное исповедание иудаизма, на самом деле искренне исповедовали христианство. Уничтожали их просто из антисемитских убеждений. То есть переход в христианство не спас евреев от антисемитизма. Враги успокоятся только тогда, когда еврейский народ перестанет существовать...

Биньямин Нетаньяху верит, что лишь военное превосходство Израиля заставит арабские страны смириться с его политикой и согласиться на формулу «мир в обмен на мир», а не «мир в обмен на землю», которую предлагает мировое сообщество.

Премьер-министр Голда Меир и ее министр обороны Моше Даян тоже так думали после победы в войне 1967 года. Но последовала война 1973 года, которая чуть было не закончилась поражением Израиля.

Премьер-министр Ицхак Шамир и его министр обороны Ариэль Шарон питали ту же иллюзию после того, как они в 1982 году ввели войска в Ливан и выбили оттуда палестинцев. Ответом была интифада и появление шиитских боевых отрядов Хезболлы, что все равно заставило Израиль отступить.

Лидеры старшего поколения были нацелены на установление мира с арабскими соседями. Они жили с ощущением хрупкости Израиля. У Нетаньяху такого чувства нет. Он ощущает Израиль достаточно сильным государством, которое может дать отпор и не должно никого бояться.

Еще в сентябре 2008 года на специальном закрытом заседании правительства решено нанести удар по иранским ядерным объектам, если не останется иного пути остановить создание ядерного оружия. Армия обороны Израиля разрабатывает варианты нанесения такого удара.

Израильские политики не скрывают своих намерений. Президента Израиля Шимона Переса спросили, что он думает об угрозе главы Ирана стереть еврейское государство с лица земли. Последовал хладнокровный ответ: «Иран тоже можно уничтожить».

Заместитель министра обороны Эфраим Снэ, побывав в Австрии, иронически предупредил австрийцев, вложивших деньги в энергетические проекты в Иране: «Жаль будет, если вы потеряете свои инвестиции из-за генерала Нехоштана». Генерал Идо Нехоштан – командующий военно-воздушными силами Израиля.

Начальника генштаба Дана Халуца, военного летчика и сына иммигрантов из Ирана, еще в январе 2005 года спросили на пресс-конференции: «Как далеко готов зайти Израиль, чтобы остановить иранскую ядерную программу?» – «На две тысячи километров», – ответил генерал Халуц. Это расстояние, разделяющее Иран и Израиль.

У израильской авиации есть опыт уничтожения реактора «Озирак», что поставило крест на иракской ядерной программе.

Когда стало ясно, что Саддам Хусейн создает ядерное оружие и, возможно, близок к цели, серьезнее всех эту информацию восприняли в Израиле. Израильцы имели все основания полагать, что когда Саддам создаст ядерное оружие, оно будет пущено в ход против еврейского государства. Правительство решило разбомбить реактор до того, как он будет введен в действие, чтобы не погибли рабочие и ученые.

Разработали бомбы, которые должны были взорваться через долю секунды после того, как

они пробьют крышу реактора. Бомбы должны были наводиться по радиомаяку, который следовало установить внутри реактора. Моссаду удалось завербовать французских рабочих, которые пронесли на тщательно охраняемую стройку радиоустройство. За три дня до намеченного срока Моссад доложил, что радиомаяк установлен.

Утверждают, что израильские летчики получили фотографии и схемы ядерного объекта от иранцев. За месяц до этого иранцы на секретной встрече во Франции просили израильтян уничтожить реактор. Они поделились опытом своей неудачной атаки на реактор «Озирак» 30 сентября 1980 года. Иранцы даже предложили в случае необходимости разрешить израильским самолетам вынужденную посадку на аэродроме в Тебризе.

Начальник генерального штаба армии обороны Израиля генерал Рафаэль Эйтан беседовал с каждым из летчиков, отобранных для операции. Он откровенно говорил: «Если с вами что-то случится и вы попадете в плен, мы ничем не сможем помочь. Но на чашу весов поставлена судьба народа и страны».

7 июня 1981 года в половине шестого утра шесть штурмовиков F-15 с бомбами на борту и сопровождавшие их восемь истребителей F-16 взлетели и взяли курс на восток. Они пролетели над территорией Иордании (там все отдыхали по случаю воскресенья), Саудовской Аравии (саудовцы купили у американцев самолеты дальнего радиолокационного обнаружения АВАКС, но все равно не засекли израильские самолеты) и незамеченными вошли в воздушное пространство Ирака. Соблюдая радиомолчание, они долетели до цели и один за другим спикировали прямо на ту точку, под которой находилась активная зона реактора. Они сбросили шесть бомб. Две не взорвались. Но достаточно было всего одного удара в сердце реактора.

6 сентября 2007 года точно так же был уничтожен сирийский объект, который сочли ядерным реактором. Военно-воздушные силы Израиля нанесли точный ракетно-бомбовый удар. После этой успешной атаки вновь заговорили о возможности уничтожения ядерной программы Ирана.

Но тут ситуация иная. Военные эксперты говорят, что хирургическая операция – удары точно в цель – успеха не принесет: никто не располагает полной картой ядерной программы Ирана. В Ираке был всего один реактор, уничтожение которого поставило крест на ядерных амбициях Саддама Хусейна. Иранцы учли его опыт. Ядерные объекты рассредоточены по всей стране. Американские разведчики, как и инспекторы МАГАТЭ, не уверены, что знают все адреса.

– Наши разведывательные возможности в Иране лучше, чем в свое время в Ираке? – допрашивали журналисты директора национальной разведки и бывшего посла в Ираке Джона Негропонта.

– У нас хорошая разведывательная информация. Надежная.

– Как вы считаете, когда Иран может создать бомбу, и вы знаете, где они ее создают?

– Они могут ее иметь к 2015 году. Но это оценка. Информация, получаемая из Ирана, свидетельствует о том, что они пытаются превратить одну из своих ракет в носитель ядерного оружия. Разумеется, нам известно, где находятся основные ядерные объекты, которые инспектирует МАГАТЭ. Существуют ли другие объекты, о которых нам неизвестно? Нельзя знать того, что тебе не известно.

А что же известно?

Иранцы разбросали свои ядерные объекты на гигантской площади почти в полтора миллиона квадратных километров. Это урановые шахты в центре Ирана. Ядерная электростанция на побережье Персидского залива. Научный комплекс по использованию атомной науки в сельском хозяйстве. В трех часах езды от Тегерана на юг – подземный завод по обогащению урана. Каскад центрифуг – неподалеку от священного города Кума. Завод по

производству тончайших инструментов – в городе Мешаде, неподалеку от Туркменистана. И это всего лишь треть подозрительных объектов.

Не очень понятно, насколько авиабомбы будут эффективны против главных целей. Подземный (шесть этажей!) завод по обогащению в городе Натанзе вроде бы можно уничтожить бомбами, предназначенными для уничтожения бункеров. Но главный объект – центрифуги, которые обогащают уран, – установлены в подземных тоннелях, прорытых так глубоко, что даже бомбы, рассчитанные на уничтожение подземных штабов, их не возьмут. На заводе в Натанзе действуют пятьдесят два каскада газовых центрифуг Р-1 (больше восьми с половиной тысяч центрифуг). Военные эксперты полагают, что операция потребует сотен налетов и будет продолжаться неделями.

В начале 2012 года Иран объявил, что центрифуги установлены в новом месте – рядом с Кумом, и это место прикрыто массивной горой (толщиной восемьдесят метров). Такая цель может быть недоступна даже для самой мощной бомбы такого класса – весом в тринадцать тонн шестьсот килограммов, которую могут нести бомбардировщики-невидимки В-2.

Иранцы утверждают, что подземный обогатительный завод «Фордо» в горах неподалеку от Кума – не военный объект. Обогащение урана необходимо, чтобы «обеспечить топливом четыре исследовательских реактора для производства медицинских изотопов, построить которые намечено в ближайшее время». Но к лету 2012 года Иран уже имел расщепляющийся материал для пяти ядерных боезарядов.

В Иране, с одной стороны, уверены, что Израиль не решится действовать. Индия и Пакистан обзавелись бомбой и отделались экономическими санкциями, которые уже сняты. А с другой, угрозы израильских министров разбомбить иранские объекты все же возымели действие. Иранцы восприняли эти слова всерьез.

Иракский опыт, свержение Саддама Хусейна из-за ядерного оружия, иранцами учтен. Не в том смысле, что ядерное оружие смертельно, а в обратном: надо поскорее обзавестись бомбой, чтобы никто не посмел наводить порядок в твоей стране. Северная Корея же никак не была наказана за свою ядерную программу. Возможно, потому что наказать ее невозможно, она и так живет в полнейшей нищете... Но окружающий мир сделал свои выводы: у северян есть бомба, поэтому тронуть их боятся.

А если израильтяне рискнут нанести удар, то удастся ли надолго сорвать программу создания иранского ядерного оружия? Это непросто предсказать. В военных делах многое непредсказуемо. Самолет может выйти из строя и даже потерпеть катастрофу. Расстояние очень велико, возможность ошибок еще больше. Что если из-за рассредоточенности ядерных объектов пострадает только малая часть программы?

Израилю эта операция не под силу, считают многие. Цель слишком далеко, самолетам понадобится дозаправка. Но ни одна страна в регионе, даже те, что смертельно боятся Ирана, не позволит воспользоваться своей территорией. У Израиля нет ни авианосцев, ни военных баз поближе к месту бомбардировок. Значит, надо дозаправляться в воздухе, а может, и дважды, по пути и туда, и обратно. Это дополнительная нагрузка на летчиков, да и летающих танкеров у Израиля маловато. Это у ВВС США их сотни. Словом, авиация Израиля не располагает достаточными мощностями, чтобы обеспечить уничтожение ядерной программы Ирана.

Да и считать надо не объекты, а точки, которые нужно уничтожить, а их может быть много на каждом объекте. Израиль способен нанести серьезный ущерб примерно десяти – двенадцати объектам. Но их можно восстановить. А Иран обещает построить еще новые центры обогащения урана, с новыми каскадами центрифуг.

Важно понять и просчитать последствия. Что произошло после уничтожения иракского ректора «Озирак»? Саддам спрятал свою ядерную программу и довольно далеко продвинул,

пока мир не спохватился. После не очень удачного удара по Ирану не будет ли программа продолжена, но уже и вовсе вне поля зрения мирового сообщества?

Есть и иное мнение.

Израиль благодаря военной помощи США обладает качественным превосходством в вооруженных силах. Подготовка к отражению иранской угрозы началась с 1990-х. Когда в августе 2002 года появились фотографии подземного завода по обогащению урана в городе Натанзе, сделанные со спутников, Израиль уже располагал самолетами F-15 – эти истребители-бомбардировщики оснащены дополнительными баками с горючим, что необходимо, чтобы долететь до Ирана. У Израиля есть истребители F-16 – сопровождение бомбардировщиков. Есть спутники, что позволяет постоянно следить за происходящим. И флот беспилотных самолетов, разработанных самим Израилем. Они могут нести бомбы или аппаратуру для подавления вражеских радаров.

ВВС Израиля продемонстрировали возможности F-15, отправив три машины в Польшу для участия в праздновании Дня польской авиации. На обратном пути израильские машины пролетели над бывшим нацистским лагерем уничтожения Аушвиц (Освенцим). Они легко преодолели расстояние в две тысячи шестьсот километров. Для сравнения: от Тель-Авива до Тегерана всего тысяча шестьсот километров.

Летом 2012 года бывший министр по защите тыла Матан Вильнаи оптимистично подсчитал, что успешная бомбардировка замедлит ядерную программу на срок от двух до пяти лет. Конечно, после удара по ядерным объектам Ирана развернутся боевые действия в секторе Газа и на юге Ливана – ХАМАС и Хезболла бросятся на защиту Ирана. Но война продолжится всего месяц. Системы ПРО способны защитить население, потери не превысят пятисот человек. Эти заявления израильских руководителей заставили иранских вождей нервничать.

А какова позиция Соединенных Штатов? Может быть, Израиль играет роль злого полицейского, а США – доброго, и так они вместе давят на Иран? Нет, между ними есть действительно серьезные разногласия.

Барак Обама и Биньямин Нетаньяху уже давно не доверяют друг другу. Во время их первой встречи в мае 2009 года Обама попросил израильского премьер-министра приветствовать создание палестинского государства. Нетаньяху отказался. Годом позже Обама оставил израильского премьер-министра беседовать со своими помощниками, а сам ушел ужинать с семьей – неприятное для Нетаньяху пренебрежение. В мае 2011 года он отомстил: перед телекамерами прочитал Обама лекцию о Ближнем Востоке и настроил конгресс против президентских инициатив.

Летом 2012 года интересы двух лидеров совпали. Обама в разгар избирательной кампании нужно было демонстрировать поддержку Израиля, и он сказал, что ядерный арсенал Ирана создает неприемлемую угрозу региональной и глобальной стабильности, а Нетаньяху важно было показать, что США на его стороне.

Бывший директор ЦРУ Майкл Хэйден в первых числах сентября 2012 года находился в Тель-Авиве на семинаре. Он высказал свое мнение: «Я высоко ценю израильские таланты, но геометрия и физика подсказывают нам, что иранская ядерная программа – трудная цель. Израильские ресурсы ограниченнее американских. Нет абсолютной уверенности в том, что известны все цели. А если не все зачистить, на что способны только военно-воздушные силы США, то через некоторое время иранцы все равно сделают бомбу... Окно возможностей еще не закрылось. Решения предстоит принять в 2013 или 2014 годах».

Уничтожить иранские ядерные объекты способны только Соединенные Штаты – у них есть базы в регионе и авианосцы. Но президент Обама уверен, что сможет заставить Иран добровольно отказаться от военного атома. После встречи с Обамой глава израильского

правительства твердо заявил: «Никогда больше еврейский народ не будет бессильным!»

Обама вынужден полагаться на Нетаньяху – в том смысле, что тот не нанесет удар по Ирану, не поставив Вашингтон в известность. А Нетаньяху вынужден полагаться на Обаму в надежде, что США все-таки не дадут Ирану обрести ядерное оружие – когда сам Израиль будет бессилен. Обоим не очень нравится, что они так зависят друг от друга.

Американцы тщательно прослушивают радио– и телефонные переговоры в Израиле и знают все, что происходит в стране. Американских операторов подслушивающей аппаратуры учат ивриту в военной школе иностранных языков в Форт-Миде. Американцы официально утверждают, что прослушивают переговоры иракских и иорданских военных, но не менее внимательно слушают израильтян. Особенно их интересуют разговоры израильских военных. Говорят, что это началось после того, как израильтяне – будто бы по ошибке – потопили во время Шестидневной войны 1967 года американский шпионский корабль «Либерти».

Барак Обама, по мнению израильтян, не питает к ним никаких добрых чувств, а может быть, и внутренне враждебен. Но некоторые прежние президенты, не испытывая добрых чувств к Израилю, проводили произраильскую политику. Общественное мнение и конгресс – на стороне еврейского государства. Администрация не может этого не учитывать. И Белому дому нет смысла давить на Израиль слишком сильно, потому что это все равно единственный реальный союзник на Ближнем Востоке.

В конце октября 2012 года в Израиле начались совместные с американцами учения «Строгий вызов» – отработка тактики отражения баллистических ракет, запущенных с территории Ирана. Использованы были все системы: и «Железный купол», и противоракетные комплексы «Хец-2» и «Шарвит Ксамим». В основном проводилось компьютерное моделирование, но на финальной стадии состоялся запуск американских зенитных ракет «Пэтриот-2».

Американцев впечатляет многое: попытки иранских агентов убить израильских дипломатов в Индии и Грузии и саудовского дипломата в Вашингтоне, угрозы закрыть Ормузский пролив, наглая бравада Ахмадинежада. Безуспешные усилия США наладить диалог с иранцами показали миру, что Тегеран не желает договариваться. Один из участников американской президентской гонки 2012 года Рик Санторум сказал: «Теократия в Иране – это как если бы Аль-Каида взяла власть в целой стране».

Всех интересует, как поведут себя американцы, если ядерное оружие появится у государства, которое не признает существование своих соседей и готово с ними воевать. В самой Америке нет единого мнения на сей счет. Чаще других звучит призыв не ввязываться в еще одну ближневосточную проблему: «Америка и так перенапряглась, взяла слишком большие обязательства на Ближнем Востоке. Силу надо использовать только для защиты жизненно важных интересов страны».

Разведки десятилетиями прилагали огромные усилия, чтобы разгадать секреты американской дипломатической шифрпереписки. То, что оказалось не под силу дешифровщикам и вербовщикам, сделал неизвестный доброжелатель из организации «ВикиЛикс». Каждый из нас мог почувствовать себя госсекретарем Соединенных Штатов. Но чтение рассекреченных телеграмм вызывает разочарование: все это можно прочитать и в газетах, никаких тайн и секретов!

Внимательный же читатель с облегчением отметит здравость политиков и дипломатов. Выступая перед публикой, они избегают ясных и точных оценок. Иной раз кажется, что должностные лица не желают признать очевидное. Но в шифртелеграммах, с которыми мы получили возможность ознакомиться, все названо своими именами. В частности относительно одной из самых острых мировых проблем – ядерной программы Ирана.

В тиши кабинетов, в разговорах один на один политики, дипломаты и военные высказываются абсолютно откровенно. Никаких иллюзий! Иран не должен стать ядерным. Оказывается, министры обороны Великобритании и Франции уже сошлись во мнении: придется нанести удар по иранским ядерным объектам. Когда? В течение ближайших трех лет – в зависимости от того, насколько преуспеют иранские ядерщики.

Принято считать, что Ирана опасается только Израиль, из-за еврейского государства и весь шум... Шифрпереписка государственного департамента США показала, кто больше всех боится тегеранской бомбы.

Король Саудовской Аравии попросил американского посла передать в Вашингтон призыв уничтожить ядерный потенциал Ирана, чтобы «отрезать змее голову». Остановить Тегеран просит и король Бахрейна. 6 июля 2010 посол Объединенных Арабских Эмиратов в США сказал, что считает военный удар по Ирану необходимым несмотря на любые последствия для его страны.

От Турции до Египта и от Саудовской Аравии до Иордании арабские и исламские государства боятся ядерного Ирана. Собственно говоря, они испугались уже прихода к власти аятоллы Хомейни. Особенно руководители стран, где значительная часть населения – шииты. Это Ирак, Бахрейн и Саудовская Аравия, чья нефтеносная восточная провинция населена шиитами.

Много лет Ирак и Иран противостояли друг другу и уравнивали друг друга. Соседние государства чувствовали себя в безопасности. Теперь некому противостоять Ирану. Вот почему лидеры суннитских стран уповают только на Вашингтон.

Если Иран станет ядерным, тем же путем пойдут другие ближневосточные государства. Египет точно не позволит себе отстать от Ирана, с которым соперничает в регионе. Примеру Египта последует фантастически богатая, но слабая в военном отношении Саудовская Аравия. С учетом дикой враждебности, раздирающей регион, ядерная война сможет разразиться в любую минуту...

В свое время военная операция в Ираке стала неизбежной из-за того, что у Совета Безопасности ООН не было единой точки зрения. Саддам Хусейн долго и успешно играл на разногласиях великих держав, пока Соединенные Штаты не потеряли терпение и не пустили в ход силу. Если бы великие державы договорились и заставили Саддама подчиниться санкциям ООН и не мешать международным инспекторам, он бы, между прочим, и сейчас сидел в Багдаде.

Ныне нет общей линии в отношении Ирана. Китай равнодушен к ядерной проблеме, его интересуют только нефть и газ. Позицию России в тех же обнародованных телеграммах госдепартамента описал президент Азербайджана Ильхам Алиев. Он процитировал слова Дмитрия Анатольевича Медведева, тогда еще президента нашей страны: Россия не желает появления ядерного Ирана, но и не хочет, чтобы американцы дожали Иран... Иначе говоря, не столь важно избавить мир от иранской ядерной угрозы, сколь не допустить успеха американской дипломатии.

Вот в Иране и уверены, что им ничто не угрожает. Тегеранские политики так же ловко играют на противоречиях между великими державами, как когда-то Саддам Хусейн. Но после многих лет интриг и маневров, обмана и обещаний, игр Ирана с МАГАТЭ в кошки-мышки история с ядерной программой Ирана приближается к решающей стадии. Госсекретарь США Хилари Клинтон заявила: военное решение не снимается с повестки дня. Министр иностранных дел ФРГ Гвидо Вестервелле внимательно ознакомился с израильскими данными по иранской программе и сказал, что терпение в отношении Ирана небесконечно. Судя по тому, что мы прочитали в опубликованных секретных телеграммах, неспособность договориться об общей и

твердой позиции в отношении Тегерана тоже вполне может закончиться ракетным ударом по иранским ядерным объектам...

Когда генерал Дэвид Петрэус еще руководил Центральным командованием вооруженных сил США, он сообщил, что Пентагон подготовил план действий на тот случай, если переговоры с Ираном о ядерной программе потерпят неудачу. Ядерные объекты рассредоточены и защищены, но эффективный удар вполне возможен, заметил генерал: «Эффективность удара зависит от того, какие силы будут использованы и какие боеприпасы пустят в ход».

Говорят, что не стоит бояться ядерного Ирана. Северная Корея расщепила атом, но ничего страшного не произошло. Другой важный аргумент: с тех пор как Пакистан и Индия обзавелись бомбой, они больше не воевали. Так и Иран – получит ядерное оружие и успокоится. Иранское оружие не попадет в руки террористов. Государство, которое потратило столько сил и средств на бомбу, не отдаст плоды кому-то другому. Думать так – считать иранских вождей бандой сумасшедших, а это люди, которые действуют, руководствуясь рациональными мотивами, то есть озабочены собственным выживанием. Мао Цзэдун тоже говорил, что готов пожертвовать страной ради мировой революции, но не стал использовать бомбу.

Иранский режим с 1979 года демонстрирует поразительную способность выживать. Три десятилетия показали, что вожди Ирана озабочены сохранением собственного режима и своей власти, причем в этой жизни, а не в будущей загробной. Они фанатики только на словах. Когда речь идет о собственном благополучии, ведут себя на редкость прагматично. Хомейни когда-то говорил, что никогда не подпишет мир с Саддамом Хусейном и разгромит его армию, но прекраснейшим образом прекратил войну.

Они не собираются вести ядерную войну. Они хотят получить ядерное оружие как гарант безопасности – от любого врага, а не для того, чтобы вести ядерную войну. В конце концов иранские руководители мечтают доминировать в исламском мире, а не на кладбище. Иранское духовенство, которое говорит, что защищает народ от внешнего врага, доказывает тем самым свою полезность. То есть воинственные заявления, их решимость продолжать ядерную программу несмотря на протесты мирового сообщества – всего лишь игра, рассчитанная на внутреннего потребителя.

Разница между словами и делами – дело обычное. В Тегеране прилагают особые усилия для того, чтобы реальные намерения иранцев оставались непонятными. Это тоже традиция. Быть откровенным – значит разоружиться. Иностранцы не должны понимать, как ведутся дела в Иране, к чему здесь стремятся. Чем меньше иностранцы понимают, тем безопаснее ощущают себя иранские руководители.

Впрочем, помимо прагматиков в Тегеране есть и другие вожди. Шиитское духовенство, которое плохо представляет себе жизнь за пределами собственной страны, исходит из того, что страна находится во враждебном окружении. Все, что происходит в мире, кажется муллам одним большим заговором против Ирана и их власти.

Кроме того, иранцы постоянно проверяют, как далеко они могут зайти в противостоянии с внешним миром. Так когда-то действовал Саддам Хусейн, играя на противоречиях между западными странами и Россией. Иран рассчитывает, что желание Москвы заработать на двусторонней торговле пересилит страх перед распространением ядерного оружия. Но как только Запад и Россия занимают единую позицию, Иран идет на попятный.

Но среди иранских вождей есть и искренние люди. Они живут заветами аятоллы Хомейни. Они мечтают доказать всему миру свое величие и наказать многочисленных врагов. Иные шиитские священнослужители исходят из того, что приближается апокалипсис, и ведут себя соответственно. Получив ядерную бомбу, они вовсе не успокоятся. Они не рассматривают это оружие как средство сдерживания, дающее уверенность в собственных силах. Для них это

исполняющая все желания волшебная палочка, силу которой не терпится испытать.

Шииты известны непримиримостью ко всем инакомыслящим. Аятолла Хомейни был предельно строг к неверным и нечестивым: «Если кто-то позволяет неверным продолжать играть роль развратников на земле, их окончательное моральное наказание будет еще более сильным. Таким образом, если мы убиваем неверных, чтобы положить конец их развратным действиям, мы в конце концов оказываем им услугу. Окончательное наказание для них будет меньшим. А разрешить неверным остаться жить – значит позволить им сделать больше нечестивых дел. Убивать их – значит совершать хирургическую операцию, исполнять волю Аллаха... Те, кто следует правилам Корана, знают, что мы должны подчиняться законам возмездия и должны убивать...»

Кто может поручиться, что люди, которые всю жизнь призывают к джихаду и мученической смерти, не рискнут пустить в ход оружие, которое они создают?

«Мы находимся накануне крупных событий, – обещал президент Ирана Ахмадинежад, – когда наша революция выведет на правильную дорожку все человечество».

В августе 2012 года верховный руководитель Ирана Али Хаменеи заявил, что Израиль – это внедренная Западом в сердце мусульманского мира раковая опухоль, которая должна быть удалена. Президент Ахмадинежад тоже назвал Израиль раковой опухолью: «Народы региона скоро покончат с узурпаторами-сионистами и создадут новый Ближний Восток, в котором не будет места сионистам и американцам».

Иранские руководители десятилетиями утверждают, что их историческая миссия – убрать «сионистское образование» с политической карты мира. В какой-то момент они могут решить, что уже готовы исполнить свою миссию с помощью ядерного оружия.

Будучи президентом страны, Рафсанджани говорил: семьдесят миллионов иранцев в состоянии вести войну против шести миллионов евреев, которые просто исчезнут с лица земли. В 2001 году уже бывший президент Рафсанджани объяснил, какими иранцам видятся перспективы обмена ядерными ударами: «Даже одна бомба, брошенная на Израиль, уничтожит все. В то время как исламскому миру одна бомба причинит лишь небольшой ущерб».

Разумно мыслящие люди не способны понять такую логику, но именно она руководит иранскими властителями. В этой стране есть фанатики-террористы, готовые пожертвовать собой и взорвать себя, чтобы убить несколько неверных. И есть фанатики-политики, готовые обречь на смерть миллионы сограждан ради того, чтобы уничтожить ненавидимое ими государство неверных.

Позиция Соединенных Штатов, конечно, имеет большое значение для израильских политиков. Но все главные – и крайне рискованные – решения принимать им самим.

Израильские политики повторяют: мы не слышали от американцев твердых уверений, что они точно вмешаются, а не бросят Израиль на произвол судьбы в последний момент. В 2003 году, увидев, как решительно действуют американцы в Ираке, иранцы остановили свою ядерную программу. Потом успокоились и продолжили. Переговоры создают у иранцев уверенность в том, что они преспокойно и дальше могут вести свою игру. Так что правительству Израиля решать, стоит ли наносить удар, приемлем ли политический риск и нанесет ли удар с воздуха непоправимый ущерб иранской ядерной программе.

Вопросов много: когда наносить удар? Вероятно, когда иранская ядерная программа будет практически завершена и максимум оборудования установлен – чтобы нанести максимальный ущерб. Какой смысл бомбить, если здания еще пустуют?

Если удар все-таки будет нанесен, выдержит ли Израиль одновременно и дипломатическое негодование половины мира, и ответные атаки разъяренных террористов? ХАМАС и Хезболла начнут обстреливать территорию страны ракетами, но эти атаки, считают

специалисты, можно отразить.

Главный вопрос: удастся ли сорвать программу создания иранского ядерного оружия? Самолеты ломаются и падают: погода или механические поломки могут оказаться роковыми. Расстояние очень велико, возможность ошибок еще больше. А что, если летчики промахнутся и бомбы убьют мирных жителей? А если из-за рассредоточенности ядерных объектов пострадает только малая часть программы?

Короче говоря, стоит ли затевать такую историю, которая несомненно обострит ситуацию, очень дорого обойдется в дипломатическом смысле и, может быть, практически ничего не принесет?..

Правосудие с доставкой на дом

Что еще пугает иранских властителей? Стать жертвой спецоперации.

Акция, о которой заговорит весь мир, началась в час тридцать ночи по местному времени и продолжалась всего сорок минут. Она завершилась, когда бойцы спецназа погрузили в один из вертолетов найденные в доме компьютеры, ворох бумаг и мертвое тело Осамы бен Ладена.

Несколько десятков спецназовцев, поставивших точку в карьере бен Ладена, который в розыскных списках Федерального бюро расследований значился под номером один, исполнили свою миссию в считанные минуты. Но понадобились годы, чтобы его найти. Всех поразило, что Осам не таился в горной пещере или в богом забытой деревне. Вместе со своими женами и детьми он с комфортом устроился в большом доме в шестидесяти километрах от столицы, в одном из самых красивых городов страны. Сын миллионера привык к роскоши.

Его безуспешно искали больше десяти лет. Это породило насмешки над американскими спецслужбами и подозрения: да существует ли на самом деле этот загадочный Осам? После его ликвидации возникли новые сомнения: как же это его вдруг отыскали?

Особое подразделение ЦРУ искало его с января 1996 года. За это время состав группы сменился не один раз. Но успех пришел только после того, как разведчики радикально изменили подход к задаче. Это был переворот в умах. Годами аналитики ЦРУ, занятые поиском Осамы, ставили перед оперативными группами одну задачу: ищите его убежище. Но даже его собственные помощники не знали, где он спрятался. Бессмысленно искать иголку в стоге сена...

Но ведь он не был отрезан от своих сообщников. И тогда задался вопросом: а как он с ними связывается? Первые ответы были получены на допросах боевиков Аль-Каиды, которых держали в тюрьме на военной базе Гуантанамо. Мелкие подручные Осамы рассказали, что указания бен Ладена поступают раз в месяц – через курьера. Значит, надо выяснить, как действует эта сеть, и выявить курьеров, которые рано или поздно приведут к цели.

Четыре года ушло на то, чтобы некие расплывчатые данные о курьере превратились в реальное имя. Это позволило понять, когда и где он появляется. Решающим оказался один подслушанный телефонный разговор.

Американское Агентство национальной безопасности, занимающееся радиоэлектронной разведкой, захлестнул вал информации, которую аналитики не в силах были обработать. Любой из подслушивающих пунктов агентства перехватывает в час два миллиона телефонных переговоров, факсов, посланий по электронной почте и скайпу. И в этом море информации выловили нечто очень важное...

Некий Абу Ахмед аль-Кувейти в ответ на вопрос, где он так долго пропал, туманно заметил: «Я снова нахожусь у тех людей, у которых был и раньше». Собеседник, с пониманием помолчав, торжественно произнес: «Да поможет вам Аллах». Аналитики ЦРУ обратили

внимание на эту запись и предположили, что аль-Кувейти, пожалуй, может быть курьером Осамы бен Ладена. Слежка за ним привела оперативников к дому в пакистанском городе Абботтабаде, где аль-Кувейти жил вместе с братом.

Поиск Осамы был одной из ключевых задач Национального управления военно-космической разведки США, которое ведает спутниками-шпионами. Мощная оптика, установленная на спутниках, годами следила за всеми районами, где мог появиться Осам. Новинка последних лет, беспилотные самолеты разведчики часами висели в небе, и операторы изучали все, что казалось подозрительным. Несколько лет надеялись, что беспилотники, барражирующие над районами племен, отыщут знакомое лицо. Но ничего! Ни одной зацепки, способной дать ключ к поиску.

Теперь ясно, почему все усилия оказались безуспешными. Осам бен Ладен не выходил на улицу. Не разговаривал по телефону. И не заглядывал в Интернет. Кстати, это и бросилось в глаза сотрудникам ЦРУ. Единственный в округе дом, где странным образом не оказалось ни телефона, ни Интернета...

Несколько месяцев агенты ЦРУ вели наблюдение за предполагаемым убежищем бен Ладена. В Абботтабаде устроили конспиративную квартиру и с помощью осведомителей старались выяснить, что происходит внутри дома. С августа 2010 года дом взяли под наблюдение. На него нацелили спутник, с помощью суперчувствительных микрофонов пытались записывать разговоры, которые там велись.

Операция стоила так дорого, что в декабре 2010 года руководители ЦРУ попросили конгресс разрешить им изменить бюджет управления и использовать десятки миллионов долларов, выделенные на другие цели. Но, несмотря на все усилия разведчиков, не удалось ни сфотографировать таинственную мужскую фигуру, чья семья занимала первые два этажа, ни записать знакомый голос. Сомнения сохранялись до последнего момента...

Осам бен Ладен, позируя перед телекамерами, прихватывал с собой автомат. Но сам он ни в кого не стрелял, не рисковал своей жизнью. Убивать посылал других. Очень заботился о себе и соблюдал железную дисциплину, чтобы ничем себя не выдать. Когда-то он окружал себя телохранителями, пользовался спутниковыми телефонами. От всего отказался, лишь бы не вызывать подозрений! Обитатели дома даже не выбрасывали мусор. Они его сжигали, это тоже была мера предосторожности.

В Вашингтоне размышляли, что делать. Очевидное решение – уничтожить Осаму с воздуха с помощью беспилотной авиации. Ее задача и состоит в том, чтобы охотиться на вождей талибана и Аль-Каиды, психологически давить на боевиков, лишить их ощущения безопасности.

Беспилотные самолеты могут сутками находиться в воздухе без заправки. Ими управляют с другого конца мира – с базы ВВС США неподалеку от Лас-Вегаса. Аналитики часами изучают картины, которые им в реальном масштабе времени демонстрирует видеоаппаратура беспилотников: дома, люди, машины. Камеры позволяют с высоты в три с лишним километра различать номерные знаки автомобилей.

Самолеты не только наблюдают, но и могут в любой момент нанести смертельный удар. Если операторы находят врага, то имеют возможность сразу его уничтожить. Сигнал на пуск высокоточной ракеты достигает беспилотника в пакистанском небе за секунду с небольшим. Ракеты наводятся по лазерному лучу. В этом отличие беспилотных самолетов от разведывательных спутников. Пока полученные со спутника фото изучат, цель исчезла.

Но инфракрасные камеры несовершенны. Иногда невозможно определить, то ли мирные верующие склонились в молитве, то ли это группа боевиков. Когда речь идет об ударах с воздуха, всегда возможны ошибки. При бомбежке предполагаемого дома бен Ладена можно

было запросто попасть в соседнее здание пакистанского военного училища.

От идеи уничтожить Осаму бен Ладена с воздуха отказались. К тому же хотели убедиться в том, что это точно он и что он действительно мертв...

В документах ЦРУ Осама фигурировал под псевдонимом «Джеронимо». Так звали знаменитого в конце XIX века вождя апачей, которого власти не могли поймать почти три десятилетия. Его, как и бен Ладена, было приказано «взять живым или мертвым»... Но сенатский комитет по делам индейцев выразил протест: сравнение вождя апачей с Осамой оскорбительно для коренных американцев.

Решение о военной операции на территории союзного – но тем не менее иностранного – государства мог принять только верховный главнокомандующий. Первое совещание у президента Барака Обамы прошло 14 марта 2011 года. Последнее, когда Обама приказал действовать, – в пятницу, 29 апреля.

Руководство Пакистана не поставили в известность. Не знали, кто в правительстве, армейском командовании и многочисленных спецслужбах может быть связан с Осамой. Более того – готовились к худшему. Два ударных вертолета «Чинук» ждали приказа о вылете, чтобы с воздуха поддержать огнем группу специального назначения. Как объяснил директор ЦРУ Леон Панетта – на тот случай, если в дело вмешаются пакистанские воинские части и эвакуировать спецназовцев придется под огнем.

Имя спецназовца, который всадил две пули в бен Ладена, держится в секрете. Точно так же остались неизвестными те, кто брал свергнутого иракского президента Саддама Хусейна, и летчики, которые с воздуха уничтожили главу Аль-Каиды в Ираке Абу Мусаба аз-Заркауи. Времена изменились. Летчик Пол Тиббетс, который сбросил атомную бомбу на Хиросиму, вовсе не скрывался от публики. Но тогда война, пусть самая кровопролитная, сменялась миром. Казнь Осамы бен Ладена – не конец войны...

Где именно допрашивали террориста Халида Шейха Мохаммада – неизвестно, ходят разные слухи. То ли на американском боевом корабле, то ли на военно-воздушной базе Диего-Гарсия в Индийском океане, то ли прямо в Афганистане на бывшем советском военном аэродроме в Баграме. А может быть, это происходило в одной из тех стран, где не знают ограничений в выборе методов развязывания языков и готовы сделать грязную работу за американцев. Но именно Халид Шейх Мохаммад рассказал на допросе о том, как готовились теракты 11 сентября 2001 года. И он же навел американскую разведку на след таинственного курьера, который со временем привел оперативников к убежищу Осамы.

Халид Шейх любил изощренные террористические операции. Ему пришла в голову идея взорвать Всемирный торговый центр в Нью-Йорке, воплощение американского финансового могущества.

В первый раз это попытался сделать его племянник – Рамзи Ахмед Юсеф. Он прилетел в Нью-Йорк 1 сентября 1992 года из пакистанского города Пешавар. Он намеревался наказать Соединенные Штаты. Но иммиграционным властям в аэропорту имени Джона Фицджеральда Кеннеди он об этом не сказал.

Визы у Юсефа не было. Он попросил политического убежища. У него взяли отпечатки пальцев и отпустили, велел через неделю явиться в суд на рассмотрение его дела. Он взял такси и отправился по известному ему адресу к нью-йоркским исламским радикалам, которые прошли подготовку в афганских лагерях.

26 февраля 1993 года Юсеф оставил белый микроавтобус в подземном гараже Всемирного торгового центра. В салоне лежало шестьсот килограммов мощной взрывчатки. Юсеф поджег четыре запальных шнура и исчез. Когда запалы догорели, прогремел взрыв. Погибли шесть человек, больше тысячи были ранены. Башни содрогнулись, но устояли. После взрыва Юсеф

беспрепятственно улетел в Пакистан, в Карачи. В нью-йоркском аэропорту его никто не остановил.

Дядя предложил ему участвовать в новом проекте. Халид Шейх увлекся идеей взорвать одновременно двенадцать американских пассажирских самолетов. Но за две недели до запланированного срока все рухнуло. В своей квартире в Маниле Юсеф экспериментировал с самодельной взрывчаткой. Внезапно смесь воспламенилась. Не сумев погасить пожар, он запаниковал. Приехали пожарные, вызвали полицию. Юсефа арестовали. А его дядя Халид Шейх сумел ускользнуть от полиции.

Он нашел убежище у талибов в Афганистане. Там он сблизился с Осамой бен Ладеном. Возник странный союз фанатика, не расстающегося с Кораном, и бонвивана, поклонника роскошной жизни и женщин легкого поведения. Сплотило их одно – ненависть к христианам и сионистам.

Осама упивался своей славой человека, сокрушившего советскую армию в Афганистане, а теперь бросившего вызов всемогущим Соединенным Штатам. Его главный помощник Айман аль-Завахири твердил, что нужно спровоцировать американцев на войну и одержать в ней победу. Они хотели повторить успех маленького Вьетнама, который одержал победу над могущественным противником.

В начале 1996 года Халид Шейх предложил Осаме арендовать самолет, нагрузить его взрывчаткой и обрушить на штаб-квартиру ЦРУ. Идея атаки с воздуха принадлежала не ему. За два года до этого, 24 декабря 1994 года, алжирцы захватили лайнер «Эйр Франс» и намеревались направить его на Эйфелеву башню, которая является символом Франции, так же как Всемирный торговый центр – символом Америки. Но французский спецотряд взял штурмом самолет с террористами во время дозаправки в Марселе.

Осама поверил, что идея захватить самолет и обрушить его на врага вполне осуществима. Но он хотел чего-то большего. Не один, а несколько самолетов должны взорваться в Америке. Осама спокойным, мягким голосом вынес приговор нескольким тысячам людей: «Зачем хвататься за топор, если можно использовать бульдозер?»

Халид Шейх разработал амбициозный план: захватить десять американских самолетов. Пять обрушить на западное побережье, пять – на восточное. Тут уже у бен Ладена возникли сомнения. Осуществим ли столь масштабный план? Даже Аль-Каиде такое не под силу. Осама предложил ограничиться четырьмя самолетами. Он сказал, что у него есть на примете перспективные молодые люди, готовые в любой момент умереть во имя Аллаха. Им не хватает только специальной подготовки. Так началась операция «Священный вторник», как члены Аль-Каиды именуют теракты 11 сентября.

Для Осамы Всемирный торговый центр в Нью-Йорке был олицетворением того, что он ненавидел в американцах – их богатства, равнодушия к чужим бедам и фантастической самоуверенности.

Принято считать, что в годы Афганской войны Осама работал с ЦРУ и, выходит, американцы сами его вырастили. В реальности в ту пору он был слишком незначительной фигурой, чтобы сотрудники американской или даже пакистанской разведки обратили на него внимание. Так что личного опыта общения с американцами у него не было.

У Осамы сложилось странное представление об Америке. Он считал ее главной угрозой всему исламскому миру – и одновременно бумажным тигром. Он не воспринимал всерьез американских солдат и не боялся их.

Халид Шейх прорабатывал каждую деталь. Рядом с ним Осама – жалкий любитель. Халид Шейх ловко координировал действия девятнадцати боевиков, которые приняли участие в терактах 11 сентября. Он один точно знал, когда и куда отправить боевиков учиться

пилотировать самолеты, как и сколько денег им передать, чтобы не вызвать ни у кого подозрений. Ни Осамы, ни его подручные в Соединенных Штатах не жили, а Халид несколько лет там учился. Он знал реалии американской жизни.

Он был своего рода начальником генерального штаба при Осаме бен Ладене. Если у него и были ошибки, они всплывали после проведения операции. Его везение закончилось 1 марта 2003 года. Его выследили в пакистанском городе Равалпинди, взяли под утро, сонного, в майке. И отправили в неизвестное место, где американские разведчики приступили к допросу...

И по сей день находятся люди, которые уверены, что в истории с терактами 11 сентября 2001 года не все чисто. Они считают, что башни-близнецы сокрушили не боевики из организации Осамы бен Ладена, а сами американцы, ЦРУ. Но в ходе расследования были собраны подлинные свидетельские показания. И Халид Шейх, и другие участники операции, попавшие в плен, подробно рассказали, как они это осуществили – под руководством Осамы...

Так отчего же все-таки американцы так медлили с Осамой? Не могли до него добраться или, как некоторые подозревают, не хотели?

Вообще-то, ликвидировать его должны были бы российские спецслужбы. На его руках кровь наших солдат, убитых в Афганистане, где начинал свою карьеру Осам бен Ладен, сын саудовского миллиардера.

Мохаммад бен Авад бен Ладен был высоким и некрасивым, правый глаз у него не видел. Он так и не выучился читать и писать. Но его уважали за волю и энергию. Он одним из первых угадал амбиции королевской семьи. Король Саудовской Аравии Абд аль-Азиз считал невозможным, чтобы его родственники занимались грязной работой и коммерцией, но щедро вознаграждал тех, кто умел это делать.

Успех к старшему бен Ладену пришел, когда он построил королю дворец, в который можно было въезжать на машине и подкатывать прямо к спальне, расположенной на втором этаже. Король поверил в успех проекта, когда сам бен Ладен несколько раз въехал в новый дворец на самом тяжелом автомобиле из королевского гаража.

У старшего бен Ладена были три постоянных жены. Он имел право на четырех, но четвертую постоянно менял. Мусульманин может развестись, трижды повторив: «Я развожусь с тобой». Бен Ладен, например, имел обыкновение жениться на девушке из племени, через чью территорию прокладывал дорогу.

Когда Осам появился на свет, отец уже ушел от его матери. Бен Ладен быстро менял временных жен. Но позаботился о том, чтобы мать Осамы не осталась разведенкой – выдал ее замуж за сотрудника своей фирмы, йеменца Мохаммада аль-Аттаса. В новом браке матери у Осамы появились трое братьев и сестра.

Развод родителей, похоже, наложил отпечаток на психику мальчика. Он ощущал себя ребенком второго сорта – в отличие от детей, родившихся от постоянных жен. Старший бен Ладен нажил пятьдесят четыре сына и дочери от двадцати женщин. Осам был семнадцатым из двадцати четырех сыновей. Когда дети бросались к отцу, он выяснял, кто от какой матери...

Когда Осаме было десять лет, его отец погиб – самолет разбился в горах. Мальчика считали робким и неумелым. Высшего образования он не получил. Возможно, так и остался бы клерком в семейной строительной компании, если бы не война в Афганистане.

1979 год изменил исламский мир. Год начался свержением шаха в Иране, шиитской революцией и приходом к власти аятоллы Хомейни, а закончился вводом советских войск в Афганистан.

Появление советских солдат в мусульманской стране пробудило радикальный политический ислам. Высшие религиозные инстанции суннитского мира объявили неверным джихад – священную войну и объяснили, что защита Афганистана от внешнего врага –

обязанность каждого мусульманина, столь же важная, как молитва пять раз в день.

По несчастливому для брежневского руководства стечению обстоятельств через месяц после ввода советских войск в Афганистан в Белом доме обосновался Рональд Рейган. Новый президент принял решение снабдить афганскую оппозицию оружием. Американцы хотели помочь советскому руководству поглубже увязнуть в Афганской войне. Сотрудники ЦРУ воспользовались возможностью отплатить за Вьетнам: там советские инструкторы учили вьетнамцев убивать американцев. Теперь американцы объясняли афганцам, как убивать русских.

Рональд Рейган был возмущен вводом советских войск и думал только о том, что обязан остановить наступление безбожного коммунизма. Ни он, ни его помощники не представляли себе, какая чудовищная каша там заваривается и какой монстр появится на свет в результате Афганской войны.

Желающих участвовать в Афганской войне оказалось предостаточно. Китай продавал оружие моджахедам, чтобы ослабить Советский Союз. Египет рад был получить доллары за старое советское оружие.

Несколько миллионов афганских беженцев убежали в Иран. Одним позволили влиться в иранскую жизнь. Другие разместились в палатках вдоль границы. С помощью иранского правительства они воевали против советских войск. К радикальному исламу эти люди пришли главным образом политическим путем, а не в результате своей религиозности. Ислам стал религией сопротивления советским войскам.

Будущий президент Афганистана Бурхануддин Раббани договорился с Тегераном о подготовке боевиков созданного им на иранской территории Исламского общества Афганистана. Раббани был профессор теологии, сын таджика, так что в Иране к нему относились благосклонно.

Важную роль в Афганской войне играла Саудовская Аравия. Саудиты финансировали эту войну. Королевство нередко выручало Соединенные Штаты, когда американским спецслужбам нужны были деньги, а конгресс их не давал. Но тут был особый случай.

Появление советских войск в Афганистане стало подарком для королевской семьи. Участие в богоугодном деле, афганском джихаде, должно было свидетельствовать о том, как много саудиты делают для распространения ислама. По всей стране появились комитеты по сбору средств для Афганистана, в которых работали все видные семьи королевства. Семья бен Ладенов делегировала Осаму. Практически все его братья и сестры учились на Западе. Осам почти не ездил за границу. Зато он был самым религиозным в семье. Он отнесся всерьез к своим новым обязанностям. Возможно, хотел доказать, что достоин носить фамилию отца.

Афганцы бежали в соседний Пакистан. Там их вооружали и отправляли воевать с русскими. На помощь им властители арабского мира охотно отправляли своих молодых радикалов, от души надеясь, что они не вернуться. В Афганистан съехались исламисты со всего мира. Они объединились, и образовался исламский вариант Коминтерна.

Осама бен Ладен начал с того, что доставлял беженцам одеяла и консервы. Он открыл в пакистанском городе Пешаваре контору, которую назвал «Дом правоверных». Здесь по пути на фронт останавливались арабские добровольцы. Осам уверял, что отправил в Афганистан тысячи воинов ислама, которые убивали советских солдат. «Я не боялся смерти, – гордо рассказывал Осам журналистам. – Русские бомбили меня, но в душе я был спокоен. Снаряд разорвался прямо передо мной, но я остался невредим. Мы победили Советский Союз. Русские убежали».

Осама вернулся из Афганистана не жалким штафиркой, который распределял одеяла, а героем войны. Он выступал в мечетях, школах, военных училищах. «Как вы объясните то, что

страна, у которой ничего не было, заставила Советский Союз рассыпаться на куски? – говорили его соратники. – Да, нам давали деньги и ракеты „Стингер“. Но кто сумел пустить их в дело? Аллах! Советский Союз, который был великой державой, более не существует!»

Осама бен Ладен к мирной жизни уже не вернулся. Через год после возвращения из Афганистана он создал собственную боевую группу, которую назвал Аль-Каида, в переводе с арабского – база. (На каждого арабского добровольца в Афганистане заводился учетный листок, мини-досье, так и появилась база данных – Аль-Каида.) Впрочем, чуть ранее, в апреле 1988 года, впервые слово «аль-каида» упомянул идеолог «Братьев-мусульман» Абдулла Аззам в журнале «Джихад», где он изложил идею создания организации, которая станет базой для пробуждения всего исламского мира. Через год Аззума убили. Поговаривали, что Осама от него избавился. Он сам намеревался руководить всемирным джихадом.

Осама жаждал проявить себя на поле боя. В августе 1990 года президент Ирака Саддам Хусейн, чья казна опустела, захватил богатый Кувейт. Еще более богатая Саудовская Аравия опасалась, что станет следующей жертвой его алчности. Осама бен Ладен пришел к министру обороны Саудовской Аравии принцу Султану бен Абд аль-Азизу аль-Сауду. Он предложил создать армию из афганских ветеранов – они защитят святые места от армии Саддама. А семейная фирма бен Ладенов построит укрепления, как в Афганистане. «Не надо приглашать американцев, – уверенно говорил Осама, – я соберу сто тысяч воинов джихада. Мы одолеем Саддама Хусейна».

Принц Султан как человек военный понимал абсурдность этой идеи. Саудовская Аравия – не гористый Афганистан, а пустыня – идеальное место для танковой атаки. Он поинтересовался, как быть с химическим оружием Саддама, с его ракетами и танками. «Мы одолеем их верой», – убежденно ответил Осама.

Королевская семья стояла перед трудным выбором. Если не звать на помощь американцев, Саддам оккупирует и разграбит страну. Если придут американцы, возмутятся исламские радикалы... Король Саудовской Аравии выбрал меньшее из зол и попросил о помощи президента Джорджа Буша-старшего.

Король заставил исламских священников благословить его решение. Слепой ваххабитский авторитет Абд аль-Азиз бен Баз одобрил приглашение иностранных войск для защиты родины. Но это не помогло. Осама бен Ладен был возмущен появлением американцев на священной земле. Заявил, что освободит Саудовскую Аравию от испоганивших землю пророка американских солдат.

5 марта 1994 года Осаму лишили саудовского подданства «за безответственное поведение и отказ подчиняться указаниям». Его ответ последовал через два года. 13 ноября 1995 года и 25 июня 1996 года прогремели взрывы на американских базах в Саудовской Аравии. «Каждый мусульманин должен встать на защиту религии, – повторял Осама. – Ветер веры изгонит зло с земли пророка Мохаммада. Я клянусь Аллаху, что Америка не будет жить в мире, пока армия неверных не покинет землю Мохаммада». То есть пока американские войска не уйдут из Саудовской Аравии.

Осама обосновался в Судане, где к власти пришли радикальные исламисты. В Судане он познакомился с Айманом аль-Завахири, который станет его главным помощником. Завахири участвовал в убийстве египетского президента Анвара Садата. Организовал покушение и на министра внутренних дел Египта. Два шахида на мотоцикле взорвали себя рядом с машиной министра, оба погибли. Министр остался жив. Египет пригрозил руководителям Судана, что если они не избавятся от аль-Завахири, ответ будет жестоким. Завахири выслали.

Соединенные Штаты потребовали от суданских властей выставить Осаму бен Ладена. Властители Судана и американцам охотно оказали любезность. Осаму выслали, забрав его

деньги. Обвели вокруг пальца. Он жаловался, что потерял сто миллионов долларов. 18 мая 1996 года семья Осамы вылетела в Афганистан. В Вашингтоне вздохнули с облегчением: там он ни для кого не будет опасен.

Американцы все еще не понимали, с кем имеют дело, и плохо представляли себе, что творится в Афганистане. Как только советские войска ушли, они начисто утратили интерес к этой стране. Разрушенный войной Афганистан был предоставлен самому себе. А там скопилось больше стрелкового оружия, чем в Пакистане и Индии вместе взятых. Появление талибов стало лишь вопросом времени.

Осама прилетел в Афганистан в тот момент, когда страна переходила под контроль талибов. Осаму приветил духовный наставник талибов Саид Мохаммад Омар Ахундзаде, самая таинственная фигура на Среднем Востоке.

Мулла Мохаммад Омар родился в провинции Кандагар. Он пуштун. У него четыре жены и четверо детей – двое мальчиков и две девочки. Одна из дочерей погибла в августе 1999 года в результате взрыва бомбы.

Рассказывают, что когда в бою глаз Омара был поврежден, он будто бы сам вытащил его с помощью ножа – без анестезии! – и сшил веки. Другие уверяют, что на самом деле он лечился в госпитале в Пешаваре и его глазом занимались хирурги... Афганцы верят в первую, героическую версию.

Отвоевавшись, Омар поступил учеником (талибом) в медресе (мусульманскую школу) для детей афганских моджахедов и стал имамом в мечети небольшой деревушки. В июне 1994 года здесь и зародилось движение талибов. Началось с того, что двух подростков схватили, изнасиловали и убили. Оказалось, что это сделали солдаты, которые несли службу на контрольно-пропускном пункте. Люди были возмущены. Мулла Омар и его ученики (талибы) поймали насильников, разоружили их и казнили. Слава о защитниках слабых распространилась быстро, и множество молодых людей, оставшихся без дела, поспешили к ним присоединиться.

Талибы, дети беженцев, сироты, ничему не учились кроме Корана. Они обещали покончить с беззаконием, коррупцией и вернуться к чистому, исламскому правлению. Неожиданным образом их идеи и практика оказались привлекательными для афганской молодежи. В 1996 году на собрании полутора тысяч богословов Омара провозгласили вождем всех правоверных.

Осама услаждал жизнь муллы Омара, от которого полностью зависел. Снабжал его наличными и автомобилями, к которым тот пристрастился. Построил ему дворец. Осама знал, что исламскую солидарность нужно подкреплять деньгами. Он щедро раздавал наличные и восхвалял власть Талибана как идеал исламского правления.

В свое время начальник саудовской разведки принц Турки аль-Фейсал – сын короля! – встречался с муллой Омаром в Кандагаре. Принц просил Омара выдать Осаму Саудовской Аравии. Но мулла Омар высокомерно ответил, что не может быть и речи о выдаче такого славного воина, как Осама бен Ладен! А Саудовская Аравия опозорила себя сотрудничеством с американцами. Саудовский принц воспринял эти слова как оскорбление и ответил очень жестко. Мулла Омар выскочил из комнаты. Принц остался один среди двух десятков вооруженных талибов. Когда Омар вернулся, он был мокрый с ног до головы. «В соседней комнате я вылил на себя ведро холодной воды, – сказал он принцу. – Если бы ты не был моим гостем, я бы сделал с тобой что-то страшное».

Осаме казалось, что его идеи становятся реальностью. Достигнутое в Афганистане нужно было распространить на весь мир. Он внушал мулле Омару, что создание одного отдельно взятого исламского государства бессмысленно, пока мусульманский мир как целое подвергается угнетению. Призывал ликвидировать искусственные границы между исламскими

странами, изгнать погрязших в роскоши и коррумпированных арабских властителей. Исламский интернационализм брал верх над национализмом.

Осама бен Ладен вел себя как глава правительства в изгнании. Собирал террористов со всего мира. Его Аль-Каида должна была превратиться в действующий резерв джихада, исламский легион, готовый выступить там, где возникает угроза исламу.

Осама был мастером саморекламы. Годами работал над своим образом. Постоянно цитировал Коран. Он хорошо владел арабским языком, на котором проповеди и речи звучат невероятно красиво. Читал лекции по исламу, записывал видеообращения и втолковывал соратникам, как бороться с Западом.

Как капиталист Осама привнес в террор современные методы управления. Отсеивал планы, не сулившие успеха, и принимал проекты, представлявшиеся ему перспективными. Выдавал под них наличные. (Это были сравнительно небольшие деньги: на несколько операций Осама выделял пятьдесят – семьдесят тысяч долларов.)

Весной 1998 года Осама бен Ладен призвал к джихаду против евреев и крестоносцев. Каждый мусульманин гордится своей древней цивилизацией. Он помнит успехи исламского мира в искусстве и науках. Нынешнее западное превосходство только усиливает ощущение утраченного величия. «Крестоносцы» и «сионисты» – это два кодовых слова, упоминание которых автоматически включает ненависть всего исламского мира.

Осама назвал убийство всех американцев – и военнослужащих, и гражданских – долгом каждого мусульманина. «Для Америки наступают черные времена, – обещал бен Ладен корреспонденту американской телекомпании Эй-би-си. – Соединенным Штатам придет конец, ваша страна развалится. Американцы уйдут с нашей земли, и мы будем отправлять тела ваших сыновей в гробах. Такова воля Аллаха». Его слова не остались пустой угрозой.

В ЦРУ создали группу для сбора информации об Осаме бен Ладене. Включили в нее и несколько специальных агентов ФБР. Представители разведки и контрразведки не ладили между собой. Рыцари плаща и кинжала, специалисты по тайным операциям, вовсе не горели желанием посвящать чужаков в свои методы. К тому же в группе, занимавшейся бен Ладеном, две трети были женщинами – аналитики из разведки. «Крутые мужики» жаловались, что не намерены подчиняться дамочкам. Пока представители спецслужб выясняли отношения, 7 августа 1998 года Осама бен Ладен устроил первый крупный теракт против Соединенных Штатов.

Рядом с американским посольством в столице Кении Найроби взорвалась бомба в грузовике. Часть здания просто отвалилась. Пострадала находившаяся по соседству школа, погибли пятнадцать человек, проезжавшие мимо в автобусе. Одновременно автозаправщик с бомбой взорвался перед входом в посольство Соединенных Штатов в столице Танзании Дар-эс-Саламе. В общей сложности были убиты двенадцать американцев и двести двенадцать африканцев, в том числе немало мусульман. «Война началась, – торжествующе объявил бен Ладен. – Все американцы виновны».

Осама твердил, что все американцы должны быть наказаны за свои преступления. Вот что характерно для боевиков Аль-Каиды: они убивали мирных граждан.

Президент Билл Клинтон потребовал найти организатора терактов и заставить его ответить за столько смертей. Возникла идея похитить Осаму. Специальным распоряжением президент наделил ЦРУ правом применить для поимки бен Ладена силу.

Чтобы определить, где и когда находится Осама, требовалась надежная агентура. Но ни среди афганских талибов, ни в окружении самого бен Ладена у американской разведки не было своих людей. С большим опозданием руководство ЦРУ осознало, что нелегалы, которых они готовят, бесполезны в борьбе против Осамы бен Ладена. В управлении нелегальной разведки

ЦРУ не нашлось ни одного сотрудника, который бы владел ближневосточными языками настолько свободно, чтобы сойти за местного жителя и продержаться в Афганистане без женщин и виски несколько лет.

Известно, что Осамы охотно принимал в Аль-Каиду европейцев и американцев, перешедших в ислам. Под таким прикрытием мог бы действовать и разведчик... Нелегалы ЦРУ как минимум имели шанс проникнуть в организацию бен Ладена, узнать, где он находится, и помочь его поймать.

Не хватало и людей, знающих восточные языки, чтобы читать радиоперехват и электронную почту. Сложилась нелепая ситуация. Чем эффективнее работало Агентство национальной безопасности, чем больше переговоров перехватывало, тем меньшую часть информации реально читали и изучали.

Осама держался крайне осторожно. Понимал, что в век шпионских спутников и системы глобального позиционирования даже неприступные горы не даруют желанной безопасности. Один из его подручных купил в Нью-Йорке за семь с половиной тысяч долларов спутниковый телефон. Агентство национальной безопасности выяснило его номер – и приступило к подслушиванию. Но бен Ладену рассказали, как погиб чеченский генерал Джохар Дудаев. И если Осаме нужно было поговорить по спутниковому телефону, то он использовал очень длинный шнур с трубкой. Кто-то из боевиков, стоя поодаль, держал в руке телефон, набирал номер и ждал, пока Осамы поговорит. Если бы ракету навели по излучению телефона, боевик бы погиб, а Осамы уцелел.

Он не жалел об утрате даже ближайших соратников. Знал, что весть об их героической смерти привлечет к нему новых людей, которые займут место пойманных или убитых. Обещание стать мучеником было одним из самых привлекательных в его программе вербовки новых людей. Он прямо спрашивал у новичков, готовы ли они пожертвовать жизнью – ему были нужны именно такие люди.

В Афганистане разведка заново налаживала контакты с местными вождями. Командированные туда оперативники на встречу без подарка не приходили. Руководитель резидентуры располагал большим запасом наличных – несколько миллионов долларов; новенькие купюры, которые щедро раздавались информаторам, развязали языки.

Американцам донесли, что Осамы видели в небольшом поселке Тарнак посреди пустыни. Когда-то там был сельскохозяйственный кооператив, от него остались жилые дома и административный корпус. Там обосновались боевики Аль-Каиды с семьями. Там он проводил ночи с одной из своих четырех жен. Попавший к американцам его охранник рассказывал, что Осамы после обеда играет с детьми в волейбол: «У него есть коронный удар. Он отправляет мяч вверх, как русский гранатомет. Мяч взлетает и начинает вращаться. Когда он падает вниз, его невозможно взять».

Дважды в день американский разведывательный спутник величиной с автобус проходил над поселком Тарнак. Спутник похож на телескоп, только смотрит не в небо, а с неба на землю. Днем он способен видеть объект, который больше десяти сантиметров в диаметре. Ночью видимость хуже, видны объекты диаметром не меньше метра. Над поселком спутник висел всего три минуты – слишком мало, чтобы аналитики Агентства национальной безопасности успели определить, дома ли Осамы.

Но ЦРУ не хватило ни подготовленных кадров, не решимости провести рискованную операцию в далеком Афганистане, где у разведки не было никакой базы. Идея высадить десант и захватить бен Ладена была отвергнута и президенту даже не докладывалась. Ответом на взрыв посольств стал ракетный удар по лагерю, где бен Ладен должен был присутствовать на некоей встрече. Американцы отправили шестьдесят пять ракет. Убили два десятка боевиков.

На следующий день Айман аль-Завахири позвонил одному пакистанскому журналисту, подтвердил, что Осама жив, и передал его слова: «Скажите американцам, что мы не боимся бомбардировок. Нас русские десять лет бомбили в Афганистане, мы готовы к жертвам. Война только начинается. Пусть американцы ждут нашего ответа».

Считается, что этот ракетный обстрел был ошибкой.

Не всем мусульманам нравилось намерение Осамы убить всех американцев. Еще меньше понравилось то, что в результате устроенных им взрывов в Кении и Танзании черных африканцев погибло в двадцать раз больше, чем белых американцев. Но ракетный обстрел вроде как подтвердил правоту Осамы: американцы убивают, не глядя, Америка – враг исламского мира...

Западные армии всегда обладали более совершенным оружием. Но раньше войны по крайней мере смотрели друг другу в глаза, сходясь на поле боя. Теперь техника, созданная по принципу «выстрелил – забыл», позволяет не видеть тех, кого убиваешь. За многие сотни километров кто-то нажимает кнопку и отправляет ракеты в цель...

К тому же американцы промахнулись, Осама остался жив, и это произвело сильное впечатление. Многие мусульмане решили, что Аллах вмешался, чтобы спасти бен Ладена, неуязвимого героя, в одиночку противостоящего армиям противника. Появились плакаты с его портретом, родители стали называть его именем сыновей.

Возможность уничтожить Осаму была упущена. Через три года он нанес страшный удар по Соединенным Штатам. Такого не удавалось ни одному из террористов.

Террористические акты 11 сентября 2001 года разрушили символы богатства и мощи Соединенных Штатов. В этот день президент Джордж Буш-младший осознал, что могущество его страны вовсе не безгранично, а сам он незащищен перед террористами. Прежде чем лечь спать, президент записал в дневнике: «Мы пережили Перл-Харбор XXI века. Мы думаем, что это Осама бен Ладен».

Быстро выяснилась цепочка непоправимых ошибок ЦРУ, ФБР, иммиграционной службы, позволивших террористам захватить четыре самолета и погубить несколько тысяч человек. Все девятнадцать террористов, которые устроили теракты 11 сентября, въехали в Соединенные Штаты совершенно легально, под своими именами. Никто им не помешал, хотя некоторые из них числились в списке разыскиваемых террористов. Элементарная проверка показала бы, что террористы уже в Америке.

Начиная с мая 2001 года, Агентство национальной безопасности перехватывало информацию о том, что Аль-Каида готовит серию взрывов в Соединенных Штатах. В июне государственные учреждения были предупреждены о возможности крупного теракта. Но все склонялись к тому, что это произойдет за пределами страны.

Только на следующий день после терактов, 12 сентября, у сотрудников Агентства национальной безопасности дошли руки до записи перехваченного разговора по спутниковому телефону, состоявшегося 10 сентября. За день до трагедии гигантские пылесосы АНБ выхватили из потока словесного мусора в эфире две важные фразы, прозвучавшие в телефонном разговоре между находившимися в Афганистане боевиками из Аль-Каиды. Первая: «Матч начинается завтра», вторая: «Сегодня – час ноль». Хотя известно было, что эти пугающе-важные слова сказаны человеком из окружения Осамы бен Ладена, их перевели на английский только 12 сентября, когда уже не было нужды в аналитиках, способных объяснить их смысл.

Буш пообещал, что Осама бен Ладен предстанет перед судом, живой или мертвый. Первыми – 27 сентября 2001 года, через пару недель после теракта, – в Афганистане высадились разведывательно-диверсионные группы ЦРУ. Еще через двадцать дней –

подразделения спецназа.

На почве борьбы с общим врагом возникло тайное сотрудничество Ирана и Соединенных Штатов. Иран – такой же враг афганских талибов, Аль-Каиды и Осамы бен Ладена, как и американцы. «Мир не приемлет то, что Талибан совершает от имени ислама, – пренебрежительно говорил духовный вождь Ирана Али Хаменеи. – Мы вообще не знаем, насколько они осведомлены в исламе».

Этот мир пропитан лицемерием. Вожди, политические и религиозные, говорят о высоких материях, но руководствуются весьма циничными принципами.

Саудовская Аравия поддержала талибов только для того, чтобы лишить Иран монополии на исламский радикализм. Саудиты поддерживают радикальных суннитов в противовес иранским шиитам по всему миру. Дело в том, что восемьдесят процентов населения Афганистана – сунниты. Саудиты мечтают вытеснить Иран из Афганистана.

Соответственно Иран яростно ненавидит талибов. Хотя талибы ведут себя так же, как поклонники Хомейни в первые годы Исламской революции в Иране. Талибы с такой же параноидальной ненавистью взирают на мощь западного мира. Особое неприятие вызывает всепроникающее влияние западной культуры. Талибы ненавидят большие города, в их представлении – развращенные и бездуховные...

Иран запретил спутниковые антенны, чтобы помешать иранцам смотреть западное телевидение. Талибы запретили телевидение как таковое. Почему? Поклонение статуям запрещено пророком Мохаммадом. Смотреть телевидение, по мнению талибов, – все равно что поклоняться статуям. Рисовать картины или смотреть на них тоже запрещено, поэтому талибы закрыли и кинотеатры...

Афганистан лежит на пересечении цивилизаций – зороастризма (одной из древнейших религий), греческого пантеизма, индуизма, буддизма, ислама. По этой земле прошло множество завоевателей – персы, греки, индийцы, монголы. Здешняя земля – история человечества. Здесь остались руины, о которых мечтают археологи: стоя на коленях, те из них, кому посчастливилось сюда добраться, трепеща от восторга, кропотливо, зубными щетками очищают то, что им нужно.

Теперь здесь больше нет археологических экспедиций.

Сначала все, что могли, разграбили моджахеды. С «калашниковыми» в руках они заставляли крестьян рыться в пыли двух тысячелетий в поисках золотых и серебряных украшений. Походя они разрушили то, что могло бы изменить представления историков о нашем прошлом. Уничтожили то, что могло бы составить счастье археологов.

Некоторые полевые командиры вскрывали древние захоронения бульдозерами. Они окружали «свои» районы минами – мины стоят дешевле ограждений. И разламывали статуи, воздвигнутые до нашей эры, потому что они не влезали в кузов армейского грузовика. Найденное отправлялось в Пакистан, где коррумпированные чиновники выдавали поддельные экспортные свидетельства. Некоторые дипломаты, аккредитованные в Пакистане, скупали афганские сокровища по дешевке и пересылали домой в дипломатическом багаже. А там нанимали реставраторов, чтобы восстановить разрушенное грубыми моджахедами и потом за большие деньги перепродать ценителям. Разрушая памятники мирового значения как противоречащие законам ислама, талибы довершили этот процесс уничтожения культурного наследия страны.

Тегерану важно не допустить, чтобы шииты⁸ в Афганистане оказались под властью

⁸ Шииты составляют всего двенадцать процентов населения Афганистана, но шиитские группировки получили

суннитов (то есть талибов-пуштунов), а сам Иран лишился влияния на афганские дела. Поэтому Иран вместе с Россией и Индией помогал Северному альянсу, противникам талибов. В частности – известному в ту пору лидеру афганских узбеков генералу Абдул-Рашиду Дустуму.

Сын узбека и туркменки, молодым человеком Дустум начинал службу в органах госбезопасности просоветского Афганистана, учился в Ташкенте. Командовал батальоном, получил звание Героя Демократической республики Афганистан. Звезду ему вручил лично Наджибулла, тогдашний глава ведомства госбезопасности, позже ставший президентом страны. Дустум руководил карательными операциями. Он стал дважды героем, генералом и членом ЦК партии. В 1992 году, когда просоветский режим рушился, предал Наджибуллу и перешел на сторону главы Северного альянса Ахмада Шаха Масуда.

Генерал Дустум контролировал северные провинции страны, что обеспечивало ему достаточный для содержания собственной армии доход. Ему позволили открыть свое посольство в Иране.

Саудовская Аравия, напротив, желает выдавить Иран из Афганистана. Этим в немалой степени объясняется широкая помощь саудитов талибам.

Летом 1997 года талибы стали терпеть военные поражения. Против них выступили хазарейцы. Вожди Талибана обвинили Иран в военном вмешательстве в дела Афганистана. В 1998 году едва не разразилась настоящая война между талибами и Ираном. В Афганистане пропали семьдесят восемь иранцев, из них одиннадцать дипломатов. Они попали к талибам в Мазари-Шарифе. Выяснилось, что талибы их просто убили. В начале сентября Иран подтянул к границе войска. Али Хаменеи предупредил, что его терпение истощилось: «До сих пор я препятствовал тому, чтобы в этом регионе вспыхнуло пламя, которое трудно будет погасить. Но все должны знать, что огромная опасность близка».

В 2001 году, как ни странно это покажется, но именно Иран торопил американцев с началом военной операции! В октябре 2001 года американцы встречались с иранцами в Париже и Женеве. Иранские представители даже привезли на секретную встречу свои карты Афганистана, чтобы указать американцам наиболее важные цели, которые должны быть уничтожены авиацией в первую очередь. Предложили организовать спасательные операции, если кого-то из американских летчиков собьют. Для иранцев это было время триумфа: они не только избавились от талибов, но и доказали свою полезность американцам.

Когда в том же октябре 2001 года передовая группа ЦРУ прибыла в Пандшерскую долину, американцы обнаружили, что иранские стражи революции уже здесь и ведут борьбу против талибов и Аль-Каиды. Иран по собственной инициативе задержал двести девяносто боевиков Осамы и передал их для допросов Египту, Саудовской Аравии и Пакистану, которые тесно сотрудничали с американцами.

Президент Джордж Буш-младший назвал первой целью в войне против терроризма Афганистан, где укрылся Осам со своими боевиками из Аль-Каиды. Как же ему удалось ускользнуть?..

Декабрьской ночью 2001 года Осам бен Ладен собрал своих соратников и боевиков из бригады номер пятьдесят пять в одной из пещер в горах Тора-Бора в восточном Афганистане. Горы покрылись снегом, но в пещере было тепло. Одетый в обычную камуфляжную форму бен Ладен ел оливки и пил мятный чай с сахаром. Рядом лежал неизменный «калашников». Осам рассуждал о героизме и жертвенности. В ту холодную ночь сорокачетырехлетний саудовский миллионер был на удивление спокоен и уверен в себе.

хорошую военную подготовку в Иране. Шиитские фундаменталисты – это выходцы из народностей, живущих на крайнем западе Афганистана, и хазарейских племен, обитающих в центре страны.

Когда высадились американские войска, Осаме предложил убежище один из афганских вождей. Он контролировал Джелалабад и горы Тора-Бора, что находятся неподалеку от афгано-пакистанской границы. Но один из агентов ЦРУ сообщил, что видел бен Ладена в горах Тора-Бара. Осаме учил своих бойцов рыть ямы и прятаться в них, чтобы их не заметили разведывательные спутники. Оперативники ЦРУ вызвали авиацию – бомбардировщики В-52 и F-15. Бомбы, предназначенные для уничтожения хорошо защищенных бункеров, проламывали скалы и взрывались внутри пещер, уничтожая его соратников.

В последний раз Осаму видели в Джелалабаде 10 ноября 2001 года. Он выступал в исламском научном центре. Послушать его собрались местные вожди. Осаме обещал: «Мы сможем преподать американцам такой же урок, какой получили русские». Закончив речь, прошел между рядами слушателей, раздавая белые конверты. Они были толще или тоньше в зависимости от того, какую территорию и скольких вооруженных людей контролирует тот или иной вождь. Менее важные получили порядка трехсот долларов в пакистанских рупиях, лидеры крупных кланов – до десяти тысяч долларов.

Тщательно готовя свой побег, он хотел все предусмотреть и лишней раз подкрепить готовность местных племен ему помогать. Вечером 13 ноября, когда талибы были уже разгромлены, боевики Осамы погрузили оружие и вещи, а также своих жен и детей в несколько сотен грузовиков, бронемашин и джипов. Колонна двинулась в сторону Тора-Бора.

В пещерах, за толщей гранитных скал, скрывались от полутора до двух тысяч бойцов бен Ладена. Ценность пещер была в том, что тот, кто их хорошо знал, мог прийти и уйти незаметно. Посторонний же терялся в запутанном лабиринте. Другое преимущество Тора-Бора в том, что всего в трех десятках километров – пакистанская граница.

Для поимки Осамы американские военные разведчики завербовали двух бывших полевых командиров. Оба жадные, оба продажные, обожающие шелест сто долларовых купюр. Они собрали у подножья Тора-Бора две с половиной тысячи бойцов и подогнали старые советские танки. На склонах гор лежал снег, было очень холодно. Наемники мерзли и не испытывали никакого желания сражаться – в отличие от армии бен Ладена.

Операция началась 3 декабря. По карте до первых пещер, занятых боевиками Осамы, был всего километр с небольшим, но из-за глубокого снега поднимались три часа. И столкнулись с более сильным сопротивлением, чем ожидали. Пещеры по несколько раз переходили из рук в руки.

Американцы могли только давать советы и вызывать авиацию, чтобы организовать поддержку с воздуха. Таков был приказ. Вообще-то генерал Томми Фрэнкс, который командовал операцией из далекой Флориды, считал необходимым отправить в Афганистан сто тысяч американских солдат. Но министр обороны Дональд Рамсфелд считал, что для операции в Афганистане достаточно и спецназа, а остальное надо поручить различным афганским силам, ненавидевшим талибов.

Утром 27 ноября 2001 года генерала Фрэнкса соединили с министром обороны.

– Президент желает, чтобы мы доложили, что можно сделать с Ираком, – огорошил его Рамсфелд. – Вы готовы?

– Господин министр, – ответил генерал, – у нас, разумеется, есть план действий и на случай иракской кампании.

– Сотрите с него пыль, посмотрите, что к чему, и доложите мне на следующей неделе.

Рамсфелд не знал, что он только что спас Осаму бен Ладена. Подчиняясь приказу, генерал Фрэнкс полностью переключился на подготовку кампании против Ирака. Разведчики считали, что им нужны восемьсот рейнджеров, чтобы помешать бен Ладену уйти. Но Фрэнкс не дал ЦРУ спецназовцев, которые смогли бы найти Осаму в пещерах, легкомысленно посчитав, что с

Осамой уже покончено.

В том районе находилась небольшая группа армейского спецназа из отряда «Дельта». Она все-таки намеревалась проникнуть в убежище бен Ладена. Все понимали сложность операции, однако план имел шанс на успех. Но командир группы получил приказ организовать атаку силами афганцев, чтобы они сами убили бен Ладена.

Осаждавшие горы афганцы наладили радиопереговоры с подручными Осамы и предложили сдаться. Переговоры вел находившийся где-то наверху, в пещерах, сын Осамы. Он попросил дополнительное время для переговоров с остальными командирами. Обещал выйти на связь в восемь утра следующего дня...

Американские разведчики считают, что именно в ту ночь личная армия Осамы бен Ладена незаметно оставила Тора-Бора. Афганская милиция добралась до последней пещеры 17 декабря, когда там уже никого не было. Милиция осаждала горы с трех сторон – с востока, запада и севера. Южная сторона гор, обращенная к пакистанской границе, считалась непроходимой. Осама и его телохранители спустились по южной стороне.

Позднее в Белом доме сочли отказ генерала Фрэнкса выделить достаточные силы для поимки Осамы главной ошибкой той войны. Летом следующего года сотрудники ЦРУ вернулись в Тора-Бора с патологоанатомами и необходимым оборудованием. Нашли восемьдесят могил боевиков Аль-Каиды. Но ни один из трупов не подходил под описание бен Ладена. Он исчез.

Когда президент Буш после 11 сентября потребовал наказать Осаму и его подручных, в ЦРУ намеревались просто повторить опыт израильтян, которые уничтожают укрывшихся в других странах террористов, не имея возможности отправить их на скамью подсудимых. (Ставя точку в карьере террористов, израильские офицеры с мрачной иронией говорят, что осуществляют правосудие с доставкой на дом.) Но чтобы найти Осаму, приняли решение брать боевиков Аль-Каиды живыми и заставить их говорить. Если они выдадут не только самого бен Ладена, но и структуру своей организации, ее планы, источники финансирования и методы вербовки, это поможет предотвратить новые теракты.

Возникла проблема: американские законы запрещают арест без ордера и допрос без адвоката. ЦРУ не вправе выкрасть руководителей боевиков и доставить на территорию Соединенных Штатов, чтобы их допросить. Тогда и возникла идея создать тайные тюрьмы на территории тех стран, где не столь щепетильны в отношении прав человека.

Сотрудники ЦРУ мечтали заполучить в свое распоряжение что-то вроде печально знаменитой тюрьмы для особо опасных преступников Алькатрас, расположенной на острове, с которого не сбежишь. Подыскивали подходящие острова в Африке – на озере Кариба в Замбии, где правит закон джунглей. Но побоялись африканского климата и эпидемий. И не знали, можно ли доверять замбийским властям.

Уже через месяц после начала операции в Афганистане в руках оперативных групп ЦРУ оказалось больше сотни боевиков. Самых опасных держали в металлических контейнерах на авиабазе в Баграме. Оперативники требовали от Вашингтона ответа: «Что делать с пленными? Мы же не тюремщики». Решили перебросить их из Афганистана на Кубу, где Соединенные Штаты владеют военной базой Гуантанамо.

Военные воспротивились – заниматься пленными не их дело. Министр обороны Дональд Рамсфелд не хотел, чтобы пойманных террористов размещали на военной базе. «Я не намерен служить тюремщиком в этом проклятом мире», – говорил министр. Но его все же убедили в том, что надо куда-то девать руководителей Аль-Каиды. Не отпускать же их на свободу, чтобы они продолжали убивать людей!

Почему выбрали Гуантанамо? Далеко от арабского мира и надежно – с острова не

убежишь. В середине января 2002 года там приземлился первый самолет, заполненный талибами и боевиками Аль-Каиды. Сразу же после поимки они многое рассказали. Когда на Гуантанамо их снова допросили, они от всего отрекались. Почему? Попав в плен, они ждали худшего. В их странах заключенных сразу начинают пытаться, причем обвиняемых в терроризме пытаются особенно жестоко и изощренно. А тут прошло столько времени, они все еще живы, их кормят, им позволяют спать. И пленные пришли к выводу, что американцы слабаки и боятся нечего.

Тогда самых опасных ЦРУ доставляло на своих самолетах в те страны, которые пренебрежительно относятся к закону, и там подозреваемых допрашивали с применением мер физического и психологического давления. То есть, попросту говоря, пытали. Но полученные под пытками показания не могут быть использованы в американском суде. Что потом делать с этими людьми? Один из бывших руководителей ЦРУ мрачно заметил: «Отправить их на скамью подсудимых нельзя. И убить нельзя. Но есть неписаное правило: если нужно разговорить подозреваемого – отправляйте его в Иорданию, если нужно, чтобы задержанного пытали, – отправляйте его в Сирию, а если нужно, чтобы человек исчез, – отправляйте его в Египет».

Американцы оказались в ловушке, из которой трудно вырваться. Да, получается, что террористов держат в заключении незаконно. Они лишены права на справедливый суд, который только и может определить степень вины каждого, их пытаются, чтобы получить показания. Но нельзя забывать и о другом: они больше никого не убьют. Если, конечно, они не попали в тюрьму, откуда никогда не выйдут, по ошибке...

Когда 26 июля 1947 года президент Гарри Трумэн создал ЦРУ, его сотрудники сами решали, кто в мире «хорошие парни», а кто «плохие». «Плохих» наказывали. В условиях холодной войны разведчиков наделили своего рода «лицензией на убийство». Все это создало для страны множество проблем. После сенатского расследования в 1974 году приняли закон, который ставил операции ЦРУ под контроль конгресса.

После 11 сентября 2001 года ЦРУ вернулось к, казалось бы, давно забытому прошлому. Назначенный директором ЦРУ Портер Госс, который сам десять лет провел на оперативной работе, считал, что его агенты обязаны действовать агрессивно. «Даже если что-то пойдет не так, я вас поддержу», – обещал он.

Американские следователи хотели добиться успеха сами и стали выбивать показания из боевиков Аль-Каиды. Это целая наука. Следователи методично подрывают способность узника к сопротивлению. Давят на его психику. Если не помогает, прибегают к мерам физического воздействия. Они говорили себе: ради предотвращения новых терактов и спасения людей нужно идти на все... Это теория тикающей бомбы: если заложенная преступником бомба вот-вот взорвется, любой метод спасения невинных людей оправдан, даже пытки.

Но опыт показывает: когда человека пытаются, он часто говорит не правду, а то, что от него хотят услышать, придумывает все, что угодно, – лишь бы остановить мучителей. Невозможно отделить правду от фантазий. Поэтому настоящие профессионалы действуют иначе.

Самый успешный допрос, который американцы провели, идя по следу Осамы бен Ладена, обошелся без пыток. Душу бывшего главного телохранителя Осамы Абу Джандалья смягчило печенье для диабетиков.

Когда Абу брали, он получил пулю в голову, но выжил. Абу сидел в йеменской тюрьме, куда приехали следователи ФБР. Тюремщики боялись Абу. Ходили в масках, чтобы он не видел их лица. Абу не отвечал на вопросы. Во время первой встречи следователь ФБР обратил внимание, что Абу не дотронулся до печенья, которое ему предложили вместе с чаем. Выяснилось, что он страдает диабетом и не ест сладкое. В следующий раз американцы

принесли печенье без сахара. Это и был переломный момент. «Мы показали, что уважаем его, – вспоминал следователь ФБР. – Он больше не считал нас посланниками дьявола. Он увидел в нас обычных людей. И стал с нами разговаривать».

Сотрудники президентской администрации, начиная с вице-президента Дика Чейни, утверждали, что один из главных помощников Осамы бен Ладена дал показания только после того, как прибегли к известной пытке, когда голову допрашиваемого силой опускают в ванну с водой и держат, не давая вдохнуть. Ему кажется, что его хотят утопить... Сотрудники ФБР рассказали, что все было наоборот. Когда во время допроса прибегли к жестким методам (этим занимались частные лица, привлеченные ЦРУ) – свидетель замолчал.

Пытать не нужно, доказывают профессионалы. Обман и подкуп – более надежные инструменты. Именно так удалось заставить одного из боевиков назвать имя Халида Шейха Мохаммада, который придумал теракты 11 сентября и который в конце концов привел отряд американского спецназа к убежищу Осамы бен Ладена.

Когда в декабре 2001 года Осама исчез, американцы поняли, что на такие важные дела нельзя подражать сторонних исполнителей. Пакистанцы и афганцы не помощники в поимке или уничтожении бен Ладена. Придется действовать самим.

Бен Ладен, в свою очередь, осознал, что имеет дело с опасным противником. Не уверенный, что сумеет спастись, он в середине декабря 2001 года написал завещание. Но он ушел, и очень ловко – его бегство не зафиксировал ни один спутник. Американцы не сомневались, что Осама скрылся в соседнем Пакистане. Граница между двумя государствами достаточно условна. По обе ее стороны живет один и тот же народ – пуштуны. Они не выдают тех, кто попросил у них убежища.

Но допросы боевиков в Гуантанамо показали, что бен Ладен выбрал более простой, хотя и рискованный путь. Он двинулся в обратном направлении, в сторону Джелалабада. Он мог нарваться на американских и британских солдат. Но его никто не остановил, и он обосновался на дальнем северо-востоке Афганистана. Скрывался там чуть ли не целый год. Даже его ближайшие помощники не знали, где он.

Оторванный от мира, он превратился в мистическую фигуру. Другие террористы действовали под его знаменем. Но сам он лишился любимого дела. Прятался. Сидя в какой-то дыре, много не навоюешь. За ним охотились. Он жил в постоянном страхе. В 2003 году все-таки перебрался в более безопасный Пакистан. Два года провел в деревне неподалеку от города Харипура, а потом поселился в Абботтабаде – в большом жилом комплексе, окруженном колючей проволокой и оснащенном камерами видеонаблюдения, где и был убит в ночь на 2 мая 2011 года.

Осаму искали. Но из-за войны в Ираке основные силы ЦРУ были перенацелены на Багдад. Однажды американским офицерам-разведчикам, оставшимся в Афганистане, показалось, что бен Ладен находится буквально в получасе езды от них. Они просили три беспилотных самолета-разведчика, чтобы следить за тремя возможными путями его отхода. Но получили только один самолет – остальные действовали в Ираке. В результате объект наблюдения скрылся.

Долгие и безуспешные поиски породили в Соединенных Штатах разочарование и раздражение. Белый дом, обязанный отчитываться перед избирателями, требовал от ЦРУ наводнить Афганистан и Пакистан агентурой, взять количеством. Но для поиска террориста номер один вовсе не нужно было мобилизовывать всех и каждого. Успех пришел к небольшой группе аналитиков и оперативников.

Изучая протоколы допросов, они искали крупницы информации. Книгу одной из жен бен Ладена и его сына Омара проштудировали с карандашом в руках. Омар писал, что в афганские

годы его отец предпочитал скрываться в самом Кабуле, исходя из того, что американцы не станут бомбить столицу, чтобы не убивать мирных жителей. Это заставило аналитиков задуматься: Осаму ищут в горах или отдаленных деревнях, а не скрывается ли он в каком-нибудь городе? Предположение оказалось верным.

Неужели власти и спецслужбы Пакистана не знали о пребывании бен Ладена на их территории?

Пакистан родился в огне войны с соседней Индией, и это противостояние определило его судьбу. Кровавый спор идет из-за бывшего княжества Джамму и Кашмир. Большая часть территории отошла Индии. Пакистан с этим не смирился. Они уже дважды воевали из-за Кашмира. Вражда между Индией и Пакистаном не уменьшается и вообще представляется неискоренимой. Обе страны выбрасывают огромные деньги на армию и оружие. Обе страны уже создали ядерную бомбу.

Афганистан нужен пакистанским военным как союзник. Пакистанцы надеялись использовать и талибов, и Аль-Каиду в бесконечной борьбе против Индии. Вот почему пакистанское правительство всячески помогало становлению талибов. Тогдашний министр внутренних дел генерал Насирулла Бабур с гордостью именовал их «мои дети». Пакистан первым признал правительство талибов и отправил в Кабул посла.

Руководители пакистанской разведки встречались и с Осамой бен Ладеном. Он оказал им услугу. В его лагерях пакистанские боевики проходили подготовку для участия в диверсионных акциях на индийской территории. Лагеря были совместным предприятием Аль-Каиды и пакистанской разведки. Денег у пакистанцев было мало, они охотно сотрудничали с богатым Осамой. Так что меньше всего Пакистан был заинтересован в том, чтобы ослаблять Аль-Каиду. И не собирался это делать только ради того, чтобы порадовать американцев.

Со времени создания Пакистана генералы держат гражданское правительство в неведении относительно военных и разведывательных дел. Это позволяло министрам говорить американцам, что им неизвестно местонахождение Осамы бен Ладена. Но при этом Пакистан – союзник Соединенных Штатов, получает от них большую помощь.

«Я попросил премьер-министра Наваза Шарифа помочь арестовать бен Ладена, – вспоминал президент Билл Клинтон. – Американские инструкторы начали готовить шестьдесят пакистанских командос, чтобы заслать их в Афганистан для поимки Осамы». Готовность Наваза Шарифа помочь американцам стоила ему поста премьер-министра. Буквально через несколько часов после того, как глава правительства приказал начальнику разведки отправиться в Кабул и потребовать от талибов выдать находящихся в розыске террористов, в Пакистане произошел государственный переворот.

С момента объявления независимости страны в 1947 году Пакистан находится в состоянии постоянного конфликта с соседней Индией, поэтому настоящие хозяева страны – это военные. Они разрешают президенту, парламенту, правительству исполнять свои функции. Если генералам что-то не нравится, они убирают правительство и распускают парламент. Никто в Пакистане не удивился, когда командующий вооруженными силами генерал Первез Мушарраф совершил бескровный военный переворот и сделал себя президентом. «Захват власти генералом Мушаррафом, – свидетельствует Билл Клинтон, – привел к тому, что отменили отправку в Афганистан пакистанских командос для поимки или ликвидации Осамы бен Ладена».

После 11 сентября американцы заговорили с Пакистаном в иной тональности. На следующее утро госсекретарь Соединенных Штатов Колин Пауэлл поставил президенту Мушаррафу ультиматум: «Вы с нами или против нас?» Его заместитель Ричард Армитидж в разговоре с начальником пакистанской военной разведки выразился откровенно: если Пакистан

займет сторону террористов, Америка вбомбит страну в каменный век.

Соединенные Штаты требовали, чтобы президент пожертвовал талибами, в которых Пакистан вложил столько сил. Мушарраф – холодный и безжалостный человек, не признающий сантиментов. Он никогда ни о чем не жалеет и, кажется, ни в чем не сомневается. Мушарраф понял, что это его шанс. Если в такой важный для американцев момент он солидаризуется с Соединенными Штатами, то все претензии к военному правлению в Пакистане снимаются.

И президент Мушарраф заявил, что твердо поддерживает Соединенные Штаты в борьбе против международного терроризма. Отныне генерал воспринимался как просвещенный правитель и надежный союзник свободного мира. Но то, что принесло Мушаррафу поддержку Запада, вызвало возмущение радикальных исламистов. Поддержка талибов в самом Пакистане невероятно усилила фундаменталистские настроения, укрепила ненависть к Западу. Страну наводнили воины Аллаха. И под влиянием талибов Пакистан превратился в плацдарм джихада.

Возникла нелепая ситуация. ЦРУ охотилось за Осамой бен Ладеном, которому покровительствовали талибы, пользовавшиеся поддержкой Пакистана, получавшего помощь от Соединенных Штатов...

В городе Абботтабаде находятся военное училище пакистанской армии, две воинские части, подразделения многочисленных спецслужб, которые контролируют страну. Никто ничего не знал? Возможно, Осам и укрылся в Абботтабаде потому, что здесь ему могли помочь. А может быть, исходил из того, что здесь его точно не станут искать. Город находится далеко от пакистанских приграничных районов, которые активно обследуются американскими беспилотными самолетами.

В этом городе много приезжих. Семьи навещают мужей и отцов, которые здесь служат. Иногда даже появляются американские солдаты, которых присылают для помощи в военной подготовке. Исламисты этих мест избегают, предпочитая Пешавар или Карачи. Когда аналитики ЦРУ изучали места, где следует искать бен Ладена, Абботтабад неизменно вычеркивался из списка.

Зато когда ЦРУ заинтересовалось этим городом, все, что было о нем известно, оказалось полезным для американцев. Разведка смогла вполне легально отправить туда несколько оперативных работников, устроить конспиративную квартиру и вербовать информаторов. Разумеется, каждый шаг совершался с величайшей осторожностью, чтобы не привлечь чье-то внимание и не спугнуть бен Ладена.

Попытки проникнуть в небольшую сеть доверенных курьеров, прибывавших к бен Ладену, не увенчались успехом. Но один из них летом 2010 года привел к некому комплексу зданий, который выделялся на фоне более скромных соседних домов. И возник вопрос: а не здесь ли прячется бен Ладен? Поселиться в здании, напоминающем крепость, было самой большой ошибкой бен Ладена. Наблюдать за трехэтажным домом можно было с разных сторон.

Это было прекрасное, хотя и относительно скромное жилище. Зеленая и холмистая местность в здешних краях напоминает Швейцарию. Сравнительно прохладное лето. Низкий уровень преступности. Здесь живут отставные офицеры и чиновники. В июне сюда приезжают семьи из других городов, чтобы переждать жару. Завидное местечко для жизни, не напоминающее тяжелые для жизни пакистанские города, отравленные смогом.

Осама скрывался здесь больше пяти лет. Дом специально для него перестроили в 2005 году. Добавили третий этаж – здесь он устроился со своей новой и самой юной женой Амаль из Йемена. Третий этаж отличался от других. Окна были только на одной стороне – и не прозрачные. Четыре из пяти окон – под самым потолком, чтобы с улицы ничего не было видно.

За пять лет Осам почти не покидал третий и второй этажи. Иногда он выходил в садик при кухне. Натянутый над садиком брезент надежно укрывал его от объективов американских

разведывательных спутников. Не очень приятное заточение для такого любителя свежего воздуха, как Осамы. Но были очевидные преимущества. Далеко от беспилотных самолетов, которые один за другим уничтожали его соратников. И вокруг него были три жены, дюжина детей и внуков.

Его жене Амаль было двадцать девять лет. Другой, Харийе – шестьдесят два, она внезапно вернулась в жизнь Осамы после девяти лет отсутствия. Он женился на ней в 1985 году, когда ему было двадцать восемь лет, а ей тридцать пять. Она происходила из уважаемой семьи, ведущей род от пророка Мохаммада. Получила высшее образование и преподавала в школе для глухонемых детей. После крушения режима талибов в Афганистане в конце 2011 года она перебралась в Иран вместе с несколькими из детей Осамы. Они жили в Иране под домашним арестом. Летом 2010 года она отправилась в долгое и трудное путешествие в пакистанский Северный Вазиристан через самые страшные пустыни мира. Постепенно добралась до мужа.

Третья жена, Шихам, – ровесница Осамы. Когда они жили в Судане в середине 1990-х, занималась изучением Корана. Она сочиняет стихи, считается интеллектуалкой и редактировала писания Осамы.

На Амаль Осамы женился незадолго до теракта 2001 года. Разница в двадцать шесть лет не помешала любви. Она родила Осаме пятерых детей, двое были с ними в его последний день. Осамы считал, что многоженство и дети – обязанность мусульманина. Он говорил друзьям: «Не понимаю тех, кто довольствуется одной женой. С четырьмя женами всегда чувствуешь себя женихом». Это единственная известная его шутка. Осамы употреблял натуральную виагру – сироп из дикого овса, запас этого средства был найден в его доме.

Они завели подсобное хозяйство – коров, больше ста кур, пчелиные ульи, огород со свежими овощами. Жены не ссорились, все признавали многоженство, считая, что такова воля Аллаха. У каждой жены были свои комнаты с отдельной кухней. Две старшие жены обитали на нижних этажах. Амаль хозяйничала на третьем.

В соседнем доме, отделенном от основного высокой стеной, обитали преданный Осаме охранник и курьер Абу Ахмед аль-Кувейти, его брат, их жены и дети. Они жили очень бедно. Бен Ладен платил братьям по двенадцать тысяч рупий в месяц (около ста долларов), его кошелек опустел. Жена охранника Мариам редко бывала в главном доме. И только однажды, весной 2011 года, увидела высокого странного человека, говорившего по-арабски. Муж объяснил: никому никогда не говори, что в доме кто-то живет. Бен Ладен скрывался ото всех.

Он проводил время с юной женой. Потолок в спальне был низковат для столь высокого человека. Маленькая ванная, примитивный туалет – дыра в полу. В ванной нашли краску для волос – он подкрашивал волосы и бороду, чтобы казаться моложе. Часами сидел у компьютера, сочиняя длинные послания, которые развозил по миру его курьер. Он запрещал общаться с ним по телефону или Интернету, поэтому ответа ему приходилось ждать по два-три месяца.

Он хотел, чтобы его соратники постоянно напоминали средствам массовой информации об Аль-Каиде, дабы о нем не забывали. До последнего требовал, чтобы придумали новую столь же громкую акцию против США. Ждал предложений. Мечтал повторить свой успех. Велел «подобрать братьев – не больше десяти человек и отправить учиться авиаделу, строго индивидуально, чтобы они друг друга не знали».

При этом тревожился о своем сыне Хамзе, который обосновался в пакистанском Вазиристане, над которым летают американские беспилотники: «Передайте ему, я считаю, что ему следует покинуть Вазиристан. Он должен передвигаться, только когда на небе облака». Призывая молодежь вступать в ряды джихадистов, Осамы хотел, чтобы его сын укрылся в тихом и спокойном Катаре.

Несколько лет назад ЦРУ спросило автора фильма о бен Ладене, что с ним сделать в случае поимки. Он посоветовал вернуть Осаму на родину – в Саудовскую Аравию, чтобы его судили по законам шариата. Его бы приговорили к смерти и вывели на площадь в столице Эр-Рияде. По местным законам палач с мечом опрашивает семьи жертв, не хотят ли они простить преступника. Если нет, палач приводит приговор в исполнение... Но захватить Осаму живым и вывезти из Пакистана – это показалось слишком сложным.

Перед президентом Обамой стоял непростой выбор. Данных было недостаточно, но каждый день промедления означал риск: вдруг Осамы опять исчезнет? Где и когда удастся вновь нащупать его след? Другой вопрос: поймать или убить? Можно послать беспилотник с ракетой или бомбардировщик В-2, несущий бомбу с лазерным наведением. Но если Обама промахнется, его репутация сильно пострадает: он станет вторым Джимми Картером, который безуспешно пытался в 1980 году освободить заложников в Тегеране.

Собственно, беспилотники и были созданы для охоты на Осаму бен Ладена в 1990-е годы. Но Обама отказался от этой идеи. Во-первых, взрывная мощь ракеты невелика. Во-вторых: как убедиться, что ракета попала в цель? Пакистанцы наверняка не захотят сотрудничать и подтверждать, да еще обвинят американцев в смерти невинных людей. И, в-третьих, не будет доказательств, что Осамы мертв.

У США есть еще одна проблема – сохранение секретности, непростое дело в Вашингтоне. В американской столице и неделя – необычайно долгий срок. ЦРУ получило приказ выяснить максимально точно, Осамы это или не Осамы.

Но любая попытка уточнить информацию – опасна с точки зрения риска разоблачения. Беспилотники очень полезны, но вдруг один из них упадет, как это случилось в Иране, – и станет ясно, что американцы интересуются этим городом? Тем не менее запускали миниатюрные беспилотники – один из них даже был атакован орлом, принявшим его за птицу. Попытались провести генный анализ крови детей в этой местности, чтобы выявить родственников Осамы. Пакистанского врача, которому это было поручено, арестовали местные власти.

Тогдашний директор ЦРУ Леон Панетта и его заместитель Майкл Морелл поначалу считали, что операцию проведет их организация. Но в какой-то момент Морелл сказал Панетте: «Пора обратиться к профессионалам». Для кадрового разведчика это было очень болезненное, но реалистичное признание.

Задача ЦРУ состояла в том, чтобы найти объект. Остальное – дело военных. Выбрали самый надежный вариант – поручить ликвидацию террориста спецназу.

25 апреля 2012 года, за неделю до операции, на первой полосе «Нью-Йорк таймс» появились выдержки из тысяч страниц секретных американских документов, обнародованных сетевым проектом «ВикиЛикс». В том числе выдержки из допроса человека, который назвал курьера Осамы бен Ладена и пакистанский город – убежище Осамы. Если бы люди Осамы читали газету «Нью-Йорк таймс», они бы поняли, что американцам известна личность курьера, и к моменту появления спецназа дом Осамы был бы пуст...

В Пакистане было одиннадцать вечера, и Осамы уже лег спать. Команда в Джелалабаде состояла из двадцати трех бойцов и переводчика, для них выделили два вертолета МН-60 «Черный ястреб». Всех снабдили фотоснимками самого Осамы, членов его семьи и тех, кто мог оказаться в здании. Также они взяли с собой собаку, одетую в бронежилет. Примерно в одиннадцать вечера вертолеты взлетели с аэродрома в Джелалабаде. Через пятнадцать минут пересекли границу с Пакистаном.

Система противовоздушной обороны Пакистана на границе с главным врагом – Индией – всегда находится в состоянии боевой готовности, а на афганском направлении работает в

обычном режиме. Вертолеты остались незамеченными. Вертушки МН-60 были покрыты специальной эмульсией, снижающей вероятность их обнаружения. Двигатели работали тише обычного. Они шли очень низко над землей и достигли цели за полтора часа.

В час дня 1 мая 2012 года, в воскресенье, в ситуативной комнате Белого дома собрался «военный кабинет» Обамы. Был установлен канал связи с вице-адмиралом Уильямом Макрейвеном, который находился в Джелалабаде. А также линии связи с ЦРУ и оперативным центром в Пентагоне, где три десятка офицеров были готовы реагировать на любые неожиданности.

В комнату в Белом доме набилось много людей. Пришел руководитель Национального центра по борьбе с терроризмом Майкл Лейтер, за ним – вице-президент Джо Байден, министр обороны Роберт Гейтс, госсекретарь Хилари Клинтон. В два часа появился президент Обама со словами: «Я должен это видеть». Ему доложили о ходе операции.

Пояснения давал бригадный генерал Маршалл Уэбб, заместитель руководителя специальных операций, в голубой форме летчика. На мониторах отображалась картина, поступавшая с беспилотного самолета RQ-170, который на высоте двух миль кружил над пакистанским городом.

Вертолеты подлетели к городу с северо-запада. Один из вертолетов стал терять высоту, скорее всего из-за лишнего веса (результат его «невидимости») и более высокой температуры, чем предполагалось. Пилот все-таки посадил машину. Бойцы выскочили из вертолета без ущерба для себя.

Адмирал Макрейвен сказал: «Меняем план. Мои люди знают, что делать в этом случае».

Трое бойцов пробежали по полю и оказались в гараже, где Кувейти держал свой джип. Удивленный Кувейти высунулся из-за металлической двери, и получил две пули. Ранена в правое плечо была и его жена. Стреляли из оружия с глушителями.

Четверо спецназовцев патрулировали внешний периметр. Остальные восемь взорвали мощную стальную дверь – за ней оказалась кирпичная стена, но им открыли дорогу бойцы с первого вертолета.

Бен Ладен стал жертвой собственных мер безопасности. Его нельзя было увидеть с улицы. Но и он ничего не мог разглядеть со своего третьего этажа. Минут пятнадцать в полной темноте (ни света, ни луны) он просто ждал, видимо, парализованный страхом. В карманах у него было несколько сотен евро и два телефонных номера – на случай бегства. Но убежать он не мог. У него не было ни плана бегства, ни потайного хода. Он надеялся, что не будет найден либо что его заранее предупредят.

Трое бойцов вошли в основной дом. Бойцы тренировались на территории США, где была построена вероятная модель дома Осамы. Но что внутри – они не могли знать. Путь на верхние два этажа перекрывала массивная металлическая дверь. Ее взорвали.

Ночью 2 мая 2011 года обитатели хорошо укрепленного дома Осамы бен Ладена были внезапно разбужены звуком взрыва. Его двадцатилетняя дочь Мариам побежала на третий этаж к отцу, чтобы спросить, что происходит. «Иди вниз, – велел он, – и ложись». Жене Амаль сказал: «Не включай свет». Ненужное предупреждение. Кто-то, так и оставшийся неизвестным, вырубил электричество во всем квартале. Это дало американцам преимущество в ту безлунную ночь. А слова, сказанные жене, стали последними словами бен Ладена.

На втором этаже американцы заметили двадцатитрехлетнего сына Осамы. Один из спецназовцев окликнул его: «Халид!» Тот высунулся и получил пулю.

Осама бен Ладен отпер еще одну стальную дверь, которая открывалась только изнутри, и выглянул в коридор. Тут его и увидели. Он бросился назад, не успев запереть дверь. Бойцы ворвались вслед за ним. Амаль вскочила. Один из бойцов отбросил ее, опасаясь, что у нее

может быть пояс шахида. Второй в нее выстрелил. И она упала на матрас, где они спали с мужем.

Бен Ладен не сопротивлялся. В него всадили две пули – в голову и грудь.

Он часто говорил, что падет в бою, что не сдастся живым. В его комнате нашли пистолет и любимый АК-47. Все его оружие оказалось незаряженным. Он не собирался сражаться. Тело запихнули в пластиковый мешок. В вертолете мешок раскрыли и сфотографировали.

Когда операция завершилась, конспиративную квартиру в городе сразу очистили, аппаратуру сняли и вывезли, спутник переориентировали. Миссия была завершена.

25 февраля пакистанские власти распорядились снести его дом. За пару дней ничего не осталось от почти шестилетнего пребывания Осамы в этом городе.

Осама бен Ладен был лицом международного терроризма. Его смерть помешает оставшимся боевым группам Аль-Каиды финансировать теракты. Деньги в Южной Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке собирали «под бен Ладена». Основные суммы давали богатые люди из Саудовской Аравии, Кувейта, Катара, Объединенных Арабских Эмиратов. Смерть бен Ладена здорово напугала тех, кто посылает других убивать. Эти люди, как правило, трусоваты, берегут свою жизнь и не хотят умирать.

В 2006 году бен Ладен гордо заявил, что умрет свободным человеком. В реальности он умер в тюрьме, которую построил себе сам. Человек без родины, отрезанный даже от своих единомышленников, которых уверял, что массовые убийства – верный путь к власти. В последние месяцы своей жизни он видел на экране телевизора, как миллионы мусульман, от имени которых он действует, добились успеха, отказавшись от методов и идей Осамы бен Ладена.

Считается, что в последний год поддержка Аль-Каиды сократилась. Народные восстания в арабских странах показали, что мирные демонстрации позволяют добиться большего, чем кровавый террор. В Египте молодежь за несколько недель смогла совершить то, что в принципе недоступно исламистским радикалам.

Осама бен Ладен обещал победить американцев и проиграл. Однако Аль-Каида существует и действует – от Юго-Восточной Азии до Восточной Африки, уже без Осамы. И после уничтожения бен Ладена Соединенным Штатам больше нечего делать в Афганистане. Ведь военную операцию там начали ради того, чтобы наказать Осаму.

Сразу же после вступления в должность 20 января 2009 года Барак Обама провел заседание Совета национальной безопасности, посвященное ситуации в Афганистане и Пакистане. Прозвучало много пугающего. Обама сохранял хладнокровие, но его помощники, прежде не имевшие доступа к секретной информации, вышли после заседания потрясенные. Талибы действуют очень активно и в Пакистане, и в Афганистане. В Белом доме решили, что важнее всего избегать кровопролития, больших жертв – «центральноазиатской Вальхаллы», как выразился тогдашний министр обороны Роберт Гейтс. А главная цель американской администрации – снять с себя эту обузу, найти способ и повод уйти.

Если войска коалиции покинут Афганистан, не придется ли российской армии очень скоро вести боевые действия в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии, защищая союзников от талибов? Уж если талибы решат, что изгнали американские войска и одержали победу над Соединенными Штатами, в границах Афганистана они не останутся.

Первые исламские радикалы появились в XI веке. Они убивали не только христиан-крестоносцев, но и тех единоверцев, которых считали плохими мусульманами. С тех пор изменилось немного. Воинственные исламисты – это не экзотический феномен, а сменяющие друг друга мессианские движения. Они не хотят вести переговоры, им не нужны уступки. Для них убийство людей – не инструмент, а цель. Они хотят запугать и завоевать весь

мир. Для них характерны непримиримость, изобретательность и масштаб насилия, несравнимый с прошлым. Они всегда терпят неудачу. Но это не мешает появлению следующего поколения.

Все началось не сегодня... В Иране произошла Исламская революция. В Афганистане моджахеды атаковали советские войска. В Египте исламисты убили президента Анвара Садата. По всему миру проявился новый тип политического ислама...

С тех пор как в Иране в 1979 году пришел к власти аятолла Хомейни и создал теократический режим, воинственные радикалы стали использовать ислам как средство мобилизации своих сторонников против демократических стран.

Поскольку шииты на протяжении всей своей истории подвергались преследованиям, для них характерен культ мучеников. Это выражается в готовности к войне и к смерти во имя веры. В этой стране ислам был выкован в горниле древней персидской традиции. Мессианство тысячелетней Персии питало шиизм.

Иранский год идет от траура к трауру. Немногие праздники лишь оттеняют этот долгий тяжелый ход. Смерть и мученичество неразделимы. Именно из этого зловещего принципа рождается для шиитов драма человеческого существования. Их воспитывают в убеждении, что их долг – вести войну против неверных, священную войну в защиту находящегося в опасности ислама, предавая свое тело муке, жертвуя своей жизнью. Для них характерно презрение к остальному миру, к «неверным», за которыми не признается право на жизнь. Они убеждают своих единоверцев, что иудео-христианская цивилизация – злейший враг ислама.

«Наш долг – защищать ислам, – писал Хомейни. – Это совершенно необходимо, гораздо более необходимо, чем молитва или пост. Это такая обязанность, которая требует пролить кровь. Наша кровь не ценнее крови имама Хусейна, погибшего за ислам».

Весна на Ближнем Востоке и ее плоды

Иранский режим – нетипичное авторитарное правление, основанное на идеологической ортодоксии и следовании догмам в политической и частной жизни.

Аятолла Хомейни установил в стране жесткий режим с фантастическим по масштабам репрессивным аппаратом. Постоянно вскрываются заговоры и обнаруживаются вражеские шпионы, что дает повод уничтожать оппозиционеров и поддерживать напряжение в стране.

Но, как и в случае Советского Союза, теократическому режиму нужно для выживания нечто большее, чем грубая сила. Сохранение им власти зависит от способности пронизать, пропитать общество лицемерием. Обещание тегеранского режима гармонизировать плюралистические ценности с исламскими институтами напоминает знакомое нам понятие социалистической демократии.

Али Хаменеи велеречиво говорит: «Выборы – дар Аллаха». Но лицемерие безгранично. Вносить в избирательные списки только «проверенных» кандидатов – значит заботиться о честности выборов.... Обещать соблюдать права человека – и устраивать показательные процессы якобы с благословения Аллаха. Муллы говорят, что ничего не боятся, но боятся всего: собственных граждан, соседей, друг друга.

Исламская Республика Иран, как любое идеологическое государство, нуждается в гражданах, которые, может, и не верят в совсем уж абсурдное вранье, но готовы с ним мириться. Если все терпят ложь и лицемерие, общество становится конформистским и послушным.

Любопытно было пообщаться с иранскими коллегами в Тегеране.

Под стук компьютеров «Макинтош», которые пишут арабской вязью справа налево,

иранские журналисты сочиняли свои комментарии, ели соленый сыр с помидорами и прихлебывали чай. Снисходительно объясняли нам, что никто не указывает им, как писать. Они творят в соответствии со своим мировоззрением. Но их взгляды полностью соответствуют идеологии Исламской революции.

Мне это напомнило незабвенное выступление Михаила Александровича Шолохова на Втором Всесоюзном съезде советских писателей: «Злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии...» Шолохова-то наши иранские коллеги наверняка не читали, но сказали не хуже.

Глава крупнейшего журнально-газетного объединения «Кэйхан» Хусейн Шариатмадари втолковывал гостям из России: «Исламская революция отличается от всех революций тем, что идея нашей революции возникла с момента возникновения ислама, а идеи других революций появились с самими революционерами. И с ними исчезли. Наша революция – возвращение к тому, что было. В этом объяснение стабильности Исламской революции».

Споры о том, нужна или не нужна была Исламская революция, не ведутся. «Такой спор, – пояснил мне один образованный иранец, – может быть сочтен опасным для государства, и сомневающегося ждет суровое наказание». Тегеранская молодежь жалуется, что неосторожное высказывание может повлечь за собой ночной стук в дверь. А прогулка с девушкой – арест, если стражи революции обнаружат, что они не женаты. Диссидентов избивают, крамольные издания закрываются. Цензура жестокая.

В Иране есть свои диссиденты. Самый известный из них – профессор Абд аль-Карим Соруш. Он преподавал философию в Тегеранском университете и поставил под сомнение самое святое – уверенность духовенства в том, что оно имеет Аллахом данное право управлять страной.

Религиозные власти запретили профессору излагать свои воззрения. Он один из сотни иранских интеллектуалов, на мысли и мнения которых наложен запрет. Но никто не насолил властям так, как он. Главное состоит в том, что он не коммунист и не сторонник шаха. Он преданный мусульманин и участвовал в революции 1978–1979 годов. Но он разочарован правлением духовенства.

Профессор полагает, что религия божественна, но интерпретация религии – задача, которую исполняют человеческие существа. Оттого нет единого истолкования ислама. А если так, то как же может какая-то одна группа утверждать, что только она имеет монопольное право истолковывать ислам? Это прямой вызов концепции духовного вождя, закрепленной в конституции. Концепцию разработал аятолла Хомейни, еще находясь в изгнании.

Тегеранская интеллигенция напугана новой волной исламизации. Иранское духовенство проводит кампанию борьбы с либеральными тенденциями в научной и студенческой среде. Ретрограды радуются. Но в Иране что-то происходит. Оппозиция подрывает национальную дисциплину, утверждая, что король голый. Сила оппозиции в том, что она раскрывает идеологические подделки. Иранское государство предлагает своим полицейским приятную иллюзию своей правоты, уверяя их, что жестокие акции – исполнение велений Аллаха. Но элита расколота. Революционеры первого поколения и некоторые видные священнослужители присоединились к диссидентам, и органы безопасности не уверены в верности собственных кадров.

Иран не в состоянии герметически закупорить себя. Когда началась Арабская весна, в Тегеране вздрогнули. Арабская весна в суннитском мире в любом случае уже повлияла на позиции Ирана – никогда еще шиитское государство не ощущало себя таким одиноким. А это крайне болезненно для Тегерана, который приложил столько сил для распространения своего

влияния.

Вот очевидный пример. В 1990-е годы при распаде федеративной Югославии образовалась Республика Босния и Герцеговина. Соседи считают ее искусственным образованием, не имеющим права на существование. Ее населяют сербы, хорваты и босняки, исповедующие ислам. Создатель социалистической Югославии Иосип Броз Тито признал боснийских мусульман самостоятельной нацией, хотя сербы уверены, что босняки – это те же сербы, которым во время владычества Османской империи пришлось принять ислам. Хорваты точно так же убеждены, что босняки – это на самом деле хорваты-мусульмане.

Правительство Боснии и Герцеговины было сформировано мусульманской общиной республики. Сербы отказались участвовать в этих выборах и провели свои. Республику Босния и Герцеговина возглавил Алия Изетбегович, одно из главных действующих лиц югославской трагедии.

Изетбегович в юности увлекся исламом и вступил в организацию «Молодые мусульмане», которая стремилась к созданию всемирного исламского государства. Во время Второй мировой войны на территории оккупированной Боснии нацисты вербовали мусульманскую молодежь в добровольческие формирования войск СС. Занимался этим перебежавший к нацистам иерусалимский муфтий Хадж Амин аль-Хусейни. Он приехал из Берлина в Сараево и лично благословил мусульманские батальоны, сформированные для отправки на Восточный фронт, на войну с Красной армией. В дивизию СС «Ханджар» («Меч») завербовалось двадцать тысяч боснийских мусульман.

Алия Изетбегович агитировал других вступить в войска СС, но сам поступил в сельскохозяйственное училище. Это его спасло. После прихода к власти коммунистов боснийских исламистов, активно сотрудничавших с нацистами, расстреляли. Изетбеговича приговорили к трем годам тюрьмы, откуда он вышел в 1949 году.

Во второй раз его судили в 1983 году за «национализм и пропаганду ислама». Поводом, видимо, стало нелегальное распространение написанной им так называемой «Исламской декларации». Те годы стали временем возрождения ислама среди босняков. В социалистической Югославии распространение такого документа было тяжким преступлением. Приговор был очень суровым – четырнадцать лет тюремного заключения. Изетбегович просидел меньше шести лет и вышел на свободу, когда в Югославии начались перемены и политзаключенных выпускали.

За шестидесятистраничную декларацию, которая стоила Изетбеговичу свободы, его стали называть «мусульманским националистом». Но он скорее исламский фундаменталист, мечтавший о возвращении к чистому, неиспорченному исламу, что можно прочитать в его книгах «Ислам между Востоком и Западом» (1976) и «Проблемы исламского возрождения» (1981).

Изетбегович призывал к «распространению ислама на все стороны частной жизни людей, на семейную жизнь и на общественную, путем возрождения исламской религиозной мысли и создания единого исламского сообщества от Марокко до Индонезии». По мнению Изетбеговича, «ислам вправе самостоятельно управлять своим миром и потому недвусмысленно исключает право и возможность укоренения чуждой идеологии на своей территории».

В 1988 году Изетбеговича амнистировали. В 1989 году он предложил создать исламскую партию. В 1990 году она получила большинство мест на выборах в скупщину (парламент) Боснии и Герцеговины. В декабре 1990 года Алия Изетбегович стал первым президентом Республики Босния и Герцеговина.

Сербы не захотели жить под его властью. После того как сербские войска атаковали

боснийских мусульман, Алия Изетбегович обратился за помощью к исламским странам, прежде всего к Ирану. Тегеран с удовольствием откликнулся и спас босняков от полного поражения. Иран отправил военных советников в боснийскую армию, помог наладить собственное военное производство и поставлял оружие – в нарушение эмбарго ООН.

Первыми активность Ирана выявили специальные службы Хорватии. Они обнаружили на своей территории террористическую группу из соседней дружественной Боснии. Арестованные террористы рассказали на допросе, что работают на правительство Боснии и что их готовили иранские инструкторы. Они также поведали, что иранцы подготовили много таких боевых групп, а несколько десятков боснийцев пригласили учиться диверсионному делу к себе в Иран. По некоторым сведениям, на территории Боснии находилось примерно двести иранских инструкторов из Корпуса стражей Исламской революции.

В этой истории оказалось много непонятого. Почему иранские военные поставки остались незамеченными? Почему молчали Соединенные Штаты? Почему Москва ничего не предприняла?

Американская позиция стала известной после того, как резидент ЦРУ в Хорватии шифротелеграммой пожаловался в Вашингтон, что американский посол Питер Гэлбрейт участвует в операции по нелегальной доставке иранского оружия боснийским мусульманам.

Посол, разумеется, о шифровках не подозревал. Он узнал о них два года спустя – в ходе подготовки к слушаниям в конгрессе. Посол пришел к выводу, что резидент просто шпионил за ним. Возмутился и устроил скандал. Это наши послы привыкли, что за ними резиденты присматривают, а американские обижаются. И тогда бывший американский посол в Хорватии рассказал, как все происходило.

Так стало известно, что в 1994 году президент Билл Клинтон принял секретное решение не мешать иранцам в Боснии. Американские политики считали, что в противном случае Босния проиграет войну сербам и прекратит свое существование как самостоятельная республика.

Канал поставки иранского оружия боснийским мусульманам был организован через Хорватию в марте 1994 года. Хорватский президент Франьо Туджман задал вопрос послу Гэлбрейту: не станут ли американцы возражать? Посол запросил Вашингтон и получил ответ, одобренный президентом Клинтоном: скажите Туджману, что у вас нет инструкций на сей счет. Это был дипломатический способ ответить, что Соединенные Штаты мешать не станут. В этой ситуации дипломат и разведчик поменялись местами: дипломат участвовал в тайной и сомнительной операции, а разведчик возмущался, считая ее опасной, и пытался этому помешать.

Появление иранского оружия означало нарушение международного эмбарго. Но молчали все, включая Россию! В боснийской войне Россия душой была на стороне сербов. Но Москва не хотела ссориться и с Ираном.

Западные журналисты писали в те годы, что Евгений Примаков, тогда еще в роли главы российской разведки, ездил в Тегеран и наладил сотрудничество со спецслужбами Ирана. Как утверждают специалисты, иранским разведчикам была обещана новая спецтехника, включая аппаратуру подслушивания и помощь в обучении современным методам работы. Разведки России и Ирана подписали соглашение о взаимопонимании. Служба внешней разведки организовала шестимесячные курсы для иранских коллег в Москве.

Взамен Иран будто бы посулил освободить членов промосковской партии Туде, которые сидят в тюрьме несколько лет, и даже отправить их в Москву, если они того пожелают. Тегеран также обещал не вмешиваться в дела бывших советских республик и не влезать в чеченскую войну.

Утверждать можно только одно: несогласованность и эгоистичность великих держав идет

на пользу фанатикам и радикалам. В результате игр вокруг Боснии Иран получил то, чего хотел, – базу в Европе. В Боснии обосновались иранские спецслужбы, и иранцы тренировали боснийские спецподразделения. Иранцы проводили антизападные семинары в Боснии, открывали культурные центры и раздавали пропагандистские издания. Опрос общественного мнения показал, что девять десятых жителей Сараево благоприятно относятся к Ирану. Тегеран методично старался способствовать исламизации Боснии. Уже потом Соединенные Штаты пытались заставить Изетбеговича отказаться от иранской помощи. Но было поздно...

Иметь дело с иранскими политиками очень непросто даже для единоверцев. Два азербайджанских литератора – Фарид Гусейн и Шахрияр Гаджизаде – в конце апреля 2012 года приехали в Тегеран по приглашению одного иранского поэта. 2 мая в Тебризе их неожиданно арестовали.

Отношения Баку и Тегерана обострились из-за сообщений о том, что Азербайджан будто бы готов предоставить свои военные аэродромы для израильских самолетов. В Баку опровергли сообщение. Но в Тегеране соседям сделали выговор: «Мы советуем действовать таким образом, чтобы не задевать чувств людей». Представитель администрации президента Азербайджана ответил: «Вызывает удивление, что иранская сторона в своих заявлениях пытается нас в чем-то обвинить, но сама никак не хочет реагировать на ту антиазербайджанскую кампанию, которую она проводит в последние месяцы против нас. Было бы лучше, если бы Иран занялся проблемами своего многомиллионного азербайджанского населения, их обучения на родном языке...»

В Баку считают, что Тегеран хотел бы свергнуть Азербайджан со светского пути. Там готовят террористические группы для акций на азербайджанской территории. В конце мая 2012 года Иран отозвал своего посла. Это произошло после демонстраций протеста перед иранским посольством в Баку. А они, в свою очередь, начались после демонстраций перед консульством Азербайджана в Тебризе. Иран признает только одну форму отношений с другими странами – подчинение его воле.

Свергнуть фараона!

Революция пожирает не только своих детей, но и отцов – тех, кто ее совершил. Выходят на площадь и ложатся под танки одни. Власть, должности и богатство достаются другим. Революции начинаются с праздника, с веселья, иногда безоглядного, а заканчиваются часто – постыдным террором. И первые его жертвы – разочарованные и чудовищно обманутые в своих ожиданиях революционеры.

Революция напоминает гибель потухшей звезды. Взрыв рождает не новую галактику, а сгусток энергии. Когда праздник революции завершается и восторженная молодежь покидает улицы, вопрос не в том, кто одержал победу, – вопрос в том, кто воспользуется ее плодами.

Революция пробуждает невероятные надежды. Сбросив тирана, торжествующая толпа расходится в счастливой уверенности, что настало царствие свободы и справедливости. Но где и когда революция приводила к расцвету демократии?

Вот Ленин хорошо понимал, что главный вопрос всякой революции – это вопрос о власти. Зрителей много, актеров немало, а режиссер один. Главный вопрос – кому будет принадлежать власть. Или, как коротко и ясно выражался Владимир Ильич: «Кто кого?»

Может быть, сработал знакомый геополитикам принцип домино? Первая фишка, поставленная на ребро, падает, сбивая соседнюю, та роняет следующую – и так стремительно рушится весь ряд... Чем не метафора Арабской весны? Рухнул один режим – посыпались и другие. С пугающей быстротой меняется картина и без того взрывоопасного Ближнего Востока.

И до конца этой цепной реакции пока далеко.

Арабская весна – стремительное и кажущееся неожиданным свержение правителей, чья единоличная власть еще вчера считалась незыблемой, – остается загадкой. А не заговор ли это на самом деле, не попытка ли внешних сил взять под контроль богатейшие ресурсы этого богатейшего региона?

Президент Туниса бежал из страны. Президента Египта сместили и отдали под суд его же генералы. Вождя Ливии убили собственные сограждане. Президент Йемена передал власть законно избранному преемнику...

За год на Арабском Востоке перебрали все варианты смены власти. Но вот главный вопрос: каков результат? Чего добились те, кто хотел смести правящий режим? Либо чиновники, оставшиеся от прежних властителей, сохранили власть, либо ее захватывают радикальные исламисты, вызывающие, пожалуй, не меньший страх, чем силовики-генералы. Стоит ли овчинка выделки?

Колыбель Арабской весны – Тунис, известный в нашей стране в основном тем, кто ездит отдыхать в Северную Африку. Тунисский президент генерал Зин аль-Абидин Бен Али, два с лишним десятилетия единолично управлявший страной, первым утратил власть. 17 декабря 2010 года уличный торговец по имени Мохамед Буазизи, оскорбленный вопиющей несправедливостью и беззаконием, в полном отчаянии совершил самоубийство. Его чувства были близки и понятны множеству безработных тунисцев, неспособных кормить семью. Они в ярости вышли на улицы. Вспыхнуло восстание.

Президент Бен Али примчался к обгоревшему молодому человеку в больницу. Но было поздно... Центральная площадь Туниса теперь носит имя героя, который запалил революционный пожар, охвативший весь регион. Но арабский мир – и мир в целом – потрясли бурные события в Египте, самом значительном государстве Ближнего Востока.

Что вызвало возмущение и гнев молодых тунисцев, египтян, ливийцев? Коррупция, социальная несправедливость, высокая безработица, ущемление достоинства, то есть все пороки, свойственные несменяемой власти, которая работает в основном сама на себя. На фоне затяжного экономического кризиса революцию порождают неудовлетворенные ожидания и искушение сравнением: Интернет позволяет любому арабскому юноше увидеть, чем его жизнь отличается от жизни западного сверстника.

Президента Хосни Мубарака египтяне шепотом называли современным фараоном. Казалось, он прочно держит в руках власть и ему удастся, по примеру других ближневосточных правителей, передать президентский пост сыну Гамалю.

Так что это был еще и конфликт поколений – между надоевшими вождями и сидящими в Твиттере молодыми людьми. Престарелый президент с крашеными волосами и лицом, вылепленным пластическими хирургами, для молодежи – не авторитет, а объект злобных шуток. И Бен Али, и Мубарак, как и Муаммар Каддафи в Ливии, а Башар Асад в Сирии, слишком поздно осознали, что происходит. Оторванность от жизни своих подданных и склероз мешают единоличному властителю понять, что революция началась, пока восставшие не начнут осаду его резиденции.

В 1848 году князь Меттерних, австрийский министр, был настолько стар, что физически не услышал шум толпы, бушевавшей возле его дворца. С началом восстаний на Арабском Востоке несложно представить повторение одного исторического диалога. Властитель Ливии Муаммар Каддафи тоже, наверное, вопрошал, подобно королю Людовику XVI в Париже в 1789 году: «Что это? Мятеж?» – «Нет, сир, – следовал ответ. – Это революция».

Как предсказать революции, которые происходят без революционеров? В феврале 1917 года профессиональные русские революционеры были в эмиграции, в ссылке или состояли под

надзором тайной полиции. Ленин вовсе не ожидал свержения режима, когда император Николай II уже отрекся от престола. «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции», – с нескрываемой горечью сказал незадолго до этого Владимир Ильич, тосковавший в далекой Швейцарии.

Ныне эту спонтанность помогают подогревать Фейсбук и Твиттер, ускоряющие мобилизацию масс. Но не стоит преувеличивать роль технологических достижений. В 1848 году революция, напоминающая нынешнюю Арабскую весну, распространилась по Европе всего за несколько недель, хотя не было ни радио, ни телефона, не говоря уже об Интернете.

Когда восстание в Египте только начиналось, государственное телевидение рассказывало, что демонстрантов накачивают наркотиками, что ими дирижируют из Швейцарии и Израиля, раздают им наличные и бесплатно кормят жареными цыплятами из «Кентукки фрайд чикен»... Кто-то верил. А потом все больше египтян стали присоединяться к демонстрантам.

Хосни Мубарак пожертвовал правительством, отправив его в отставку. Сам уходить не собирался. Повторял: «Я – на стороне свободы, но как глава государства обязан уберечь страну от хаоса». Чтобы подавить восставших, пустил в ход силу. Восемьдесят четыре демонстранта были застрелены, задавлены боевой техникой или погибли из-за применения газа.

Увидев, что накал протестов не спадает, военные перестали поддерживать обреченного вождя. Армия заявила, что не станет стрелять в демонстрантов. Уже десятки тысяч собирались на площади Тахрир. Назначенный вице-президентом Омар Сулейман заявил, что Мубарак уполномочил его начать диалог относительно политической реформы. Но толпа уже не хотела переговоров с Мубараком.

А он, похоже, пребывал в уверенности, что демонстрации скоро утихнут. Несколько раз в стране уже вспыхивали волнения, но тогда ему удавалось сохранить власть. Но на сей раз протесты только ширились. 10 февраля новость распространилась по Каиру: Хосни Мубарак объявит об отставке. Но когда он появился на экранах – ни слова об уходе! Его слова вызвали новую вспышку гнева. И он не выдержал.

11 февраля 2011 года – после восемнадцати дней протестов – Мубарак сложил с себя президентские полномочия и уехал в курортное местечко Шарм-эш-Шейх. Власть перешла в руки Высшего совета вооруженных сил. Его возглавил министр обороны фельдмаршал семидесятипятилетний Мохаммад Хусейн Тантауи. В Каире начались народные гуляния.

По просьбам граждан стали переименовать улицы, здания, мосты, площади, названные в честь Мубарака. По данным министерства просвещения, в стране триста восемьдесят восемь школ носили имя Хосни Мубарака, еще сто шестьдесят были названы в честь его жены Сюзанны, а одна – в честь сына (и несостоявшегося наследника) Гамалья Мубарака. Портрет Мубарака висел в каждом правительственном здании, в каждом школьном классе и университетской аудитории. За несколько дней граждане сорвали портреты и плакаты. Для торжествующей толпы это были минуты счастья.

Деньги и лояльность

Почему одни диктаторы остаются при должности до смерти, а другим это не удается? Многие народы мечтают избавиться от надоевших властителей, но революции случаются нечасто. Когда люди уже выходят на улицы, возможность их разогнать и сокрушить революцию зависит от готовности властителя пролить кровь.

Чем цивилизованнее режим, тем легче его свергнуть. Так это произошло с иранским шахом в 1979 году и с Мубараком в 2011-м. Чем brutальнее режим, тем ожесточеннее он сопротивляется. Муаммар Каддафи держался до последнего. Его примеру следовал Башар

Асад. Иран подавляет любое выступление оппозиции, потому что не зависит от мнения западных стран, а иностранных журналистов может выставить из страны. Проще пролить кровь сограждан, если за действиями власти не следят камеры телекомпании Си-эн-эн.

Деспот сохранит власть, если сумеет облагодетельствовать свое окружение – высокопоставленных военных, сотрудников спецслужб, высших чиновников, членов своей семьи или клана. Главная их задача – безжалостно разгонять любую оппозицию. И они готовы исполнять эту миссию, когда их хорошо вознаграждают. Если же они отказываются подавлять народное восстание или перебегают к сопернику – властитель в беде. Поэтому успешные властители заботятся о своей команде. Пока команда уверена в своих привилегиях, режим неприступен. Как только возникают сомнения, у восставших появляется шанс.

Каких властителей предают? Неумелых новичков. Новенькие еще не знают, где взять деньги и чью лояльность нужно покупать в первую очередь... Еще большая опасность подстерегает обанкротившихся, дряхлых и немощных властителей. Если вождь слишком стар, слаб или болен, окружение понимает, что больше не может рассчитывать на привычные привилегии: из могилы он им точно не заплатит.

Да еще администрация Барака Обамы, убедившись в невозможности сохранить Мубарака у власти, давила на египетского президента, требуя его ухода. США ежегодно предоставляют Египту полтора миллиарда долларов помощи. Было сказано: если Мубарак не уйдет, денег не будет. Египетские военные заколебались: выходит, Мубарак становится ненадежным источником благополучия. И все! Властитель пропал...

Хосни Мубарак три десятилетия управлял страной, но ничего не сделал для ее демократизации. Как это бывает с авторитарными правителями, внезапно выяснилось, что его власть основана лишь на страхе: как только одни перестали его бояться, а другие отказались их убивать, режим рухнул. В демократической стране надоевшего президента бы просто переизбрали, и он с почетом удалился бы на покой. Мубарака же свергли, отправили на скамью подсудимых и потребовали казнить.

Главный враг

Три человека руководили Египтом в последние шесть десятилетий. Всех троих не раз пытались убить. И одного застрелили. Президенты менялись, а их враг оставался неизменным – «Братья-мусульмане». Наконец пробил их час. Те, кто охотился за Мубараком и убил его предшественника, близки к власти как никогда.

Президент Египта был ключевой фигурой в самом взрывоопасном регионе мира. Казалось, стабильность Ближнего Востока зависит именно от Мубарака. А его шесть раз пытались убить, но Мубараку везло. Его предшественника на посту президента Анвара Садата убили. С ним покончили картинно: расстреляли из автоматов и забросали гранатами во время октябрьского парада армии, которую он любовно пестовал.

Халед аль-Исламбули, старший лейтенант египетской армии, участвовавший в военном параде 6 октября 1981 года, остановил свой автомобиль прямо перед трибуной, где сидели руководители государства. Он бросил гранату и открыл огонь из автомата. У президента Египта не было шансов уцелеть.

На Западе многие тогда решили, что за убийством Анвара Садата стоит КГБ. Бывший госсекретарь Соединенных Штатов Генри Киссинджер уверенно сказал: «Не подлежит сомнению, что на Ближнем Востоке поднялась радикальная волна, подпитываемая советскими секретными службами...»

В реальности Анвара Садата застрелили соотечественники – радикальные исламисты.

Старший брат убийцы Мохаммад входил в руководство крупнейшей египетской террористической организации «Аль-Джамаа аль-Исламия». После прихода талибов к власти в Кабуле Мохаммад перебрался в Афганистан. Мать убийцы нашла убежище в Иране, где к ней относились как к матери героя – в Тегеране в честь аль-Исламбули даже назвали улицу (из-за того, что в Иране чтят убийцу Садата, Египту так не хотелось восстанавливать отношения с Ираном). Потом она обосновалась у старшего сына в Афганистане.

Те же люди, которые убили президента Садата, охотились на его преемника Мубарака. Это они подстерегали египетского президента возле аэродрома Аддис-Абебы. Пятерых террористов тогда убили. Трех схватила эфиопская служба безопасности. Выяснилось, что это боевики той же самой «Аль-Джамаа аль-Исламия». Боевой опыт они приобрели, воюя вместе с моджахедами против советских войск в Афганистане.

Духовный лидер этой организации был арестован в Египте. Несколько лет провел в заключении. Потом рассказывал американским журналистам, что в египетских тюрьмах пытаются электричеством, раскаленным утюгом, натравливают на узников голодных собак, подвешивают к потолку, избивают палками и насилуют – чтобы дополнительно унижить заключенных.

Репутация египетских тюрем известна. Бывший сотрудник американской разведки, служивший на Ближнем Востоке, вспоминал: «Есть неписаное правило: если нужно разговорить подозреваемого – отправляйте его в Иорданию, а если нужно, чтобы человек исчез, – отправляйте его в Египет. Вы никогда его больше не увидите».

Пытки и унижение заключенных превратили египетские тюрьмы в кузницу террористических кадров, которые жаждут мести, а убийство врагов называют восстановлением справедливости.

«Братья-мусульмане»

Именно в Египте, еще в 1928 году, появилось первое современное исламистское движение – «Братья-мусульмане». Его цель – создание всемирного исламского государства, халифата. «В исламе религия неотделима от государства, от политики, – говорил духовный вождь „Братьев-мусульман“ шейх Хасан аль-Банна. – Истинный мусульманин не тот, кто только молится Аллаху. Мы обязаны жить проблемами всего мусульманского мира и бороться за то, чтобы окружающее общество жило по шариату, а единственной конституцией был Коран».

«Братья-мусульмане» охотились на руководителей Египта. Хасан аль-Банна потом пытался доказать, что не имел к этому отношения. Но оправданиям не поверили. План его устранения был одобрен правительством. Его убили в перестрелке в центре Каира.

Смерть духовного вождя движения не остановила волну насилия в стране. «Братья-мусульмане» нападали на полицейские участки, взрывали ночные клубы, охотились на христиан. Египетские власти оказались не в состоянии контролировать странный мир секретных обществ, полувоенных организаций и религиозных фанатиков.

Не получилось это и у англичан, пытавшихся влиять на Египет. Руководитель ближневосточного направления британской разведки МИ-6 Джодж Янг невысоко оценивал арабов: «Ключевые черты их характера – это страсть к разрушению. Самый приятный звук для арабского уха – это звон разбиваемого стекла. Самое приятное зрелище – вид человеческих страданий».

Злейшим врагом исламистов был Гамаль Абдель Насер, который с 1954 года руководил Египтом. Когда офицеры в 1952-м свергли короля, молодой и честолюбивый президент повел страну по социалистическому пути. Исламские радикалы дважды пытались его убить, и он

бросил тысячи «братьев-мусульман» в тюрьмы, где многих замучили до смерти.

После внезапной смерти Насера в 1970 году страну возглавил Анвар Садат. Он не разделял социалистических убеждений Насера, и ему не нравился чересчур тесный союз с Москвой. Садат, придя к власти, выпустил из тюрем оставшихся в живых «братьев-мусульман» и даже назначил им пенсии. В юности он был знаком с шейхом Хасаном аль-Банной. Садат бывал на его еженедельных проповедях, которые аль-Банна читал каждый вторник после вечерней молитвы в пригороде Каира.

Но «братья-мусульмане» вовсе не испытывали благодарности к Садату, считая, что он не следует исламским установлениям. Упреки фундаменталистов Садат воспринимал хладнокровно. Он был не менее набожным, чем богатые ханжи из Саудовской Аравии, которые даже во время поста умудрялись захаживать в увеселительные заведения Каира.

Садат в какой-то степени даже симпатизировал фундаменталистам, считая их полезными в противостоянии левым и социалистам. Но он не понял, что именно эти люди, готовые без колебаний пожертвовать жизнью, не простят ему мира с Израилем. 26 марта 1979 года в Вашингтоне египетский президент подписал первый договор между еврейским государством и арабским. Отказ Садата воевать против Израиля до полного уничтожения еврейского государства возмутил исламистов. Для них не было худшего преступления. «Братья-мусульмане» убивали и за меньшие грехи.

Но его смерть не привела к большим переменам в политике Египта. Анвар Садат удачно выбрал себе преемника. Генерал Хосни Мубарак прославился во время Октябрьской войны 1973 года. Он командовал военно-воздушными силами Египта, которые впервые на равных сражались с израильской авиацией.

Египетские власти пытались балансировать. Когда в 1970-е годы они поддержали исламистов, считая их оплотом против левых, исламские радикалы под лозунгом «Ислам – это ответ» взяли вверх во многих общественных организациях, в том числе студенческих, прошли в парламент, проникли в армию и даже в полицию.

В начале 1990-х правительство Хосни Мубарака перешло в контрнаступление. Начались массовые аресты радикальных исламистов. Военные трибуналы выносили им смертные приговоры. Один каирский судья констатировал, что некоторые радикально настроенные священнослужители нуждаются в психиатрическом лечении. Судья заявил, что в стране эпидемия религиозного экстремизма: несколько психически больных людей решили, что Аллах поделился с ними своей властью карать и миловать людей.

Правительство присматривало за священнослужителями. Египтяне привыкли последние десять дней месяца Рамадана молиться, спать и есть вместе в мечетях. Это было запрещено. Министерство по религиозным делам контролировало все шестьдесят семь тысяч мечетей Египта, потому что они превратились в политические ячейки, играли роль не только коллективного агитатора, но и организатора.

Отсюда в пятницу произносится проповедь, и это ключевой момент общения проповедника с исламской массой. Как правило, государство желает знать, что именно говорит проповедник, поэтому в большинстве исламских стран соответствующее министерство просматривает и утверждает текст проповеди.

В египетском обществе шли споры. Одни полагали, что умеренным «Братьям-мусульманам» стоит предоставить больше возможностей для легальной политической деятельности – это отвлечет молодежь от экстремистов. Другие считали, что их опасно недооценивать: вместе с вооруженными экстремистами они представляют собой два крыла единого движения, намеренного захватить власть.

Хосни Мубарак подавлял не только радикальных исламистов, что многим казалось

разумным, но и вообще оппозицию – в первую очередь демократическую. За критику правительства сажали в тюрьму. Выборы фальсифицировались. Тем самым президент добился обратного тому, чего желал: он усилил влияние исламистов в обществе, которое прежде не было таким уж религиозным. А репрессии не позволили окрепнуть демократическим кругам, которые бы противостояли радикалам.

Семья на скамье подсудимых

Падение Хосни Мубарака было высшей точкой Арабской весны. 13 апреля 2011 года бывший президент и его сыновья Гамаль и Алаа были арестованы. В мае следователи задержали и семидесятилетнюю жену Мубарака Сюзанну, потому что коррупция невиданно обогатила семью президента и его друзей.

Через полгода бывший президент оказался в суде. Его доставили в зал заседаний на госпитальной каталке. Обвинение не сумело представить прямые доказательства того, что Мубарак приказал стрелять в демонстрантов. Но потребовало признать его виновным – он отвечал за все в стране – и приговорить к смертной казни через повешение. Мубарак не признал своей вины и отказался от последнего слова.

Мубарак – первый властитель в регионе, попавший за свои деяния на скамью подсудимых. Эта картина вдохновила арабскую молодежь. Никто не верил, что это станет возможным.

Есть ли смысл в таких процессах? Опыт показывает: в странах, переходящих от авторитарного правления к демократическому, суд над нарушителями прав человека помогает избавиться от трагического наследия.

После Нюрнбергского процесса над нацистскими военными преступниками и до 1990-х годов практически не было возможности заставить глав государств и высших чиновников ответить за нарушения прав человека. Но в последние два десятилетия вероятность быть наказанным выросла. И новые вожди стараются быть осторожнее. Страх наказания – и позора – несколько сдерживает.

В Латинской Америке молодые военные помнят, что в Аргентине посадили восемьдесят одного человека, а в Чили – шестьдесят шесть – за преступления, совершенные в годы военного правления. Не потому ли военные перевороты на континенте стали реже?.. Впрочем, президент Сирии Башар Асад из суда над Хосни Мубараком сделал, скорее, противоположный вывод: главное – не позволить посадить себя!

Башар Асад упустил обе возможности. И подавить мятеж в зародыше, и уладить дело миром. Год в стране шли демонстрации! Но президент Сирии не соглашался на политические реформы и сделал неумелый шаг навстречу восставшим, когда в стране уже запылала гражданская война.

Его отец военный летчик Хафез Асад взял власть в стране в ноябре 1970 года. Это был двадцатый по счету переворот в Сирии. Своего предшественника Салаха Джадида он упрятал в тюрьму, где тот умер, проведя в заключении двадцать три года. Асад правил страной дольше любого из своих предшественников. Ни одно решение не принималось без его согласия. Подчиненные боялись брать ответственность на себя, опасаясь не угодить хозяину.

Асад стал считать себя чем-то вроде Бога, и сирийцы должны были поклоняться ему, как северные корейцы поклоняются династии Кимов. В 1989 году, когда в Дамаске президент прибыл на торжества во Дворец съездов, на площади сирийские девочки выстроились вокруг него, образовав фигуру в форме сердца. Довольный Асад оказался в центре этого живого сердца, и девочки склонились перед ним. Это походило на поклоны верующих во время

МОЛИТВЫ.

Хафез Асад считал, что только он один способен управлять страной, на худой конец – его сын. У него было четверо сыновей. В наследники он прочил старшего – Басиля. Но тот разбился на своем «мерседесе» 21 января 1994 года. Для Басиля устроили специальную усыпальницу, охраняемую службой безопасности. К усыпальнице свозили паломников. Двое других сыновей на пост главы государства не годились: Махер считался крайне вспыльчивым, Меджид вроде бы замешан в наркоторговле... Отец остановил выбор на Башаре. Офтальмолог по специальности, он практиковал в Лондоне.

Хафез Асад вернул сына на родину и заставил учиться военному делу. Поначалу Башар не занимал постов в правительстве и правящей партии. Но на место молодого офтальмолога в жизни страны указывали плакаты, установленные по всему городу: «Башар – это надежда». Чаще всего их рисовали вместе – престарелый президент, покойный сын Басиль и второй сын Башар.

Расчищая ему дорогу, Хафез Асад освободил от должности вице-президента своего брата Рифаата, который сам рассчитывал со временем возглавить страну. Рифаата отправили подальше от Сирии – в Швейцарию.

Хафез Асад умер 10 июня 2000 года. Уходя из жизни, сумел передать власть своему сыну Башару. Сирийский парламент даже изменил конституцию – снизил возрастной ценз для кандидата в президенты с сорока лет до тридцати четырех. Именно столько было тогда Башару Асаду. Заодно ему присвоили звание генерала.

Сирия – небогатая страна. Две трети бюджета страны Хафез Асад, охваченный ненавистью к Израилю, тратил на армию. Сирия – крупнейший покупатель российского оружия. Платить Асад не любил. В 1990-е годы Москва даже прекратила поставки, пока Сирия не пообещала вернуть долги. По количеству танков сирийская армия уступала только России, Соединенным Штатам и Китаю. У Сирии было больше самолетов и ракет, чем у любого другого арабского государства. Тем не менее Асад проиграл все войны, которые вел. В отличие от Египта и Иордании не пожелал пойти на переговоры с Израилем и не смог вернуть Голанские высоты.

Во время секретных переговоров с госсекретарем США Уорреном Кристофером премьер-министр Израиля Ицхак Рабин сказал, что готов рассмотреть возможность отхода к границам 1967 года, если президент Сирии Хафез Асад согласится на другие израильские условия. Рабин указал Кристоферу предел, до которого может пойти на переговорах, чтобы госсекретарь мог обсуждать с Асадом какие-то перспективы как бы от своего имени. Это позволяло готовить прямые переговоры.

Затем премьер-министр Израиля Эхуд Барак хотел начать переговоры с Сирией. Через посредников дал понять Сирии, что готов к большим уступкам, чем его предшественники. Хафез Асад мог тогда подписать мир и получить если не все, что хотел, то многое. Но сирийский президент не пожелал договариваться. Мир с Израилем как таковой Асаду не был нужен. Его интересовало только возвращение Голанских высот, потерянных в проигранной арабами войне 1967 года.

В те годы ни один крупный политик не мог позволить себе игнорировать Сирию. Каждый дипломат, совершавший поездку по Ближнему Востоку, делал остановку в Дамаске, чтобы переговорить с президентом Асадом. Но если он подпишет мир с Израилем, выведет войска из Ливана, должно быть думал Асад, то роль его страны в международной политике уменьшится. Сирия превратится в провинциальное малозначимое государство. Возвращение Голанских высот – слишком низкая плата за такой урон. Шимон Перес остроумно заметил: «Асад развелся с войной, но не вступил в брак с миром. Асад – стратегический холостяк».

Думаю, у Асада был и другой мотив избегать переговоров с еврейским государством.

Помню впечатление, оставшееся от Сирии. Была только одна тема, в которой сходились все сирийцы: Израиль – враг. От изощренного интеллектуала до простого крестьянина все твердили, что сионизм – зло. Это универсальная тема. Те, кто не любил Хафеза Асада, утверждали, что сионисты его и посадили на пост президента. Потому-то Асад и утратил Голанские высоты – ему заплатили несколько миллионов долларов.

Хафез Асад больше других арабских лидеров беспокоился о собственной безопасности. Его лимузин сопровождали грузовики с солдатами и многочисленные сотрудники службы безопасности в штатском. Армейские подразделения располагались вдоль дороги, по которой он ездил.

Я приезжал в Сирию вместе с телевизионной группой. Дамаск казался провинциальным городом. Мало людей на улицах. Много военных объектов и солдат. Много портретов Хафеза Асада и его сыновей – покойного Басиля и нынешнего президента Башара. Снимать в Дамаске было крайне трудно. Нас сопровождал специально выделенный работник госбезопасности. Он говорил, куда можно направлять телекамеру, а куда нельзя. Но его разрешения оказалось недостаточно. На каждой улице как из-под земли вырастали местные сотрудники госбезопасности, и выяснялось, что нельзя снимать и то, что разрешил наш сопровождающий. В конце концов нам вообще запретили снимать.

В стране пятнадцать различных спецслужб и несколько тысяч политических заключенных. пытки и массовые расстрелы – в порядке вещей. Организованной оппозиции, разумеется, не существовало. Враждебные надписи на стенах соскабливались секретной полицией. Люди жаловались, но только в домашней тиши.

Новый президент Сирии Башар Асад поехал в Москву. Как и отец, – за деньгами. Он добился списания трех четвертей сирийского долга – это десять миллиардов долларов. Но молодой Асад продолжал выбрасывать деньги на оружие, тогда как сирийцы ждали от него улучшения жизни.

Его отец правил железной рукой. Рядом со своими ближневосточными коллегами походил на опытного хирурга в окружении коновалов. Знал, когда надо братья за оружие, а когда стоит поладить с противником. Его сыну эти дарования не передались. На англичан, которые с ним когда-то работали, Башар Асад производил впечатление скромного, мягкого и тихого человека.

У Башара Асада тесные отношения с молодым королем Иордании Абдаллой, который тоже учился и в Англии, и в Соединенных Штатах. «Мы ходили в одни и те же школы, смотрели те же фильмы, обедали в одних и тех же ресторанах, – говорит Абдалла. – Это то преимущество, которого были лишены люди старшего поколения. Наши взгляды на мир одинаковы».

Но иорданский король чутко реагирует на настроения подданных, поэтому страна опережает другие арабские государства в проведении политических реформ. Военное положение отменено, политзаключенных выпустили, политические партии легализованы, появилась свободная пресса. Иордания движется в сторону пусть и ограниченной, но демократии. А вот Башар Асад ничего не хотел менять. И тем самым уступил политическое поле своим врагам.

Большинство сирийцев – сунниты. Династия Асадов – выходцы из небольшой общины алавитов, близкой к шиитам. Алавиты вместе с шиитами считают, что Али должен был наследовать пророку Мохаммаду. Поэтому иранцы им покровительствуют.

Пять столетий, пока страна управлялась Оттоманской империей, алавиты жили в горах и оставались бедным меньшинством, презираемым суннитами. Впрочем, женщины-алавитки считаются очень красивыми. Богатые ливанские и сирийские семьи брали юных алавиток в

услужение.

Франция, управлявшая Сирией, поощряла набор в армию представителей национальных и религиозных меньшинств. Сунниты не хотели, чтобы их сыновья шли в армию и служили колонизаторам. Зато алавиты охотно надевали военную форму и постепенно заняли высокие посты. Две трети офицеров, все командиры дивизий – алавиты. Они же руководят политической работой в войсках, пропагандируя полководческое искусство пророка Мохаммада и победоносные войны, которые «принесли свет ислама невежественным народам».

Поражение алавитов изменилось в 1960-е годы, когда они заняли ведущее место в правящей партии Баас. Сирийская элита – это алавиты. Отец нынешнего президента повсюду расставлял алавитов, многие из которых связаны с ним родственными отношениями. Алавиты, составляющие всего процентов десять-двенадцать населения, заняли ключевые позиции в правящем аппарате и спецслужбах. Но для большинства населения – суннитов – они остаются еретиками, и с ними нужно вести священную войну.

Алавитов не считают своими ни сунниты, ни шииты. Но сунниты относятся к ним с презрением, безразличием и ненавистью. Для суннитов алавиты – секта еретиков.

А вот духовный вождь ливанских шиитов Муса аль-Садр сыграл важную роль в судьбе Асада. Муса издал фетву, в которой говорилось, что алавиты – это шииты, что поддержало Хафеза Асада. И в современном Иране приравнивали алавитов к шиитам. Так что крушение режима Асада оставит алавитское меньшинство в руках обозленных и жаждущих сквитаться за все суннитов, что может привести к настоящему истреблению алавитов.

Радикально настроенные сунниты не раз восставали против алавитского господства. В 1982 году в городе Хама они расстреляли представителей городского руководства и захватили власть. Тогда в город ворвались части специального назначения во главе с младшим братом президента Рифаатом Асадом. Войска давили демонстрантов танками. Погибло, по разным источникам, около двадцати тысяч человек. Для захоронения трупы утрамбовывали бульдозерами. Там осталось мало следов катастрофы. О ней напоминают, как ни странно, новенькие дома в пригородах и переизбыток статуй Хафеза Асада.

Асад как-то сказал, что Горбачев совершил историческую ошибку, имея в виду, что сам он никогда не позволит какой-то гласности и демократии лишиться его поста. Этому он учил и своего сына-наследника. И что в результате? Репрессии, жестокое подавление антиправительственных выступлений, когда погибли тысячи людей, невероятно ожесточили нравы. «Братья-мусульмане» жаждут мести. Президента Сирии преследует страх перед тем, что они придут к власти.

Официально «Братья-мусульмане» отрицают свою причастность к политической жизни, говорят, что их задача – «нести религию в массы, воспитывать молодое поколение в духе ислама и внушать молодежи безразличие и неприязнь к светской жизни».

Но в Сирии им многое не нравилось. Например, созданная Хафезом Асадом Женская военная академия. Обучающиеся там девушки красят губы, не отказываются от маникюра и золотых украшений. Нечто подобное было только в Ливии, где охрана Муаммара Каддафи состояла из женщин. В Сирии женщины наслаждаются редкой для арабского мира свободой. Это неприемлемо для исламистов. В различных составах кабинета министров бывали женщины-министры, есть женщины-депутаты, женщины-дипломаты.

Асад основал женскую академию в 1981 году. Каждый год там принимают семьдесят пять курсанток для трехлетнего обучения. Академия выпускает специалистов по средствам связи и электронике (освобождая тем самым мужчин для службы в боевых частях). Подъем в шесть утра. Три часа физической и стрелковой подготовки, затем занятия в классах. В академии изучают три иностранных языка. Английский учат специалисты по компьютерам. Иврит –

связисты, которые будут перехватывать израильские переговоры. Русский – специалисты по административной службе.

В стране, где у девушек из бедных семей перспектив немного, академия открывает возможность для хорошей карьеры. Им предоставляется отпуск по беременности, детский сад – бесплатный, что позволяет выпускницам академии выходить замуж и рожать детей, не оставляя службу. Большинство курсанток – из северо-западного района страны, откуда родом Хафез Асад. Им постоянно напоминают, кому они обязаны своей счастливой жизнью.

«Братья-мусульмане» ставят перед собой задачу захватить власть в каждой отдельной арабской стране, чтобы в конечном итоге образовать единое исламское государство. Скажем, в Сирии численность этой глубоко законспирированной организации – еще до начала волнений – превышала пятнадцать тысяч человек. А боевые структуры «Братьев-мусульман» уже тогда насчитывали две с лишним тысячи боевиков. Это физически подготовленные и фанатично настроенные молодые сирийцы. Военно-диверсионную подготовку они прошли на территории Ирака, который был на ножах с Сирией.

Когда-то отец нынешнего президента Хафез Асад нанес им тяжкий удар, почти раздавил. Тогда, в начале 1980-х, исламисты ушли в подполье. Они взрывали нефтепроводы, опоры линий электропередачи, связывающих Евфратскую плотину с Дамаском. В городе Хомсе пытались взорвать нефтеперерабатывающий завод, направив в него автомашину, начиненную взрывчаткой.

Ненависть к безбожному Советскому Союзу трансформировалась в теракты, направленные против построенных с советской помощью объектов. В 1980-е годы от рук исламистов погибли девятнадцать советских специалистов, работавших в Сирии.

А другие «братья-мусульмане» вошли в Баас – Партию арабского социалистического возрождения, которая в конституции названа «руководящей силой в обществе и государстве». Несколько бывших «братьев-мусульман» добрались до крупных государственных постов. Они же широко внедрились в армию, потеснив там алавитов. В последние годы в ее высшем командном составе выросла прослойка бывших членов «братьев-мусульман». Разве они в душе лояльны Башару Асаду?

Ошибка полагать, что мертвые молчат. В Сирии они продолжают говорить, как минимум по телефону. «Это последние слова наших героев», – говорят активисты сирийского сопротивления, которые смело и откровенно беседуют по телефону, не боясь сотрудников госбезопасности. Они пользуются сим-картами убитых. Во второй раз их уже не убьешь.

То, что начиналось в 2011 году как мирные манифестации за демократию и реформы, превратилось в войну, развязанную сирийским режимом против собственного народа. Месяц за месяцем сирийцев избивают и убивают. Тысячи были убиты, десятки тысяч исчезли. С осени 2011 года восставшие стали отвечать огнем на огонь. Счет жертв пошел на десятки тысяч.

Сирийские спецслужбы соревновались между собой в свирепости, но не могли погасить возмущение. Подавлением мятежников занялся элитный 4-й механизированный дивизион Национальной гвардии Сирии, которым командует брат президента Махер Асад. Восставшие города окружали, отключали там воду, газ, электричество и телефонную связь. Потом обстреливали из танковых пушек и гранатометов целые кварталы. Одни и те же части перебрасываются из района в район. Не всем можно доверять, не все готовы стрелять в народ. Началось дезертирство, солдаты и офицеры переходят на сторону восставших.

Осенью 2012 года командование вооруженных сил Ирана обещало, что не позволит «врагу вторгнуться в Сирию», хотя пока что Тегерану нет нужды напрямую вмешиваться в ход боевых действий...

Зато командование Корпуса стражей Исламской революции подтвердило, что иранцы уже

сражаются вместе с сирийскими правительственными войсками. Один из руководителей корпуса Исмаил Гаани в интервью иранскому информационному агентству сказал: «Без нашего присутствия жертв в Сирии было бы гораздо больше. Оппозиционеры убивали слишком много людей. С тех пор как исламская республика установила в Сирии свое физическое и не физическое присутствие, массовую бойню удалось предотвратить».

Интервью быстро убрали с сайта. Но известно, что Кассем Солеймани, командир спецподразделения Корпуса стражей Исламской революции, включен в состав сирийского правительства и занят борьбой с оппозицией.

В соседнем Ливане шииты составляют тридцать пять процентов населения. Они поддерживают алавитов Сирии. Сунниты и христиане в Ливане – против режима Башара Асада. Боевики шиитской Хезболлы сражаются в Сирии на стороне правительственных войск. И уничтожают тех, кто на стороне сирийской оппозиции. Пытались поджечь телеканал, где выступают против Башара Асада. На севере страны солдат-шиит расстрелял шейха, который собирался участвовать в митинге сирийской оппозиции. Одного политика-христианина пытались застрелить, другого взорвать – за критику Асада.

Иранские вожди с помпой принимали высоких гостей из Сирии, выражая твердую уверенность в победе правительственных войск над «террористами, которых засылают некоторые державы». Иранское телевидение объясняло зрителям, что Саудовская Аравия и Катар исполняют волю США и Израиля, засылая террористов в Сирию. Хотя иранские оппозиционеры недоумевали: какой смысл поддерживать режим, который скоро исчезнет? Бывший министр иностранных дел Ирана Ибрахим Язди в декабре 2012 года сказал: «Сирийская армия на грани коллапса, крушение Башара Асада неминуемо, потому что сирийские власти реформам предпочли кровопролитие».

По правде сказать, иранские власти не слишком дорожат самим Асадом и готовы с ним распрощаться, но хотели бы сохранить армию и аппарат госбезопасности, чтобы Сирия оставалась опорой антиизраильской войны. «Иначе, – опасаются в Тегеране, – от нашего антиизраильского фронта ничего не останется».

Тегеран, конечно же, не хотел утратить важнейшего – и едва ли не единственного союзника. Ситуация на Ближнем Востоке изменилась в пользу исламистов, но не в пользу Ирана. Иранцам не на что рассчитывать, и они пытались сохранить хотя бы то, что имели.

Для Ирана режим Башара Асада – естественный союзник. Для Саудовской Аравии, Кувейта и других нефтегазовых монархий Персидского залива ось Тегеран – Дамаск неприемлема и должна быть разрушена. Судьба Арабского Востока зависит от трех ключевых стран – Египта, Саудовской Аравии и Ирана. Но небольшие страны могут быть ключом к крупным. Сирия в определенном смысле – сердце арабского мира. Революция в Сирии способна привести к взрыву в Иране и освободить Ливан от Хезболлы.

Надежды Ирана на ведущую роль в регионе были связаны с возможностью влиять на события на Ближнем Востоке. Сердцевиной была привлекательность иранской революционной модели – подлинно исламского правления. Но суннитские страны Арабского Востока строят новые системы на более широкой поддержке населения, и репрессивная шиитская модель не слишком привлекательна для арабской молодежи.

В Тунисе лидер правящей партии извинился перед сирийским народом за то, что представители ливанской Хезболлы были приглашены на партийный съезд. Хезболла долгое время была иранским инструментом завоевания арабских сердец. Но превратилась в свою противоположность, потому что ее духовный вождь шейх Хасан Насралла однозначно поддерживал режим Башара Асада.

На севере Йемена иранцы помогали шиитам-повстанцам, пока йеменское правительство

не сообщило, что раскрыта и уничтожена иранская шпионская сеть, которой руководил офицер Корпуса стражей Исламской революции. В Тегеране, стараясь погасить скандал, попытались от всего откреститься. Но йеменский президент отказался встречаться с иранским посланником.

Попытки устроить шиитский вариант Арабской весны в Бахрейне, Кувейте и на востоке Саудовской Аравии потерпели поражение. Еще одно унижение для Ирана – ХАМАС его бросил. Каждое поражение Ирана – успех Саудовской Аравии. Саудовские газеты пишут, что иранская «раскольническая, расистская и дискриминационная политика» в регионе потерпела полный крах.

Жажда реванша

В Египте десять миллионов христиан, в основном это копты, старейшая община на Ближнем Востоке. При Мубараке к коптам относились неплохо, хотя обычные предрассудки сохранялись – их старались не пускать в университеты, полицию и на государственную службу. А теперь коптские церкви жгут, коптов убивают.

Рассказывают о похищении и насильственном обращении в ислам коптских девушек. За роман с мусульманкой одному юному копту отрезали ухо. Все это разрушает репутацию исторически космополитического Египта и красивый образ революции. И теперь кто-то уже с грустью вспоминает Мубарака: при нем было спокойно и безопасно.

Представители среднего класса и образованные люди десятилетиями покидали страну. После революции, которая, казалось, должна была сделать жизнь в ней более комфортной, желание уехать только усилилось. Египет – после Мубарака – отталкивает и выталкивает именно тех, в ком страна больше всего нуждается. Стоило ли затевать революцию, если становится еще хуже, а к власти рвутся радикалы, исламисты?

Но разве могло быть иначе? Кто еще мог прийти к власти в стране с авторитарным режимом, где не было глубоких демократических традиций? То же самое произошло в Иране. Исламская революция была не прорывом вперед, а откатом назад. Это была реакция древней культуры, силу которой никто не понимал, на модернизацию.

Движущей силой иранской революции тоже было демократически настроенное студенчество. Но плоды победы над шахом достались другим. Аятолла Хомейни сначала дал им власть, позволил развернуться, а потом убрал с помощью Корпуса стражей Исламской революции. Студенческих вождей поставили к стенке. Руководителей левой партии Туде перед расстрелом заставили публично «сознаться» в том, что они советские шпионы. Оппозиция была уничтожена.

Кто добрых шесть десятилетий находился у власти в арабском мире?

В 1949 году произошел первый военный переворот в Сирии, в 1951 – убили короля Иордании, в 1952 – офицеры взяли власть в Египте... На Ближнем Востоке пришли к власти националистически настроенные военные. Это тоже была своего рода революция. Арабский мир отказывался от колониального прошлого, от монархий, от старых режимов, чтобы с помощью модернизации и социализма вернуть утраченное самоуважение и добиться социальной справедливости.

Говорят, что в арабском мире больше нет сильных и ярких лидеров, у власти посредственные политики. Но яркие лидеры раз за разом ввергали арабский мир в войны. Что же стало с этими молодыми офицерами?

Военные приходили к власти, обещая свободу и равенство. Но государство при них быстро превращалось в коррумпированную диктатуру. Власть оказывалась в руках силовиков и бюрократов, а богатство доставалось правящему клану. Критиковать режим становилось

смертельно опасно. Правящая верхушка сажала и либералов, и марксистов, и исламистов – всех, кто мешал наслаждаться неограниченной властью и воровать.

На Арабском Востоке даже в республиках правили династии. И Хосни Мубарак собирался передать власть по наследству, как это сделал сирийский диктатор Хафез Асад, отдав страну сыну Башару. И Муаммар Каддафи выбирал, кого из сыновей поставить во главе государства после себя, да не успел.... Кумиры прежних лет, которыми толпы когда-то восхищались, начисто утратили свое влияние, потому что устроили себе красивую, роскошную жизнь. Люди восстали. Многие не знают, чего они хотят, зато точно понимают, кто и что им не нравится.

Почему симпатии немалой части общества – на стороне исламистов? Они популярны там, где люди недовольны жизнью, а это почти весь Арабский Восток. Популярность исламистов прямо пропорциональна беспомощности правительства. Ислам с его идеями равенства и справедливости – мощное орудие социального и политического протеста.

Исламисты обещают исторический реванш. В их сердцах – обида за то, что арабы оказались на обочине (Запад так вызывающе процветает, а они прозябают), за то, что даже нефтяные деньги не помогли им догнать Запад, за то, что особый, исламский путь развития не принес успеха. «За последние четыреста лет арабы не изобрели ничего стоящего, – безжалостно отмечал немецкий писатель Ханс Магнус Энциенсбергер. – Поэтому все, что необходимо для повседневной жизни в Северной Африке и на Ближнем Востоке, каждый холодильник, каждый телефон, каждая электрическая розетка, каждая отвертка, не говоря уже о продуктах высоких технологий, воспринимается любым думающим арабом как немой упрек».

Исламисты претендуют на передел власти и влияния в мире. Христиан они воспринимают как колонизаторов. Исламисты считают себя жертвами. Требуют компенсации за свои потери и грозят мстостью за перенесенные страдания.

Преимущество исламской культуры перед западной, утверждают исламские теологи, заключается в ее большей духовности. Правда, не очень ясно, в чем это проявляется. Так и советские пропагандисты когда-то утверждали, что социалистическое общество духовно богаче капиталистического... Как правило, в бездуховности высокомерно обвиняют американцев. «Даже если они высадятся на Марсе или облетят Млечный путь, – говорил Хомейни, – счастье, мораль, возвышение души не будут им даны».

Помню разговор в Тегеране с заместителем министра иностранных дел Махмудом Воизи. Он учился в Америке, инженер-электронщик, вернулся сразу после Исламской революции. Что ему так не понравилось в США, за что он так ненавидит американцев? Замминистра задумался:

– Когда началась Исламская революция, вся американская пресса подняла бешеную кампанию против нас. Из-за этой пропаганды к нам стали плохо относиться. Одного иранского студента хозяйка попросила снять со стены портрет Хомейни. В США все оценивается только с материальной точки зрения. А для нас важна духовность.

– И поэтому весь Тегеран увешан лозунгами «Долой США!»?

– И до революции, и после революции американцы вели себя так, что вполне заслуживают такого лозунга, – заместитель министра улыбнулся наивности и неразумности неверных.

Мэр одного из турецких городов выступил против того, чтобы турки чистили зубы. Раньше зубные щетки изготавливались из щетины свиньи, нечистого для мусульман животного, и, по его словам, являются «изобретением сионистов в борьбе с исламом». Мэр потребовал запретить детям «совать в рот эту дьявольскую штуковину».

Фундаменталисты исходят из того, что ислам – не просто религия, а целая система, включающая и политику, и экономику, и общественную жизнь, программа жизни всего человечества. Для них ислам – это решение любых проблем, поэтому они добиваются создания исламского государства, построенного на принципах шариата. Революцию совершили другие,

но исламисты уверены, что наступило их время. В Египте, Йемене, Сирии, Ливии противостояние исламистов и демократов не так значимо. Главная битва разыгрывается внутри самого лагеря исламистов: между умеренными и радикалами.

Пугает то, что инакомыслие в исламском обществе рассматривается как тяжкое преступление или болезнь. Инакомыслящим место в тюрьме – здесь они «познают правду об исламе, сознаются в своих проступках и раскаиваются».

Исламисты приходят навсегда?

Нечто подобное происходило в Алжире, который исламисты хотели превратить в религиозное государство. Страну, которая была колонией Франции с 1830 года, травмировала долгая борьба за независимость.

Война была необыкновенно жестокой – с обеих сторон. Пленных старались не брать. После того как французы ушли, бойцы фронта уничтожили десятки тысяч алжирцев, которые сражались на стороне Франции: им перерезали горло. Целое поколение алжирцев было воспитано в уверенности, что пытки и убийства безоружных – обычное дело.

Алжир повели по социалистическому пути. После обретения независимости большие запасы нефти и газа позволяли молодому государству чувствовать себя уверенно. А когда цены на нефть упали, началась эпоха разочарования в социалистическом режиме, запятнавшем себя коррупцией и полной неэффективностью. И симпатии людей обратились в сторону исламистов.

Алжир превратился в нищее государство с обиженным и несчастным населением. «Братья-мусульмане» нашли сторонников среди разочарованной молодежи. Радикализм распространялся, как вирус, среди студентов и школьников.

Правящей партии – Фронту национального освобождения – пришлось пообещать свободные выборы. Первые парламентские выборы на многопартийной основе прошли в декабре 1991 года. В январе 1992 года армия отменила второй тур голосования, когда стало ясно, что побеждают исламисты.

Общество голосовало против коррумпированной и некомпетентной власти. К тому же исламисты лучше всех подготовились к выборам. Они устраивали грандиозные демонстрации по всей стране, и каждую пятницу десятки тысяч собирались послушать священнослужителей в мечетях.

Военные запретили Исламский фронт спасения и объявили чрезвычайное положение. Это стало оправданием для тотального террора. Исламисты говорили: раз прийти к власти путем демократических выборов невозможно, придется обратиться к джихаду. Они ушли в подполье и объявили властям войну. Алжир погрузился в насилие.

Подвиги террористов, безнаказанно убивающих государственных чиновников, создали им ауру загадочности и привлекали на их сторону молодежь. Юные алжирцы говорили о подпольщиках с восхищением. Появилась еще более пугающая организация – Вооруженная исламская группа. Она состояла из безработных и неграмотных молодых людей, которых учили в подпольных медресе. Они, похоже, искренне верили, что, убивая ребенка, спасают его душу и сами становятся ближе к Аллаху.

Вооруженная исламская группа начала тотальный террор в стране. По ночам молодые парни с ружьями, топорами и длинными ножами врываются в деревни. Расстреливали мужчин, перерезали горло женщинам и детям и исчезали в темноте. Перерезать горло ножом – это называлось «кабульской улыбкой».

Люди не понимали, почему армия и спецслужбы не могут спасти их от расправ? Террористы свободно действовали в стране, где если собрались пятеро, то четверо из них –

непрерывно агенты полиции.

Когда исламисты нападали на деревню, солдаты не спешили прийти на помощь, хотя их казармы иногда находились совсем рядом. На совести правительства полицейские расправы, секретные расстрелы, таинственные исчезновения людей, которых, видимо, убивают спецслужбы. Больше всего убийств совершалось в районах, жители которых на выборах голосовали за исламистов. Возникло подозрение, что власти не вмешиваются, словно мстя им, и, желая им смерти, оставляют наедине с воинственными исламистами. Военные сами стирали с лица земли целые деревни, жителей которых подозревали в симпатиях к исламистам. Исламисты передевались в военную форму, и скоро стало невозможно понять, то ли это исламисты, то ли сами военные, уничтожающие сторонников джихада.

К марту 1994 года казалось, что страна в руках исламистов, и, тем не менее, радикализм удалось подавить. Как? Алжирские власти осознали, что не надо разыгрывать исламскую карту, не надо выставлять себя бóльшими исламистами, чем боевики. Напротив, единственное средство в борьбе с терроризмом, с радикализмом – это демократия, прежде всего политическая свобода, разномыслие.

В конце 1995 года прошли первые полноценные президентские выборы. За ними последовали другие. Конечно, они еще не отвечали всем стандартам демократии, но уже создавали эту культуру. Если есть возможность выразить свое мнение, если можно голосовать за тех, кто симпатичен, то радикалов поддерживает меньшинство.

В июне 1999 года Армия исламского спасения – военное крыло Исламского фронта спасения – заявила, что прекращает боевые действия. С каждым выбором падала доля голосов, отдаваемых за исламистов. В 2004 году на президентских выборах эта доля составила всего один процент.

Алжирский опыт некоторым образом учили в Саудовской Аравии, где озаботились перевоспитанием молодых радикалов.

Молодые саудиты из Аль-Каиды, пойманные американскими войсками в Ираке, отправляются не в мрачный концлагерь Гуантанамо на Кубе, а передаются саудовским властям для перевоспитания, в центр, расположенный под Эр-Риядом. Там проводится эксперимент по перевоспитанию бойцов джихада в надежде смягчить их непримиримость и вернуть к обычной жизни.

Центр охраняется полицией, но внутри больше похож на студенческий городок. Им не надо носить тюремную форму. Они гуляют, играют в пинг-понг, волейбол и компьютерные игры. Их кормят бараниной, рисом, угощают пепси. Чтобы попасть туда, пойманные поклонники Аль-Каиды должны согласиться на перевоспитание. Приглашали две тысячи бойцов, каждый пятый отказался и проследовал в тюремную камеру.

Программу разработали священнослужители, психиатры и социологи. Лекции читают священнослужители, назначенные министерством по исламским делам. С молодыми людьми беседуют психиатры. Убеждают в том, что они ошибались, но вполне могут стать полноценными подданными Саудовской Аравии. Объясняют, что воевать с Советским Союзом в Афганистане в свое время было правильно, потому что соответствовало интересам Саудовской Аравии и мусульманского мира, а сражаться против собственной власти – неправильно.

Несколько сотен человек уже покинули центр и вернулись к обычной жизни. За ними наблюдают. Первое время им дают деньги – примерно семьсот долларов в месяц, покупают новую машину. Членов семьи просят присматривать за ними. Очень поощряется женитьба и обзаведение детьми. Это, как считается, отвлекает от мыслей о джихаде.

Островок стабильности

Нищие арабские массы Ближнего Востока требуют социальной справедливости. Местные властители пытаются сохранить контроль над бунтующим миром, но и палец о палец не ударят, чтобы улучшить жизнь собственных народов. Поэтому уступают под напором исламских радикалов. Хотя есть и островки стабильности, скажем, Объединенные Арабские Эмираты...

Кто же теперь поверит, что в тассовском справочнике 1926 года эта территория именовалась «Пиратским побережьем»: «Пиратское побережье занимает узкую береговую полосу в южной части Персидского залива площадью в четыре тысячи квадратных километров. Главные города: Абу-Даби – шесть тысяч населения, Дубай – главный порт – двадцать тысяч... Фактическая власть над побережьем находится в руках английского резидента. Население занимается главным образом добыванием жемчуга...»

А также пиратством! Здесь существовало рабовладение. В 1929 году нищета стала беспросветной – когда рухнул рынок жемчуга, потому что с мировым экономическим кризисом упал спрос на предметы роскоши и драгоценности. Вторым ударом стало разведение в Японии искусственного жемчуга, и он вытеснил с прилавков тот, что добывали ныряльщики в Персидском заливе.

История этого государства делится на два периода: до открытия нефтяных месторождений и после. До – это бедуинская пустыня, где ездили на верблюдах. После – это форпост модернизации на Ближнем Востоке.

Еще в 1940–1950-е здесь с трудом выживали. Ни дорог, ни электричества, ни водопровода, ни медицины. Страшной бедой было отсутствие воды, пригодной для питья. Соленая вода с высоким содержанием опасных примесей была настолько ужасной, что множество людей умирало от заболевания почек. Фильтры, очистка воды оставались недостижимой роскошью.

Нефть нашли на шельфе в 1968 году. В 1971-м британцы покинули Персидский залив. Семь эмиратов объединились в федерацию. А в 1973 году, после Октябрьской войны на Ближнем Востоке, цены на нефть взлетели до небес.

Поначалу в Эмиратах мечтали только о чистой воде и о врачах. Даже и не знали, что еще может дать нефть. Четыре с половиной десятилетия спустя Эмираты – самое процветающее государство в регионе. Память о нищете испарилась.

Исламисты неизменно воспринимаются как реакционная, консервативная сила, а ислам – как религия, которая мешает модернизации. Во всяком случае, так принято считать в немусульманском мире. Но есть исламские государства, которые демонстрируют не только устойчивый экономический рост, но и постепенное движение к политической демократии.

При жизни двух поколений изолированные и бедные общины Персидского залива превратились в богатое и современное государство. Нефть катапультировала бедуинов в глобализированный мир. Небоскребы выросли на песке, как по мановению руки. До открытия нефти это было сонное царство, где время словно остановилось. После – это динамичное, невероятно быстро развивающееся общество. Бабушки и дедушки современных жителей эмиратов и представить себе не могли такую жизнь.

Дубай играет большую роль в финансировании деликатных торговых сделок. Так доставлялось золото в Индию и Пакистан, где такая торговля запрещена, вывозилась тайком нефть из Ирака при Саддаме Хусейне, что запрещалось санкциями ООН, и поставлялись в Иран те товары, которых западные державы хотели лишить иранцев.

В Эмиратах пять миллионов жителей, сорок семь банков и больше ста меняльных контор. В основном их держат индийцы, пакистанцы или другие иностранцы. Они не хотят терять

работу и безоговорочно выполняют указания своих богатых клиентов, не задавая лишних вопросов.

Когда Афганистаном правили талибы, Дубай торговал с Афганистаном. Эмираты – одна из трех стран (помимо Пакистана и Саудовской Аравии), которые поддерживали дипломатические отношения с режимом. В Дубае Осам бен Ладен приобрел сотни подержанных грузовиков «Тойота» – талибы использовали их как современную кавалерию в боях с Северным альянсом.

Служащие гостиниц, продавцы, работники авиакомпаний, водители, садовники, повара, горничные – всё это приезжие. В разных странах выстраиваются очереди из желающих поехать на работу в Эмираты. Без приезжих страна едва ли достигла бы столь впечатляющих успехов. Над местными жителями здесь принято посмеиваться, дескать, они ничего не умеют, за них работает нефть. Но это не так. По соседству есть и другие страны, где много нефти, но их не назовешь процветающими. Эмираты – пример успешного хозяйствования. Одна из причин – здесь заботятся не только о материальном благополучии граждан, но и следят за тем, чтобы исправно действовали социальные лифты.

Отсутствие революционной ситуации в Эмиратах можно было бы объяснить старой формулой: коренные жители не хотят, а приезжие не могут. Хотя на самом деле основа стабильности – это превентивная политика, смысл которой в том, чтобы решить проблему раньше, чем ситуация станет безвыходной и люди взорвутся.

Основатель Эмиратов – шейх Зайд ибн Султан ан-На-хайян – родился в пустыне – в бедуинском шатре, в 1918 году. Он руководил единой страной три с лишним десятилетия до самой смерти в 2004 году. Его достижения: бесплатное образование, гарантированная работа, выделение жилья, завидные пенсии, субсидии при оплате счетов за воду и электричество, различные пособия – при вступлении в брак, при рождении детей...

В 1992 году шейх Зайд создал из своих средств фонд, который финансирует строительство культурных и научных центров, помогает жертвам стихийных бедствий. А также дает небогатым женихам деньги, чтобы они могли заплатить калым, выкуп за невесту. Максимальная сумма – двадцать тысяч долларов. Традиция платить выкуп имеет практический смысл: снабдить женщину деньгами на случай развода или смерти мужа.

Он же – в день своей смерти – назначил первую женщину-министра.

На дороге всегда узнаешь машину коренного жителя. Только им разрешено тонировать стекла – чужие не должны видеть лица их жен. Здесь разрешено многоженство. Но хотя еще недавно женщины здесь могли играть какую-то роль в жизни общества и государства только как жены или матери, теперь они могут рассчитывать на большее.

Эти люди построили себе мир, в котором им комфортно. Они боятся одного: хватит ли им сил управлять этим миром? Выросло целое поколение, избалованное современной цивилизацией: «Что с нами случится, если кончатся нефть и деньги? Мы просто не знаем, как жить на этой земле – без больших денег. Навыки существования в пустыне утеряны».

Вот почему Абу-Даби и Дубай тратят миллиарды долларов на диверсификацию экономики, снижая зависимость от нефтяного сектора. В 1980 году экспорт нефти составлял семьдесят три процента валового внутреннего продукта, в 1998 – тридцать два процента, в 2010 – всего десять. Деньги вкладываются в развитие банковского дела, торговли, туризма. Появились отличные дороги, порты, аэродромы, высокоразвитая инфраструктура. Заводы по опреснению воды позволяют развивать в пустыне сельское хозяйство. Соседи не без зависти говорят: жители Эмиратов ездят по миру, выбирают, что им нравится, и дома строят то же самое. Страна похожа на детскую комнату, по которой разбросано множество любимых игрушек.

Газеты не критикуют правительство. Нельзя печатать ничего, что нанесет ущерб правящим семьям всех семи эмиратов, и подвергать сомнению их решения. Каждый из эмиратов – абсолютная монархия. Но существует необходимость договариваться и учитывать многообразие интересов различных групп.

Между эйфорией и отчаянием

Захотят ли и смогут ли на Арабском Востоке коренным образом переменить свою жизнь – вот главный вопрос. Может быть, ислам – неподходящая основа для развития демократии и экономического успеха, в отличие, скажем, от буддийско-конфуцианской культуры китайцев, корейцев, японцев или католико-протестантских традиций немцев и англосаксов?

Демократии не хватает и другим неарабским исламским странам. Но не исламским странам в других регионах. Турция, Индонезия, Малайзия – вполне успешно движутся вперед. Может быть, дело в нефти? В Саудовской Аравии огромные запасы черного золота. А в Сирии ее нет. Но оба государства – автократии.

Не хватает демократии странам, которые после смерти пророка Мохаммада в 632 году были захвачены арабскими армиями. Калифы, наследовавшие пророку, к 1100 году сильно расширили исламский мир. На юге дошли до Сомали, на севере – до Иберии и восточной Анатолии, на востоке – до современного Таджикистана, почти до границы с Китаем.

Вот в этих границах существуют большие трудности с демократией. Оккупация изменила общество, сделала его автократическим. Властители вербовали армию из рабов, отказываясь от институтов гражданского общества. Религиозные лидеры сотрудничали с армией, чтобы устранять любых конкурентов. Такой вывод делает Эрик Чейни, профессор экономики в Гарвардском университете, чья работа привлекла внимание востоковедов.

Такие страны, как Испания, где исламские институты существовали недолго, пережили иную историю. Исламские страны, не пережившие тогда оккупацию, идут иным историческим путем. Ирану или Чаду не хватает демократии. А такие же исламские страны, например Индонезия или Малайзия, развиваются вполне нормально.

История последних десятилетий показала, что страны, которые не были когда-то захвачены арабскими армиями, демонстрируют устойчивое стремление к демократическому развитию. Там сложилось разделение власти между военными и религиозными элитами.

Дело не в исламе как таковом. Ключевую роль сыграла политическая система, принесенная на штыках арабской армии. Структуры контроля над обществом сформировались в исламских империях достаточно давно. Они породили слабые общества, где власть принадлежит военным или религиозным властителям. Страны, которые арабы контролировали в XII веке, и по сей день экономически слабы. Сама политическая система отравляет экономическую почву, мешает и политическому, и экономическому плюрализму. Обратная сторона сильной власти – слабый класс промышленников, купцов, бизнесменов и в значительной степени огосударствленная экономика. В этих обществах религиозные партии имеют преимущества в организации и идеологии. Нет конкуренции.

И после обретения независимости, после деколонизации, новая власть старательно мешала появлению самостоятельных социальных слоев – купцов и бизнесменов. Результат: и по сей день правительства непосредственно управляют экономической жизнью, отсюда непомерно большая доля государственных предприятий. В этих государствах слабая юридическая система, множество ограничений мешает развитию экономики. Здесь меньше профсоюзов и незначительно их влияние. Тем не менее движение существует. Волна протестов 2011 года была немыслима прежде.

Так что отставание – результат не религиозных верований. Виной тому традиции, когда власть сосредотачивается в руках небольших групп. Они не давали появиться другим центрам власти – конкурентам. Результат: концентрация власти в руках немногочисленных групп и слабое гражданское общество. Прогресс менее вероятен там, где у религиозных лидеров нет сильных политических конкурентов. Если сегодня исламистов не контролировать и не ограничивать во власти, они установят такое же жесткое правление.

Можно ли говорить, что история – это судьба? Арабский мир способен выскользнуть из своего авторитарного прошлого. С ростом числа образованных людей усиливается недовольство ограниченностью экономических возможностей и рождается политическое возмущение. Но бедность институтов гражданского общества – препятствие на пути развития демократии. От прошлого надо уметь отказаться.

Праздник революции длится недолго. Революция – это трагедия, это плата за неспособность и нежелание власти справляться с возникающими проблемами. После свержения очередного властителя ожидают немедленного улучшения жизни. Но когда рушится диктатура, страна погружается в хаос. Прежняя жизнь развалилась, а навыка самоорганизации у жителей арабских стран нет. В растерянности и отчаянии они требуют порядка и стабильности и ждут, что кто-то за них все наладит.

Так происходит везде: хаос и беспорядок заставляют людей жаждать твердой власти, а уж власть устраивает свою жизнь с максимальным комфортом. Или же происходит радикализация, потому что экстремистам ухудшение ситуации только на руку. Чем хуже, тем лучше, говаривал товарищ Ленин.

Арабская весна завершается. Кому достанутся ее плоды? Будущее арабского мира – долгое противостояние между армией, бюрократией и исламистами. Усиление роли ислама в общественной и политической жизни неизбежно. Арабская весна дает шанс религиозным фундаменталистам. Если, конечно, не будет найден баланс между теми, кто понимает важность обновления и модернизации, и теми, кто требует возвращения к истокам и жизни по шариату.

Народные восстания в арабских странах показали, что мирные демонстрации позволяют добиться большего, чем кровавый террор. В Египте молодежь за несколько недель смогла совершить то, что оказалось невозможным для исламистских радикалов. У молодежи, студентов, интеллигенции на улицах и площадях было в избытке энтузиазма, но не хватало организованности и политического опыта исламистов.

Подполье научило их терпению. Годы преследований – жестокости. Они привыкли выживать и не знают, что такое компромисс. Они – единственная политическая сила с простой и ясной программой. И у них есть спаянная организация. А демократические силы просто не имели возможности выжить и сформироваться.

Исламисты знают, какую цену придется заплатить за неудачу. Они помнят кровопролитие в Алжире. Не хотят повторять этот путь. Действуют осторожно. Не спешат с радикальными лозунгами. Говорят о политическом плюрализме и свободной экономике. Они даже готовы предложить Западу партнерство в противостоянии боевикам Аль-Каиды и шиитскому Ирану.

Они достаточно практичны. Скажем, шариат запрещает давать деньги в рост, что как бы подрывает саму возможность банковского дела в исламском мире. Но появились беспроцентные исламские банки, которые не нарушают шариат. С клиентом заключается договор о партнерстве. Если вкладчик приносит деньги, то в договоре указывается сумма, которую он получит по истечении определенного времени – слово «процент» просто не упоминается.

Президент Египта Мохаммад Мурси вырос в бедной деревне. Учился инженерному делу в Каирском университете, а через три дня после свадьбы улетел в США. Писал диссертацию в

Лос-Анджелесе, в Университете Южной Калифорнии. Его жена, выучив в Каире английский язык, прилетела к нему. Чем же она занималась в Лос-Анджелесе? Переводила на английский проповеди для женщин, желающих перейти в ислам. Именно в Лос-Анджелесе супруги Мурси присоединились к «Братьям-мусульманам». Этот шаг изменил их жизнь. «С самого начала от нас ничего не скрывали, – рассказывала жена президента. – Нам объяснили, что дорога будет долгой и полной опасностей».

После возвращения в Египет Мохаммад Мурси отсидел семь месяцев. Его дети тоже участвовали в политической деятельности – их арестовывали и били. В 2000 году Мурси избрали депутатом парламента, и он стал руководителем фракции «Братьев-мусульман»...

Исламисты годами учились сосуществовать с авторитарными режимами, но они ничего не знают о свободе и плюрализме. Через два года после Арабской весны исламисты кажутся полными победителями. И звучат горькие слова, что за Арабской весной последовала исламская зима. Исламисты выигрывают выборы и обещают покончить с демократией максимально быстро. Они хотят лишить арабских женщин свобод, ими завоеванных, запретить открытые купальные костюмы на туристских пляжах и передать юридическую власть священнослужителям.

Но растет сопротивление исламу.

Мулла сказал в мечети во время проповеди: «Критикующий президента хуже еретиков, напавших на пророка в Мекке». И с почтением передал микрофон самому президенту Мурси, чтобы он обратился к народу. Но тот и слова не успел сказать. «Долой Мурси! Долой „Братьев-мусульман“! Нет – тирании!» – закричали сотни людей. Им невыносимо было слышать сравнение президента с пророком. Окруженный охранниками, президент вынужден был уйти. Сотни тысяч собираются на главной площади Каира, чтобы протестовать против действий президента, как когда-то против Мубарака.

Нельзя забывать, что какими бы либеральными ни были революции Фейсбука, соперничество шиитов и суннитов сильнее Твиттера и демократии. Два крупнейших государства в исламском мире оказались также двумя полюсами в исламе: Египет олицетворяет суннизм, Иран – шиизм. Шиизм и возник как форма протеста иранцев против трехвековой арабской оккупации, против суннизма арабов-захватчиков.

То, что происходит на наших глазах, это война всех против всех.

Молодежь, вооруженная лишь мобильными телефонами, – против истеблишмента с танками и самолетами. Силовые структуры, не ограниченные ни в методах, ни в средствах, – против исламистов с их большим опытом подпольной деятельности. Шииты, привыкшие существовать в кольце врагов, – против суннитов.

Самое точное высказывание принадлежит человеку, который пережил эпоху революций. «Старой Европе приходит конец, – писал князь Меттерних, – но новая Европа еще не родилась. А между Концом и Началом будет хаос».

Варианты развития событий любые: от военного переворота до исламского режима, от гражданской войны до распада. Но что бы ни произошло, возвращение к прошлому едва ли возможно.

После потрясшей Европу революции 1848 года там появились странные политические гибриды – более отвечающие требованиям своего времени и одновременно авторитарные. Характерный пример – Пруссия при канцлере Бисмарке. В Египте, похоже, возникает такой же гибрид – при значительной роли военных.

Почему Арабская весна не привела к власти демократические силы?

Демократия требует сноровки и тренировки. Военные режимы держали народ в бесправном положении. Когда власть в руках одного человека, система очень слаба: все

делалось по приказу – а если нет прямого приказа, то ничего и не делается. Люди утратили навык разумной самоорганизации, да им это и не позволялось. В арабских странах не было политических структур и общественных организаций, готовых принять на себя ответственность за происходящее в стране.

Но вот что убедительно доказала Арабская весна: только демократическое устройство делает государство крепким, устойчивым и спасает от гражданской войны. Диктатура – свидетельство внутренней слабости страны. Смена первого лица влечет за собой падение режима, а то и разрушение государства.

И чем дольше длится диктаторское правление, тем страшнее опасность для страны, тем больше она лишается внутренней силы. Ирак, где один жестокий властитель сменял другого, вот уже сколько лет не в состоянии вырваться из гражданской войны. Ливия, которая не знала иного правления, кроме диктаторского, разваливается, превращаясь в регионально-племенную конфедерацию. А Тунис и Египет, где все-таки существовала некая ограниченная демократия, избежали братоубийственной бойни.

Вот почему прежде городская интеллигенция еще как-то мирилась с авторитарным правлением – это меньшее зло. Лишь бы не пришли к власти исламисты! Теперь люди выходят на улицу, требуя демократического правления.

Впрочем, Ближний Восток, от Марокко до Ирана, невероятно разнообразен. Это настоящий калейдоскоп традиций, устремлений, привычек, лиц. Этот регион будет бурлить и переустраивать свою жизнь достаточно долго. Вполне возможно, весь XXI век.

Вместо послесловия

Когда книга уже была практически готова, в Иране сменилась власть.

14 июня 2013 года на президентских выборах победил – причем с большим отрывом от соперников – Хасан Рухани, которого именуют умеренным консерватором. Его избрание истолковали как свидетельство стремления к переменам и реформам.

Во время избирательной кампании Рухани произносил весьма либеральные речи: «Нам нужно сильное общество. Нам следует говорить с людьми. Благожелательно их выслушивать. Нам следует ослабить тотальное господство правительства. Если у нас мощное и квалифицированное правительство, это не значит, что оно должно контролировать все, что происходит, ограничивать людей и их жизнь».

Рухани критиковал цензуру: «Государственное телевидение показывает программу о рождении панды в китайском зоопарке, но ничего не сообщает о рабочих, устроивших протест из-за того, что им не платят в течение шести месяцев!»

На первой же пресс-конференции после избрания президент Рухани сказал, что Соединенные Штаты и Иран должны залечить старые раны и поискать решение давних проблем. Но вот вопрос: что меняется – риторика или суть политики?

Новый президент увидел, что реальная ситуация в экономике страны хуже, чем он предполагал. И вводятся все новые экономические санкции против Ирана. Транспортные компании отказываются доставлять грузы в Иран, который сильно зависит от импорта. Цены растут очень быстро. Поставки продовольствия и лекарств не запрещены, но паромные компании не хотят заключать контракты с Ираном, чтобы не оказаться в черном списке.

В 2013 году доходы бюджета упали больше чем наполовину. Правительству нечем финансировать социальные программы, это грозит массовым возмущением.

Вину за инфляцию и безработицу Рухани возложил на своего предшественника

Ахмадинежада. Но очень скоро за все придется отвечать ему самому. Единственный быстрый способ облегчить положение иранцев – вырваться из удушающих страну санкций. А судьба санкций зависит от исхода переговоров по ядерной программе Ирана.

Скептики полны сомнений: Иран уже далеко продвинулся в ядерных делах – с какой стати ему все бросать и отказываться от достигнутого? Глупо ослаблять давление на Тегеран в тот момент, когда санкции доказывают свою эффективность. Оптимисты уверены, что Рухани готов договариваться и надо пойти ему навстречу. И все задаются одним вопросом: сможет ли он убедить других тегеранских вождей?

Те, кто его знает, ценят таланты Рухани-переговорщика: его гибкость, умение договариваться, приводить к консенсусу различные правящие группы и добиваться исполнения принятых решений в системе, управляемой зашоренными идеологами. Иностранные дипломаты за глаза именуют его «золотым мальчиком» узкого круга властителей страны. Он уверен в себе и не из тех, кем можно манипулировать.

Он участвовал в принятии всех ключевых решений в сфере внешней политики Ирана за последние три десятилетия. Шестнадцать лет был секретарем Совета национальной безопасности. Именно он деятельно содействовал американцам, когда они атаковали общих для США и Ирана врагов: талибов в Афганистане и Саддама Хусейна в Ираке.

Однажды Хасан Рухани потряс иностранных дипломатов во время долгих и тяжелых переговоров относительно ядерной программы. В тот момент, когда наметилась возможность компромисса, но от Тегерана требовались серьезные уступки, Хасан Рухани с легкостью сделал то, чего не может позволить себе ни один из других иранских политиков. Он достал мобильный телефон и набрал номер своего старого армейского друга, вместе с которым они, молодые шиитские священнослужители, еще в шахские времена отбывали обязательную военную службу. И прямо по телефону убедил его в том, что в интересах Исламской Республики Иран приостановить обогащение урана.

Говорил он не с кем иным, как с самим рахбаром – высшим руководителем Ирана – аятоллой Али Хаменеи, сменившим на этом посту имама Хомейни. Все решил один телефонный разговор. В октябре 2003 года удалось достичь договоренности по ядерной программе – первой и единственной договоренности за все годы переговоров с Ираном.

Президент Хасан Рухани – не человек со стороны, не новичок. Он свой в самом узком кругу политического истеблишмента страны. Давними личными узами он связан с теми немногими, кто решает судьбу Ирана. Он – единственный, кто способен заставить других лидеров этого государства согласиться на то, что им не нравится.

Но вот что важно понять: чего желает он сам?

Хасан Рухани родился в маленьком городке в пустыне. «Я был еще совсем маленьким, – писал он в автобиографической книге, – когда мой отец начал говорить родным, что я обязательно стану священнослужителем. Это моя судьба».

В тринадцать лет его отдали изучать ислам – и не куда-нибудь, а в Кум, священный город, где собрался цвет шиитской мысли, где мечеть с золотым куполом величественно возвышается над пустыней. Здесь он познакомился и сблизился с теми, кто после Исламской революции стал во главе Ирана.

Кум был центром противостояния шаху. Рухани вспоминал события августа 1963 года, когда шахская полиция арестовала аятоллу Хомейни: «Мы были готовы к тому, что нас убьют, упрячут за решетку и будут пытаться. Когда мы слышали, что автомобиль въезжает на нашу улицу, мы были уверены, что приехали за нами». Будущему президенту было всего четырнадцать лет.

Он изучал юриспруденцию в Тегеранском университете. Отслужил, как положено, в

армии, – вместе с будущим высшим руководителем Ирана Али Хаменеи. В 1978 году поехал в Великобританию, изучал исламское право в Ланкастере. Должен был писать дипломную работу в Гарварде, но вместо Соединенных Штатов отправился в Париж, чтобы присоединиться к изгнанному аятолле Хомейни.

Рухани был среди тех избранных, кто сопровождал Хомейни в его триумфальном возвращении в Тегеран, потому и стал одной из ключевых фигур нынешнего режима.

Он – прежде всего шиитский священнослужитель. У него невысокое духовное звание, но он посвятил себя Исламской революции. Он считает, что Запад потерпел историческое поражение, потому что христианство капитулировало перед светским государством.

Когда рассуждают о перспективах переговоров, почему-то исходят из того, что сам Рухани готов отказаться от ядерной бомбы. Но разве он расходится с остальными руководителями страны в главном – в том, что Иран должен обладать ядерным оружием?

Его разногласия с другими главными действующими лицами иранской политики скорее стилистические. Ахмадинежаду нравилось эпатировать мировое сообщество, он рассорился со всеми на свете – и ничего не добился! Хасан Рухани – сторонник иной тактики. Однажды в очень узком кругу он объяснил свою позицию: зачем устраивать международные скандалы, хлопать дверью, отказываться от дипломатии? Напротив, именно участие в переговорах и небольшие компромиссы избавляют от санкций и пристального контроля – и создают наилучшие условия для благополучного завершения работы над ядерным проектом.

Тем не менее избрание Хасана Рухани, как выражаются дипломаты, открывает окно возможностей. Удачные мирные переговоры позволят Ирану вернуться к нормальной жизни и немного успокоят его соседей. Неудача может стать предвестьем новой войны и гонки ядерных вооружений на Ближнем и Среднем Востоке, где и так убивают друг друга с неослабевающим ожесточением...